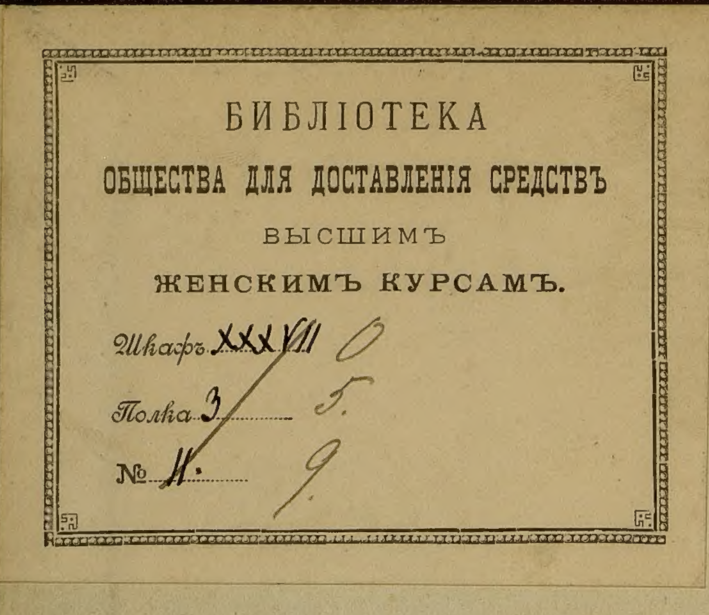




ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ

ТОМЪ IV.

БѢЛОРУССІЯ И СИБИРЬ

А. Н. Пыпина

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., № 28.
1892.


ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5. ЛИН. № 28
(1884)


Лен. Гос. Ун-т

Оканчивая изданіе, которое замедлилось, сверхъ моихъ предположеній, не малымъ количествомъ дополненій, внесенныхъ при новой обработкѣ, — я напомню о назначеніи этого труда. Онъ имѣлъ въ виду не столько тѣсный кругъ спеціалистовъ, сколько болѣе широкій кругъ образованныхъ любителей народовѣдѣнія и начинающихъ этнографовъ: исторія этнографіи, указывающая и основные результаты, ею пріобрѣтенные, тѣснѣйшимъ образомъ соприкасается съ вопросомъ о народѣ, который становится чѣмъ далѣе, тѣмъ, кажется, все болѣе господствующимъ интересомъ общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ эта исторія намѣчаетъ пріемы и особливо настоятельныя задачи дальнѣйшаго изслѣдованія.

Я предполагалъ остановиться на главнѣйшихъ замѣчаніяхъ, которыя были вызваны книгой, но въ концѣ концовъ отложилъ это намѣреніе. По сущности предмета—по связи этнографіи съ развитіемъ понятій о народной жизни и народности—я долженъ былъ коснуться теорій этого рода, философско-историческихъ и общественныхъ, которыя въ разное время излагались и получали то или другое значеніе въ нашей литературѣ; встрѣтиться съ противорѣчіемъ, особливо съ предвзятыми мнѣніями, было здѣсь неизбѣжно. Спорить съ такими мнѣніями — дѣло неблагодарное, потому что безплодное; внимательный читатель съумѣетъ разобраться въ замѣчаніяхъ критики по предметамъ, имѣющимъ цѣлую обширную литературу и о которыхъ мнѣ также случалось говорить подробнѣе въ другихъ работахъ. Съ одной стороны упрекали меня, что я оспаривалъ извѣстныя ученія, какъ уже утратившія силу, —когда, въ дѣйствительности, онѣ въ измѣненной отчасти или въ той же формѣ цѣлы по сію минуту, а съ другой мнѣ ста-

вили въ вину, что я недостаточно высоко ихъ оцѣнивалъ. Между прочимъ мнѣ указывалось также, что новѣйшее „народничество", въ извѣстныхъ условіяхъ, можетъ составить гораздо болѣе значительное движеніе, чѣмъ я полагалъ; я не отрицаю возможности этого лучшаго развитія, но въ нынѣшнихъ формахъ „народничества", при самомъ широкомъ внѣшнемъ его распространеніи, одна черта всегда помѣшаетъ ему стать истинно плодотворной движущей силой: это—примѣсь обскурантизма, сознательная или безсознательная, которая несомнѣнно присутствуетъ во многихъ проявленіяхъ современнаго народничества и, пока и на сколько присутствуетъ, будетъ дѣлать его безплоднымъ, даже вреднымъ.

Великое значеніе науки, въ томъ числѣ и этнографическаго знанія, состоитъ въ томъ, что, собирая и анализируя точные факты, она устраняетъ построенія, хотя бы продиктованныя наилучшими побужденіями, но произвольныя или даже фантастическія, и правильной критической оцѣнкой фактовъ открываетъ путь здоровому идеализму, который можетъ жить только въ союзѣ съ этой наукой и просвѣщеніемъ.

А. Пыпинъ.

Декабрь, 1891.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ второй. Сибирь.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

БѢЛОРУССІЯ.

ГЛАВА I.

Историческія замѣчанія.

Древнія времена.—Бѣлорусское племя.—Вліянія Литвы и Польши.—Отношенія къ Москвѣ. — Положеніе западно-русскаго народа въ XVIII вѣкѣ. — Раздѣлы Польши: присоединеніе Бѣлоруссіи.—Возстановленіе русской народности и православія.—Времена Павла I, Александра I, Николая.—Польское возстаніе.—Новѣйшее положеніе западнаго края.

Можетъ быть поставленъ вопросъ: существуетъ ли „бѣлорусская этнографія", т.-е. слѣдуетъ ли трактовать отдѣльно матеріалъ, относящійся къ этой западной отрасли русскаго племени? Существуетъ ли самая бѣлорусская народность?

Бѣлорусское племя обратило на себя особенное вниманіе нашей этнографіи только въ послѣднія десятилѣтія, именно со времени послѣдняго польскаго возстанія. До тѣхъ поръ у насъ интересовались Бѣлоруссіей и знали ее очень мало сравнительно съ тѣми, довольно многочисленными и частію прекрасными, работами по изученію этого края, какія сдѣланы были особенно въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. Со времени польскаго возстанія, относительно бѣлорусской народности сдѣлано было чуть не открытіе: масса общества, прежде имѣвшая очень смутное представленіе о западномъ краѣ, вслѣдствіе переполоха, произведеннаго возстаніемъ, внезапно увлеклась соображеніемъ, что этотъ край—русскій. Это соображеніе было для большинства какъ будто новостью, и эта новость усердно пропагандировалась: къ мѣропріятіямъ административнымъ, утверждавшимъ русскія качества этого края, присоединились въ томъ же смыслѣ мѣропріятія публицистическія и ученыя — въ области археологіи и этнографіи. Доказывалось не только то, что край этотъ—русскій, но что западно-русская или бѣлорусская народность даже не существуетъ: до такой степени она составляетъ то же единое русское племя

1*

безъ всякаго отличія отъ его коренной массы, что „Бѣлоруссія“ есть только географическій терминъ [1]).

На этомъ основаніи не было бы надобности выдѣлять бѣлорусскую народность и подвергать ее спеціальному изученію; между тѣмъ это дѣлалось давно и дѣлается до сихъ поръ. Въ чемъ же дѣло? Что бѣлорусское племя, по своему происхожденію и по основнымъ чертамъ своего этническаго характера, принадлежитъ къ общему русскому цѣлому, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія: въ послѣднее время, наблюденія надъ языкомъ и бытомъ убѣждаютъ, что вѣтвь бѣлорусская находится въ ближайшемъ родствѣ именно съ великорусскою отраслью, въ противоположность отрасли малорусской, болѣе отдаленной отъ обѣихъ,—но сказать, что нѣтъ никакихъ этнографическихъ отличій бѣлорусскаго племени, значитъ отказаться отъ изслѣдованія. Существованіе бѣлорусскаго „племени“ не подлежитъ сомнѣнію: вопросъ идетъ только о томъ, насколько и въ какихъ сторонахъ своего характера это племя отличается отъ того великорусскаго, которое составило зерно и господствующую народность русскаго государства? Отвѣтъ на это даютъ исторія племени, его языкъ и бытовыя черты.

Писанная исторія не знаетъ на пространствѣ древней Руси единаго однороднаго племени и, напротивъ, указываетъ цѣлый рядъ племенъ, которыя лѣтописецъ очевидно считаетъ принадлежащими къ одному цѣлому, но на частной отдѣльности которыхъ онъ настаиваетъ, упоминая нѣсколько разъ, что это были отдѣльные роды, сѣвшіе на разныхъ мѣстахъ и имѣвшіе каждый свои обычаи; нѣкоторымъ изъ этихъ родовъ, въ самой глубинѣ Россіи, онъ приписывалъ даже ляшское происхожденіе, какъ въ Новгородѣ особеннымъ образомъ отличаетъ „словенъ“. Племенныя названія приведены у Нестора весьма отчетливо, съ указаніемъ географическаго положенія; впослѣдствіи эти племенныя названія забываются (слѣдъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранился въ мѣстныхъ географическихъ названіяхъ соотвѣтственныхъ краевъ) и входятъ въ употребленіе названія „земель“ или княженій. Начинавшееся объединеніе, которое создавалось близкой родственностью племенъ, христіанствомъ, господствомъ

---

[1]) Такъ, напр., говорится въ книгѣ, предназначенной для популярнаго чтенія: „Названіе Бѣлоруссіи есть географическій терминъ и не имѣетъ особеннаго этнографическаго значенія, такъ какъ *ни* особенной народности, *ни даже* особеннаго племени бѣлорусскаго не существовало (только Костомаровъ признаетъ шесть особенныхъ народностей, въ томъ числѣ и бѣлорусскую)“... Способъ выраженія неясный: потому что „особенная народность“ и „особенное племя“—одно и то же. Но дальше, въ той же статьѣ, упоминается особенное „нарѣчіе бѣлорусское“. См. Энциклопедическій Словарь, Березина, s. v.

князей одной династіи, возникшей письменностью, военными походами и развивавшимися торговыми сношеніями, это объединеніе не могло, однако, скоро стереть тѣхъ мѣстныхъ бытовыхъ особенностей, какія существовали раньше; какъ въ цѣлой жизни древней Руси новая культура, открывшаяся съ христіанствомъ, долго не могла преодолѣть стараго обычая (благочестивые люди еще въ XIV столѣтіи жалуются на народное двоевѣріе, слѣды котораго хранились, какъ извѣстно, долго послѣ), такъ, въ частности, новыя условія быта долго не могли стереть и тѣхъ отличій, какія отдѣляли въ древности разныя части русскаго племени другъ отъ друга. „Поляне", „древляне", „радимичи", „вятичи", „дреговичи", „кривичи" и т. д. ко временамъ лѣтописца уже не называются этими именами и обозначаются политическими названіями земель и княженій, но безъ сомнѣнія еще оставались полянами, древлянами и т. д. по старымъ племеннымъ особенностямъ. Публицисты, полагавшіе, что Бѣлоруссія есть только географическій терминъ, т.-е. что бѣлоруссъ не отличается ничѣмъ отъ всякаго русскаго, забываютъ, какъ произошло образованіе позднѣйшихъ оттѣнковъ русскаго племени: считаемъ не лишнимъ остановиться на этомъ, потому что въ этихъ рѣшеніяхъ отражается довольно обыкновенное въ популярномъ обращеніи непониманіе, и онѣ еще плодятъ это непониманіе. Многимъ у насъ какъ будто кажется, напр., что бѣлоруссы (какъ и малоруссы) составляютъ просто отрасль вполнѣ сформированнаго уже въ древности, цѣльнаго русскаго народа, отрасль впослѣдствіи болѣе или менѣе попорченную, тогда какъ главный русскій народъ, создавшій единодержавное русское государство, остался „чистымъ", подлиннымъ, неиспорченнымъ русскимъ народомъ. Но простыя показанія новыхъ историческихъ и филологическихъ изслѣдованій представляютъ дѣло совсѣмъ иначе: этого древняго единаго „чистаго русскаго" народа не было; онъ только началъ складываться въ извѣстную цѣльность въ то время, когда первобытная жизнь русской земли была нарушена разнородными внутренними и внѣшними событіями. Въ средѣ племенъ начиналось сближеніе, бывшее предвѣстіемъ того объединенія, которое совершилось потомъ въ Москвѣ и которое имѣло своимъ гнѣздомъ и наиболѣе удобной почвой княжества сѣверо-восточныя; между тѣмъ, къ тому же и немного болѣе позднему времени, произошелъ внѣшній разгромъ русскихъ земель съ нашествіями татаръ и литовцевъ, и когда на сѣверо-востокѣ, наперекоръ татарскому игу, созрѣваетъ московское единодержавіе, русскій юго-западъ, покоренный Литвою, образуетъ особое княженіе, и черезъ политическія связи съ Польшей начинаетъ тяготѣть волею и неволею къ этой послѣдней. Весьма возможно, что въ другихъ историческихъ условіяхъ, напр., если бы

московское царство сложилось и окрѣпло не къ XVI—XVII вѣку, а нѣсколькими столѣтіями раньше, иначе сложилась бы и жизнь племенная,—но въ тѣхъ данныхъ, какія образовались съ татарскимъ и литовскимъ нашествіями, съ политическимъ разъединеніемъ и ослабленіемъ всего тогдашняго русскаго міра, жизнь племенная стала невольно сживаться съ тѣми условіями, какія давались внѣшними событіями. Русскій сѣверъ былъ отдѣленъ отъ русскаго юга и запада; скрѣпились отдѣльныя племенныя группы, подъ вліяніемъ различныхъ бытовыхъ условій, и тѣ зародыши племенной индивидуальности, которые могли бы стереться въ общеніи съ другими частями своего собственнаго родного цѣлаго, теперь начинаютъ развиваться отдѣльно, все больше давая мѣсто частнымъ отличіямъ. Въ эту среднюю эпоху уже опредѣляются тѣ характерныя черты, которыя лежатъ въ основѣ трехъ главныхъ нынѣшнихъ отраслей русскаго племени: великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго. Образованіе ихъ шло почти параллельно. И замѣтимъ, что въ основѣ процесса, совершавшагося въ языкѣ, лежали все-таки не однѣ упомянутыя внѣшнія причины, которыя играли только второстепенную роль, а гораздо болѣе давнія мѣстныя племенныя стихіи; отличія русскаго сѣвера и юга по языку возводятъ теперь, въ отдѣльныхъ случаяхъ, еще къ XI-му вѣку, и если представить себѣ, что объ этомъ русскомъ языкѣ XI-го вѣка мы имѣемъ только весьма неполныя свидѣтельства, то можно думать, что діалектическія отличія были болѣе обширны, чѣмъ намъ теперь извѣстно. Отличія русскаго сѣвера и запада менѣе значительны, чѣмъ отличія сѣвера и юга, и наблюдаются въ памятникахъ позднѣе, но, во всякомъ случаѣ, онѣ являются раньше, чѣмъ началось польское вліяніе, которое такъ сильно возобладало въ бѣлорусской письменности и книжности съ XV—XVI вѣка, и въ которомъ находили прежде единственную причину отдаленія бѣлорусской рѣчи отъ великорусской.

Такимъ образомъ, бѣлорусскій языкъ или нарѣчіе не происходитъ отъ великорусскаго, а развивается одновременно съ нимъ изъ близко родственныхъ, но отдѣльныхъ племенныхъ элементовъ и въ весьма различной политической и бытовой обстановкѣ.

Различіе бѣлорусскаго нарѣчія отъ великорусскаго, какъ мы замѣтили, гораздо меньше, чѣмъ различіе великорусскаго и малорусскаго: сѣверныя русскія племена (на востокѣ и западѣ) были ближе другъ къ другу, и въ настоящее время нѣкоторые филологи полагаютъ возможнымъ считать бѣлорусское нарѣчіе какъ бы вѣтвью южно-великорусскаго. Дальнѣйшія изслѣдованія бѣлорусскаго языка и обычая безъ сомнѣнія ближе опредѣлятъ эти степени родства и процессъ образованія нынѣшнихъ этнографическихъ отличій; но оче-

видно во всякомъ случаѣ, что основой бѣлорусскаго племени и нарѣчія были тѣ старыя племена, которыя сидѣли на сѣверо-западѣ древней Руси, кривичи, дреговичи и пр., и въ особенности первые, главными пунктами которыхъ были Полоцкъ, Изборскъ и Смоленскъ, но которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ очень древняго времени распространялись и далѣе на востокъ, содѣйствуя русской колонизаціи бассейна Оки и верхней Волги, гдѣ потомъ возобладало племя великорусское. Такимъ образомъ, съ одной стороны, племена западнаго края участвовали своими отпрысками въ образованіи самого племени великорусскаго; съ другой, оставаясь на мѣстѣ, сохранили и развивали отдѣльно свои первоначальныя мѣстныя особенности. Тѣ объединительныя стремленія, которыя возникаютъ въ русскомъ племени съ самаго начала древней исторіи въ христіанствѣ, въ общей грамотѣ, одной княжеской династіи и пр.,—по внѣшнимъ препятствіямъ не были доведены до конца и хотя надолго оставили слѣды и въ западной Руси, но затѣмъ все болѣе сильное дѣйствіе стали оказывать другія условія, гдѣ исторія западнаго края пошла уже особнякомъ, гдѣ все больше терялась прежняя связь съ массою русскаго восточнаго племени. Это были отношенія литовскія и польскія, вмѣшательство католицизма и уніи, все возраставшее вліяніе польскаго политическаго строя, измѣненіе правовъ и обычаевъ въ смыслѣ этого строя и т. д. Эти отношенія достаточно извѣстны; прибавимъ только, что въ объясненіи ихъ до сихъ поръ остаются неточности, внушаемыя новѣйшими политическими враждами и пристрастіями. Польско-русскія отношенія на западѣ изображаются обыкновенно у нашихъ новѣйшихъ популярныхъ историковъ какъ одинъ рядъ насилій, гдѣ въ жизнь русскаго западнаго племени врываются внезапно чуждые элементы и гдѣ народъ, покинутый высшими сословіями, остается безгласной жертвой—до тѣхъ поръ, пока его право возстановляется въ послѣдніе вѣка вмѣшательствомъ, успѣвшей вырости подлѣ, могущественной русской имперіи... Въ дѣйствительности, событія шли не такъ внезапно и не однимъ путемъ насилія. Бывало, старинные историки изображали, напр., начало русско-литовскихъ отношеній въ родѣ какого-то неожиданнаго театральнаго эффекта: „изъ глубины лѣсовъ вышло племя невѣдомое, дикое, воинственное, съ жаждою завоеваній; во главѣ его сталъ грозный воитель, онъ овладѣлъ русскими землями и т. д.; это племя была Литва, его предводитель былъ страшный Гедиминъ“, и т. д. Оставалось непонятно, откуда взялось дикое воинственное племя и какъ могъ внезапно совершиться переворотъ, поставившій на мѣстѣ западно-русскихъ земель новое сильное „литовское княжество“. Похоже на это разсуждаютъ иногда и новѣйшіе популярные историки. На самомъ дѣлѣ, внезап-

ности не было: западныя княжества давно уже, задолго до Гедимина, были знакомы съ Литвой, бывали съ ней въ мирныхъ отношеніяхъ или встрѣчались въ войнахъ; давно русская стихія оказывала вліяніе на Литву, такъ, что позднѣйшія явленія въ жизни литовскаго княжества были подготовляемы уже болѣе ранними связями. Литва получила господство политическое, но русская культура взяла верхъ, потому что была выше грубаго литовскаго быта; основаніе литовскаго княжества въ русскихъ земляхъ стало какъ будто только смѣной княжеской династіи или сліяніемъ двухъ династій,—но уже вскорѣ положеніе дѣлъ усложнилось отношеніями къ Польшѣ. Соединеніе Литвы съ Польшей при Ягеллѣ было пока соединеніе внѣшнее, и не крѣпкое. Литовское княженіе еще долго, въ теченіе почти двухъ столѣтій, сохраняло свою внутреннюю русскую жизнь и ревниво охраняло свою отдѣльность, но мало-по-малу, въ долгихъ политическихъ отношеніяхъ съ государствомъ иного характера и иной религіи, эта отдѣльность ослабѣвала, и съ конца XVI вѣка русская стихія все больше подпадаетъ польскому вліянію, политическому, религіозному и культурному. Съ этого времени въ особенности начинается полонизація высшаго и частью средняго класса, которая была тяжкимъ ущербомъ для дѣла западно-русской народности; высшее сословіе, разъ вступивъ на эту дорогу, обыкновенно уже окончательно отрывалось отъ своего народа. Входя въ составъ польскаго панства, оно принимало вмѣстѣ и католичество; свой народъ становился чужимъ, и какъ матеріальное, такъ и нравственное состояніе народа, предоставленнаго самому себѣ, дошло, наконецъ, до самаго бѣдственнаго упадка. Слѣдующія поколѣнія ополяченнаго панства уже совсѣмъ забывали о своемъ русскомъ происхожденіи и умножали ряды шляхетской націи. Народъ, частью полунасильственно, былъ обращаемъ въ католицизмъ или унію, частью былъ пренебреженъ и въ массѣ сберегъ старый языкъ, обычаи, но былъ слишкомъ слабъ, чтобы защитить свое преданіе, — какъ могъ народъ защитить свое преданіе на югѣ.

Это были, безъ сомнѣнія, весьма печальныя страницы въ исторіи русской народности. Но что̀ было причиной ея прискорбнаго паденія? Популярные историки причину всего видятъ въ ненасытной и злобной пропагандѣ католицизма и въ измѣнѣ русскаго боярства. Католическая церковь, какъ извѣстно, давно питала планы распространить свое господство на русскій востокъ; ея представители не всегда отличались духомъ христіанской любви, и для цѣлей вѣры слишкомъ часто употреблялись средства не весьма правдивыя и гуманныя—какъ это бываетъ донынѣ едва ли не во всѣхъ исповѣданіяхъ, но въ лучшихъ людяхъ бывало, безъ сомнѣнія, и совершенно

искреннее убѣжденіе, что именно эта церковь была „единоспасающая“—точно такъ же, какъ въ средѣ принимавшихъ католичество русскихъ бывали люди, получавшіе то же убѣжденіе, или угнетаемые чувствомъ своего собственнаго церковнаго упадка. Подобнымъ образомъ, замѣна своей народности польскою бывала иногда разсчетомъ грубаго личнаго честолюбія и выгоды, но едва ли не чаще бывала результатомъ естественной борьбы двухъ различныхъ культуръ—результатомъ непреднамѣреннымъ. Трудно себѣ представить поголовную „измѣну“, всеобщее предательство; столь широкое явленіе, какъ полонизація высшаго сословія, имѣло не однѣ мелко-эгоистическія основанія, и не только отрицательныя, но и положительныя причины. И дѣйствительно, эти причины были и заключались, съ одной стороны, въ политическомъ значеніи шляхетства, значеніи, которое отвѣчало естественнымъ стремленіямъ боярства пріобрѣсти самостоятельную роль, и съ другой—въ болѣе высокой степени культуры, какая представлялась польскимъ бытомъ высшихъ сословій. Что касается перваго, то извѣстно, что польская шляхетская вольность не только въ западной Руси, но и въ самой восточной Россіи бывала не разъ предметомъ сочувствій русскаго боярства, и не только въ XVI—XVII вѣкѣ, но и въ XVIII-мъ. Въ русскомъ государствѣ стремленія подобнаго рода остались безуспѣшны, встрѣтивъ слишкомъ сильную преграду въ безусловномъ самодержавіи; но тамъ примѣръ былъ на-лицо и подражаніе было совершенно возможно. Въ дѣлѣ образованія, Польша XVI—XVII-го вѣка представляла примѣръ такого развитія школы, ученыхъ и литературныхъ интересовъ, какого не бывало въ русскихъ земляхъ, ни въ Москвѣ или Новгородѣ, ни въ Кіевѣ, ни въ Вильнѣ. Россія XVI-го вѣка едва выступала изъ мрака, принесеннаго татарскимъ игомъ; образованнымъ иноземцамъ она казалась страною варварскою и по нравамъ, и по отсутствію ученыхъ школъ, о которомъ почти неизмѣнно упоминаютъ иностранные путешественники того времени. Польша въ этомъ послѣднемъ отношеніи, напротивъ, шла въ уровень съ западной Европой: она приняла дѣятельное участіе въ движеніи гуманизма, въ исторіи котораго имѣла своихъ знаменитыхъ представителей; въ нее перешло и то религіозно-научное возбужденіе, какое сопровождало реформацію; въ самой Польшѣ реформа нашла ревностныхъ сторонниковъ, и какова бы ни была соціальная подкладка протестантскаго движенія въ Польшѣ, оно затрогивало слишкомъ глубоко величайшіе интересы мысли и религіознаго чувства и, мимо практическихъ соціальныхъ побужденій, не могло не подѣйствовать на умы своихъ приверженцевъ и не становиться искреннимъ убѣжденіемъ и образовательной силой. Если въ самой московской Россіи, среди твердо установив-

шагося православнаго преданія и быта, прорывались въ извѣстныхъ ересяхъ идеи характера раціоналистическаго и протестантскаго, то естественно, что здѣсь, въ свободномъ заявленіи подобныхъ идей, среди открытаго установленія протестантскихъ общинъ и богослуженія, эти идеи получали возможность открытаго распространенія. Происходило невиданное броженіе умовъ и, какъ извѣстно, кромѣ протестантовъ польскихъ появились и протестанты западно-русскіе. Если въ этомъ броженіи одни изъ русскихъ остались вѣрны православію, другіе увлекались протестантствомъ, третьи переходили въ католицизмъ, то, очевидно, была здѣсь не одна грубая измѣна, но и отраженіе великаго религіозно-образовательнаго спора и борьбы, которые наполняли тогда весь западно-европейскій міръ и касались слишкомъ важныхъ вопросовъ человѣческой мысли и совѣсти. Польское (и западно-русское) протестантство имѣло дѣйствительно убѣжденныхъ послѣдователей, — какъ таковыхъ же имѣло, вѣроятно, и польско-русское католичество.

Извѣстно, какъ западно-европейская реформація, сначала поразившая католическую церковь своимъ неожиданнымъ и необычайнымъ распространеніемъ, вызвала, наконецъ, въ этой церкви реакцію, которой удалось уничтожить многіе плоды, пріобрѣтенные реформой. Эта реакція была страстная, фанатическая почти до безумія, но вмѣстѣ тонко разсчитанная и, по принципу, не останавливавшаяся передъ „средствами“, которыя всѣ должна была освящать цѣль. Іезуитскій орденъ, который былъ высшимъ выраженіемъ этой реакціи, явился въ Польшѣ бороться съ реформой, а вмѣстѣ и съ православіемъ. Извѣстенъ способъ дѣйствій іезуитства, который былъ бѣдствіемъ не только для западной Руси, но и для самой Польши, отождествивъ всю политическую судьбу разноплеменнаго и разновѣрнаго государства съ темной и ожесточенной религіозной нетерпимостью. Здѣсь опять мрачная сила іезуитства направлена была не спеціально на одно русское православіе, но и на само польское разновѣрство; то-есть, опять мы встрѣчаемся съ цѣлымъ стихійнымъ явленіемъ европейской исторіи, которое отразилось на судьбѣ западно-русскаго народа. Но въ прискорбныхъ событіяхъ XVI — XVII-го вѣка была сторона, дававшая въ будущемъ выходъ изъ исторической дилеммы. Религіозное образовательное движеніе XVI-го вѣка и необходимость защиты православія противъ католицизма, а также и протестантства, положили основаніе южной и западной русской школѣ и литературѣ, которыя были первымъ предвѣстіемъ вступленія русскаго народа на путь общечеловѣческаго просвѣщенія. Рядомъ съ этимъ, получили начало тѣ церковныя братства, дѣятельность которыхъ распространилась отъ Вильны до Кіева и Львова и была сильнымъ орудіемъ

самозащиты русскаго народа въ эти тяжелые вѣка. Что юго-западныя школы были устроены по западному католическому образцу, это извѣстно; самымъ языкомъ преподаванія дѣлался языкъ латинскій; форма братствъ была также заимствованная,—но въ эти чужія формы было вложено самостоятельное содержаніе: это была, съ одной стороны, возможность обороны противъ подавляющаго вліянія католической церковности и науки, и съ другой — явилась здѣсь великая нравственная сила народнаго самосознанія. Изъ новой школы выходили просвѣщенные іерархи, создавшіе обильную церковно-полемическую литературу, которая не уступала католической въ обширной учености своего времени; изъ этой же школы выходили не разъ и отчаянные борцы за русскую народность въ козацкихъ возстаніяхъ... Важность юго-западной школы для всего хода обще-русскаго просвѣщенія теперь оцѣнивается достаточно, но, безъ сомнѣнія, оцѣнится еще выше, когда ближе будетъ разработана эта сложная и интересная эпоха. Извѣстно, что русская юго-западная школа получила, наконецъ, большое вліяніе въ самой Москвѣ, несмотря на всю подозрительность московскихъ руководящихъ людей ко всему, что носило какой-либо западный, дѣйствительно или мнимо латинскій оттѣнокъ, — и впослѣдствіи это вліяніе отразилось видною полосой въ ходѣ нашего образованія въ XVIII вѣкѣ: наша духовная школа сохраняла почти до нашихъ дней слѣды своего стараго юго-западно-русскаго источника въ латинскомъ духѣ. Въ концѣ XVII-го вѣка, наканунѣ Петровской реформы, въ жизни московской Россіи несомнѣнно готовилось и частью совершалось своего рода преобразованіе подъ вліяніями этой юго-западной школы,—преобразованіе, затертое и заслоненное потомъ болѣе широкой и радикальной реформой Петра, но давшее и самому Петру подготовку и многихъ исполнителей для его плановъ [1]).

Замѣтимъ, что это движеніе, совершавшееся въ юго-западной Россіи въ XVI—XVII столѣтіяхъ, возникало совершенно независимо отъ Россіи московской. Здѣсь были свои волненія и свои бѣды, неизвѣстныя въ московской Россіи,—какъ всякаго рода церковное броженіе, внутреннія политическія столкновенія съ Польшей, какъ унія, іезуитская реакція и преслѣдованіе, какъ возстанія козацкія, въ которыхъ свою долю участія имѣла и Бѣлая Русь; но здѣсь же созрѣвало и народное сопротивленіе, однимъ изъ выраженій котораго было упомянутое образовательное движеніе, созданное однѣми юго-западными силами и отсюда потомъ распространившееся на москов-

[1]) На это обратилъ вниманіе г. Шляпкинъ въ книгѣ: „Св. Димитрій Ростовскій“ (Спб. 1891), гдѣ собраны также любопытные факты разнородныхъ польскихъ вліяній въ старой до-Петровской Москвѣ.

скую Россію. Общее было одно—старое православное преданіе, которое разработывалось здѣсь съ извѣстнымъ своеобразнымъ оттѣнкомъ, который и былъ замѣченъ въ Москвѣ, стоявшей за свою односторонность. Здѣсь уже издавна складывались формы жизни, вышедшія изъ особыхъ условій края; издавна было свое русское законодательство; до послѣдняго времени держался русскій языкъ, какъ языкъ суда, администраціи и самого „литовскаго" двора; въ первые годы XVI вѣка дѣлается замѣчательная попытка перевода библіи, „доктора" Франциска Скорины; сюда бѣжитъ гонимый въ Москвѣ первый русскій типографщикъ; сюда уходитъ князь Курбскій и примыкаетъ къ совершавшемуся здѣсь религіозно-полемическому и образовательному движенію; здѣсь печатается первая русско-славянская библія; здѣсь основывается рядъ русскихъ типографій, дѣлающихъ массу изданій прежде, чѣмъ печатное дѣло установилось въ Москвѣ; наконецъ, здѣсь образуются новыя формы общественной дѣятельности въ видѣ церковныхъ братствъ и появляются первые опыты русской науки въ юго-западныхъ школахъ... Все это совершалось въ своей мѣстной средѣ и носило на себѣ ея извѣстный отпечатокъ, въ которомъ было много несходнаго съ тогдашнимъ московскимъ типомъ нравовъ и понятій, но который тѣмъ не менѣе былъ русскимъ. Нѣсколько столѣтій, въ теченіе которыхъ происходили эти явленія, закрѣпили эту мѣстную особенность юго-западной жизни и дали ей своего рода историческое право.

Въ XVII-мъ столѣтіи типъ юго-западнаго человѣка носилъ свои опредѣленныя черты, которыя видимо отличали его отъ человѣка московскаго. На югѣ долгими историческими судьбами сложилась цѣлая особая народность, которая для сѣверныхъ русскихъ казалась столь чуждой, что могла даже называться „черкасской"; русскіе западные были „литовскіе люди": руководясь непосредственнымъ соображеніемъ, что русское можетъ быть только такое, какое оно было въ Москвѣ, московскіе люди не думали о томъ, что это западное русское издавна жило особнякомъ отъ восточной Руси и тѣмъ самымъ могло пріобрѣсти свои несходныя черты; москвичи полагали, напротивъ, что эти черты пришли исключительно изъ польскаго, „латинскаго" вліянія. Извѣстно, какими недоразумѣніями и недовѣріемъ сопровождались первыя встрѣчи московскихъ людей съ учеными кіевлянами и бѣлоруссами (не прошло полъ-вѣка, и въ самую Москву нахлынули не только латинскія, но и нѣмецкія вліянія); эти недоразумѣнія являлись и при встрѣчахъ на мѣстѣ съ населеніемъ западнаго края, напр., въ походахъ царя Алексѣя Михайловича въ „Литву". Совершенно понятно, что московскіе русскіе относились враждебно къ уніи, которая — какъ было съ самаго начала ясно въ

предположеніяхъ ея начинателей и въ самомъ выполненіи — была только шагомъ къ католичеству; но они не совсѣмъ сходились и съ самими западными православными [1]). Это послѣднее представляется страннымъ: повидимому, русскіе являлись для православныхъ защитниками ихъ дѣла и должны бы встрѣтить полное сочувствіе, — но и здѣсь сказалась историческая разница нравовъ и культуры, дѣлившая двѣ отрасли одного племени.

Со второй половины XVII-го вѣка, Россія волею и неволею все больше втягивается въ русско-польскія отношенія юго-западнаго края и вмѣшивается въ дѣла русскаго православнаго народа, находившагося подъ польскимъ владычествомъ. Факты этой исторіи, тѣсно связанной съ судьбою всего польскаго государства, извѣстны: дѣло завершилось къ концу XVIII-го столѣтія тремя раздѣлами Польши. Въ чемъ же заключалось теперь отношеніе русскаго правительства (представлявшаго собою русское національное начало) къ *народу* юго-западной Руси? Историки Малороссіи и Западной Россіи не разъ указываютъ въ этомъ отношеніи имперіи къ юго западнымъ отраслямъ русскаго народа длинный рядъ недоразумѣній, взаимнаго непониманія, даже раздраженія, причемъ это послѣднее могло съ полною силой высказываться только съ сильнѣйшей стороны. Въ этомъ недоразумѣніи дѣйствовали весьма различныя причины: политика прежнихъ вѣковъ мало думала о народныхъ массахъ и ихъ желаніяхъ; этими массами распоряжались какъ чисто служебною силой, распредѣляли ихъ по простому территоріальному разсчету, дѣлили земли, не обращая вниманія на желаніе или нежеланіе ихъ населеній; народныя стремленія играли при этомъ самую послѣднюю роль. Такимъ образомъ могло и теперь произойти, что въ раздѣлахъ Польши цѣлые милліоны русскаго народа отошли въ руки Австріи, гдѣ они влачили съ тѣхъ поръ странное и печальное существованіе. Нерѣдко обвиняютъ XVIII-й вѣкъ, или „петербургскій періодъ", его политику и дипломатію, не умѣвшія понимать „русскаго дѣла", и т. п. Справедливость требуетъ добавить, что тѣ соображенія о „русскомъ дѣлѣ", на которыя опираютъ теперь эти обвиненія, въ то время не существовали не только въ видахъ правительствъ, но и въ понятіяхъ

---

[1]) Въ 1655 г., при взятіи Вильны Алексѣемъ Михайловичемъ,—„уніатское монашество и вѣрное уніи духовенство торопилось при появленіи русскихъ бѣжать изъ Вильны наравнѣ съ іезуитами. Въ самой средѣ *православнаго* духовенства, численная сила котораго въ Вильнѣ и вообще въ княжествѣ теперь сильно упала сочувствія къ Москвѣ не были ни особенно горячи, ни особенно прочны, и отнюдь не всеобщи". См. Васильевскаго, „Очеркъ исторіи города Вильны", въ „Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи", вып. 6-й, Спб. 1874, стр. 55.

самой массы русскаго общества, не говоря о „народѣ“, не имѣвшемъ понятія о политическихъ дѣлахъ; — кромѣ того, у приверженцевъ исключительнаго національзма эти соображенія и въ настоящее время не отличаются особой ясностью и послѣдовательностью. Въ самомъ дѣлѣ, XVIII-е столѣтіе вообще не помышляло о народѣ, „народъ“—это была подневольная, служебная,—въ громадномъ числѣ и въ самой имперіи, и въ южномъ и западномъ краѣ, о которомъ шло дѣло, прямо крѣпостная, — масса, не имѣвшая никакого голоса, состоявшая и, по тогдашнему мнѣнію, долженствовавшая состоять подъ полной, исключительной опекой; въ самомъ русскомъ общественномъ строѣ другой взглядъ на этотъ предметъ, самая слабая попытка говорить въ защиту народа принимались за покушеніе противъ цѣлости государственнаго порядка, — и если положеніе вопроса было таково у себя дома, относительно народа, составлявшаго самую русскую имперію, то нельзя было ожидать, чтобы другая точка зрѣнія была примѣнена къ такому же крѣпостному народу другого государства. Очевидно, что главной основой для дѣйствій правительства были здѣсь соображенія чисто внѣшнія, политическія. Съ точки зрѣнія „народной“, выставляемой въ настоящее время, дѣло Польши и юго-западнаго русскаго края должно было бы рѣшиться въ XVIII-мъ вѣкѣ совершенно иначе, чѣмъ оно рѣшалось: Польша должна бы быть оставлена въ покоѣ въ ея этнографическихъ границахъ и у нея не должны были быть отнимаемы средства къ внутреннему преобразованію, которое предвидѣлось, а Россія могла бы стремиться только къ освобожденію того русскаго населенія, которое чувствовало нарушенными свои народныя и религіозныя права. Въ XVIII-мъ вѣкѣ о народности не думали вовсе, выдвигался на сцену вопросъ религіозный, защита правъ „диссидентовъ“, а главнымъ образомъ имѣлись въ виду цѣли политическія—уничтоженіе безпокойнаго сосѣда и увеличеніе государственной территоріи. Было чистой случайностью, что въ трехъ раздѣлахъ Польши на долю Россіи достались западныя и южныя земли, населенныя русскимъ племенемъ, а, напримѣръ, Пруссіи достались земли польскія и литовскія [1]); причина была въ географическомъ положеніи земель,—въ другомъ углу бывшаго польскаго государства, по этой же географической причинѣ, Австрія получила два, три милліона русскаго населенія, совершенно однороднаго съ жителями Волыни и Подоля!.. [2]). Въ послѣднее время въ оправданіе

---

[1]) Впослѣдствіи даже и Пруссіи доставались русскія земли.

[2]) Въ послѣднемъ историческомъ результатѣ, который мы можемъ наблюдать теперь, черезъ сто лѣтъ послѣ раздѣловъ, оказывается, что польскія земли на западѣ послужили только къ усиленію нашихъ политическихъ враговъ, — между прочимъ, путемъ настоящаго племеннаго поглощенія (въ Пруссіи), на подобіе того, какъ было нѣкогда съ балтійскими и полабскими славянами.

политики императрицы Екатерины доказываютъ, что мысль о раздѣлахъ Польши принадлежала не русскому правительству, а Фридриху II-му (теперь это опять отвергается), но вопросъ инициативы довольно безразличенъ, когда мысль была выполнена обѣими сторонами. Что касается до русскаго народа и общества,—о которыхъ надо вспомнить, если идетъ рѣчь о „народномъ вопросѣ“ юго-западнаго края,—то, какъ замѣчено, они не имѣли здѣсь голоса, а можетъ быть, и мнѣнія: народъ былъ безучастенъ къ событіямъ далекимъ и мало понятнымъ, и носился съ собственнымъ тяжелымъ положеніемъ; общество было едва ли не столь же безучастно — не зная дѣлъ западной Руси, съ которою не имѣло никакихъ ближайшихъ соотношеній; единственное, что̀ могло быть понятно, это — враждебный инстинктъ къ Польшѣ, который не проходилъ съ XVII-го вѣка и до нашихъ дней. Въ существѣ западно-русскаго движенія прошлаго вѣка, въ борьбѣ ослабѣвающаго православнаго населенія противъ религіозныхъ утѣсненій, несомнѣнно бился живой историческій нервъ; происходившія событія имѣли несомнѣнное цѣльно-русское національное значеніе и съ полнымъ правомъ могли бы возбудить интересъ въ обществѣ, себя сознающемъ и имѣющемъ возможность выражать свое сознаніе, — но того и другого не было въ русскомъ обществѣ прошлаго вѣка, и интересъ отсутствовалъ. Здѣсь опять, какъ во второй половинѣ XVII-го вѣка, мы встрѣчаемся съ фактомъ историческаго разъединенія и отчужденія: западная отрасль племени такъ долго жила отдѣльною жизнію, такъ долго была частью чужого государства, что это разъединеніе и было понятно, а болѣе высокое представленіе о народной солидарности, о народномъ правѣ и т. п. не существовало. Какъ въ старину самые настоящіе русскіе западнаго края были, по понятію людей московскаго царства, „литовскіе люди“, такъ и теперь люди „бѣлорусскіе“ были порядочно чужды русскому обществу: исторія была мало знакома, народныя стремленія —мало вразумительны; „Бѣлоруссія“ была новая страна съ тѣми же помѣщиками и крестьянами; помѣщики были поляки (не столько чистые поляки, сколько ополяченные старые русскіе землевладѣльцы), а въ этомъ качествѣ они именно и были близки русскому помѣщичьему обществу, какъ съ другой стороны Бѣлоруссія доставила новый матеріалъ для раздачи крестьянъ; здѣсь, какъ и въ Малороссіи, „освобождаемый“ отъ Польши русскій народъ оставался въ рукахъ польскихъ помѣщиковъ, и крѣпостное право упрочилось силою русской администраціи.

Такимъ образомъ, возсоединеніе русскихъ земель имѣло, по преимуществу, характеръ политическій; онѣ подпали русскому административному распоряженію, но были еще далеки отъ національнаго

сліянія: ни русскіе въ имперіи не считали этихъ земель тождественными съ Россіей, ни мѣстные русскіе не утратили своей бытовой и культурной особенности. Одинъ изъ историковъ этого края, новѣйшій бѣлорусскій патріотъ, ревностный партизанъ объединенія, самъ приводитъ цѣлый длинный рядъ примѣровъ этого историческаго разногласія и недоразумѣній, въ эпоху присоединенія. Въ XVIII вѣкѣ, православные элементы юго-западнаго края, издавна различнымъ образомъ связанные съ православною жизнью московской Россіи, ожидали отъ сильной имперіи помощи въ своемъ трудномъ положеніи въ польскомъ государствѣ. Надежды на Россію особенно оживились съ воцареніемъ Елисаветы Петровны и придали новое мужество мѣстнымъ православнымъ въ борьбѣ за права своей церкви; но имъ пришлось долго ожидать помощи, между тѣмъ какъ унія дѣлала все новыя пріобрѣтенія въ западномъ и частію юго-западномъ краѣ. Доходило до того, что въ средѣ самихъ уніатовъ являлась, наконецъ, реакція противъ излишняго усердія тѣхъ ревнителей уніи, которые торопились все болѣе сближать и, наконецъ, смѣшать ее съ католицизмомъ; на насилія самъ народъ сталъ, наконецъ, отвѣчать насиліемъ. Таковы были событія въ Малороссіи въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, напр., гайдамацкія возстанія и уманьская рѣзня 1768 года, Если не случилось подобныхъ возстаній въ Бѣлоруссіи, то лишь потому, что здѣсь народная масса была гораздо болѣе подавлена и не имѣла внѣшнихъ способовъ сплотиться для сопротивленія. Борьба западныхъ православныхъ и крестьянскія возстанія на югѣ указывали, гдѣ заключались причины волненій и въ чемъ состояли народныя желанія, но эти желанія не нашли себѣ русской поддержки. Гайдамацкія возстанія въ польскихъ земляхъ были усмирены русскими войсками: „подавлена была даже Запорожская Сѣчь, причемъ эти православные ужасные люди показали именно русскую доблесть. Когда у нихъ передъ приходомъ русскаго войска поднялись толки, что нужно биться и съ русскими, то большинство рѣшило, что нельзя воевать противъ русской царицы“.

„Къ величайшему прискорбію,—продолжаетъ г. Кояловичъ,—все это дѣло подавленія народнаго возстанія въ Украйнѣ вели русскіе люди, или не понимавшіе западно-русскихъ народныхъ дѣлъ, или даже преданные полякамъ. Русскій посолъ въ Варшавѣ, наводившій не разъ ужасъ на польскихъ крикуновъ о вольности и заставлявшій польскіе сеймы дѣлать что̀ ему было угодно, князь Репнинъ, въ дѣйствительности, былъ другомъ поляковъ, не бунтовавшихъ противъ Россіи, и былъ всегда весьма недружелюбенъ къ русскимъ западной Россіи... Еще болѣе былъ расположенъ къ полякамъ усмиритель гайдамаковъ, генералъ Кречетниковъ...

„Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ, въ усмиреніи гайдамаковъ сдѣлано было много вопіющихъ ошибокъ и несправедливости. Такъ, усмиренные раздѣлены были на двѣ группы и русскіе подданные препровождены для наказанія на восточную сторону Днѣпра, что́ было совершенно естественно, а другіе—подданные польскаго государства —переданы польскимъ властямъ. Новыми ужасами поражена была украинская земля... Мало того, польскіе паны, не участвовавшіе въ барской конфедераціи, старались обратить русскія войска въ средство для возстановленія своей расшатанной помѣщичьей власти надъ русскими крестьянами своей страны, и не разъ достигали этого“... [1]).

Въ 1772 году произошелъ первый раздѣлъ Польши. По словамъ того же автора, „раздѣлъ этотъ произведенъ такъ, что Россіи досталась самая неплодородная часть русской Польши, восточная Бѣлоруссія, а самая богатая по землѣ и энергіи народа Украйна, къ изумленію и прискорбію русскаго населенія ея, осталась подъ властію Польши, и, что́ еще болѣе странно, къ этому раздѣлу привязалась держава, не положившая никакихъ трудовъ для усмиренія буйной Польши, именно Австрія, получившая даромъ, къ великой обидѣ русскаго народа, Галицію, не выдававшуюся ни польской, ни даже русской смутой, хотя несомнѣнно тяготѣвшую и къ Украйнѣ, и къ Россіи вообще“ [2]).

Присоединеніе къ Россіи имѣло такое дѣйствіе, что унія стала исчезать въ этомъ краѣ сама собой, безъ всякихъ усилій со стороны правительства и даже безъ всякихъ заботъ о ея сохраненіи со стороны уніатовъ; но совершенному ея паденію помѣшало само правительство — извѣстнымъ указомъ о вѣротерпимости, по которому всѣ должны были спокойно оставаться въ своей вѣрѣ. Этотъ указъ насильственно задержалъ въ уніи многихъ, которые были уже готовы бросить ее; разрѣшеніе переходить въ православіе дано было только черезъ нѣсколько лѣтъ по настояніямъ Конисскаго. „Въ то же время, —говоритъ тотъ же историкъ,—Екатерина II сдѣлала другую ошибку, еще труднѣе поправимую. Чтобы надежнѣе привлечь къ Россіи поляковъ Бѣлоруссіи и отвлечь ихъ отъ польскаго фанатическаго духовенства, Екатерина не уничтожила въ этой странѣ іезуитовъ, а, напротивъ, ввѣрила имъ воспитаніе бѣлорусскаго юношества, а остальную латинскую іерархію Бѣлоруссіи старалась направить на путь самостоятельной, независимой жизни подъ руководствомъ извѣстнаго гуманнаго латинскаго митрополита, Сестренцевича. Іезуиты—эти всемірные развратители вѣрующихъ латинскаго закона—страшно развра-

[1]) Лекціи по исторіи Западной Россіи, Кояловича, 2-е изд. Спб. 1884, стр. 292—293.

[2]) Тамъ же, стр. 294, 295.



тили бѣлорусскую интеллигенцію, приготовили фанатиковъ и латинства, и полонизма, а гуманный Сестренцевичъ сталъ загонять въ латинство уніатовъ. Сдавленные со всѣхъ сторонъ уніаты сами стали защищать себя" [1]). Дѣло въ томъ, что между уніатами обнаружилось стремленіе къ очищенію уніи отъ ея католическихъ прибавокъ и къ сближенію ея съ православіемъ.

Для остальныхъ русскихъ земель, оставшихся подъ властію Польши, прежній польскій порядокъ вещей продолжался еще двадцать лѣтъ до новыхъ раздѣловъ, хотя движеніе въ пользу православія продолжало созрѣвать. Въ 1793 году произошелъ второй раздѣлъ Польши, въ память котораго была выбита медаль съ изображеніемъ карты отнятыхъ областей и съ надписью: „Отторженное возвратихъ". Надпись была вѣрна въ томъ смыслѣ, что возвращались въ самомъ дѣлѣ области, когда-либо принадлежавшія къ Россіи, и русская жизнь въ нихъ возстановлялась; но ошибочна въ томъ отношеніи, что второй раздѣлъ не возвращалъ всѣхъ русскихъ областей Польши. „По второму раздѣлу къ Россіи отошли только часть Бѣлоруссіи по Динабургъ, Минскъ и Пинскъ, и часть западной Малороссіи отъ Пинска до Каменца-Подольскаго, почти по прямой линіи. Остальная часть Бѣлоруссіи, до Нѣмана и дальше, и Волынь до Галиціи и Холмской области остались за Польшей" [2]). Галиція и часть Холмской области оставались, еще по первому раздѣлу, за Австріей.

Страшное раздраженіе поляковъ послѣ второго раздѣла имѣло слѣдствіемъ возстаніе Костюшки, которое окончилось третьимъ и окончательнымъ раздѣломъ Польши въ 1795 году. Къ Россіи отошла западная часть Бѣлоруссіи и восточная часть Литвы; Пруссіи досталась Литва за Нѣманомъ, сѣверная половина Польши съ Варшавой и даже часть бѣлорусскаго племени въ Подлѣсьѣ и нынѣшній бѣлостоцкій уѣздъ гродненской губерніи; Австрія получила южную Польшу и еще болѣе врѣзалась въ русскую Холмскую область. Этотъ раздѣлъ удержался не долго. Наполеоновскія войны снова пробудили надежду поляковъ на самостоятельнос политическое существованіе, но герцогство варшавское продержалось недолго, и съ вѣнскаго конгресса установились тѣ политическія границы Польши и юго-западныхъ русскихъ земель, какія существуютъ до сихъ поръ [3]).

Второй и третій раздѣлы опять усилили движеніе уніатовъ къ православію и, по счету г. Кояловича, въ 1794 и въ началѣ 1795 г.,

---

[1]) Тамъ же, стр. 312, 313. Объ уніатскихъ отношеніяхъ подробнѣе см. въ спеціальной книгѣ того же автора: „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ". Спб. 1873.

[2]) Тамъ же, стр. 306.

[3]) Кромѣ присоединенія Кракова къ Австріи въ 1847 г.

присоединилось къ православію больше трехъ милліоновъ уніатовъ, но не безъ волненій и насилій, по его собственному указанію; вся Малороссія и восточная часть Бѣлоруссіи какъ-будто не знали уніи, и она оставалась только въ западной части Бѣлоруссіи, наиболѣе затронутой польскимъ и католическимъ вліяніемъ [1]).

Но успѣхъ возстановленія русской и православной стихіи въ западномъ краѣ былъ непродолжителенъ. Положеніе вещей сильно измѣнилось со вступленіемъ на престолъ Павла. Какъ извѣстно, этотъ императоръ сожалѣлъ о печальной участи поляковъ; онъ выказалъ свое вниманіе къ Костюшкѣ, освободилъ много поляковъ изъ сибирской ссылки, возвращалъ имъ конфискованныя имѣнія, уже отданныя русскимъ, возстановилъ дѣйствіе Литовскаго Статута, отъ котораго въ восточной Бѣлоруссіи успѣли уже отвыкнуть, и, словомъ, открылъ дорогу къ возстановленію старыхъ польскихъ порядковъ,—конечно, съ тѣмъ вліяніемъ бытовымъ, какое они производили въ старое время. Страна снова очутилась подъ польскими воздѣйствіями и въ польскихъ рукахъ. „Два обстоятельства сразу,—говоритъ историкъ,—упрочивали то и другое еще при императорѣ Павлѣ. Поляки при немъ введены въ русское дворянство и русское чиновничество. Передъ ними открылась вся широта правъ русскаго дворянства и стремленій русскаго чиновничества. Ихъ власть въ западной Россіи на дѣлѣ стала гораздо сильнѣе, крѣпче, чѣмъ во времена польскаго государства. Въ этомъ не трудно убѣдиться, если вспомнить, что тогда было въ Россіи крѣпостное право, которое должно было лечь новою тягостью на западную Россію. Польское хлопство—неоспоримо худшее состояніе, чѣмъ крѣпостная зависимость въ Россіи; но, при слабости польскаго государства, особенно при его разложеніи, хлопство въ западной Россіи часто было очень страшно панамъ. Отъ него они часто не могли спокойно спать и потому принуждены были иногда противъ воли давать ему льготы. Россія съ своей государственной организаціей, полной силы и способной всегда возстановить порядокъ, избавляла польскихъ пановъ отъ этого страха. Они могли спокойно

---

[1]) Мы приводили отзывы г. Кояловича, чтобы дать примѣръ взгляда, весьма популярнаго въ послѣднее время, съ оттѣнкомъ бѣлорусскаго анти-польскаго раздраженія. Крайности взгляда, представляемаго г. Кояловичемъ, замѣчены были даже писателемъ, принадлежащимъ въ сущности къ тому же славянофильско-народническому лагерю: де-Пуле называлъ толки о полонофильствѣ Репнина *фразой* („Послѣдній польскій король Станиславъ-Августъ Понятовскій", „Заря", 1871, кн. 9, стр. 136) и судитъ о событіяхъ осмотрительнѣе; но и онъ признаетъ, что послѣ присоединенія западнаго края къ Россіи „старый польскій экономическій и соціальный порядокъ оставался нерушимымъ" (тамъ же, кн. 7, стр. 260). О взглядахъ самой имп. Екатерины на польско-русскія отношенія западнаго края см. у Соловьева, „Ист. Россіи", т. XXVI, и Костомарова, „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой".

давить хлопа, лишеннаго всякой возможности и надежды обуздать пана. Въ довершеніе всѣхъ бѣдствій западной Россіи, къ императору Павлу нашла доступъ и латинская іерархія" [1]).

Въ то время принимались усиленныя мѣры къ подавленію революціонныхъ началъ, распространявшихся изъ Франціи, и считалось нужнымъ общее дѣйствіе всѣхъ консервативныхъ и религіозныхъ силъ безъ различія исповѣданій. Іезуиты проникли даже во дворецъ; католическая іерархія западнаго края вновь получила значеніе; православная пропаганда противъ уніи остановлена и уніатскія епископства получили прежнее вліяніе. „Словомъ, западная Россія едва сдѣлала рѣшительный шагъ къ восточной Россіи, какъ столь же рѣшительно должна была отступить назадъ къ Польшѣ".

Это положеніе вещей еще болѣе укрѣпилось въ правленіе императора Александра. Извѣстны его отношенія къ польскому вопросу: его великодушіе простиралось до того, что на вѣнскомъ конгрессѣ онъ явился ревностнымъ защитникомъ польскихъ интересовъ даже противъ своихъ союзниковъ; извѣстны его планы относительно Польши, противъ которыхъ возставалъ Карамзинъ [2]). Поляки ожидали, что къ царству польскому будетъ присоединена западная Россія; конституціонное устройство, введенное въ Польшѣ (предположенное также и для Россіи, но оставшееся неосуществленнымъ), напоминало полякамъ о формахъ прежней политической жизни и какъ будто съ вѣдома и сознанія самой власти ставило ихъ выше русскихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, это устройство порождало недоразумѣнія; преувеличенныя надежды мѣшали благоразумію — уже въ царствованіе Александра происходили конституціонныя столкновенія и, въ результатѣ, росли раздраженіе, ненависть къ русскому господству, заговоры, тайныя общества, наконецъ, въ первые годы царствованія импер. Николая—открытое возстаніе, закончившееся суровымъ усмиреніемъ, совершеннымъ уничтоженіемъ конституціи, удаленіемъ множества дѣятелей возстанія, и въ томъ числѣ многихъ даровитѣйшихъ людей, или въ ссылку или въ эмиграцію съ ея болѣзненными и безплодными волненіями. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ совершено было извѣстное, на этотъ разъ окончательное, возсоединеніе уніатовъ. Въ 1862 году —новое возстаніе, и въ 1863—новое усмиреніе.

---

[1]) Чтенія по ист. Зап. Россіи, стр. 317—318. Выше (т. III, стр. 272 и др.) мы приводили параллельныя указанія о томъ, какъ совершенно такимъ же образомъ укрѣплялось крѣпостное господство польскихъ помѣщиковъ надъ русскими крестьянами въ южной Россіи.

[2]) Но и въ знаменитой запискѣ Карамзина, 1819 г., вопросъ о западномъ краѣ ставится опять только съ внѣшней политической стороны, и нѣтъ рѣчи объ его народной и соціальной сторонѣ.

Такова была вкратцѣ исторія отношеній западно-русскаго края къ государству, котораго въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ онъ былъ составной частью. Несмотря на раздѣлы прошлаго столѣтія, прервавшіе старое польское владычество, этотъ край былъ такъ тѣсно связанъ съ Польшей прежнею исторіею и ея культурными вліяніями, что и долго впослѣдствіи тянулъ къ Польшѣ въ той или другой степени, въ томъ или другомъ отношеніи. И, несмотря на то, что этотъ западный край былъ несомнѣнно русскій по массѣ своего населенія и историческому преданію и что, поэтому, его сліяніе съ русскимъ цѣлымъ представлялось весьма естественнымъ, — исторія этого возсоединенія указываетъ, что оно не было, однако, простымъ сліяніемъ тождественныхъ стихій: западная Русь нуждалась въ обезпеченіи своей церковной жизни и въ народномъ освобожденіи,—и, нашедши, до извѣстной степени, первое, долго не нашла второго; что Россія, въ этихъ отношеніяхъ къ западному краю, руководилась гораздо менѣе чувствомъ національнаго единства, чѣмъ внѣшними политическими соображеніями. Оттого историкъ, смотрѣвшій на событія съ точки зрѣнія интересовъ западнаго края, находилъ столько поводовъ скорбѣть о томъ, что такъ часто забывались, въ эпоху присоединенія, самыя жизненныя потребности западно-русскаго народа, такъ часто, даже освобожденный, онъ отдавался опять въ жертву тому же прежнему господству чужой церкви, народности и культуры. Если въ историческихъ преданіяхъ, при всемъ единствѣ племени, западно-русскій край издавна представлялъ свои мѣстныя особенности относительно Руси восточной; если его бытъ государственный складывался впервые въ тѣ же отдаленные вѣка, когда, совсѣмъ отдѣльно, полагались первыя основанія московскаго единодержавія; если потомъ, въ теченіе многихъ столѣтій, западный край жилъ въ политическомъ единствѣ съ Польшей и подъ сильными вліяніями ея быта, не прекращавшимися, въ сущности, до 1860-хъ годовъ, а въ послѣднихъ отголоскахъ даже до нашихъ дней,—то нѣтъ мудренаго, что народность этого края могла пріобрѣсти такія особенныя черты, которыя заставляютъ отличать ее, какъ особый оттѣнокъ русскаго національнаго цѣлаго. Это самое чувствовалось въ XVII столѣтіи, когда московскіе люди продолжали считать своихъ западныхъ братьевъ людьми „литовскими“, а послѣдніе съ нѣкоторой недовѣрчивостью относились къ москвитянамъ; и въ XVIII вѣкѣ, когда при самомъ возвращеніи „отторженнаго“, на западный край смотрѣли скорѣе какъ на польскій, чѣмъ какъ на русскій; и даже въ настоящемъ столѣтіи, когда до послѣднихъ возстаній русская власть сама содѣйствовала поддержанію здѣсь господства польскаго элемента надъ русскимъ.

Новый взглядъ на народныя отношенія западнаго края возникаетъ, болѣе или менѣе сознательно, только съ 60-хъ годовъ, съ послѣдняго польскаго возстанія. До тѣхъ поръ русское общество почти не задавало себѣ вопроса о характерѣ и судьбѣ этого края. Нужно было сильное потрясеніе, нужно было, чтобы оно стало предметомъ европейскихъ толковъ, чтобы польскій вопросъ чуть не повелъ къ политическому вмѣшательству,—для того, чтобы вопросъ о западномъ краѣ сталъ, наконецъ, и передъ нашимъ общественнымъ сознаніемъ... Мы вдругъ открыли, всего съ 1860-хъ годовъ, что западный край есть край русскій; поняли, что до тѣхъ поръ онъ былъ заброшенъ, что нужно изучить его, дать возможность его русской народности освободиться отъ чужого гнета и т. д... Почему не случилось этого раньше?—на это отвѣтить, кажется, не трудно. Тотъ внутренній порядокъ вещей, который господствовалъ въ русскомъ обществѣ до половины 50-хъ годовъ, оставлялъ общество почти равнодушнымъ въ вопросахъ подобнаго рода; оно не имѣло голоса даже въ дѣлахъ, касавшихся самымъ тѣснымъ образомъ его собственныхъ интересовъ, и тѣмъ болѣе были ему недоступны предметы политическаго характера, каковы были дѣла польскія и бѣлорусскія. Политическая литература и публицистика не существовали; не было достаточнаго знанія самой исторіи; рѣчь о народѣ и требованіяхъ народнаго блага была невозможна:—для всѣхъ подобныхъ вопросовъ давалось готовое оффиціальное рѣшеніе, не подлежавшее обсужденію. Результатомъ было, во-первыхъ, незнакомство общества съ положеніемъ вещей, а наконецъ равнодушіе. Впослѣдствіи наше общество не разъ винили за его безучастіе къ дѣламъ западной Руси, къ этому животрепещущему интересу русской народности — ставили это на счетъ оторванности отъ „почвы“, отступленію отъ народныхъ началъ и т. п.; но упомянутыя обстоятельства должны очень ограничить эти обвиненія. Возможность общественнаго участія къ этимъ вопросамъ явилась только съ тѣхъ поръ, когда сама русская жизнь была до извѣстной степени освобождена отъ лежавшихъ на ней стѣсненій; западно-русскій вопросъ могъ стать предметомъ общественнаго интереса лишь съ тѣхъ поръ, какъ начались преобразованія прошлаго царствованія, какъ явилась нѣкоторая свобода печати и совершилось освобожденіе крестьянъ.

Въ это время и сдѣлано было упомянутое открытіе. Къ сожалѣнію, однако, открытіе сдѣлано было среди чрезвычайныхъ событій, вліяніе которыхъ и отразилось на истолкованіи западно-русскаго вопроса. Шло усмиреніе польскаго возстанія; для опроверженія польскихъ притязаній, находившихъ отголосокъ въ европейской печати

и дипломатіи, надо было доказывать, что западный край есть край русскій; для истребленія всѣхъ корней возстанія сочтено было нужрымъ принимать крутыя мѣры, какъ уничтоженіе польскаго землевладѣнія, удаленіе польскихъ людей, заглаживаніе самыхъ историческихъ слѣдовъ польскаго пребыванія въ краѣ. Среди внутреннихъ тревогъ, взволновавшихъ въ тѣ же годы само русское общество, и подъ внушеніями еще ранѣе начавшейся и тогда вполнѣ раскрывшейся реакціи, исполнителями дѣла остались люди извѣстнаго консервативнаго оттѣнка, и, въ силу чрезвычайныхъ обстоятельствъ времени, вопросъ устраненъ былъ отъ свободнаго обсужденія въ общественномъ мнѣніи и печати. Взамѣнъ того, послѣ первыхъ крутыхъ мѣръ, въ самой администраціи западнаго края происходили перемѣны, которыя, въ глазахъ наиболѣе ревностныхъ бѣлорусскихъ патріотовъ и публицистовъ славянофильскихъ, казались даже отступленіемъ отъ настоящей защиты русскаго дѣла въ западномъ краѣ, а съ другой стороны, адвокатами мѣстнаго польскаго интереса явились люди, которыхъ точка зрѣнія была крѣпостническая; независимое сужденіе о предметѣ рисковало только навлечь инсинуаціи съ разныхъ сторонъ и дѣйствительно высказывалось очень рѣдко... Введеніе новаго порядка, возстановленіе русской народности въ западномъ краѣ, совершаясь рядомъ съ репрессивными мѣрами противъ поляковъ, носило также какой-то принудительный характеръ, и основнымъ мотивомъ возстановленія русской народности являлось не столько вниманіе къ особенностямъ и бытовымъ преданіямъ мѣстнаго русскаго народа, сколько обычное административное стремленіе къ одноформенности. Извѣстно, что для этого дѣла на мѣстѣ употреблены были люди, вызванные изъ Петербурга и внутреннихъ губерній, люди, обыкновенно раньше незнакомые съ краемъ, неприготовленные понять его особенности, и которые, наконецъ, искореняя польское, желали искоренять и мѣстное русское, гдѣ оно было не похоже на русскій бытъ внутренней Россіи—та же старая черта взаимнаго непониманія и невниманія къ этнографическимъ и историческимъ особенностямъ западнаго края. Это послѣднее возмущало, наконецъ, и тѣхъ, болѣе просвѣщенныхъ, изъ нашихъ изслѣдователей, которымъ въ то время случалось жить и дѣйствовать въ краѣ [1]).

Съ этихъ только поръ, съ 60-хъ годовъ, начинается первое серьезное этнографическое изученіе западнаго края въ нашей литературѣ. Оно успѣло выразиться потомъ нѣсколькими замѣчательными трудами, хотя до сихъ поръ представляетъ много немаловажныхъ про-

---

[1]) Дальше мы приведемъ подобные отзывы г. Безсонова.

бѣловъ, какъ подобные пробѣлы остаются и въ цѣломъ пониманіи положенія этого края... Обзоръ всего хода бѣлорусской этнографіи, начинающейся—прежде всего въ польской литературѣ—съ первыхъ годовъ нашего столѣтія, укажетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ вообще вопросъ о западномъ краѣ представлялся русскому обществу.

ГЛАВА II.

Бѣлоруссія въ эпоху присоединенія. — Труды польскихъ ученыхъ.

Названіе Бѣлоруссіи. — Понятіе о странѣ и народѣ въ эпоху присоединенія: „Записки путешествія“ академика Севергина.—Труды польскихъ ученыхъ: Линде по поводу „Опыта“ Сопикова. — Голембёвскій, Бандтке, Іосифъ Лукашевичъ, Балинскій, Нарбуттъ, Іос. Ярошевичъ, Игн. Даниловичъ и др.— Этнографъ въ эмиграціи: Рыпинскій.

Историки, кажется, до сихъ поръ не доискались, когда въ первый разъ появляется имя „Бѣлой Руси“. Оффиціальное употребленіе этого имени — въ царскомъ титулѣ — начинается съ 50-хъ годовъ XVII вѣка, съ литовскаго похода царя Алексѣя Михайловича; въ латинскихъ документахъ Alba Russia извѣстна уже въ XVI вѣкѣ. Происхожденіе имени было, вѣроятно, народное: кромѣ Бѣлой, была и Русь Черная, Русь Красная, Червонная. Нашимъ стариннымъ историкамъ названіе Бѣлоруссіи было неясно; Карамзинъ не разъ поправляетъ Татищева, который подъ этимъ именемъ разумѣлъ области ростовскую и суздальскую [1]); съ другой стороны, титулъ царя Бѣлой Россіи упоминается въ иноземныхъ актахъ въ примѣненіи къ московскому царю еще при Иванѣ III, въ 1471 году. Географическое опредѣленіе нынѣшней Бѣлоруссіи также остается до сихъ поръ неустановленнымъ. „Подъ именемъ Бѣлоруссіи,—читаемъ мы въ авторитетныхъ книгахъ [2]),—разумѣютъ губерніи витебскую и могилевскую“;

---

[1]) Ист. госуд. Росс. II, пр. 262, 384.

[2]) См. Географическій Словарь Россійской имперіи, изд. Импер. Русск. Геогр. Общ., подъ ред. П. Семенова. Т. I. Спб. 1863, стр. 371. Точно также, напр., въ Журналѣ мин. вн. дѣлъ, 1846, т. XIV, стр. 31; но въ статьѣ Шпилевскаго, Журналъ минист. просв. 1846, приб. кн. 1, стр. 5: „бѣлорусскія губерніи — минская.

между тѣмъ, на этнографической картѣ, изданной Географическимъ Обществомъ въ 1875, мы найдемъ бѣлорусское *племя* раскинутымъ по огромному пространству всего западнаго края, болѣе или менѣе сплошными массами; по указанію этой карты и другимъ источникамъ—оно распространено, кромѣ губерній витебской и могилевской, также въ губерніяхъ виленской, гродненской, минской, сувалкской, смоленской, черниговской, псковской, наконецъ, небольшими поселеніями даже въ ковенской, тверской, московской и др. Цѣльнаго обзора этого племени мы еще не имѣемъ, такъ что до сихъ поръ недостаточно ясно, насколько оно однообразно или варьируется отъ псковской губерніи до черниговской и отъ Бѣлостока до Дорогобужа въ губерніи смоленской [1]).

Въ эпоху присоединенія, русская наука и литература едва начинали свои труды по изученію Россіи, и немудрено, что бѣлорусскій край долго не находилъ достаточно къ себѣ вниманія; его считали вполнѣ или по большей части польскимъ и чужимъ. Въ началѣ столѣтія онъ былъ въ томъ смутномъ положеніи, о которомъ мы упоминали, и одно изъ первыхъ, если не первое, ученое путешествіе въ этотъ край, сдѣланное академикомъ Севергинымъ, даетъ любопытный образчикъ тогдашнихъ понятій русскаго общества объ этой странѣ. Севергинъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, человѣкъ съ разнообразными и обширными знаніями, и однакоже въ его путешествіи [2]) обнаруживается чрезвычайно странное представленіе объ историческомъ положеніи и свойствахъ западнаго края. Дѣло въ томъ, что въ то время, когда Севергинъ дѣлалъ свое путешествіе, здѣсь совершалась та реакція польскаго вліянія, которая началась въ царствованіе Павла и особенно усилилась при Александрѣ I. Послѣ разгрома, постигшаго Польшу при Екатеринѣ, теперь снова мелькала въ будущемъ перспектива реставраціи, и въ

могилевская и витебская". Въ другомъ мѣстѣ, онъ прибавляетъ сюда и часть смоленской, и т. д.

Въ книгѣ: „Бѣлоруссія и Литва" (Спб. 1890) находимъ слѣдующее опредѣленіе: „Въ настоящее время подъ Бѣлоруссіею въ тѣсномъ смыслѣ извѣстны двѣ нынѣшнія губерніи Могилевская и Витебская, за исключеніемъ трехъ уѣздовъ послѣдней — Динабургскаго, Люцинскаго и Рѣжицкаго. Но бѣлоруссы живутъ также въ губерніяхъ Минской и Гродненской, за исключеніемъ южныхъ уѣздовъ ихъ, занятыхъ малороссами, въ большей части Виленской губерніи, за исключеніемъ сѣверо-западнаго угла ея, и въ Смоленской губерніи".

[1]) Этнографическая карта бѣлорусскаго племени также при „Чтеніяхъ" г. Кояловича.

[2]) Записки путешествія по западнымъ провинціямъ Россійскаго государства или минералогическія, хозяйственныя и другія примѣчанія, учиненныя во время проѣзда чрезъ оныя въ 1802 году академикомъ Васильемъ Севергинымъ. 1803. Продолженіе Записокъ путешествія по западнымъ провинціямъ россійскаго государства, и пр. 1804.

польскомъ обществѣ началась оживленная дѣятельность для укрѣпленія своихъ національныхъ силъ. Западный край, или такъ-называемая „Литва", въ ихъ глазахъ была сама Польша; дѣйствительно, высшій классъ былъ здѣсь едва ли уже не вполнѣ польскимъ, но оставалась народная масса, далеко не ополяченная и казавшаяся, по прежнимъ примѣрамъ, небезопасной въ силу своего русскаго характера и православія, и которая должна была быть объединена въ польскомъ смыслѣ. Началась новая работа для распространенія полонизма и католичества или уніи, съ цѣлью достигнуть однородности населенія и обезпеченія политическаго положенія. Севергинъ, отправляясь въ путь, получилъ отъ тогдашняго попечителя виленскаго учебнаго округа и члена главнаго управленія училищъ, князя Чарторыйскаго, порученіе осмотрѣть училища западнаго края и очутился какъ разъ въ средѣ этой польской и католической пропаганды, среди іезуитовъ и польскаго дворянства: онъ взглянулъ на западный край именно глазами этихъ послѣднихъ до того, что мѣстныхъ православныхъ, т.-е. своихъ собственныхъ единовѣрцевъ, онъ, по католической терминологіи, называетъ „схизматиками". Въ городѣ Друичинѣ, по словамъ его, монашествующіе ордена были —

„шисматики, базиліане и піары. Первые имѣли только двѣ бѣдныя, деревянныя церкви, да и монашествующихъ особъ было только двѣ: одинъ престарѣлый игуменъ и другой моложе. Извѣстно (!), что шисматики отличаются отъ унеатовъ тѣмъ, что сіи послѣдніе повинуются папѣ, а первые—патріарху цареградскому. Одѣяніе шисматиковъ подобно одѣянію грекороссійскихъ монашествующихъ особъ. Также расположеніе церкви и обряды при богослуженіи во всемъ почти подобны россійскимъ (!). Находясь въ прусской [1]) части Польши и не умѣя, впрочемъ, ни слова по российски (!), совершаютъ они богослуженіе по россійскимъ церковнымъ книгамъ. Обыкновенное грекороссіянъ привѣтствіе въ праздникъ Христова Воскресенія: *Христосъ воскресе* и отвѣтъ на сіе: *во истину воскресе* также и у нихъ въ употребленіи. О семъ обстоятельствѣ упоминаю я потому, что слышалъ сіе отъ нихъ самъ, находясь здѣсь въ самую недѣлю Святыя Пасхи.

„Говоря о шисматикахъ, не льзя не упомянуть мнѣ также о унеатахъ. Исповѣданіе и особливо богослуженіе унеатовъ во всемъ сходно съ богослуженіемъ шисматиковъ. Какъ въ прусской, такъ и въ россійской части Польши называютъ они себя россіянами. Церкви ихъ суть обыкновенно бѣдныя деревянныя, а священники отличаются отъ шисматиковъ тѣмъ, что не имѣютъ монашескаго ихъ одѣянія. При семъ примѣтить должно, что бѣдный простой народъ, большею частію, унеаты, а богатые и дворяне суть чистые католики. Унеаты называются также базиліанами. Нѣтъ почти села, какъ въ прусской, такъ и въ россійской Польшѣ, гдѣ бы не было унеатской церкви... Простой народъ, большею частію, юродливъ и грубъ, исповѣдаетъ унеатскую вѣру, и весьма склоненъ къ невѣжеству" [2]).

---

[1]) По тогдашнему.

[2]) Записки, стр. 92— 94; Продолженіе записокъ, стр. 94 — 95, 164 — 165; Су-

Первыя этнографическія изслѣдованія въ западномъ краѣ сдѣланы были въ польской литературѣ. Начальныя десятилѣтія XIX-го вѣка отмѣчены въ этой литературѣ особеннымъ оживленіемъ, и, между прочимъ, сильнымъ возбужденіемъ интересовъ научныхъ. Національныя испытанія пробудили въ польскомъ обществѣ, кромѣ патріотическихъ увлеченій, и сознаніе необходимости просвѣщенія, и время имп. Александра I отмѣчено разцвѣтомъ польской науки, которому считаютъ необходимымъ отдать справедливость даже злѣйшіе враги полонизма [1]).

„Въ 1803 году, — говоритъ г. Кояловичъ, — возстановлена была виленская іезуитская академія подъ именемъ университета. Іезуитская сущность—подавленіе въ странѣ всего русскаго, православнаго —осталась въ новомъ университетѣ неприкосновенною, только обставлена была современными научными усовершенствованіями и воплощена больше прежняго въ полонизаціи. Польская національная наука выступила въ виленскомъ университетѣ *въ такомъ величіи, въ какомъ никогда не являлась во времена польскаго государства.* Тутъ собраны были *лучшія дарованія,* тутъ было *все разнообразіе высшаго заведенія*... На другомъ пунктѣ западной Россіи, въ Малороссіи, именно въ Кременцѣ, подлѣ древней православной обители почаевской, давно уже, впрочемъ, захваченной уніатами и бывшей тогда въ ихъ рукахъ, устроилась главная колонія Виленскаго университета—Кременецкій лицей, подъ управленіемъ Чацкаго, главнаго совѣтника Чарторыйскаго или, лучше сказать, руководителя его“... [2]).

Указанныя самимъ историкомъ черты Виленскаго университета называются имъ дальше „обманчиво-величественными“,—но въ польской литературѣ виленская и кременецкая научная и литературная дѣятельность оставила весьма существенное вліяніе, а въ свое время такой „обманчивости“ вовсе не находило и русское общество,—тѣмъ болѣе, что эта дѣятельность произвела обильные и наглядные научные труды. Если припомнить состояніе тогдашнихъ русскихъ университетовъ, которое, за исключеніемъ университета Московскаго, гдѣ начиналась нѣкоторая самостоятельная жизнь—было по истинѣ младенческое, то надо будетъ умѣрить требовательность относительно университета Виленскаго, который могъ похвалиться тогда многими знаменитыми именами. И кромѣ университета, польская литература

хомлинова, Исторія Росс. Акад. IV (Сборникъ II Отд. Акад., т. XIX), стр. 58 и слѣд.

[1]) Ср. сочувственные отзывы Костомарова объ образовательномъ движеніи въ Польшѣ въ концѣ XVIII вѣка, которымъ воспитано было дѣйствовавшее теперь поколѣніе. „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, изд. 3-е. Спб. 1886, I, 156 и слѣд.

[2]) Чтенія, стр. 321.

того времени имѣла многихъ замѣчательныхъ писателей, которые пользовались большой извѣстностью и въ тогдашней русской литературѣ. Такъ, извѣстны были имена Спядецкихъ, Почобута, Чацкаго, Линде, Бродзинскаго, Лелевеля, Лобойки, Даниловича и др., писателей старыхъ и молодыхъ; въ дѣятельности ихъ между прочимъ сказывалась тогда живая струя славянскаго народнаго романтизма, оставшаяся не безъ вліянія и въ нашей литературѣ. Въ области поэзіи, это было время разцвѣта Мицкевича. Мы указывали въ другомъ мѣстѣ [1]), что эти десятилѣтія, до 30-хъ годовъ, были рѣдкимъ и любопытнымъ примѣромъ взаимнаго интереса, проявлявшагося и съ русской, и съ польской стороны,—и, чтобы правильнѣе оцѣнить отношенія того времени, надо припомнить эту роль тогдашней польской литературы. Польское общество того времени носилось съ мыслію о возстановленіи своей родины; это не была одна лишенная всякой реальной основы „интрига"—была здѣсь и возможность искренняго убѣжденія: полу-независимая, конституціонная Польша была мыслью самого русскаго императора; поляки увѣрены были въ высокомъ достоинствѣ польской образованности, и оно въ значительной степени признавалось въ тогдашней русской литературѣ. Въ журналахъ десятыхъ и двадцатыхъ годовъ нерѣдко сообщаются свѣдѣнія о польской литературѣ, и переводы польскихъ сочиненій по исторіи, археологіи; съ уваженіемъ называются имена Линде, Спядецкихъ, Лелевеля, Даниловича; идеи Казимира Бродзинскаго приводятся въ доказательство важности изученія народной поэзіи; наконецъ, являются переводы съ польскаго и по занимающему насъ предмету, и это были у насъ, кажется, первыя свѣдѣнія по бѣлорусской этнографіи. Мы и начнемъ съ этихъ польскихъ опытовъ.

Здѣсь вопросъ о бѣлорусской народности бывалъ, понятно, окрашенъ особеннымъ образомъ. Въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ въ первый разъ складывается тотъ этнографическій взглядъ, который отличалъ потомъ польскихъ этнографовъ даже до новѣйшаго времени. Послѣ всѣхъ политическихъ переворотовъ польская земля все еще представлялась патріотамъ въ тѣхъ границахъ, какія она имѣла до раздѣловъ: на цѣлое столѣтіе „Польша въ границахъ 1772 года" оставалась неизмѣннымъ идеаломъ и чуть не существующимъ фактомъ; русскія части ея, присоединенныя къ Россіи, считались „заграбленными" „наѣздомъ", но тѣсно связанными съ Польшей всею исторіей, характеромъ и сочувствіями самихъ жителей; исторія и характеръ опредѣлялись распространеніемъ полонизма въ этихъ краяхъ въ старое время, а сочувствія измѣрялись присутствіемъ въ

[1]) Томъ III.

этихъ краяхъ полонизированнаго высшаго и, частью, средняго сословія, дѣйствительно тяготѣвшихъ къ Польшѣ. Составъ „польскаго народа“ опредѣлялся по территоріямъ старой Польши; это были— „Корона“, „Литва“ и „Русь“. Корона — это было царство польское, старая собственная Польша, метрополія польской народности; Литва— старое княжество литовское, гдѣ само литовское племя занимало меньшее мѣсто, а главную долю составляли западные русскіе, или бѣлоруссы; Русь означала собственно южную Русь—Малороссію (нѣкогда принадлежавшую Польшѣ въ составѣ „Малой Польши“), которая считалась настоящимъ русскимъ (но вмѣстѣ полу-польскимъ) племенемъ въ отличіе отъ московитовъ или россіянъ, племени, испорченнаго восточными примѣсями. Въ другомъ мѣстѣ мы говорили о тѣхъ двусмысліяхъ, какими наполнено было въ польской литературѣ это толкованіе отношеній Польши и Руси: подобное двусмысліе господствовало и въ толкованіи „Литвы“. Невозможно было, конечно, смѣшать собственную Литву и русское населеніе западнаго края; но что касается до послѣдняго, то сначала, можетъ быть, просто по незнанію, а потомъ и намѣренно польскіе этнографы никакъ не отождествляли (русскую) „Литву“ съ племенемъ русскимъ въ имперіи и представляли ее особымъ народомъ. Этому косвенно помогало или соотвѣтствовало то обстоятельство, что сами русскіе, какъ мы видѣли, слабо припоминали, и въ московскія, и въ новѣйшія времена, свое единство съ бѣлоруссами. По книжной памяти о древнихъ кривичахъ, польскіе этнографы называли русскихъ жителей западнаго края „кривичанскими“ или „кревицкими славянами“, и довольно настойчиво повторяли это имя, не существующее въ дѣйствительности. Названіе это заходило потомъ даже въ русскія сочиненія... Какъ дальше увидимъ, этотъ этнографическій предразсудокъ или тенденція не мѣшали, впрочемъ, искреннему интересу польскихъ этнографовъ къ изученію западнаго края.

Одинъ изъ первыхъ научнымъ образомъ разсматривалъ этотъ вопросъ знаменитый Линде. Поводъ къ тому дали ему „Опытъ россійской библіографіи“ Сопикова (первый томъ вышелъ въ 1813 году) и изслѣдованіе о Литовскомъ Статутѣ. Въ русской литературѣ Сопиковъ былъ первымъ, весьма замѣчательнымъ для своего времени библіографомъ. Къ своему „Опыту“ онъ приложилъ свѣдѣнія о началѣ книгопечатанія и распространеніи его въ земляхъ славянскихъ и въ Россіи. Между прочимъ, онъ первый у насъ говорилъ съ нѣкоторой подробностью о книгопечатной дѣятельности въ западной Руси XVI—XVII вѣка и далъ первое подробное описаніе знаменитой библіи Скорины—книги, по его отзыву, „прерѣдкой“. По его указанію, этой книги не имѣлось въ самой академіи; Добровскій, въ быт-

ность свою въ Вильнѣ и Варшавѣ, не могъ, при всемъ стараніи, отыскать тамъ ни одной книги библіи Скорины; Сопиковъ старательно разыскивалъ экземпляры этого изданія и по частямъ видѣлъ ихъ въ библіотекѣ моск. госуд. архива иностранныхъ дѣлъ, въ библіотекахъ графа Ѳ. А. Толстого и Дубровскаго, въ московской духовной типографіи, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, въ библіотекахъ московскаго профессора Баузе и П. Я. Чаадаева [1]); въ своемъ описаніи Сопиковъ помѣстилъ много выписокъ изъ этой рѣдкой книги. Объ обстоятельствахъ развитія западно-русскаго книгопечатанія онъ сообщаетъ, впрочемъ, немногое; онъ знаетъ только, что были „славяно-россіяне“ или православные, „въ польскихъ краяхъ пребывающіе“, и о бѣлорусскомъ языкѣ дѣлаетъ только слѣдующее замѣчаніе: „Подъ именемъ бѣлорусскаго языка разумѣется нарѣчіе жившихъ въ Бѣлоруссіи и въ Польшѣ благочестивыхъ греческаго исповѣданія людей. Монахи въ тѣхъ странахъ, жившіе до исхода XVII-го столѣтія, почти всѣ свои богословскія и поучительныя сочиненія писали симъ языкомъ. Онъ есть смѣсь, составленная изъ языковъ: славянскаго, русскаго, польскаго, а частію и латинскаго“ [2]).

„Опытъ“ Сопикова вызвалъ замѣчательный для своего времени разборъ Линде, напечатанный въ 1816 году [3]). Самуилъ-Богумилъ Линде (родомъ изъ Торуня, или Торна, 1771—1847) изучалъ филологію въ лейпцигскомъ университетѣ и послѣ былъ тамъ лекторомъ польскаго языка; еще живя въ Лейпцигѣ, онъ пользовался вниманіемъ и помощью Потоцкихъ, Колонтая, Нѣмцевича, Оссолинскаго; въ 1804 вызванный прусскимъ правительствомъ въ Варшаву, онъ сталъ директоромъ лицея, основаннаго въ 1804 году, и много работалъ по учебному вѣдомству. По основаніи варшавскаго университета Линде былъ назначенъ директоромъ публичной библіотеки. Важнѣйшимъ трудомъ его былъ знаменитый Словарь польскаго языка, вышедшій въ шести большихъ томахъ въ Варшавѣ въ 1807—1814 годахъ [4]).

Этотъ Словарь, плодъ громаднаго труда, гдѣ введены уже сравненія между славянскими нарѣчіями и до нѣкоторой степени присоединенъ элементъ историческій, былъ важнымъ явленіемъ въ цѣломъ

---

[1]) См. „Опытъ“ I, стр. 6—18, 25—45.

[2]) „Опытъ“, I, стр. 167, прим. Въ примѣръ бѣлорусскаго языка онъ приводитъ выписку изъ книги: „Лекарство на оспалый смыслъ человѣчій“ (переводъ изъ Іоанна Златоуста, пресвитера Даміана, на славянскомъ и бѣлорусскомъ языкахъ. Острогъ, 1607 г.). „Опытъ“, стр. 106—107.

[3]) „O literaturze rosyjskiej“, въ журналѣ „Pamiętnik Warszawski“. 1816, czerwiec (іюнь), стр. 125 и д. Русскій переводъ, въ извлеченіи, въ „Вѣстн. Евр.“, Каченовскаго, 1816, ч. 90, № 21, стр. 110, и № 23, стр. 230 и д.

[4]) Второе изд. съ дополненіями, сдѣланное Августомъ Бѣлёвскимъ и Вагилевичемъ. Львовъ, 1854—1860.

развитіи славянскаго возрожденія, какъ одинъ изъ первыхъ трудовъ высокаго научнаго достоинства, обобщавшихъ славянскій матеріалъ, а въ польской литературѣ онъ сталъ національнымъ памятникомъ. Имя Линде пріобрѣло великую славу, которая, между прочимъ, высоко цѣнилась и въ русской литературѣ. Разборъ русской книги показывалъ въ польскомъ критикѣ тотъ болѣе широкій интересъ научнаго общенія съ русской литературой, о которомъ мы говорили выше, и хорошую ученую школу, какой недоставало русскому библіографу-любителю [1]). Указавъ пробѣлы и неточности въ изложеніи исторіи славянскаго книгопечатанія у Сопикова, Линде дополняетъ его собственными указаніями, — изъ которыхъ приведемъ нѣсколько подробностей. Западно-русскіе писатели, повидимому, представлялись для Линде въ какомъ-то двойственномъ видѣ. Они какъ будто казались ему польскими. Линде упрекаетъ Сопикова, что тотъ, упоминая, напр., о старыхъ чешскихъ библіяхъ, не помѣщаетъ библій польскихъ, напр., по крайней мѣрѣ, библіи Буднаго,—„тѣмъ болѣе, что г. Сопиковъ не упустилъ сказать о катехизисѣ того же автора для простыхъ людей русскаго языка, изданномъ въ Несвижѣ [2]). Вообще, онъ совсѣмъ не упоминаетъ о польскихъ сочиненіяхъ даже тѣхъ *нашихъ авторовъ*, которые и въ церковномъ языкѣ, и въ польскомъ *равно были искусны*, напр., Мелетія Смотрицкаго, Галятовскаго, Барановича, Коссова, Саковича, Зизанія; да и въ такихъ случаяхъ молчитъ, когда одно и то же самое сочиненіе издано было особо на церковномъ языкѣ и особо на польскомъ, напр., Мелетія Смотрицкаго Апологія и Плачъ (Ѳриносъ)“... [3]). Приводя далѣе упомянутое выше замѣчаніе Сопикова о бѣлорусскомъ языкѣ, Линде прибавляетъ, что „будетъ имѣть случай сравнить этотъ языкъ со старымъ славянскимъ“.

Обращаясь къ подробностямъ литературы церковнаго языка, Линде дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе, очевидно для своихъ соотечественниковъ. „Если бы кто, бывъ предубѣжденъ противъ литературы церковнаго языка, могъ подумать, будто бы она содержитъ въ себѣ книги, единственно къ богослуженію греческой церкви относящіяся, и слѣдственно намъ чуждыя, тому я скажу въ отвѣтъ, что въ нашемъ Краковѣ вышли первыя на церковномъ языкѣ изданія; что Кіевъ, Супрасль, Почаевъ, Несвижъ, Львовъ, Вильно и пр. участвовали въ печатаніи книгъ церковныхъ; что имена князей Острожскихъ, Радзивиловъ, Соломерецкихъ, графовъ Ходкевичей прославились покровительствомъ сей отрасли литературы славянской; что Литовскіе Ста-

[1]) Позднѣе, Линде издалъ польскій переводъ первой и единственной тогда исторіи русской литературы, Греча, съ своими дополненіями.

[2]) „Опытъ“, т. I, № 552.

[3]) „Вѣстн. Евр.“ 1816, ч. 90, стр. 118.

туты, первый и третій, вышли на русскомъ языкѣ; что всѣ Ягеллоны, даже до Сигизмунда-Августа въ Литвѣ писали по-русски, давали грамоты и привилегіи, а по словамъ нашего Бандтке (въ его исторіи книгопечатанія), кажется, нѣкоторые изъ нихъ не слишкомъ сильны были въ польскомъ языкѣ, и что, по крайней мѣрѣ, Казимиръ Ягеллонъ раньше зналъ по-русски, чѣмъ по-польски; прибавлю, что какъ языкъ церковный никогда не былъ чуждымъ Польшѣ (?), равнымъ образомъ и его литеразура никогда не могла быть ей чуждою" [1]).

Эта „Польша", которой никогда не былъ чуждымъ славянскій языкъ, представлялась тѣмъ западно-русскимъ краемъ, который и по прежнимъ, и по теперешнимъ польскимъ понятіямъ составлялъ нераздѣльную часть этого государства.

Въ дополненіе къ примѣрамъ бѣлорусскаго языка, приведеннымъ у Сопикова, Линде указываетъ еще поученіе св. Кирилла Іерусалимскаго объ „Антихристѣ и его знакахъ", напечатанное въ Вильнѣ въ 1596 году, на одной сторонѣ бѣлорусскимъ языкомъ и славянскими буквами, а на другой — по-польски и готическимъ шрифтомъ. Эту книгу Линде считалъ важною потому, что она давала возможность наглядно сравнивать бѣлорусскія слова съ польскими; оба языка оказывались, на его взглядъ, почти сходными и разница состояла только въ грамматическихъ окончаніяхъ именъ и глаголовъ [2]). Это сходство, котораго на дѣлѣ не было въ такой степени между народнымъ бѣлорусскимъ и польскимъ, здѣсь могло бросаться въ глаза потому, что въ *книжномъ* западно-русскомъ языкѣ, уже съ XVI-го столѣтія, является много лексическихъ заимствованій изъ языка польскаго.

Обозрѣвая, на основаніи работы Сопикова и собственныхъ матеріаловъ и соображеній, исторію старо-славянскаго книгопечатанія и литературы, Линде приходилъ къ выводу, что ихъ развитіе шло по направленію отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Въ этомъ движеніи онъ указываетъ сильное участіе Польши, такъ какъ первыя церковно-славянскія типографіи явились въ Краковѣ и въ той западно-русской „Литвѣ", которую онъ отождествляетъ съ Польшей. Затѣмъ,—говоритъ онъ,—наступаетъ „новое явленіе", „та важная эпоха, когда россійская литература, новая отрасль славянской, съ такою быстротой поднялась и расширилась, что уже совершенно затмѣваетъ послѣднюю и беретъ верхъ надъ старинною", и когда „то участіе, которое поляки имѣли въ старинной славянской литературѣ, равно какъ и въ русской",—прекращается.

Таковы были понятія о положеніи западно-русскаго языка у пи-

[1]) Тамъ же, стр. 122—123. См. также стр. 242—243.
[2]) Тамъ же, стр. 240—242.

сателя, который былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ славянскихъ ученыхъ того времени. Прибавимъ кстати, что Линде уже тогда, за нѣсколько лѣтъ до знаменитой статьи Востокова, съ которой считаютъ возникновеніе мысли объ исторіи славянскаго языка, высказывалъ мимоходомъ любопытныя соображенія о возможности историческаго изученія языка; эти соображенія показались очень странными русскому переводчику его статьи, Каченовскому, но на самомъ дѣлѣ угадывали будущій вопросъ науки. По поводу отношеній западно-русскаго и польскаго языка, Линде замѣчалъ: „можно бы весь составъ славянскаго языка *хронологически* расположить на эпохи такимъ образомъ: 1) на эпоху предславянскую; 2) на эпоху славянскую; 3) на эпоху нарѣчій; 4) на эпоху макаронизмовъ, послѣдованія вѣковъ, сосѣдствъ, связей политическихъ и торговыхъ и пр.“ Каченовскій, передавая эти слова, сопровождаетъ ихъ недоумѣвающими возраженіями; объ эпохѣ „предславянской“ онъ спрашиваетъ: „а что мы найдемъ въ этой эпохѣ?“—объ эпохѣ „славянской“: „гдѣ она?“ — и въ заключеніе говоритъ: „сомнѣваемся, чтобы къ чему-нибудь послужило такое раздѣленіе“ [1]). Но именно къ подобному раздѣленію приходила позднѣйшая наука: Линде, очевидно, думалъ, что наука можетъ поставить вопросъ о той до-исторической эпохѣ, когда славянскій языкъ еще не выдѣлился въ особую отрасль, той эпохѣ, которая называется теперь арійскою; эпоха славянская обозначаетъ тотъ, предполагаемый теперь наукою, періодъ, когда славянская отрасль уже выдѣлилась изъ арійскаго цѣлаго, но еще сохраняла свое единство и не дѣлилась на отдѣльныя группы племенъ и нарѣчій, и т. д.

Мы указывали въ другомъ мѣстѣ, что польскіе этнографы, чтобы отличить языкъ южный или западный русскій (малорусскій или бѣлорусскій) отъ русскаго (великорусскаго, литературнаго), называютъ именно первый „русскимъ“, а второй—„россійскимъ“. Такъ это дѣлаетъ и Линде, вѣроятно, безъ всякой тенденціи (явившейся послѣ), а просто по привычкѣ, потому что народъ западнаго края изстари назывался русскимъ, а народъ русскаго государства для отличія давно назывался у поляковъ [2]), по политическому названію *государства*, московскимъ, а позднѣе — россійскимъ. Каченовскій, чтобы передать эту разницу, употребляетъ такое различеніе: польское названіе „русскій“ (т.-е. западно-русскій) онъ передаетъ словомъ: „руській“ и замѣчаетъ: „перевожу: руськой языкъ, чтобы не смѣшивать съ нашимъ русскимъ; сей послѣдній у поляковъ назы-

[1]) Тамъ же, стр. 239—240, прим.

[2]) Какъ и у западныхъ европейцевъ стараго времени, и у самихъ западныхъ и южныхъ славянъ.

вается въ просторѣчіи московскимъ, а на письмѣ россійскимъ; подъ руськимъ же разумѣютъ они употребляемый жителями губерній: минской, кіевской, волынской и подольской" [1]).

Выше упомянуто, что Линде предполагалъ заняться сравненіемъ бѣлорусскаго языка со старымъ славянскимъ. Это было сдѣлано имъ въ другомъ трудѣ, вышедшемъ въ томъ же 1816 году—въ изслѣдованіи объ одномъ изъ старѣйшихъ и знаменитыхъ памятниковъ западно-русскаго языка, Литовскомъ Статутѣ [2]). Въ этой книгѣ, представляющей подробный трактатъ о различныхъ редакціяхъ и переводахъ знаменитаго законодательнаго памятника, Линде въ особой главѣ останавливается на языкѣ и письмѣ Литовскаго Статута. Этотъ языкъ былъ русскій, но въ какомъ отношеніи находится онъ къ господствующему русскому языку и къ языку церковному? По мнѣнію Линде, выраженіе „русскій языкъ" часто употребляется не совсѣмъ точно, и онъ указываетъ, что даже одинъ изъ тогдашнихъ польскихъ ученыхъ авторитетовъ, Чацкій, смѣшивалъ языкъ Статута и съ церковнымъ языкомъ, и съ „россійскимъ", а также, напр., языкъ древняго перевода Новаго Завѣта считалъ началомъ той русской литературы, которая въ XVIII вѣкѣ имѣла Ломоносова и Державина. „При всемъ томъ,—замѣчаетъ Линде,—россіянинъ, который съ восторгомъ декламируетъ стихотворенія Ломоносова, Державина и т. д., и греко-россійскій духовный, который на память знаетъ славянскую библію, не пойметъ и одной статьи русскаго Литовскаго Статута, до такой степени, что найдено было нужнымъ издать переводъ Литовскаго Статута на языкъ россійскій" [3]). Такъ какъ языкъ, на которомъ былъ писанъ и печатанъ Литовскій Статутъ, ничѣмъ не отличается отъ языка въ книгѣ Зизанія (Поученіе св. Кирилла объ Антихристѣ), который у Сопикова названъ бѣлорусскимъ, то и Линде находилъ въ этомъ основаніе называть языкъ Литовскаго Статута бѣлорусскимъ. Приводя параллельную выписку одного мѣста въ Статутѣ на языкѣ подлинника и въ старомъ польскомъ переводѣ, Линде находитъ, что здѣсь лишь немногія слова потребовали бы объясненія для поляка; главная разница заключается въ грамматическихъ окончаніяхъ именъ и глаголовъ. Линде замѣчаетъ при этомъ, что, благо-

[1]) Тамъ же, стр. 122. Эта нелѣпость различенія „руськаго" отъ „русскаго" не помѣшала, однако, этому термину войти у насъ въ употребленіе для обозначенія западно-русскаго языка, и въ послѣдній разъ этотъ терминъ употреблялся въ оффиціальномъ учебникѣ исторіи русской словесности, составленномъ въ 1850-хъ годахъ, если не ошибаемся, извѣстнымъ академикомъ И. И. Давыдовымъ.

[2]) O Statucie Litewskim, ruskim językiem i drukiem wydanym, wiadomość, przez M. Sam. Bog. Linde; w Warszawie, 1816. 4°.

[3]) O Statucie Lit., стр. 12. Линде разумѣетъ новый русскій переводъ, изданный въ 1811.

даря чистотѣ стиля русскаго Литовскаго Статута, языкъ его стараго и очень близкаго польскаго перевода считается образцовымъ, вслѣдствіе отсутствія тѣхъ макаронизмовъ, которые въ то время начали крайне искажать польскій языкъ. Несмотря на эту близость съ польскимъ, въ русскомъ языкѣ Литовскаго Статута есть довольно выраженій, хотя извѣстныхъ полякамъ, но болѣе или менѣе непривычныхъ; другія употребляются въ иномъ смыслѣ; далѣе, есть въ Статутѣ довольно много словъ, или очень далеко, или совершенно отходящихъ отъ польскаго и, напротивъ, близкихъ къ „россійскому" или къ церковному, или наконецъ совсѣмъ чуждыхъ славянщинѣ. Приводя мнѣніе Сопикова, что бѣлорусскій языкъ представляетъ смѣсь славянскаго (Линде толкуетъ: церковнаго), русскаго (Линде толкуетъ: россійскаго), польскаго и отчасти латинскаго, Линде замѣчаетъ, что здѣсь пропущена еще одна составная часть бѣлорусскаго языка, а именно — нѣмецкіе макаронизмы, которые въ немъ тѣ же, что въ польскомъ, а можетъ быть, и пришли на Русь изъ Польши.

Такъ опредѣлялъ Линде складъ бѣлорусскаго языка. Онъ не отождествлялъ его ни съ языкомъ русскимъ, ни съ польскимъ. Въ его взглядѣ были, конечно, неточности. Напр., то обстоятельство, что для практическаго употребленія въ новѣйшее время потребовался новый переводъ съ бѣлорусскаго языка XV — XVI вѣка, ничего не говоритъ противъ исторической принадлежности самаго языка; для новѣйшаго читателя понадобился бы также точно переводъ и другихъ старыхъ русскихъ памятниковъ. Далѣе, тотъ разрядъ бѣлорусскихъ словъ, которыя Линде отмѣтилъ въ Статутѣ какъ совсѣмъ чуждыя польскому языку и даже всей остальной славянщинѣ, этотъ разрядъ совершенно совпадаетъ съ народнымъ русскимъ языкомъ. Истина была въ томъ, что, при несомнѣнномъ единствѣ происхожденія и основныхъ чертъ языка бѣлорусскаго съ русскимъ (россійскимъ, великорусскимъ), первый представлялъ свои мѣстныя отличія, какія въ древности отличали, напр., языкъ средней Руси, новгородскаго сѣвера, кіевско-галицкаго юга; что впослѣдствіи, отдѣлившись политически, бѣлорусское племя переживало особыя вліянія, отразившіяся на его языкѣ, а именно, во-первыхъ, развились его давнія звуковыя особенности, проникшія — внѣ воздѣйствія общей русской письменности—въ языкъ книжный, а во-вторыхъ, размножились „макаронизмы" изъ языковъ латинскаго, польскаго и нѣмецкаго, и складъ рѣчи сталъ принимать польскіе обороты.

Второе и третье десятилѣтія нынѣшняго вѣка отмѣчены все болѣе распространяющимся интересомъ къ народности и народной поэзіи. Польская литература того времени воспринимала этотъ интересъ едва ли не больше тогдашней русской, и первыя изученія бѣлорус-

ской народности появляются въ трудахъ польскихъ этнографовъ-любителей. Линде уже воспользовался народнымъ бѣлорусскимъ матеріаломъ для своего польскаго словаря. Ходаковскій, который самъ былъ уроженецъ западнаго края, между прочимъ странствовалъ и въ Бѣлоруссіи, особенно въ восточной ея части, и, по словамъ Безсонова, сборникъ пѣсенъ Ходаковскаго разошелся послѣ его смерти по разнымъ рукамъ и часть собранія бѣлорусскаго осталась въ бумагахъ Калайдовича [1]). Въ польскихъ журналахъ того времени нерѣдко помѣщались небольшія статьи о бѣлорусскомъ бытѣ, преданіяхъ, бѣлорусскія пѣсни, и отсюда переводились въ русскихъ журналахъ. Такъ, напр., явилась въ виленскомъ журналѣ 1817 г. статья г-жи Чарновской о миѳологическихъ преданіяхъ бѣлорусскаго народа [2]), которая потомъ дважды переведена была на русскій [3]). Въ томъ же виленскомъ журналѣ помѣщена была статья Игнатія Шидловскаго, одного изъ виленскихъ „шубравцевъ", о свадебныхъ обрядахъ въ минской губерніи [4]). Затѣмъ, въ русскихъ журналахъ двадцатыхъ годовъ не разъ появляются статьи о западной русской исторіи и народности, или переведенныя изъ польскихъ книгъ и журналовъ, или составленныя мѣстными уроженцами съ польскимъ образованіемъ и писавшими по-русски [5]).

---

[1]) См. „К. Ѳ. Калайдовичъ, біографическій очеркъ" и пр. Безсонова, въ „Р. Бесѣдѣ", 1860, и въ „Чтеніяхъ" Моск. Общ. ист. и древн. 1862, кн. 3; „Бѣлорусскія пѣсни", изд. П. Безсонова, Москва, 1871, стр. XXI.

[2]) Maria Czarnowska; „O zabytkach mitologii słowiańskeij, dochowanych w zwyczajach wiejskiego ludu na Białej Rusi", въ Tygodn. Wilenski, 1817, № 34, стр. 396—408.

[3]) „Остатки славянскаго баснословія въ Бѣлоруссіи", „Вѣстн. Евр." 1818, ч. 102, стр. 53 — 56, 111 — 119 (наблюденія относятся къ могилевской губерніи), и та же статья „Остатки славянской миѳологіи, сохранившіеся у бѣлорусскихъ поселянъ", въ „Сѣверномъ Архивѣ", 1822, т. IV, стр. 463—473.

[4]) Ign. Szydłowski, „O obrzędach weselnych ludu wiejskiego w gub. Mińskiej", Tygodn. Wileński, 1819, т. I, стр. 1 и 81. Біографію этого Шидловскаго см. въ книгѣ гр. Тышкевича: Opisanie powiatu Borysowskiego, Wilno, 1847, стр. 277—286.

[5]) Напр., „О происхожденіи законовъ, имѣвшихъ силу въ Польшѣ и Литвѣ", изъ статьи Ѳаддея Чацкаго, въ Dziennik Wil., въ „Вѣстн. Евр." 1824, ч. 135—137.

— „Бѣглый взглядъ на исторію Литвы", изъ Бандтке, „Вѣстн. Евр." 1826, ч. 146.

— „Народные праздники, увеселенія, повѣрья и суевѣрные обряды жителей Бѣлоруссіи", „Вѣстн. Евр." 1828, ч. 158—статья Казимира Фалютынскаго, присланная секретарю московскаго Общества исторіи и древностей изъ Виленскаго университета; авторъ—уроженецъ витебской губерніи, которую онъ и описываетъ; наблюденія его относятся до простого народа уніатскаго обряда.

— „Праздники, забавы, предразсудки и суевѣрные обряды простого народа въ новогрудскомъ повѣтѣ литовско-гродненской губерніи", Мухлинскаго; переводъ съ польскаго. „Вѣстн. Евр." 1830, ч. 172.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, польская этнографія продолжаетъ обращаться къ народной жизни Бѣлоруссіи, отчасти вводя ее въ общія изслѣдованія о польской старинѣ и народности, отчасти изслѣдуя ее въ отдѣльности, хотя опять съ польской точки зрѣнія. Таковы были труды Лукаша Голэмбёвскаго (1773 — 1849), въ свое время имѣвшаго большую извѣстность въ ряду этнографовъ эпохи славянскаго возрожденія, а позднѣе оцѣняемаго менѣе высоко, потому что онъ, какъ и большинство тогдашнихъ любителей не только въ польской, но и въ другихъ славянскихъ литературахъ, не отличался строгою критикою, и притомъ не мало пользовался рукописями стараго польскаго собирателя, Андрея Китовича (1728—1804). Изъ этнографическихъ сочиненій Голэмбёвскаго извѣстны: „Lud polski, jego zwyczaje i zabawy" 1830; „Ubiory w Polsce od najdawniejszych czasów aż do chwil obecnych" 1830; „Domy i dwory w Polsce", 1830; „Gry i zabawy" и пр., 1831. Здѣсь, особенно въ книгѣ „Польскій народъ", приведены, рядомъ съ польскими, и черты бѣлорусскаго быта, и даже нѣсколько пѣсенъ, переписанныхъ польскими буквами и съ ихъ мотивами.

Подобнымъ образомъ польскіе изслѣдователи давно посвящали труды географіи, исторіи и археологіи западнаго края и Литвы. Ихъ сочиненія въ первой половинѣ столѣтія были почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній о западномъ краѣ и для русской литературы, а иногда сохраняютъ свое значеніе до сихъ поръ. Напомнимъ главнѣйшіе изъ подобныхъ трудовъ. Таковы были, между прочимъ, книги Юрія Самуила Бандте (1768—1835) по исторіи польскаго и литовскаго книгопечатанія [1]), очень извѣстныя русскимъ библіографамъ; сочиненія Іосифа Лукашевича (1799—1873) по исторіи реформаціи и школъ въ Польшѣ и Литвѣ, т.-е. западно-русскомъ краѣ, сочиненія, которыя цитируются и донынѣ [2]); обширный трудъ по исторической географіи и статистикѣ Польши и Литвы, Михаила Балинскаго (1794 — 1863),—который вмѣстѣ съ Лелевелемъ былъ основателемъ „Виленскаго Ежедневника" и принималъ дѣятельное участіе въ тогдашнемъ польскомъ литературномъ и научномъ движеніи въ западномъ краѣ, — и Тимоѳея Липинскаго (1797 — 1856), трудолюбиваго историка и археолога [3]).

---

[1]) Historya drukarń krakowskich, Краковъ, 1815; Historya drukarń w Krolestwie Polskiem i Wielkiem Xięstwie Litewskiem, тамъ же, 1826.

[2]) O kościołach Braci Czeskich w dawnej Polsce, Poznań 1835; Dzieje kościołów wyznania helweckiego na Litwie, 2 т., 1844; Dzieje kościołów wyznania helweckiego w dawnej Małopolsce, 1853; Historya Szkół w Koronie i w W. X. Litewskiem, 4 т., 1849—51.

[3]) Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym opisana, 3 тома (въ 4 книгахъ), Warsz. 1843 — 50. Балинскому принадлежитъ соб-

Въ особенномъ интересѣ, съ которымъ велось въ польской литературѣ изученіе западнаго края, „Литвы", можно было замѣтить, наконецъ, любопытную черту — выдѣленіе особаго мѣстнаго элемента. Г. Безсоновъ, успѣвшій довольно хорошо присмотрѣться къ историческимъ и общественнымъ отношеніямъ западнаго края, видѣлъ въ этомъ интересѣ цѣлый переворотъ. „Пятидесятые года нашего столѣтія, — говоритъ онъ — были счастливы: стороны, обреченныя вѣчно бороться и спорить, но вовсе ничѣмъ не обязанныя враждовать, ненавидѣть и ѣсть другъ друга, начали рѣшительно искать сближенія, какого-нибудь modus vivendi, какой-нибудь возможности жить и дѣйствовать вмѣстѣ. Политическое событіе, нѣкогда сплотившее ихъ суровою силой и именемъ Литвы, отозвалось вновь: усильно стали всѣ принимать названіе Литвы, литовцевъ, литовскаго, и подъ этимъ названіемъ дѣйствовать, по возможности вмѣстѣ, сообща, не всегда къ одной, но, по крайности, къ нѣсколькимъ сходнымъ цѣлямъ. Недостойно было бы насъ, по обычаю другихъ, видѣть и здѣсь хитрое укрывательство польщизны, или предлогъ затереть все русское: не диво, если полякъ, не имѣя возможности жить въ семъ качествѣ, преображался въ литовца, а Русь одѣвалась Литвою, чтобы отличить себя отъ извѣстнаго руссизма; въ сей формѣ полякъ все-таки давалъ отпоръ исключительности польской, какъ давало нѣкогда литовское княжество, а Русь все-таки выводилась на сцену, хотя и подъ собирательнымъ, политическимъ нѣкогда, теперь же народнымъ именемъ —Литвы. То была просто и естественно искомая формула хоть какого-либо примиренія. Еще живъ былъ ветеранъ, великій Нарбуттъ, родоначальникъ сего дѣла и направленія" [1]).

Теодоръ Нарбуттъ (1784—1864), учившійся въ Виленскомъ университетѣ, потомъ инженеръ русской службы, во время финляндской войны 1809 года получилъ сильную контузію, которая причинила глухоту и заставила его покинуть службу, и съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ свой досугъ изученію исторіи своей „литовской" родины. Результатомъ были обширные труды по исторіи западнаго края [2]). Польскіе критики признаютъ въ немъ „пламенную любовь къ про-

---

ственно третій томъ, заключающій описаніе Литвы, т.-е. западнаго края. Границей описанія авторы ставили 1794 годъ, конецъ „старой Польши", и описаніе расположено по политическому дѣленію областей (Великая Польша, Малая Польша, Литва; воеводства, земли, города), существовавшему до 1773 года. — Балинскому принадлежатъ также: Opisanie statystyczne miasta Wilna, 1835, и — Historya miasta Wilna, 2 тома, 1836—37.

[1]) Бѣлорусскія Пѣсни, стр. XXV.

[2]) Dzieje starożytne narodu Litewskiego, 9 томовъ, Wilno, 1835—41; Pomniki do dziejów litewskich pod względem historycznym, obyczajowym, archeologicznym и т. д., Wilno, 1846: Pomniejsze pisma historyczne, 1856 и др.

шедшему своей провинціи“ и признаютъ важность его трудовъ какъ богатаго матеріала, но укоряютъ за недостатокъ критики; иное впечатлѣніе произвели его труды на г. Безсонова. „Не говоря о печатныхъ сочиненіяхъ Нарбутта,—замѣчаетъ онъ,—его бумаги, которыя удалось намъ въ тревожное время спасти отъ погибели тотчасъ по его смерти и бережно перевезти на храненіе въ Виленскій музей (и это мы считаемъ отраднѣйшимъ дѣломъ жизни), съ тысячами его очерковъ, соображеній, замѣтокъ, составляютъ для всего края, въ томъ числѣ Бѣлой Руси, такое сокровище, какого еще не собирали для нея другіе поляки и русскіе“ [1]).

Отчасти въ томъ же смыслѣ мѣстнаго патріотизма, отчасти съ польской точки зрѣнія, сдѣланъ былъ потомъ длинный рядъ изслѣдованій по исторіи западнаго края, неравнаго достоинства, но часто и донынѣ сохраняющихъ свою важность. Таковы труды Іосифа Ярошевича (1793 — 1860),—воспитанникъ, а потомъ профессоръ Виленскаго университета по польско-литовскому праву и статистикѣ, онъ много работалъ по исторіи Литвы [2]); труды Игнатія Даниловича (1789 — 1863), воспитанника Виленскаго университета, потомъ профессора въ Вильнѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и въ Москвѣ, и наконецъ работавшаго въ Петербургѣ, многозаслуженнаго ученаго, странническая жизнь котораго и труды, наполовину въ польской, наполовину въ русской наукѣ, какъ будто отвѣчали обоюдному положенію самой его родины [3]); Іосифа-Игнатія Крашевскаго, знаменитаго польскаго беллетриста, которому принадлежитъ, между прочимъ, обширная исторія Вильны [4]); Николая Малиновскаго (1799—1865); Казимира Стадницкаго (род. 1808); Шайнохи (1818—1868) и др., до новѣйшихъ трудовъ по польской исторіи, касавшихся болѣе или менѣе тѣсно и исторіи западнаго края, до трудовъ Шуйскаго, Бобржинскаго, недавно умершаго ксендза Калинки и т. д., которые принадлежатъ уже современной литературѣ. Первыя изъ названныхъ именъ принадлежатъ старому поколѣнію, работавшему въ то время, когда русская исторіографія едва касалась западнаго края: точка зрѣнія этихъ трудовъ, какъ спеціально польскихъ, такъ и мѣстно-патріотическихъ, была, очевидно, другая, но эти изслѣдованія положили начало,—ими

---

[1]) Безсоновъ, тамъ же.

[2]) Главное сочиненіе: Obraz Litwy pod względem jej oświaty i cywilizacyi od czasów najdawniejszych do końca XVIII wieku, 3 части, Вильно, 1844—45.

[3]) Его подробная біографія въ „Біографическомъ Словарѣ“ Кіевскаго университета, s. v.

[4]) Wilno od początków jego aż do roku 1750, четыре тома, Вильно, 1838—40. См. также: Litwa, starożytne dzieje, ustawy, język, wiara, obyczaje, pieśni, przysłowia, podania, 2 тома, Warszawa, 1847—50; Wspomnienia Polesia, Wolynia i Litwy, 2 т., 1840 и др.

пользовалась и должна еще пользоваться русская исторіографія, но она должна теперь пополнить ихъ съ другой стороны, на основаніи новыхъ источниковъ, въ прежнее время частію не принятыхъ во вниманіе, частію неизвѣстныхъ, и съ новой точки зрѣнія, которой надо только пожелать болѣе широкаго, дѣйствительно народнаго, горизонта.

Подобнымъ образомъ польскимъ ученымъ принадлежатъ первыя разысканія въ области археологіи западнаго края, временъ историческихъ и до-историческихъ. Таковы были труды гр. Евстафія и Константина Тышкевичей, Пржездзецкаго, Киркора и др.

Болѣе спеціальныя польскія работы по этнографіи западнаго края появляются съ конца тридцатыхъ годовъ и иногда, въ извѣстной степени, также носятъ на себѣ отпечатокъ мѣстнаго патріотизма, какимъ отличаются нѣкоторые изъ „литовскихъ“ историковъ. Таковы были, напр., сборники Чечота, Зенкевича и др., на которыхъ дальше остановимся подробнѣе. Здѣсь укажемъ пока одну книжку, стоящую особнякомъ и принадлежащую къ эмиграціонной литературѣ. Это — книжка Александра Рыпинскаго, по характеру параллельная съ книжкой Яворскаго, о которой мы говорили прежде [1]): какъ Яворскому вспоминалась родная Украйна, въ которой видѣлась ему земля политически-польская, и какъ у него польскій патріотизмъ сливался съ малорусскимъ въ смыслѣ польскаго украинофильства, такъ другой эмигрантъ вспоминаетъ на чужбинѣ родную Бѣлоруссію, народъ которой трудно было представить польскимъ, но который, по крайней мѣрѣ, автору хотѣлось видѣть польскимъ [2]).

Это были лекціи, читанныя авторомъ въ Парижѣ въ литературномъ кружкѣ изъ польскихъ эмигрантовъ, и книжка проникнута настроеніемъ, какое вообще наполняло эмиграцію. Въ удрученномъ нравственномъ состояніи, въ трудныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, эмигранты жили вообще прошедшимъ, и нравственной опорой была только надежда на реставрацію, надежда смутная, которую вообще можно было питать одной фантазіей, несбыточными разсчетами—не столько на свои силы, сколько на чужую помощь. Эмиграція порождала въ лучшихъ умахъ крайне идеалистическую поэзію

---

[1]) Томъ III, гл. IX.

[2]) Вотъ полное заглавіе этой, вѣроятно, рѣдкой теперь книжки: „Białoruś. Kilka słow o poezii prostego ludu téj naszéj polskiéj prowincii; o jego muzyce, śpiéwie, tańcach, etc. przez Alexandra Rypińskiego, czlonka akademii przemysłu, rolnictwa, rękodzieł i handlu francuzkiego. Czytano: na posiedzeniu towarzystwa literackiego polskiego w Paryżu r. 1839 mca. listopada 21 dnia. Paryż. W księgotłoczni J. Marylskiego, 1840. 16°. 228 стр. Г. Безсоновъ (Бѣлор. Пѣсни, стр. XXIII) ошибочно называетъ автора книжки Кыпинскимъ.

или мистицизмъ; людей предпріимчивыхъ толкала на отчаянную роль заговорщиковъ и эмиссаровъ; инымъ представлялись ошибки прежняго времени и желаніе исправить ихъ обращеніемъ къ народу; но вообще родина представала имъ со всею прелестью, какую она пріобрѣтаетъ на чужбинѣ и когда она потеряна безвозвратно... Въ началѣ своей книжки Рыпинскій замѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ творецъ „Валенрода“ и Богданъ Залѣсскій коснулись народной жизни Литвы и Украины, польская молодежь съ жаромъ обратилась къ народнымъ сокровищамъ польской литературы. Авторъ — по словамъ его—„родился далеко отъ гнѣзда родной рѣчи Пястовъ, отъ сильной польщизны Скарги, Трембецкихъ, Нарушевичей или Кохановскихъ“; онъ извиняется, что, можетъ быть, въ его рѣчи проскользнетъ иногда провинціализмъ, который поразитъ уши его слушателей, но онъ надѣется, что ихъ суровый судъ замѣнится снисхожденіемъ, когда они узнаютъ, что онъ говоритъ имъ польскимъ языкомъ „глубокой Бѣлоруссіи“, языкомъ, „которому насъ — далеко за Двину, до Великихъ Лукъ и Пскова, съ оружіемъ въ рукахъ, научилъ когда-то Баторій и который мы до настоящаго дня старательно бережемъ, какъ драгоцѣннѣйшее наше сокровище, на самыхъ глазахъ врага, у воротъ его столицъ, за сто миль отъ Варшавы, несмотря на вліяніе искажающей Москвы, заливающее насъ кругомъ. Это сокровище завѣщали намъ польки, наши матери“. Въ Польшѣ, простирающейся, по мнѣнію автора, отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Салы до воротъ Смоленска, „на этомъ разноцвѣтномъ, но въ одно сливающемся пространствѣ“, находятся новые, еще не собранные источники языка, исторіи и поэзіи, „о которыхъ мы еще и не слышали, несмотря на множество открытій. Эти сокровища и надо разыскивать и собирать —изъ нихъ создается святыня чисто національная, передъ которой поблекнутъ чужія заимствованія, какими наполнена еще польская литература“.

Понятно, что, по мнѣнію автора, Бѣлая Русь есть та же Польша. „Ѳта Русь, *насколько она есть и будетъ польскою,* составляетъ нераздѣльную часть нашего дорогого отечества... Живетъ здѣсь простой народъ славянскаго племени, издавна тѣсно породнившійся съ семьею ляховъ, честный, но убогій, и мало извѣстный даже собственной отчизнѣ его, Польшѣ, хотя онъ любитъ ее выше всего“. Съ давнихъ временъ этотъ народъ былъ предметомъ спора сосѣдей; но ихъ нападенія остались тщетны, народъ уцѣлѣлъ —„чтобы доказать имъ, что онъ самъ можетъ выбрать себѣ господина, и чужихъ властителей (narzuconych najezdźców) не хочетъ знать“. Затѣмъ, „онъ выбралъ себѣ, наконецъ, Польшу за мать, бросился вмѣстѣ съ Литвой въ ея заботливыя объятія и прильнулъ къ ней со всей сыновней

любовью“. Авторъ соглашается, что „татарскій наплывъ москалей“ затронулъ „своимъ азіатизмомъ“ эту страну ближе, чѣмъ какую-нибудь другую часть Польши, но онъ никогда не проникалъ „въ глубь сердца“ народа, какъ проникла Польша, и не умѣлъ съ нимъ слиться въ одно тѣло и душу. По словамъ автора, русинъ, т.-е. бѣлоруссъ, отдаляется отъ москаля и даже питаетъ отвращеніе ко всему московскому. Въ этомъ не малую долю играетъ и разница религіи, потому что „схизма есть для его народа синонимъ язычества“. Бѣлорусскій языкъ, по мнѣнію автора, также соединяетъ бѣлоруссовъ тѣснѣе съ Польшею, чѣмъ съ Москвою: „этотъ языкъ не такъ силенъ, какъ у *нашихъ* украинцевъ, менѣе *отатаренъ*, чѣмъ у жителей Москвы или Казани, не въ такой степени церковный, какъ галиційскій, но все-таки имѣетъ свою оригинальную народную печать, которая значительно отдаляетъ его отъ всѣхъ тѣхъ языковъ и этимъ самымъ, какъ мнѣ кажется, всего больше приближаетъ его къ польскому“ [1]).

Въ такомъ видѣ представляется автору бѣлорусская народность, которая, въ существѣ, признается имъ только какъ ступень къ польской. Вся книжка носитъ слѣдующее посвященіе: „первому изъ бѣлорусскихъ мужичковъ (kmiotków), который спачала выучился читать, а потомъ говорить и мыслить по-польски, этотъ мой благой трудъ, въ знакъ высокаго почтенія и похвалы, посвящаю и для него печатаю“ [2]). Приступая къ самымъ пѣснямъ, авторъ приводитъ въ эпиграфѣ знаменитые стихи Мицкевича о народной пѣснѣ („O piesni gminna“ и пр.), приглашаетъ патріотовъ изучать ея наивную, простую поэзію, думаетъ, что когда-нибудь она станетъ источникомъ настоящей національной музыки и дастъ Польшѣ музыкальную славу, „какъ до сихъ поръ оружіе и мужество ея сыновъ не знаютъ въ Европѣ высшаго образца“. Авторъ говоритъ, что еще въ то время, когда не дали своихъ сборниковъ ни Вацлавъ Залѣскій, ни Жегота Паули, онъ уже записывалъ пѣсни, и „записанныя бережно хранилъ у самаго сердца, когда, наконецъ, стеченіе всѣмъ намъ извѣстныхъ политическихъ событій, лишивши насъ нашего отечества, ли-

---

[1]) Между прочимъ, авторъ упоминаетъ, что говорилъ объ этомъ предметѣ со многими москалями и что одинъ только „ученый“, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, согласился съ нимъ, что языкъ бѣлорусскій не есть московскій и имѣетъ больше польскихъ оборотовъ и выраженій, чѣмъ всѣ другія „такъ-называемыя“ русскія нарѣчія (стр. 22—25). Авторъ при этомъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Кюхельбекерѣ, котораго онъ зналъ въ Динабургѣ на пятомъ году его пребыванія въ этой крѣпости;—но въ этихъ свѣдѣніяхъ есть и чепуха.

[2]) Хотя бѣлорусскій языкъ, по мнѣнію автора, самый близкій къ польскому; въ другомъ мѣстѣ (стр. 37) онъ самъ находитъ, что въ устахъ бѣлорусса „Polszczyzna jak po grudzie idzie“.

шило и меня моего сокровища“. Теперь онъ сообщаетъ только то, что̀ сберегъ на память. Авторъ останавливается на различныхъ разрядахъ пѣсенъ, приводитъ отрывки, уцѣлѣвшіе въ воспоминаніи, описываетъ относящіеся къ нимъ обряды (напр., свадебные), танцы, игры, увеселенія; упоминаетъ о пробахъ популярнаго шуточнаго стихотворства на бѣлорусскомъ языкѣ и т. д. [1]). Наконецъ, книжка пересыпана воспоминаніями о временахъ польской свободы и славы, выраженіями озлобленія противъ москалей, негодованія противъ дурныхъ патріотовъ польскихъ (напр., филиппика противъ чиншевой шляхты), поощреніями бѣлоруссамъ изучать польскій языкъ.

Настоящимъ этнографическимъ матеріаломъ книжка Рыпинскаго не богата и здѣсь нечего ожидать научной точности; она любопытна, какъ эпизодъ эмиграціонной литературы и отголосокъ исключительнаго польскаго взгляда на бѣлорусскую народность,—тѣмъ не менѣе, этнографъ-собиратель можетъ и изъ нея заимствовать нѣкоторыя частности, не лишенныя значенія и сами по себѣ, и по ихъ польскому освѣщенію. Авторъ не замѣчаетъ внутренняго противорѣчія всей своей книжки; онъ съ жаромъ говоритъ о необходимости изученія народности,—въ данномъ случаѣ бѣлорусской, ждетъ здѣсь открытія національной святыни, и въ то же время признаетъ эту народность только какъ польскую и, собственно говоря, желаетъ ей исчезнуть.

---

[1]) Содержаніе всей книжки слѣдующее: Wstęp. — Dział I. Ogólne uwagi. — II. Śpiewy: A, Religijne (разумѣются церковные стихи уніатовъ); B, Weselne; C, Załobne; D, Historyczne. Dodatek: B-bis, Weselne; E, Robocze: F, Ulotne; G, Spiewy Nianek; H, Taneczne.—III. Tańce.—IV. Gry i zabawy.—V. Dożénki.—VI. Makaronizm.—VII. Poemat.—VIII. Przysłowia.—XI. Muzyka.

ГЛАВА III.

Пѣсенные сборники Чечота, Зенкевича; книга гр. Евст. Тышкевича.—Пробы бѣлорусской литературы.

Янъ Чечотъ.—Ромуальдъ Зенкевичъ.
Литературное движеніе въ Вильнѣ.
Книга гр. Евстафія Тышкевича.
Польскіе взгляды на Бѣлоруссію.
„Бѣлорусская литература“: Маньковскій и его „Энеида“. Янъ Барщевскій. Дунинъ-Марцинкевичъ.

Съ 1837 года началъ появляться рядъ пѣсенныхъ сборниковъ Чечота—до послѣдней, вышедшей въ 1846 году [1]).

[1]) Эти книжки въ настоящее время рѣдки, и потому укажемъ ихъ подробнѣе:
— Piosnki wieśniacze z nad Niemna. We dwóch częściach. Wilno, 1837. 8°. VIII и 106 стр.; 107—111, оглавленіе пѣсенъ. Безъ имени издателя; предисловіе помѣчено 1834 годомъ.
— Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny. Wilno, 1839. 8°, 118 стр.; 119—124, оглавленіе. Безъ имени.
— Piosnki wiesniacze z nad Dźwiny. Książeczka trzecia. Wilno. 8°. XII и 89 стр.; 90—94, оглавленіе. Безъ имени; съ эпиграфомъ изъ Кохановскаго: „I oracz ubogi śpiéwa—Choć od pracéj aż omdléwa“; посвященіе, въ стихахъ: „Ukochanym kmiotkóm z nad Niemna i Dźwiny“, и предисловіе.
— Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, z dołączeniem pierwotwornych w mowie sławiano-krewickiéj. Wilno, 1844. 8°, XVIII и 129 стр.; 131—137, оглавленіе, опечатки, объявленіе о книгахъ. Безъ имени; посвященіе въ стихахъ: „Dobroczynnym Panóm i Rządcóm ich majętności, troskliwym o dobry byt włościan“.
— Piosnki wieśnaicze z nad Niemna, Dniepra i Dniestra. Wilno, 1845. 8°, XII и 103 стр.; 105—108, оглавленіе; посвященіе въ стихахъ: „Zacnym i bogobojnym Panienkom i Paniczom“. Безъ имени.
— Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiéj, s postrzeżeniami nad nią uczynionemi. Wilno, 1846. 8° XXXIV и 123 стр.; 125—129, оглавленіе; 131—134, опечатки въ прежнихъ книжкахъ. Посвященіе въ стихахъ памяти Станислава Сташица. Предисловіе, отъ 1845, впервые подписано именемъ собирателя.

Янъ Чечотъ родился въ новогрудскомъ уѣздѣ, минской губ.,— неизвѣстно, въ какомъ году, но, вѣроятно, въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія, потому что онъ былъ сверстникомъ Мицкевича, съ которымъ учился вмѣстѣ въ первоначальной школѣ въ Новогрудкѣ (эти „повѣтовыя школы" послѣ іезуитовъ были въ рукахъ доминиканцевъ). Чечотъ былъ потомъ товарищемъ Мицкевича и въ Виленскомъ университетѣ, гдѣ они были дружны, дѣлили впечатлѣнія тогдашней возбужденной умственной жизни и романтическаго патріотизма, и когда основалось, или возобновилось, въ 1817 г. полу-тайное общество „филоматовъ", то Чечотъ вмѣстѣ съ Мицкевичемъ былъ въ числѣ первыхъ изъ тогдашней виленской академической молодежи которые посвящены были основателями кружка въ его идеи. Патріотизмъ, гуманность и просвѣщеніе были основной мыслью этого кружка́. Онъ просуществовалъ недолго; въ двадцатыхъ годахъ это движеніе было замѣчено, началось извѣстное слѣдствіе Новосильцова; многіе изъ профессоровъ Виленскаго университета были удалены; „филоматы" арестованы и высланы изъ Вильны и изъ края. Чечотъ отправленъ былъ, въ 1823 г., въ Оренбургъ, гдѣ пробылъ, кажется, больше десяти лѣтъ; по возвращеніи на родину, онъ былъ библіотекаремъ у Адама Хрептовича въ извѣстномъ имѣніи его Щорсахъ, затѣмъ, по смерти Хрептовича, поселился въ деревнѣ и умеръ въ 1847 въ Друскеникахъ [1]).

По разсказу біографа Мицкевича, Чечотъ былъ человѣкъ мягкаго чувства, воспріимчивый и впечатлительный, въ своемъ добродушіи иногда раздражительный именно противъ тѣхъ, кому былъ преданъ. Эта мягкость личнаго чувства отражается, какъ увидимъ, и на его сборникахъ. Этнографія, которую представляютъ его книжки, была особая. Школа, которую Чечотъ прошелъ въ юности, привила ему съ одной стороны народный романтизмъ—въ томъ кругѣ, гдѣ онъ жилъ, читали Бродзинскаго, знали Ходаковскаго и первыя этнографическія работы, появлявшіяся тогда, между прочимъ, именно въ виленскихъ

---

[1]) Zdanowicz-Sowiński, Rys dziejów liter. polskiéj, т. III, 1876, стр. 85—86, 695—696; Chmielowski, Adam Mickiewicz, zarys biograficzno-literacki, Kraków i Warszawa, 1886, I, стр. 38, 94 (характеристика личности Чечота), 173 — 4, 197, 208, 221, 250—1, 292—3, 303—4, 308—9; 457. О Щорсахъ есть довольно свѣдѣній въ польской литературѣ. О нихъ говоритъ и Шпилевскій въ своемъ Путешествіи по Полѣсью и Бѣлор. краю: „Это древнее достояніе знаменитой бѣлорусской фамиліи Хрептовичей замѣчательно своимъ великолѣпнымъ каменнымъ дворцомъ, роскошнымъ садомъ и богатѣйшею библіотекою во дворцѣ, обязанною хранящимися въ ней рѣдкими книгами и рукописями нынѣшнему владѣльцу своему, извѣстному ученому археологу Адаму Хрептовичу". „Современникъ" 1853, т. 40-й, стр. 56. Щорсы—въ минской губ., между Новогрудкомъ и Минскомъ; см. о нихъ и о Хрептовичѣ (ум. 1844) также Zdanowicz-Sowinski, III, стр. 706.

изданіяхъ; рядомъ съ этимъ, онъ былъ филантропъ, принимавшій близко къ сердцу матеріальное положеніе „народа“, т.-е. крестьянъ... Той эпохѣ польской литературы и общественности у насъ приписываютъ обыкновенно или явную, или затаенную интригу и пропаганду полонизма; мы замѣчали уже, что въ отношеніи польскихъ патріотовъ къ западному краю гораздо больше было простой исторической привычки смотрѣть на этотъ край, какъ на издавнюю часть ихъ польскаго отечества,—тѣмъ больше, когда съ русской стороны въ тѣ годы общественный интересъ къ этому краю почти не существовалъ [1]). Множество этихъ поляковъ, патріотовъ и писателей, были именно уроженцы этого края; „народъ“ края не былъ польскій, но они по старой памяти считали его своимъ, давно съ ними связаннымъ, и въ ту эпоху развитія народнаго романтизма ихъ интересъ направился и на этотъ народъ, какъ и на народъ собственно литовскій, и народъ польскій. Таково отношеніе къ западно-русскому народу у Чечота,—отношеніе непосредственное, почти наивное; ему, повидимому, не приходитъ въ голову, что народъ, которому онъ посвящаетъ свои изученія, есть именно самый русскій. Чечотъ настаиваетъ на простой красотѣ его поэзіи, на необходимости знакомиться съ этимъ народомъ и особенно облегчить его положеніе. Объ этомъ положеніи онъ принимается говорить нѣсколько разъ, обращаясь не столько къ полякамъ, сколько къ *панамъ*, говоритъ не о народности, а о крѣпостныхъ, которыхъ участь ему страстно хотѣлось бы видѣть улучшенной; объ этнографической наукѣ онъ думаетъ всего меньше; повидимому, даже мало о ней знаетъ.

Свою первую книжку онъ начинаетъ въ предисловіи такими словами: „Крестьяне наши, народъ добрый, смиренный, трудолюбивый, почтенный, должны возбуждать въ насъ самыя доброжелательныя къ нимъ чувства. Съ ними мы можемъ быть счастливы. За работу ихъ рукъ удѣляя имъ труды нашей мысли и просвѣщенія, мы можемъ умножить всеобщее благо. Не будемъ думать, чтобы мы не могли отъ нихъ чему-нибудь научиться. Мы многому научимся изъ познанія ихъ состоянія и быта; найдемъ у нихъ преданья, сказки, повѣсти, и чрезвычайно обильна будетъ жатва пѣсенъ, дающихъ узнать ихъ трогательныя, прекрасныя, даже тонкія и глубокія чувства. Не будемъ думать, что только каждый городъ или провинція имѣетъ своего ученаго пѣвца; мы увидимъ, что почти каждая деревня имѣла и можетъ имѣть своего не ученаго, но отъ души и сердца пѣвца. Я замѣтилъ, что на разстояніи нѣсколькихъ миль, даже поль-мили,

---

[1]) Дальше укажемъ, что это простое объясненіе предоставлялось и болѣе спокойнымъ русскимъ наблюдателямъ въ новѣйшее время.

поются уже совершенно иныя пѣсни. Какое это сокровище для ученаго пѣвца и наблюдателя! Сколько тамъ невынужденной и свѣжей поэзіи! Будемъ слушать охотно ихъ пѣсенъ свадебныхъ, дожинковыхъ, купальскихъ и другихъ, и мы не разъ пріятно проведемъ время, и, что̀ важнѣе, пріобрѣтемъ бо̀льшую привязанность къ нашимъ добрымъ земледѣльцамъ“... Онъ жалѣетъ, что со стороны пановъ или ихъ управителей оказывается невниманіе или препятствія къ исполненію народныхъ обычаевъ, между тѣмъ какъ участіе въ нихъ сблизило бы обѣ стороны... „Отъ дѣтскихъ лѣтъ искренно любя нашихъ милыхъ и добрыхъ крестьянъ,—продолжаетъ Чечотъ,—я хочу представить имъ доказательство моей привязанности“...

Какъ мало было у него этнографическаго пониманія, видно изъ того, что этотъ сборникъ—какъ и другіе, кромѣ лишь послѣднихъ его книжекъ—представляетъ не подлинныя бѣлорусскія пѣсни, а ихъ *польскіе переводы* и „подражанія“. „Я не слишкомъ держался оригинала,—замѣчаетъ онъ простодушно,—однако нѣкоторыя пѣсни переведены дословно; другимъ я болѣе или менѣе близко подражалъ“. Впрочемъ онъ предоставлялъ себѣ въ другое время издать пѣсни и съ подлиннымъ текстомъ (что̀ потомъ и сдѣлалъ).

Таковы и вторая, и третья книжки Чечота (пѣсни купальскія или свято-янскія, свадебныя, дожинковыя, дѣтскія и „различныя“). Въ предисловіи къ третьей книжкѣ онъ пишетъ: „Какъ сначала я думалъ, что на небольшомъ разстояніи пѣсни по деревнямъ бываютъ различны, такъ при дальнѣйшемъ собираніи ихъ я убѣдился, что даже на большихъ разстояніяхъ пѣсни бываютъ совершенно сходны или только съ небольшими измѣненіями въ словахъ. Нѣманъ и Бѣлица не близки къ Двинѣ, Березинѣ и Лепельскому краю, и однако пѣсни сходны; похожи на нихъ и пѣсни на Виліи въ Завилейскомъ краѣ. Кто ихъ переносилъ? Не печать и письмо, но память, сердца и уста братскихъ племенъ“. Нѣкоторыя изъ этихъ сходныхъ пѣсенъ онъ перевелъ для сравненія, но повтореніемъ другихъ не хотѣлъ отягощать своего сборника. О способѣ своего собиранія онъ на этотъ разъ говоритъ слѣдующее: „Сборникъ этотъ мнѣ было легко сдѣлать: занятому своими обязанностями на мѣстѣ, мнѣ не надо было ходить или ѣздить по деревнямъ, а только попросить достойныхъ и любезныхъ паненокъ, которыя, безъ большого труда и хлопотъ, безъ принужденія или оплаты, какъ это случалось другимъ собирателямъ сельскихъ пѣсенъ, прямо отъ своихъ собственныхъ прислугъ или вызванныхъ изъ деревни селянокъ могли и могутъ записать столько пѣсенъ, сколько пожелается собирателю. И дѣйствительно, онѣ однѣ только способны у насъ собирать эти пѣсни. Наши поселяне—не знаю, поютъ ли когда-нибудь; а поселянки, слишкомъ скром-

ныя и несмѣлыя, стыдятся проговорить свои пѣсни передъ мужчиной; начнутъ усмѣхаться, говорить, что въ ихъ пѣсняхъ нѣтъ ничего хорошаго, и, покраснѣвши отъ стыда, ничего не скажутъ. А милой паненкѣ разскажутъ, къ паненкѣ онѣ бѣгутъ съ радостью, говоря:— вотъ еще я припомнила хорошую пѣсенку!..“

Но эту картину заслоняетъ у него другая мысль. „Этотъ милый и прекрасный образъ, присутствующій въ моемъ сердцѣ, я долженъ помрачить печальной мыслью о положеніи составителей и составительницъ сельскихъ пѣсенъ. Какъ изъ пѣсенъ съ Нѣмана, такъ и изъ пѣсенъ съ Двины, я позволилъ себѣ устранить несчастную водку, не разъ въ нихъ вспоминаемую, и замѣнить ее медомъ и пивомъ, которые теперь почти неизвѣстны поселянамъ. Водка есть гибель нашихъ поселянъ. Первый грошъ—отъ водки, говоритъ помѣщикъ и управитель; первое зло, говоритъ каждый разсудительный человѣкъ. Сердце болитъ, видя, какъ многочисленнѣйшій и трудолюбивѣйшій классъ населенія часто приходитъ въ такую нужду, къ какой всего скорѣе приводитъ пьянство“... И „этнографъ“ углубляется въ разсужденіе о бѣдствіяхъ народнаго пьянства; въ пѣсняхъ онъ даже удалилъ названіе водки. Въ концѣ Чечотъ говоритъ, что былъ бы счастливъ, если бы его трудъ помогъ веселѣе справлять дожинки и купалу, еслибъ онъ хоть сколько-нибудь уменьшилъ пьянство, составляющее истинную бѣду для поселянъ. Онъ не будетъ искать для нихъ похвалы; она явится для чувствительныхъ душъ въ самой этой книжкѣ. „Имъ также (этимъ поселянамъ), какъ достойнымъ посвященія ихъ собственнаго труда, я посвящаю эту милую мнѣ забаву, исполненный святой надежды, что въ каждой благородной душѣ она возбудитъ истинную христіанскую любовь къ моимъ любимымъ крестьянамъ-авторамъ“.

Только уже въ четвертой книжкѣ Чечотъ, вызванный, наконецъ, и критикой, далъ образчики „первотворныхъ“ пѣсенъ, т.-е. на ихъ подлинномъ бѣлорусскомъ языкѣ, который онъ назвалъ „славяно-кревицкимъ“. Въ этомъ названіи могла быть тенденціозность, но Чечотъ не самъ его выдумалъ, и его собственный интересъ остается опять главнымъ образомъ филантропическій.

„Поэзія, называемая теперь народною, сельскою (gminna),—говоритъ онъ въ предисловіи,—въ древніе вѣка была общей всѣмъ нашимъ предкамъ: господская, княжеская, словомъ, народная (narodowa); поэтому она должна бы быть достойна вниманія даже у тѣхъ, которые не хотѣли бы видѣть ничего хорошаго въ томъ, что́ есть только сельское, крестьянское. Нашимъ крестьянамъ мы обязаны сохраненіемъ старинныхъ обрядовъ и пѣсенъ. Имъ и за это мы должны быть благодарны. Подчиняясь сами вліянію сосѣднихъ племенъ и

цивилизаціи Европы, мы легче измѣнялись, чѣмъ они, а черезъ это забыли и тѣ пѣсни, какія отдаленная прабабка не одного изъ насъ пѣла за пряжей, можетъ быть, въ той же самой деревнѣ съ своими единокровными, которыхъ потомство, отъ недостатка заслугъ въ краѣ, осталось въ состояніи зависимости. И сама поэзія кревицкая подчинилась вліянію поэзіи украинской и польской. По нѣкоторымъ пѣснямъ это можно было положительно наблюдать. Теперь она сильно подчиняется вліянію народной поэзіи россійской, переносимой войсками, квартирующими по деревнямъ. Быть можетъ, и народная поэзія литовская—если бы мы имѣли изданіе ея пѣсенъ—представила бы подобныя произведенія, переводы или подражанія съ кревицкаго. Поэтому было бы любопытнымъ дѣломъ для прилежнаго изслѣдователя поэзіи и древности собирать самому сельскія пѣсни, быть на свадьбахъ и другихъ обрядахъ. Безъ этого нельзя ни сохранить должнаго порядка въ ихъ послѣдовательности, ни знать обрядовъ, какъ нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнать, какія пѣсни остались отъ давнихъ временъ, и какія и какъ появляются вновь, такъ какъ и въ настоящее время могутъ быть тамъ-и-сямъ пѣвцы и пѣвицы, создающіе новыя пѣсни по собственному вдохновенію. Это, можетъ быть, теперь рѣже, чѣмъ бывало въ старину, потому что, во-первыхъ, старинная пѣсня особенно уважается, а во-вторыхъ, поселяне не такъ теперь одушевлены, чтобы легко могли браться за новыя созданія. Отсюда происходитъ заимствованіе пѣсенъ отъ солдатъ, квартирующихъ или возвращающихся въ большомъ числѣ изъ службы въ родныя деревни".

Такимъ образомъ, Чечотъ самъ пришелъ къ заключенію, что собираніе пѣсенъ черезъ паненокъ не есть наилучшій способъ ихъ добыванія, и увидѣлъ, что для полноты наблюденія нужно отмѣчать „послѣдовательность" пѣсенъ и обряды, чтó было совершенно справедливо. Передъ нимъ мелькаетъ мысль объ особенностяхъ народнаго пѣсеннаго языка, который кажется ему очень „бѣднымъ" и „несовершеннымъ", потому что не имѣетъ словъ для отвлеченныхъ понятій и выражаетъ ихъ „фактомъ", т.-е. образомъ. Онъ дѣлаетъ заключеніе о древности пѣсенъ изъ частыхъ упоминаній о Дунаѣ, о морѣ, о виноградѣ: славянскіе предки долго должны были блуждать по берегамъ Дуная и пить дунайскую воду, чтобы имя этой рѣки запомнилось такъ крѣпко. У Чечота мелькаетъ мысль и о томъ, почему народная поэзія отличается своимъ особымъ складомъ, непохожимъ на складъ нашей искусственной поэзіи; но простодушный взглядъ на народную пѣсню сказался опять въ слѣдующемъ: авторъ заявляетъ, что къ народнымъ пѣснямъ онъ прибавилъ (къ счастью, въ особой рубрикѣ) нѣсколько „своихъ собственныхъ, по-крестьянски

составленныхъ пѣсенъ“, на бѣлорусскомъ языкѣ, съ польскимъ переводомъ. „Быть можетъ, онѣ проникнутъ какъ-нибудь въ деревню? быть можетъ, онѣ заговорятъ къ сердцу благожелательныхъ пановъ и обратятъ болѣе любящее вниманіе на крестьянъ, а вмѣстѣ будутъ содѣйствовать успѣху этихъ трудолюбивыхъ соотечественниковъ въ нравственности?“

Далѣе: „Какъ переводчикъ, я долженъ былъ бы описать всю жизнь моихъ *авторовъ*. Я много думалъ объ этомъ, даже читалъ о нихъ нѣсколько книгъ, хотѣлъ разсказать многое, но, размысливши больше, замолчалъ, и довольно будетъ съ меня, если укажу благосклоннымъ читателямъ источники, изъ которыхъ они сами могутъ почерпнуть свѣдѣнія о состояніи крестьянъ и мысли объ улучшеніи ихъ быта“. И вмѣсто ожидаемыхъ археологическихъ и этнографическихъ указаній, Чечотъ приводитъ рядъ сочиненій, посвященныхъ въ польской литературѣ крестьянскому вопросу съ конца прошедшаго столѣтія, сообщая ихъ главное содержаніе и оканчивая указомъ имп. Александра I, 1817 г., о крестьянахъ курляндской губерніи. „Предлагая вниманію благосклонныхъ читателей эти драгоцѣнные труды,—заключаетъ онъ,—внушенные истинно христіанскими чувствами и основанные на опытѣ и чистомъ разумѣ, я считаю себя свободнымъ отъ печальной необходимости гореванья надъ нищетой и бѣдственнымъ бытомъ любимыхъ поселянъ. Пусть каждый обратится на минуту къ своему сердцу, и сердце его скажетъ больше, чѣмъ я съумѣлъ бы сказать“.

Пѣсенъ „первотворныхъ“ помѣщено здѣсь по десяти съ Нѣмана и Двины. Пѣсни бѣлорусскія собственнаго сочиненія Чечота написаны въ складѣ народныхъ и заключаютъ обыкновенно какое-нибудь поученіе, которое авторъ хотѣлъ бы внушить поселянамъ.

Пятая книжка мало интересна: нѣсколько пѣсенъ съ Нѣмана и затѣмъ пѣсни украинскія, взятыя, кажется, исключительно изъ Вацлава Залѣскаго и Жеготы Паули,—то и другое только въ переводахъ; наконецъ, опять пѣсни собственнаго сочиненія, по-польски.

Наиболѣе любопытна шестая книжка, послѣдній трудъ Чечота. Въ предисловіи онъ жалѣетъ, что не имѣетъ достаточно научныхъ свѣдѣній, чтобы дать грамматическо-историческій очеркъ „кревицкаго“ языка; онъ долженъ ограничиться лишь немногими замѣтками, какія ему встрѣтились. Полное изученіе этого языка, которымъ еще на памяти автора (по словамъ его) любили, бывало, говорить старые паны, на которомъ нѣкогда писались оффиціальные акты, сдѣлано будетъ какимъ-нибудь знающимъ человѣкомъ, можетъ быть, крестьяниномъ, который, усвоивши научныя знанія, примѣнитъ ихъ къ объясненію хорошо ему извѣстнаго, родного языка.

Немногія замѣчанія Чечота, почерпнутыя изъ собственныхъ наблюденій, въ свое время были едва ли не первой, нѣсколько отчетливой, характеристикой бѣлорусскаго нарѣчія; онъ отмѣчаетъ особенности его звуковъ и формъ (стр. VII—XXV). По его мнѣнію, „кревицкое нарѣчіе занимаетъ середину между польскимъ, россійскимъ и украинскимъ: украинскій, или полянскій, въ своемъ строѣ и стихосложеніи болѣе сходенъ съ польскимъ, кревицкій—съ россійскимъ". Ему представился и вопросъ правописанія „кревицкаго" нарѣчія; онъ видитъ трудность его въ различныхъ случаяхъ и, не имѣя возможности рѣшить дѣла, особливо по поводу нѣсколькихъ пѣсенъ, онъ хочетъ писать такъ, какъ выговаривается... Ему не приходитъ въ голову, что наилучшее „правописаніе" для этого языка было бы не польское, а „россійское".

„Познанію кревицкаго языка,—продолжаетъ авторъ,—помогло бы прислушиванье къ домашнему разговору крестьянъ; но это было бы нелегко для одѣтаго въ сюртукъ, и ему надо бы развѣ переодѣться въ сермягу и идти, какъ чужому человѣку, на вечерницы или въ корчму. Но гораздо болѣе удобный способъ научиться языку и дѣлать надъ нимъ наблюденія былъ бы тотъ, если бы кто сталъ слушать и съ точностью записывать сказки, выучившись заранѣе искусству быстраго письма: потому что это—литература, съ давнихъ вѣковъ сохранившаяся въ памяти крестьянъ и до сихъ поръ еще нетронутая. Это была бы гораздо болѣе сильная сокровищница языка, чѣмъ коротенькія пѣсенки, въ которыхъ всего чаще встрѣчаются только выраженія любовныя и нѣтъ выраженій, рисующихъ другія чувства и представленія. Это рѣчь скупая и неотесанная, бѣдная словами [1]) и всѣми выраженіями умственныхъ понятій; но, все-таки, она, какъ и всякая, должна имѣть свои особенности и оригинальность.

„Не могу,—продолжаетъ онъ,—безъ какой-то милой тревоги вспомнить забытыя сказки, которыя я слышалъ и зналъ въ мои дѣтскіе годы. Въ нихъ часто заключена прекрасная нравственная мысль"... И онъ вспоминаетъ нѣсколько сказочныхъ сюжетовъ, знакомыхъ ему съ дѣтства. Онъ уже думалъ о собираніи сказокъ, но жалѣетъ, что „никто еще у насъ ихъ не цѣнитъ и не окажетъ дѣйствительной помощи, а самъ я, при плохомъ здоровьѣ и подобномъ пренебреженіи къ этимъ плодамъ народной фантазіи и остаткамъ старины, до сихъ поръ не въ состояніи заняться этимъ милымъ и полезнымъ для отечественной литературы трудомъ". Онъ призываетъ другихъ,

---

[1]) „Uboga w rzeczowniki"—раньше авторъ указывалъ бѣдность народнаго языка словами, выражающими отвлеченныя понятія.

у кого найдется больше удобства и силъ, заняться этой заброшенной литературой, „которая, какъ пѣсни, была нѣкогда общей предкамъ пановъ и бѣдняковъ“: „пусть другіе, болѣе сильнымъ и слышнымъ голосомъ, заохотятъ уважать и собирать эти крестьянскія, или лучше, народныя повѣсти и пѣсни“...

Не имѣя возможности, по ихъ нежеланію, назвать имена паненокъ и пань, сообщавшихъ ему пѣсни, Чечотъ находитъ нужнымъ, по крайней мѣрѣ, указать мѣстности, изъ которыхъ идутъ пѣсни. „Быть можетъ, въ далекомъ будущемъ, пробудится въ комъ-нибудь любопытство узнать, не поются ли въ тѣхъ же мѣстахъ тѣ же пѣсни“, —и онъ подробно указываетъ мѣстности по Нѣману и Двинѣ, откуда взяты пѣсни, помѣщенныя во всѣхъ его прежнихъ книжкахъ; пѣсни съ нижняго Днѣпра поются въ Липовецкомъ повѣтѣ: „нѣсколько изъ нихъ я получилъ отъ простого солдата, тамошняго уроженца, а другія —отъ одного почтеннаго ксендза, который жилъ тамъ въ молодости“; больше достать онъ не могъ; а пѣсни съ Днѣстра взяты изъ книгъ, печатанныхъ во Львовѣ (сборники Залѣскаго и Паули).

„Относительно вліянія польскаго, россійскаго и украинскаго языка на кревицкій можно бы сказать, что это вліяніе сильнѣе на діалектъ наднѣманскій, чѣмъ на наддвинскій, — такъ какъ сторона наддвинская не имѣетъ постояннаго квартированія войскъ и больше отдалена отъ Мазовша и Украйны, чѣмъ сторона наднѣманская. Въ новогрудскомъ краѣ хлопцы съ охотой перенимаютъ россійскія пѣсни отъ солдатъ, и ими уже оглашаются поля, напр. въ Щорсахъ [1]), отъ ѣдущихъ на ночлегъ съ лошадьми, а иногда слышатся онѣ тамъ и въ устахъ женщинъ при жнитвѣ, или отзываются въ пѣньѣ дворовыхъ женщинъ, которыя также переносятъ въ деревни и какую-нибудь, по своему передѣланную, польскую пѣсню. Поэтому-то, въ настоящемъ небольшомъ сборникѣ, я помѣстилъ больше пѣсенъ обрядовыхъ, жнивныхъ, и даже нѣсколько пѣсенъ, какія поются надъ дѣтской колыбелью, такъ какъ онѣ несомнѣнно мѣстныя“.

Пословицы, собранныя въ той же книжкѣ (стр. 106—120, почти до двухъ сотъ), почти всѣ, по словамъ собирателя, слышаны и вспомянуты съ дѣтскихъ лѣтъ; онѣ повторяются и между шляхтой. Собиратель расположилъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ, чтобы облегчить послѣдующимъ собирателямъ ихъ дополненіе и, потомъ, приведеніе въ систему по содержанію. Чечотъ сожалѣетъ, что не могъ сличить ихъ съ изданными пословицами другихъ славянскихъ народовъ, такъ какъ не имѣлъ подъ рукою книгъ. „Все это остается кому-нибудь болѣе дѣятельному и счастливому, о которомъ, дай Богъ,

---

[1]) Гдѣ Чечотъ былъ библіотекаремъ у Хрептовича.

чтобы мнѣ удалось услышать“. Онъ жалѣетъ дальше, что не было еще до тѣхъ поръ описанія обрядовъ и игръ тамошняго края,—ему извѣстно только описаніе свадьбы въ Борисовскомъ повѣтѣ [1]),—нѣтъ описанія домашняго быта, убогой утвари и народныхъ кушаньевъ. „Если бы кто захотѣлъ и съумѣлъ, могъ бы сдѣлать себѣ чрезвычайно пріятной деревенскую жизнь, занявшись собираніемъ обо всемъ этомъ свѣдѣній полезныхъ, любопытныхъ и желанныхъ. Теперь каждый жалѣетъ, что наши лѣтописцы, Длугошъ или Стрыйковскій, не собирали народныхъ пѣсенъ и преданій, о которыхъ упоминаютъ только мимоходомъ; когда-нибудь, черезъ нѣсколько вѣковъ, будутъ жалѣть и справедливо упрекать нынѣшнее время, если мы не соберемъ заботливо и не передадимъ потомкамъ этихъ памятниковъ; потому что, хотя деревенскій людъ (gmin) есть вѣрный и нелегко перемѣнчивый хранитель мѣстныхъ свычаевъ и обычаевъ, но съ ходомъ цивилизаціи или даже съ перемѣной мѣстныхъ (политическихъ) отношеній и онъ долженъ измѣняться и не можетъ сохранить въ чистотѣ образъ жизни, проходящей въ этой юдоли, и однако потомки любятъ всматриваться въ обличье своихъ прадѣдовъ; сохранимъ же его для ихъ чувствительности и, угаснувъ, еще пробудимъ въ сердцѣ ихъ бо̀льшую привязанность и память о настоящемъ вѣкѣ“.

Наконецъ, онъ сожалѣетъ, что „кревицкій“ языкъ до сихъ поръ не нашелъ изслѣдователя, когда даже небольшія славянскія племена на Западѣ еще въ концѣ XVI-го вѣка имѣли свои грамматики и словари. На „кревицкомъ“ языкѣ Чечоту извѣстенъ только катехизисъ, недавно передъ тѣмъ изданный въ Вильнѣ, но и того онъ не видалъ. „Теперь именно пора вознаградить это нерадѣніе прошлыхъ вѣковъ и заняться составленіемъ грамматики и словаря кревицкаго нарѣчія, когда, съ небольшими исключеніями, оно еще остается въ своей чистотѣ; потому что, еслибъ и захотѣли когда-нибудь учить крестьянъ другому нарѣчію, они не поймутъ его достаточно, не имѣя на своемъ собственномъ объясненія его словъ... Если мы рады видѣть остатки кельтскаго или герульскаго языка, то, быть можетъ, когда-нибудь будутъ возбуждать такое же и не праздное любопытство и памятники кревицкаго нарѣчія, которое—сомнительно, чтобы стало письменнымъ и образовалось самостоятельно“ [2]).

---

[1]) Tygodnik Wileński, 1819.

[2]) Это названіе бѣлорусскаго языка въ первый разъ пошло, кажется, отъ Нарбутта. Ср. позднѣйшее замѣчаніе Сырокомли: „Происходитъ ли названіе кривичанъ отъ литовскаго слова: Krywe? и должно ли поэтому доказывать до-историческое братство (pobratymstwo) ихъ племени и вѣры съ Литвой?—Этой мысли, брошенной впервые Ватсономъ, а нынѣ доказываемой историкомъ Литвы, Т. Нарбуттомъ, мы не чувствуемъ себя въ правѣ ни поддерживать, ни опровергать“. Teka Wileńska, 1857, № 1, стр. 225.

Далѣе, въ книжкѣ помѣщенъ небольшой словарь къ пѣсеннымъ текстамъ, съ польскимъ переводомъ, и собраніе идіотизмовъ или особенныхъ выраженій „кревицкаго" языка, наконецъ этимологическія замѣчанія и статейка о сходствѣ славянскихъ языковъ съ санскритомъ, изъ книжки Маевскаго [1]).

Мы остановились дольше на книжкахъ Чечота потому, что онѣ представляютъ довольно характерное явленіе польской этнографіи относительно бѣлорусской народности, и притомъ онѣ рѣдки и у насъ мало извѣстны. Изъ того, что̀ мы цитировали, кажется, ясно, что въ Чечотѣ мы имѣемъ дѣло не съ человѣкомъ какой-нибудь лукавой тенденціи, а съ искреннимъ любителемъ, который зналъ бѣлорусскій языкъ и народъ съ дѣтства и, воспринявъ въ своей школѣ народный романтизмъ и человѣчное отношеніе къ народу, примѣнялъ теперь это давнее настроеніе. Къ спеціальному этнографическому изученію онъ былъ приготовленъ очень мало,—въ началѣ не понималъ, напримѣръ, даже того, что народная поэзія можетъ стать предметомъ научнаго интереса только на ея подлинномъ языкѣ: только въ послѣднихъ своихъ книжкахъ онъ помѣщаетъ „первотворныя" бѣлорусскія пѣсни и приходитъ къ заключенію, что лучшій способъ собирать произведенія народа—не черезъ паненокъ, а прямо изъ народныхъ устъ и въ самой обстановкѣ обычаевъ и обрядовъ. Его этнографическія наблюденія неразрывны съ мыслью о тяжеломъ бытовомъ положеніи крѣпостного народа, о которомъ онъ говоритъ съ несомнѣнно искреннимъ участіемъ. Жаль, конечно, что пѣсни, сообщенныя имъ только въ переводахъ, почти пропадаютъ для изслѣдованія и остаются только косвеннымъ матеріаломъ для сличенія [2]).

Не больше Чечота приготовленъ былъ къ этимъ изученіямъ Ромуальдъ Зенкевичъ, издавшій сборникъ бѣлорусскихъ пѣсенъ въ 1851 году [3]). Намъ не встрѣтилось о немъ біографическихъ свѣдѣній; по указанію г. Безсонова [4]), это былъ почтенный мѣстный учитель,

---

[1]) „O Sławianach i ich pobratimcach. Cześć piérwsza, obejmująca Rozprawy o języku Samskryckim, tudzież o literaturze Indian", przez W. S. Majewskiego. Warszawa, 1816.

[2]) Бѣлор. Пѣсни, стр. XXIII.

[3]) Г. Безсоновъ упоминаетъ изъ этого времени еще познанскій сборникъ „изъ околицъ Алексоты", какъ заключающій польскіе переводы „съ литовско-жмудскаго и отчасти бѣлорусскаго", но эта книжка: „Pieśni ludu Nadniemeńskiego z okolic Aleksoty, zebrał i przełożył Karol M. Br....i (Brzostowski). Z dołączeniem do niektórych melodyj". Poznań, 1844 (16°, 129 стр., 51 пѣсня, изъ которыхъ при 8-ми приведенъ литовскій оригиналъ,—и поэма изъ народныхъ преданій) не представляетъ ничего бѣлорусскаго, а только литовское.

[4]) Piosenki gminne ludu Pińskiego. Zbierał i przekładał Romuald Zieńkiewicz. Kowno, 1851. 8°. XVII (пред. и оглавленіе) и 414 стр.

доживавшій свой вѣкъ въ крайней бѣдности и слѣпотѣ. Его отношеніе къ дѣлу было почти столь же простодушное, какъ у Чечота, но онъ пошелъ дальше тѣмъ, что къ своему польскому переводу уже вездѣ прилагаетъ en regard бѣлорусскій подлинникъ, переданный, по обычаю, польской азбукой. Главная доля сборника состоитъ изъ пѣсенъ надъ рѣками Пиной, Припетью и Цной (болѣе 200 пѣсенъ, стр. 1—377) и затѣмъ прибавлено нѣсколько пѣсенъ изъ волынскаго Полѣсья, съ Буга, въ окрестностяхъ Любомля. Въ небольшомъ предисловіи онъ указываетъ въ пѣсняхъ прелесть первобытной поэзіи, чуждой всего искусственнаго, и интересъ ихъ какъ остатка далекой древности: „эти именно соображенія побудили меня къ собиранію народныхъ пѣсенъ, а пріютъ, который — когда лодка моя разбилась — я, во мракѣ вѣчной ночи (намекъ на его слѣпоту), находилъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ пинскомъ краѣ, въ домѣ князей Іеронимовъ Друцкихъ-Любецкихъ, далъ мнѣ къ этому удобный случай“. Пѣсни онъ помѣщалъ „безъ всякихъ измѣненій и передѣлокъ, какъ ихъ слышалъ въ пѣніи“; въ расположеніи—руководился временемъ, когда онѣ поются народомъ, причемъ помѣстилъ и краткое описаніе обрядовъ; но полное объясненіе собиратель оставлялъ историкамъ и археологамъ. Въ переводѣ—говоритъ онъ,—старался вѣрно передать духъ и внѣшнюю форму подлинника; но самъ сознается, что иной разъ желалъ придать пѣснямъ, слишкомъ отрывочнымъ, бо̀льшую цѣльность—и переводы выходили обширнѣе подлинника. Кое-гдѣ Зенкевичъ уклонился отъ передачи нѣкоторыхъ подробностей, непріятныхъ для польскаго уха, хотя сохранилъ ихъ въ бѣлорусскомъ подлинникѣ пѣсни [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ вдается въ небольшія миѳологическія объясненія—его параллели взяты иногда изъ библейскихъ сказаній, а особенно изъ греческой миѳологіи; конечно, объясненія совершенно отрывочны и случайны [2]).

Далѣе, мы встрѣчаемъ еще одну работу Зенкевича: „Объ урочищахъ и обычаяхъ пинскаго народа и также о характерѣ его пѣсенъ“ [3]): это—заслуживающее вниманія описаніе нѣкоторыхъ урочищъ

---

[1]) Напр., на стр. 282: звѣздочка свѣтитъ—„nie dla ciebie, wraży synu, Łasze“ эти слова остались непереведенными. Пѣсня о Гонтѣ, предводителѣ уманьской рѣзни, и его казни (стр. 394—398), оканчивается нравоученіемъ (угрозой) не для поляковъ, а для украинцевъ.

[2]) Первый небольшой сборникъ Зенкевича, изъ 34 пѣсенъ, напечатанъ былъ еще въ 1847 году въ „Атенеѣ“ Крашевскаго (Athenaeum, pismo zbiorowe, Wilno, ч. IV, стр. 146—186: „Pieśni ludu, zebrane w Pińszczyznie i przelożone“ и пр.), а еще ранѣе онъ далъ образчикъ бѣлорусскихъ пѣсенъ въ изданіи Киркора: „Radegast“, 1843. Пѣсни „Атенея“ представляютъ нѣкоторые варіанты въ записи, иногда болѣе, кажется вѣрные, чѣмъ въ изданіи 1851 г., иногда—наоборотъ.

[3]) Biblioteka Warszawska, 1852, т. IV, стр. 505—527; продолженія, въ 1853-мъ,

пинскаго края, связанныхъ съ народными преданьями, и описаніе обычаевъ, колядскихъ, свадебныхъ и пр., служащее комментаріемъ къ пѣснямъ.—Зенкевичъ умеръ въ 1868 г. [1]).

Время съ тридцатыхъ до начала шестидесятыхъ годовъ представляетъ въ польской литературѣ значительное развитіе интереса къ изученію западно-русскаго края. Виленскій университетъ, закрытый послѣ возстанія въ 1832 г., успѣлъ возбудить умственную жизнь; Вильна оставалась однимъ изъ главныхъ центровъ польскаго литературнаго движенія, въ которомъ здѣсь участвовали и нѣкоторые изъ бывшихъ профессоровъ университета. Такимъ отголоскомъ прежняго была дѣятельность Чечота. Въ сороковыхъ годахъ Крашевскій издавалъ въ Вильнѣ свой „Атеней", Киркоръ (съ псевдонимомъ Jan ze Śliwina) издавалъ періодическіе сборники „Radehast" и „Teka Wileńska"; въ Вильнѣ работали мѣстные изслѣдователи, какъ Ярошевичъ, Балинскій, гр. Тышкевичъ, Сырокомля и другіе, — трудами которыхъ, особливо первыхъ, обильно пользовались потомъ первые русскіе изслѣдователи исторіи и этнографіи западнаго края. Такъ, Іосифъ Ярошевичъ, авторъ упомянутой раньше книги объ исторіи „Литвы", бывшій профессоръ виленскаго университета, писалъ о статистикѣ и этнографіи Гродненской губерніи [2]); въ томъ же „Атенеѣ" Крашевскаго помѣщены были этнографическія свѣдѣнія о жителяхъ кобринскаго уѣзда той же губерніи [3]): извѣстному поэту Сырокомлѣ (Кондратовичу) принадлежитъ монографія о Минскѣ, современномъ и историческомъ [4]); далѣе, изслѣдованія по исторіи и этнографіи края Н. Малиновскаго и особливо Киркора, труды котораго наполовину принадлежатъ русской литературѣ и о которомъ скажемъ далѣе. Одно изъ лучшихъ произведеній этой польско-бѣлорусской этнографіи есть книга гр. Евстафія Тышкевича, составившаго себѣ почетную извѣстность особливо археологическими трудами: „Описаніе Борисов-

у насъ не было подъ руками. Раньше онъ помѣстилъ статью: „O kurhanach i grodziskach powiatu Oszmianskego", въ „Атенеѣ" Крашевскаго, 1848, V, стр. 119—128.

[1]) Encyklop. Powszechna, Оргельбранда, s. v.

[2]) Materjały do statystyki i etnografii Gubernji Grodzieńskiej. Powiat Bielski,— „Athenaeum", 1848, т. VI, стр. 168—186. Здѣсь, между прочимъ, замѣтки о народномъ бытѣ бѣлоруссовъ, о тяжеломъ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ сравнительно съ государственными, два образчика пѣсенъ, указаніе на другіе образчики въ книгѣ Войцицкаго, 1836, и въ 1-мъ выпускѣ „Ondyny" друскеницкой, 1846.—Эта статья Ярошевича (Статистико-этногр. свѣдѣнія о Бѣльскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи") явилась по-русски въ „Гродн. Губ. Вѣдом." 1848, 20—22.

[3]) Kilka zarysów z życia ludu wiejskiego w Kobryńskiem. Przez K.,—„Athenaeum", 1850, ч. IV, стр. 165—187.

[4]) Mińsk, „Teka Wileńska", 1857, № 1, стр. 173—232; № 2, стр. 133—204. Въ исторіи этого края Сырокомля считаетъ, что Слово о полку Игоревѣ есть поэма бѣлорусская и что Баянъ жилъ именно въ Минскѣ; см. „Teka", I, стр. 208.

скаго уѣзда“ [1]). Книга составлена мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ, который собранъ былъ гр. Тышкевичемъ какъ предводителемъ дворянства (маршалкомъ), подъ его предсѣдательствомъ, и посвящена гр. Л. А. Перовскому, тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, какъ „главному начальнику“, которому „обязаны своимъ развитіемъ всѣ статистическія работы въ имперіи“. Книга даетъ подробное и обстоятельное описаніе по тѣмъ предметамъ, какіе указывались тогдашними статистическими программами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., въ отдѣлѣ этнографическомъ, быть можетъ, давала даже больше, чѣмъ тогда требовалось этими программами.

За свѣдѣніями статистическими (о пространствѣ, границахъ, населеніи и пр.), указаны историческія данныя о судьбѣ края отъ древнихъ до новыхъ временъ, археологическіе остатки, свѣдѣнія о городѣ и мѣстечкахъ, церквахъ православныхъ и католическихъ; геогностическое и естественно-историческое описаніе края, далѣе, описаны хозяйство, хлѣбныя растенія, промыслы; свѣдѣнія медицинскія; образованіе, научныя собранія, — наконецъ, народная жизнь (стр. 286—446). Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ помѣщено множество любопытныхъ данныхъ, описаній обрядовъ съ сопровождающими ихъ пѣснями. Здѣсь выдѣлены особенно двѣ статьи: обряды деревенскаго народа съ береговъ Березины, собранные въ Побережьѣ и Скуплинѣ въ 1846 г., Е. М., и свадебные обряды въ Борисовскомъ уѣздѣ, въ приходѣ Гаенскомъ, наблюдавшіеся въ 1800, 1801 и 1802 гг. съ нѣкоторыми пѣснями; это послѣднее есть работа Игн. Шидловскаго, перепечатанная изъ его журнала 1819 г. [2]). Далѣе, описаніе обрядовъ жнивныхъ съ ихъ пѣснями; народное чарованіе, суевѣрія, примѣты; собраніе пословицъ, расположенныхъ по рубрикамъ бытовыхъ отношеній и нравственныхъ понятій.

Въ западномъ краѣ и послѣ паденія польскаго государства шла та же польская жизнь, въ иныхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, даже подкрѣпленная русскою властью. Здѣсь, какъ и на Украйнѣ, польское крѣпостное право надъ русскими пріобрѣло болѣе спокойную прочность; іезуитство было уничтожено въ 1773 въ Польшѣ, но въ областяхъ, присоединенныхъ къ Россіи, было сохранено наперекоръ папской буллѣ, потому что іезуиты съумѣли здѣсь выставить себя вѣрнѣйшими подданными, и когда въ самой Польшѣ (до послѣдняго раздѣла) началось и сильно развивалось движеніе въ болѣе свѣжемъ

---

[1]) Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, hospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim. Z dodaniem wiadomości: o Obyczajach, Spiewach, Przysłowiach i Ubiorach ludu, Guslach, Zabobonach i t. d. Wilna, 1847. 446 и 43 стр.

[2]) Tygodnik Wileński, 1819, т. VII, стр. 1 и 81.

просвѣтительномъ духѣ, въ западномъ краѣ еще долго господствовала іезуитская школа въ старомъ духѣ. Высшіе классы оставались и подъ русскимъ владычествомъ тѣмъ же, чѣмъ были прежде, и судьба народа оставалась та же. Образовательное движеніе, начавшееся въ Польшѣ, наконецъ проникло и сюда и выразилось основаніемъ Виленскаго университета; съ развитіемъ новой литературы, гдѣ, какъ упомянуто, нашла мѣсто довольно распространенная (хотя неглубокая) народно-романтическая струя, умственная жизнь получила новую складку: возникъ интересъ къ народнымъ массамъ. Нельзя было не видѣть, что въ западномъ краѣ эти массы были въ громадномъ большинствѣ чужды польской національности — русскія и литовскія; но, по старой памяти, никому не приходило въ голову, чтобы эти массы, при какомъ-либо дальнѣйшемъ развитіи, могли найти иныя средства просвѣщенія и могли вступить на иной путь цивилизаціи, кромѣ средствъ и путей польскихъ. Рядомъ съ этимъ была любовь къ своей мѣстной родинѣ, къ ея исторической и бытовой особенности, къ народному обычаю, знакомому съ дѣтства и въ панской средѣ; въ этой средѣ не чуждъ былъ народный (въ данномъ случаѣ бѣлорусскій) языкъ, къ которому привыкали отъ нянекъ, домашней прислуги и отъ сельскихъ рабочихъ; многіе изъ панства, сами бѣлоруссы, кажется, до довольно поздняго времени не были окончательно ополячизованы, и языкъ бѣлорусскій частію держался и въ этой средѣ, какъ родной; въ мелкой „застѣнковой", „околичной" шляхтѣ—тѣмъ болѣе. Народно-романтическое направленіе литературы совпадало съ этой памятью бѣлорусскаго и съ привязанностью къ нему въ самой жизни, и въ мѣстномъ патріотизмѣ произошло довольно странное соединеніе весьма разнородныхъ элементовъ: этотъ патріотизмъ былъ „бѣлорусскій", но сущность его была польская. Онъ былъ бѣлорусскій — по любви къ территоріальной родинѣ, ея пейзажной и бытовой обстановкѣ, но вся жизнь самого бѣлорусскаго народа понималась съ чисто польской точки зрѣнія: этотъ народъ игралъ только служебную роль; его бытовое содержаніе, поэзія не могли ожидать какого-нибудь собственнаго самостоятельнаго развитія и должны были только послужить къ обогащенію польской литературы и поэзіи, какъ самый народъ долженъ былъ питать польскую національность, въ которой онъ считался... Мы замѣчали уже, что въ этомъ взглядѣ на западный край какъ на край польскій у насъ видятъ неисправимую злонамѣренность польскихъ патріотовъ, и повторимъ, что съ другой стороны, напротивъ, по вѣковой исторической судьбѣ края они весьма естественно приходили къ этой точкѣ зрѣнія: польская цивилизація, католицизмъ или унія, польскій языкъ и, наконецъ, польскій патріотизмъ казались единственнымъ путемъ, какой могъ предстоять на-

роднымъ массамъ этого края... Намъ самимъ представляется обыкновенно, что или государство, или ходъ просвѣщенія должны только объединять инородные элементы подъ русское цѣлое; то же самое казалось полякамъ: сначала они объединяли государственной силой, потомъ присоединялась къ ней сила культурная, и послѣ паденія государства эта послѣдняя оставалась, и дѣйствительно—вслѣдствіе разныхъ условій, и между прочимъ нашего собственнаго признанія и содѣйствія — оказывала свое дѣйствіе. Съ XVI-го вѣка, и даже раньше, культурная жизнь инородныхъ областей Польши складывалась въ польскую форму; теперь, при всѣхъ политическихъ невзгодахъ, продолжалось то же: польская литература украшалась именами „литвина" Мицкевича, „украинцевъ" Богдана Залѣскаго и Гощинскаго, „бѣлорусса" Сырокомли и т. д., и если полякамъ трудно было увѣриться, что для Украйны окончательно наступилъ иной періодъ и путь развитія, то для бѣлорусской народности они такого пути еще не видѣли: она оставалась въ сферѣ польскаго культурнаго господства, —и сами русскіе долго не подозрѣвали возможности и необходимости наступленія иныхъ отношеній.

Въ сороковыхъ годахъ, когда совершались упомянутые польскіе этнографическіе труды по изученію бѣлорусскаго края, мѣстные патріоты говорили о „бѣлорусской литературѣ", радовались ея возникновенію и желали ей успѣховъ. Какая же это была литература? — Всего меньше она была на бѣлорусскомъ языкѣ: она понималась, главнымъ образомъ, территоріально; это была литература польская, относившаяся къ Бѣлоруссіи, изображавшая ея природу, нравы и обычаи, мѣстныя особенности — въ томъ числѣ она касалась народнаго, а иногда вмѣщала въ себѣ и сочиненія на бѣлорусскомъ языкѣ. Словомъ, это была польская провинціальная литература. Ея начатки возникали въ самой средѣ обыденной жизни; въ частныхъ явленіяхъ мѣстнаго быта находился матеріалъ для легкой беллетристики, шутки и домашней сатиры; часто эта литература была письменная, ходила по рукамъ, любопытная и иногда только туземцамъ понятная; иной разъ она касалась и народной жизни; наконецъ, эти попытки выступали и на обще-литературную сцену... Укажемъ два-три примѣра.

Этотъ мѣстный интересъ сталъ сказываться еще съ конца прошлаго столѣтія, и любопытно, что однимъ изъ первыхъ его проявленій была здѣсь, какъ и въ малорусской литературѣ, Энеида наизнанку, переложенная на бѣлорусскіе народные нравы и на бѣлорусскомъ языкѣ. Авторомъ этой „Энеиды" былъ нѣкто Маньковскій, проживавшій въ Могилевѣ и бывшій потомъ вице-губернаторомъ въ Витебскѣ, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. По словамъ польскаго мѣстнаго историка, эта поэма, изображающая, подъ

видомъ героевъ Виргиліевой поэмы, бытъ богатыхъ бѣлорусскихъ хлоповъ,—чисто народна по своему духу и формѣ, и представляетъ совершеннѣйшій образецъ бѣлорусской шутки и юмора, и вмѣстѣ чистѣйшій образецъ бѣлорусскаго языка. „Энеида" Маньковскаго пользовалась великой популярностью въ средѣ мелкой шляхты, ходила въ рукописяхъ, стихи ея заучивались, но о самомъ авторѣ извѣстно было (и, кажется, осталось) очень мало [1]).

Опуская другихъ писателей польскихъ, которые изображали бѣлорусскій край и его жизнь, какъ Каз. Буйницкій, Александръ Гроза, Лада-Заблоцкій и другіе, упомянемъ еще о писателѣ, котораго бѣлорусско-польскіе мѣстные патріоты называли въ сороковыхъ годахъ „львомъ" этой литературы. Это былъ Янъ Барщевскій, род. въ 1794 г. Бѣлорусскій уроженецъ (его родина—витебская губ.), онъ принадлежалъ къ той многочисленной, но бѣдной шляхтѣ этого края, которая, по словамъ его польскаго біографа, „не имѣя сознанія о своей сущности, имѣетъ наиболѣе народныхъ жизненныхъ элементовъ и сохраняетъ съ несглаженнымъ цивилизаціею характеромъ наиболѣе народныхъ воспоминаній. Этотъ бѣдный классъ шляхты, имѣющій такія близкія связи съ классомъ народа сельскаго, что почти сливается съ нимъ, представляетъ собой переходъ и соединеніе этихъ двухъ сословій",—которымъ Барщевскій и посвятилъ свое перо. Онъ учился въ іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ, еще въ школѣ пріобрѣлъ репутацію стихотворца и писалъ стихотворенія и „ораціи" на торжественные школьные случаи; возвращаясь домой на вакаціи, онъ занимался стихотворствомъ другого рода, писалъ шуточные стихи и каррикатуры, которые очень нравились, такъ что бѣдный поэтъ былъ желаннымъ гостемъ у „застѣнковой" шляхты своего края, которая вознаграждала его творчество натурой—мѣрой гороху, пшеницы и т. п. Эта самая шляхта доставила ему типы, которые онъ изображалъ потомъ въ своихъ повѣстяхъ; нѣкоторые его стихи, на бѣлорусскомъ языкѣ, пріобрѣтали большую популярность, расходились „по всей Бѣлоруссіи" (говоритъ его біографъ) и, „наравнѣ съ Маньковскимъ, ставили его во главѣ истинно-народныхъ бѣлорусскихъ писателей". Онъ отправился потомъ въ Петербургъ, былъ гувернеромъ, учителемъ греческаго и латинскаго языковъ, а лѣтомъ уходилъ пѣшкомъ въ свою Бѣлоруссію; съ нимъ, въ шапкѣ, были его тетрадки, писанныя стариннымъ почеркомъ и старинной орѳографіей; свое время проводилъ онъ въ народной и полу-народной мелко-шляхетской средѣ, которую зналъ совершенно. Свою печатную литературную дѣятель-

[1]) Отрывокъ этой поэмы напечатанъ былъ въ „Маякѣ", 1845, т. XXIII, Смѣсь, стр. 33—39: „Отрывокъ изъ Энеиды наизнанку на бѣлорусскомъ крестьянскомъ нарѣчіи".

ность онъ началъ изданіемъ періодическаго сборника „Niezabudka“, которому приписываютъ ту заслугу, что онъ будилъ интересъ къ литературѣ въ томъ кругу, гдѣ до тѣхъ поръ единственнымъ чтеніемъ были календари. Барщевскій началъ стихотворными балладами изъ народнаго быта и преданій и затѣмъ перешелъ къ разсказамъ, которые составили основаніе его литературной репутаціи. Польскіе критики сороковыхъ годовъ ставили его очень высоко [1]).

Съ нынѣшней и русской точки зрѣнія, разсказы Барщевскаго, пожалуй, не представятъ такихъ достоинствъ, какія видѣлись польскимъ критикамъ; изображенія быта не идутъ глубоко, отношеніе къ народу остается покровительственное — но и неясное; нѣтъ того непосредственнаго интереса къ народу, который былъ бы нуженъ и для цѣлей искусства, и диктовался бы мыслью о соціальномъ положеніи народа. Но въ тогдашнихъ условіяхъ, когда и въ русской литературѣ только еще готовилось это простое, гуманно-реальное представленіе народа въ понятіяхъ общественныхъ и художественныхъ, а литература польская была еще болѣе далека отъ подобнаго представленія, разсказы Барщевскаго могли явиться любопытною новостью, пріятною для мѣстныхъ патріотовъ изображеніями быта ихъ родины, а также пріятною и для тѣхъ, кто уже думалъ, что должны установиться иныя, болѣе человѣчныя отношенія къ хлопству. Разсказы построены очень просто: авторъ пріѣзжаетъ на родину и живетъ у своего дяди, шляхтича Завальни, мѣстнаго старожила, знающаго весь околодокъ, и встрѣчаетъ у него разнородныя лица, которыя и проходятъ въ разсказѣ съ цѣлымъ рядомъ исторій, рисующихъ мѣстную жизнь, народные нравы, суевѣрія и т. п. Разсказъ ведется въ тонѣ добродушнаго юмора, съ образчиками народной рѣчи и пѣсни [2]).

Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ выступалъ съ своими сочиненіями на бѣлорусскомъ языкѣ мѣстный патріотъ Винцентій Дунинъ-Марцинкевичъ, котораго одна пьеса на бѣлорусскомъ языкѣ давалась даже въ Минскѣ на сценѣ съ большимъ успѣхомъ [3]).

---

[1]) См. собраніе разсказовъ Барщевскаго: Szlachcic Zawalnia czyli Białoruś w fantastycznych opowiadaniach przez Jana Barszczewskiego. Poprzedzone krytycznym rzutem oka na literaturę Białoruską przez Romualda Podbereskiego. Wydał Jan Eynerling. Petersburg, 1844 — 1846, 4 книжки. Ср. письмо Головинскаго къ Мих. Грабовскому, „Pielgrzym“, 1843, т. II, іюнь.

[2]) Имя этого писателя появлялось тогда и въ русской литературѣ; см. „Очерки сѣверной Бѣлоруссіи“, Яна Барщевскаго, въ „Иллюстраціи“, 1846, № 10.

[3]) Это была „Sielanka“, комедія въ 2 д., Вильно, 1846. Затѣмъ имъ были изданы „Hapon, powieść białoruska, z prawdiwego zdarzenia, w jezyku białoruskiego ludu napisana. Mińsk, 1855 (здѣсь же и другія стихотворенія и пьеса на польскомъ языкѣ); „Wieczernice“, тамъ же, 1855; „Ciekawyś?—przeczytaj“, 1856, гдѣ, кромѣ польскаго стихотворства, помѣщена: „Kupałła, powiastka ludowa, w białoruskiem narzeczu“;

Въ художественномъ отношеніи произведенія его не требуютъ критики; они любопытны только какъ бытовая черта. Въ предисловіи къ своему „Гапону", авторъ объясняетъ, что въ своей пьесѣ „имѣлъ въ виду, чтобы наши обыватели, въ выборѣ на помощь себѣ оффиціалистовъ (управляющихъ), обращали попечительное вниманіе на ихъ характеръ и нравы: потому что они, злоупотребляя иногда ввѣренной имъ властью, для собственныхъ выгодъ притѣсняютъ трудолюбивый народъ и чрезъ это, часто самымъ невиннымъ (т.-е., конечно, со стороны самихъ пановъ) образомъ, навлекаютъ на пановъ его ненависть... И для того также я писалъ на языкѣ крестьянъ, чтобы пьеса, иной разъ прочитанная имъ въ праздничный день, могла привлечь ихъ сердца къ панамъ и тѣснѣе соединить ихъ интересомъ общей выгоды, и вмѣстѣ, чтобы уничтожить то, какъ будто врожденное, отвращеніе, съ какимъ нашъ крестьянинъ относится къ служенію краю". Въ примѣръ для крестьянъ и въ совѣтъ помѣщикамъ выставляется, напр., трудолюбивый и добродѣтельный „хлопекъ", который получаетъ отъ пана награду; авторъ пишетъ на бѣлорусскомъ языкѣ особое „повиншованіе" въ стихахъ, которымъ „войтъ Наумъ" поздравляетъ панну въ день ея именинъ и т. п.

Прибавимъ еще, что тотъ же Марцинкевичъ сдѣлалъ бѣлорусскій переводъ „Пана Тадеуша" (первая часть, Вильно, 1856). Другой польско-бѣлорусскій писатель, Даревскій-Верига, кромѣ собственныхъ сочиненій, сдѣлалъ бѣлорусскій переводъ „Конрада Валленрода", оставшійся, впрочемъ, ненапечатаннымъ. По словамъ Киркора, „извѣстный польскій поэтъ Сырокомля (Людвигъ Кондратовичъ) не только отлично зналъ языкъ бѣлорусскій, но зналъ народъ, любилъ его, понималъ его нужды, его желанія, проникалъ всю глубину его чувства, зналъ его преданія, поговорки. Поэтому не удивительно, что его бѣлорусскія пѣсни особенно любимы народомъ. Ихъ поютъ вездѣ, хотя немногіе уже знаютъ, кто былъ ихъ авторомъ" [1]).

„Dudarz białoruski, czyli wszystkiego potrosze". Mińsk, 1857, гдѣ опять, среди польскихъ пьесъ, помѣщены „Szczeróuskije Dożynki", повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи. Шпилевскій упоминаетъ о „Селянкѣ" Марцинкевича какъ объ „извѣстной народной опереткѣ" („Пантеонъ", 1854, т. XV, стр. 51).

[1]) „Живописная Россія", изд. Вольфа, т. III, 1882, стр. 327. Одинъ изъ писателей этой бѣлорусско-польской литературы, Казимиръ Буйницкій, издавалъ въ 40-хъ годахъ въ Вильнѣ періодическій сборникъ: „Rubon, pismo zbiorowe, poświęcone pożytecznéj rozrywce", гдѣ было дано мѣсто и интересу народно-поэтическому. Здѣсь участвовали, между прочимъ, извѣстный польскій критикъ и этнографъ Мих. Грабовскій (большая статья: O gminnych ukraińskich podaniach, т. VI, 1845, стр. 145—218, главнымъ образомъ, на основаніи неизданныхъ собраній г. Кулиша), Киркоръ (Jan ze S.), Чечотъ (стихотворенія), гр. Платеръ (по археологіи), и др. Въ V-мъ томѣ этого сборника, 1845, помѣщена статья: Rzut oka na poezję ludu Biało-ruskiego

Въ 1858 году, кружокъ польско-бѣлорусскихъ писателей издалъ „Альбомъ“ по случаю прибытія въ Вильну императора Александра II, гдѣ были выражены мѣстныя патріотическія чувства и добрыя пожеланія. Въ „Альбомѣ“, который поднесенъ былъ императору Киркоромъ и другими лицами, приняли участіе Одынецъ, помѣстившій свое стихотвореніе, и, между прочимъ, Викентій Коротынскій, написавшій здѣсь стихотвореніе отъ имени народа на бѣлорусскомъ языкѣ. Нѣтъ повода сомнѣваться, что это настроеніе было искреннее: крайніе польскіе патріоты возстали противъ виленскаго „Альбома“ какъ противъ измѣны [1]).

Съ другой стороны бѣлорусскій языкъ послужилъ и для другого рода литературы: въ 1862 году ходила по рукамъ книжка „съ политической тенденціей“, вѣроятно, въ духѣ возстанія [2]).

Не будемъ останавливаться на другихъ явленіяхъ этой „бѣлорусской“ литературы [3]): мы имѣемъ въ ней вообще отраженіе польскаго взгляда на западный край какъ на составную часть и польской территоріи и польской національности, и только въ самое послѣднее время, передъ польскимъ возстаніемъ, стало возникать представленіе о болѣе сложномъ характерѣ этого края, гдѣ требовалъ себѣ вниманія и своего права элементъ народно-русскій.

(стр. 35—82; подпись: Ign. Chr..., 1843, въ Кохановичахъ — витебской губ.); здѣсь, кромѣ попытки характеристики бѣлорусской народной поэзіи, помѣщено нѣсколько образчиковъ пѣсенъ. См. также пѣсни въ III-мъ томѣ этого изданія, котораго мы не имѣли въ рукахъ.

[1]) Извѣстный польскій публицистъ того времени, Юліанъ Клячко, издалъ по этому случаю рѣзкій памфлетъ: „Odstępcy“; другой патріотъ, Корнелій Уейскій, нѣсколько позднѣе авторъ знаменитой революціонной пѣсни „Z dymem pożarów“, написалъ не менѣе ожесточенное нападеніе, гдѣ караетъ Одыньца, Игнатія Ходзьку, Николая Малиновскаго, Киркора и кстати Коротынскаго. См. „Dziennik Łiteracki“, 1860, и въ отдѣльномъ изданіи: „Listy z pod Lwowa. Pierwsze trzy głosy“, Kornela Ujejskiego. Łipsk, 1861 („O Albumie Wilenskim“, стр. 11—20).

[2]) Книжка называлась „Hutorki staroho dzieda“; см. статью г. Ельскаго о бѣлорусской этнографіи въ газетѣ „Chwila“, 1886, № 20.

[3]) Онѣ перечислены вкратцѣ въ той же статьѣ Киркора въ „Живописной Россіи“, т. III, стр. 326—328.

ГЛАВА IV.

Русскія работы по бѣлорусской этнографіи.

Путешествіе имп. Екатерины II.—Двадцатые и тридцатые годы.—Протоіерей Григоровичъ.—П. М. Шпилевскій.—Сборникъ пѣсенъ, 1853.—Изданія Географическаго Общества.—Книга Безъ-Корниловича.—Труды офицеровъ генеральнаго штаба по описанію западнаго края: А. Коревы, П. Бобровскаго, И. Зеленскаго, М. Цебрикова.

Рѣзкій поворотъ въ судьбѣ бѣлорусской этнографіи начинается съ послѣдняго польскаго возстанія. Въ русскомъ обществѣ, можно сказать, въ первый разъ явилось тогда нѣсколько отчетливое представленіе о западномъ краѣ какъ о русскомъ, и лишь около того времени началось первое внимательное и научнымъ образомъ поставленное изслѣдованіе западно-русской вѣтви русской народности. Это было новое, послѣ уничтоженія уніи, „возсоединеніе“ западнаго края съ русскимъ центромъ; къ сожалѣнію, дѣло, поднятое въ 1863 году въ исключительныхъ обстоятельствахъ, до сихъ поръ остается натянутымъ, неяснымъ и обоюднымъ. Интересъ общества къ западно-русскому вопросу не былъ, или не могъ быть, полный: въ сущности онъ былъ поставленъ только съ тѣсно политической точки зрѣнія, почти исключительно въ смыслѣ анти-польскихъ репрессалій, и собственно народно-общественная сторона дѣла не нашла въ то время, да и послѣ, возможности выясниться и высказаться...

Упомянутое возсоединеніе русской народности было очень запоздалое: главныя части бѣлорусскаго края почти уже сто лѣтъ находились въ соединеніи съ имперіей, и можно было бы ожидать, что національные инстинкты раньше окажутъ свое дѣйствіе и произведутъ то сліяніе, о которомъ стали такъ много говорить съ 60-хъ годовъ. Причины этой запоздалости отчасти отмѣчены выше. Сліяніе возможно лишь тогда, когда для него работаютъ не однѣ внѣшнія, но и внутреннія силы, не только политическія, но и общественныя,

народныя, образовательныя. Между тѣмъ, какъ мы видѣли раньше, сама власть долгое время смотрѣла на западный край какъ на вполнѣ или наполовину польскій, и такъ-называемый культурный, и вмѣстѣ владѣльческій, классъ былъ въ самомъ дѣлѣ польскій или полонизованный до такой степени, что русская доля его была почти незамѣтна, оставалась почти безъ вліянія. Русское общество, до конца 50-хъ годовъ, было почти чуждо западно-русскому вопросу: оно не имѣло никакого голоса въ предметахъ, имѣвшихъ какой-нибудь политическій оттѣнокъ, и занято было тѣми заботами своего внутренняго развитія, какія оставались ему доступны и которыя сами по себѣ были слишкомъ серьезны, настоятельны и требовали не малыхъ усилій,—между тѣмъ западно-русскій вопросъ былъ именно политическій и народно-общественный. Говорить о „народѣ" въ сколько-нибудь широкомъ и серьезномъ смыслѣ слова не было возможности до тѣхъ поръ, пока нельзя было коснуться существенной стороны его быта—крѣпостного права. Въ западномъ краѣ народный вопросъ былъ въ особенности вопросъ крѣпостной, тѣмъ болѣе мудреный, что владѣльческой стороной являлся классъ иноплеменный или почти иноплеменный. По всѣмъ обстоятельствамъ времени вопросъ оставался недоступнымъ для общественнаго мнѣнія, а вмѣстѣ для литературы: говорить о бѣлорусскомъ народѣ, какъ и принимать слишкомъ близко къ сердцу интересы народа русскаго (велико-русскаго) значило бы прежде всего говорить объ освобожденіи, о правѣ народа на лучшее гражданское положеніе, на школу и т. д. Не мудрено, что до начала новаго царствованія научный и общественный интересъ русскаго общества къ западному краю оставался отрывочнымъ и поверхностнымъ; не мудрено также, что первая, болѣе широкая мысль о предметѣ явилась только тогда, когда, при польскомъ возстаніи 1862—1863 года, оказалось, что небреженіе къ народному положенію западнаго края можетъ повлечь къ политической опасности или, по крайней мѣрѣ, къ политическому затрудненію и неудобству...

Одной изъ первыхъ и едва ли не первой русской книгой о западномъ краѣ былъ оффиціальный путеводитель, изданный по поводу путешествія въ Бѣлоруссіи импер. Екатерины II въ 1780 году [1]). Книга начинается географическимъ описаніемъ мѣстностей и горо-

[1]) „Топографическія примѣчанія на знатнѣйшія мѣста путешествія Ея Императорскаго Величества въ Бѣлорусскія намѣстничества. 1780. При Спб. Импер. Акад. Наукъ". Мал. 8⁰. Было сдѣлано заразъ два изданія: одно, снабженное гравюрными орнаментами—147 стр., другое, лишь съ немногими украшеніями—133 стр., но оба печатаны однимъ наборомъ. Описаніе Бѣлоруссіи—стр. 42—121, по первому изъ этихъ изданій.

довъ, лежащихъ на пути изъ Петербурга въ Бѣлоруссію (Красное Село, Ямбургъ, Нарва и пр.), и затѣмъ переходитъ къ описанію Бѣлоруссіи по тогдашнимъ намѣстничествамъ (полоцкое и могилевское) и ихъ уѣздамъ.

„Сія новая страна,—говорится здѣсь о Бѣлоруссіи,—коей краткое описаніе здѣсь слѣдуетъ, присоединена паки къ Россіи подъ благополучнымъ и славнымъ царствованіемъ Екатерины II. Названіе *Бѣлоруссіи* или *Бѣлой Россіи* разные писатели различно производятъ; иные думаютъ, что сіе названіе произошло отъ снѣговъ; другіе—отъ обыкновенія восточныхъ народовъ называть Россійскихъ государей *бѣлыми царями*; иные же—отъ освобожденія податей (ибо всѣ неплатежныя земли изъ стари въ *Россіи* назывались *Бѣлыми землями*), когда сія страна подпала *Литовскому* владѣнію; но всѣ сіи догадки неосновательны,—снѣгами не одна Бѣлоруссія покрывается; въ нашествіи татаръ на *Россію* прочія ея области не были симъ именемъ названы; отъ бѣлой или безоброчной земли тѣмъ менѣе производить можно, что Литва не могла попустить покоренной оружіемъ землѣ быть отъ всѣхъ податей свободною; въ свойствѣ же или цвѣтѣ земли нѣтъ никакого различія отъ окольныхъ странъ. И такъ, вѣроятно, что сіе названіе дано произвольно сей завоеванной части отъ *Литвянъ* въ 14-мъ столѣтіи для различія отъ прочихъ странъ Россіи, какъ-то: *Великой, Малой и Червонной Россіи*". Нѣкогда эта страна принадлежала русскимъ великимъ князьямъ, потомъ Россія была расхищена на части, но русскіе государи, начиная съ вел. князя Іоанна Васильевича, „начали паки присоединять оторванныя части" — княжества черниговское, сѣверское, Смоленскъ; наконецъ, въ 1772 г., „все обстоятельствами временъ потерянное пріобщено и утверждено подъ державу Екатерины II". „Премудрыя узаконенія, утвердившія въ Россіи правосудіе... и показавшія всякому состоянію прямой свой долгъ, прямыя свои выгоды и прямыя свои упражненія" (и между прочимъ доставившія „обществу дворянъ существенныя ихъ преимущества"), теперь „озарили и новопріобрѣтенныя области", —внутренняя жизнь которыхъ подъ прежнимъ (польскимъ) владѣніемъ изображается самыми мрачными красками.

Названная книжка сообщаетъ о возвращенномъ русскомъ краѣ только внѣшнія топографическія и историческія свѣдѣнія, мало останавливаясь на вопросѣ о русскихъ свойствахъ населенія и его быта, что́ вообще забывалось за соображеніями политическими. Заѣзжіе русскіе, которымъ случалось бывать въ краѣ проѣздомъ и по службѣ, видѣли иногда и эту сторону западно-русскаго быта [1]), но въ лите-

[1]) См., напр., Записки Добрынина, Мертваго и др., изданныя, впрочемъ, только въ новѣйшее время.

ратурѣ этотъ предметъ оставался незатронутымъ; и какъ мало даже въ образованномъ кругу понимались эти народныя отношенія Бѣлоруссіи, примѣръ этому мы указывали выше въ Запискахъ академика Севергина, которому край казался просто польскимъ, а его православные жители—„схизматиками“.

Въ концѣ концовъ, положеніе вещей должно было, однако, выясняться, и когда это выясненіе не достигалось средствами общественности, на него наводило научное изслѣдованіе—исторія и этнографія. Мы упоминали выше, что въ нашихъ журналахъ, въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, начинаютъ появляться отдѣльныя этнографическія извѣстія о западномъ краѣ, взятыя изъ мѣстныхъ польскихъ источниковъ. Что касается до изслѣдованій историческихъ, то русская наука уже скоро заняла въ этомъ предметѣ самостоятельное положеніе. Древность западнаго края для историковъ польскихъ не могла не представляться болѣе или менѣе чуждой. Западный край вступаетъ въ политическія связи съ Польшей лишь съ конца XIV столѣтія, а тѣснѣе сближается съ нею только съ конца XVI столѣтія, съ люблинской уніи; русскій языкъ оставался въ литовскомъ княжествѣ языкомъ оффиціальнымъ и придворнымъ и держался въ административномъ употребленіи даже въ XVII столѣтіи, но полякамъ онъ оставался чуждымъ—для нихъ край и его жизнь становились близки и понятны лишь съ распространеніемъ польскаго управленія, нравовъ, языка и католической церкви; собственно русское стало казаться все больше и больше провинціализмомъ и простонародностью. Между тѣмъ для историка русскаго западно-русская старина могла быть съ самаго начала совершенно доступна и понятна; о ней говорила та же старая лѣтопись, которая говорила о Кіевѣ, Новгородѣ, Ростовѣ, Галичѣ, потомъ Твери, Москвѣ, и т. д.; старый лѣтописецъ говорилъ о русскихъ племенахъ древняго западнаго края наравнѣ со всѣми другими русскими племенами; князья, владѣвшіе этимъ краемъ, были тѣ же князья Рюрикова рода; здѣсь была та же православная русская церковь, тотъ же народъ и языкъ, словомъ, это была естественная составная часть древняго русскаго цѣлаго. Такъ дѣло и было излагаемо въ „Исторіи“ Карамзина. Десятые и двадцатые года нынѣшняго столѣтія отличались особеннымъ возбужденіемъ историческаго интереса къ старинѣ, отчасти подъ вліяніемъ Карамзина, отчасти независимо отъ него, параллельно и въ помощь ему; историческія, филологическія и археологическія разысканія Калайдовича, Востокова, Малиновскаго, Арцыбышева, Успенскаго, нѣмцевъ Эверса, Круга, Лерберга и т. д., все больше расширяли горизонтъ русской исторіографіи и, между прочимъ, въ сторону западнаго края. Въ этомъ послѣднемъ направленіи уже съ двадца-

тыхъ годовъ началъ работать извѣстный бѣлорусскій ученый, протоіерей Иванъ Григоровичъ, поддерживаемый знаменитымъ канцлеромъ Румянцовымъ. Протоіерей Григоровичъ (1792—1852) былъ сынъ православнаго священника въ г. Пропойскѣ (потомъ въ Гомелѣ), могилевской губерніи; онъ не былъ собственно бѣлоруссъ (отецъ его былъ родомъ изъ Малороссіи), но онъ выросъ въ западномъ краѣ, учился потомъ въ петербургской духовной академіи, откуда снова вернулся на родину; здѣсь былъ назначенъ священникомъ и начальникомъ духовной школы въ мѣстечкѣ Гомелѣ (впослѣдствіи уѣздный городъ), принадлежавшемъ тогда графу Румянцову. Въ 1831 году онъ былъ переведъ въ Петербургъ священникомъ—сначала въ финляндскій полкъ, потомъ къ церкви Аничковскаго дворца, былъ сдѣланъ членомъ Россійской академіи и Археографической коммиссіи вскорѣ послѣ основанія этой послѣдней. Еще при поступленіи въ духовную академію Григоровичъ былъ извѣстенъ Румянцову, который назначилъ ему стипендію. Григоровичъ хорошо зналъ древніе языки и пристрастился къ занятіямъ русской древностью, которымъ, вѣроятно, помогла хорошая классическая школа. Живя студентомъ въ Петербургѣ, онъ бывалъ въ ученомъ обществѣ Румянцова и, вернувшись въ Бѣлоруссію, продолжалъ историческія занятія и сношенія съ извѣстнѣйшими тогда филологами и археологами, какъ митрополитъ Евгеній, Калайдовичъ, Лобойко, Зубрицкій и др. Въ двадцатыхъ годахъ онъ написалъ сочиненіе по исторіи западнорусской церкви, оставшееся ненапечатаннымъ, а затѣмъ рѣшился собрать древніе акты, относящіеся къ исторіи западнаго края; при помощи Румянцова, онъ получилъ разрѣшеніе осмотрѣть могилевскіе архивы, нѣсколько грамотъ доставилъ ему Румянцовъ, и изъ этого матеріала составилось изданіе, первая (и единственная) часть котораго вышла въ 1824 году [1]). Собранные здѣсь акты, на русскомъ и польскомъ языкѣ, простираются отъ половины XV до XVII вѣка, и трудъ Григоровича былъ у насъ первымъ опытомъ обратиться къ самымъ источникамъ западно-русской исторіи, въ ея средніе вѣка, опытомъ, который впослѣдствіи продолженъ былъ массою изданій историческихъ актовъ западнаго края и гдѣ опять Григоровичъ работалъ раньше другихъ въ Археографической коммиссіи. Въ Петербургѣ, въ 1834 году, онъ издалъ „Переписку папъ съ русскими государями" и сочиненія знаменитаго бѣлорусскаго архіепископа Георгія Конисскаго (который, по матери, приходился ему двоюроднымъ дѣдомъ), а вступивъ въ Археографическую коммиссію, рабо-

[1]) Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ. Часть 1-я. Москва, 1824, 4°. Книга издана была гр. Румянцовымъ.

талъ преимущественно надъ двумя вещами: дополненіемъ иностранныхъ документовъ о Россіи, собранныхъ А. И. Тургеневымъ, и редакціей древнихъ русскихъ актовъ, особливо актовъ, относящихся къ западной Россіи [1]). Наконецъ, о. Григоровичъ занимался составленіемъ бѣлорусскаго словаря; только часть его была напечатана до смерти [2]).

Великая заслуга этой дѣятельности не требуетъ большихъ объясненій. Исторія—за отсутствіемъ другихъ средствъ общественнаго сознанія—оставалась однимъ изъ главныхъ основаній для пониманія судьбы и положенія современнаго наличнаго народа; изученіе исторіи должно было опереться на первыхъ источникахъ, и надъ этими источниками работалъ Григоровичъ. Иное изъ нихъ уже являлось въ польской литературѣ, гдѣ бѣлорусскіе памятники издавались въ польской переписи, какъ еще въ прошломъ столѣтіи сдѣланъ былъ сборникъ старыхъ польскихъ (и западно-русскихъ) государственныхъ актовъ, какъ теперь явился „Latopisiec Litwy i Kronika ruska“ въ первомъ изданіи Даниловича (Вильна, 1827) или „Zbiór praw Litewskich“, Дзялынскаго (Познань, 1836) и т. д.; нужно было, наконецъ, издать эти старые памятники въ ихъ подлинномъ видѣ и въ болѣе полномъ собраніи. Необходимымъ былъ и словарь бѣлорусскій, чтобы выяснить окончательно вопросъ о характерѣ языка, который поляки хотѣли понимать или какъ лингвистическую смѣсь, или даже какъ простое мѣстное нарѣчіе польскаго языка, и который для русскихъ оставался, въ сущности, неясенъ до словарныхъ работъ Носовича и до новѣйшихъ изслѣдованій о его звукахъ и формахъ... Но труды Григоровича оставались только спеціальными, подготовительными трудами и началомъ для дальнѣйшей научной разработки предмета, а въ его представленіяхъ о языкѣ была еще немалая неопредѣленность и неточность. Труды Григоровича, какъ выше замѣчено, были началомъ тѣхъ обширныхъ изданій, которыя сдѣланы были потомъ Археографическими коммиссіями въ Петербургѣ, Кіевѣ, Вильнѣ, а также и другими учрежденіями и лицами.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ изслѣдованія о Бѣлоруссіи были все еще скудны. Въ основанномъ тогда „Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ“, который велся въ первое время Надеждинымъ, и въ подобномъ изданіи министерства государственныхъ иму-

---

[1]) Григоровичу принадлежитъ редакція первыхъ четырехъ томовъ этого изданія археогр. коммиссіи; надъ пятымъ онъ началъ работать.

[2]) Планъ этого словаря, въ сокращеніи, напечатанъ былъ въ „Отчетѣ“ II-го отдѣленія академіи за 1848 г., а вполнѣ—въ его біографіи („Очеркъ жизни протоіерея I. I. Григоровича“, Н. Григоровича, въ „Странникѣ“, 1861, т. II, стр. 303—338), стр. 332—337, прим.

ществъ стали появляться небольшія статьи о западномъ краѣ съ оффиціальными свѣдѣніями статистическими и особливо хозяйственными,—но очень мало статей общихъ, которыя могли бы служить не для одной характеристики внѣшняго быта, но и для объясненія мѣстныхъ общественныхъ и народныхъ отношеній. Статьи послѣдняго рода рѣдки. Таковы были, напр., „Замѣтки о Бѣлоруссіи [1]); это не болѣе какъ отрывочныя путевыя замѣтки, сдѣланныя человѣкомъ, мало приготовленнымъ къ наблюденію и, кажется, не имѣвшимъ для того и времени; основнымъ его впечатлѣніемъ остается то, что этотъ край, нѣкогда чисто русскій, несмотря на возсоединеніе (при которомъ надо было предположить вліяніе русской власти и русской жизни), все еще носилъ польскій характеръ [2]).

Изъ работъ собственно этнографическихъ можно опять отмѣтить рядъ небольшихъ отрывочныхъ статей въ журналахъ и газетахъ [3]).

---

[1]) Н. С. Щукина; см. Журн. мин. внутр. дѣлъ, 1846, т. XIV, стр. 1—49.

[2]) Напр. „Въ Витебскѣ (авторъ ѣхалъ изъ Петербурга) господствуетъ уже польскій языкъ. Дворяне и чиновники говорятъ между собою и съ жидами по-польски. Они *привыкли воображать себя* поляками, потому что предки ихъ, волею и неволею, приняли католическій законъ и два съ половиною столѣтія были подданными Польши. Но вотъ уже прошло три четверти вѣка, какъ они возвращены Россіи: пора бы и обрусѣть опять! Дамы и дѣвицы лучшаго круга почти всѣ говорятъ по-французски, а по-русски съ грѣхомъ пополамъ“ (стр. 16).

„Долговременное пребываніе Бѣлоруссіи подъ польскимъ владычествомъ измѣнило архитектуру нашихъ церквей: онѣ построены здѣсь по образцу католическихъ, въ одинъ этажъ и съ двумя колокольнями. Отъ католиковъ, кромѣ того, перенято и многое другое; такъ, напримѣръ, простой народъ при входѣ въ церковь становится на колѣни и цѣлуетъ полъ, а грамотные, въ продолженіе литургіи, читаютъ молитвенникъ“ (стр. 29).

„...Дворяне здѣшніе (въ могилевской губ.) почти всѣ исповѣдуютъ ученіе западной церкви и говорятъ между собою испорченнымъ (?) польскимъ языкомъ. Нѣтъ нужды, что въ древности были здѣсь русскія княжества... Нѣтъ нужды, что настоящіе поляки, жители царства польскаго, оскорбляются (?), когда чужіе навязываются имъ въ родство: вѣковыя привычки, хотя и принятыя насильно, упорны какъ застарѣлыя раны. Есть нѣсколько помѣщиковъ чисто русскихъ; есть и туземцы, исповѣдывающіе православіе; но ихъ очень немного... Въ каждомъ помѣщикѣ замѣтны болѣе или менѣе слѣды полученнаго въ молодости образованія... Воспитаніе женскаго пола такое же, какъ у насъ. Въ отдаленныхъ уѣздахъ дѣвицы вовсе не знаютъ по-русски, кромѣ тѣхъ немногихъ, которыя воспитаны въ институтахъ“... (стр. 33 — 34). Въ упомянутомъ замѣчаніи, что чистые поляки оскорбляются, когда „чужіе“ (т.-е. люди западнаго края) „навязываются имъ въ родство“, авторъ, кажется, ошибался или былъ неточенъ; напротивъ, какъ мы не разъ упоминали, польская точка зрѣнія состояла въ томъ, что западный край есть нераздѣльная часть польской національной территоріи.

Отзывы о положеніи крестьянъ—самые печальные (стр. 35—39). Вообще авторъ жалуется, что „Бѣлоруссія худо изслѣдована, и того хуже описана“ (стр. 21).

[3]) Напр., въ „Маякѣ“: „Слова два о языкѣ и грамотности Бѣлой Руси“, Цито-

Въ мѣстныхъ изданіяхъ, губернскихъ вѣдомостяхъ и „памятныхъ книжкахъ“, которыя начинаютъ издаваться по губерніямъ съ пятидесятыхъ годовъ, все чаще являются статьи, посвящаемыя особливо статистикѣ, а частію и этнографіи края [1]). Въ „Виленскихъ Губ. Вѣдомостяхъ“, издававшихся тогда по-русски и по-польски, и въ „Памятныхъ книжкахъ“ (которыя въ 1850—54 гг. выходили подъ редакціей Киркора), помѣщенъ былъ цѣлый рядъ статей по старинѣ и этнографіи западнаго края и особенно виленской губерніи; это были по преимуществу работы Киркора [2]). Впослѣдствіи труды его являются въ изданіяхъ Географическаго Общества.

Къ собственной этнографіи принадлежатъ за это время довольно многочисленные труды Шпилевскаго (Пав. Мих., 1827—1861). Шпилевскій родился или провелъ дѣтство въ захолустьяхъ Бѣлоруссіи [3]), и видимо наслушался съ дѣтства сказокъ, пѣсенъ, видывалъ обряды, потомъ не мало и читалъ. Его работы были новостью въ нашей этнографической литературѣ и характеризуютъ, между прочимъ, ея тогдашнее состояніе. Послѣ первыхъ небольшихъ работъ, онъ помѣстилъ въ 1846 году нѣсколько статей въ „Журналѣ министерства просвѣщенія“ подъ псевдонимомъ „Древлянскаго“ [4]); это — работы очень юношескія, нерѣдко совсѣмъ простодушныя. Въ этнографіи и

вича, 1843, т. IX, Смѣсь, стр. 33; „Бѣлорусскія поговорки“, В. Васильева, 1844, т. XV, Смѣсь, стр. 29, и 1845, т. XXII, стр. 58; XXIII, стр. 144; „Памятники бѣлорусской письменности“, А. Кавелина, т. XXIII. Выше упомянуто, что здѣсь напечатанъ былъ и отрывокъ бѣлорусской „Энеиды наизнанку“, Маньковскаго.

Въ „Москвитянинѣ“:—„Гецыки“, П. Кушина, разсказъ изъ бѣлорусской жизни съ нѣсколькими пѣснями, плясовыми и свадебными, 1843, т. IV, стр. 383—412.

Въ „Моск. Вѣдомостяхъ“: — „Бѣлоруссія, этнографическій очеркъ“, А. Васковскаго, 1854, № 148—149, 152—153, и др.

[1]) Укажемъ, напр., „Путевыя замѣтки о западной и юго-западной Россіи“, К. И. Арсеньева, въ „Вилен. Губ. Вѣдом“. 1846, № 21 — 23, и его же „Статист. очерки Россіи“, Спб. 1848;—„Бѣлорусскія пословицы“, собранныя и объясненныя новозыбковскимъ протоіереемъ, К. Мальчевскимъ, въ „Могил. Губ. Вѣдом.“ 1850, № 40—42, 45, и др.

[2]) „Исторія, географія, этнографія и статистика западныхъ губерній, и виленской въ особенности“, „Вил. Губ. Вѣдом.“ 1847, № 15—19 и дал.; „Этнографія вил. губерніи“, тамъ же, 1848, № 1; въ „Пам. книжкѣ виленской губерніи“ на 1852 г.: „Хронологическое показаніе достопримѣчательныхъ событій отеч. исторіи въ вил. губерніи“ и пр., и „Очерки городовъ вил. губерніи“.

[3]) Ср. „Современникъ“ 1853, іюль, отд. II, стр. 13. „...Родной бѣлорусскій языкъ... нѣкогда, въ годы младенчества и дѣтства, раздавался въ ушахъ моихъ, когда добрая старушка-няня убаюкивала меня фантастическими сказками о шапочкѣ-невидимкѣ, о заклятыхъ князьяхъ и княжнахъ, о Бабѣ-ягѣ костяной-ногѣ“.

[4]) „Бѣлорусскія народныя преданія (повѣрья)“, въ прибавленіяхъ къ Журн. мин просв. 1846, кн. I, стр. 4—25; кн. IV, стр. 85—125; 1852, Литер. приб., № 3, стр. 1—32 (послѣдняя статья уже съ подписью Шпилевскаго).

особливо въ миѳологіи онъ былъ самоучка, между тѣмъ на этотъ разъ его тянуло именно къ миѳологіи. Собирая пародныя преданія, Шпилевскій увѣренъ, что находитъ въ нихъ самое прямое продолженіе языческой древности, и насчитываетъ у бѣлоруссовъ цѣлые десятки языческихъ „боговъ" и „богинь", которыхъ описываетъ иногда съ большими подробностями—ихъ вида, одѣянія, ихъ добрыхъ и злыхъ дѣйствій... Въ примѣръ довольно привести его толкованія „толоки" (то, что у великоруссовъ называется обыкновенно „помочью"); по объясненію Шпилевскаго, бѣлорусская „толока" есть „покровительница жатвы и плодородія", и въ пѣсняхъ, которыя поются при случаяхъ толоки, онъ находитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ Цереру [1].

Въ 1853 Шпилевскій напечаталъ еще одно свое изслѣдованіе изъ области бѣлорусской миѳологіи [2], любопытное но приведеннымъ здѣсь народнымъ повѣрьямъ и разсказамъ, насколько они достовѣрны.

Въ томъ же году, Шпилевскій началъ два ряда статей о Бѣлоруссіи, въ „Пантеонѣ" и въ „Современникѣ" [3].

Первыя представляютъ, въ отдѣльныхъ главахъ, пересказъ народныхъ бѣлорусскихъ преданій и сказокъ, и описаніе различныхъ обрядовъ и обычаевъ съ принадлежащими къ нимъ пѣснями. Въ предисловіи Шпилевскій, повторяя нѣсколько словъ изъ прежней статьи о бѣлорусскихъ преданіяхъ, указываетъ богатство сохранившихся въ бѣлорусскомъ народѣ древнихъ языческихъ преданій—о духахъ, таинственныхъ силахъ, вѣдьмахъ, заклятыхъ людяхъ, русалкахъ, оборотняхъ и другихъ страшилищахъ, преданій, которыя, по его словамъ, „съ теченіемъ времени облеклись только въ поэтическій вымыселъ и приняли живописный колоритъ въ устахъ разсказчика"... „Такова Бѣлоруссія въ настоящее время!.. И потому не можетъ не обращать на себя вниманіе образованнаго человѣка—русскаго, желающаго ознакомиться съ древнимъ бытомъ своихъ единоплеменныхъ собратовъ... Насъ интересуютъ преданія и вѣрованія древнихъ грековъ и римлянъ, мы пишемъ объ ихъ нравахъ, миѳологіи, языкѣ, даже пир-

---

[1]) Журн. мин. пр. 1846, прнб. IV, стр. 111—118.

[2]) „Изслѣдованіе о вовкалакахъ на основаніи бѣлорусскихъ повѣрій", Москвитянинъ, 1853, т. II, ч. 5, стр. 1—30.

[3]) „Бѣлоруссія въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ ея сказкахъ": Пантеонъ, 1853, т. VIII, кн. 4, Смѣсь, стр. 71 — 96; т. IX, кн. 5 — 6, стр. 1—20, 1—34; т. X, кн. 7, стр. 15—56; 1854, т. XV, кн. 5—6, стр. 21—44, 47—68 (здѣсь одной статьи мы не имѣли подъ руками); 1856, кн. 1, стр. 1—30; кн. 3; стр. 1—28.

— „Путешествіе по Полѣсью и Бѣлорусскому краю", Современникъ, 1853 г., т. XXXIX, стр. 75 — 98; т. XL (іюль и августъ), стр. 1 — 26, 39 — 110; 1854 г., XLVIII, стр. 1—58; 1855, т. LII, стр. 1—62.

шествахъ и обѣдахъ; отчего жъ не писать о родной Бѣлоруссіи, которая такъ богата своими самобытными нравами, миѳологіею, языкомъ и, наконецъ, игрищами и празднествами". Авторъ не замѣтилъ, что была разница въ интересѣ греческихъ и бѣлорусскихъ преданій, а научное значеніе изслѣдованія русскихъ народныхъ преданій, въ то время уже намѣченное въ первыхъ трудахъ Буслаева и Аѳанасьева, осталось ему не ясно; его интересъ остается народно-романтическимъ; его привлекаетъ меньше этнографія, чѣмъ поэзія и живописный колоритъ.

Вотъ предметы, на которыхъ онъ останавливается въ своемъ разсказѣ: Сестра чаровница, преданіе минской губерніи;—Бѣлорусская ярмарка (бытовая картина);—Колядныя повечёрки, вечернія собранія дѣвицъ во время рождественскихъ святокъ, оканчивающіяся съ разсвѣтомъ (по замѣчанію автора, повсемѣстный обычай въ Бѣлоруссіи); —Свадебные обряды у поселянъ могилевской и минской губерніи („малыя запоины", „большія запоины", „змовины" или сговоръ, печенье караваевъ, выкупъ невѣсты, пріемъ жениха, одѣваніе невѣсты, „поѣздъ въ церковь", „веселье", т.-е. свадебная пирушка, „переносины", т.-е. переѣздъ невѣсты къ жениху) съ относящимися къ этимъ обрядамъ пѣснями;—„Медвѣжье ушко", преданіе витебской и отчасти смоленской губерніи (собственно сказка, пріуроченная къ мѣстности); —Обряды поселянъ витебской и минской губерній при уборкѣ хлѣба съ полей (покрыванье поля, зажинки и дожинки съ относящимися сюда пѣснями);—„Волшебный цвѣтокъ", преданіе могилевской, минской и витебской губерній (т.-е. опять сказка);—Юрьевъ день, народные обычаи и повѣрья по случаю этого дня и двѣ пѣсни;—Молодиковая недѣля (т.-е. первое воскресенье послѣ новолунія, когда совершается богослуженіе передъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери, или такъ-называемыя „прощи"), мѣстный бытовой очеркъ опять съ пѣснями;—„Золотая щука", преданіе витебской губерніи (опять сказка);—Свадебные обряды у застѣнковцевъ (околичанъ) витебской губерніи, съ пѣснями (застѣнковцы или застѣнковая шляхта есть особый классъ въ родѣ однодворцевъ, занимающій середину между настоящей шляхтой и простонародіемъ и въ быту своемъ сохранившій также много старины);—Игрища (опять съ пѣснями);—Чары, заговариванья, суевѣрія и предразсудки (по словамъ автора, отрывокъ изъ большого сборника);—Родины и крестины, опять съ пѣснями;—Похороны и поминки съ образчиками причитаній;—Волочобники, повсемѣстное бѣлорусское обыкновеніе (такъ называются особаго рода пѣвцы, которые ходятъ на Пасху по деревнямъ съ поздравленіями), съ нѣсколькими волочобными пѣснями;—„Глѣбушкины слезки", пре-

даніе могилевской и минской губерній,—опять нѣчто въ родѣ сказки съ мѣстнымъ пріуроченіемъ.

Таково разнообразное содержаніе этихъ статей Шпилевскаго. Онъ упоминаетъ однажды, что еще въ юности много слышалъ и записывалъ народныхъ пѣсенъ, преданій и т. п., и, какъ видимъ, много пѣсенъ, повѣрій, описаній обычаевъ разсѣяно въ его разсказахъ. Къ сожалѣнію, ни у него не было никакой этнографической школы, ни въ общихъ литературныхъ понятіяхъ того времени еще не было достаточно распространено представленіе о должномъ отношеніи къ памятникамъ народнаго быта и поэзіи; поэтому многое въ его сообщеніяхъ получаетъ только беллетристическій интересъ и не имѣетъ достаточной научной достовѣрности. Такъ, напр., его сказки—не запись народнаго текста, а собственное изложеніе сюжета, съ литературными украшеніями, которыя, по необходимости, подрываютъ довѣріе и ко всему тексту. Изъ большого числа пѣсенъ, вставленныхъ въ его разсказы, многія, вѣроятно, записаны имъ самимъ, но не одинъ разъ мы встрѣчали, повидимому, простое заимствованіе изъ сборниковъ Чечота и Тышкевича, нигдѣ, однако, не оговоренное; самъ Шпилевскій выдаетъ обыкновенно эти пѣсни за собранныя имъ самимъ [1]).

---

[1]) Приводимъ для будущихъ изслѣдователей нѣсколько сличеній.

— Пѣсня, въ „Пантеонѣ", 1853, кн. 5, стр. 4, параллельна съ пѣсней у Тышкевича, стр. 291:

Сягодня заручники	Siagodnia zaruczynky
Богъ намъ давъ;	Boh nam dau;
Працивъ нядзельки	Praciu paniadziełku
Богъ намъ давъ,	Boh nam dau,
И шли дары на три сталы	Szli dary, na try stały;
Таму-сяму па падарачку	Tamu siamu pa padarku,
Нашему NN (такому-то)	Naszamu Janeczku
Три падарачки	Try padareczki
Богъ яму давъ, и проч.	Boh jamu dau, и пр.

— Тамъ же „Пант.", стр. 7: „Пріѣхали заручники" = Тышкевича, стр. 290 „Pryjechali zarucznіki", съ небольшимъ варіантомъ въ одномъ словѣ.

— Тамъ же „Пант.", стр. 9=Тышк., стр. 294:

Благославице, людзи,	Błahasławicie, ludzie,
Блиские сусѣдзи	Blizkije susiedzi,
Гэтаму дзицяци	Hetomu dziciaci
Каравай замясиць и пр.	Karawaj zamiasić, и пр.

Но пропущенное здѣсь у Шпилевскаго—находится у Тышкевича сполна. Другія каравайныя пѣсни также сходны.

— Тамъ же, „Пант.", стр. 15: „Моя мáмачка; приступв къ столачку" и пр.= Тышк. стр. 326: „Moja mameczka, prystup k stołaczku".

— Тамъ же, „Пант.", стр. 16: „Цяпéръ я сѣла мижъ шипшинничку" и пр.= Тышк., стр. 327: „Ciaper ja siełа miż szypszyniczku".

Другой рядъ статей Шпилевскаго представляетъ путешествіе по бѣлорусскому краю, начатое изъ Варшавы. Это—разсказъ о подробностяхъ пути, дорожныхъ встрѣчахъ и впечатлѣніяхъ, съ описаніемъ городовъ и мѣстечекъ, съ картинами природы, историческими и археологическими подробностями. Путешествіе написано вообще легко и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, слишкомъ мелочныхъ, эпизодовъ, не лишено занимательности, а въ свое время и новизны; впрочемъ и теперь, черезъ тридцать лѣтъ, это сочиненіе не замѣнено другимъ подобнымъ. Кромѣ отдѣльныхъ случаевъ, гдѣ авторъ самъ обращается къ источникамъ по исторіи края, онъ видимо пользуется готовыми матеріалами, особливо польскими, хотя, по обыкновенію, ихъ не указываетъ. Такъ, напр. въ описаніи минской губерніи и тамошняго народнаго быта онъ пользуется упомянутой книгой Тышкевича и выписываетъ изъ нея, не упоминая о ней [1]). Разсказъ кончается описаніемъ игуменскаго края.

Бѣлорусское племя Шпилевскій считаетъ едва ли не древнѣйшимъ изъ славянскихъ племенъ и самымъ древнимъ изъ племенъ русскихъ; живя издавна на своихъ мѣстахъ, бѣлоруссы сохранили

— Тамъ же, „Пант.", стр. 17: Та́ткавъ куто̂чакъ"=Тышк., стр. 334: „Tatkou kutoczek", и пр.

— „Пантеонъ", 1853, кн. 6, стр. 19 и далѣе, пѣсни жнивныя, отчасти сходны съ Тышк., стр. 395 и слѣд., хотя не тожественны.

— „Пантеонъ", 1853, кн. 7, стр. 40, пѣсня па Юрьевъ день: „Ой, иду я па улачку, а бычки бушуюць"=въ сборникѣ Чечота, 1846, стр. 2—3; „Oj wyjdu ja na ułeczku, byczki buszujuc".

— Тамъ же, „Пант.", стр. 51, любопытная пѣсня, которую Шпилевскій „самъ слышалъ и записалъ съ устъ одной пѣвицы": „Туманъ, туманъ, туманъ па далинѣ" и пр., совершенно сходна съ пѣсней у Чечота, стр. 56: „Tuman, tuman, tuman, tuman na dalinie", и пр., съ маленькими разницами, вѣроятно, ошибками у Шпилевскаго противъ Чечота.

— „Пантеонъ", 1854, кн. 5, стр. 32—43: „Леццаць птушачки на три стадачки" и пр., записанная вѣроятно самимъ Шпилевскимъ, представляетъ сокращенное соединеніе двухъ пѣсенъ у Чечота, 1846, стр. 40: „Leciać ptuszeczki na try stadeczki", и стр. 15: „Zazulko, zazulko da nie holosno".

— Тамъ же, „Пант.", стр. 31: „Да пристань, Боже, пристань"=Чечота, стр. 14; у Шпил. съ небольшимъ пропускомъ.

— Тамъ же, „Пант.", стр. 33: „Знаць табѣ... замужъ хочетца" и пр.=Чечота, стр. 42; „Znać tabie... zamuż choczec ca".

— „Пантеонъ", 1854, кн. 6, въ описаніи чаръ, стр. 67—68, не оговоренная выписка изъ Тышкевича, стр. 410.

— „Пантеонъ", 1856, кн. 3, стр. 4—7, длинная пѣсня волочобниковъ взята цѣликомъ у Тышкевича, стр. 389—391, безъ одной подробности, выпущенной у Шпилевскаго, вѣроятно по цензурному соображенію, и находящейся у Тышкевича.

[1]) См. „Современникъ", 1853, т. XL, стр. 89 и далѣе, и „Opisanie powiatu Borysowskiego", Тышкевича; Шпилевскій упоминаетъ только археологическія изслѣдованія этого польскаго ученаго, и не мало другихъ книгъ.

наибольше подлинной славянской старины; оттого они и теперь отличаются чрезвычайнымъ богатствомъ народной поэзіи и преданій [1])...

Въ 1853, вышло въ Петербургѣ первое отдѣльное собраніе бѣлорусскихъ пѣсенъ [2]). Неизвѣстная составительница этой книжки, указавъ въ предисловіи богатство бѣлорусской поэзіи, желала представить свой сборникъ „какъ матеріалъ для ученыхъ"; пѣсни собраны преимущественно въ быховскомъ уѣздѣ могилевской губерніи, но общеупотребительность ихъ и въ другихъ уѣздахъ той губерніи побудила дать книгѣ общее названіе. „При всѣхъ стараніяхъ объ умноженіи сборника числомъ пѣсенъ", собирательница была увѣрена, что даже въ быховскомъ уѣздѣ найдется еще много пѣсенъ кромѣ тѣхъ, какія вошли въ ея книгу; это было справедливо, но дальше указано обстоятельство, отнимающее у книжки значеніе „какъ матеріала для ученыхъ": „я ни въ чемъ не измѣнила пѣсенъ, писала такъ, какъ слышала; но *не сохранила особенностей бѣлорусскаго выговора*, и приняла русскій алфавитъ". Замѣчаніе объ „алфавитѣ" показываетъ, что на мѣстѣ еще въ 1850-хъ годахъ казалось новостью употреблять для тамошняго русскаго языка русскую азбуку. Въ сборникѣ помѣщено больше ста пѣсенъ, иногда прекрасныхъ по поэтическому обороту и обрядовому содержанію; къ сожалѣнію, онѣ потеряли подлинность въ пересказѣ; при пѣсняхъ свадебныхъ сдѣлано краткое описаніе обряда.

Наконецъ, бѣлорусская этнографія была затронута въ компетентныхъ ученыхъ обществахъ. Во-первыхъ,—въ Обществѣ Географическомъ. Съ перваго же тома „Этнографическаго Сборника" (1853—1854), издававшагося Обществомъ, въ немъ появляются матеріалы о западно-русскомъ краѣ. Здѣсь помѣщена статья объ Остринскомъ приходѣ (виленской губ., лидскаго уѣзда), профессора литовской семинаріи Юркевича (I, стр. 283—293). Редакторъ этой части „Сборника", К. Д. Кавелинъ, доискиваясь племенной принадлежности этого прихода, обращался не только къ изданной передъ тѣмъ (1852 г.) „Этнографической картѣ" Кёппена, но даже къ маленькой картѣ Шафарика: такъ были скудны подручныя свѣдѣнія. Въ самой статьѣ языкъ тамошняго населенія изображается, какъ „смѣсь русскаго съ польскимъ", но „ближе къ русскому".

Во второмъ томѣ „Сборника" (редакторомъ его былъ опять Кавелинъ) помѣщена цѣлая обширная статья: „Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ" (стр. 111—268), въ составъ которой вошли свѣдѣнія, полученныя Обществомъ отъ разныхъ лицъ изъ западнаго края въ

---

[1]) См. соображенія его по этому предмету въ „Современникѣ", 1853, т. XL, стр. 71 и дал.

[2]) „Народныя бѣлорусскія пѣсни. Собраны Е. П." Спб. 1853. 8°. III и 86 стр.

1848—50 годахъ. Въ томъ числѣ, наиболѣе подробное, „превосходное“ этнографическое описаніе въ отвѣтъ на программу Общества доставилъ г. Анимелле, вольноотпущенный одного помѣщика; это описаніе было положено въ основу статьи и дополнено другими сообщеніями, полученными отъ помѣщиковъ, священниковъ, учителей и даже отъ земскаго исправника. Статья Анимелле даетъ обстоятельные отвѣты на программу Общества и сообщаетъ свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ народнаго быта въ Бѣлоруссіи, отъ внѣшнихъ подробностей—устройства избы, двора—до обычаевъ, суевѣрій, языка, частію пѣсенъ, и т. д. Авторъ обратилъ вниманіе на различія въ бытѣ и самомъ языкѣ поселянъ православныхъ и католиковъ (у послѣднихъ больше въ ходу словъ, взятыхъ съ польскаго), привелъ народный календарь, и т. д.

Въ третьемъ томѣ „Сборника“ находимъ: „Замѣтки о западной части гродненской губерніи“ (стр. 47—115, безъ имени автора) съ историческими извѣстіями о старинѣ этого края и образчиками языка, и обширный „Этнографическій взглядъ на виленскую губернію“, А. Киркора (стр. 115—276). Здѣсь даны: географическое описаніе губерніи, распредѣленіе племенъ (литовскаго и бѣлорусскаго), народные обычаи, народный календарь, указаніе мѣстностей, замѣчательныхъ въ археологическомъ отношеніи, наконецъ, краткій словарь бѣлорусскаго языка (называемаго у автора „бѣлорусско-кривичанскимъ“, стр. 193 — 201) и собраніе „кривичанскихъ“ пѣсенъ (стр. 201—276). Пѣсни, можетъ быть, частію собраны были самимъ авторомъ изслѣдованія, но значительная доля взята изъ прежнихъ сборниковъ [1]).

Изслѣдованія о бѣлорусской народности нашли мѣсто и въ изданіяхъ русскаго отдѣленія Академіи. Въ „Извѣстіяхъ“ этого отдѣленія за 1852 г. помѣщены были „Бѣлорусскія пословицы и поговорки“, собранныя И. Носовичемъ, о трудахъ котораго подробнѣе скажемъ дальше; въ слѣдующемъ году напечатанъ былъ сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ П. Шпилевскаго; наконецъ, помѣщались въ томъ же изданіи отчеты И. Микуцкаго объ его изслѣдованіяхъ въ западномъ краѣ по языку литовскому и также бѣлорусскому...

Въ пятидесятыхъ годахъ дѣлаются и попытки историческаго изученія западнаго края. Таковы были: книга И. Боричевскаго: „Православіе и русская народность въ Литвѣ“ [2]); книга О. Турчиновича: „Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ“ (Спб. 1857),

---

[1]) Напр., стр. 201—212 изъ Чечота, 1846, стр. 17—32; стр. 212—223 изъ той же книги, стр. 46—62, и т. д.; только въ „Сборникѣ“ Геогр. Общества пѣсни переписаны русской азбукой.

[2]) Спб. 1851, напечатано сначала въ „Христіанскомъ Чтеніи“.

то и другое—самые общіе обзоры политической и церковной исторіи западнаго края. Рядомъ съ ними можно упомянуть: „Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи съ присовокупленіемъ и другихъ свѣдѣній, къ ней же относящихся“, генералъ-маіора М. О. Безъ-Корниловича (Спб. 1855)—гдѣ, кромѣ историческихъ подробностей о цѣломъ краѣ и разныхъ его мѣстностяхъ, собраны также данныя статистическія о мѣстныхъ промыслахъ и торговлѣ, наконецъ, подробности этнографическія. Книга—отрывочная, съ извѣстнымъ личнымъ знаніемъ мѣстнаго быта, но съ весьма случайными свѣдѣніями историческими и этнографическими. Авторъ знакомъ, между прочимъ, съ польскими источниками, и, вѣроятно, они отразились въ смутныхъ объясненіяхъ мѣстной этнографіи. Упомянувъ о „древнихъ кривичахъ“, Безъ-Корниловичъ замѣчаетъ, что „соединенные съ славянами (?) ихъ потомки, бѣлоруссы, съ принятіемъ христіанской вѣры, хотя забыли идоловъ, но до сихъ поръ сохранили свой особенный типъ въ обычаяхъ, предразсудкахъ, языкѣ, забавахъ“ и пр. Далѣе: „народъ кривичанскій занималъ всю витебскую губернію, южную часть псковской, сѣверо-западную часть смоленской и сѣверную половину губерній могилевской и минской, къ чему неоспоримымъ доказательствомъ служатъ *самое нарѣчіе бѣлорусскаго языка,* до сихъ поръ оставшееся въ разговорномъ, хотя *обрусѣломъ* (?), *языкѣ*, употребляемомъ жителями тѣхъ мѣстъ“ [1])—фраза не весьма грамотная и показывающая, что „кривичей“ авторъ, вслѣдъ за нѣкоторыми польскими писателями, принималъ какъ будто за особое отъ русскихъ племя, только смѣшавшееся съ ними [2]).

Наконецъ, изысканія о западномъ краѣ предприняты были, съ новой точки зрѣнія, въ военномъ ученомъ вѣдомствѣ.

Выше мы упоминали [3]), что генеральный штабъ, уже съ 1837 по 1854, производилъ статистическія работы, которыя имѣли три изданія и предназначались исключительно для военныхъ потребностей генеральнаго штаба и вѣдомствъ провіантскаго и коммиссаріатскаго. Для публики эти изданія не были доступны. Послѣ крымской войны, военное министерство положило собрать черезъ офицеровъ генеральнаго штаба возможно полныя и обстоятельныя свѣдѣнія о губерніяхъ и областяхъ Россіи, какъ для своихъ собственныхъ

---

[1]) Стр. 1—2.

[2]) На стр. 19 авторъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Надо полагать, что названіе *Кривичи* произошло отъ испорченнаго переписчиками (?), а можетъ быть, и самими лѣтописцами слова *крейвасъ, крейватисъ,* означающаго первосвященника“, т.-е. что они были происхожденія *литовскаго*?

[3]) Томъ II, гл. X, стр. 305—306.

потребностей, такъ и вообще для обогащенія свѣжими данными русской географіи и статистики.

Въ 1857, 1858 и 1859 году, департаментъ генеральнаго штаба издалъ на этотъ предметъ особыя инструкціи и программы; съ этого послѣдняго года назначенныя лица приступили къ исполненію возложеннаго на нихъ порученія, и съ 1861 года сталъ выходить рядъ изданій, посвященныхъ отдѣльнымъ губерніямъ. Однимъ изъ первыхъ явилось описаніе Виленской губерніи, составителемъ котораго былъ г. Корева [1]). Книга распадается на слѣдующіе отдѣлы: географическое и топографическое описаніе губерніи; жители; промышленность; образованность; частный и гражданскій бытъ; управленіе; свѣдѣнія о городахъ и мѣстечкахъ, наконецъ, приложенія. Кромѣ личнаго ознакомленія съ территоріей губерніи, авторъ, какъ исполнитель оффиціальнаго порученія, имѣлъ въ распоряженіи множество данныхъ, доставленныхъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ и другими оффиціальными вѣдомствами, воспользовался литературой мѣстныхъ описаній, русскихъ и польскихъ, наконецъ, личнымъ содѣйствіемъ мѣстныхъ спеціалистовъ. Изъ литературы о западномъ краѣ авторъ называетъ Нарбутта, Балинскаго, Крашевскаго („Litwa"), историко-статистическія работы Киркора, П. Кукольника (о литовцахъ), Чацкаго и В. Григорьева (о евреяхъ), Мухлинскаго (о татарахъ западнаго края), проф. Юндзилла (ботаника), гр. Платера (зоологія), Порай-Кошица (о мѣстномъ дворянствѣ). Изъ этихъ и особливо дѣловыхъ оффиціальныхъ источниковъ авторъ собралъ множество свѣдѣній о разныхъ отношеніяхъ мѣстнаго быта; этнографія затронута мало, и это—слабѣйшая часть книги. Авторъ, хотя трудолюбиво изучавшій край, видимо такъ и остался въ недоумѣніи относительно того, какіе „славяне" населяютъ виленскую губернію. Пользуясь своими польскими источниками и не имѣя ни прямого знакомства съ народомъ, ни этнографической школы, авторъ продолжаетъ говоритъ о „кривичанскихъ славянахъ", не подозрѣвая, что это просто—русскіе. Его опредѣленія очень запутаны. „Славяне, населяющіе виленскую губернію,—по словамъ автора,—кромѣ выходцевъ изъ Великороссіи, великороссіянъ, раздѣляются на бѣлоруссовъ, черноруссовъ и кривичей" (стр. 390), — такъ они раздѣлены и на этнографической картѣ, приложенной къ книгѣ; историческія свѣдѣнія о Литвѣ весьма темныя, и авторъ считаетъ нужнымъ доказывать, что они принадлежатъ къ кавказскому племени,—религія ихъ изображается заимствованной то у грековъ, то у индѣйцевъ (стр. 290

---

[1]) Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Виленская губернія. Составилъ генеральнаго штаба капитанъ А. Корева. Спб. 1861. VIII, IV и 804 стр. съ нѣсколькими картами.

—292). „Виленская губернія представляетъ огромное разнообразіе въ населеніи, изъ котораго *только* славяне и литовцы [1]) *не отличаются* между собою большимъ различіемъ ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ; остальные затѣмъ народы [2]), считающіе своею колыбелью Азію, по языку, обычаямъ и нравамъ, не только разнятся отъ коренныхъ жителей, но не имѣютъ ничего общаго и между собою" [3])... Авторъ приводитъ (стр. 635 и дал.) „извлеченіе изъ пѣсенъ славянъ", т.-е. бѣлоруссовъ, которыхъ называетъ и „племенемъ кривичанскимъ"; пѣсни взяты изъ текстовъ Киркора. Свѣдѣнія о мѣстной литературѣ (стр. 598—600) отрывочны и неясны.

Вторымъ трудомъ военныхъ статистиковъ по описанію западно-русскаго края было описаніе Гродненской губерніи, г. Бобровскаго [4]). Это — громадный и уже гораздо болѣе обстоятельный трудъ, по той же программѣ, но съ болѣе подробными экскурсіями въ исторію и съ бо́льшимъ количествомъ данныхъ, извлекаемыхъ изъ разнаго рода оффиціальныхъ мѣстныхъ вѣдомствъ, изъ спеціальной литературы и, наконецъ, изъ сообщеній мѣстныхъ обывателей и знатоковъ края. Гораздо больше дано здѣсь мѣста и этнографіи (глава III: народонаселеніе по племенамъ; гл. V: народный бытъ). Въ „историческомъ обзорѣ о происхожденіи" племенъ авторъ, вѣроятно, уже подъ вліяніемъ начавшихся въ то время толковъ о національной принадлежности западнаго края, доказываетъ историческими памятниками и языкомъ наличной массы населенія, что страна, занимаемая нынѣ гродненской губерніей, была и есть *русская*, что „почти съ самаго образованія Руси, *вѣра и языкъ* славянскихъ племенъ между Припетью и Нѣманомъ всегда находились въ тѣсной связи съ славянскими *племенами*, жившими на сѣверъ, югъ и востокъ отъ этой губерніи". За исключеніемъ неточности выраженія, это было справедливо.

Въ частности, на основаніи Шафарика, Ярошевича и другихъ писателей, а также на основаніи свѣдѣній, „собранныхъ черезъ при-

[1]) А они-то и составляютъ главную массу „огромнаго разнообразія".

[2]) Это—евреи и немногочисленные нѣмцы, татары и цыганы.

[3]) Укажемъ еще замѣчаніе о литовцахъ: „Каково бы ни было происхожденіе литовскаго народа и въ какую бы эпоху онъ ни поселился въ предѣлахъ нынѣшней Литвы, исторія этого народа, быть можетъ, до сихъ поръ оставалась бы тайною для человѣчества (!), еслибы жители Швеціи, Норвегіи и Даніи, извѣстные подъ именемъ скандинавовъ или нормановъ, не вызвали литовцевъ къ исторической дѣятельности"...

[4]) Матеріалы, и пр. Гродненская губернія. Составилъ членъ Импер. Русск. Геогр. Общества, генеральнаго штаба подполковникъ П. Бобровскій, 2 ч. Спб. 1863. Больш. 8°; XXII и 866 стр.; VIII и 1074 стр., съ нѣсколькими картами, планами и родословными таблицами.

ходскихъ священниковъ", авторъ находитъ въ гродненской губерніи двѣ русскія народности: „черноруссовъ, тѣхъ же бѣлоруссовъ" и „малороссіянъ или, лучше, полѣшуковъ или пинчуковъ и бужанъ"; „къ этимъ двумъ народностямъ,—прибавляетъ авторъ,—мы въ правѣ присоединить и подлясянъ русскаго происхожденія, раздробленныхъ по оттѣнкамъ языка на нѣсколько группъ" [1]). Различныя нарѣчія бѣлорусскія и малорусскія авторъ характеризуетъ образчиками пѣсенъ, сказокъ и пословицъ, доставленными отъ приходскихъ священниковъ, а также записанными самимъ авторомъ или г. Парчевскимъ, составителемъ „Сельско-хозяйственной статистики" края, въ которой собраны были также и подробности этнографическія и которая была сообщена г. Бобровскому въ рукописи. Къ сожалѣнію, эти записи пѣсенъ и пр., сдѣланныя не-спеціалистами, не даютъ достаточныхъ ручательствъ точности и самаго однообразія пріема. Въ описаніяхъ быта, народныхъ повѣрій и суевѣрій также видна неопытность въ этнографіи [2]).

Не менѣе обстоятельный трудъ вышелъ нѣсколько позднѣе о губерніи Минской [3]). Въ это время событія поставили уже жгучій вопросъ о роли полонизма въ западномъ краѣ, и заключенія автора о положеніи вещей гораздо опредѣлительнѣе, чѣмъ у его предшественниковъ. Вопроса этнографическаго онъ касается меньше, но свою точку зрѣнія указываетъ въ историческихъ частяхъ своей работы. Авторъ едва ли не первый обратилъ вниманіе на ту путаницу, которая господствовала въ этнографической номенклатурѣ западнаго края и которая требовала, наконецъ, разъясненія. Въ самомъ дѣлѣ, путаница существовала, накопившись отъ стараго преданія, отъ названій, нѣкогда употребительныхъ въ Польшѣ и занесенныхъ въ русское оффиціальное употребленіе, наконецъ, отъ новой, болѣе или менѣе тенденціозной терминологіи, введенной нѣкоторыми новѣйшими польскими писателями: что̀ такое „Бѣлоруссія", „кривичанскіе славяне", „Черная Русь"; насколько эти названія приложимы къ современному западно-русскому племени и его оттѣнкамъ; насколько, наконецъ, можетъ быть употребляемо названіе „Литвы" въ примѣненіи

[1]) Бѣлоруссовъ авторъ считаетъ потомками кривичей (въ сѣв. части губерніи); черноруссовъ—потомками дреговичей; въ южной части губерніи находитъ малоруссовъ—потомковъ древлянъ и бужанъ и т. д. (стр. 622—623).

[2]) Ср. стр. 808 и слѣд., 821—824 и пр. То же надо сказать и о книгѣ г. Коревы,—напр. „Вил. губ.", стр. 610—611 и др. О другихъ трудахъ г. Бобровскаго въ этой области упомянемъ еще далѣе. Весьма высокую оцѣнку книги г. Бобровскаго см. у Безсонова, „Бѣлор. Пѣсни", стр. XLVI—XLVIII.

[3]) Матеріалы, и пр.—Минская губернія. Составилъ генеральнаго штаба подполковникъ И. Зеленскій. 2 части. Спб. 1864, V и 672; VIII и 701 стр., съ обильными приложеніями изъ оффиціальныхъ статистическихъ свѣдѣній, картами и планами.

къ западно-русскому краю? Авторъ пересматриваетъ старыя давно исчезнувшія названія племенныя (кривичи, дреговичи), послѣдующія названія края по княженіямъ и землямъ, припоминаетъ мнѣнія старыхъ и новыхъ, польскихъ и русскихъ, этнографовъ и историковъ, начиная съ Карпинскаго (автора Географическаго словаря, Вильно, 1766) и продолжая Карамзинымъ, Балинскимъ, Ярошевичемъ, Сырокомлей, Турчиновичемъ, К. И. Арсеньевымъ, Киркоромъ, указываетъ противорѣчія, которыя совсѣмъ спутываютъ представленіе о дѣйствительномъ этнографическомъ характерѣ края [1]). Относительно „бѣлоруссовъ" и „черноруссовъ" авторъ замѣчаетъ: „послѣднія два прозванія сохранились и по настоящее время, несмотря на то, что обѣ эти родныя вѣтви одного и того же племени славянскаго, элемента чисто русскаго, слились уже до такой степени, что теперь, по нашему мнѣнію, *нѣтъ* уже *никакой возможности* указать на тѣ характеристическія черты, которыя отличали бы одно населеніе отъ другого". Онъ предполагаетъ, что въ польское время могла быть какая-нибудь разница между этими оттѣнками, можетъ быть, есть и теперь; „но такъ какъ до сихъ поръ никто еще, кажется, не занимался подобными этнографическими изслѣдованіями, то мы рѣшительно отказываемся указать на тѣ мѣстности минской губерніи, которыя заняты тѣмъ или другимъ племенемъ". Авторъ замѣчаетъ также, что онъ не понимаетъ, какую разницу находилъ Киркоръ между „славянами-бѣлоруссами" и „славянами-кривичами", тѣмъ больше, что дальше самъ Киркоръ считалъ внѣ сомнѣнія, что „нарѣчіе, называемое нынѣ бѣлорусскимъ, есть именно то самое, которое употребляли древніе кривичи" [2]).

---

[1]) См. т. I, стр. 401 — 411. Авторъ замѣчаетъ, напр. (стр. 407): „Сбивчивость понятія о границахъ Черной Руси и Бѣлоруссіи и привычка пріурочивать послѣднее названіе исключительно къ Могилевской и Витебской губерніямъ были, вѣроятно, причиною, что не только въ разговорномъ языкѣ, но и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, подъ именемъ Литвы разумѣютъ и Минскую губернію или, по крайней мѣрѣ, сѣверную ея часть" — между тѣмъ какъ литовцевъ въ этой губерiи почти совсѣмъ нѣтъ. Такъ это названіе „Литвы" было неточно употреблено Арсеньевымъ (Статист. очерки, стр. 179), а на основаніи его г. Егуновъ, въ своемъ изслѣдованіи „О среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи" (Отеч. Зап. 1852), говоря о скудномъ состояніи хозяйства въ этомъ краѣ, прямо приписываетъ его — безпечности и безпромышленности *литовскаго племени*, котораго тутъ вовсе нѣтъ.

[2]) Тамъ же, I, стр. 408. Дальше, стр. 411, и самъ авторъ считаетъ населеніе минской губ. состоящимъ изъ бѣлоруссовъ, „черноруссовъ" и полѣсянъ (эти послѣдніе — малоруссы).

Собственной этнографіи, какъ мы сказали, авторъ не касается. Мѣстныя бытовыя отношенія, повидимому, остались ему иногда не совсѣмъ ясны. Ему кажется, напр., что въ прежнее время ополяченіе высшаго класса совершалось только принудительными средствами (I, стр. 411), или, тамъ же: „Благодаря усердію незабвен-

Наконецъ, изъ этого рода изслѣдованій упомянемъ книгу г. Цебрикова о Смоленской губерніи [1]). Сѣверо-восточные уѣзды ея заняты населеніемъ великорусскимъ (по счету г. Цебрикова, до 520.000); юго-западные — бѣлорусскимъ (до 600.000). Авторъ останавливался, между прочимъ, и на этнографическихъ чертахъ быта и народной поэзіи смоленскихъ бѣлоруссовъ и частію великоруссовъ [2]). Собранный здѣсь этнографическій матеріалъ заслуживаетъ вниманія, хотя весьма не обширенъ и не свободенъ отъ ошибокъ или неточностей, которыя, какъ мы видѣли, почти неизмѣнно сопровождаютъ прежнія описанія западнаго края у наблюдателей не-спеціалистовъ [3]).

ныхъ іезуитовъ и римскаго духовенства, католичество — этотъ чуждый элементъ — пустило здѣсь сильные корни не только въ высшемъ классѣ, но и въ значительной части простого народа, бывшихъ уніатахъ, и теперь еще отличающихся какимъ-то непонятнымъ равнодушіемъ (?) въ дѣлѣ вѣры". Но вѣдь у нихъ дѣйствіе католичества и уніи уже прекращено; гдѣ же причина равнодушія?

[1]) Матеріалы, и пр. Смоленская губернія. Составилъ генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ М. Цебриковъ. Спб. 1862.

[2]) О племенныхъ отличіяхъ населенія, стр. 125—127; нравы и обычаи, народные праздники, мѣстные повѣрья и предразсудки (съ образчиками пѣсенъ), стр. 258—316. Описаніе свадебныхъ обычаевъ великорусскихъ заимствовано изъ статьи Геннади, въ „Вѣстникѣ" Географ. Общества, 1852, кн. IV.

[3]) Напр., стр. 125: „Пространство, занимаемое нынѣ Смоленскою губерніею, въ древнія времена было заселено кривичами,—народомъ славянскаго племени. Впослѣдствіи, потомки *коренныхъ* обитателей описываемаго края, находясь продолжительное время подъ владычествомъ Литвы и Польши, *слились* съ польскими и литовскими выходцами. *Это обстоятельство* послужило причиною племенного различія, замѣчаемаго нынѣ въ народонаселеніи смоленской губерніи". — Напротивъ, именно не слились, чтò и составляетъ причину существующаго племенного различія; откуда было бы оно, если бы племена „слились"? Подобныя неточности и въ историческихъ свѣдѣніяхъ о краѣ.

ГЛАВА V.

Въ шестидесятыхъ годахъ.

Политическое броженіе начала 1860-хъ годовъ.—Вліяніе крестьянской реформы на пониманіе положенія западнаго края.—Польское возстаніе.—Тонъ русской литературы. „Вѣстникъ" Говорскаго, „Вѣсть" Скарятина; газета „День".—Мѣры къ возстановленію русской народности въ западномъ краѣ.

Въ 1861 году обнаружилось въ царствѣ польскомъ политическое броженіе, которое потомъ все больше возростало и въ 1862 г. развилось до попытокъ открытаго возстанія. Волненіе уже вскорѣ отразилось на западномъ и частью даже на юго-западномъ краѣ. Въ мысляхъ поляковъ все это была та же Польша: „Корона", „Литва" и такъ-называемая „Русь" (западная Малороссія), изъ которыхъ состояла Польша до-раздѣльная, должны были теперь добыть снова государственную независимость и вмѣстѣ заявить о своемъ политическомъ и „національномъ" единствѣ. Возстаніе окончилось, какъ слѣдовало ожидать, самымъ печальнымъ образомъ. Далеко не всѣ классы самого польскаго народа раздѣляли политическое возбужденіе; въ западномъ краѣ въ возстаніи приняла участіе только немногочисленная польская доля населенія, а масса оставалась пассивнымъ, сначала боязливымъ, потомъ несомнѣнно враждебнымъ зрителемъ совершавшихся кровавыхъ сценъ; на юго-западѣ, гдѣ процентъ польскаго населенія былъ совсѣмъ ничтожный, попытки возстанія оказались абсолютно неудачными. Какъ эти событія отразились на постановкѣ историческаго и этнографическаго вопроса?

Самая возможность этихъ печальныхъ событій являлась слѣдствіемъ историческаго и этнографическаго недоразумѣнія, долго покрывавшаго западно-русскій край и въ которомъ болѣе или менѣе повинны были обѣ стороны. Фактически, польскій элементъ господствовалъ въ западномъ краѣ какъ землевладѣльческій и культурно-бытовой; русскій

народъ, со времени перваго раздѣла и вплоть до начала 60-хъ годовъ, до 19-го февраля 1861 г., былъ крѣпостнымъ подвластнымъ населеніемъ, которое здѣсь, какъ и въ самой Россіи, не имѣло и не могло имѣть никакого голоса, никакой защиты ни своего гражданскаго, ни даже національнаго положенія. Въ теченіе почти ста лѣтъ послѣ паденія своего государства, польская часть населенія, высшій его классъ, привыкла считать себя хозяевами края, его гражданскими интеллигентными представителями; никто ей въ томъ не противорѣчилъ, и хотя правительство сурово карало рѣдкіе примѣры политическихъ протестацій, отголосковъ возстанія 1831 года, но власть охраняла крѣпостное право польскихъ или полонизованныхъ помѣщиковъ надъ русскимъ народомъ, и это питало иллюзію польскихъ патріотовъ, считавшихъ край польскимъ въ отношеніи національномъ. Въ западномъ краѣ, какъ мы видѣли, развилась съ начала нынѣшняго столѣтія оживленная образовательная и литературная дѣятельность, средоточіемъ которой былъ Виленскій университетъ и которая продолжалась здѣсь и по закрытіи университета. Вильна, вмѣстѣ съ Варшавой, Краковомъ, Львовомъ, Познанью, была однимъ изъ главныхъ пунктовъ польской литературной и общественной жизни и здѣсь складывался особый („литовскій") оттѣнокъ польской поэзіи и литературы; въ западномъ краѣ, въ богатыхъ имѣньяхъ польскихъ аристократовъ собирались обширныя библіотеки, научныя и художественныя коллекціи (напр. въ Несвижѣ, Щорсахъ и пр.); польскіе мѣстные ученые предпринимали изслѣдованія о древностяхъ, топографіи, исторіи, этнографіи, статистикѣ, естественной исторіи края — изслѣдованія, которыми много пользовались потомъ и донынѣ русскіе изыскатели, направившіе сюда свои труды съ 1860-хъ годовъ... Правда, дѣйствительная сущность историческихъ и народныхъ отношеній западнаго края начала уже выясняться и съ другой точки зрѣнія: тѣ изслѣдованія историческія или то собираніе историческаго и этнографическаго матеріала, которое начиналось въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ въ русской литературѣ, не могли не проливать иного свѣта на положеніе вещей, — но эти изслѣдованія оставались покамѣстъ книжными, мало проникали въ общество и еще меньше вліяли на административное и соціальное состояніе западно-русскаго народа... Одинъ разъ прошла въ краѣ сильная полоса историческаго движенія—въ уничтоженіи уніи (1839): этотъ знаменательный фактъ могъ бы навести мѣстное общество на новыя мысли о положеніи народнаго вопроса, но бытовая рутина была еще такъ сильна, что это событіе произвело, кажется, меньше впечатлѣнія и дѣйствія, чѣмъ можно было бы ожидать. Съ другой стороны, въ самомъ русскомъ

обществѣ относительно западнаго края продолжалось прежнее незнаніе и равнодушіе.

Нужны были большіе перевороты и шумныя событія, чтобы заставить, наконецъ, оглянуться на прошедшее и на современное состояніе западнаго края. Во внутренней жизни русскаго общества такимъ переворотомъ были реформы, заявленныя и частію исполненныя въ началѣ прошлаго царствованія, — реформы, которыя подѣйствовали не только на развитіе понятій общественныхъ и гражданскихъ, но расширили горизонтъ историческій и этнографическій, а затѣмъ и сознаніе національное. Въ первый разъ рѣчь о народѣ имѣла уже не одинъ платоническій характеръ, но говорила о народѣ настоящемъ, объ его юридическомъ и соціальномъ положеніи. Крестьянская реформа поднимала вопросъ и о западно-русскомъ народѣ, на которомъ до тѣхъ поръ лежала крѣпостная пелена, скрывавшая его и отъ общественнаго мнѣнія, и отъ научнаго изслѣдованія. Едва объявлена была реформа, произошли другія событія, сдѣлавшія западный край предметомъ напряженнаго вниманія. Старое недоразумѣніе, лежавшее на отношеніяхъ западно-русскаго края, высказалось, наконецъ, самымъ острымъ образомъ, когда вспыхнуло польское возстаніе. Поляки въ послѣдній разъ выставили фикцію Польши 1772 года, и западный край сдѣлался сценой мнимо-народнаго возстанія. Нѣкоторое колебаніе, съ какимъ правительство отнеслось сначала къ польскимъ волненіямъ, вскорѣ смѣнилось самыми крутыми мѣрами. Онѣ вскорѣ возъимѣли свое дѣйствіе: возстаніе было окончательно подавлено и начались репрессаліи. Возбужденіе общественной массы, или патріотической публицистики было тѣмъ сильнѣе, что польское возстаніе, сдѣлавшись предметомъ европейскихъ толковъ, послужило поводомъ къ дипломатическому вмѣшательству, которое было отвергнуто весьма рѣшительно русскимъ правительствомъ, что еще усилило патріотическіе взрывы. Въ то время, когда правительство должно было объяснять, что западный край есть край русскій по громадному большинству населенія и вмѣстѣ православный, та же тема создала цѣлую литературу въ газетахъ, журналахъ, книгахъ и брошюрахъ.

Въ это время русское общество въ первый разъ узнало съ достовѣрностью объ этнографическомъ составѣ западнаго края и получило понятіе объ его исторіи.

Къ сожалѣнію, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ вопросъ ставился большею частію столь исключительно, съ такой крайней нетерпимостью, которыя исключали безпристрастіе и спокойную оцѣнку фактовъ. Для тѣхъ, кто былъ нѣсколько знакомъ съ исторіей Польши и западной Руси, кто присмотрѣлся къ достаточно извѣстнымъ и раньше

произведеніямъ старой западно-русской литературы и современной народной поэзіи, было совершенно ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ самымъ настоящимъ русскимъ народомъ; но такъ какъ раньше большинство этого не знало, то это становилось открытіемъ, которое считали нужнымъ доказывать не простымъ, спокойнымъ объясненіемъ факта, но съ полемическимъ озлобленіемъ. Спокойныхъ разсужденій слышалось всего менѣе: въ разгарѣ усмиренія писатель, который захотѣлъ бы говорить о предметѣ не въ принятомъ тонѣ, подвергался обвиненію въ равнодушіи къ національному дѣлу или даже въ измѣнѣ. Воинствующая печать и дѣйствительно бросала подобнаго рода намеки или даже прямыя обвиненія противъ тѣхъ, кто не принималъ тогда участія въ этомъ походѣ противъ всего польскаго [1]). Факты, какъ мы сказали сейчасъ, были очевидны и не требовалось особаго напряженія, чтобы доказать существованіе западно-русскаго народа; но, во-первыхъ, для справедливой оцѣнки западно-русскихъ затрудненій надо было признать въ полной мѣрѣ, чѣмъ были онѣ приведены между прочимъ и съ русской стороны, а во-вторыхъ, когда спорный вопросъ рѣшался военнымъ истребленіемъ повстанцевъ и смертными казнями, простое человѣческое чувство запрещало издѣваться надъ побѣжденнымъ и слабымъ непріятелемъ,—и это человѣческое чувство, конечно, больше отвѣчало настоящему національному достоинству... Воинствующая публицистика находила поводъ къ своему озлобленію въ тонѣ заграничной польской печати, доходившей нерѣдко до великихъ нелѣпостей; но сторонѣ правой можно было не соперничать съ нею въ этомъ тонѣ.

Приводимъ нѣсколько примѣровъ тогдашняго положенія вопроса въ литературѣ.

Что западно-русскій вопросъ былъ для огромнаго большинства нашего общества новостью, можно было судить уже изъ того, что о немъ заговорили вдругъ въ 1862—1863 году, когда за годъ передъ тѣмъ о немъ не было и рѣчи. Та часть литературы, которая особенно горячо взялась за этотъ предметъ, иногда прямо сознавалась, что вопросъ прежде былъ забытъ и русскому обществу неизвѣстенъ. Вотъ эпизодъ изъ своего рода манифеста подъ заглавіемъ: „Изъ Москвы къ православнымъ бѣлоруссамъ не изъ крестьянъ, преимущественно къ бѣлорусскому духовному сословію“, подписаннаго „Редакціею газеты „День“, ея сотрудниками и всѣми сочувствующими съ нею“:

---

1) Напомнимъ характерный примѣръ въ запрещеніи журнала „Время“ за статью г. Страхова „Роковой вопросъ“.

„Мы виноваты передъ вами—простите насъ,—писала редакція „Дня“. — Событія *раскрыли намъ глаза,* заслѣпленные польскою ложью, а вмѣстѣ съ тѣмъ раскрыли и *всю бездну нашей вины.* Мы, русское общество, какъ будто *забыли про существованіе Бѣлоруссіи;* мы долго *коснѣли въ невѣдѣніи* о той глухой, безвѣстной, но тѣмъ не менѣе достославной, святой борьбѣ, которую вели бѣлоруссы за свою народность и вѣру — съ могучими, сильными, искусными и богатыми, со всѣхъ сторонъ окружавшими ихъ, врагами—польщизною и латинствомъ. Какіе высокіе подвиги совершало ты, бѣлорусское духовенство—бѣдное, угнетенное, сирое, лишенное всякой поддержки общественной и государственной,—подвиги долготерпѣнія и мученичества! Ты старалось уберечь и поддержать въ народѣ до лучшихъ временъ, сквозь всѣ превратности исторіи и насильственно наложенную унію,—преданія православія и память о единствѣ со всею великою Русью... И ты уберегло и поддержало ихъ; лучшія времена настали, и оправдывается божественное слово: „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ“.

„По истинѣ ваши подвиги безпримѣрно велики, хотя творились они въ тишинѣ и во мракѣ, безъ блеску и треску, безъ тѣхъ громкихъ рукоплесканій, въ которыхъ пріемлютъ себѣ земную мзду за геройскіе подвиги своего алчнаго патріотизма ваши угнетатели поляки. Ваша борьба была тѣмъ труднѣе, что вы боролись честнымъ оружіемъ духа, или нравственнымъ христіанскимъ путемъ къ честной цѣли, тогда какъ враги ваши, по іезуитскому правилу, что цѣль оправдываетъ всякія средства, — противополагали вамъ адскія козни и злоухищренія. Ваша борьба была еще тѣмъ труднѣе, что все богатое, мощное, владѣющее землею сословіе, ваша русская шляхта соблазнилась выгодами власти, прельстилась на житейскія удобства и почести, и продали за нихъ православіе и русскую народность. Они ополячились, окатоличились; они, какъ это всегда бываетъ съ отступниками, стали самыми злыми врагами народа и его вѣры,—и тѣмъ не менѣе вы, духовнымъ мечомъ, отстояли русскую землю... Хвала вамъ по всей Россіи! Только теперь вполнѣ начинаемъ мы здѣсь познавать всю мѣру добра, совершеннаго вами, все достоинство вашихъ дѣлъ,—удивляемся вамъ, благословляемъ васъ и несемъ вамъ дань нашего братскаго сочувствія и участія.

„Премудрость Божія послала нынѣ Бѣлоруссіи рядъ испытаній, которыми какъ въ горнилѣ, искушаясь и очищаясь, бѣлорусскій народъ возрождается къ новой жизни. Онъ въ первый разъ выступилъ на поле исторіи, какъ историческій дѣятель; онъ явилъ себя міру въ первый разъ, какъ народъ,—русскій народъ,—господинъ и хозяинъ той земли, которую поляки всюду прославили Польшей,—и ничто и никто отнынѣ не отниметъ у него этой части. Польскій мятежъ обличилъ врага, котораго Россія, изъ благодушія, пригрѣвала у себя на груди, обнаружилъ предъ цѣлой Россіей и всѣмъ свѣтомъ коварство, дерзость и презрѣніе къ русскому народу польскаго или ополяченнаго дворянства, и возбудилъ законную месть народную. Настоящія событія—это какъ бы баня пакибытія для Бѣлоруссіи, по выраженію Апостола; это ея крещеніе въ новую, общую съ Россіей, духовную и гражданскую жизнь, крещеніе—въ неповинной крови зарѣзанныхъ поляками крестьянъ, замученныхъ и повѣшенныхъ поляками священниковъ бѣлорусскихъ — Прокоповича, Конопасевича, Рапацкаго, дьячка Іозефовича, учителя Смольскаго и многихъ другихъ! Отнынѣ уже не пановать надъ вами гордой польской шляхтѣ, наглымъ польскимъ оффиціалистамъ и мелкой польской чиновничьей челяди! Пусть ихъ уберутся къ себѣ домой, въ Польшу. Отнынѣ русская земля должна стать

русскою во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни, чтобы не было польскаго духу ни слыхомъ не слыхать, ни видомъ не видать... Спѣшите же изгладить послѣдніе признаки польскаго господства въ вашей несчастной странѣ, залечить общественныя раны, нанесенныя вамъ польскимъ гнетомъ, и такъ укрѣпить духовныя силы вашей народности, чтобъ и мысль о былой когда-то здѣсь Польшѣ не могла взойти на сердце поляку!“

Итакъ мы, русское общество, *забыли* о существованіи Бѣлоруссіи, мы коснѣли въ *невѣдѣніи* о той борьбѣ, которая совершалась тамъ цѣлые вѣка; только теперь *начинаемъ познавать* ту пользу, какая принесена была общему дѣлу русской національности борьбой бѣлорусскаго народа за свое существованіе, и только теперь, когда польскій мятежъ обнаружилъ „предъ цѣлой Россіей и всѣмъ свѣтомъ“ настоящее положеніе вещей, мы являемся съ своими сочувствіями и помощію. Признаніе было совершенно справедливо: западный край былъ дѣйствительно забытъ; но и теперь общественное и литературное отношеніе къ нему было не таково, каково должно бы быть... Правительственная власть явилась со всею своею силою, чтобы подавить возстаніе, и успѣшно сдѣлала свое дѣло; но то, что̀ должно бы быть сдѣлано силою общественною, было крайне неудовлетворительно. Мы упоминали, что общественное дѣйствіе, по всѣмъ обстоятельствамъ времени, ограничилось тогда только одною долею литературы; здѣсь оказалось не столько разъясненіе выступившихъ на сцену сложныхъ отношеній, — завѣщанныхъ исторіей, приводимыхъ настоящими потребностями населенія,—сколько продолженіе тѣхъ репрессалій, которыя совершались въ военныхъ и административныхъ дѣйствіяхъ. Литература, присвоившая себѣ роль исключительно патріотической, ознаменовала себя политической травлей, терявшей, наконецъ, всякое нравственное достоинство, и въ концѣ концовъ оставила вредныя послѣдствія и для западнаго края, и для самого русскаго общества.

Не останавливаясь на дѣятельности газетъ, проводившихъ въ особенности политическую идею, или на газетѣ „День“, гдѣ западно-русскій вопросъ послужилъ поводомъ къ новому повторенію извѣстныхъ теорій, приведемъ нѣсколько эпизодовъ изъ одного изданія, теперь забытаго, которое было тогда спеціально посвящено вопросамъ западной и юго-западной Россіи. Это былъ „Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи“, предпринятый въ 1862 году Ксенофонтомъ Говорскимъ, лицомъ, до того времени неизвѣстнымъ въ литературѣ. Это былъ, кажется, учитель семинаріи въ западномъ краѣ; онъ началъ изданіе именно въ то время, когда совершались первые факты польскаго возстанія; журналъ выходилъ сначала въ Кіевѣ, потомъ (съ

сентября 1864 г.) перенесенъ былъ въ Вильну [1]). Журналъ Говорскаго посвятилъ себя исключительно борьбѣ противъ полонизма, въ которомъ заключалось и католичество, и защитѣ западно-русской народности и православія, и на дѣлѣ сталъ однимъ изъ такихъ друзей, которые бываютъ хуже враговъ. Вся исторія западнаго края представлялась журналу только съ одной точки зрѣнія: польская интрига и католическое насиліе; ничего другого въ этой исторіи не было; „интрига“ простиралась такъ далеко, что журналъ усматривалъ ее даже въ такихъ явленіяхъ самой русской жизни, которыя, между прочимъ, сами направлялись противъ полонизма. Тѣ мнѣнія, высказывавшіяся въ тогдашней русской литературѣ, которыя не совпадали съ теоріями „Вѣстника“, называемы были безъ церемоніи измѣной; и хотя журналъ занятъ былъ обличеніемъ польскихъ притязаній на западный и юго-западный край, но онъ съ крайней злобой возставалъ противъ какого-нибудь движенія въ мѣстныхъ народностяхъ: такъ, „Вѣстникъ“ Говорскаго въ особенности потрудился надъ распространеніемъ той полезной идеи, что украинофильство есть не что иное, какъ подвохъ польской интриги... Въ журналѣ печатались на первомъ планѣ старые документы изъ исторіи западнаго края, которые свидѣтельствовали объ угнетеніяхъ русской церкви и народности; далѣе статьи по исторіи края въ томъ же обличительномъ направленіи, помѣщались повѣсти (главными беллетристами „Вѣстника“ были Кулишъ, въ первый годъ изданія; Н. Сементовскій, написавшій повѣсть изъ временъ князей Святослава и Владиміра; извѣстный Шигаринъ, изображавшій разные неодобрительные поступки поляковъ; далѣе, въ послѣдующихъ годахъ изданія, — Калугинъ, писавшій романы изъ XIV-го вѣка и драмы изъ еврейскаго быта; Скурховичъ, Вольперъ, Ольшвангеръ и другіе, столь же извѣстные авторы; были, наконецъ, свои стихотворцы, писавшіе не весьма тонкія, но очень злобныя басни на тему польской интриги и т. п.); въ послѣднемъ отдѣлѣ журнала собирались свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ, разсказывалось объ истребленіи повстанскихъ бандъ, съ удовольствіемъ говорилось о казняхъ предводителей, шла полемика съ польскими газетами, и т. д. Отдѣлъ публицистическій велся съ большимъ жаромъ, впадавшимъ въ семинарскій и въ полицейскій.

---

[1]) Изданіе началось съ половины 1862 года, и годъ изданія продолжалъ и потомъ считаться отъ іюля до іюля. Съ 1867 г. годъ изданія сталъ считаться съ января. Съ этого же года, кромѣ „редактора-издателя“, Говорскаго, журналъ подписывалъ еще „редакторъ-сотрудникъ, Ив. Эремичъ“. Съ 1870 года журналъ, по болѣзни Говорскаго, велся однимъ Эремичемъ и прекратился на 4-й книжкѣ 1871 г. Въ это время умеръ и Говорскій.

Въ первомъ годѣ изданія была помѣщена статья: „Что такое хлопоманія, и кто такіе хлопоманы?“ Здѣсь [1]) обличается хлопоманія польская, то движеніе, которое, исходя изъ увлеченій польскаго романтическаго украинофильства, приняло теперь политическую тенденцію, въ предположеніи (вскорѣ опровергнутомъ фактами), что малорусскій народъ можетъ быть вовлеченъ въ возстаніе; но отъ этой польской хлопоманіи журналъ—на первый разъ—совершенно отграничилъ хлопоманію малорусскую: въ этой послѣдней видѣлось ему естественное стремленіе къ народу, желаніе содѣйствовать его образованію и вмѣстѣ протестъ противъ польской пропаганды.

„Наши руспнофилы убѣждены, — говорилъ безыменный авторъ статьи, — что просвѣщать народъ посредствомъ одного великорусскаго языка и ограничиваться одною великорусскою литературою—значитъ лишить здѣшняго русскаго человѣка тѣхъ средствъ къ самозащищенію, которыя даны ему Богомъ, затруднять здѣсь успѣхи русскаго просвѣщенія и почти что цѣликомъ предавать нашъ народъ въ руки опытныхъ и изобрѣтательныхъ пропагандистовъ, поляковъ, тѣмъ болѣе, что населеніе юго-западныхъ губерній болѣе свыклось, болѣе знакомо съ польскимъ, чѣмъ съ великорусскимъ языкомъ, и лучше его понимаетъ, чѣмъ нарѣчіе великорусское, въ особенности литературное; они полагаютъ, что единственное средство спасти здѣшняго русскаго человѣка отъ польской пропаганды состоитъ въ томъ, чтобы, подражая тактикѣ опытныхъ нашихъ враговъ, стараться поднять здѣшнее русское нарѣчіе въ глазахъ самого народа, доставлять ему просвѣщеніе на его родномъ, наиболѣе понятномъ для него нарѣчіи, какъ можно болѣе писать и печатать необходимо нужнаго для народа на этомъ его нарѣчіи; но писать и печатать русскою азбукою, и такимъ образомъ, опираясь на богатства общерусской литературы и просвѣщенія, привязывать его къ общерусской литературѣ. Слѣдуя такому убѣжденію, они употребляютъ всѣ силы, чтобы учить народъ на его родномъ нарѣчіи, издавать на этомъ русскомъ нарѣчіи руководства и народныя книги, наиболѣе приноровленныя къ понятіямъ, убѣжденіямъ, взглядамъ и потребностямъ народа, и такимъ образомъ въ противность дѣятельности поляковъ распространять въ народѣ русскую грамотность и просвѣщеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ давать этому народу наиболѣе средствъ къ самозащищенію. На это-то и направлена теперь вся ихъ дѣятельность. Итакъ, дѣятельность ихъ почти исключительно—дѣятельность просвѣтительная, не заключающая въ себѣ ничего политическаго, кромѣ развѣ противодѣйствія польской пропагандѣ посредствомъ распространенія русской грамотности и просвѣщенія, и кромѣ стремленія выяснить и оживить для всего русинскаго племени ближайшее его духу начало, связывающее всѣхъ его членовъ, отъ Мармароша и Сана до Дона въ одно нераздѣльное цѣлое и составляющее вмѣстѣ съ тѣмъ естественное звено, прочно связывающее все это племя съ остальною Русью.

„Такой взглядъ на стремленіе и дѣятельность нашихъ руспнофиловъ вынесенъ нами изъ непосредственнаго, *безпристрастнаго наблюденія* надъ ними. Насколько вѣренъ этотъ взглядъ, и насколько на самомъ дѣлѣ ошибочны, ложны стремленія и дѣйствія нашего молодого поколѣнія, предоставляемъ

---

[1]) „Вѣстникъ“, 1862—1863 гг., т. II, ноябрь, отд. IV, стр. 139—156.

раскрыть времени. Смотря на это наше молодое поколѣніе съ исторической точки зрѣнія, мы видимъ въ немъ не что иное, какъ ту силу, которую въ лицѣ образованныхъ нашихъ молодыхъ людей, сближавшихся, сросшихся душою съ русскимъ народомъ здѣшнихъ областей, съ его интересами и стремленіями, выставляетъ самъ нашъ православный народъ противъ дѣятельности ложныхъ хлопомановъ и противъ всякаго подавляющаго внѣшняго вліянія. А потому понятно, почему поляки и ихъ хлопоманы видятъ въ нихъ самыхъ опасныхъ для себя враговъ и прибѣгаютъ къ разнымъ клеветамъ, іезуитскимъ выходкамъ и наговорамъ, чтобы парализовать возростаніе этой нашей народной силы... зная свойства и средства польскихъ пропагандистовъ вести борьбу съ врагами, и свойства и качества нашихъ загнанныхъ руссофиловъ, мы имѣемъ полное право считать эти слухи злостною клеветою на наше молодое поколѣніе... *Неразумно, грѣшно и позорно* для насъ оставаться далѣе подъ вліяніемъ польскаго общественнаго мнѣнія относительно нашего же родного молодого поколѣнія, допускать полякамъ вносить вражду въ нашу семью и вооружать насъ на нашихъ же братьевъ и наслѣдниковъ; неразумно, говорю, и грѣшно намъ съ враждою, подозрительностью и непріязнью отвращаться отъ нашихъ младшихъ братій изъ-за какихъ-нибудь ихъ крайностей и увлеченій, и тѣмъ подрывать наши общественныя силы и, быть можетъ, вводить наше молодое поколѣніе еще въ бо̀льшія крайности“.

Но если въ ноябрѣ 1862 года таковъ былъ взглядъ, вынесенный изъ „безпристрастнаго наблюденія“ надъ движеніемъ малорусскаго молодого поколѣнія; если было тогда „неразумно, грѣшно и позорно“ допускать вражду въ нашу семью и вооружать насъ на нашу же братью и наслѣдниковъ, то уже въ началѣ 1863 года „безпристрастный взглядъ“ былъ брошенъ и „позорное, грѣшное и неразумное“ стало для Говорскаго гражданскою обязанностью и добродѣтелью: Говорскій начинаетъ озлобленныя нападенія на украинофильство. Не видно, по какому сигналу начались эти нападенія, но они превзошли всякую мѣру приличія и литературнаго достоинства. Смерть Шевченка, въ которомъ, при всемъ несочувствіи къ характеру его произведеній, нельзя было не признать замѣчательнаго поэта и утрата котораго вызвала глубокую скорбь въ средѣ его земляковъ,—для „Вѣстника“ послужила поводомъ къ статьѣ по истинѣ гнусной [1]): это былъ цѣлый потокъ ругательствъ, и главною причиной всякихъ недостатковъ Шевченка оказывалось то, что онъ былъ неблагороднаго происхожденія. Мысль объ изданіи книгъ для народнаго чтенія на малорусскомъ языкѣ, которую излагалъ Костомаровъ въ „Основѣ“, встрѣчена была градомъ обвиненій, какъ мысль едва не измѣнническая [2]). Здѣсь было уже сказано, что мысль о книжкахъ на малорусскомъ языкѣ идетъ „не отъ Бога“ (слѣдовательно?),

---

[1]) 1862—1863, т. IV, апрѣль, IV, стр. 32—42: „Эпизоды изъ жизни Шевченка“, П. М—съ.

[2]) 1863—1864, т. I, іюль, III, стр. 1—6.

а вскорѣ въ другихъ статьяхъ было разъяснено, что украинофильство есть именно вѣтвь польской интриги—знаменитая тема, которая потомъ повторялась множество разъ и благополучно дожила, съ своими результатами, до нашихъ дней.

Эти образчики показываютъ, каково было отношеніе „Вѣстника" къ народному вопросу. Еслибы въ Бѣлоруссіи было какое-нибудь мѣстное движеніе въ видахъ оживленія народной массы, пробужденія ея изъ вѣковой умственной спячки какою-нибудь книжкой на доступномъ для нея языкѣ, „Вѣстникъ", очевидно, усмотрѣлъ бы и здѣсь „руку"—во-первыхъ, діавола, а во-вторыхъ, польской интриги. И вообще журналъ относился ко всякой заботѣ о народномъ образованіи неодобрительно: въ той же книжкѣ помѣщена статья „Кіевскія впечатлѣнія", гдѣ авторъ, изобразивъ простодушную вѣру кіевскихъ богомольцевъ, приходитъ къ убѣжденію о ненужности и вредѣ самой грамотности, кромѣ церковно-славянской.

„Спрашивается: нужна ли для *этихъ людей* (богомольцевъ, представляющихъ весь народъ) грамотность, о которой въ послѣднее время поднялось столько хлопотъ?.."

Нынѣшніе евреи,—разсуждаетъ авторъ,—всѣ грамотны, но на ихъ умѣ „лежитъ покрывало"; раскольники почти всѣ умѣютъ читать и—остаются раскольниками.

„А извѣстная личность, боящаяся ладану (!), умнѣе и грамотнѣе всѣхъ ихъ, и евреевъ, и раскольниковъ, знаетъ превосходно всѣ языки и литературу древнюю и новую (!), едва ли даже не онъ (кто?) и заправляетъ всею свѣтскою литературой, какъ средствомъ проводить въ массы вредныя вѣрованія и убѣжденія; онъ самъ даже *вѣруетъ и трепещетъ*, да что толку съ этой дьявольской вѣрой этого колоссальнаго дьявольскаго просвѣщенія" [1]). Статья подписана: „Странникъ" и не вызвала никакого замѣчанія редакціи.

Взглядъ на просвѣщеніе, какъ на дьявольское [2]), достаточно рисуетъ понятія „Вѣстника". Это была смѣсь стариннаго „Маяка" (одинъ изъ его питомцевъ, И. Кулжинскій, былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ „Вѣстника"), позднѣйшей „Домашней Бесѣды" съ прибавкою новыхъ „политическихъ" идей. Оказывалось, что въ русской литературѣ, даже между весьма извѣстными именами, гнѣздились враги отечества. Такъ относился „Вѣстникъ" къ Костомарову и ко всему украинофильству [3]). Въ 1863 году г.

---

[1]) Тамъ же, стр. 14.

[2]) Выше, въ числѣ представителей этого просвѣщенія, названы, напр., Пиѳогоръ (sic), Платонъ, Аристотель и „изъ новѣйшихъ знаменитостей" Адамъ Смитъ и Маколей (!).

[3]) Передъ тѣмъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, намъ случилось, однако, видѣть Ксе-

Н. Страховъ написалъ статью подъ названіемъ „Роковой вопросъ“, имѣвшую въ виду указать культурную сторону польскаго вопроса, которая могла объяснить, въ извѣстной степени, преобладавшее прежде вліяніе польскаго элемента въ западномъ краѣ. Статья (не совсѣмъ отвѣчавшая обычному ходу мыслей г. Страхова) имѣла, какъ извѣстно, самыя печальныя послѣдствія: кромѣ того, что автору пришлось выслушать строгій репримандъ „Р. Вѣстника“ и принести повинную, журналъ Достоевскаго, гдѣ она была напечатана, былъ закрытъ. Въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго Н. Н. Страховъ, положившій столько труда на обличеніе западныхъ и западническихъ лжеученій, оказался въ ряду „недоучившихся публицистовъ, словно державшихъ конкурсъ по части Геростратовскихъ подвиговъ глумленія надъ всѣмъ, что̀ составляло доселѣ основу силы и славы человѣческихъ обществъ вообще и Россіи въ особенности“,—или даже г. Страховъ превзошелъ ихъ всѣхъ: Говорскій „еще не видалъ такого циническаго, такого звѣрскаго ковырянья въ язвахъ своей жертвы, какимъ обезсмертилъ себя авторъ этой статьи“... Этотъ авторъ сравнивается заразъ съ Іудой, съ Хамомъ и Геростратомъ.

Всѣ мѣры, принимавшіяся тогда въ западномъ краѣ, встрѣчались „Вѣстникомъ“ съ величайшими сочувствіями; журналъ исполненъ былъ самыми истребительными намѣреніями относительно всего польскаго, и когда, напримѣръ, славянофилы, настаивая на обрусеніи западнаго края, все-таки допускали существованіе этнографической Польши, „Вѣстникъ“ и ей желалъ и пророчилъ полную гибель и сочинилъ даже, на извѣстную тему, „новую польскую пѣсню“:

Kiedy Polska nie zginęła,
Niech że zginie,—my tak chcemy! и т. д. [1]).

Такого рода журналъ явился въ литературѣ спеціальнымъ защитникомъ „русскаго дѣла“ въ западномъ краѣ. Очевидно, желая идти въ параллель къ тому способу дѣйствій, какой былъ принятъ въ краѣ во времена генерала Муравьева, журналъ выходилъ изъ предѣловъ литературной постановки вопроса; тонъ его былъ необузданное озлобленіе, приправленное ссылками на „истинное христіанство“.

Говорскій высказывалъ увѣренность, что его журналъ именно представляетъ самую чистую русскую народность, ея содержаніе и ея требованія; впослѣдствіи, по смерти Муравьева, онъ ссылался на письмо, въ которомъ Муравьевъ воздавалъ похвалу патріотической

шпіона Говорскаго у Костомарова: былъ ли тогда тотъ же Костомаровъ человѣкомъ невреднымъ, или издатель „Вѣстника“ приходилъ къ нему въ качествѣ соглядатая?

[1]) Тамъ же, 1862—1863, іюнь, стр. 153.

дѣятельности „Вѣстника“ и ея пользѣ. Говорскій даже приписывалъ себѣ честь поднятія самаго вопроса о западной Руси гораздо раньше „Катковыхъ, Аксаковыхъ и Кояловичей“ [1]).

Во второй половинѣ 60-хъ годовъ у журнала Говорскаго нашелся достойный его противникъ,—газета „Вѣсть“. Погода нѣсколько перемѣнилась: западно-русскій вопросъ затронутъ былъ съ новой точки зрѣнія. „Вѣсть“, которая вообще брала на себя защиту дворянскаго землевладѣнія и, для своихъ благихъ цѣлей, сыпала обвиненіями въ сенъ-симонизмѣ не только противъ изданій, болѣе или менѣе повинныхъ въ либерализмѣ, но и противъ самихъ славянофиловъ, эта „Вѣсть“ взяла подъ свое покровительство и дворянское землевладѣніе въ западномъ краѣ, которое было польское. Такимъ образомъ допускалось нѣкоторое отрицаніе прежней, такъ сказать, только истребительной точки зрѣнія на польскій элементъ западнаго края; но и самое отрицаніе прежней крайности, при общемъ характерѣ „Вѣсти“, не внушало сочувствія; дѣйствительныхъ разъясненій положенія все-таки не было [2]).

---

[1]) Въ примѣчаніи къ одной статьѣ, гдѣ упоминалось, что уніатское духовенство ненавидитъ г. Кояловича, высказавшаго мысль о подложности мощей извѣстнаго Іосафата Кунцевича, редакція „Вѣстника“ писала:

„Авторъ ошибается; не М. О. Кояловичъ первый высказалъ свою (?) мысль о подложности мощей Кунцевича, а К. А. Говорскій, въ своей брошюрѣ, изданной въ 1858 году въ Витебскѣ, подъ заглавіемъ: „Жизнь Іоасафата“ (читай: Іосафата) „Кунцевича“, потомъ перепечатанной въ 1862 г. въ издаваемомъ имъ журналѣ „Вѣстникъ Зап. Россіи“ и, наконецъ, въ изданной имъ вновь монографіи Кунцевича, въ 1865 г. въ Вильнѣ, и переведенной въ 1866 году на французскій языкъ и напечатанной въ Берлинѣ. Кстати, мы должны замѣтить здѣсь, *однажды навсегда*, что всякая *иниціатива* по рѣшенію, такъ названнаго въ нашей прессѣ, польскаго вопроса, принадлежитъ не Катковымъ, Аксаковымъ и Кояловичамъ, какъ многіе напрасно думаютъ, но именно Говорскому,—документальнымъ, слѣдовательно, неоспоримымъ доказательствомъ сего служитъ издававшаяся имъ неоффиціальная часть „Витебскихъ Губ. Вѣдомостей“ за 1857 и 1858 годы, разныя, изданныя имъ, брошюры до 1860 г и преимущественно издаваемый имъ съ 1862 года „Вѣстникъ Западной Россіи“. *Пріиди и виждь!*“ „Вѣстн. Зап. Россіи“, 1867, т. III, кн. 9-я, отд. IV, стр. 232.

[2]) Въ разгарѣ полемики высказывались, однако, изрѣдка вещи, не лишенныя справедливости или, по крайней мѣрѣ, требовавшія вниманія. Такъ, въ газетѣ „Новое Время“, издававшейся тогда прежнимъ сподвижникомъ Скарятина, Юматовымъ и Киркоромъ, читаемъ замѣчаніе (принадлежавшее Юматову), что „дѣятельность крайней польской партіи, направленная противъ Россіи, ничего не можетъ принести, кромѣ новыхъ несчастій для польскаго народа. Дѣятельность *нашихъ собственныхъ* крайнихъ патріотовъ ничего не принесетъ, кромѣ вреда для Россіи и для всего славянскаго міра: обѣ стороны вмѣстѣ и каждая порознь работаютъ не для Россіи и не для Польши. Онѣ безсознательно работаютъ, какъ мы говорили и прежде, единственно въ пользу Пруссіи“ (см. „Новое Время“ 1868, № 157, также № 147, 158 и пр.). „Вѣстникъ“ Говорскаго, полемизируя съ этой газетой (1868, т. III, кн. 7-я, отд. III, стр. 1—15), не нашелся, что̀ отвѣчать на этотъ пунктъ; а злорадство жур-

Для остальной печати „Вѣстникъ Западной Россіи“ казался „мрачнымъ сонмищемъ“, напоминавшимъ Магницкаго и Рунича. Споръ съ нимъ былъ безполезенъ и, пожалуй, не безопасенъ, и существованіе такого „óргана“ само по себѣ объясняло, почему западно-русскій вопросъ вообще былъ представленъ въ тогдашней литературѣ такъ односторонне.

Обратимся къ этнографическимъ фактамъ.

Мы видѣли, что порывъ искренности заставилъ воинствующихъ публицистовъ сознаться, что мы *забыли* о западномъ краѣ, что мы даже не интересовались, чтó въ немъ дѣлается. Это сознаніе подтверждено было голосами изъ самой Бѣлоруссіи, повторенными и въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго [1]). „Вина всему этому (слабости русскаго дѣла въ западномъ краѣ въ прежнее время) лежитъ, очевидно, глубже, тамъ, въ великорусскомъ обществѣ, въ его ученыхъ членахъ, въ его преподавателяхъ, въ его литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ: чтó было сдѣлано великорусскими людьми, чтобы распространить въ своемъ обществѣ правильный взглядъ на Бѣлоруссію, на эту несчастную Бѣлоруссію? Гдѣ сколько-нибудь порядочныя, общедоступныя сочиненія, которыя бы вѣрно изображали нашу горькую долю?“ Корреспондентъ указываетъ, что въ руководствахъ по русской исторіи недостаточно разъяснялись происхожденіе Бѣлоруссіи и перевороты, въ ней происходившіе, что Бѣлоруссіей считали обыкновенно только могилевскую и витебскую губерніи, а затѣмъ остальнымъ западнымъ губерніямъ давали названіе „Литвы“, не растолковавши, въ какомъ смыслѣ и по какой причинѣ это дѣлается, такъ что читатели остаются въ убѣжденіи, что въ этой такъ-называемой Литвѣ дѣйствительно живутъ одни литовцы и поляки, между тѣмъ какъ литовцы составляютъ большинство населенія только въ ковенской губерніи, а во всѣхъ остальныхъ огромное большинство составляютъ бѣлоруссы, а поляки вездѣ—меньшинство.

Въ упомянутомъ воззваніи редакціи „Дня“, послѣ сознанія въ томъ, что мы забыли Бѣлоруссію, слѣдовало увѣщаніе бѣлорусскому духовенству, чтобы оно „разучилось по-польски“, чтобы оно перестало употреблять польскій языкъ, вошедшій у него въ привычку во времена польскаго господства и странный въ то время, когда западный край давно возвратился къ Россіи. „Посудите сами: можете ли вы назваться представителями русской народности (а другихъ она тамъ и не имѣетъ), если вы въ вашихъ семействахъ избѣгаете рус-

---

пала, что Пруссія умѣетъ справляться съ поляками, что „лехиты такъ боятся нѣмцевъ“, что „пруссаки — мастера стушевывать полонизмы“, это злорадство, конечно, только подтверждало мысль „Новаго Времени“.

[1]) 1863—1864, т. I, іюль, стр. 79—89, выписка изъ газеты „День“.

скаго языка и говорите по-польски? Какого уваженія и довѣрія можете вы ожидать отъ мѣстнаго русскаго народа, если вамъ ближе, сроднѣе и сподручнѣе языкъ враговъ его вѣры и народности?.. Одушевитесь же всѣ, всѣ, безъ различія пола и возраста, истинною, плодотворною любовью къ вашей народности!.. Пусть русская дѣвица, не выучившаяся говорить по-русски, не найдетъ себѣ жениха между вами; пусть русскій, употребляющій вмѣсто русскаго польскій языкъ, изгонится изъ вашего общества и лишится друзей. Стряхните же съ себя дремоту, вялость, дряблость, весь соръ и пыль, наметенный на васъ исторіей", и т. д.

Относительно этого пункта въ Вильнѣ уже скоро были приняты мѣры. Рѣшеніе вопроса начато было приказомъ по полиціи виленскаго полиціймейстера, гдѣ, кромѣ распоряженій относительно наблюденія за порядкомъ въ костелахъ, на гуляньяхъ и т. п., недопущенія какой-либо одежды, имѣющей хотя тѣнь революціонной пропаганды, кромѣ производства „разновременно постепенныхъ обысковъ въ домахъ", уничтоженія польскихъ вывѣсокъ, приказано было еще: „всѣ лавки, магазины, заѣзжіе дома, трактиры, кондитерскія, аптеки и гостинницы вновь осмотрѣть, и если еще гдѣ-нибудь отыщется веденіе счетовъ на польскомъ языкѣ, или же замѣчены будутъ разговаривающіе на этомъ *чуждомъ странѣ языкѣ*, то о всѣхъ тотчасъ же донести мнѣ" [1]).

Между тѣмъ тотъ же бѣлорусскій корреспондентъ „Дня" только-что разсказывалъ, что въ дѣйствительности этотъ „чуждый странѣ языкъ" господствовалъ не только между поляками, не только между бѣлоруссами, но проникалъ и въ самыя русскія семьи. Корреспондентъ приписывалъ это „шаткости и неопредѣленности взгляда великорусскихъ людей" на западный край, вслѣдствіе чего „происходитъ и то въ высшей степени грустное явленіе, что великорусскіе люди, особенно если разсчитываютъ водвориться у насъ навсегда, *ополячиваются* сами или, по крайней мѣрѣ, *ополячиваютъ* свое *потомство*, женившись на полькахъ, причемъ приводятъ въ свое оправданіе извѣстную поговорку: съ волками жить—по волчьи выть". Чиновники бѣлорусскіе, происходящіе не изъ шляхты, обыкновенно остаются вѣрны своей національности, но не имѣютъ значенія; а чиновники изъ шляхты, жившей нѣкогда по польскимъ обычаямъ— „съ ногъ до головы заражены польскимъ духомъ, и только православная вѣра мѣшаетъ имъ окончательно слиться съ поляками, бредятъ уніей [2]), посѣщаютъ почти исключительно костелы, употреб-

---

[1]) „Вѣстникъ", 1863—1864, т. III, мартъ, стр. 356.

[2]) Замѣтимъ, что изображаются 60-е годы—черезъ четверть столѣтія послѣ окончательнаго уничтоженія уніи въ западномъ краѣ.

ляютъ постоянно польскій языкъ дома, въ обществѣ, на гуляньяхъ, читаютъ только польскихъ авторовъ" и пр. Наконецъ, въ духовенствѣ, „языкъ польскій такъ глубоко въѣлся въ его плоть и кровь, что, во-первыхъ, часто во время литургіи слышишь его употребленіе между церковно-служителями, и, во-вторыхъ, есть пастыри, которые *исповѣдуютъ* своихъ прихожанъ по-польски" [1]).

Авторъ объяснилъ бы дѣло еще полнѣе, еслибы вникнулъ въ то, отчего же произошла эта „шаткость взгляда" великорусскихъ людей на западный край: безпристрастная исторія указала бы дѣйствительный характеръ отношеній, — но въ ту минуту о безпристрастной исторіи думали всего меньше...

Господство польскаго языка въ средѣ бѣлорусскаго духовенства, указанное печатью, повело также къ оффиціальному вмѣшательству церковной власти; епархіальное начальство разсылало не разъ запрещенія духовенству употреблять въ домашней жизни польскій языкъ.

Другой корреспондентъ „Дня" [2]), разсуждая о разныхъ мѣрахъ къ обрусенію западнаго края, относительно данной минуты указывалъ —„такое положеніе: напр., въ Вильнѣ до сихъ поръ нѣтъ ни одного русскаго врача (за исключеніемъ, конечно, полковыхъ), ни содержателя типографіи, гостинницы или кофейной, и вообще, за вычетомъ двухъ-трехъ портныхъ, ни одного русскаго ремесленника... и, такимъ образомъ, на каждомъ шагу чувствуется потребность, если не говорить, то, по крайней мѣрѣ, понимать по-польски"...

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда здравый смыслъ сталъ отчасти вступать въ свои права, мы находимъ въ самомъ „Вѣстникѣ" Говорскаго признанія иного рода. Не одинъ разъ, касаясь вопроса о бѣлорусскомъ духовенствѣ, онъ объяснялъ, что въ условіяхъ западнорусской жизни въ бытъ духовенства естественно проникали польскія черты и самый языкъ, и что надо, наконецъ, признать эти мѣстныя особенности, не вредящія политическимъ цѣлямъ власти. Самъ „Вѣстникъ" возстаетъ противъ мелочныхъ обвиненій, съ какими обрушивались на западно-русскихъ людей за эти мѣстныя особенности ихъ быта.

„Духовенство (западно-русское), — говорилъ журналъ, — оскорбляютъ подозрѣніемъ въ недостаткѣ... даже благонадежности политической... Подслушанное кѣмъ-либо въ семействѣ здѣшняго духовенства польское слово, подмѣченный въ священнической избѣ образокъ съ латинскою или польскою надписью, замѣченное, въ существѣ дѣла ничтожное, сомнительное и безразличное, отступленіе отъ православ-

---

[1]) Тамъ же, 1863—64, I, іюль, стр. 85—88.

[2]) 1864, № 1.

ной обрядности Великороссіи, даже самый покрой платья и условія жизни женскаго пола—все это ставится въ укоръ здѣшнему духовенству, а перѣдко и въ строку, не только писанную, но и печатную... Что наростало вѣками, отъ того нельзя освободиться моментально" [1]. Совершенно справедливо.

Въ другой разъ говорится о положеніи духовенства юго-западнаго, подпадавшаго тѣмъ же вліяніямъ польскимъ, какъ и сѣверо-западное,—и объясняется, почему польскій языкъ становится господствующимъ въ его домашнемъ быту и какой грубой ошибкой было бы дѣлать изъ этого обвиненіе противъ западно-русскаго духовенства [2].

---

[1]) „Вѣстникъ", 1869, т. II, кн. 5-я, отд. III, стр. 17.

[2]) Между прочимъ, говорится здѣсь: „у насъ польскій языкъ до послѣдняго времени игралъ такую роль, какую теперь играетъ французскій языкъ въ высшихъ кругахъ нашего русскаго общества", и пр. „Вѣстникъ", 1867, т. III, кн. 8-я, отд. II, стр. 88—89.

ГЛАВА VI.

Новыя этнографическія изысканія.

Необходимость изслѣдованій историческихъ и этнографическихъ. — Атласы Эркерта и Риттиха; замѣчанія Кояловича и Бобровскаго.—Вопросъ о возстановленіи чистой русской народности. — Преобразованіе Виленскаго музея. — Труды этнографическіе: сборники Гильтебрандта, Руберовскаго, Дмитріева, Крачковскаго.

Тревожныя событія въ Польшѣ и западномъ краѣ вызвали и другую дѣятельность для выясненія положенія вещей. Нужно было, наконецъ, опредѣлить дѣйствительныя историческія и этнографическія отношенія края; вмѣстѣ съ тѣмъ правительство хотѣло дать отвѣтъ на запросы и толки европейской дипломатіи и печати: для той и другой цѣли послужили изданіе двухъ атласовъ западнаго края и одна работа Археографической коммиссіи, о которой скажемъ далѣе.

Въ началѣ 1863 года вышло въ Петербургѣ французское изданіе этнографическаго атласа г. Эркерта [1]), предназначенное для читателей европейскихъ. Въ слѣдующемъ году это изданіе вышло порусски [2]). Около того же времени вышелъ другой атласъ — извѣстный подъ именемъ атласа г. Риттиха [3]).

---

[1]) „Atlas éthnographique des provinces, habitées en totalité ou en partie par les Polonais“.

[2]) „Взглядъ на исторію и этнографію западныхъ губерній Россіи“. Полк. Р. Ф. Эркерта. Спб. 1864 (72 стр.), съ атласомъ.

[3]) „Атласъ народонаселенія западно-русскаго края, по исповѣданіямъ. Составленъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ канцеляріи завѣдывающаго устройствомъ православныхъ церквей въ западныхъ губерніяхъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное (Первое для публики)“. Спб. 1864. Потомъ вышла еще: „Карта народонаселенія августовской и люблинской губерній по исповѣданіямъ и племенамъ“. Спб. (1865)—на двухъ большихъ листахъ, по двѣ карты на каждую губернію.—Въ „Атласѣ“ предисловіе и таблицы—на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Атласъ г. Эркерта можно назвать оффиціальнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ составленъ въ особенности по оффиціальнымъ даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ (за 1858 годъ), къ которымъ присоединяются и многіе другіе статистическіе источники; но атласъ не былъ, кажется, исполненіемъ оффиціальнаго порученія и задуманъ былъ по собственной иниціативѣ автора [1]), чѣмъ и должна объясняться нѣкоторая особенность его мнѣній. Въ брошюрѣ, приложенной къ атласу, авторъ излагаетъ свои взгляды на историческій и этнографическій характеръ края. Какъ опредѣлить племенной составъ края, о которомъ шла тогда спорная рѣчь въ дипломатіи, правительственныхъ мѣропріятіяхъ и литературѣ? Г. Эркертъ хотѣлъ быть безпристрастнымъ судьей въ этихъ сложныхъ отношеніяхъ и приходилъ къ убѣжденію, что въ западномъ краѣ ничто не опредѣляетъ черты, разграничивающей *русскую* народность отъ *польской*, такъ отчетливо и правильно, какъ различіе вѣроисповѣданій. Такимъ образомъ—„въ западной Россіи, съ сравнительно немногими исключеніями, всѣ славянскіе обитатели православнаго исповѣданія должны считаться русскими, а всѣ тѣ, которые исповѣдуютъ католическую религію, поляками. Этотъ способъ воззрѣнія не во всѣхъ случаяхъ и не абсолютно правиленъ (для волынской, подольской и кіевской губерній онъ правильнѣе, нежели для бѣлорусскихъ губерній); но, говоря относительно, онъ чрезвычайно вѣренъ. Если за основаніе дѣленія принять одинъ только языкъ, то численное отношеніе между русскими и поляками не мало измѣнилось бы въ пользу русскаго населенія и въ ущербъ польскаго“ (стр. 6). Авторъ замѣчаетъ, что этотъ взглядъ на разграниченіе русской и польской народности фактически раздѣляютъ тамъ и простой народъ, русскій и польскій, гражданскія и военныя власти, духовенство, помѣщики и квартировавшія въ краѣ русскія войска, — и что „чѣмъ ниже степень просвѣщенія, на которой стоятъ народы, сравниваемые между собою въ національномъ отношеніи, тѣмъ важнѣе и рѣшительнѣе значеніе вѣроисповѣданія, какъ способъ разграниченія народностей“ (стр. 10).

Далѣе г. Эркертъ говоритъ объ исторической судьбѣ края и наконецъ о современномъ этнографическомъ положеніи. Приводимъ два

[1]) Сколько мы знаемъ, г. Эркертъ, пруссакъ по происхожденію и подданству, перешелъ изъ прусской гвардіи въ русскую около 1850 года, по личной рекомендаціи прусскаго короля имп. Николаю; служилъ въ московскомъ полку, въ началѣ 1860-хъ годовъ былъ полковникомъ и около этого времени назначенъ командиромъ стрѣлковаго баталіона, потомъ стрѣлковой (5-й) бригады въ западномъ краѣ, и командовалъ ею долго; затѣмъ онъ получилъ дивизію на Кавказѣ. Около середины восьмидесятыхъ годовъ онъ вышелъ въ отставку изъ русской службы генералъ-лейтенантомъ и уѣхалъ на житье въ Берлинъ. Въ послѣдніе годы онъ издалъ обширный трудъ о Кавказѣ.

его замѣчанія. „Католическіе бѣлоруссы... по своему образу мыслей, привычкамъ и роду жизни — совершенные поляки. Даже православные по большей части, за неимѣніемъ русскихъ молитвенниковъ, придерживаются католическаго обычая читать въ церкви молитвы изъ польскихъ молитвенниковъ. Вслѣдствіе этого его высокопреосвященство митрополитъ литовскій, въ концѣ 1863 года, счелъ необходимымъ снова подтвердить тамошнему православному духовенству, чтобы оно усугубило стараніе вывести у прихожанъ изъ употребленія польскія молитвы и польскіе молитвенники и замѣнить ихъ молитвами и молитвенниками на славянскомъ или русскомъ языкахъ. Въ то же время православному духовенству литовской епархіи предписано, чтобы въ *священно-служительскихъ семействахъ* было прекращено употребленіе польскаго языка“ [1]).

Въ тогдашнихъ предположеніяхъ о необходимости исправить національное положеніе западнаго края считалось, между прочимъ, нужнымъ привлечь въ западный край чисто русскія силы: однимъ казалось, что нужны русскіе чиновники для замѣны ими чиновничества польскаго, оказавшагося вреднымъ для западнаго края; другіе находили необходимымъ усиленіе русскаго землевладѣнія (правительство, какъ извѣстно, употребило эти мѣры, призывая массами русскихъ чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній и передавая польскія конфискованныя имѣнія на льготныхъ условіяхъ благонадежнымъ русскимъ лицамъ); г. Эркертъ полагалъ, что въ западномъ краѣ есть уже большая сила, дѣйствующая въ національномъ русскомъ смыслѣ.

„Важнѣйшею связью, которая съ 1831 года практически соединяла русскій западъ съ русскимъ востокомъ, или, какъ мы готовы бы были сказать, *лучшимъ національнымъ*, сильнымъ *звеномъ* между ними и самымъ живительнымъ дуновеніемъ воздуха изъ Великой Россіи, постоянно сохранявшимъ свою чистоту и свѣжесть, было пребываніе огромнаго количества войска въ западномъ краѣ, которое, вслѣдствіе своихъ своеобразныхъ (?) зимнихъ стоянокъ, приходило въ самое непосредственное и близкое соприкосновеніе съ тамошнимъ русскимъ крестьяниномъ“ (стр. 60).

Атласъ, составленный подполковникомъ Риттихомъ, подъ руководствомъ П. Н. Батюшкова, изданъ былъ первоначально не для

---

[1]) Стр. 65—66. Ср. распоряженіе литовской духовной консисторіи: „объ усугубленіи мѣръ, чтобы никто изъ православныхъ не ходилъ къ богослуженіямъ въ костелы и не употреблялъ польскихъ молитвенниковъ“, въ „Вѣстникѣ юго-зап. и зап. Россіи“ 1864—65, т. I, августъ, отд. IV, стр. 233—237 (изъ „Лит. Епарх. Вѣдомостей“), и „предложеніе митрополита Іосифа литовской консисторіи о подтвержденіи духовенству воспитывать своихъ дочерей во всемъ по русскому православному образованію“, тамъ же, т. II, ноябрь, отд. IV, стр. 49—50.

публики, а только для оффиціальнаго употребленія. Только второе изданіе было выпущено для публики. Составленіе его начато было еще въ 1859 году г. Батюшковымъ, который завѣдывалъ устройствомъ православныхъ храмовъ въ западныхъ губерніяхъ; въ основаніи атласа лежали данныя, доставленныя министерству внутр. дѣлъ особыми чиновниками, командированными въ бѣлорусскій край для осмотра и возобновленія ветхихъ церквей въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. По даннымъ министерства и по свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ центральныхъ вѣдомствъ, составлены были первоначально (въ 1860—1861 г.) карты губерній витебской, могилевской и минской; по затѣмъ, съ развитіемъ церковно-строительнаго дѣла и съ поступленіемъ новыхъ матеріаловъ статистическихъ и этнографическихъ, явилась возможность приступить къ составленію вѣроисповѣднаго атласа всего западнаго края имперіи. Окончательный сводъ матеріала, его разработка и провѣрка съ оффиціальными документами разныхъ вѣдомствъ и учеными статистическими изслѣдованіями, также какъ распредѣленіе на картахъ мѣстностей по исповѣданіямъ и племенамъ, производились г. Риттихомъ. Атласъ состоитъ изъ десяти картъ: одной общей и девяти отдѣльныхъ картъ, для каждой губерніи [1]). Къ каждой картѣ приложены обильныя статистическія цифры на поляхъ и въ отдѣльныхъ большихъ таблицахъ; кромѣ того, въ началѣ атласа помѣщена не вошедшая въ первое изданіе синхронистическая таблица древнихъ княжествъ западнаго края, составленная Сербиновичемъ [2]). Предисловіе къ атласу, объясняющее способъ его составленія, заканчивается словами: „Составленный не по гадательнымъ и голословнымъ предрѣшеніямъ, только извращающимъ истину, но основанный на самыхъ точныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ, атласъ по вѣроисповѣданіямъ служитъ лучшимъ опроверженіемъ лживыхъ понятій, распространяемыхъ недоброжелателями Россіи о народномъ составѣ нашего западнаго края, который, несмотря на отпечатокъ, оставленный на немъ иновѣрнымъ и иноплеменнымъ владычествомъ, составляетъ въ религіозномъ, племенномъ и историческомъ отношеніяхъ неотъемлемую органическую часть русскаго государства“. Въ началѣ заглавія поставленъ девизъ: „veritas salusque publica“.

Таковы были двѣ обширныя работы, предназначенныя къ устраненію той недостаточности свѣдѣній о западномъ краѣ, которая создавала упомянутыя „лживыя понятія“ и была дѣйствительно источ-

---

[1]) Эти губерніи были: могилевская, витебская, минская, виленская, гродненская, ковенская, кіевская, подольская, волынская.

[2]) „По руководству русскихъ и польскихъ писателей: Карамзина, Павлищева, Нарбута, Крашевскаго, Ярошевича и друг. и согласно съ изданными Археографической коммиссіею древними государственными актами Литвы“.

никомъ многихъ печальныхъ и политически вредныхъ заблужденій. Нечего говорить о томъ, какъ важно было, что наконецъ подобные труды появились; жаль было одно, что они не появились нѣсколькими десятками лѣтъ раньше, и отсутствіе ихъ въ прежнее время рисуетъ ту роль западно-русскаго вопроса и въ обществѣ, и даже въ самомъ правительствѣ, на какую мы раньше указывали [1]).

Атласы Риттиха и Эркерта имѣли немалое значеніе въ разъясненіи темнаго вопроса. Они встрѣчены были съ большимъ сочувствіемъ въ средѣ людей, заинтересованныхъ вопросомъ, и вызвали нѣсколько замѣчаній, не лишенныхъ важности. По поводу французскаго изданія атласа Эркерта сдѣлалъ сообщеніе въ собраніи Географическаго Общества г. Кояловичъ [2]). Онъ замѣчалъ многія неточности атласа, напр., уменьшеніе бѣлорусскихъ поселеній, объяснялъ по картѣ историческіе пути распространенія польской стихіи и, между прочимъ, причины, почему это вліяніе въ прежніе вѣка и до послѣдняго времени встрѣчало такъ мало отпора съ бѣлорусской стороны. Указавъ, напр., на ужасную обстановку бѣлорусскихъ поселеній во многихъ мѣстахъ западнаго края, какъ въ бѣдной болотистой странѣ печально-знаменитаго бассейна Припети, онъ говоритъ: „На такой почвѣ, въ

[1]) Первыя нѣсколько правильныя изученія этого вопроса предприняты были, кажется, въ 1830-хъ и въ 1840-хъ годахъ, въ министерство Перовскаго, когда въ первый разъ поставлена была задача оффиціальныхъ статистическихъ изслѣдованій. Въ ту пору обращено было вниманіе и на западный край, но работы частью были отрывочны, частью оставались въ неизданномъ видѣ, въ родѣ канцелярской тайны, пока ими не воспользовались офицеры генер. штаба въ своихъ описаніяхъ. Въ 1861 году издана была статистическая работа М. Лебедкина, о которой можно упомянуть здѣсь ради нѣкоторыхъ ея странностей. („О племенномъ составѣ народонаселенія западнаго края россійской имперіи“ въ Запискахъ Географическаго Общества, 1861, кн. III, и перепечатана въ „Вѣстникѣ“ Говорскаго, 1862—1863, т. II, октябрь). Лебедкинъ, состоявшій при Центральномъ статистическомъ комитетѣ, пользовался оффиціальными данными, но удивительнымъ образомъ смѣшавши современную статистику съ лѣтописными извѣстіями о древнихъ жителяхъ края, исчисляетъ здѣсь не только тѣ племена, какія находятся въ наличности въ западномъ краѣ, но и тѣ, которыхъ въ настоящее время совсѣмъ не имѣется, а которыя были здѣсь развѣ въ X—XII-мъ вѣкахъ. Напр., онъ не только даетъ цифру великороссіянъ, малороссіянъ, поляковъ, литовцевъ, но ему *извѣстно съ достовѣрностію*, что въ западномъ краѣ находятся поляне (108.453), древляне (196.900), кривичи (23.016), волыняне (93.744), тиверцы и угличи (8.398), хорваты (17.228); въ числѣ инородцевъ указаны ятвяги съ цифрой 30.927. Такимъ образомъ, когда историки полагали, что тѣ или другія древнія племена безслѣдно исчезли въ позднѣйшемъ племенномъ объединеніи, какъ, напр., какіе-нибудь древляне или тиверцы и угличи, или погибли въ исторической борьбѣ, какъ ятвяги, Лебедкинъ въ какихъ-то неисповѣдимыхъ источникахъ находилъ ихъ даже въ настоящую минуту и указывалъ ихъ численность не только въ тысячахъ, но даже въ десяткахъ и единицахъ, и притомъ не только вообще, но даже въ частныхъ цифрахъ по уѣздамъ!

[2]) Въ маѣ 1863; оно напечатано въ „Днѣ“, 1863, № 20.

такомъ положенiи, само собою разумѣется, не легко могла выработываться любовь къ родному и энергическiя ея выраженiя. Легче могло развиваться, напротивъ, желанiе пересоздаться въ кого угодно, въ великорусса или поляка, лишь бы какъ-нибудь выйти изъ тяжелаго положенiя. Этой измѣнчивости своему родному элементу много способствовало самое нарѣчiе бѣлорусское, которое, при неоспоримо русскомъ строѣ, представляетъ собою, однако, поразительную середину между русскимъ и польскимъ языками". Онъ припоминалъ также нѣкоторые историческiе факты, которые съ другой стороны объясняютъ эту слабость бѣлорусскаго племенного и религiознаго отпора. Напримѣръ, послѣ перваго раздѣла Польши и наканунѣ послѣдняго, въ Минскѣ еще кипѣла вѣковая борьба, и—„кипѣла очень оригинально. Въ 1794 году, въ то время, когда дипломатiя рѣшала вопросъ о послѣднемъ раздѣлѣ Польши, когда народу можно было, повидимому, бросить борьбу, въ полной увѣренности, что она рѣшится извнѣ и въ его пользу, минскiе церковные братчики, гласитъ преданiе, три дня бились съ поляками изъ-за ограды своей братской церкви. Но—какая странность! Въ скоромъ времени (когда все уже рѣшилось) имъ пришлось жаловаться, что великорусскiе монашествующiе устраняютъ ихъ отъ историческаго участiя въ дѣлахъ своей церкви. Самая братская церковь переименована изъ древняго имени Петропавловской въ Екатерининскую! Я не даромъ привелъ этотъ фактъ. Я вижу въ немъ безплодное выраженiе физической силы и несчастное выраженiе моральной бѣлорусской силы".

Въ послѣднихъ не совсѣмъ ясныхъ словахъ авторъ желалъ сказать, вѣроятно, что новая власть не хотѣла или не умѣла показать вниманiя и уваженiя къ мѣстному преданiю и обычаю, въ которыхъ и была нравственная сила бѣлорусскаго населенiя; вмѣсто того, прямо вводился русскiй ходячiй обычай, въ которомъ оффицiальная сухость бюрократiи соединялась съ бытовою грубоватостью. Вводимое, многими сторонами своими, было чуждо мѣстному населенiю, принималось по необходимости, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ социальное преимущество все-таки осталось за поляками, бѣлоруссы не получили и теперь достаточно нравственно-общественныхъ опоръ для сопротивленiя старому польскому преобладанiю,—и, къ удивленiю, мы читаемъ у историковъ Бѣлоруссiи, что именно съ конца прошлаго вѣка и совершалась, съ особеннымъ успѣхомъ, полонизацiя западнаго края.

Нѣчто подобное этому, какъ увидимъ дальше, повторилось въ Бѣлоруссiи и въ 1860-хъ годахъ... [1]).

---

[1]) Любопытно, что г. Кояловичъ, не по примѣру другихъ тогдашнихъ объединителей и оффицiальныхъ историковъ, признавалъ великiй трудъ и историческую роль Малороссiи. „Я не могу,—говоритъ онъ,—не признавать *необыкновенныхъ подвиговъ*

Г. Кояловичъ заканчивалъ призывомъ „дружнаго участія великорусскихъ общественныхъ силъ“ для блага западнаго края...

Изъ другихъ отзывовъ, явившихся по поводу атласовъ Эркерта и Риттиха [1]), остановимся еще на подробной статьѣ г. Бобровскаго, представлявшаго извѣстный авторитетъ по указанному выше труду его о гродненской губерніи. Г. Бобровскій [2]) вообще отозвался объ атласѣ Эркерта съ похвалами, хотя находилъ числовыя погрѣшности въ разграниченіи поляковъ отъ бѣлоруссовъ, характеристику разныхъ племенъ (въ брошюрѣ) считалъ слабою и неполною. Главною теоретической и практической ошибкой Эркерта г. Бобровскій считалъ его взглядъ, что за основу разграниченія народностей русской и польской въ западномъ краѣ должно быть принято вѣроисповѣданіе. По мнѣнію г. Бобровскаго, въ этомъ случаѣ нѣтъ другого исходнаго пункта, кромѣ языка: „самъ г. Эркертъ чѣмъ, какъ не языкомъ, руководствовался при разграниченіи бѣлоруссовъ отъ малоруссовъ, литовцевъ и латышей отъ бѣлоруссовъ и поляковъ—а между тѣмъ не хочетъ признать такого же принципа для разграниченія поляковъ отъ бѣлоруссовъ и малоруссовъ“. Если бѣлоруссы, по замѣчанію Эркерта, не называютъ себя этимъ именемъ, то они—„говорятъ по-бѣлорусски, *слѣдовательно* чувствуютъ и думаютъ по-русски“. Собственное толкованіе этого предмета у г. Бобровскаго было слѣдующее:

„Бѣлоруссы, не зная того, что они бѣлоруссы, сохранили и въ обыденной рѣчи, и въ пѣсняхъ, и въ пословицахъ свои опредѣленныя, національныя, логическія формы, свой духъ, свой опредѣленный характеръ—свои нравы [3]), свои обычаи и т. п. Вѣроятно, не безъизвѣстно г. Эркерту, что у бѣлоруссовъ, независимо отъ вѣры во Христа, и притомъ безразлично—по греческому или латинскому обряду, остаются еще глубокія вѣрованія въ нѣкоторыя естественныя явленія, какъ въ нѣчто необыкновенное, предубѣжденія, вѣра въ колдовство и чародѣйство; въ этомъ независимо отъ Евангелія заключается ихъ книга судебъ, ихъ мораль, загадка и разгадка ихъ существованія (?).

малороссійскаго племени, совершенныхъ для защиты родного западно-русскаго дѣла... Малороссійское племя выработало твердое сознаніе, что народная западно-русская сила неодолима, и обставило его *дивными преданіями*. Оно первое возстановило исторически прерванную народную связь Западной Россіи и Великой Россіи“.

[1]) Напр., еще отзывъ г. Кояловича въ „Р. Инвалидѣ“, 1864, № 174; „Спб. Вѣдом.“, 1864, № 68 и др.

[2]) „Можно ли одно вѣроисповѣданіе принять въ основаніе племенного разграниченія славянъ западной Россіи?“ (по поводу атласа Эркерта). „Р. Инвалидъ“, 1864, № 75, 80.

[3]) Вѣроятно такъ: въ подлинникѣ „права“.

„Исполняя всѣ христіанскіе обряды какъ бы безсознательно, бѣлоруссъ —я говорю о большинствѣ, о крестьянахъ—будь онъ православный или католикъ, имѣетъ свои убѣжденія, свою нравственную философію и передаетъ все это вмѣстѣ съ языкомъ своимъ дѣтямъ и внукамъ. Это суевѣріе... сопутствуетъ ему отъ колыбели до могилы и всегда неразлучно съ его языкомъ; въ этомъ-то и надобно искать племенного разграниченія здѣшнихъ *славянъ* (?), тутъ выясняется и племенное отличіе бѣлоруссовъ, и происхожденіе ихъ отъ одного корня съ великоруссами“...

Г. Бобровскій предостерегаетъ и отъ излишняго довѣрія къ тѣмъ показаніямъ, какія наблюдатель можетъ встрѣтить на мѣстѣ.

„И ксендзъ, и помѣщикъ,—говоритъ онъ,—никогда не скажутъ о бѣлоруссѣ, исповѣдующемъ римско-католическую вѣру, что онъ—бѣлоруссъ или русскій, а скажутъ: литовецъ... Поговорите съ этимъ литовцемъ, и вы услышите бѣлорусскую рѣчь.

„Мы имѣемъ этнографическіе списки отъ священниковъ и нѣкоторыхъ ксендзовъ гродненской губерніи, доставленные намъ въ числѣ другихъ матеріаловъ при исполненіи возложеннаго на насъ порученія [1]). На спискахъ *тѣхъ и другихъ* прихожане, какъ православные, такъ и католики, названы литовцами и тутъ же приложены образчики языка—вы думаете: литовскаго; нѣтъ, бѣлорусскаго или малороссійскаго...

„Ксендзъ это дѣлалъ потому, что эти бѣлоруссы когда-то входили въ число народностей литовскаго государства. Мы видимъ тутъ не политическую ошибку, какъ думаетъ г. Эркертъ, а политическую правду и весьма грубую этнографическую ошибку“.

Другими словами, въ польскомъ и западно-русскомъ употребленіи до послѣдняго времени оставалось старое мѣстное обозначеніе края, державшееся здѣсь прежде въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и повторявшееся потомъ безсознательно. Любопытно опять, что сто лѣтъ русскаго господства не измѣнили этой исторически отжившей номенклатуры.

Вообще въ бѣлоруссѣ, полѣшукѣ (жителѣ Полѣсья), бужанинѣ, г. Бобровскій видитъ „древнѣйшій типъ славянина, правда изувѣченнаго, но твердаго и терпѣливаго въ своихъ страданіяхъ“. „По своему образу мыслей, говоритъ г. Э., привычкамъ и роду жизни бѣлоруссы (гродненской губерніи)—совершенные поляки. Нѣтъ, г. Эркертъ,—пишетъ г. Бобровскій,—вы смотрите на Бѣлоруссію по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ палацовъ и костеловъ, встрѣчавшихся по маршруту (?)“.

---

[1]) Т.-е. описанія гродненской губерніи.

Изъ приведенныхъ цитатъ можно видѣть, что два наблюдателя вынесли весьма несходное впечатлѣніе, хотя оба жили на мѣстахъ, имѣли въ рукахъ массу оффиціальнаго и частнаго матеріала (намъ не думается, чтобы г. Эркертъ руководился указаніями палацовъ и костеловъ: мнѣнія его были, кажется, довольно самостоятельны). Очевидно, что изслѣдованіе еще не установилось, что непривычный предметъ не поддавался опредѣленію на первый взглядъ. Это оказалось и въ общемъ результатѣ полу-оффиціальныхъ и чисто-оффиціальныхъ изслѣдованій Эркерта и Риттиха. Сличая ихъ данныя, г. Бобровскій отмѣтилъ весьма значительную разницу: какъ мы видѣли, Эркертъ въ разграниченіи народности русской и польской придавалъ особое значеніе различію вѣроисповѣдному; атласъ Риттиха былъ именно вѣроисповѣдный, и тѣмъ не менѣе въ ихъ показаніяхъ [1]) открывалась слѣдующая разница (откидываемъ дроби):

	по Риттиху:	по Эркерту:
русскихъ	2.854.000	2.531.000
поляковъ	383.000	791.000
литвы и латышей . .	713.000	529.000
(затѣмъ, евреевъ, нѣмцевъ, татаръ и пр.).		
всего	4.485.000	4.294.000

Замѣтимъ, что у Эркерта не считаются военные, но число ихъ, по словамъ г. Бобровскаго, не соотвѣтствуетъ разности между обѣими цифрами населенія этихъ губерній, потому что число всѣхъ военнослужащихъ, съ женами и дѣтьми, не превосходило тогда 150.000. По одной гродненской губерніи, которую спеціально изслѣдовалъ самъ г. Бобровскій, разница польскаго населенія вышла слѣдующая: Эркертъ считалъ здѣсь поляковъ 270.000, а Бобровскій насчитывалъ всего 83.000. Разница такъ громадна, что въ ея основѣ, очевидно, лежитъ отсутствіе точнаго правила разграниченія, неясность самой сущности вопроса для кого-нибудь изъ изслѣдователей, а можетъ быть, для обоихъ.

Повидимому, г. Бобровскій справедливо указывалъ существенное значеніе языка и народнаго преданія, какъ отличительной этнографической черты; но, съ другой стороны, не совсѣмъ ошибался и г. Эркертъ —онъ ставилъ вопросъ на практическую почву и находилъ не безъ основанія, что въ данныхъ условіяхъ вѣроисповѣдное отличіе было едва ли не важнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ говорили тогда въ одинъ голосъ, что католичество тѣсно связано съ полонизмомъ, и дѣйствительно, церковная католическая іерархія, священство и цер-

[1]) Приводимыя ниже цифры относятся къ губерніямъ западнаго края, имѣющимъ бѣлорусское населеніе, именно къ могилевской, минской и значительной части гродненской, виленской и витебской.

ковная школа, даже среди населенія католическо-бѣлорусскаго, были польскія или сильно полонизованныя, и при извѣстномъ умѣньѣ католическаго духовенства держать въ рукахъ свою паству, оно должно было дѣйствовать и дѣйствовало на паству бѣлорусскую въ польскомъ смыслѣ: такимъ образомъ человѣкъ, говорящій по-бѣлорусски, по своимъ взглядамъ могъ имѣть всѣ польскія сочувствія—у г. Бобровскаго онъ могъ быть зачисленъ въ бѣлоруссы, а у г. Эркерта—въ поляки. И въ чемъ же, по отзыву всѣхъ русскихъ историковъ, сказалась полонизація края, какъ не въ распространеніи католицизма (явнаго) и уніи (католицизма скрытаго), подъ вліяніемъ которыхъ и терялась русская народность?

Правительственныя мѣропріятія того времени направлялись къ тому, чтобы устранить эту польскую стихію, прямую или косвенную; на томъ же настаивала и патріотическая публицистика. У всѣхъ на устахъ было слово: обрусеніе, которое должно было переродить (или истребить?) самую Польшу,—нечего говорить, что „обрусеніе" западнаго *русскаго* края стояло внѣ всякаго недоумѣнія. Этотъ предметъ породилъ въ свое время цѣлую обширную литературу, на которой мы выше уже отчасти останавливались, и теперь приведемъ изъ нея еще нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ этнографическій вопросъ.

Выше упомянуто, что публицистика по этому случаю предлагала и обсуждала разныя мѣры—и полное удаленіе поляковъ (съ переходомъ землевладѣнія въ русскія руки), и замѣщеніе всѣхъ должностей русскими чиновниками, и перевоспитаніе семействъ духовенства, и переселеніе русскихъ рабочихъ и ремесленниковъ, и абсолютное запрещеніе польскаго языка [1]): нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ вполнѣ или частію приводились въ исполненіе правительствомъ, но оставалось, однако, сомнѣніе,—многимъ уже тогда подобныя мѣры казались недостаточными. Одно изъ изданій, наиболѣе занимавшихся этимъ вопросомъ, объясняло, что съ усмиреніемъ польскаго мятежа сдѣлано только внѣшнее дѣло, но остается еще „важнѣйшая и труднѣйшая задача, которая не подъ силу никакой администраціи, какимъ бы искусствомъ и энергіей она ни отличалась и хотя бы въ распоряженіи ея были самыя обширныя средства".

„Дѣйствительно, въ чемъ теперь дѣло?—спрашивала газета.—Не въ томъ только, чтобы оградить внѣшнимъ образомъ православіе и русскую народность отъ латинскихъ и польскихъ захватовъ, а въ томъ, чтобы православіе и русская народность окрѣпли въ самихъ себѣ настолько, чтобы не нуждаться ни въ какой внѣшней оградѣ, чтобы собственною своею силой восторжество-

[1]) Въ „Днѣ" предлагалось даже отправленіе въ западный край русскихъ нянекъ.

вать вполнѣ надъ папизмомъ и полонизмомъ... Что можетъ сдѣлать государство въ этомъ отношеніи? Оно можетъ запретить *явное* совращеніе въ католицизмъ; но содѣйствовать дѣйствительному укорененію православія, не прибѣгая къ тѣмъ способамъ, которые осуждены исторіею и отвергаются духомъ нашего времени, оно *рѣшительно не въ состояніи*. Оно можетъ изгнать изъ употребленія польскій языкъ въ своихъ школахъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, и, пожалуй еще, съ грѣхомъ пополамъ, во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, кофейняхъ, кондитерскихъ и т. д.; но распространить и водворить русскій языкъ и русскій духъ въ польскихъ или ополяченныхъ семействахъ и въ обществѣ оно рѣшительно не въ состояніи. Только собственное *внутреннее преуспѣяніе* и процвѣтаніе мѣстной русской церкви и мѣстныхъ русскихъ училищъ, только добровольное усвоеніе русскаго языка и русской литературы, какъ единственнаго средства умственнаго общенія края со всею Россіей, въ связи съ процвѣтаніемъ этихъ силъ *въ цѣлой Россіи*, могутъ достигнуть такихъ результатовъ. И въ этомъ отношеніи государство можетъ сдѣлать очень многое. Прежде всего оно можетъ *освободить* русское духовенство и вообще русское *общество отъ препятствій и затрудненій*, которыя еще встрѣчаетъ у насъ самая благонамѣренная дѣятельность; затѣмъ оно можетъ дать средства для обезпеченія быта русскаго духовенства и русскихъ учителей, для умноженія православныхъ храмовъ, духовныхъ и свѣтскихъ училищъ. Но даже матеріальныхъ средствъ, которыми оно располагаетъ въ настоящее время, окажется недостаточно, и необходимо содѣйствіе всего русскаго общества для того, чтобы въ западномъ краѣ Россіи наши православные храмы и православное богослуженіе могли своимъ благолѣпіемъ и торжественностью поровняться съ храмами и богослуженіемъ римско-католическими. Оно можетъ дать значительныя служебныя преимущества, возвысить оклады, назначить преміи для привлеченія изъ другихъ мѣстъ Россіи въ западный и особенно въ сѣверо-западный край ея достойныхъ русскихъ учителей и воспитательницъ; но и тутъ, кромѣ ограниченности средствъ, прошлогодній и отчасти нынѣшняго года опытъ показываетъ, что этихъ однѣхъ приманокъ недостаточно даже для замѣщенія учительскихъ должностей въ гимназіяхъ природными русскими. (Приводятся цифры по виленскому учебному округу, гдѣ оказывается, что русскіе учителя составляли меньше одной трети противъ католиковъ и, частію, лютеранъ)... Необходимо воодушевленіе къ дѣлу и извѣстная доля самоотверженія во имя общей пользы, для того, чтобы человѣкъ рѣшился покинуть свою родину, своихъ родныхъ и друзей, и переселиться въ чуждый ему край, гдѣ предстоитъ тяжкая борьба противъ всей окружающей образованной среды, а это воодушевленіе не можетъ быть куплено ни деньгами, ни чинами; оно бываетъ возможно только въ такомъ дѣлѣ, которое цѣлымъ обществомъ принимается особенно близко къ сердцу. Говорить ли еще о томъ, что никакими денежными и служебными преимуществами нельзя вдохнуть въ человѣка рвеніе къ общему дѣлу и готовность служить ему всѣми своими силами, всѣмъ своимъ разумѣніемъ, при всякомъ удобномъ случаѣ,—рвеніе и готовность, въ которыхъ, конечно, нельзя отказать нашимъ противникамъ?

„Впрочемъ, попытка обрусить нашъ западный край одними чисто-правительственными способами была уже сдѣлана, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, въ прошедшее царствованіе, ознаменовавшееся, между прочимъ, возсоединеніемъ уніатовъ съ православно-греко-россійскою церковью, и что же оказалось въ результатѣ? По свидѣтельству людей, самыхъ свѣдущихъ въ этомъ отношеніи, въ 1832 году, тотчасъ же по подавленіи польской революціи, сѣ-

веро-западный край былъ *менье* ополяченъ, чѣмъ по прошествіи 31-го года, когда только-что былъ подавленъ нынѣшній мятежъ. Не поучительно ли это показаніе?..

„Повторяемъ еще разъ: въ настоящее время дѣло идетъ о нравственномъ завоеваніи западнаго края Россіи, а это завоеваніе не можетъ быть совершено иначе, какъ при самомъ живомъ, при самомъ дружномъ содѣйствіи со стороны всей Россіи, со стороны всего русскаго общества. Нравственныя силы нашего общества, за отсутствіемъ средствъ къ ихъ упражненію, дѣйствительно, не очень велики, но мы надѣемся, что ихъ хватило бы для этого дѣла, лишь бы только дана имъ была возможность свободно дѣйствовать порознь и сообща, и лишь бы стремленія къ общеполезнымъ цѣлямъ встрѣчались съ сочувствіемъ, а не съ тревожными и напрасными опасеніями“ [1]).

Это было очень справедливо, потому что дѣйствительное объединеніе западнаго края съ русскимъ центромъ не могло быть достигнуто одними канцелярскими или военно-административными мѣрами. Требовалось объединеніе жизненное, а эти мѣры были дѣломъ чисто внѣшнимъ, направлялись на поверхностныя проявленія, а внутри идущая жизнь могла продолжать свое прежнее теченіе, отзываясь на эти мѣры равнодушіемъ или пассивнымъ сопротивленіемъ, замыкаясь въ самое себя и создавая внѣшнее единство, подъ которымъ могъ скрываться старый разладъ и взаимное непониманіе. Къ сожалѣнію, оно такъ и было. Изложенный взглядъ, какъ мы сказали, былъ въ существѣ вѣренъ; къ сожалѣнію, жизнь русскаго общества, изъ котораго должно бы исходить объединяющее вліяніе (по признанію самой газеты), не представляла тѣхъ условій самодѣятельности, при которыхъ только и возможно было бы желаемое нравственное воздѣйствіе. Нужно было бы прежде всего, чтобы западнорусскій вопросъ въ самомъ русскомъ обществѣ могъ быть обсужденъ съ его разныхъ сторонъ, обсужденъ искренно и открыто, — но этой возможности не было, и тотъ самый кругъ, отъ имени котораго говорила вообще упомянутая газета, не преминулъ бы обвинить въ „измѣнѣ“ тѣхъ, кто рѣшился бы указать иныя, упускаемыя изъ виду стороны предмета, а съ другой стороны диктаторскія полномочія, съ которыми тогда управлялся западный край, закрывали его отъ общественнаго мнѣнія. Прошли десятки лѣтъ, пока могли явиться въ печати иные взгляды на положеніе края въ 1860-хъ годахъ [2]), чѣмъ тѣ, какіе въ то время были обязательны. Характеръ принимавшихся тогда мѣръ заставлялъ ожидать соотвѣтственныхъ результатовъ; слухи, доходившіе изъ края, не были особенно благопріятны, и разсказы и воспоминанія о томъ времени, напечатанные въ по-

[1]) „Московскія Вѣдомости“, 1864, № 126.

[2]) Напр., извѣстные, напечатанные недавно, разсказы покойнаго Н. В. Берга и нѣкоторые другіе мемуары о томъ времени.

слѣдніе годы, вполнѣ ихъ подтверждаютъ: напр., усиленный вызовъ чиновниковъ изъ внутреннихъ губерній далъ вообще не весьма удачный контингентъ дѣятелей, которые шли только на упомянутую „приманку“ и не только не создавали нравственнаго общенія, но отталкивали мѣстныхъ жителей, такъ что и съ приходомъ этихъ „русскихъ дѣятелей“ нравственное объединеніе не установлялось; свойство мѣропріятій, крутое и, что называется, экстра-легальное, также мало способствовало водворенію мирныхъ отношеній, среди которыхъ могла бы возникнуть нравственная связь, хотя бы въ первыхъ начаткахъ. Не вдаваясь въ этотъ предметъ, укажемъ одинъ образчикъ, отмѣченный даже въ тогдашней литературѣ. Въ „Голосѣ изъ гродненской губерніи“ [1]) мы читаемъ: „Въ средѣ великорусскихъ чиновниковъ нашлись и такія личности, которымъ не мѣсто въ нашемъ краѣ, требующемъ великаго самопожертвованія, теплой любви, разумной дѣятельности и твердой честности отъ служащихъ здѣшнему народному дѣлу, которые прибыли къ намъ, кажется, для того только, чтобы безъ разбора все разрушать, ломать и ничего не созидать, которые, не желая или не умѣя понять и сообразиться съ положеніемъ, нуждами и духомъ здѣшнихъ обитателей, самымъ грубымъ образомъ оскорбляютъ наше духовенство, много пострадавшее въ своемъ прошедшемъ и настоящемъ за свою любовь къ св. вѣрѣ и русскому народу и, кажется, своими страданіями заслужившее нѣкоторое уваженіе, любовь и поддержку. Онѣ, эти личности, подрываютъ святое и плодотворное довѣріе пасомыхъ къ своимъ пастырямъ и своими грубыми, деспотическими поступками убиваютъ развивающееся теперь въ народѣ чувство законности—это необходимое условіе мира и благоденствія каждаго общества и государства“. Повѣсть объ этомъ дѣятелѣ подробно разсказана въ гродненской корреспонденціи и была не единственнымъ примѣромъ своего рода...

Въ ряду мѣръ, которыя принимались тогда для обрусенія края, одной изъ особенно замѣтныхъ было „преобразованіе“ Виленскаго музея древностей. Въ этой довольно странной исторіи характерно отразилось двойственное состояніе края, причемъ „преобразованіе“ не разрѣшило исторической и этнографической двойственности. Дѣло было въ слѣдующемъ. Въ 1856 году основанъ былъ въ Вильнѣ, съ Высочайшаго соизволенія, музей древностей, который долженъ былъ заключать въ себѣ предметы, относящіеся къ исторіи западнаго края Россіи, съ цѣлью, содѣйствуя сохраненію памятниковъ древности, доставить возможность воспользоваться ими къ изученію края; въ рескриптѣ наслѣдника цесаревича, подъ покровительствомъ кото-

[1]) „День“, 1864, № 29.

раго долженъ былъ существовать вновь открывшійся музей, высказано было также, что музей долженъ былъ содѣйствовать „къ вящшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ бывшія литовскія губерніи съ прочими областями Россіи“. Основаніе музея было вполнѣ дѣломъ графа Евстафія Тышкевича, извѣстнаго археолога; онъ передалъ сюда собственную обширную коллекцію древностей и другихъ замѣчательныхъ предметовъ и былъ тогда же назначенъ попечителемъ музея; затѣмъ стали поступать другія пожертвованія отъ мѣстныхъ помѣщиковъ; въ 1858 году, къ пріѣзду имп. Александра II въ Вильну, составленъ былъ наскоро каталогъ музея. При томъ состояніи соціальномъ, какое въ то время еще продолжалось; при томъ положеніи этнографическихъ изученій, которыя велись въ то время въ польской литературѣ и едва начинались въ русской, понятно, что въ средѣ тогдашнихъ польскихъ основателей музея старина западнаго края понималась именно въ томъ смыслѣ, какъ привыкли издавна понимать ее въ польскомъ обществѣ. Историческая и этнографическая принадлежность края была темнымъ вопросомъ для самихъ русскихъ изслѣдователей; въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ они не понимали слова „Литва“ въ приложеніи къ губерніямъ съ бѣлорусскимъ населеніемъ, и старый политическій терминъ считали также и обозначеніемъ племени, для поляковъ этотъ терминъ оставался еще въ употребленіи, какъ живое историческое преданіе; не только польскіе, но и русскіе этнографы все еще видѣли здѣсь какихъ-то „кривичанскихъ славянъ“, а одинъ русскій этнографъ (Лебедкинъ) находилъ еще въ 1861 году въ западномъ краѣ не только кривичей, но древлянъ, дреговичей, тиверцевъ, даже ятвяговъ... Не будемъ притомъ думать, чтобы польскіе основатели музея были какіе-нибудь радикалы, которые съ злонамѣренной тенденціей хотѣли бы удалить изъ музея (какъ ихъ послѣ въ томъ обвиняли) всякій слѣдъ русской старины: напротивъ, это были мѣстные патріоты (въ томъ „литовскомъ“ смыслѣ, какъ ихъ характеризовалъ г. Безсоновъ), далеко не чуждавшіеся связи съ русскою наукой; графъ Тышкевичъ принималъ участіе въ работахъ московскаго Археологическаго Общества и его имя пользовалось уваженіемъ въ средѣ русскихъ ученыхъ; Киркоръ доставлялъ свои труды въ Географическое Общество въ Петербургѣ, писалъ и по-польски, и по-русски; труды писателей этого круга долго служили для русскихъ изслѣдователей полезнымъ руководствомъ въ изученіи западно-русской старины, какъ труды Нарбутта, Крашевскаго, Ярошевича, Малиновскаго, гр. Тышкевича, Парчевскаго и т. д.; г. Безсоновъ, въ своемъ трудѣ по бѣлорусской этнографіи, съ признательностью называетъ эти и другія имена лицъ, служившихъ съ пользой дѣлу научнаго изслѣдо-

ванія западнаго края... Однимъ словомъ, точка зрѣнія, руководившая основателемъ Виленскаго музея древностей, не была какой-либо новой выдумкой; это былъ привычный взглядъ интеллигенціи западнаго края, въ то время не только неоспоренный съ русской стороны, но признаваемый; присутствіе *польскаго* элемента въ западномъ краѣ, его участіе въ исторіи „Литвы" съ очень давнихъ и до очень недавнихъ временъ не возбуждало сомнѣній, хотя историческая роль Польши осуждалась съ русской точки зрѣнія; въ новѣйшихъ оффиціальныхъ изслѣдованіяхъ западнаго края, произведенныхъ офицерами генеральнаго штаба, были выведены цѣлыя сотни тысячъ польскаго и католическаго населенія... Въ одно прекрасное утро все это должно было перемѣниться. Крутыя мѣры, принимавшіяся въ западномъ краѣ съ 1863 года, захватили въ началѣ 1865 года и Виленскій музей. Хотя сами оффиціальные статистики генеральнаго штаба (Риттихъ, Зеленскій, Бобровскій) находили въ западномъ краѣ сотни тысячъ польскаго населенія, въ приказѣ виленскаго полиціймейстера польскій языкъ названъ былъ „чуждымъ странѣ"; весьма понятно, что съ этой точки зрѣнія и Виленскій музей, въ которомъ собрано было не мало остатковъ польской старины западнаго края, терялъ право на существованіе [1]). Въ февралѣ 1865 года, въ Археологической коммиссіи, состоявшей при музеѣ, происходило засѣданіе, съ какимъ-то злорадствомъ описанное въ „Вѣстникѣ" Говорскаго [2]) какъ своего рода coup d'état или скандалъ. Въ собраніи участвовало вновь вступившее туда военное лицо, которое заявило въ своей рѣчи о необходимости преобразованія музея и истребленія его польскаго духа [3]).

---

[1]) Замѣтимъ еще, что въ то же время, когда офицеры генеральнаго штаба не подтверждали вывода виленскаго полиціймейстера относительно польскаго языка и вывода преобразователей Виленскаго музея, дѣлалось—опять въ оффиціальной средѣ—другое статистическое исчисленіе, разнорѣчившее съ выводами полиціймейстера. Въ статьѣ А. В. Рачинскаго: „Типографская дѣятельность Вильны въ періодъ 1854—65 года", помѣщенной въ „Виленскомъ Вѣстникѣ", 1866, № 35, отношеніе славяно-русскаго печатанія къ латино-польскому было опредѣлено, по статистическимъ цифрамъ какъ 152 : 1216. Эта цифра повторена и въ оффиціально издаваемыхъ „Памятникахъ русской старины въ зап. губерніяхъ имперіи", г. Батюшкова, вып. 6-й. Спб. 1874, стр. 174.

[2]) 1864 — 1865, т. II, декабрь (1864; цензурное дозволеніе 25-го марта 1865), стр. 234—241.

[3]) Рѣчь начиналась такими словами: „Наука есть святыня, какъ и религія: религія есть вѣра въ истину, наука есть путь къ оной. Слѣдовательно, всякое искаженіе науки, равно какъ и религіи, изъ-за личныхъ выгодъ и для политическихъ цѣлей, есть святотатство".

Далѣе въ рѣчи говорилось, что музеи должны быть хранилищами исторической истины и быть „зерцалами" современнаго состоянія науки въ извѣстной мѣстности, и что было бы анахронизмомъ, еслибы музей продолжалъ „отражать разсѣявшійся

Вслѣдъ за тѣмъ, въ концѣ февраля 1865 года, отъ главнаго начальника западнаго края на имя тогдашняго попечителя виленскаго округа (назначеннаго и предсѣдателемъ „Коммиссіи для разбора и приведенія въ извѣстность и надлежащій порядокъ предметовъ, находящихся въ Виленскомъ музеумѣ древностей") поступило предложеніе о необходимости пересмотра и преобразованія музея. Смыслъ предложенія заключался въ томъ, что музей, въ противность его назначенію быть собраніемъ древностей „литовско-русскаго края", въ большинствѣ предметовъ „составляетъ коллекцію, относящуюся къ чуждой этому краю польской народности". „Такое совокупленіе въ этомъ открытомъ для публики хранилищѣ литовско-русской старины предметовъ, относящихся къ польскому народу и польской исторіи, и размѣщеніе на первомъ планѣ тѣхъ изъ нихъ, которые болѣе другихъ напоминали бы о временномъ владычествѣ польскомъ въ здѣшнемъ краѣ, служило къ поддержанію въ здѣшнемъ населеніи и обществѣ превратныхъ понятій о томъ, что край этотъ есть край польскій, а не русскій, а также къ возбужденію въ публикѣ польскихъ идей, противуправительственныхъ стремленій и притязаній на мнимыя права Польши на западно-русскій край". Поэтому, „въ видахъ пресѣченія на будущее время подобныхъ несвойственныхъ ни здѣшней народности, ни настоящему положенію края заявленій, а равнымъ образомъ, почитая необходимымъ сообщить Виленскому музеуму надлежащій ему характеръ, соотвѣтственный назначенію быть собраніемъ и хранилищемъ предметовъ, напоминающихъ о русской народности, православіи, искони господствующихъ въ здѣшнемъ краѣ, и содѣйствовать къ вящшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ литовскія губерніи съ Россіею", приказано было составить особую коммиссію (въ которой приняли участіе два военныхъ лица), которая привела бы въ порядокъ предметы музея: на первомъ планѣ она должна была поставить предметы, относящіеся къ русской народности, во второй разрядъ помѣстить „предметы, относящіеся къ литовско-русскому началу" (?), въ третій — предметы обще-научные; наконецъ, предметы, принадлежащіе къ польской народности, „какъ не составляющіе предметовъ назначенія музеума", собрать особо, т.-е. удалить изъ музея до дальнѣйшаго распоряженія. Назначенная коммиссія, гдѣ долженъ былъ принять участіе и основатель музея, графъ

польскій туманъ, когда уже въ него смотрится возстановленная историческая истина", что говорившій, который бывалъ во многихъ иностранныхъ музеяхъ, нигдѣ „не замѣтилъ отсутствія патріотическаго начала, ни въ одномъ не видѣлъ даже отдѣла, напоминающаго не только ига, но и нашествія непріятельскаго", и что его „утѣшила только мысль, что на востокѣ Россіи нигдѣ нѣтъ хранилищъ, служащихъ прославленіемъ ига татарскаго".

Тышкевичъ, и гдѣ изъ нѣсколько извѣстныхъ русскихъ ученыхъ находился г. Безсоновъ, служившій тогда въ западномъ краѣ, принялась за дѣло очень ревностно. Понятно, что музей, составлявшійся другимъ кругомъ людей съ прежними понятіями объ историческихъ преданіяхъ края, былъ энергически очищаемъ новыми распорядителями, считавшими польскій элементъ совершенно чуждымъ краю. Было бы долго передавать подробности этого разбора; довольно сказать, что большое число предметовъ отчислено было въ четвертый разрядъ и что дебаты не сохранили спокойствія, приличнаго научнымъ разсужденіямъ. Въ концѣ концовъ, графъ Тышкевичъ, не присутствовшій по болѣзни въ послѣднихъ собраніяхъ коммиссіи, прислалъ (29-го марта 1865 г.) отзывъ, въ которомъ, при всей трудности своего тогдашняго положенія, рѣшился высказать свое мнѣніе о совершившемся преобразованіи и тѣхъ обвиненіяхъ, какія были направлены на устроителей музея.

Гр. Тышкевичъ объяснялъ, что, присутствуя въ коммиссіи, онъ подписывалъ ея протоколы не потому, чтобы всегда соглашался съ мнѣніями другихъ ея членовъ, а потому, что одинъ его голосъ противъ пяти голосовъ противнаго мнѣнія не могъ имѣть значенія, и, слѣдовательно, его особыя мнѣнія могли бы только дать поводъ думать, что онъ затрудняетъ успѣшный ходъ дѣйствій коммиссіи; теперь, когда главная работа кончена и предметы, подлежащіе исключенію изъ музея, уже назначены, онъ рѣшался „заявить свое мнѣніе не въ видѣ протеста или оффиціальнаго особаго мнѣнія, но собственно какъ выраженіе своихъ убѣжденій по предметамъ, имѣющимъ непосредственное соотношеніе съ занятіями коммиссій". Онъ объяснялъ ту историческую точку зрѣнія, съ которой основывался музей, и тотъ провинціальный интересъ, который естественно присоединялся къ мѣстной коллекціи. „Основывая музеумъ въ Вильнѣ, я имѣлъ въ виду древности и памятники польскіе, но мѣстные, т.-е. литовско-русскіе. Подъ словомъ: „Виленскій музеумъ" — я разумѣлъ и разумѣю собраніе предметовъ, кои бы, какъ въ зеркалѣ, вѣрно отражали жизнь и дѣянія литовско-русскаго народа во всѣхъ эпохахъ его историческаго существованія. Не думая и не заботясь о томъ, чтобы собираемые предметы представляли только свѣтлые моменты изъ исторіи и дѣяній моихъ предковъ или чтобы изображенія ихъ непремѣнно были прекрасны, я желалъ только, чтобы они были похожи и служили точными снимками съ прошедшаго, на непреложныхъ началахъ исторіи. Я думалъ, что если въ лифляндскомъ и курляндскомъ музеумахъ собраны предметы временъ владычества рыцарей, въ финляндскомъ—Швеціи, въ керченскомъ и одесскомъ—татаръ, то это отнюдь не доказывало, что помянутые музеумы забо-

тились о собраніи предметовъ, напоминающихъ нѣмецкое, шведское и татарское владычества, но старались только собрать все, что бы могло нагляднымъ образомъ знакомить съ минувшими судьбами тѣхъ мѣстностей, для которыхъ музеумъ предназначался.—Такъ понимая значеніе провинціальнаго музеума, я, конечно, не исключалъ и тѣхъ предметовъ, кои относились къ эпохѣ владычества Польши въ этой странѣ. Но, при всемъ томъ, могу сказать сознательно, въ Виленскомъ музеумѣ собственно польскихъ предметовъ почти нѣтъ. Все, что есть,—это мѣстное, литовско-русское".

Ему приходилось разбирать, какого рода предметы подлежали исключенію изъ музея по новымъ требованіямъ. „На основаніи предписанія г. главнаго начальника края, коммиссія обязана была исключить предметы, напоминающіе временное владычество Польши и относящіеся къ польской исторіи. Извѣстно, что до 1569 года здѣшній край сохранилъ полнѣйшую политическую самостоятельность. Федеративнаго союза съ Польшею ни одинъ историкъ не назоветъ владычествомъ. Извѣстно, что поляки не только не могли здѣсь пріобрѣтать собственности, но даже занимать служебныя должности. Литовско-русское дворянство строго за этимъ наблюдало и свято сохраняло права свои. Въ 1795 г., по третьему раздѣлу Польши, губерніи эти возвращены Россіи. Слѣдовательно, по буквальному смыслу предписанія, исключенію подлежатъ только тѣ предметы, кои относятся къ эпохѣ съ 1569 по 1795 годъ, и только такіе, которые въ непосредственной связи съ польскимъ владычествомъ или польскою исторіею. Но коммиссія не соблаговолила обратить вниманія на эту неопровержимую историческую истину".

Онъ указываетъ, что коммиссія къ предметамъ, подлежащимъ исключенію, т.-е. напоминающимъ владычество Польши, отнесла даже предметы новѣйшіе,—напримѣръ, знаки масонской ложи „Казиміръ Великій" („когда,—замѣчаетъ графъ Тышкевичъ,—этотъ Казиміръ никогда не господствовалъ надъ этой страною и умеръ еще до женитьбы Ягайлы на внучкѣ его Ядвигѣ"), или барельефъ въ память парижскаго конгресса 1856 г., изображающій торжество императора Александра, исключенный потому только, что подъ нимъ подпись скульптора Казиміра Ельскаго, сдѣлавшаго этотъ барельефъ. Гр. Тышкевичъ „ссылался на судъ всѣхъ ученыхъ обществъ и всѣхъ ученыхъ мужей въ Россіи, и заранѣе твердо убѣжденъ, что не найдется ни одного, который допустилъ бы даже мысль исключить изъ музеума, напр., портретъ такой знаменитой личности, какъ канцлера Льва Сапѣги, этого извѣстнаго издателя перваго Литовскаго Статута на русскомъ языкѣ, этого знаменитаго автора достопамятнаго письма, приводимаго всѣми историками, къ Іосафату Кунцевичу, въ защиту

православныхъ". Онъ недоумѣвалъ, почему исключенъ изъ музея портретъ русскаго генерала Коссаковскаго, повѣшеннаго мятежниками во время народнаго движенія въ Вильнѣ, въ 1794 г., за свою преданность великой Екатеринѣ,—въ то время, когда русское правительство воздвигаетъ въ Варшавѣ памятникъ полякамъ, павшимъ жертвою мятежа за свою преданность правительству. Онъ не понималъ, почему должны были быть исключены изъ музея портреты и бюсты такихъ людей, какъ преданный Россіи митрополитъ Жилинскій, какъ пользовавшіеся европейскою извѣстностью Франкъ и Снядецкіе, какъ основатель обсерваторіи Почобутъ, историкъ Нарбуттъ, „котораго безпристрастный, добросовѣстный трудъ до сихъ поръ служитъ богатымъ матеріаломъ для всѣхъ русскихъ историковъ", какъ основатели разныхъ человѣколюбивыхъ заведеній въ Вильнѣ, здѣшніе уроженцы, жившіе уже подъ русскою властью... Просьба графа Тышкевича состояла только въ томъ, чтобы назначенные къ исключенію предметы были вновь подробно разсмотрѣны, сообразно съ точнымъ смысломъ предписанія главнаго начальника края и „имѣя въ виду научныя начала и историческую истину въ отношеніи дѣйствительной эпохи владычества здѣсь Польши".

На этотъ разъ въ коммиссіи предсѣдательствовалъ не попечитель учебнаго округа, а одинъ изъ ея военныхъ членовъ, которымъ и составленъ былъ отвѣтъ на письмо графа Тышкевича. Отвѣтъ былъ очень рѣзкій, и въ немъ давалось понять, что письмо было дѣйствіемъ, которое могло бы быть истолковано въ смыслѣ политической неблагонадежности [1]).

Вся эта исторія производитъ весьма печальное впечатлѣніе. Первый мотивъ къ преобразованію музея былъ, конечно, политическій, и скорѣе можно было бы понять, еслибы что-нибудь случилось съ музеемъ въ самомъ разгарѣ страстей, въ періодъ возстанія; но возстаніе было давно укрощено, и вопросъ научный могъ бы рѣшиться болѣе спокойно въ кругу спеціалистовъ. Возможно, что въ музеѣ находились предметы, которые не совсѣмъ отвѣчали его назначенію и особливо данной минутѣ, но устраненіе ихъ могло бы совершиться

---

[1]) Подробная исторія этого преобразованія Виленскаго музея была изложена въ протоколахъ двадцати-четырехъ засѣданій коммиссіи съ 1-го марта по 27-е апрѣля 1865 года. См. „Дневникъ засѣданій коммиссіи для разбора и приведенія въ извѣстность и надлежащій порядокъ предметовъ, находящихся въ Виленскомъ музеумѣ древностей", въ „Вѣстникѣ" Говорскаго, 1864—1865, т. III, апрѣль, отд. I, стр. I—VI и 1—74. Преобразованіе музея было довершено г. Батюшковымъ; позднѣе, во время управленія западнымъ краемъ генерала Потапова, г. Батюшковъ „настоялъ на исключеніи изъ музея всѣхъ 256 предметовъ, признанныхъ неподлежащими храненію въ немъ, и распорядился отправкой ихъ въ Московскій Румянцовскій музей". См. „Р. Старину", 1887, май, стр. 555.

болѣе мирно, какъ это соотвѣтствовало бы дѣлу науки; тенденціозность, которую указывали въ маломъ числѣ предметовъ, относящихся къ исторіи собственно русскаго начала въ западномъ краѣ, легко могла бы быть устранена (и это было бы желательно для полноты *мѣстнаго* музея) прибавленіемъ новыхъ предметовъ этого русскаго характера. Что касается удаленія предметовъ изъ эпохи польскаго владычества, оно, очевидно, было не научно: изъ исторіи нельзя было вычеркнуть существовавшаго факта, и это былъ бы просто пробѣлъ, какъ, съ другой стороны, удаленіе предметовъ походило на боязнь передъ призракомъ, неприличную для господствующей власти: странно было бы думать, что присутствіе старинныхъ вещей въ историческомъ музеѣ можетъ навлекать какую-либо опасность для русской народности; сопоставленные съ предметами иного рода, которые говорили бы о племенной устойчивости и борьбѣ западно-русскаго народа за свое религіозное и національнее право,—эти предметы теряли бы свой односторонній смыслъ и получили бы только свое настоящее значеніе историческаго остатка; далѣе, Виленскій музей былъ, очевидно, мѣстный музей западнаго края, и въ немъ должны были занять мѣсто предметы, принадлежавшіе къ мѣстной исторіи и этнографіи; политически—это былъ край русскій, но этнографически въ немъ были не только бѣлоруссы, но и литовцы, и поляки, даже татары и евреи. Наконецъ, въ самомъ отвѣтѣ предсѣдателя коммиссіи относительно основателя музея признавалось, что доселѣ графъ Тышкевичъ показывалъ „несомнѣнную преданность" правительству, и признавалась „благая цѣль", съ какою онъ основывалъ музей; прибавимъ, что онъ вложилъ въ него много своихъ личныхъ цѣнныхъ пожертвованій, наконецъ, что это былъ ученый уважаемый и за предѣлами своей родины [1]). По крайней мѣрѣ его личное участіе въ самомъ основаніи учрежденія, получавшаго теперь новое направленіе, заслуживало бо́льшей терпимости и вниманія.

Какъ бы то ни было, исторія Виленскаго музея была характернымъ отраженіемъ господствовавшаго настроенія. Литература, служившая этому настроенію, принимала воинственное, обличительное

---

[1]) „Въ отдѣлѣ предметовъ каменнаго періода числится 747 экземпляровъ (говорится въ описаніи современнаго Виленскаго музея). Для провинціальнаго музея это коллекція довольно богатая, тѣмъ болѣе, что въ ней есть экземпляры, не встрѣчаемые даже въ болѣе богатыхъ собраніяхъ. Коллекція эта тѣмъ драгоцѣннѣе, что вся она происхожденія мѣстнаго, такъ какъ только незначительная часть ея вывезена графомъ Тышкевичемъ изъ Швеціи. За эту коллекцію музей въ 1879 году получилъ похвальный отзывъ отъ Антропологической выставки, бывшей въ Москвѣ". „Вильна и окрестности. Путеводитель и историческая справочная книжка". Вильна, 1883, стр. 261—262.

направленіе: невозможно было спокойное сужденіе не только о новѣйшихъ, но и давно прошедшихъ событіяхъ и отношеніяхъ.

Собственно этнографическіе труды этого времени были немногочисленны. Той школѣ, о которой мы сейчасъ говорили, принадлежитъ собственно только одинъ сборникъ, вышедшій въ Вильнѣ въ 1866 году [1]). Въ обширномъ предисловіи сборника, которое подписано г. Гильтебрандтомъ, даются отрывочныя и безсвязныя свѣдѣнія о значеніи народнаго творчества, объ исторіи края, о разрядахъ пѣсенъ, о чертахъ бѣлорусскаго языка, и ведется, кромѣ того, полемика съ поляками (заднимъ числомъ) и евреями. Научное значеніе этихъ свѣдѣній очень умѣренное и, повидимому, меньше занимало издателя, чѣмъ война противъ враговъ русской народности [2]). Собственной научной работы издателя было очень немного: нѣсколько внѣшнихъ сравненій бѣлорусскихъ пѣсенъ съ великорусскими; замѣчанія о бѣлорусскомъ нарѣчіи, взятыя изъ вторыхъ рукъ; свѣдѣнія о народномъ бытѣ, выписываемыя изъ газетныхъ корреспонденцій; описаніе обрядовъ, заимствуемое у Шпилевскаго и т. п. — все это, снабженное такой же защитой „русскаго дѣла", какъ въ „Вѣстникѣ" Говорскаго. Характеристика пѣсенъ крайне неумѣлая, путаная, противорѣчивая. Наибольшая доля пѣсенъ доставлена учениками молодечненской учительской семинаріи.

Подробную и весьма правильную оцѣнку этого сборника, произведенія тогдашней виленской науки, далъ г. Безсоновъ, самъ также въ Вильнѣ работавшій и видѣвшій близко дѣятельность этой науки. „Вызванный нами въ край,—говоритъ г. Безсоновъ,—для серьезнаго развитія молодыхъ силъ на благодарномъ поприщѣ и весьма скоро обособившійся, въ ряду тогдашнихъ полонофаговъ и жидоѣдовъ, издатель (этого сборника) самъ не собиралъ пѣсней среди народа Бѣлой Руси и только отпечаталъ добытое другими собирателями. Изъ 300 набранныхъ такимъ образомъ, отчасти перепечатанныхъ пѣсней, къ типическимъ бѣлорусскимъ собственно относится менѣе половины: остальное—къ малорусскимъ или смѣшаннымъ... Издатель не задалъ себѣ труда даже хотя бы слегка провѣрить полученное отъ другихъ,

---

[1]) „Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ. Изданіе редакціи Виленскаго Вѣстника". Выпускъ первый. Вильна, 1867, CXVIII и 300 стр., мал. 8°. Первый выпускъ остался и единственнымъ.

[2]) Эта война начинается съ первыхъ же страницъ предисловія, и въ число предполагаемыхъ враговъ отечества попалъ даже г. Зотовъ, издававшій тогда съ Бауманомъ „Иллюстр. Газету", гдѣ помѣщена была статья, не понравившаяся г. Гильтебрандту: послѣдній ядовито замѣчаетъ, что журналъ „издается, кажется, русскими, но, повидимому, не считающими себя за таковыхъ" (стр. VII). Но, сколько извѣстно, В. Р. Зотовъ не отрекался отъ своей принадлежности къ русской народности и государству.

внимательнымъ обращеніемъ къ самому народу, наблюденіемъ его быта и живого нарѣчія. У него не собраны, а какія попадаются, не выдѣлены и не разъяснены характерныя черты мѣстнаго народнаго быта... Разумѣется, у издателя пѣсни „дышатъ особеннымъ озлобленіемъ и ненавистью“ противу пановъ и всячески проклинаемыхъ поляковъ, а когда пѣсня говоритъ: „не дивуйтесь, добры люди, что мужикъ гуляетъ, у него есть достатокъ по милости Божьей, да и панъ хорошо его знаетъ, только бы не экономы (управляющіе), мужикъ самъ былъ бы паномъ“, — это переводится издателемъ: „по милости Божьей и панской—*иронія*—у него всего довольно“, такъ что не знаешь, кѣмъ же тутъ сочинена иронія“... „Всего же любопытнѣе,—продолжаетъ г. Безсоновъ,—отношеніе издателя къ мѣстнымъ евреямъ, которыхъ онъ глубоко ненавидитъ и которыхъ печать въ его время совѣтовала переселять въ степи, а порою загнать и въ море. Онъ признается, что въ пѣсняхъ „говорится о нихъ немного, всего, кажется, два раза“, и только объясняетъ это скудостью своего сборника, выражая надежду, при дальнѣйшихъ выпускахъ, „достичь другихъ результатовъ“. Тѣмъ не менѣе въ скудномъ своемъ сборникѣ онъ посвящаетъ 23 страницы охотѣ на евреевъ“... Пересчитавши затѣмъ цѣлый рядъ еврейскихъ преступленій (они „находятся подъ особымъ покровительствомъ поляковъ“, сквернятъ муку на просвиры и вино на богослуженіе, занимаются поддѣлкою денегъ, совершаютъ поджоги и разбой, они — лѣнтяи и тунеядцы, у нихъ „бездна пороковъ“, они „составляютъ государство въ государствѣ“ и т. д.) и поставивши имъ въ вину даже и „значительное увеличеніе количества еврейскихъ головъ“ (!), происходящее отъ ихъ цѣломудрія, которое кажется ему превратнымъ, г. Гильтебрандтъ ожидалъ, что народныя пѣсни непремѣнно должны выразить этотъ его взглядъ на евреевъ... „Внутренняго быта евреевъ,—замѣчаетъ на это г. Безсоновъ,—по собственному признанію, г. Гильтебрандтъ не вѣдаетъ, а пѣсни, подлежащія изданію, то же почти ничего не говорятъ о евреяхъ. Къ чему же распространяться? „Распространялись мы о евреяхъ съ нѣкоторою подробностью для того, — пишетъ г. Гильтебрандтъ,—чтобы показать, что крестьяне *непремѣнно должны* сохранить въ пѣсняхъ воспоминанія о еврейскомъ гнетѣ и насиліяхъ“. Они обязаны исполнить сей приказъ издателя... Евреямъ поставлено въ вину и то, что „заря свободы“, открывшаяся крестьянамъ 19-го февраля, была „смутно (?) встрѣчена евреями“... „Разумѣется,—продолжаетъ г. Безсоновъ,—сколько ни выражено здѣсь знаковъ благодарности тогдашнему попечителю округа г. Корнилову, отъ подобнаго изданія не много выиграла Бѣлоруссія, разъясненіе ея народнаго быта и печатаніе „памятниковъ творчества“: даже

этнографія, въ самомъ узкомъ смыслѣ, не найдетъ чѣмъ воспользоваться",—потому что нѣтъ здѣсь ни подробностей объ обрядахъ и обычаяхъ, ни правильнаго распредѣленія пѣсенъ, ни какой-нибудь системы передачи бѣлорусскаго нарѣчія, такъ что Бѣлая Русь является у г. Гильтебрандта, подобно древней Польшѣ, какимъ-то новымъ Вавилономъ племенъ и нарѣчій. „Мы можемъ только пожалѣть,—заключаетъ г. Безсоновъ,—что молодые таланты вступаютъ на такой скользкій путь, естественно приманчивый лишь извѣстнаго рода старцамъ, которые усердно обработывали симъ способомъ край изъ-за своихъ разсчетовъ".

Еще раньше оказались нѣкоторыя другія подробности изданія, мало послужившія его научной репутаціи, а именно, въ сборникѣ открытъ былъ цѣлый рядъ пѣсенъ поддѣльныхъ, грубаго сочинительства которыхъ издатель не съумѣлъ замѣтить. Въ разборѣ „Сборника" г. Гильтебрандта въ „Вѣстникѣ Европы", 1866 [1]), указана, напр., нелѣпая пѣсня, гдѣ является на сцену „Чернобогъ" [2]); затѣмъ, „заклинательная пѣсня", гдѣ упоминаются древнія божества Ладо и Диво [3]); далѣе, пѣсня „Изъ-за Слуцка, изъ-за Клецка" и „Я Гриць козакъ" [4]); наконецъ, еще одна пѣсня, „записанная" однимъ изъ сотрудниковъ г. Гильтебрандта: „Отъ села до села", которая на дѣлѣ взята изъ „Гайдамакъ" Шевченка, и сочинена имъ [5]).

Любопытно, что пѣсня о Чернобогѣ, о Ладѣ и Дивѣ и еще одна пѣсня, направленная противъ ляховъ—въ цѣломъ „три прекрасныя пѣсни", по словамъ издателя, сообщены были г. Кояловичемъ; между тѣмъ эта пѣсня, вмѣстѣ съ двумя другими, изъ которыхъ одна также была заподозрѣна критикой, явилась уже раньше въ „Вѣстникѣ" Говорскаго, и пѣсня о Чернобогѣ показана записанною въ Несвижѣ [6]).

---

[1]) Т. IV, отд. 3, стр. 19—22; разборъ написанъ Н. И. Костомаровымъ.

[2]) № CXVIII, стр. 115—116.

[3]) № CXX, стр. 117—118.

[4]) № VI, стр. 7 и № CXVI, стр. 111—113.

[5]) № XCIX, стр 93—94, „Съ такою-то неразборчивостію составлялся этотъ сборникъ,—замѣчалъ критикъ „Вѣстника Европы", — хотя бо̀льшая часть пѣсенъ и дѣйствительно записаны отъ народа, но многія изъ нихъ переправлены, подправлены, приправлены, и потому остается желать, чтобы народныя произведенія западнаго края впередъ являлись въ такихъ сборникахъ, которые бы могли служить матеріаломъ и для науки".

[6]) „Вѣстникъ", 1864—1865, т. II, январь, IV, стр. 423—426: „О народныхъ пѣсняхъ минской губерніи", статья А. С. Позднѣйшіе критики также не сомнѣвались въ подложности пѣсенъ о Чернобогѣ и Дивѣ; см. Безсонова: „Бѣлорусскія пѣсни", стр. XLIX—L; Антоновича и Драгоманова: „Историческія пѣсни малорусскаго народа", I, стр. XXI. Кажется, впрочемъ, что эти критики не знали статьи „Вѣстн.

Изъ другихъ трудовъ этого времени замѣтимъ еще только собраніе пѣсенъ, составленное приходскимъ учителемъ Н. Руберовскимъ и хорошо записанное [1]), и нѣсколько другихъ небольшихъ собраній пѣсенъ, сказокъ, описаній обычаевъ и т. д., которыя печатались въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Памятныхъ книжкахъ“ западнаго края и бывали нерѣдко результатомъ добросовѣстнаго изученія. Такою мѣстною работой были также труды М. Дмитріева, который издалъ потомъ свое собраніе отдѣльно [2]) — книжка безпритязательная, но и весьма неумѣлая [3]). Въ мѣстныхъ изданіяхъ появились и первыя работы Юл. Крачковскаго; позднѣе онъ издалъ болѣе обширный трудъ, на которомъ мы остановимся дальше.

Въ семидесятыхъ годахъ положеніе вопроса измѣнилось къ лучшему. Правда, на мѣстѣ между-племенныя отношенія не исправились; мѣстные или заѣзжіе русскіе патріоты продолжали считать лучшую защиту русскаго дѣла въ крайней нетерпимости и травлѣ элементовъ края не-русскихъ и даже элементовъ мѣстно-бѣлорусскихъ, когда они были не совсѣмъ похожи на чиновническое понятіе о русской народности, — по крайней мѣрѣ, дѣло измѣнилось несомнѣнно къ лучшему въ области науки. Высокая постановка этнографическаго вопроса въ лучшихъ произведеніяхъ нашей науки повліяла благотворно; и жизнь западно-русскаго народа стала, наконецъ, находить спокойное изслѣдованіе, съ цѣлями науки и внѣ той „злобы дня“, которая была прежде дѣйствительною злобою.

Европы“; по крайней мѣрѣ, они не замѣтили другихъ ошибокъ и поддѣлокъ, какія тамъ были уже указаны. Ср. еще замѣчанія г. Романова, „Бѣлорусскій Сборникъ“, Кіевъ, 1886, стр. I—III.

[1]) Оно печаталось въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, 1867, № 75—77. Его же: „Свадебные обряды крестьянъ минскаго уѣзда“. „Вил. Вѣстн.“, 1868, № 8, „Минск. губ. Вѣдомости“, 1869, № 31.

[2]) Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края, М. А. Дмитріева. Вильна, 1869. 264 стр., мал. 8°.

[3]) См. разборъ ея у г. Романова, стр. III—IV. Сказки этого сборника раньше были сообщены Дмитріевымъ Аѳанасьеву (см. Нар. Р. Сказки, вып. 3, изд. 2-е, М. 1860, стр. 6—35), и въ этомъ пунктѣ обвиненія г. Романова несправедливы.

ГЛАВА VII.

Новѣйшее время.

Пробужденіе научныхъ интересовъ.

Труды археографическіе: мѣстные сборники актовъ, 1843 — 1848; работы Археографическихъ коммиссій въ Петербургѣ, Кіевѣ, Вильнѣ. — А. П. Сапуновъ. — „Памятники“ западно-русской старины въ изданіи г. Батюшкова. — Мѣстныя описанія. — М. О. Кояловичъ. — Труды по старой бѣлорусской письменности.

Изслѣдованія этнографическія.—П. А. Безсоновъ.—Планъ экспедиціи Географическаго Общества.—И. И. Носовичъ.—П. В. Шейнъ.—А. С. Демболецкій. —Е. Р. Романовъ и др.—Изслѣдованія о бѣлорусскомъ языкѣ.

Наиболѣе плодотворнымъ для изученія Бѣлоруссіи было новѣйшее время, послѣ того страннаго періода, о которомъ мы желали дать понятіе въ предыдущихъ главахъ. Наука не имѣетъ мѣста въ воинствующихъ, исполненныхъ нетерпимости и вражды, настроеніяхъ общества, и дѣйствительно, какъ ничтожны были мнимо-научные опыты предшествующаго періода, такъ изобильны результаты изслѣдованій, задуманныхъ съ непосредственною любовью къ народу и съ однимъ стремленіемъ найти историческую истину. Нельзя сказать, правда, чтобы прежнее настроеніе совсѣмъ исчезло, но, по крайней мѣрѣ, рядомъ съ нимъ твердо обозначилось направленіе чисто научное.

Зачатки этого послѣдняго появляются, впрочемъ, и гораздо ранѣе. Однимъ изъ такихъ зачатковъ было то обращеніе къ первымъ источникамъ западно-русской исторіи, которое мы отмѣтили выше въ трудахъ протоіерея Григоровича. Съ нихъ начинается длинный рядъ изданій древнихъ актовъ по исторіи западной и юго-западной Россіи, которые въ нашей литературѣ давали первую прочную опору для реставраціи дѣйствительнаго историческаго положенія вещей въ этомъ краѣ. Подробное изложеніе археографическихъ трудовъ въ

этой области не входитъ въ нашу задачу; мы укажемъ только главные пункты этой дѣятельности, насколько результаты ея важны и въ смыслѣ этнографическомъ.

Первымъ послѣ „Архива“ протоіерея Григоровича и „Актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи“ (надъ которыми онъ также работалъ въ Археографической коммиссіи), было изданіе, предпринятое въ Вильнѣ въ 1843 году [1]). Изданіе сдѣлано по иниціативѣ мѣстнаго губернатора Семенова, трудомъ мѣстныхъ дѣятелей [2]). Грамоты города Вильны, составляющія первую часть собранія, были уже изданы въ концѣ прошлаго столѣтія въ польскомъ собраніи Дубинскаго; но это послѣднее, напечатанное вопреки подлинникамъ въ польской переписи, было кромѣ того весьма неисправно; здѣсь, напротивъ, документы напечатаны на языкѣ и алфавитомъ подлинниковъ, и второй томъ изданія представлялъ документы, еще никогда не изданные. Напечатанные памятники относятся ко времени съ конца XIV-го столѣтія до царствованія Анны Ивановны, и для тогдашней русской критики представляли новизну по своему этнографическому значенію. „Первый, получаемый отсюда, результатъ,—говоритъ тогдашній критикъ,—состоитъ въ неопровержимой, освобождаемой отъ всякой тѣни сомнѣнія, увѣренности, что языкъ русскій былъ языкъ господствующій въ такъ-называвшейся нѣкогда Литвѣ, даже и въ то время, когда она была соединена уже съ Польшею. Языкъ этотъ является и народнымъ, и государственнымъ, то-есть дѣловымъ, оффиціальнымъ. На немъ совершаются гражданскіе акты, пишутся судебныя опредѣленія, даются велико-княжескія и королевскія грамоты. Правда, въ послѣднемъ случаѣ, языкъ латинскій, въ то время общій дипломатическій языкъ всей Западной Европы, идетъ и здѣсь объ руку съ русскимъ... но языкъ этотъ, вводимый насильственно, отвергался употребленіемъ, такъ что, при распубликованіи, само правительство находилось вынужденнымъ документы латинскіе переводить по-русски“. Упомянувъ о помѣщенномъ въ томъ же собраніи универсалѣ короля Іоанна-Казиміра отъ 1667 года, гдѣ предписывается сноситься впредь съ царемъ московскимъ и его боярами на языкѣ не русскомъ, а польскомъ, критикъ замѣчаетъ: „доказа-

[1]) „Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковна, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей, и по разнымъ предметамъ“, и второе заглавіе по-польски: „Zbiór dawnych dyplomatów i aktów miast Wilna, Kowna, Trok, prawosławnych monasterów, cerkwi, i w różnych sprawach“. Вильна, 2 тома.

[2]) Это были бывшій редакторъ „Виленскаго Курьера“, Марциновскій, помощникъ трибунальнаго архиваріуса Нарбутъ, православный священникъ Корсакевичъ, производитель дѣлъ статистическаго комитета Яхимовичъ; кромѣ того, упомянуты, какъ содѣйствовавшіе изданію, одинъ игуменъ, архимандритъ и учитель ковенской гимназіи Леоновъ.

тельство, съ одной стороны, повсюднаго еще употребленія въ Литвѣ, а съ другой, возникшаго уже со стороны польскаго правительства предубѣжденія противъ старо-древняго, народнаго духа и языка русскаго!“ Наконецъ, критикъ еще разъ дѣлаетъ общее заключеніе: „И такъ, кто можетъ теперь еще колебаться и оспаривать, что такъназываемое Великое Княжество Литовское, всегда и во всѣхъ частяхъ своихъ, даже въ тѣхъ, гдѣ находится сердце собственно Литвы, было русское? При отсутствіи всѣхъ другихъ доказательствъ, достаточно бы было одного этого неумолчно вопіющаго свидѣтельства. Языкъ русскій могъ имѣть такое повсюдное и постоянное владычество не иначе, какъ при рѣшительномъ перевѣсѣ и преобладаніи народонаселенія русскаго. Это не былъ языкъ мертвый, которому надо было учиться изъ книгъ, какъ, напримѣръ, въ то время языкъ латинскій, или нашъ церковно-славянскій. Это тотъ самый языкъ, который до-нынѣ живетъ въ устахъ нѣсколькихъ милліоновъ людей, всегда и вездѣ называвшихъ себя русскими, языкъ, который, въ отличіе отъ другихъ вѣтвей своего могучаго корня, носитъ скромное имя „нарѣчія бѣлорусскаго“, и теперь въ большей части западныхъ областей имперіи—туземнаго народнаго. Впрочемъ, изданные теперь документы, и кромѣ языка, въ самомъ содержаніи своемъ, представляютъ очевидныя доказательства, что край и народъ, которымъ они принадлежатъ, были русскіе; что они не знали для себя другого имени, какъ имя Руси; что въ нихъ господствовали русскій духъ и русскіе нравы; что, наконецъ, вѣра, главное начало народной и общественной жизни, была въ нихъ, издревле и постоянно, православная русская“ [1]).

Подобнымъ образомъ изданы были акты минскаго края [2]), изготовленные временною Минскою коммиссіею, въ которой принимали участіе тотъ же А. В. Семеновъ, ректоръ минской семинаріи архимандритъ Геласій, упомянутый прежде археологъ графъ Тышкевичъ и др. [3]).

Наконецъ, начинается обильный рядъ изданій, сдѣланныхъ спеціальными вѣдомствами въ Петербургѣ, Вильнѣ и Кіевѣ. Въ 1850 годахъ, подъ вліяніемъ поднятаго тогда вообще археографическаго

[1]) Журн. мин. внутр. дѣлъ, 1843, часть II, стр. 269—275.

[2]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ минской губерніи, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ. Минскъ, 1848.

[3]) Этимъ изданіемъ много воспользовался Шпилевскій въ своемъ путешествіи по Полѣсью и Бѣлорусскому краю, „Современникъ“, 1853, въ описаніи минской губерніи.

Отмѣтимъ здѣсь еще изданіе М. Круповича: Собраніе государственныхъ и частныхъ актовъ, касающихся исторіи Литвы и соединенныхъ съ нею владѣній. Ч. I. Вильно, 1858.

вопроса, стали заботиться о приведеніи въ извѣстность стараго архивнаго матеріала въ западномъ и юго-западномъ краѣ и о сосредоточеніи его въ нѣсколькихъ главныхъ центрахъ, какъ для оффиціальнаго употребленія (напр., для удостовѣренія шляхетскихъ правъ и т. п.), такъ и для цѣлей исторіографіи [1]). При этихъ вновь образованныхъ архивахъ стали появляться изданія, которыя хотя передавали только малѣйшую часть ихъ содержанія, но, сравнительно съ прежнимъ, открывали первую возможность близкаго ознакомленія съ исторіей и давнимъ бытомъ русскаго запада и юга. Археографическая коммиссія въ Петербургѣ въ 1860 годахъ возобновила дѣло изданія западно-русскихъ актовъ, не продолжавшееся со смерти протоіерея Григоровича, и подъ редакціей Костомарова начали выходить „Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи" [2]). Она же предприняла въ „Русской Исторической Библіотекѣ" важное изданіе памятниковъ старой западно-русской полемической литературы, разсѣянной въ рукописяхъ или въ рѣдкихъ изданіяхъ, мало доступной, но необходимой для изученія XVI-го и XVII-го вѣка южно- и западно-русской исторіи. Областныя археографическія коммиссіи были также весьма дѣятельны. Въ Кіевѣ Археографическая коммиссія или „Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ", основанная въ 1846 году, издала въ „Памятникахъ" и въ „Архивѣ юго-западной Россіи" массу изслѣдованій и документовъ, имѣющихъ отношеніе и къ Руси сѣверо-западной. Первымъ началомъ Виленской коммиссіи было то изданіе актовъ, о которомъ мы выше упоминали: послѣ того она бездѣйствовала, или не существовала, и была возобновлена уже въ 1860 годахъ, послѣ польскаго возстанія. Центральный Виленскій архивъ древнихъ актовъ основанъ въ 1852 году и въ немъ собраны городскія актовыя книги изъ губерній виленской, минской, гродненской и ковенской съ древнѣйшихъ временъ и до послѣдняго года XVIII-го столѣтія; изъ этого собранія мѣстная „Коммиссія для разбора древнихъ актовъ"—иначе, Виленская археографическая коммиссія—издала съ 1860 годовъ двѣнадцать томовъ актовъ судовъ городскихъ, земскихъ, трибунальныхъ,

[1]) Ср. объ этомъ статью виленскаго архиваріуса центральнаго архива, Н. Горбачевскаго: „О центральномъ архивѣ древнихъ актовыхъ книгъ губерній: виленской, гродненской, минской и ковенской", въ „Вѣстникѣ Зап. Россіи", 1869, т. II, кн. 5-я, отд. II, стр. 44—54; кн. 6-я, отд. II, стр. 65—86; „Жизнь и дѣятельность Иванишева", А. В. Романовича-Славатинскаго. Спб. 1876; статьи В. Лялина: „Виленскій Центральный архивъ", въ „Сборникѣ Археологическаго Института", Калачова. Спб. 1880, кн. I, отд. I, стр. 22—38; „Витебскій Центральный архивъ", тамъ же, кн. III, отд. I, стр. 55—82; „Витебскій архивъ бывшаго генералъ-губернаторства", тамъ же, кн. VI, отд. I, стр. 50—89 и др.

[2]) До сихъ поръ 13 томовъ.

два тома писцовыхъ книгъ пинскаго староства и пр. Кромѣ того, особая коммиссія образована была въ Вильнѣ при учебномъ округѣ, собиравшая и издавшая, независимо отъ Археографической коммиссіи, „Археографическій Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси“ (десять томовъ). Укажемъ здѣсь также „Описаніе рукописей Виленской публичной библіотеки, церковно-славянскихъ и русскихъ“, составленное Ф. Добрянскимъ (Вильна, 1882). Третій центральный архивъ былъ устроенъ въ 1862 г. въ Витебскѣ для храненія древнихъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской и для ихъ разработки и изданія (всего до двухъ тысячъ книгъ и 1,800 отдѣльныхъ документовъ; въ томъ числѣ 26 книгъ XVI ст., 262 книги XVII-го и остальныя XVIII-го). Архивъ доставляетъ матеріалы какъ для историческаго изученія края, такъ и для опредѣленія правъ на имущество по записямъ. Изданіе, подъ редакціей архиваріусовъ, начато было въ 1871 г. [1]) и заключаетъ до сихъ поръ приходо-расходныя книги города Могилева (съ 1679 до первыхъ годовъ XVIII-го в.), акты изъ книгъ витебскаго и полоцкаго земскаго суда, полоцкаго, могилевскаго и витебскаго магистрата, кричевской магдебургіи, городскихъ книгъ витебскаго воеводства и земскаго суда; журналъ, веденный іезуитами съ 1714 по 1813 годъ, и т. д. Многіе изъ актовъ латинскихъ и польскихъ снабжены переводами. При XVII-мъ томѣ явился въ первый разъ указатель собственныхъ именъ и географическихъ названій. Наконецъ, имѣется въ виду изданіе указателя ко всѣмъ выпускамъ и подробная опись имѣющихся въ архивѣ дѣлъ, что конечно значительно облегчитъ пользованіе обширнымъ матеріаломъ.

Въ послѣдніе годы ревностнымъ дѣятелемъ по изслѣдованію мѣстной исторіи явился г. Сапуновъ (Алексѣй Пароен.). Уроженецъ витебской губерніи (род. 1852), онъ получилъ первоначальное образованіе въ сельскомъ училищѣ, потомъ въ витебской гимназіи, и затѣмъ перешелъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ кончилъ курсъ по филологическому факультету въ 1873. Съ тѣхъ поръ состоитъ учителемъ древнихъ языковъ въ витебской гимназіи [2]). Первымъ и главнѣйшимъ его трудомъ была „Витебская Старина“ [3]). Составитель собралъ въ этой книгѣ всякаго рода историческіе документы для мѣстной исто-

[1]) Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ актовыхъ книгъ губерній витебской и могилевской, хранящихся въ Центральномъ архивѣ въ Витебскѣ, и изданные подъ редакціею архиваріуса сего архива Сазонова (съ 1888, М. Л. Веревкина). Витебскъ, 1871—91, двадцать одинъ томъ.

[2]) По сообщенію г. Романова.

[3]) Витебская Старина. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Томъ I. Витебскъ, 1883. Томъ IV, 1885. Томъ V, 1888.

ріи; въ первомъ томѣ—извѣстія русскихъ и „литовскихъ“ лѣтописей о Витебскѣ; грамоты всякаго рода, относящіяся къ этому краю, изъ печатныхъ и неизданныхъ источниковъ; документы о 1812 годѣ въ Витебскѣ; новѣйшія статистическія свѣдѣнія; списки старыхъ князей, мѣстныхъ іерарховъ православныхъ и уніатскихъ, воеводъ, губернаторовъ и пр.; „лѣтопись“ Витебска изъ прошлаго столѣтія,—все это со множествомъ снимковъ съ рукописей, актовъ, монетъ, печатей, старинныхъ картъ и плановъ, съ изображеніемъ древнѣйшихъ церквей, новою картою витебской губерніи, наконецъ рядомъ любопытныхъ фотографій съ старыхъ портретовъ мѣстныхъ историческихъ дѣятелей. Въ другомъ томѣ помѣщены историческія свѣдѣнія и документы о полоцкомъ воеводствѣ подъ властью царя Ивана Васильевича Грознаго (1563—80) и о полоцкомъ и витебскомъ воеводствахъ подъ властью царя Алексѣя (1654—67); бо́льшая часть документовъ, здѣсь помѣщенныхъ, до сихъ поръ не были изданы и извлечены изъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Все изданіе предположено г. Сапуновымъ въ шести томахъ, гдѣ должны быть собраны историческія свѣдѣнія также о другихъ мѣстностяхъ и отношеніяхъ витебскаго края [1]).

Изданіе старыхъ памятниковъ въ 1860-хъ годахъ бывало иногда не столько научнымъ дѣломъ, сколько полемическимъ оружіемъ противъ поляковъ. Съ такой цѣлью Говорскій каждую книжку своего журнала начиналъ отдѣломъ старыхъ документовъ, долженствовавшихъ обличать польскія притязанія [2]). Археографическая коммиссія въ Петербургѣ также выступила однажды на путь этой полемики въ одномъ изъ своихъ изданій 1860-хъ годовъ [3]). Она сочла нужнымъ

---

[1]) Къ сожалѣнію, есть недостатки въ редакціи этого изданія. Въ такой массѣ разнородныхъ подробностей, какую представляетъ „Вит. Старина“, чрезвычайно важенъ строгій планъ ихъ размѣщенія, а этого нѣтъ; напр., замѣтки о документахъ или сообщаются рядомъ, при текстѣ, или отнесены въ „примѣчанія“—въ *нѣсколькихъ* мѣстахъ книги, такъ что читателю не легко оріентироваться; во второмъ томѣ самое оглавленіе не соотвѣтствуетъ порядку текста; снимки сдѣланы иногда на маленькихъ вклеенныхъ листкахъ, и надо разыскивать, къ какому мѣсту текста они относятся, и т. п. Всего этого можно было бы избѣжать.

Рядъ другихъ небольшихъ сочиненій г. Сапунова посвященъ мѣстной археологіи и исторіи, мѣстнымъ православнымъ святынямъ, коллегіи и академіи іезуитовъ въ Полоцкѣ и пр.

Второй и третій томы „Витебской Старины“, уже подготовленные къ изданію, посвящены Полоцку и городамъ витебской губ.; нельзя не пожалѣть, что недостатокъ матеріальныхъ средствъ задерживаетъ изданіе этого почтеннаго труда.

[2]) Потомъ они были соединены въ двухъ сборничкахъ: „Сборникъ документовъ, уясняющихъ отношенія латино-польской народности къ русской вѣрѣ и народности“. 2 выпуска. Вильна, 1867.

[3]) Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія

вмѣшаться въ политическій вопросъ, запутанность котораго зависѣла только отъ незнанія историческаго положенія западной Россіи, и документы, собранные въ этомъ изданіи, какъ и вводное изслѣдованіе г. Кояловича, сопровождены были французскимъ переводомъ для европейской публики и дипломатіи. Документы собраны большей частью изъ печатныхъ изданій, старыхъ и новыхъ, русскихъ и польскихъ, частью изъ архива уніатскихъ митрополитовъ (въ св. синодѣ) и изъ архива канцеляріи синодальнаго оберъ-прокурора. Въ изслѣдованіи г. Кояловича изложены отношенія западной Руси къ Польшѣ съ древнихъ временъ и до новѣйшихъ событій, и главное удареніе сдѣлано на католической исключительности и шляхетскомъ складѣ польскаго государства, которые не хотѣли признать права русской вѣры и народности; сдѣланы замѣчанія и о томъ, какъ сама Россія, съ XVII-го вѣка и до новѣйшаго времени, способствовала иногда—неправильнымъ пониманіемъ вещей — полонизаціи западнаго края; но многое осталось недоговореннымъ, и спорные пункты не были сполна устранены историческимъ объясненіемъ [1]).

Въ категоріи археографическихъ изданій должно упомянуть, наконецъ, роскошное изданіе, исполненное г. Батюшковымъ: „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ высочайшаго соизволенія“. Начатое въ 1868 году, оно дошло въ 1885 до восьми выпусковъ. Изданіе это внушено было также полемическими цѣлями и вмѣстѣ неизвѣстностью предмета въ русской литературѣ и въ обществѣ. „До послѣднихъ смутъ въ Польшѣ, отразившихся волненіемъ и въ западныхъ губерніяхъ имперіи,—говорится въ предисловіи къ первому выпуску, — русское общество было *мало знакомо* съ минувшимъ и дѣйствительнымъ положеніемъ этого края. Изданныя о немъ до того времени свѣдѣнія были крайне неполны или невѣрны. Когда польскіе писатели, *преднамѣренно* искажая факты, представляли положеніе нашихъ западныхъ губерній въ ложномъ свѣтѣ, столь выгодномъ для осуществленія завѣтныхъ польскихъ мечтаній, а иностранные публицисты вторили ихъ неправдѣ, мы, русскіе, должны были нерѣдко *безмолвствовать*, потому что были *не*

Россіи и къ Польшѣ. — Documents servant à éclaircir l'histoire des provinces occidentales de la Russie ainsi que leurs rapports avec la Russie et la Pologne. Спб. 1865. 4°. CCIII и 658 стр.; латинскіе, русскіе и польскіе тексты съ французскимъ переводомъ en regard; копіи двухъ картъ Лелевеля и этнографическая карта западнаго края.

[1]) Впослѣдствіи петербургская Археографическая коммиссія сдѣлала еще обширное, относящееся къ этому вопросу, изданіе: „Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 г. Соединеніе великаго княжества литовскаго съ королевствомъ польскимъ“. Спб. 1869. 4°. Ср. ст. Кояловича: „Трехсотлѣтняя годовщина Люблинской уніи“, въ Журн. мин. просв. 1869, кн. 6, II, стр. 379—392.

довольно знакомы съ нашимъ роднымъ достояніемъ и, слѣдовательно, не могли съ надлежащимъ авторитетомъ опровергать ложь. Отъ *незнанія* нами фактовъ и произошла та громадная сила польской интриги, которая едва не успѣла увѣрить не только иностранцевъ, но, къ сожалѣнію, и многихъ русскихъ, преданныхъ своей родинѣ, что единственное право наше на западныя окраины имперіи основано только на одномъ завоеваніи, тогда какъ оно истекаетъ изъ присущихъ всему западному краю основныхъ русскихъ началъ и изъ самаго склада исторической жизни Россіи".

Это — та же точка зрѣнія, съ которой мы уже встрѣчались; но собственныя слова предисловія о маломъ знакомствѣ нашемъ съ западнымъ краемъ (которое не подлежало сомнѣнію) могутъ указать, что въ польскихъ понятіяхъ о предметѣ могло иногда вовсе не быть „преднамѣренной лжи" и „интриги", а совершенно искренняя увѣренность въ правахъ польской народности въ этомъ краѣ: польское государство, языкъ, обычай, наконецъ католичество или унія нѣсколько вѣковъ имѣли здѣсь преобладающее значеніе, и если мы сами „безмолвствовали", то полякамъ оставалось спокойно утверждаться въ своемъ мнѣніи, хотя бы оно было ошибочно. Такимъ образомъ обличенія „польской интриги" имѣютъ видъ поздняго мщенія за собственное забвеніе о западно-русской окраинѣ. Исторически было бы неточно сказать, что всему западному краю присущи были „основныя русскія начала" (разумѣя тѣ, какія развились въ Великой Россіи со временъ московскаго царства), потому что въ дѣйствительности историческая жизнь западной Руси, съ литовскаго завоеванія въ XIV вѣкѣ и до раздѣловъ въ концѣ XVIII вѣка, шла отдѣльно и иначе, чѣмъ въ Руси восточной. Старымъ основнымъ началомъ оставалось православіе; но внутренній политическій бытъ складывался иначе, и развившееся въ великорусскомъ племени самодержавіе вошло здѣсь въ силу только съ постепеннымъ присоединеніемъ южныхъ и западныхъ земель къ Россіи въ позднѣйшее время; русское образованіе, литература, нравы долго и по присоединеніи оставались западному краю мало знакомы.

Далѣе, указавъ, что съ 1863 года въ изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ правительствомъ и частными лицами, было возстановлено въ истинномъ свѣтѣ уже не мало фактовъ въ отношеніяхъ этнографическомъ, историческомъ и религіозномъ, предисловіе продолжаетъ: „Но памятники западной русской старины еще донынѣ мало извѣстны публикѣ. Съ ними, между тѣмъ, связано много народныхъ преданій и легендъ, помогающихъ уясненію нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ; они служатъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ той непреложной истины, что пространство, занимаемое нынѣ западными губер-

ніями, составляетъ древнее достояніе Россіи и что господствовавшая тамъ вѣра, съ самаго введенія христіанства, была православная. Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ относятся еще къ до-христіанской въ Россіи эпохѣ, иные — къ княженію равноапостольнаго Владиміра и удѣльныхъ русскихъ и литовскихъ князей, иные же—къ мрачнымъ временамъ борьбы мѣстнаго православія съ пришлымъ латинствомъ, при насильственномъ введеніи поляками и іезуитами религіозной уніи и польскихъ обычаевъ въ странѣ искони русской и православной“.

Чтобы ознакомить публику съ остатками этихъ древностей, т. с. Батюшковъ съ высочайшаго соизволенія, при осмотрѣ, въ 1862 году, православныхъ церквей западнаго края, поручилъ художнику московской оружейной палаты, Струкову, снять вѣрныя изображенія древностей, встрѣчавшихся на пути по бѣлорусскимъ и юго-западнымъ губерніямъ, а также по холмскому уѣзду люблинской губерніи. Для дальнѣйшаго исполненія технической части предпринятаго труда, высочайше повелѣно было пригласить академика Солнцева, съ цѣлью провѣрки и окончательной отдѣлки рисунковъ, которые, вмѣстѣ съ историческими и археологическими матеріалами, должны были войти въ составъ предположеннаго изданія. На первый разъ изданіе должно было ограничиться четырьмя губерніями: витебской, могилевской, волынской и подольской; впослѣдствіи оно перешло эти предѣлы.

Въ первый годъ (1868) вышло четыре выпуска этого изданія. Это были небольшіе атласы въ листъ, гдѣ заключались планы изображаемыхъ городовъ, рисунки развалинъ, остатковъ старыхъ фресокъ и надписей и нынѣшняго вида реставрированныхъ церквей; къ рисункамъ присоединены были только самыя краткія историческія объясненія. Выпускъ первый посвященъ Владиміру-Волынскому и селу Зимнѣ (близь этого города) съ церковью, построенною, по преданію, Владиміромъ Святымъ; второй выпускъ—городу Луцку. Въ третьемъ выпускѣ помѣщены историческій очеркъ города Острога, планъ его, родословная князей Острожскихъ, виды развалинъ и современныхъ церквей. Въ четвертомъ выпускѣ—историческій очеркъ города Овруча, планъ его, рисунки развалинъ древнихъ церквей и проекты ихъ возобновленія, рисунки „могилы Олега“ (овручскаго) и „Ольгиныхъ бань“—среди каменнаго ложа рѣки Уша.

Съ выпуска пятаго составъ изданія измѣнился. Выпуски 5-й и 6-й (1870—74) представляютъ, кромѣ альбома рисунковъ, обширный текстъ въ двухъ квартантахъ, а именно замѣчательный „Очеркъ исторіи города Вильны“, В. Г. Васильевскаго, и приложенія. Это — цѣлый, внимательно исполненный трактатъ и въ нашей литературѣ едва ли не первый образчикъ детальной мѣстной исторіи изъ запад-

наго края. Понятно, что исторія города связана здѣсь съ цѣлой политической исторіей „литовской Руси“ и съ древнѣйшихъ временъ города доведена до эпохи послѣднихъ раздѣловъ. Въ приложеніяхъ къ 6-му выпуску, въ числѣ (на этотъ разъ гораздо болѣе подробныхъ) объясненій къ рисункамъ и снимкамъ, помѣщены „Матеріалы для западно-русской старопечати“ (т.-е. для ея *исторіи*), съ описаніемъ нѣкоторыхъ старѣйшихъ изданій, и затѣмъ „Перечень по типографіямъ и годамъ западно-русской старопечати церковно-славянскаго шрифта“.

Шестымъ выпускомъ изданіе должно было окончиться; но въ предисловіи сказано было, что „издатель, которому высочайшею волею ввѣрено веденіе этого дѣла, считаетъ своею нравственною обязанностью заявить, что, не взирая на всѣ его старанія, ему не удалось придать общей законченности труду“; нѣкоторые отдѣлы православной западно-русской археологіи были только-что начаты, изображенія многихъ памятниковъ древности должны были быть отложены за недостаткомъ мѣста и т. п. Въ послѣдній выпускъ вмѣщено было что можно, и дѣйствительно, планъ остался невыполненнымъ, и въ цѣломъ „памятники русской старины въ западно-русскомъ краѣ“ представлялись слишкомъ скудными, хотя несомнѣнно и въ этомъ видѣ изданіе было весьма полезнымъ вкладомъ въ нашу небогатую историческую литературу о западной Россіи.

Въ томъ же предисловіи указано другое обстоятельство. Замѣтимъ предварительно, что къ тексту выпуска 5-го поставлены эпиграфомъ слова германскаго канцлера Бисмарка, обращенныя на германскомъ рейхстагѣ къ польскимъ депутатамъ, 20-го марта (1-го апрѣля) 1873 года [1]); кромѣ того, весь альбомъ 5-го выпуска и половина альбома въ 6-мъ выпускѣ (рисунки въ краскахъ) исполнены были въ Германіи. „Эта связь настоящаго изданія съ Германіей, — говоритъ предисловіе,—...завершилась рескриптомъ Его Величества Императора Германскаго на имя издателя и письмомъ къ издателю же имперскаго канцлера князя Бисмарка“, изреченіе котораго, какъ мы сказали, взято было эпиграфомъ къ русскому изданію. „Это послѣднее обстоятельство, а равно пребываніе князя Бисмарка, въ апрѣлѣ 1873 года, въ Петербургѣ, побудили издателя поднести его свѣтлости пятый выпускъ „Памятниковъ“, вмѣстѣ съ препроводительнымъ письмомъ на русскомъ языкѣ, въ которомъ объяснялись задачи изданія“... Приведши тексты рескрипта и писемъ, предисловіе продолжаетъ:

---

[1]) Это были слѣдующія слова: „die Bevölkerung theilt nicht die Fiction, die sie machen, dass die polnische Herrschaft gut gewesen wäre; ich kann mit voller Gewissheit versichern: sie war ganz herzlich schlecht und darum wird sie nie wiederkommen“.

„Читатель, вѣроятно, замѣтитъ, какъ въ рескриптѣ Его Величества Императора Германскаго, такъ и въ письмѣ князя Бисмарка, знакомаго съ русскимъ языкомъ, что въ обоихъ этихъ документахъ одобряется ученое достоинство изданія, сопровождаемое наглядными художественными изображеніями. Такое же одобреніе и желаніе видѣть этотъ трудъ „продолжающимся“ выражается во многихъ письмахъ, полученныхъ издателемъ отъ нашихъ государственныхъ лицъ и ученыхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ“.

Это настояніе на символической связи русскаго дѣла съ Германіей, не кажется намъ ни нужнымъ, ни, по существу, вѣрнымъ. Что старое правленіе польское было дурно, объ этомъ нечего узнавать отъ князя Бисмарка; это давно признали сами разумнѣйшіе поляки —тогда еще, когда у нихъ было свое обширное государство; къ этому выводу приходили давно и русскіе историки, самые обыкновенные. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ словахъ не было никакого открытія, а кромѣ того, съ русской стороны едва ли умѣстно искать опоръ своему внутреннему дѣлу въ политикѣ другого государства, съ которымъ въ данномъ случаѣ солидарность была бы вовсе не желательна. Намъ странно грозить Польшѣ (или польскому элементу въ западномъ краѣ) прусскими словами; наше и нѣмецкое отношеніе къ Польшѣ различны или, по крайней мѣрѣ, должны бы быть различны. Въ той „національной“ политикѣ,—которая даетъ въ послѣднія десятилѣтія столько извращенныхъ явленій,—государственное значеніе одной національности предполагается требующимъ истребленія всѣхъ иныхъ племенныхъ элементовъ, и Пруссія дѣйствительно ставитъ задачу полной германизаціи своей Польши. Задача политическая сходится тамъ съ племенной нетерпимостью, а вмѣстѣ и съ культурнымъ превосходствомъ нѣмцевъ надъ поляками; но эти условія не совсѣмъ повторяются у насъ, и въ особенности то обстоятельство, что поляки, сколь мы къ нимъ ни враждебны, принадлежатъ къ тому славянскому племени, въ которомъ для насъ предполагается возвышенная „миссія“. Наша враждебная нетерпимость къ Польшѣ не можетъ не отражаться, и въ дѣйствительности отражается, вреднымъ образомъ на нашихъ между-славянскихъ отношеніяхъ вообще. Въ концѣ концовъ, для нашей національной „миссіи“, если только она существуетъ въ томъ видѣ, какъ у насъ ее постоянно изображаютъ, точка зрѣнія князя Бисмарка вовсе не полезна: польскій вопросъ долженъ представляться намъ нѣсколько иначе.

Но изданіе памятниковъ не остановилось, однако, на 6-мъ вопросѣ. Правда, черезъ очень длинный промежутокъ времени, вышли въ 1885 году еще два выпуска альбома и объяснительный текстъ въ

двухъ томахъ [1]). Какъ первые выпуски состояли главнымъ образомъ изъ рисунковъ съ краткими объясненіями, такъ въ послѣднихъ главную роль играетъ текстъ. Холмская Русь, исторіи и описанію которой посвящены два послѣдніе выпуска „Памятниковъ", составляла одинъ изъ наиболѣе забытыхъ и наименѣе извѣстныхъ уголковъ юго-западной Руси, и настоящее изданіе представляетъ много любопытныхъ данныхъ, освѣщающихъ исторію этого края. Кромѣ того, здѣсь много статей, гораздо больше относящихся къ общимъ историческимъ вопросамъ западной Руси. Такъ, кромѣ статей о самомъ городѣ Холмѣ, старыхъ монастыряхъ и церквахъ и отдѣльныхъ мѣстностяхъ холмскаго края, мы находимъ здѣсь статьи: „Греко-уніаты въ царствѣ польскомъ (1864 — 1866) и князь Черкасскій"; „Холмско-подляссkie православные монастыри" (Н. И. Петрова); „Сплетскій архіепископъ Маркъ-Антоній Господнѣчичъ и его значеніе въ южно-русской полемической литературѣ XVII-го вѣка" (его-же); „Нѣсколько словъ о старинной картѣ царствъ галицкаго и владимірскаго" (Я. Головацкаго); „Монастыри въ юго-западной Россіи вообще и Креховскій монастырь" (его-же); въ восьмомъ выпускѣ: „О границахъ польской короны и великаго княжества литовско-русскаго" (С. Шолковича); „Люблинскій съѣздъ 1569 года" (И. Малышевскаго); „Памятники русской старины въ г. Люблинѣ" (А. Лонгинова); „Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ", и пр. (Н. Петрова); „Кириллъ Терлецкій" и „Ипатій Потѣй" (Ор. Левицкаго); „Уніатскій лжемученикъ Іосафатъ Кунцевичъ" (Н. Петрова); „Устная народная словесность въ Холмской и Подлясской Руси" (Н. Страшкевича), и т. д.

Наконецъ, въ нынѣшнемъ году вышла третья книга, посвященная тому же предмету [2]). Предисловіе объясняетъ, что мысль объ этой книгѣ возникла вслѣдствіе появленія VII—VIII выпуска „Памятниковъ", что цѣль ея—широкое распространеніе вѣрныхъ историческихъ свѣдѣній о русскихъ мѣстностяхъ привислянскаго края, что она предназначается въ пособіе преподавателямъ въ школахъ и вообще лицамъ, близко стоящимъ къ народу въ нашихъ западныхъ окраинахъ. Книга составлена профессоромъ кіевской духовной ака

---

[1]) Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпуски седьмой и восьмой. Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губ. Варшавскаго генералъ-губернаторства). Спб. 1885. Больш. 8°, 432 и 567 стр.

[2]) Холмская Русь. Историческія судьбы русскаго Забужья. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 2 хромолитографіями, 45 гравюрами и картой Володиміро-Галицкой земли. Спб. 1887, XVI, 216 и 62 стр.

деміи Петровымъ, при содѣйствіи проф. Малышевскаго, и представляетъ обстоятельный сводъ данныхъ о судьбѣ края съ древности и до настоящаго времени, въ связи съ общей исторіей западной и юго-западной Руси; новѣйшія событія въ этомъ краѣ, гдѣ до послѣдняго времени совершались прискорбныя религіозныя столкновенія, изложены съ ихъ оффиціальной стороны [1]).

Новѣйшимъ изданіемъ этой серіи была книга, посвященная Бѣлоруссіи [2]). Это — обзоръ западно-русской исторіи съ древнихъ и до новѣйшихъ временъ, — за послѣдніе вѣка особливо въ церковномъ отношеніи,—составленный проф. Н. И. Петровымъ, при содѣйствіи И. И. Малышевскаго; второй отдѣлъ книги, состоящій изъ „объясненій къ рисункамъ“, археологическихъ и историческихъ, есть въ особенности трудъ М. И. Городецкаго.

Для исторіи западной Руси, кромѣ общихъ сочиненій по исторіи Россіи и исторіи русской церкви, въ цѣломъ ея составѣ или въ крупныхъ періодахъ, могутъ служить сочиненія по исторіи южной Россіи, касающіяся и Руси сѣверо-западной, и нѣсколько трудовъ, посвященныхъ спеціально Бѣлоруссіи. Напр. послѣ книги О. Турчиновича (Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1857), труды Ив. Бѣляева: „Разсказы изъ русской исторіи“ (т. IV: „Исторія Полоцка или сѣверо-западной Руси“. М. 1872); В. Завитневича: „Область дреговичей какъ предметъ археологическаго изслѣдованія“ (въ Трудахъ Кіевской дух. академіи, 1886); М. Довнара-Запольскаго:

---

[1]) Въ „Русской Старинѣ“, 1887, май, стр. 551 — 561, помѣщена статья, заключающая обозрѣніе трудовъ и общественной дѣятельности П. Н. Батюшкова, гдѣ въ особенности подробно изложены его административные и издательскіе труды по западному краю съ 1860-хъ годовъ. Обращая читателя къ этой интересной статьѣ, замѣтимъ только, что не совсѣмъ понятна здѣсь характеристика извѣстнаго генерала Потапова, нѣкоторое время управлявшаго западнымъ краемъ въ концѣ 60-хъ годовъ. Статья замѣчаетъ, что когда П. Н. Батюшковъ назначенъ былъ въ Вильну попечителемъ учебнаго округа, въ краѣ „царило *анти-русское* направленіе Потапова“,— а самъ г. Батюшковъ характеризуется какъ „русская сила“... Такая характеристика нуждалась бы въ болѣе точномъ объясненіи: генералъ Потаповъ, человѣкъ русскаго происхожденія, занималъ передъ назначеніемъ въ Вильну весьма довѣренный постъ по управленію III отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. канцеляріи и, покинувъ Вильну, сохранилъ довѣріе высшей власти, которая едва ли могла поощрять „анти-русское направленіе“. Въ самой статьѣ упоминается, что г. Батюшковъ былъ даже „приглашенъ на постъ попечителя самимъ Потаповымъ“; правда, это объясняется какъ „обоюдное недоразумѣніе“,—между ними дѣйствительно произошли потомъ несогласія,—но генералъ Потаповъ вѣроятно имѣлъ все-таки понятіе о характерѣ приглашаемаго лица? Словомъ, это время ждетъ историческихъ объясненій.

[2]) Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутр. дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ одной хромолитографіей, 99 гравюрами и картой. Спб. 1890. „Литва“ разумѣется здѣсь только въ историческомъ значеніи русско-литовскаго княжества.

„Очеркъ исторіи кривичской и дреговичской земель до конца XII-го столѣтія“ (Кіевъ, 1891; отдѣльно изъ „Унив. Извѣстій“ 1890—91); И. Малышевскаго: „Очеркъ исторіи Турова“ (въ „Твореніяхъ св. отца нашего Кирилла, епископа туровскаго“. Кіевъ, 1880); Н. Дашкевича: „Борьба культуръ и народностей въ Литовско-русскомъ государствѣ въ періодъ династической уніи Литвы съ Польшею“ (въ К. Универс. Изв., 1884); Чистовича: „Очерки западно-русской церкви“ (Спб. 1882, 2 тома); Н. Петрова: „Очеркъ исторіи Базиліанскаго ордена“ (въ Трудахъ Кіевской духовной академіи, 1870—72); Ю. Крачковскаго: „Очерки уніатской церкви“ (въ московскихъ „Чтеніяхъ“, 1871). Изъ трудовъ г. Сапунова отмѣтимъ здѣсь: „Инфлянты, историческія судьбы края, извѣстнаго подъ именемъ Польскихъ Инфлянтъ“ (въ Памятной книжкѣ Вит. губерніи, и отдѣльно, 1887) и изданное имъ „Житіе преп. Евфросиніи, княжны полотскія“ (по тремъ редакціямъ, Витебскъ, 1888).

Новѣйшая церковно-бытовая исторія сѣверо-западной Россіи излагается въ многочисленныхъ сочиненіяхъ и запискахъ объ уничтоженіи уніи. Таковы „Записки“ митр. литовскаго Іосифа Сѣмашко, архіеп. Антонія Зубко; сочиненія П. О. Бобровскаго („Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе имп. Александра I“, въ Журн. мин. просв. 1889), „Записки“ В. Лужинскаго (Правосл. Собесѣдникъ, 1884—85) и др.

Много историческихъ подробностей разсѣяно въ мѣстныхъ описаніяхъ, памятныхъ книжкахъ губерній [1]) и т. д.

Наиболѣе ревностнымъ дѣятелемъ западно-русской исторіографіи былъ за послѣднее время проф. духовной академіи въ Петербургѣ, Мих. Осип. Кояловичъ. Онъ родился въ 1828, въ одномъ мѣстечкѣ гродненской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Въ 1841 онъ поступилъ въ духовное училище въ Супраслѣ, откуда въ 1845 перешелъ въ семинарію въ Вильнѣ и затѣмъ въ 1851 посланъ на казенный счетъ въ петербургскую духовную академію. По окончаніи курса, онъ представилъ какъ магистерскую диссертацію извѣстное сочиненіе: „Литовская церковная унія“. Назначенный сначала преподавателемъ въ рижскую, потомъ въ петербургскую семинарію, онъ уже вскорѣ, въ 1856, получилъ въ духовной академіи каѳедру сравнительнаго богословія, а потомъ русской исторіи. Во время польскаго возстанія г. Кояловичъ приглашенъ былъ Ив. Аксаковымъ къ участію въ газетѣ „День“, потомъ „Москвѣ“ и „Руси“, гдѣ, какъ и вообще

[1]) Напр.: „Витебскъ и уѣздные города Вит. губерніи“, Сементовскаго. Спб. 1864; „Историко-статистическое описаніе Минской епархіи“, архим. Николая. Спб. 1864; „Краткое описаніе Ковенской губерніи“. К. Гуковскаго. Ковно, 1888, и др., съ какими встрѣтимся далѣе.

въ своихъ сочиненіяхъ, былъ горячимъ защитникомъ національныхъ интересовъ своей родины противъ польскихъ притязаній. Изъ его трудовъ мы упоминали выше „Чтенія по исторіи западной Россіи", его замѣчанія объ этнографическихъ атласахъ Эркерта и Риттиха. Послѣ первой книги объ уніи была издана имъ „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ" (Спб. 1873); въ Археографической коммиссіи онъ принималъ участіе въ изданіи упомянутаго раньше сборника „Документовъ" (1865), редактировалъ изданіе „Дневника Люблинскаго сейма" и т. д. Послѣднимъ большимъ трудомъ его была „Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ". Наконецъ, рядъ статей въ духовныхъ изданіяхъ, въ Журналѣ мин. просвѣщенія, рѣчи въ Славянскомъ благотворительномъ обществѣ [1].

Въ ряду изслѣдованій о бѣлорусской письменности наиболѣе важнымъ трудомъ является книга П. В. Владимірова: „Докторъ Франциск Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ" (Спб. 1888)—первое обстоятельное изслѣдованіе объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ западной Руси въ началѣ XVI вѣка. Въ объясненіи эпохи, въ которой происходила дѣятельность Скорины, авторъ говоритъ постоянно о „юго-западной" Руси, объединяя такимъ образомъ историческія условія сѣверо- и юго-западной Руси, въ которыхъ дѣйствительно было много общаго, и самые результаты, въ которыхъ были однако свои отличія: Вильна, которая была средоточіемъ сѣверо-западной Руси, отличалась многими чертами отъ Кіева и Львова, какъ вообще сѣверный край отъ южнаго; здѣсь, напр., были ближе и начались раньше западныя образовательныя вліянія. Основа „русскаго языка" Скорины была бѣлорусская. Тотъ же авторъ остановился особо на западно-русской письменности въ „Обзорѣ южно-русскихъ и западно-

---

[1]) Біографическія данныя взяты изъ статьи П. Быкова, „Нива", 1891, № 8. Авторъ статьи, изображая г. Кояловича спеціальнымъ патріотомъ, къ сожалѣнію перешелъ мѣру благоразумія. По словамъ его, „любовь къ родинѣ и пламенный патріотизмъ г. К. не прошли ему даромъ: и поляки, и полякующіе (?) россійскіе космополиты возненавидѣли русскаго ученаго, имя котораго старались забросать грязью". Появленіе „Исторіи русскаго самосознанія" будто бы „вызвало настоящую сенсацію въ лагерѣ тайныхъ и явныхъ недруговъ отечества нашего". Мы этого не припомнимъ; но напомнимъ, что книга г. Кояловича вызвала въ особенности разборъ Костомарова, отнесшагося къ ней несочувственно („Вѣстн. Евр.", 1885, кн. 4-я). Поклонникъ г. Кояловича поступаетъ слишкомъ предпріимчиво, если литературныхъ противниковъ его тотчасъ зачисляетъ въ разрядъ „тайныхъ или явныхъ недруговъ нашего отечества"; замѣтимъ, что самъ г. Кояловичъ не отличался умѣренностью въ своихъ сужденіяхъ, не мудрено, что это вызывало и рѣзкіе отвѣты.

Когда этотъ листъ приготовленъ былъ къ печати, газеты принесли извѣстіе о кончинѣ М. О. Кояловича 23 августа, 1891.

русскихъ памятниковъ письменности отъ XI до XVII ст.“ [1]), опять объединяя ихъ въ одно цѣлое. Вообще, авторъ различаетъ въ этой письменности, для древнѣйшаго времени, особенности мѣстныхъ нарѣчій—кіевскія, галицко-волынскія и западно-русскія. Въ памятникахъ XV—XVI в. онъ замѣчаетъ относительно языка два теченія: западно-русское, поддерживавшееся оффиціальнымъ правописаніемъ и языкомъ грамотъ, съ чертами бѣлорусскаго нарѣчія, и южно-русское, съ особенностями мѣстныхъ говоровъ, и съ правописаніемъ, преимущественно такъ-называемымъ средне-болгарскимъ. По содержанію, эта сѣверо-западная письменность только въ послѣднее время начинаетъ привлекать вниманіе изслѣдователя. Въ древнемъ періодѣ она представляетъ только общіе памятники церковной литературы, поученія, лѣтописи; затѣмъ, когда западная Русь обособилась политически отъ Руси восточной, московской,—время отъ XIV до половины XVI в. въ литературномъ развитіи юго-западной Руси, за исключеніемъ такихъ культурныхъ явленій, какъ книгопечатаніе, отличается бѣдностью“ [2]). Съ XVI-го вѣка развивается то церковное движеніе, которое отчасти было вызвано общимъ религіознымъ возбужденіемъ тѣхъ временъ (протестантство проникало въ самую русскую среду), а особенно борьбою съ католичествомъ и уніей,—движеніе, не однажды изложенное нашими историками и составившее одно изъ первыхъ широкихъ проявленій умственной жизни, отразившееся потомъ и въ Москвѣ.

Въ среднемъ періодѣ западно-русской письменности, съ XV-го вѣка, любопытно довольно значительное количество переводныхъ произведеній популярнаго характера — апокрифическихъ книгъ, легендъ и повѣстей, взятыхъ съ польскаго, чешскаго, сербскаго и латинскаго языка. Эти переводы продолжались и въ XVII столѣтіи и переходили потомъ въ нашу популярную литературу [3]).

---

[1]) Въ „Чтеніяхъ“ Кіевскаго историческаго Общества Нестора лѣтописца, т. IV, и отдѣльно, Кіевъ, 1890.

[2]) Владиміровъ, „Обзоръ“, стр. 5.

[3]) Указанія объ этомъ послѣднемъ въ моемъ „Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ“, Спб. 1857.

— Бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ изъ Познанскаго сборника XVI в. изданы и объяснены А. Веселовскимъ: „Изъ исторіи романа и повѣсти“, вып. 2. Спб. 1888. О языкѣ этого сборника, ст. А. Брикнера: Ein weissrussischer Codex miscellaneus, въ „Архивѣ“ Ягича, т. IX.

— Житіе св. Алексѣя человѣка Божія, въ западно-русскомъ переводѣ конца XV вѣка (съ польскаго или чешскаго), издано съ объясненіями П. В. Владиміровымъ, въ Журн. мин. просв. 1887, октябрь.

— Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII в., А. С. Архангельскаго, въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. исторіи и древностей, 1888.

Обращаемся къ трудамъ чисто-этнографическимъ. По времени, однимъ изъ первыхъ было здѣсь изданіе г. Безсонова [1]), ограничившееся однимъ первымъ выпускомъ первой части. Г. Безсоновъ уже давно началъ интересоваться и заниматься бѣлорусской народной поэзіей; въ 1860-хъ годахъ онъ самъ одно время находился на службѣ въ западномъ краѣ, именно въ Вильнѣ, гдѣ между прочимъ принималъ участіе въ упомянутомъ выше „преобразованіи" Виленскаго музея,—но остался тамъ не долго. Повидимому, онъ успѣлъ хорошо присмотрѣться къ порядку вещей, господствовавшему въ краѣ, и хотя вращался тамъ въ кругѣ дѣятелей, не отличавшихся безпристрастнымъ пониманіемъ вещей, но въ его позднѣйшихъ сужденіяхъ о тамошнихъ дѣлахъ не мало правдивыхъ признаній. Онъ явился въ Вильну служить „русскому дѣлу", но при всей своеобразности его народническихъ взглядовъ, при всей исключительности его теорій и ученыхъ мнѣній (нерѣдко абсолютно несостоятельныхъ), онъ все-таки такъ много занимался стариной и народно-поэтическимъ творчествомъ, что ему были понятны тѣ многоразличныя развѣтвленія, на которыя раздѣлялась народная жизнь въ ея вѣковой судьбѣ, и ему казались оправданными исторически тѣ мѣстныя особенности, на которыя распадался русскій народъ. Онъ готовъ былъ видѣть народную жизнь въ широкомъ разнообразіи ея проявленій и не думалъ, что онѣ вправѣ существовать только по канцелярскому или консисторскому шаблону. Тогдашнее положеніе русскаго дѣла въ западномъ краѣ не казалось ему правильнымъ, именно по недостатку вниманія къ народно-историческому характеру сѣверо-западной Руси, по совершенному равнодушію и прямому нежеланію понять этотъ край.

„Край, политически и государственно, сдѣлался совершенно русскимъ,—говорилъ г. Безсоновъ,—и въ семъ-то отношеніи политическомъ, наиболѣе обезпеченномъ, не перестаетъ оставаться и обѣщаетъ долго еще оставаться *больнымъ мѣстомъ* Россіи... Всякій, бывавшій и живавшій въ краѣ, знаетъ по себѣ, какъ, при сдержанномъ политически покоѣ, и видимомъ ровномъ ходѣ дѣлъ, чувствуются ежеминутно и на каждомъ шагу какое-то безпокойство, тревога, зыблемость; при малѣйшемъ качаніи вы отъ видимаго равновѣсія переходите непосредственно къ жгучему политическому вопросу, который изъ всего, самаго мелочнаго, готовъ возгорѣться. — „Сепаратизмъ" во всемъ мірѣ у людей образованныхъ разумѣется

[1]) „Бѣлорусскія пѣсни съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая и всего быта. Издалъ Петръ Безсоновъ, издержками Общества Любителей Россійской Словесности". Часть I, выпускъ I. Москва, 1871. LXXXI, III стр. опечатокъ и 176 стр. въ два столбца.

только въ политическомъ отношеніи; не придетъ въ голову примѣнять это названіе тамъ, гдѣ говоритъ особое нарѣчіе, творится свое народное творчество, исповѣдуется иная вѣра, дѣйствуютъ мѣстныя силы, общество развивается въ мѣстномъ духѣ, однимъ словомъ, кипитъ и совершенствуется мѣстная жизнь внѣ политики. Потребно лишь равновѣсіе элементовъ ея, и самъ собою вырабатывается перевѣсъ тому, кому судила господство изначала мѣстная исторія; успѣхъ и подъемъ бѣлорусскій, хотя бы самый мѣстный изъ мѣстныхъ, не былъ бы никогда сепаратизмомъ, напротивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ одно время, успѣхомъ русскимъ, а будущее политическое Россіи лучше всего было бы этимъ обезпечено съ корня. Напротивъ, исключительность того, что вовсе не мѣстное, а впрочемъ, и не настолько общее, чтобы привиться къ мѣстному или замѣнить его, неравновѣсіе развивающихся сторонъ и отсутствіе управляющаго какого-либо не-политическаго элемента, непослѣдовательность системы и скудость плодотворной организаціи, когда жизнь ни съ какой уже стороны не кипитъ и не развивается, напротивъ, толчется въ одной сумятицѣ, ибо стихіи все же остаются на дѣлѣ разнородны—такія явленія, говоримъ, хотя бы не политическія, граничатъ съ тревогой политической, какъ разъ въ нее переходятъ и, при малѣйшемъ качаніи на одну сторону, превращаются въ дѣйствительный сепаратизмъ... Послѣдствія падаютъ именно на среду не-политическую, и всего болѣе бѣлорусскую, какъ чуждую всякаго рода ловкости и уловки. Такъ сказать, некогда жить и развиваться всему прочему, когда дѣйствуетъ одно политическое, притомъ еще вооруженное, а невооруженное, по образцу заданному, вооружается чиновными тенденціями, всегда настороже, всегда чего-то боится, что-то преслѣдуетъ и караетъ, съ чѣмъ-то, почти неосязаемымъ и невидимымъ, борется до упадка силъ, отъ чего-то само страдаетъ и страдаетъ весьма реально. Благосостояніе для представителей государства симъ путемъ не наживается: средства, доходы и избытки поглощаются дороговизной, поднимающейся въ краѣ по баснословному барометру, или переходятъ, какъ всякое богатство, въ руки евреевъ... Когда весь главный интересъ въ скорлупѣ, внутреннее зерно и яйцо, разумѣется, сохнетъ, портится, вывѣтривается. Это уже не опасность сепаратизма, ибо нечему сепарировать, а опасность недуга, тяжелой ампутаціи и смерти. Государство обнимаетъ собою все и со всѣмъ соприкасается, но не можетъ стать на мѣсто всего и все собою замѣнить; если некому и нечему жить въ государствѣ, ему самому не можетъ быть выгоды. Государство не въ силахъ сдѣлать всего“... [1]).

---

[1]) Бѣлорусскія Пѣсни, стр. VIII—IX.

Въ этомъ темномъ, дурно написанномъ изложеніи высказано однако вѣрное пониманіе порядка вещей въ западномъ краѣ. Составитель сборника вынесъ изъ своего опыта вообще довольно безотрадный взглядъ на положеніе бѣлорусскаго народнаго дѣла. „Не льстимъ себя, какъ прежде,—говоритъ онъ по поводу своего труда,—какими-нибудь практическими послѣдствіями вблизи: для государственной и общественной практики, для историческихъ рѣшеній, для науки и образованія, для воспитанія пріемовъ и способовъ людей управляющихъ или изучающихъ, для ознакомленія ихъ съ бѣлорусскимъ міромъ, для умѣнья жить съ народомъ и дѣйствовать ему на пользу, даже для пользъ самой народности. Всѣ эти былыя мечты разбились о дѣйствительность, которая очевидно вовсе ничего не требуетъ, ни въ чемъ не нуждается и ничего не признаетъ въ этомъ родѣ"... [1]). Самъ авторъ, однако, думалъ, что вниманіе къ народной жизни было бы именно необходимо, такъ какъ, если мы желаемъ поднятія русской народности въ западномъ краѣ, то оно здравымъ и прочнымъ образомъ можетъ совершиться только на почвѣ *мѣстной жизни*, съ привлеченіемъ ея собственныхъ стихій и съ возбужденіемъ *ихъ* дѣятельности. Г. Безсоновъ не считалъ возможнымъ, чтобы могла развиться литература на бѣлорусскомъ языкѣ,—она не создалась тогда, когда это было возможно, въ прежніе вѣка западно-русской жизни, а теперь время для этого прошло, и враги „сепаратизма" могутъ успокоиться. Была мѣстная литература *польская*, но она питалась чужими соками; собственно бѣлорусской литературы особой нѣтъ и не можетъ быть; но мѣстная стихія все-таки существуетъ. Если бѣлорусскій крестьянинъ возьмется за перо, онъ будетъ писать уже по-русски, но нужно, чтобы онъ сохранилъ сознательный интересъ къ своему; литература наносная, лишенная этой мѣстной стихіи, не оплодотворитъ народной жизни... „Если *готовая* литература принесется въ край сверху или со стороны, она не вызоветъ и не оплодотворитъ литературной дѣятельности мѣстной изъ среды такъ-называемыхъ образованныхъ классовъ, которые въ языкѣ своемъ, вкусѣ, понятіяхъ, выраженіяхъ и пріемахъ, воспитались и выросли на преданіяхъ былой письменности мѣстной; примѣровъ такихъ, чтобы мѣстные уроженцы литературы продолжали дѣйствовать на мѣстѣ и въ мѣстныхъ интересахъ, пока нѣтъ еще, по крайности, видныхъ и крупныхъ; возможенъ еще возвратъ ихъ къ литературѣ польской, а пожалуй, и къ новой нѣмецкой (?). Хотя бы заносная литература именовала себя „русской", хотя бы стремилась поддѣлываться подъ „бѣлорусскую",.. она останется для мѣстной жизни всегда чуждою

[1]) Стр. LVIII.

маскою, и, по меньшей мѣрѣ, *великорусскою*, можетъ быть *московскою*, какъ нѣкогда и звали ее, отчасти и зовутъ понынѣ... Это будетъ принесенная книга, листъ, бумага, бланка, не жизнедѣятельность. Крестьянству подавно она будетъ чужда, какъ съ перваго раза и непонятна; она не подыметъ его къ дѣятельности обновленной, дальнѣйшей, лучшей. Натурализація, извѣстная въ политическомъ смыслѣ, здѣсь немыслима. А между тѣмъ, дѣйствительная натура, природное устное творчество, пострадаетъ. Необходимо, чтобы русская литература возникала здѣсь же, на мѣстныхъ началахъ, мѣстными побужденіями, интересами, образами, силами мѣстныхъ уроженцевъ и дѣятелей, изъ жизни мѣстной, единственно основной и живой,—а такова только жизнь народная; чтобы первое слово русской литературы началось здѣсь съ послѣдняго слова бѣлорусскаго, вылетѣвшаго изъ устъ, раздавшагося въ слухѣ; чтобы это послѣднее слово, гранича съ самымъ первымъ литературнымъ, принадлежало мѣстному нарѣчію и народному пѣснотворчеству. Воспитаніе въ семъ направленіи для крестьянства, шагомъ выше обученія въ народномъ училищѣ, для другихъ классовъ—внѣ крестьянства—школа и наука, библіотеки и музеи, общества, учрежденія и центры литературные научные, художественные, урокъ, примѣръ, образецъ образованности, и все въ томъ же единомъ направленіи; вотъ что необходимо, ибо единство можетъ быть плодотворно. Тогда явится мѣстный поэтъ, писатель, ученый, художникъ для края и всей Россіи (авторъ приводитъ въ примѣръ Гоголя—малорусса—въ русской литературѣ, Мицкевича—бѣлорусса—въ польской). А тѣ, кои судьбою исторической и политической берутъ на себя этотъ вызовъ перваго слова, воспитаніе, училище, школу для края, для Бѣлоруссіи, и съ тѣмъ для всей Россіи: понятно, какова должна быть ихъ собственная литература, если она не хочетъ быть чужою и запасною, если хочетъ мѣстнаго примѣненія и оплодотворенія. Она прежде всего сама и на себѣ самой должна показать примѣръ; ей нельзя безнаказанно отвращаться отъ мѣстныхъ бѣлорусскихъ интересовъ, современныхъ и историческихъ; нельзя же ей не знать мѣстной устной рѣчи или вѣковаго развитія рѣчи мѣстной письменной; творить безъ матеріала, изъ ничего, едва ли выгодно и привлекательно, а въ творчествѣ никакомъ, даже государственномъ, не обойтись безъ творчества народнаго"... [1]).

Не будемъ передавать дальнѣйшихъ разсужденій г. Безсонова объ исторіи бѣлорусскаго народнаго творчества и языка, разсужденій, слишкомъ часто изложенныхъ въ его обычной, многословной иногда

---

[1]) Стр. LXIX—LXXI.

до невразумительности манерѣ и не безъ обычныхъ странностей (въ родѣ сближенія русскаго сказочнаго *Ивана* съ ѳракійскимъ *Эваномъ*), но приведенныя слова любопытны, какъ противовѣсъ общераспространеннымъ тогда толкамъ объ обрусеніи западнаго края. Въ самомъ дѣлѣ, странно было читать въ то время, даже въ изданіяхъ людей, которые сами себя считали и другими считались за патентованныхъ знатоковъ, защитниковъ и печальниковъ русской народности, что мы должны предпринять *обрусеніе—русскаго* края, того края, который тѣми же самыми людьми выставлялся, противъ польскихъ притязаній, за чистѣйшій русскій, со всѣми „давними основами русской народности", а вслѣдъ затѣмъ оказывался столь не-русскимъ и столь попорченнымъ, что надо было его выправить и по настоящему обрусить,—для чего, какъ мы упоминали, публицисты совѣтовали даже отправить въ западный край русскихъ (т.-е. собственно московскихъ, потому что лишь московское выдавалось за настоящее русское) нянекъ. Г. Безсоновъ вступился за мѣстную народность, которая составляетъ историческій оттѣнокъ цѣлаго племени, которая въ прежніе вѣка *независимо* отъ *московской* народности выносила тяжелую борьбу за обще-русское дѣло, оказала ему несомнѣнныя услуги, потомъ, уже въ предѣлахъ русскаго государства, долго была забыта и оставлена безъ призора—и теперь имѣла право на нѣкоторое вниманіе. Взглядъ г. Безсонова въ этомъ случаѣ былъ совершенно справедливъ, но вслѣдствіе всего положенія вещей слова его оставались тогда гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Занятія г. Безсонова бѣлорусской народной поэзіей, какъ мы сказали, начались еще раньше поѣздки въ западный край. Первый примѣръ въ нашей литературѣ интереса къ западно-русской народности онъ указываетъ у Калайдовича, который со вниманіемъ остановился на особенностяхъ народнаго бѣлорусскаго нарѣчія. Въ 30-хъ годахъ Бѣлоруссію посѣтилъ П. В. Кирѣевскій, уже занятый тогда собираніемъ русскихъ пѣсенъ, по словамъ г. Безсонова, „отчасти затронутый частнымъ примѣромъ Калайдовича, отчасти возбужденный подвигомъ Ходаковскаго" [1]). Самъ Кирѣевскій не сдѣлалъ тамъ собственнаго сборника, но по крайней мѣрѣ вошелъ въ связи съ нѣсколькими лицами, которыя доставали ему народныя пѣсни, записанныя польскимъ шрифтомъ и отчасти съ полонизмами, потому что это были лица польскаго происхожденія. Надъ этимъ первоначальнымъ сборникомъ предстояло еще много работы:—надо было переписать пѣсни русскимъ письмомъ, а для избѣжанія ошибокъ изучить живой языкъ и народный бытъ; дѣло подъ руководствомъ Кирѣев-

[1]) Бѣлор. Пѣсни, стр. XXIV.

скаго исполнялъ г. Безсоновъ, который, заинтересовавшись имъ, началъ самъ дополнять собраніе и, между прочимъ, отыскалъ нѣсколько народныхъ бѣлорусскихъ рукописей, особливо одну XVII-го вѣка, съ нотами [1]). По смерти Кирѣевскаго, г. Безсоновъ занялся изданіемъ его собранія великорусскихъ пѣсенъ и „Калѣкъ Перехожихъ“, и въ послѣднюю книгу вошло уже много бѣлорусскихъ духовныхъ стиховъ [2]). Въ концѣ 1863, г. Безсоновъ предложилъ московскому Обществу любителей россійской словесности для изданія свой бѣлорусскій сборникъ, заключавшій уже до 500 пѣсенъ, чисто народныхъ, устныхъ, кромѣ дополненій изъ старыхъ рукописей [3]). Общество приняло это предложеніе, но затѣмъ г. Безсоновъ, въ концѣ 1864 или въ началѣ 1865, отправился на службу въ западный край, гдѣ пробылъ до конца 1866 г. Здѣсь ближайшее знакомство съ мѣстной стариной, народнымъ бытомъ и мѣстными (въ большой долѣ польскими) изслѣдованіями доставило ему тотъ взглядъ на положеніе бѣлорусской народности, какой мы выше излагали, и во время пребыванія въ краѣ, собраніе пѣсенъ, трудами какъ самого собирателя, такъ и нѣсколькихъ его друзей и сотрудниковъ, „возрасло до громадныхъ размѣровъ“ [4]).

Изданіе г. Безсонова ограничилось, однако, только однимъ выпускомъ. Здѣсь заключаются пѣсни обрядныя разнаго рода: на Великъ день, волочобныя, пѣсни на св. Юрія, на Николу, на Петровки, пѣсни купальныя, колядныя и на масляницу. Самая редакція довольно запутанная [5]); къ разнымъ отдѣламъ пѣсенъ присоединены объясненія обычаевъ, гдѣ авторъ не воздержался отъ своихъ обыкновенныхъ „научныхъ“ странностей.

Въ концѣ 1860 годовъ начинаются работы Географическаго Общества, предпринявшаго экспедицію въ западно-русскій край. Первая мысль объ этомъ возникла еще въ 1862, въ управленіе министер-

---

[1]) Нѣсколько образчиковъ изъ нея сообщено въ „Исторической Христоматіи“ г. Буслаева, М. 1861, стр. 1623—1624.

[2]) Кирѣевскимъ собрано ихъ было мало, и какіе были, почти всѣ, по указанію г. Безсонова, вошли въ первый опытъ печатанія пѣсенъ, сдѣланный Кирѣевскимъ въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. ист. и др., 1848.

[3]) Ср. „День“, 1863, № 45: „Объ изданіи памятниковъ бѣлорусскаго народнаго творчества“; см. также 1865, № 4.

[4]) „Бѣлор. Пѣсни“, стр. X—XIII, XVIII—XIX.

[5]) Напр., при первой же пѣснѣ читаемъ въ концѣ ссылку на какой-то № 18; эти ссылки потомъ постоянно повторяются, но къ пѣснямъ съ указанными нумерами эти ссылки вовсе не относятся; г. Безсоновъ обѣщалъ въ предисловіи объяснить эти ссылки въ концѣ изданія, но конца не послѣдовало. Далѣе, напр., при № 3-мъ читаемъ замѣтку: „оттуда же и то же“, и опять неизвѣстно—„откуда и что“? Ни при первой, ни при второй пѣснѣ не сказано: „откуда“—и такъ по всему сборнику. Во всей этой путаницѣ не было, разумѣется никакой надобности.

ствомъ нар. просвѣщенія А. В. Головнина, по докладу котораго Высочайше повелѣно было выдать для этой цѣли изъ суммъ министерства въ Геогр. Общество десять тысячъ руб. сер. Общество установило програму, по которой изслѣдованія должны были обнять племенныя и бытовыя различія народностей западнаго края, ихъ численныя отношенія, распредѣленіе по вѣроисповѣданіямъ и степенямъ культуры, наконецъ хозяйственный бытъ и степень матеріальнаго благосостоянія. Область наблюденій была опредѣлена девятью губерніями западнаго края въ трехъ группахъ: бѣлорусской (губ. витебская, могилевская и минская), литовской (губ. виленская, ковенская и гродненская) и украинской (губ. кіевская, волынская и подольская). Изслѣдованіе полагалось возможнымъ и желалось, въ виду интереса вопросовъ, окончить въ теченіе непродолжительнаго времени, напр. одного года. Составъ лицъ для выполненія задачи опредѣляли по ея спеціальнымъ вопросамъ; такъ, этнографическую долю предпріятія совѣтъ Общества полагалъ возложить на Гильфердинга; изслѣдованія о бытѣ религіозномъ — на Кояловича; изслѣдованія статистическія и хозяйственныя—на Бушена. Политическія событія 1863 г. заставили отложить экспедицію на неопредѣленное время. Вопросъ былъ снова поднятъ въ 1867 году. Старая программа была измѣнена и, за отказомъ лицъ, прежде назначавшихся въ экспедицію, выбраны были другіе изслѣдователи, а именно: г. Максимовъ, принявшій на себя этнографическое изученіе бѣлорусскаго племени, и Н. Дубянскій (бывшій секретарь могилевскаго статистическаго комитета), на котораго были возложены статистико-экономическія изслѣдованія во всемъ западно-русскомъ краѣ. Г. Максимовъ ставилъ себѣ задачей опредѣлить племенную границу бѣлорусскаго племени и затѣмъ характеризовать этнографическій типъ бѣлорусса въ отличіе отъ типовъ великоросса и малоросса. Г. Максимовъ сдѣлалъ двѣ поѣздки въ сѣверо-западный край въ 1867 и 1868 годахъ; часть его наблюденій была сообщаема въ засѣданіяхъ Общества; полный отчетъ ожидался въ 1873 году, но не появился и донынѣ. Дубянскій съ цѣлью своихъ изученій провелъ въ западномъ краѣ болѣе полутора года, но поѣздки его далеко не обняли всего района, подлежавшаго его изученію, и Общество, получивъ отъ него нѣкоторые собранные имъ сырые матеріалы, по разнымъ обстоятельствамъ должно было отказаться отъ надежды получить отъ него полный отчетъ. Затѣмъ, для изученія литовцевъ и латышей приглашенъ былъ Ю. П. Кузнецовъ, а для изученія юго-западнаго края избранъ былъ Чубинскій. Какъ извѣстно, только эта послѣдняя часть предпріятія Географическаго Общества была совершена съ полнымъ успѣхомъ: въ первые же годы экспедиція Чубинскаго доставила огромный матеріалъ этнографиче-

скихъ и экономическихъ свѣдѣній, наполнившихъ извѣстные многотомные „Труды". Г. Кузнецовъ старательно работалъ по своему предмету, доставлялъ въ Общество отдѣльные отрывки своихъ изслѣдованій и частные отчеты, но цѣлое исполненіе его задачи опять не состоялось.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что въ западномъ краѣ экспедиція Географическаго Общества имѣла уже своихъ предшественниковъ въ трудолюбивыхъ офицерахъ генеральнаго штаба, дѣло кончилось неудачно: чему приписать эту неудачу, въ то время, когда рядомъ съ такимъ успѣхомъ совершена была экспедиція юго-западная? Объясненіе, независимо отъ характера выбранныхъ лицъ, заключается, повидимому, и въ общемъ положеніи дѣла: въ юго-западномъ краѣ экспедиція встрѣтилась съ готовымъ интересомъ къ мѣстному изученію въ средѣ тѣхъ „хохломановъ", которыхъ такъ усердно предавалъ проклятіямъ „Вѣстникъ юго-западной Россіи" и которые однако, принесли здѣсь великую услугу дѣлу русской науки: Чубинскій, самъ „хохломанъ", встрѣтилъ въ мѣстныхъ дѣятеляхъ полную охоту подѣлиться съ нимъ свѣдѣніями и матеріалами, и могъ собрать ихъ въ огромное цѣлое. Въ сѣверо-западномъ краѣ оказалось нѣчто иное: исполнителями дѣла являлись люди, мало или совсѣмъ не связанные лично съ мѣстною жизнью; сама эта жизнь, несмотря на все, что́ говорилось и дѣлалось съ 1863 года, была лишена тѣхъ условій развитія, на отсутствіе которыхъ указывалъ, напримѣръ, Безсоновъ. Дѣятели 1860-хъ годовъ въ западномъ краѣ такъ много говорили объ „объединеніи", „обрусеніи" и т. п., такъ усердно настаивали на удаленіи всего мѣстнаго, напоминавшаго „польское" вліяніе, такъ усердно считали польскимъ все, что́ не было похожимъ на московское, что мѣстная жизнь стала прятаться въ скорлупу, и ученымъ изслѣдователямъ (особливо прежде чуждымъ краю) съ трудомъ приходилось бы отыскивать ея проявленія, вмѣсто того, чтобы видѣть ее тотчасъ воочію безъ канцелярскихъ ширмъ [1]).

Мѣстные дѣятели работали разъединенно и вначалѣ продолжали тотъ пріемъ этнографическихъ изысканій, какой мы видѣли у прежнихъ польскихъ этнографовъ, собирая иногда весьма старательно матеріалъ, но оставляя его безъ должнаго историческаго и филологическаго освѣщенія.

Старѣйшимъ въ этомъ новомъ рядѣ собирателей былъ Иванъ

[1]) Свѣдѣнія объ этихъ экспедиціяхъ разсѣяны въ протоколахъ засѣданій Географическаго Общества (въ „Извѣстіяхъ") и вкратцѣ указаны въ предисловіи къ „Трудамъ" Чубинскаго.

Иван. Носовичъ (род. 1788, ум. 1877, 25-го іюля). Мы имѣемъ о немъ лишь немногія біографическія свѣдѣнія [1]). Родиной его была могилевская губернія. Дѣдъ его, Григорій, изъ священническихъ дѣтей, какъ говорятъ, еще въ дѣтствѣ закабаленъ былъ въ крѣпостные помѣщика Поцѣя, жилъ въ крестьянской средѣ, но, помня свой родъ, выучился церковной грамотѣ и сдѣлался дьячкомъ. Сынъ его, Иванъ Гр., учился уже въ семинаріи; за смертью отца не могъ окончить курса и также взялъ дьячковское мѣсто, но позднѣе сдѣлался священникомъ. Своимъ дѣтямъ онъ могъ уже дать болѣе правильное обученіе. Иванъ Ив. учился въ могилевской семинаріи, курсъ которой окончилъ въ 1812 году. Съ тѣхъ поръ онъ началъ службу учителемъ въ мѣстныхъ духовныхъ училищахъ, наконецъ, ректоромъ. Въ 1832, онъ перешелъ на учебную службу по министерству просвѣщенія и назначенъ былъ смотрителемъ дворянскаго училища въ Молодечнѣ, потомъ учителемъ русской словесности въ такомъ же училищѣ въ Свѣнцянахъ, затѣмъ въ 1841 смотрителемъ, а въ 1844 вышелъ въ отставку съ пенсіей. Онъ переселился затѣмъ въ свой родной городъ Мстиславль, и съ тѣхъ поръ занялся литературными трудами.

Первые опыты его филологическихъ трудовъ появляются въ началѣ 50-хъ годовъ, въ „Извѣстіяхъ“ русскаго отдѣленія Академіи, гдѣ въ то время, особливо по иниціативѣ Срезневскаго, стали помѣщаться разнаго рода матеріалы по народной поэзіи, старому и народному языку. Сборники Носовича выросли наконецъ до значительныхъ изданій, которыя сдѣланы были русскимъ отдѣленіемъ Академіи и Географическимъ Обществомъ. Таковъ былъ, во-первыхъ, бѣлорусскій словарь, первый и до сихъ поръ единственный обширный трудъ этого рода [2]). Мы упоминали выше, что бѣлорусскій словарь началъ составлять еще протоіерей Григоровичъ, но за его смертію словарь остановился въ самомъ началѣ, на 10-мъ листѣ. Русское отдѣленіе Академіи, желая довершить эту работу, предложило взяться за это двумъ уроженцамъ западнаго края, Носовичу и Микуцкому: послѣдній сообщилъ лишь незначительные матеріалы, а Носовичъ въ 1863 году представилъ на Демидовскую премію цѣлый обширный словарь, надъ которымъ онъ трудился въ теченіе шестнадцати лѣтъ. Русское отдѣленіе взяло на себя печатаніе словаря,

---

[1]) Въ литературѣ этихъ свѣдѣній до сихъ поръ совсѣмъ не было; даже въ изданіяхъ оффиціальныхъ, печатавшихъ труды Носовича, не было его некролога. Приводимыя данныя сообщены намъ В. И. Носовичемъ черезъ посредство П. В. Владимірова: приносимъ имъ обоимъ искреннюю благодарность.

[2]) „Словарь бѣлорусскаго языка, составленный И. И. Носовичемъ“. Спб. 1870. 4°, 756 стр. въ два столбца.

основываясь на отзывѣ Срезневскаго, что при помощи труда Носовича, какъ сборника словъ языка устнаго, „можно начать подробныя разслѣдованія о составѣ бѣлорусскаго нарѣчія и между прочимъ искать оправдательныхъ доказательствъ предположенію, что въ этомъ нарѣчіи сохранилось очень много древняго и важнаго для исторіи русскаго языка“.

Матеріалами при составленіи словаря служили Носовичу какъ живой языкъ и произведенія народной поэзіи, такъ и старые письменные акты и матеріалы, уже извѣстные въ печати [1]). „Въ составъ словаря г-на Носовича, — говорится въ предисловіи, — вошло болѣе 30,000 словъ; между ними встрѣчаются слова, заимствованныя изъ иностранныхъ языковъ, главнымъ же образомъ изъ польскаго. Слова, перешедшія изъ послѣдняго языка, преимущественно употребляются мелкою шляхтою, мѣщанами, ремесленниками, экономами, приказчиками и пр. Количествомъ этихъ словъ и распространеніемъ употребленія ихъ въ народѣ опредѣляется нагляднымъ образомъ степень вліянія польскаго языка на бѣлорусское нарѣчіе“. Но позднѣйшіе изслѣдователи бѣлорусскаго языка находятъ очень много недостатковъ въ этой работѣ. Такъ уже г. Безсоновъ относился довольно строго къ труду Носовича: по его словамъ, этотъ словарь, несмотря на то, что имѣлъ передъ собою много матеріала въ опытахъ предшественниковъ, пропустилъ „множество замѣчательнѣйшихъ или употребительнѣйшихъ словъ, а подъ ними множество любопытныхъ чертъ народнаго быта и общеизвѣстныхъ предметовъ“, и въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ „весьма часто превосходитъ его богатствомъ и Польскій Словникъ Линде и Толковый Словарь Даля, безъ коихъ и при г. Носовичѣ никакъ не обойдется доселѣ никто, если желаетъ ближе ознакомиться съ Бѣлою Русью“. Отдавая, впрочемъ, дань уваженію трудолюбію составителя, критикъ находитъ въ словарѣ недостатокъ филологическаго знанія, и то, что словарь Носовича (напр., въ написаніи словъ) не былъ исправленъ при изданіи, критикъ ста-

---

[1]) Именно: а) памятники устной народной словесности: пѣсни, пословицы, поговорки, сказки и пр.; б) сборники словъ, составленные имъ во время поѣздокъ по могилевской, минской и гродненской губерніямъ и по нѣкоторымъ окраинамъ губерній привислянскаго края, смежнымъ съ вышеупомянутыми губерніями; в) алфавитный указатель старинныхъ бѣлорусскихъ словъ, заключающихся въ Актахъ Западной Россіи, который онъ составилъ по порученію Отдѣленія; г) „Опытъ областнаго словаря великорусскаго нарѣчія“, въ который вошло нѣсколько небольшихъ сборниковъ словъ бѣлорусскаго нарѣчія; д) матеріалы, впрочемъ немногочисленные, бѣлорусскаго нарѣчія и словесности, напечатанные въ „Извѣстіяхъ“ Имп. Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, въ „Трудахъ Московскаго Общества любителей словесности“, въ „Этнографическомъ Сборникѣ“ Геогр. Общества, въ сборникахъ Чечота и Зенкевича.

витъ въ вину редакціи, т.-е. русскому отдѣленію Академіи. Критикъ обвиняетъ редакцію въ легкости отношенія къ предмету, „весьма естественной при общемъ нерасположеніи къ успѣхамъ народной словесности", и находитъ, что эта легкость „равна только медленному исполненію предпріятія и богатству всякихъ матеріальныхъ подручныхъ средствъ". Онъ удивляется, какъ могла академическая редакція сказать въ предисловіи, что бѣлорусское нарѣчіе принадлежитъ тѣмъ мѣстностямъ, которыя населяло нѣкогда кривичское племя, когда на дѣлѣ оно принадлежитъ и другимъ мѣстностямъ, гдѣ жили и другія племена. Онъ удивляется той „темнотѣ" („которая предполагаетъ мракъ незнанія"), съ какою редакція говорила о возможности начать, при словарѣ Носовича, изслѣдованія о составѣ бѣлорусскаго нарѣчія и между прочимъ искать доказательствъ „предположенію", что въ бѣлорусскомъ нарѣчіи сохранилось много древняго и важнаго для исторіи языка [1]): критикъ находилъ, что десятки тысячъ бѣлорусскихъ письменныхъ актовъ уже доказали это „людямъ свѣдущимъ" и что къ тому же ведутъ множество уже напечатанныхъ пѣсенъ. Указавъ дальше неточность грамматическихъ терминовъ въ предисловіи и словарѣ, критикъ замѣчаетъ еще, что „издатели считаютъ, въ союзѣ съ нѣкоторыми бывшими попечителями виленскаго учебнаго округа, но въ разладѣ съ профессурою славянскихъ нарѣчій, будто слова „изъ *польскаго* языка" суть у бѣлоруссовъ „слова, заимствованныя изъ *иностранныхъ* языковъ": это противорѣчитъ и единству русской страны, гдѣ живутъ поляки" [2]).

Другимъ предметомъ, которымъ занимался Носовичъ, были пословицы. Въ первый разъ онъ доставилъ въ русское отдѣленіе Академіи въ 1862 году сборникъ пословицъ, который напечатанъ былъ въ „Извѣстіяхъ". Впослѣдствіи, работая надъ словаремъ, онъ собралъ новый большой запасъ пословицъ, который представилъ въ Географическое Общество, которое наградило этотъ трудъ золотою медалью и напечатало въ своемъ изданіи [3]). Затѣмъ явилось небольшое дополненіе—больше ста новыхъ пословицъ и восемьдесятъ загадокъ [4]). Наконецъ собраніе Носовича было издано еще разъ рус-

---

[1]) Это была нерѣдкая, осторожная и уклончивая манера выраженія Срезневскаго.

[2]) Бѣлорусскія Пѣсни, стр. LVI—LVII. Ср. отзывы г. Карскаго о работахъ Носовича, въ книжкѣ, о которой сказано далѣе.

[3]) Записки Импер. Геогр. Общ. по отдѣленію Этнографіи, т. I, Спб. 1867, стр. 251—482: „Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ".

[4]) „Записки" и пр., т. II, Спб. 1869; „Бѣлорусскія пословицы", стр. 363—371, „Бѣлорусскія загадки", стр. 373—379,—и въ отдѣльномъ оттискѣ: „Бѣлорусскія пословицы и загадки". Спб. 1869, 19 стр.

скимъ отдѣленіемъ Академіи [1]); дополненія къ первому изданію внесены здѣсь въ текстъ; число загадокъ размножено до 130 и въ концѣ прибавленъ небольшой указатель бѣлорусскихъ словъ.

Наконецъ, собираніе Носовича распространялось на пѣсни. Небольшой сборникъ его вышелъ въ 1874 году въ изданіяхъ Географическаго Общества [2]). Это—пѣсни обрядныя и связанныя съ разными обстоятельствами семейнаго быта: колядныя, волочобныя, жнивныя, свадебныя, крестинныя; также пѣсни „веселаго содержанія“, и т. д. Пѣснямъ предшествуетъ описаніе обычаевъ. Изложеніе отличается пріемами людей стараго вѣка и нѣкоторой непривычкой къ литературному языку [3]). Носовичъ настаиваетъ на именованіи бѣлоруссовъ кривичами, имя которыхъ, по его словамъ, принадлежитъ „всѣмъ вообще племенамъ, населявшимъ и нынѣ кореннымъ потомкамъ ихъ, населяющимъ все пространство бѣлорусской страны, кромѣ литовцевъ“; имя это, по его толкованію, производится отъ слова „кровь“ (род. пад. „криви“) и обозначаетъ родственныя кровныя племена. Доказательство древности бѣлорусскихъ пѣсенъ онъ видитъ въ томъ, что въ нихъ встрѣчаются слова, уже вышедшія изъ живого народнаго употребленія; далѣе, что въ нихъ изображаются „древнія воинскія обстоятельства“ и, наконецъ, что въ пѣсняхъ, которыя нынѣ поются „простолюдинами“, „выражается духъ не крестьянскаго быта, а свободнаго и самостоятельнаго сословія и даже богатаго“, напр., упоминаются бояре, дѣвочки боярочки, сыплется золото и т. п. Носовичъ спрашиваетъ: „не были ли въ древности простолюдины свободны и собственники земель, подобно какъ однодворцы и даже нынѣшняя шляхта, прежде нежели подпали они подъ администрацію сильныхъ польскихъ помѣщиковъ, которые поработили ихъ и земли ихъ засчитали своими собственными?“ Онъ замѣчаетъ далѣе, что „чѣмъ древнѣе пѣсня, тѣмъ, кажется, болѣе проглядываетъ въ ней образованность и изящество творчества въ сравненіи съ пѣснями позднѣйшаго сложенія“. Наконецъ, онъ говорилъ еще: „поэтическія

---

[1]) Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ, составленный И. И. Носовичемъ, и пр. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Импер. Акад. Наукъ. Спб. 1874. VI и 232 стр. Предисловіе незначительное; отмѣтимъ лишь указаніе на историческую извѣстность пословицъ (по Актамъ Зап. Россіи, т. III, ст. 171 — 174) и употребленіе ихъ даже среди польскихъ помѣщиковъ.

[2]) Записки Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи, т. V. Спб. 1873, стр. 45—280: „Бѣлорусскія пѣсни, собранныя И. И. Носовичемъ“,—и въ отдѣльномъ оттискѣ, Спб. 1874.

[3]) Напр.: „Бѣлорусскія пѣсни очень многія составляютъ глубокую старину, изъ вѣка въ вѣкъ устнымъ единственно путемъ перешедшую къ нынѣшнимъ простолюдинамъ, и эти старинныя пѣсни носятъ типъ славянскаго, а въ особенности, кривичскаго племени“, и т. п.

красоты, которыми... отличаются старинныя пѣсни, заставляютъ заключить, что бѣлорусское кривичское нарѣчіе въ старину было удѣломъ не одного бѣлорусскаго простонародія, но и высшаго класса народа, который не лишенъ былъ совершеннаго (?) образованія: но воспитаніе дѣтей въ іезуитскихъ школахъ вытѣснило привязанность въ нихъ къ родному нарѣчію польскимъ элементомъ", и онъ припоминаетъ слова Чечота, что въ его дѣтствѣ старые паны любили говорить между собой по-бѣлорусски. Замѣчанія о старинныхъ пѣсняхъ не лишены интереса и справедливы, но доказывать пѣснями старое употребленіе бѣлорусскаго языка въ высшихъ классахъ было излишне, потому что это—фактъ, не требующій доказательствъ.

Наконецъ, Носовичъ останавливается на тѣхъ миѳологическихъ толкованіяхъ, какія дѣлались по поводу бѣлорусскихъ пѣсенъ и преданій; онъ не признаетъ, чтобы „купала" или „коляда" народной пѣсни и обычая были „остатками боготворенія небывалыхъ кумировъ" [1]), и совершенно отрицаетъ существованіе въ народныхъ понятіяхъ тѣхъ „божествъ", которыхъ множество насчиталъ нѣкогда Шпилевскій въ статьяхъ, упомянутыхъ нами раньше.

Кромѣ изложенія обрядовъ и обычаевъ, къ которымъ относятся пѣсни, редакція пѣсенъ, можно сказать, совсѣмъ отсутствуетъ; какъ, гдѣ и кѣмъ собраны пѣсни, остается неизвѣстно. Предполагается обыкновенно, что пѣсни, не имѣющія подобныхъ обозначеній, записаны самимъ составителемъ сборника; между тѣмъ мы встрѣчаемъ здѣсь, кажется, несомнѣнныя заимствованія изъ прежнихъ собраній и, однако, не оговоренныя [2]); кое-гдѣ указываются сличенія съ сборникомъ Гильтебрандта. Въ „дополненіяхъ" (Носовича, стр. 218—236) чуть ли не всѣ пѣсни взяты, безъ всякаго указанія, у того же Киркора (или прямо у Чечота и др.), только съ измѣненіемъ правописанія и нѣкоторыми варіантами, которые, повидимому, представляютъ собственныя исправленія Носовича, не всегда, однако, удачныя [3]).

---

[1]) Онъ имѣетъ въ виду особенно польскихъ миѳологовъ, какъ Сестренцевичъ-Богушъ и др.

[2]) Напр., въ пѣсняхъ „заручинныхъ" повторяются пѣсни, собранныя (изъ прежнихъ сборниковъ) Киркоромъ; Носовича, стр. 140 и слѣд.=Кирк. (Этнограф. Сборн., выпускъ III), стр. 239 и дал.

[3]) Напр. „Ой подъ гаемъ зелененькимъ", Нос. стр. 218=Кирк. стр. 201—202.
— „А поѣхавъ сынъ Данила", Нос. 219=Кирк. 214.
— „У лузѣ соловей", Нос. 220=Кирк. 213.
— „Червонная калиночка", Нос. 221=Кирк. 213.
— „Каюся молода", Нос. 221=Кирк. 219.
— „Никому такъ не томненько" (?), Нос. 222=Кирк. 219.
— „А при крайчику, при Дунайчику", Нос. 223=Кирк. 212, и проч.

О сборникѣ Носовича ср. еще замѣчанія г. Романова, „Бѣлорусскій Сборникъ", Кіевъ, 1886, предисловіе.

Въ тѣхъ же 1870 годахъ напечатано было цѣнное этнографическое изслѣдованіе другого мѣстнаго собирателя, г. Крачковскаго [1]). Это—весьма подробное описаніе народнаго сельскаго быта въ связи съ сопровождающими его обрядами, обычаями и пѣснями. Первая обширная статья книги посвящена свадебному обряду, который излагается со всѣми подробностями отъ начала сватовства до завершенія брака. Описаніе обрядовъ соединено съ принадлежащими къ нимъ пѣснями, которыя частью, кажется, записаны самимъ авторомъ, частью взяты изъ сборниковъ Чечота, Тышкевича, Зенкевича, Гильтебрандта, Дмитріева, чтó обыкновенно и указано; отмѣчены также мѣстности, которымъ принадлежитъ тотъ или другой обычай. Вторая статья представляетъ описаніе трудовой жизни селянина съ весенней поры и начала сельскихъ работъ, принадлежащіе сюда обычаи, повѣрья и примѣты при каждой работѣ; затѣмъ праздники: Пасху—съ волочобными пѣснями, св. Юрія, св. Николу, Купалу, Петра и Павла, осенніе „дѣды“, „святые вечера“, коляду и пр. Затѣмъ, сообщаются свѣдѣнія о народной одеждѣ и пищѣ, не мало подробностей о разныхъ пріемахъ и снадобьяхъ народной медицины; разныя суевѣрья и повѣрья, и, наконецъ, приведено нѣсколько образчиковъ народныхъ суевѣрныхъ разсказовъ (о чертяхъ), сказокъ и преданіе о сотвореніи міра, шляхты и мужика [2]).

Наиболѣе обширныя собранія бѣлорусскихъ пѣсенъ принадлежатъ г. Шейну. Имя его давно уже извѣстно въ нашей этнографіи, сначала по большому сборнику пѣсенъ великорусскихъ, потомъ по обширному собранію бѣлорусскому [3]). Онъ не былъ дѣятель мѣстный, но въ качествѣ учителя гимназіи прожилъ семь лѣтъ въ западномъ краѣ, именно въ Витебскѣ, а для своего новѣйшаго сборника нѣсколько разъ дѣлалъ поѣздки въ западный край и завязалъ тамъ многочисленныя сношенія съ людьми (особливо сельскими учителями), которые могли изъ близкаго источника доставлять ему народно-поэтическій матеріалъ. Первый бѣлорусскій сборникъ г. Шейна по-

---

[1]) „Бытъ западно-русскаго селянина. Сочиненіе Юл. Ѳ. Крачковскаго“—въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. ист. и древностей, 1873, т. IV, и отдѣльной книгой. М. 1874, 212 стр. Раньше подобныя бытовыя описанія помѣщались Крачковскимъ въ разныхъ мѣстныхъ изданіяхъ.

[2]) Не приводимъ здѣсь менѣе значительныхъ трудовъ по описанію бѣлорусскаго народнаго быта, какіе въ тѣ годы разсѣяны были особливо въ мѣстныхъ изданіяхъ. Одна изъ подобныхъ статей, заслуживающая вниманія, помѣщена была въ „Запискахъ по Отдѣленію Этнографіи“, т. V, стр. 1—43: „Календарь по народнымъ преданіямъ, въ Воложинскомъ приходѣ“ (виленской губ., ошмянскаго уѣзда), Л. Т. Бермана, и мн. др.

[3]) См. выше, т. II, стр. 68—69.

явился въ изданіи Географическаго Общества [1]). Сборникъ составленъ весьма обстоятельно. Въ „послѣсловіи“ составитель объясняетъ подробно исторію и пріемы своего труда (стр. 821—832). Поселившись въ западномъ краѣ и ко второму году своего пребыванія освоившись болѣе или менѣе съ языкомъ, г. Шейнъ принялся за собираніе пѣсенъ, отчасти записывая ихъ самъ, отчасти возбуждая интересъ къ этому дѣлу въ кругу своихъ знакомыхъ, составилъ и разослалъ програму собиранія и т. д. Черезъ нѣсколько лѣтъ сборникъ достигъ такихъ размѣровъ, что напечатанный въ 1873—74 г. томъ не исчерпалъ всего собраннаго. Нѣсколько изъ пѣсенъ разныхъ категорій записалъ онъ самъ, и это служило ему основой для провѣрки тѣхъ пѣсенъ, какія онъ получалъ отъ своихъ многочисленныхъ сотрудниковъ. Пѣсни онъ расположилъ въ „біографическо-календарномъ“ порядкѣ, совмѣщая, съ одной стороны, теченіе личной жизни селянина и, съ другой, послѣдовательность народныхъ праздниковъ; такъ, идутъ въ сборникѣ пѣсни крестинныя, колядныя и „рацѣи“, масляничныя, волочобныя, купальскія, жнивныя, разгульныя, свадебныя и т. д. При каждой пѣснѣ постоянно отмѣчена ея мѣстность и кѣмъ она записана и доставлена; разные разряды пѣсенъ сопровождаются описаніемъ обрядовъ, праздниковъ, домашнихъ обычаевъ; лишь немногія пѣсни взяты изъ печатныхъ сборниковъ. Наконецъ, сборникъ снабженъ словаремъ малоизвѣстныхъ словъ, объяснительными примѣчаніями и грамматическими свѣдѣніями о бѣлорусскомъ языкѣ.

Критика отнеслась къ сборнику г. Шейна весьма благосклонно [2]) и дѣйствительно, это былъ наиболѣе обширный сборникъ бѣлорусской народной поэзіи, исполненный безъ вычуръ и, въ личныхъ условіяхъ собирателя, весьма обстоятельно. Болѣе требовательнаго этнографа могло бы остановить обстоятельство, что большинство пѣсенъ получалось готовыми, и собиратель могъ повѣрять своихъ корреспондентовъ лишь приблизительно, сравнивая ихъ присылки съ тѣмъ, что̀ было записано имъ самимъ, а корреспонденты отличались, безъ сомнѣнія, и различной степенью умѣнья схватывать какъ самый текстъ, такъ, въ особенности, оттѣнки языка. Но рѣдко сборникъ народной поэзіи можетъ вообще похвалиться абсолютной точностью и единообразіемъ записи [3]).

---

[1]) Записки по Отдѣленію Этнографіи, т. V, Спб. 1873, стр. 281—850: „Бѣлорусскія пѣсни, собранныя П. В. Шейномъ“, и въ отдѣльномъ изданіи, Спб. 1874.

[2]) Ср. рецензію Ор. Миллера въ присужденіи Уваровскихъ премій.

[3]) Г. Романовъ, указывая достоинство этого сборника въ томъ, что въ записываніи пѣсенъ участвовалъ и самъ составитель, находитъ, однако, въ немъ слѣдующіе недостатки: „Намъ кажется, что г. Шейнъ, безъ вреда для науки, могъ бы замѣнить

Какъ мы упоминали, первая книга, по словамъ составителя, не истощила всего собранія его пѣсенъ. Послѣдующія поѣздки г. Шейна въ западный край,—причемъ онъ заручился рекомендаціями русскаго отдѣленія Академіи, содѣйствіемъ управленія учебнаго округа и одобреніемъ архіерея,—еще размножили его собраніе, которое должно было появиться въ изданіяхъ Академіи. Вышедшія въ свѣтъ части этого второго собранія обѣщаютъ обширную массу бѣлорусскаго пѣсеннаго и бытового матеріала [1]). Порядокъ изданія принятъ здѣсь тотъ же, какъ и въ прежнемъ сборникѣ. Въ началѣ перваго отдѣла (I т.) поставлено описаніе обрядовъ при родинахъ и крестинахъ, пѣсни крестинныя, колыбельныя и дѣтскія; далѣе колядныя пѣсни и игрища; обычаи и пѣсни масляничные; пѣсни весеннія, на св. Юрія, и т. д. Во второмъ отдѣлѣ — пѣсни бесѣдныя, бытовыя, шуточныя и разгульныя, въ числѣ бытовыхъ—рекрутскія и солдатскія, и т. д. Особо представленъ указатель мѣстностей, откуда доставлены пѣсни; эти мѣстности были разные уѣзды губерній виленской, витебской, гродненской, ковенской, курляндской, минской, могилевской и смоленской, бóльшею частью съ опредѣленнымъ указаніемъ селъ и деревень.

Во второй части перваго тома помѣщены, въ первомъ отдѣлѣ, обряды свадебные; во второмъ обряды погребальные и поминальные, голошенія или причитанія надъ покойниками, — то и другое изъ разнообразныхъ мѣстностей бѣлорусской народности, и обряды свадебные, съ принадлежащими къ нимъ пѣснями, въ особенномъ изобиліи. Пріемы собиранія были опять тѣже: пѣсни, иногда въ весьма

многіе №№ своего сборника однимъ, указавъ варіанты въ выноскахъ; могъ бы не помѣщать пѣсенъ нецензурныхъ въ искаженномъ цензурномъ видѣ; ничего не потерялъ бы также сборникъ въ своемъ достоинствѣ, если бы въ немъ не нашли мѣста произведенія, уже напечатанныя раньше, а также 23 №№ духовныхъ пѣсенъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ произведеніями устной народной поэзіи, ни съ бѣлорусскимъ языкомъ. Озаглавивъ сборникъ „Бѣлорусскими пѣснями", не было надобности помѣщать анекдоты, вообще не имѣющіе большой цѣны.—Можно замѣтить, что почтенный собиратель слишкомъ большое вниманіе обратилъ на количество матеріаловъ, въ ущербъ ихъ качеству, и не сдѣлалъ въ нихъ строгаго выбора". „Бѣлорусскій Сборникъ", стр. V—VI.

Замѣчанія частію справедливы; но относительно помѣщенія духовныхъ пѣсенъ надо сказать, что оно должно опредѣляться степенью ихъ распространенія: если онѣ довольно распространены, то—худы ли, хороши ли—онѣ входятъ въ народно-поэтическій обиходъ.

[1]) „Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Собранные и приведенные въ порядокъ П. В. Шейномъ. Томъ I, части I и II. Бытовая и семейная жизнь бѣлорусса въ обрядахъ и пѣсняхъ". Спб. 1887 — 1890. Первая часть до 600 стр., вторая сверхъ 700, съ рисунками свадебнаго коровая и съ нотами.

значительныхъ сборникахъ, получаются готовыми отъ многочисленныхъ корреспондентовъ—учителей и учениковъ народныхъ училищъ, священниковъ, волостныхъ писарей и старшинъ, нѣкоторыхъ дамъ, живущихъ по деревнямъ и т. д., корреспондентамъ принадлежатъ не только собранные тексты, но и самыя описанія обрядовъ, иногда весьма подробныя; редакторъ сборника сообщилъ только немногія замѣчанія. Г. Шейнъ воспользовался также многимъ изъ матеріаловъ печатныхъ: изъ книгъ Бобровскаго, гр. Тышкевича (въ переводѣ и съ русскою переписью текстовъ), изъ мѣстныхъ „памятныхъ книжекъ", изъ „Этнограф. Сборника" Геогр. Общества, а также изъ архивныхъ матеріаловъ этого Общества.—Желательно, чтобы этотъ обильный сборникъ былъ доведенъ до конца; хотя составленіе его, въ указанной его формѣ, по настоящему потребовалъ бы еще значительной провѣрки на мѣстахъ, но и въ данномъ видѣ онъ представляетъ матеріалъ, чрезвычайно важный для изученія бѣлорусской народности [1]).

Однимъ изъ болѣе дѣятельныхъ и знающихъ корреспондентовъ г. Шейна былъ мѣстный этнографъ, г. Никифоровскій: обширное количество записанныхъ имъ текстовъ и описаній обрядовъ нашло мѣсто въ обѣихъ частяхъ „Матеріаловъ" г. Шейна. Уроженецъ села Вымни, прежде суражскаго, нынѣ витебскаго уѣзда (род. 1845), г. Никифоровскій [2]) выросъ въ домѣ крайне бѣдныхъ родителей духовнаго званія, между прочимъ занимавшихся и земледѣльческимъ трудомъ; тѣмъ не менѣе родители позаботились дать ему первоначальное обученіе отъ случайно попадавшихся учителей (ариѳметикѣ онъ учился по *рукописному* учебнику). Въ 1855 отецъ отвезъ его въ Витебскъ, гдѣ онъ поступилъ въ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ и въ тоже время учился въ мѣстномъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ кончилъ курсъ въ семинаріи въ 1867. Отсутствіе средствъ не дало ему возможности идти далѣе, и онъ вступилъ на преподавательское поприще: былъ законоучителемъ и учителемъ въ сельскомъ училищѣ, потомъ въ приходскомъ училищѣ въ Витебскѣ, въ приготовительномъ классѣ семинаріи, въ Свислочѣ, гродненской губерніи, и наконецъ, съ 1882, въ приготовительномъ классѣ гимназіи въ Витебскѣ. „Моя жизнь въ родительскомъ домѣ,—пишетъ г. Никифоровскій,—протекла среди не деревенскаго только, а захолустнаго мрака крѣпостничества. Въ моей памяти живыми образами возстаютъ лица, которыя клятвенно увѣряли тогда, что такой-то держалъ за хвостъ чорта или вѣдьму, другой цѣлые часы провелъ съ давнимъ покойникомъ въ дружеской бесѣдѣ, третій пашелъ и лакомился кускомъ упавшаго облака и пр. и пр. Понятно, что все это, исходя изъ бородатыхъ и морщинистыхъ устъ, или отъ плѣшивой головы, крѣпко засѣдало въ моей отзывчивой душѣ и наслоялось въ ней чуть не до болѣзненнаго гнета. Мои случайные учителя (въ дѣтствѣ), за ничтожными исключеніями, помимо недалекости въ учебномъ дѣлѣ, были люди недалекіе и въ міровоззрѣніи: они не разсѣевали мой суевѣрный кругозоръ, а скорѣе расширяли его личными ро-

[1]) Относительно редакціи сборника и многихъ недостатковъ записи, см. замѣчанія М. Мурка въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ „Архива" Ягича.

[2]) По его личнымъ сообщеніямъ, полученнымъ нами при посредствѣ г. Романова.

сказнями“. Такимъ образомъ народное преданіе принималось съ полною непосредственною вѣрой, которая поколебалась только во время ученія въ семинаріи: здѣсь возможная перспектива священнической дѣятельности внушила г. Никифоровскому мысль записывать народныя суевѣрія (по памяти своей и товарищей), какъ обличительный матеріалъ. Позднѣе, уже на учительской службѣ, познакомившись съ нѣкоторыми этнографическими сборниками, онъ придалъ своему собранію болѣе опредѣленный видъ. Въ концѣ 1871 его познакомили съ г. Шейномъ; трудныя обстоятельства личной жизни отнимали у него вѣру въ свои силы, и свои многолѣтнія коллекціи онъ съ тѣхъ и до 1890 г. предоставлялъ г. Шейну: длинный рядъ этихъ сообщеній идетъ въ сборникахъ г. Шейна 1874 и 1887—90 годовъ. Наконецъ, г. Никифоровскій предпринялъ самостоятельную работу и значительный этнографическій его сборникъ долженъ появиться въ изданіяхъ Этногр. Отдѣла московскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.

Изъ мѣстныхъ трудовъ за послѣдніе годы надо отмѣтить также многотомное описаніе могилевской губерніи, гдѣ не мало мѣста дано и изслѣдованіямъ этнографическимъ [1]).

Описаніе, въ трехъ большихъ томахъ,—одно изъ самыхъ обстоятельныхъ, какія имѣются въ этомъ отдѣлѣ нашей литературы. Подъ руководствомъ г. Дембовецкаго, въ этомъ трудѣ принялъ участіе цѣлый кругъ мѣстныхъ дѣятелей: члены статистическаго комитета, чиновники особыхъ порученій, учителя мѣстныхъ гимназій, землевладѣльцы и пр. Предисловіе, подписанное редакторомъ изданія (онъ же — мѣстный губернаторъ съ 1872 г.), имѣло задачей представить нынѣшнее благополучное состояніе могилевской губерніи, которая въ прежнія времена имѣла репутацію бѣдности и заброшенности. „Кому не встрѣчалось слышать разсказы о томъ,—начинаетъ предисловіе,— что Могилевская губернія не есть земля искони русская, а „забранная“? (?) ...Кому не приходилось *постоянно* читать о ней во всевозможныхъ газетахъ, какъ о самой недоимочной, голодной и совершенно несостоятельной въ хозяйственномъ отношеніи?.. На самомъ же дѣлѣ такіе отзывы представляются плодомъ незрѣлаго знакомства съ исторіею края и современнымъ его состояніемъ“. Но принадлежность населенія могилевской губерніи къ русскому племени была указана довольно давно, такъ что теперь можно было бы не повторять обвиненій въ незнаніи этого обстоятельства; что же касается до бѣдности населенія, то этотъ фактъ, который принимался будто бы только по незрѣлому знакомству съ исторіей, напротивъ, слиш-

---

[1]) „Опытъ описанія Могилевской губерніи въ историческомъ, физико-географическомъ, этнографическомъ, промышленномъ, сельско-хозяйственномъ, лѣсномъ, учебномъ, медицинскомъ и статистическомъ отношеніяхъ, съ двумя картами губерніи и 17 рѣзанными на деревѣ гравюрами видовъ и типовъ, въ трехъ книгахъ. Составленъ по программѣ и подъ редакціею предсѣдателя могилевскаго губернскаго статистическаго комитета, А. С. Дембовецкаго“. Могилевъ-на-Днѣпрѣ, 1882.

комъ настойчиво указывался исторіей, приводимой и въ самомъ предисловіи. Въ эпоху присоединенія, могилевскій край возсоединился съ Россіей „*объднѣвшимъ* и съ рѣдкимъ безпомощнымъ населеніемъ“ (стр. 1). Императрица Екатерина приложила всѣ старанія, чтобы поднять благосостояніе края; „по существовавшее тогда крѣпостное право дѣлало благодѣтельныя усилія императрицы *безплодными*, и сельское хозяйство, основанное на крѣпостномъ правѣ, все болѣе и болѣе *слабѣло*“... Съ обѣднѣніемъ поселянъ соединялся упадокъ самихъ помѣщичьихъ хозяйствъ; помѣщики не заботились о разумномъ веденіи дѣла и проживались; являлись „неудовлетворительные урожаи“ и т. д. (стр. 2). Уничтоженіе крѣпостного права въ 1861 г. „положило предѣлъ такому порядку вещей“; но — „крестьяне вышли изъ крѣпостной зависимости совершенно *бѣдными* и, вслѣдствіе полнаго невѣжества и непривычки работать по своей охотѣ, не могли сразу понять своего новаго положенія и своихъ пользъ и—растерялись“. Въ 1867—68 годахъ были „неудовлетворительные урожаи“, которые произвели „неисчислимыя бѣдствія“ и, по словамъ автора, могилевская губернія „пришла въ *худшее* положеніе, чѣмъ она была въ XVIII вѣкѣ“. Въ 1872 г., при назначеніи новаго губернатора, покойный императоръ сказалъ ему о „разстроенномъ положеніи“ губерніи, которому надобно помочь (стр. 4). Такимъ образомъ, упомянутое выше представленіе о бѣдности могилевскаго края имѣло слишкомъ, къ сожалѣнію, достаточныя и давнишнія основанія; именно „исторія“ слишкомъ долго говорила о ней какъ о бѣдной и голодной. Ѳто положеніе вещей, по разсказу автора, совершенно, однако, измѣнилось за послѣдніе годы: неусыпными трудами администраціи громадныя недоимки были покрыты, образовались сбереженія, хлѣбные магазины наполнились, основались школы, устроена медицинская помощь, и т. д. Если, при всемъ томъ, продолжались прежнія представленія о могилевской губерніи, то можно ли винить общество за незрѣлое знакомство съ современнымъ состояніемъ края, когда, по собственному замѣчанію автора, свѣдѣнія о могилевской губерніи въ нашей литературѣ были весьма скудны [1], — а могли исходить только изъ мѣстныхъ источниковъ.

[1]) „Несмотря на видное въ кругу другихъ губерній Россіи расположеніе, близость къ столицамъ и вообще срединное положеніе между русскими учеными и торговыми средоточіями: Петербургомъ, Москвою, Кіевомъ, Варшавою, Вильною и Ригою, могилевская губернія, въ смыслѣ изученія, не только не пользовалась вниманіемъ собирателей древностей и ученыхъ въ области исторіи, этнографіи, политической экономіи, но и близкихъ къ ней людей, ея собственныхъ населенцевъ. Поэтому, въ отношеніи ея, существовалъ полный пробѣлъ въ нашемъ отечествовѣдѣніи“.—Но какъ же въ такомъ случаѣ о ней *постоянно* говорили газеты (см. выше)?

Какъ мы сказали, описаніе губерніи составлено весьма обстоятельно трудами мѣстныхъ преподавателей, чиновниковъ и любителей. Обращено при этомъ вниманіе и на мѣстно-народныя особенности, напр. въ описаніи флоры приведенъ подробный списокъ растеній врачебныхъ, употребляемыхъ въ народѣ,—съ ихъ обозначеніемъ ботаническимъ, народнымъ названіемъ и съ подробнымъ описаніемъ ихъ употребленія въ народной медицинѣ. Отдѣлъ этнографическій весьма обширенъ (т. I, стр. 471—782). Послѣ общаго указанія на этнографическій составъ населенія и на литературу предмета (гдѣ, впрочемъ, лишь очень немногое относится спеціально къ могилевской губерніи), описаніе останавливается подробнѣе на различныхъ племенахъ и слояхъ населенія и всего больше на крестьянствѣ. „При этнографическомъ изслѣдованіи,—говорится здѣсь,—можно дѣйствовать двоякимъ методомъ: или свои личные впечатлѣнія, соображенія и выводы изложить какъ результатъ наблюденій, или собирать матеріалы, касающіеся разныхъ сторонъ народной жизни, давая такимъ образомъ возможность всякому видѣть народъ, независимо отъ впечатлѣній наблюдателя“. Принятъ былъ второй способъ. „Мы особенно останавливаемся на крестьянахъ, такъ какъ въ ихъ быту и говорѣ сохранился весь складъ бѣлорусской жизни и рѣчи. Народное творчество въ особенности выразилось и сохранилось въ пѣсняхъ; нѣкоторыя пѣсни, болѣе употребляемыя, приводятся при описаніи народнаго быта; другія помѣщаются въ особомъ отдѣлѣ. Здѣсь собраны пѣсни, еще не напечатанныя въ другихъ изданіяхъ, и указываются мѣстности, гдѣ онѣ поются и гдѣ записаны, нарочно для настоящаго описанія губерніи. Въ словахъ, приводимыхъ изъ бѣлорусскаго нарѣчія, а равно и въ пѣсняхъ сохранены всѣ оттѣнки мѣстнаго говора“ [1]). Описаніе крестьянскаго быта (крестьянъ-бѣлоруссовъ считается здѣсь 844.000) авторъ статьи, г. Рубановскій, составилъ весьма обстоятельно (стр. 471—600). Начавъ съ описанія крестьянскаго двора и избы, имущества и одежды, онъ даетъ свѣдѣнія о крестьянскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ и промыслахъ и переходитъ къ описанію обрядовъ (съ образчиками пѣсенъ, напр., свадебныхъ), праздниковъ, игръ, повѣрій и суевѣрій, излагаетъ народный календарь, начиная съ перваго января,—наконецъ, приводитъ обширный пѣсенный сборникъ (до 500 нумеровъ). Пѣсни составили четыре группы: колядныя и вообще зимнія; весеннія; лѣтнія; пѣсни, какія поются во всякое время года—какъ свадебныя, пѣсни на вечеринкахъ и религіозныя, или такъ-называемые стихи. При пѣсняхъ, какъ и раньше въ описаніи обрядовъ и обычаевъ, обыкновенно указывается

---

[1]) Стр. 173.

мѣстность, уѣздъ и село, гдѣ наблюдалась та или другая бытовая подробность. Далѣе идетъ характеристика бывшей шляхты (стр. 600—607); подробная статья о сословіи мѣщанъ—съ ихъ бытовыми особенностями, промыслами, обычаями и увеселеніями (между прочимъ, съ описаніемъ „вертепа", народной религіозной мистеріи), представляющими много общаго съ бытомъ простонароднымъ, но и съ чертами городскихъ нравовъ (стр. 607—653). Затѣмъ идутъ статьи о великоруссахъ старообрядцахъ, цыганахъ и евреяхъ.

Относительно дворянства сдѣлано такое замѣчаніе: „Большая часть дворянства могилевской губ. также принадлежитъ къ бѣлоруссамъ, но католическое вѣроисповѣданіе и польскій языкъ, по политическимъ причинамъ усвоенный дворянствомъ во время зависимости отъ Польши, были причиною, что дворянъ несправедливо называли поляками. Польскаго населенія, въ смыслѣ племенного различія съ русскимъ, въ губерніи почти нѣтъ. Мы не будемъ говорить о дворянствѣ, такъ какъ образованіе и цивилизація изгладили въ немъ этнографическія черты". Это замѣчаніе представляетъ какое-то странное противорѣчіе: польскаго населенія въ губерніи нѣтъ; но большая часть мѣстнаго дворянства во время польскаго господства приняла католичество и польскій языкъ,—что же такое представляетъ „бо́льшая часть" мѣстнаго дворянства? Авторъ никакъ не хочетъ считать его за поляковъ, но не можетъ считать и за русскихъ; потому онъ его совсѣмъ не описываетъ; но „этнографическія черты" у него конечно есть, хотя несходныя съ чертами народной массы,— указаніе ихъ было бы необходимо. Безпристрастно изложеніе вещей дало бы, напр., понятіе о томъ, какого результата достигли мѣры обрусенія, которымъ считается теперь уже четверть столѣтія? Не продолжается ли здѣсь то противорѣчіе, какое представлялось въ Вильнѣ, гдѣ польскій языкъ объявлялся „чуждымъ странѣ", когда господствуетъ тамъ по сію минуту?

Судить о вѣрности записыванія пѣсенъ, кромѣ какихъ-либо явныхъ несообразностей [1]), очень трудно, не находясь на мѣстѣ и не имѣя возможности непосредственной провѣрки. Новѣйшій мѣстный собиратель, г. Романовъ, отнесся къ собранію г. Дембовецкаго съ нѣкоторымъ недовѣріемъ [2]); но требованія, которыя онъ при этомъ ста-

[1]) Какія встрѣчаются, напр., въ упомянутыхъ раньше сборникахъ Гильтебрандта и Дмитріева.

[2]) „Въ распоряженіи составителя была масса матеріаловъ, такъ какъ произведенія собирались по всѣмъ уголкамъ губерніи оффиціальнымъ путемъ, чрезъ полицейскихъ чиновниковъ, волостныхъ писарей. Къ сожалѣнію, среди сотрудниковъ А. С. Дембовецкаго не нашлось человѣка, который бы отнесся къ этому дѣлу съ тѣмъ вниманіемъ, котораго оно заслуживаетъ. Заявивъ, что „здѣсь собраны пѣсни,

витъ, какъ, напр., требованіе указаній о степени распространенности той или другой пѣсни въ разныхъ мѣстностяхъ („уѣздахъ"), не выполняются въ сущности и въ изданіяхъ, предпринимаемыхъ съ болѣе широкими научными средствами.

Въ послѣдніе годы ревностнымъ дѣятелемъ бѣлорусской этнографіи, и на этотъ разъ уже личнымъ самостоятельнымъ собирателемъ, явился г. Романовъ, издавшій въ короткое время большую массу этнографическаго матеріала [1]). Во-первыхъ, это—пѣсни. Собраніе очень богато (до 1.200 пѣсенъ), тѣмъ больше, что собиратель имѣлъ въ виду вообще давать только пѣсни ненапечатанныя или такія, гдѣ являются новые значительные варіанты. Въ предисловіи онъ дѣлаетъ обзоръ, впрочемъ неполный, прежнихъ трудовъ, посвященныхъ собиранію бѣлорусской народной поэзіи, настаивая особенно на необходимости вѣрной передачи языка. Къ сожалѣнію, его собственное собраніе [2]) страдаетъ однимъ недостаткомъ: составитель, повидимому, торопился печатаніемъ сборника, прежде чѣмъ опредѣлился составъ его содержанія; поэтому распредѣленіе пѣсенъ вышло отрывочное и непослѣдовательное. Порядокъ пѣсенъ, напримѣръ, таковъ: пѣсни семейныя, чумацкія, разбойничьи, рекрутскія, любовныя, потомъ дѣтскія, юмористическія, веснянки, купальскія и жнивныя, потомъ пословицы и загадки, потомъ пѣсни свадебныя. Послѣ уже издатель замѣтилъ, что можно было бы распредѣлить пѣсни по времени ихъ пѣнія. „Такое цикловое распредѣленіе ихъ установлено самимъ народомъ и ретиво имъ оберегается въ теченіе многихъ вѣковъ (ср., напр., тотъ общеизвѣстный фактъ, что въ народѣ считается грѣхомъ нарушеніе цикла: пѣсню весеннюю ни за что не пропоютъ зимою или лѣтомъ, филипповскую—въ колядy, лѣтнюю—весною и т. п.). Можно, не боясь ошибиться, сказать, что для каждой пѣсни суще-

---

еще не напечатанныя въ другихъ изданіяхъ" (а для напечатанныхъ не нашлось ни одного полнѣйшаго варіанта!?), г. редакторъ пѣсенъ пишетъ всѣ ихъ *однимъ говоромъ!* Не указана также степень распространенности того или другого произведенія въ различныхъ уѣздахъ, а ужъ это, кажется, совсѣмъ не трудно было сдѣлать при обиліи матеріаловъ". „Бѣлор. Сборникъ", стр. VII.

Для полноты слѣдуетъ упомянуть: „Сборникъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ гомельскаго уѣзда, записанныхъ для голоса съ аккомпан. форт. Зинаидой Радченко". Вып. 1, Спб. 1881 г.,—сборникъ не важный, дурно записанный, но любопытный, какъ первый опытъ записыванія бѣлорусской пѣсенной музыки.

[1]) „Бѣлорусскій Сборникъ". Томъ 1, Губернія Могилевская. Выпускъ первый и второй. Пѣсни, пословицы, загадки. Кіевъ, 1886. Выпускъ 3-й, 1887: сказки (животный эпосъ, сказки миѳическія, бытовыя и пр.). Выпускъ 4-й, Витебскъ, 1891: сказки (космогоническія и культурныя). Выпускъ 5-й, Витебскъ, 1891: заговоры, апокрифы, духовные стихи.

[2]) Какъ было указано въ разборѣ этой книги г. Истоминымъ (Журн. мин. просв. 1886, май).

ствуетъ не только извѣстный періодъ, въ родѣ таянія снѣга, уборки конопли, но извѣстный день, напр.—перваго выѣзда на пашню, день прилета жаворонка, и т. п. Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть связи нашей пѣсни съ обрядомъ до-христіанскаго культа, не потерявшимъ своего значенія въ глазахъ бѣлорусса, жителя деревни, и до сего дня". Въ прежнихъ сборникахъ это распредѣленіе пѣсенъ въ ихъ календарной послѣдовательности было уже принято, напр. въ старомъ сборникѣ Шейна (1873—1874); календарный порядокъ описанія народнаго быта (отчасти съ сопровождающими его пѣснями) примѣненъ въ книгѣ Крачковскаго и раньше, въ подобныхъ описаніяхъ великорусскихъ и малорусскихъ, и пр. Пѣсни, къ сожалѣнію, не сопровождены описаніемъ самыхъ обычаевъ и обрядовъ, какъ это входитъ въ обыкновеніе въ новыхъ трудахъ подобнаго рода.

Далѣе. „Во избѣжаніе незаслуженныхъ нареканій, — говоритъ г. Романовъ, — мы должны заявить, что по причинамъ, говорить о которыхъ здѣсь не мѣсто, при печатаніи были направлены большія усилія къ соблюденію строжайшей экономіи. Этимъ просимъ объяснить форматъ книги, качество бумаги, шрифтъ, размѣръ страницъ, соединеніе нѣсколькихъ строкъ пѣсни въ одну и т. п.". Нельзя не пожалѣть, что это такъ случилось: для экономіи проще было бы взять форматъ больше и печатать пѣсни въ два столбца. Г. Истоминъ указываетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вслѣдствіе этого соединенія „нѣсколькихъ строкъ пѣсни въ одну", совершенно стертъ размѣръ и стихъ, что́ вовсе не служитъ къ выгодѣ изданія. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, повидимому, въ одну строку сливаются то два, то три стиха. При всемъ томъ, сборникъ г. Романова даетъ весьма обильный и нерѣдко новый матеріалъ по бѣлорусской поэзіи.

Разбирая сборникъ г. Шейна, г. Романовъ осуждаетъ его за то, что тамъ помѣщено нѣсколько духовныхъ пѣсенъ, „не имѣющихъ ничего общаго ни съ произведеніями устными народной поэзіи, ни съ бѣлорусскимъ языкомъ" (стр. VI); въ другомъ мѣстѣ, онъ замѣчаетъ: „что касается произведеній псевдонародныхъ, искусственныхъ, то онѣ рѣшительно отсутствуютъ въ нашемъ сборникѣ, при всемъ *обиліи* ихъ" (стр. X). Дѣло здѣсь въ томъ, насколько подобныя произведенія бываютъ *распространены* въ народной массѣ—другими словами, насколько онѣ, такъ сказать, втираются на мѣсто чисто народной поэзіи, которую, въ концѣ концовъ, онѣ обыкновенно вытѣсняютъ или видоизмѣняютъ. Произведенія искусственныя нерѣдко проникаютъ въ народъ; ихъ нельзя смѣшать съ чисто народной пѣсней, но не слѣдуетъ и оставлять безъ вниманія; ихъ важно отмѣчать для того, чтобы получить полное понятіе о составѣ народно-поэтическаго обихода, для исторіи самой пѣсни. Бѣлорусская пѣсня

хранитъ очень много остатковъ старины, но вмѣстѣ съ тѣмъ воспринимала и воспринимаетъ не мало новыхъ и чуждыхъ элементовъ, или польскихъ, или великорусскихъ, или малорусскихъ; въ томъ числѣ были, безъ сомнѣнія, и вліянія книжныя или грамотныя. Для этой полноты представленія о составѣ народной пѣсни, собиратель долженъ обратить вниманіе и на эту сторону дѣла, и въ настоящемъ случаѣ жаль, что онъ не опредѣляетъ ближе тѣхъ псевдонародныхъ произведеній, *обиліе* которыхъ у него указывается.

Выпуски 3-й и 4-й заняты большимъ сборникомъ сказокъ, богатѣйшимъ для Бѣлоруссіи. Распредѣленіе сказокъ—дѣло вообще трудное, и въ настоящемъ случаѣ напр. животный эпосъ выдѣляется довольно естественно въ отдѣльную группу, но можетъ представиться вопросъ, чѣмъ по существу отличаются сказки „миѳическія" отъ „космогоническихъ", такъ какъ космогонія есть часть миѳологіи; на дѣлѣ, собиратель назвалъ космогоническими сказками то, что у другихъ называется легендой. Далѣе, напр. сказки, обозначенныя „космогоническими" и „культурными", въ самомъ сборникѣ не отдѣлены однѣ отъ другихъ; „культурныя" можетъ быть проще было бы назвать бытовыми. Смѣшеніе баснословнаго матеріала сказывается и въ томъ, что напр. „въ дополненіе" къ первому космогоническому сказанію о твореніи міра двумя силами (IV, стр. 1—5) собиратель приводитъ народныя вѣрованія, въ которыхъ смѣшиваются суевѣрія христіанскія и остатки первобытныхъ языческихъ. Въ концѣ сборника сказокъ отмѣчены важнѣйшіе варіанты сюжетовъ цитатами изъ сборниковъ Аѳанасьева, Худякова, Чубинскаго, Драгоманова, Крачковскаго и др. [1]).

Выпускъ 5-й — самый обширный изъ всѣхъ (448 стр.; пѣсни — въ два столбца, убористой печати). Во-первыхъ, собрано здѣсь большое количество заговоровъ на всякіе случаи въ быту, и отъ болѣзней людей и животныхъ, и въ дополненіе къ чисто народнымъ—заклинанія изъ уніатскаго Требника, изданнаго въ началѣ XVII-го вѣка Кутеинскимъ монастыремъ, въ нынѣшней могилевской губерніи. Такъ-называемые апокрифы (загадки царя Давида, Сонъ Богородицы, Листъ Іисуса Христа, о двѣнадцати мукахъ и пр.) взяты частію изъ старыхъ рукописей XVII—XVIII-го вѣка, частію изъ новѣйшихъ, находившихся въ недавнемъ обращеніи, а частію изъ устъ пѣвцовъ. Далѣе, какъ отрывки народнаго „вертепа" или народной драмы приведены здѣсь пьесы „Царь Максиміянъ" — записанный со словъ актеровъ, разыгрывающихъ его и понынѣ въ рождественскіе празд-

[1]) Напрасно только названія этихъ сборниковъ приведены черезъ мѣру сокращенно: такія цитаты какъ: „Иван. Вол. губ.", „Вер. Вот. сар. у.", и т. п. только безполезно затрудняютъ обыкновеннаго читателя.

ники, — и „Звѣзда“, собственно вертепное представленіе. Наконецъ, обильное собраніе духовныхъ стиховъ, нѣсколькихъ категорій: во-первыхъ, бѣлорусскіе варіанты извѣстныхъ духовныхъ стиховъ (Голубиная книга, Егорій, Ѳедоръ Тиронъ, Іоасафъ царевичъ, Іосифъ прекрасный и др.); затѣмъ стихи старообрядческіе и вирши уніатскія. Въ заключеніе приведенъ списокъ лучшихъ старцевъ и лицъ, записавшихъ отъ нихъ духовные стихи, и указанъ „кругъ пѣнія старцами духовныхъ стиховъ“ по календарнымъ срокамъ праздниковъ.

Таковъ обширный матеріалъ, собранный въ „Сборникѣ“ г. Романова. Въ предисловіи къ 5-му выпуску собиратель исчисляетъ тѣ памятники народной поэзіи и преданія, которые были имъ изданы, и прибавляетъ: „Количество имѣющихся въ моемъ распоряженіи матеріаловъ въ настоящее время все еще значительно. Главнѣйшую часть ихъ составляютъ сказки, которыхъ достало бы по крайней мѣрѣ для 60 печатныхъ листовъ... Затѣмъ идутъ обряды, повѣрья, игры, пѣсни, причитанія, загадки, пословицы и т. п., матеріалы для словаря и грамматики, списки населенныхъ мѣстъ и урочищъ и т. д. Сдѣланы попытки и къ собиранію матеріаловъ для словаря цыганскаго языка“.

Этотъ неутомимый трудъ внушаетъ тѣмъ болѣе уваженія, что совершался въ очень неблагопріятныхъ личныхъ условіяхъ [1]). Евдокимъ Ром. Романовъ (род. 1855, въ г. Бѣлицѣ, могилевской губерніи) выросъ въ семьѣ, находившейся въ крайней бѣдности, почти нищетѣ; несмотря на то, мать помѣстила его въ 1867 въ гомельскую прогимназію; по смерти ея въ 1870, г. Р. могъ окончить курсъ только благодаря стипендіи и частнымъ урокамъ. Попытка перейти въ гимназію осталась безуспѣшна, какъ впослѣдствіи попытка быть вольнослушателемъ въ университетѣ. Съ 1872, г. Р. былъ уже на службѣ, учителемъ народной школы, потомъ уѣзднаго училища, приготовительнаго класса той же гомельской прогимназіи. Въ 1884 онъ былъ назначенъ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища въ г. Лиду, виленской губ., затѣмъ въ Сѣнно, могилевской; въ 1886, назначенъ инспекторомъ народныхъ училищъ въ витебской губерніи.

Практически, народный бытъ былъ близокъ г. Р—ву съ дѣтства; пристальное изученіе началъ г. Р. съ 1876. Съ научной стороной дѣла г. Р. знакомился какъ самоучка и прежде всего пораженъ былъ массою древнихъ словъ и грамматическихъ формъ, вычитанныхъ у Нестора и сохранившихся въ бѣлорусскомъ языкѣ. Онъ составилъ сводъ особенностей бѣлорусскаго нарѣчія и небольшой словарь, и послалъ ихъ въ Русское отдѣленіе Академіи: отсюда дали ему совѣтъ составлять дополненія къ словарю Носовича, подтверждая каждое слово примѣрами изъ народной литературы. Съ тѣхъ поръ, не оставляя работы надъ словаремъ, г. Р. началъ собраніе памятниковъ народной поэзіи, которымъ и посвящены его изданія. Кромѣ того, онъ предпринималъ раскопки и археологическія изысканія, а также антропологическія изслѣдованія: тѣ

[1]) По сообщеніямъ г. Романова.

и другія онъ направлялъ въ московское Археологическое Общество и въ Общество любителей естеств., антроп. и этнографіи.

Въ предисловіи къ 5-му выпуску „Сборника" г. Р. жалуется на трудныя условія своей работы; но изъ его словъ можно по крайней мѣрѣ видѣть, что труды его были весьма замѣчены, и для своихъ путешествій и изданій онъ не однажды получалъ нѣкоторую матеріальную поддержку отъ учебнаго округа, отъ Геогр. Общества и Русскаго отдѣленія Академіи.

Въ послѣднее время нѣсколько небольшихъ изслѣдованій и замѣтокъ г. Романова помѣщено было въ московскомъ „Этнографическомъ Обозрѣніи" (бѣлорусскій снотолкователь, „Катрушницкій лемезень", „Дѣтскія игры бѣлорусскихъ евреевъ").

Только въ послѣднее время начинаются обстоятельныя изслѣдованія о бѣлорусскомъ языкѣ. Въ общемъ кругѣ стараго русскаго языка бѣлорусское нарѣчіе было языкомъ дѣловыхъ актовъ и грамотъ и, по завоеваніи западнаго края Литвою, осталось государственнымъ языкомъ литовско-русскаго великаго княжества. Этимъ языкомъ дѣловой оффиціальной жизни оно оставалось съ XIV-го и вплоть до XVIII-го столѣтія; такъ, этому языку принадлежитъ „Литовскій Статутъ", напечатанный въ 1588 году, и та масса историческихъ документовъ, какая появляется въ новѣйшихъ археографическихъ изданіяхъ. Въ эпоху религіознаго движенія XVI-го вѣка онъ начиналъ пробивать себѣ путь и въ книгу: бѣлорусское нарѣчіе составляетъ основу языка Библіи Скорины, хотя въ соединеніи съ языкомъ церковно-славянскимъ, а также съ большой примѣсью полонизмовъ и чехизмовъ; элементы бѣлорусскаго нарѣчія сказываются въ нѣсколькихъ другихъ памятникахъ церковныхъ того времени и въ произведеніяхъ полемической литературы, которая была протестомъ малорусскаго и бѣлорусскаго народа противъ Польши, католичества и уніи. Но ни въ то время, ни впослѣдствіи бѣлорусское нарѣчіе не пріобрѣло самостоятельнаго литературнаго значенія. „Языкъ грамотъ и Литовскаго Статута, — говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей исторіи стараго русскаго языка, — никогда не былъ языкомъ всего населенія западной Руси; это былъ языкъ высшаго класса, того класса, который тотчасъ послѣ политическаго соединенія Литовско-русскаго государства съ Польшей подвергся вліянію польской культуры; отсюда понятно довольно значительное количество польскихъ словъ, формъ и оборотовъ, находимое въ этихъ памятникахъ. Въ Библіи Скорины и въ лютеранскомъ Катехизисѣ бѣлорусское нарѣчіе является смѣшаннымъ съ церковно-славянскимъ языкомъ, съ прибавленіемъ большого количества полонизмовъ и — въ Библіи—богемизмовъ... Примѣсь чуждыхъ элементовъ дѣлаетъ западнорусскій литературный языкъ XIV — XVIII-го столѣтій во многомъ

отличнымъ отъ современнаго бѣлорусскаго нарѣчія; тѣмъ не менѣе, тѣсная связь между ними не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Нынѣшніе бѣлорусскіе говоры не имѣютъ литературной обработки"... [1]). Дѣйствительно, новѣйшіе изслѣдователи бѣлорусскаго нарѣчія ищутъ своихъ источниковъ, кромѣ старыхъ актовъ, особливо въ новѣйшихъ сборникахъ бѣлорусской народной рѣчи и поэзіи.

Выше упомянуто о первыхъ опредѣленіяхъ бѣлорусскаго языка у Линде. Шафарикъ, въ „Славянской Этнографіи", указывалъ вкратцѣ границы и особенности бѣлорусскаго нарѣчія (затрудняясь опредѣлять его говоры, и до сихъ поръ мало выясненные) и его письменные памятники [2]); далѣе, замѣтки о языкѣ дѣлались въ 1840-хъ годахъ по поводу являвшихся тогда изданій западно-русскихъ актовъ и былъ сдѣланъ опытъ объясненія польскихъ вліяній [3]). Новый обильный матеріалъ для изученія стараго и народнаго языка является съ размноженіемъ изданій старыхъ актовъ, которые дали, наконецъ, поводъ собрать ихъ лексическій составъ [4]), съ новыми собраніями бѣлорусской народной поэзіи и спеціальными работами по словарю живого народнаго языка — въ извѣстномъ трудѣ Носовича, а также и въ „Толковомъ Словарѣ" Даля [5]).

---

[1]) Журн. минист. просв. 1887, май, стр. 137 — 138. Авторъ статьи счелъ какой-то большой моей ошибкой замѣчаніе, что бѣлорусское нарѣчіе не имѣло ни въ старину, ни теперь особеннаго литературнаго развитія — напрасно только, приводя цитату, онъ выкинулъ изъ нея одно существенное слово. Мои слова были: „бѣлорусская вѣтвь не имѣла *особаго* (т.-е. *особенно большого*) книжнаго развитія ни въ старину, ни въ новѣйшее время" („Вѣстн. Евр.", 1886, апрѣль, стр. 743). Въ этихъ словахъ разумѣлось то самое, что говоритъ авторъ. Въ старину, по его собственнымъ словамъ, западно-русскій книжный языкъ не былъ чисто народнымъ языкомъ; это было смѣшеніе съ церковнымъ, съ польскимъ и малорусскимъ въ разныхъ дозахъ — въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ. Цѣльной и разносторонней бѣлорусской литературы не было. Въ новѣйшее время дѣлались, особенно съ польской стороны, упомянутыя выше попытки ввести въ бѣлорусскій языкъ легкую литературу; но это были крайне слабые опыты, напр., сравнительно съ книжнымъ распространеніемъ новѣйшаго малорусскаго нарѣчія.

Западные и южные русскіе дѣятели XVII-го вѣка, переходя въ Москву, какъ извѣстно, тотчасъ усвоивали господствовавшій тогда славяно-русскій стиль.

[2]) Slowanský Narodopis, 3-е изд. Прага, 1848, стр. 29—32.

[3]) Въ книжкѣ Н. Лебедева: „Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и на устройство училищъ въ Россіи". Спб. 1848.

[4]) Работы Носовича и „Словарь древняго актоваго языка сѣверо-западнаго края", Н. Горбачевскаго. Изд. виленскаго учебнаго округа. Вильно, 1874.

[5]) Отмѣтимъ здѣсь „Дополненіе" къ словарю Носовича, заключающее слова, извлеченныя изъ составленнаго имъ рукописнаго собранія бѣлорусскихъ пѣсенъ и сказокъ, — въ „Сборникѣ" II Отд. Академіи Наукъ, т. XXI, Спб. 1881, стр. 1—22; и небольшой „Русско-нищенскій словарь, составленный изъ разговора нищихъ слуцкаго уѣзда минской губерніи, мѣстечка Семежова" мѣстнаго священника Ф. Сцепуры, — тамъ же, стр. XXIII—XXXII.

Мы упоминали, по поводу „Словаря" Носовича, какъ неясны и сомнительны казались тогда вопросы о бѣлорусскомъ языкѣ даже въ спеціальномъ вѣдомствѣ русскаго языка, какъ русское отдѣленіе Академіи, и такимъ знатокамъ стараго русскаго языка, какъ Срезневскій. Первыя изслѣдованія бѣлорусскаго нарѣчія съ научными филологическими пріемами появляются только въ самое недавнее время. Таковы общія замѣтки и эпизодическія изслѣдованія г. Потебни, М. Колосова, Миклошича [1]; въ послѣднее время предпринято было нѣсколько спеціальныхъ трудовъ по этому предмету, напр., К. Аппеля [2], затѣмъ гг. Недешева и Карскаго. Между тѣмъ, какъ г. Аппель имѣлъ въ виду исключительно современный народный языкъ, лишь въ очень немногихъ случаяхъ касаясь его историческаго прошедшаго, г. Недешевъ [3] въ особенности обратилъ вниманіе на его историческую судьбу. Очертивъ географическія границы бѣлорусскаго нарѣчія (которое онъ считаетъ частью великорусскаго, иногда, однако, сближающейся съ малорусскимъ), авторъ старается прослѣдить исторію его звуковъ и формъ по старымъ памятникамъ бѣлорусскаго языка, особливо XVI-го и XVII-го вѣка,—хотя воспользовался далеко не всѣмъ, что можно было бы найти въ источникахъ. Новѣйшій изслѣдователь этого вопроса, г. Карскій [4], самъ родомъ бѣлоруссъ, знакомый съ дѣтства съ языкомъ, собралъ еще новый запасъ подробностей о современномъ языкѣ, но компетентные критики, относясь вообще сочувственно къ его работѣ, дали нѣсколько немаловажныхъ исправленій и указывали необходимость болѣе обширнаго изученія старыхъ памятниковъ [5].

---

[1]) Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. II. О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій. А. Потебни. Воронежъ, 1866 (изъ „Филол. Записокъ" Хованскаго, 1865).

— Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. М. Колосова. Варшава, 1878.

— Miklosich, „Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen"—въ разныхъ ея отдѣлахъ.

[2]) О бѣлорусскомъ нарѣчіи, въ „Р. Филол. Вѣстникѣ", Варшава, 1880, № 2, стр. 197—224; разборъ этой статьи сдѣланъ г. Бодуэномъ де-Куртенэ, въ „Филол. Запискахъ" 1880.

[3]) И. Недешевъ, Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ. Варшава, 1884, 54 стр. (изъ „Р. Филол. Вѣстника").

[4]) „Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи", Е. Ѳ. Карскаго. Москва. 1886, 170 стр. Разборъ этой книги, г. Соболевскаго, въ Журн. мин. просв. 1887, май, стр. 137—147.

[5]) Отмѣтимъ еще труды г. Карпинскаго о говорѣ пинчуковъ (въ Р. Филолог. Вѣстникѣ, 1888) и „Западно-русская Четья 1489 года", 1889.

Доскажемъ еще нѣсколько фактовъ. Какъ упомянуто, этнографическая экспедиція въ сѣверо-западный край, предположенная Географическимъ Обществомъ, не удалась... Г. Кузнецовъ, предпринявшій спеціально изученіе Литвы, доставилъ въ Общество лишь нѣсколько краткихъ отчетовъ и очерковъ. Г. Максимовъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, напечаталъ нѣсколько статей о западномъ краѣ [1]: это—рядъ очерковъ, гдѣ авторъ рисуетъ своеобразную природу, наложившую свой отпечатокъ на характеръ жителей, дѣлаетъ остроумныя соображенія о ходѣ старой колонизаціи края русскимъ народомъ (оставившей свой слѣдъ въ существующихъ изстари мѣстныхъ названіяхъ), старается опредѣлить разницу быта и характера бѣлорусскаго сравнительно съ великорусскимъ, касается народнаго міровоззрѣнія, повѣрій и преданій, сличая ихъ съ бытовыми условіями и т. д., такъ что остается пожалѣть, что работы автора въ Бѣлоруссіи не были имъ доведены до конца. Впослѣдствіи г. Максимовъ принялъ долю участія въ большомъ изданіи, посвященномъ описанію западнаго края; это былъ третій томъ изданія М. Вольфа, „Живописная Россія“ [2]. Этотъ большой томъ главнымъ образомъ наполненъ былъ трудами А. Киркора; въ первой части описывается такъ-называемая „Литва“, начиная съ древнѣйшихъ временъ, изображается природа края, народный бытъ, миѳологія, историческая судьба страны и т. д. [3]; только одна глава этой части: „Литовская область въ ея современномъ экономическомъ состояніи“, была написана г. Семеновымъ. Вторая часть тома опять наполнена статьями Киркора [4]; г. Максимову принадлежитъ здѣсь статья: „Бѣлорусская смоленщина съ сосѣдями“, и г. Семенову—„Бѣлорусская область въ ея современномъ экономическомъ состояніи“.

При своемъ появленіи, эта книга вызвала ожесточенныя нападе-

[1]) См. „Обитель и житель. Изъ очерковъ Бѣлоруссіи“, въ „Древней и Новой Россіи“, 1870, кн. 6—8.

[2]) „Живописная Россія“ и пр., подъ общей редакціей П. П. Семенова, вице-предсѣдателя Импер. Р. Геогр. Общества. Томъ третій. Часть первая. Литовское Полѣсье (съ 113 рисунками въ текстѣ и 15 отдѣльными картинами, рѣзанными на деревѣ). Часть вторая. Бѣлорусское Полѣсье (съ 80 рисунками въ текстѣ и 11 отдѣльными картинками). Спб. 1882. 4°, 490 и VI стр.

[3]) Названія главъ таковы: Первобытныя времена Литовскаго Полѣсья.—Народности Литовскаго Полѣсья и ихъ жизнь.—Литовскій языкъ и литовская миѳологія.—Природа древней Литвы.—Современная природа Литвы.—Историческія судьбы Литовскаго Полѣсья.—Просвѣщеніе и народное творчество въ Литвѣ.—Городъ Вильно.—Городскія поселенія въ Литвѣ.—Народный трудъ.

[4]) Памятники временъ первобытныхъ.—Слѣды язычества въ празднествахъ, обрядахъ и пѣсняхъ.—Народная жизнь.—Историческія судьбы Бѣлорусскаго Полѣсья.—Умственныя силы и средства образованія.—Природа Бѣлоруссіи.—Долина Припети.—Въ Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ.

нія со стороны лагеря, продолжающаго преданія „Вѣстника Западной Россіи". Изданіе Вольфа, наполненное статьями полу-эмигранта Киркора, причтено было къ новымъ дѣяніямъ „польской интриги", и достаточно извѣстное положеніе главнаго редактора изданія не устранило этого обвиненія [1]). Дѣйствительно, при томъ состояніи, въ какомъ находилось изученіе западнаго края къ 1880-мъ годамъ, можно было бы не прибѣгать къ той географической терминологіи, какая употребляется Киркоромъ и гдѣ слово „Литва" остается двусмысленнымъ и неяснымъ [2]); можно было больше воспользоваться тѣмъ, что̀ было сдѣлано къ тому времени въ русскихъ изслѣдованіяхъ по исторіи и этнографіи западнаго края; по крайней мѣрѣ объяснить, хотя въ предисловіи, способъ выраженія Киркора. Но политическія инкриминаціи, падавшія необходимо и на г. Семенова, были все-таки излишни, и дѣло объяснялось проще. Каковы бы ни были научные недостатки Киркора, какъ бы ни были иногда поверхностны и односторонни его сужденія, онъ былъ въ тѣ годы едва ли не единственный человѣкъ, который могъ дать для популярнаго чтенія столь разнообразныя свѣдѣнія о западномъ краѣ и—готовъ былъ работать. Онъ былъ тамошній уроженецъ, много изучалъ край какъ археологъ, историкъ, этнографъ, зналъ его бытовыя черты и—преданія и т. д. Его сочувствія были не столько чисто-польскія, сколько смягченныя тѣмъ мѣстнымъ „литовскимъ" направленіемъ, котораго возможность признавали даже русскіе наблюдатели, какъ Безсоновъ. Что касается недостатка указаній на новѣйшія русскія изслѣдованія, то возможно, что Киркоръ, давно выѣхавши за границу, да и прежде зная лучше польскую, чѣмъ русскую литературу, просто мало былъ знакомъ съ тѣмъ, что̀ дѣлалось у насъ. Положеніе редактора изданія было очень трудное: въ русскомъ научномъ кругу онъ вѣроятно не находилъ спеціалиста, который могъ бы отвѣчать требованіямъ программы, и остановился на Киркорѣ.

См. о томъ же въ обстоятельномъ некрологѣ Киркора, Н. А. Янчука, въ „К. Старинѣ", 1887, іюнь—іюль, гдѣ перечислены его историко-этнографическіе

---

[1]) Ср., напр., кромѣ другихъ газетныхъ статей того времени, даже болѣе умѣренную „Библіографическую замѣтку по поводу III тома Живописной Россіи (Литва и Бѣлоруссія—соч. Киркора). Бѣлорусса". Вильно, 1884 (изъ Литовскихъ Епарх. Вѣдомостей). Авторъ „Замѣтки", по поводу нѣкоторыхъ „очерковъ" этой книги, считаетъ возможнымъ предположеніе, что „они предназначаются для ослѣпленія русскихъ посредствомъ тонкаго и искуснаго преслѣдованія цѣлей польскихъ".

[2]) Напр., историческія событія и *русскіе* люди XVI—XVII-го вѣка являются то бѣлорусскими, то „литовскими", и повторяются въ обѣихъ историческихъ рубрикахъ (напр., Зизаній, Смотрицкій и пр.). Съ другой стороны, подъ именемъ „литовскаго" просвѣщенія излагается исторія виленскаго *польскаго* университета, и т. п.

труды. Киркоръ (Адамъ-Гонорій Карловичъ, 1812—1886) былъ уроженецъ могилевской губерніи, изъ мѣстечка Сливина, имя котораго послужило потомъ для его псевдонима. Онъ умеръ въ Краковѣ, въ весьма бѣдственной матеріальной обстановкѣ; свои бумаги и коллекціи онъ пожертвовалъ Краковскому народному музею.

„Онъ былъ уроженецъ Бѣлоруссіи,—говоритъ г. Янчукъ,—и почти всю свою жизнь посвятилъ изученію этого края и близко соприкасающейся съ нимъ Литвы. Онъ какъ бы замыкаетъ собою тотъ длинный рядъ безкорыстныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей на поприщѣ науки, который такъ достойно былъ начатъ извѣстнымъ польско-русскимъ археологомъ и этнографомъ-собирателемъ Зоріаномъ Доленгою-Ходаковскимъ и продолженъ братьями Е. и К. Тышкевичами, Ѳ. Нарбуттомъ, Игн. Ходзько, Чечотомъ и другими... Были, конечно, у этой плеяды и свои увлеченія, несвободныя подъ часъ отъ нѣкоторой тенденціи, но гдѣ же ихъ нѣтъ? Серьезный и безпристрастный человѣкъ съумѣетъ отличить правду, выберетъ изъ трудовъ этихъ ученыхъ здоровыя зерна, которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, найдетъ тамъ не мало“...

Въ новѣйшихъ трудахъ, касающихся Бѣлоруссіи, все болѣе точно опредѣляются историческія и племенныя отношенія населенія, письменные остатки стараго и подробности современнаго языка, собираются въ изобиліи памятники народнаго языка и словесности. Таковы труды Шейна, Романова, Владимірова, Карскаго и друг.

Относительно памятниковъ стараго языка отмѣтимъ, къ упомянутому прежде, новѣйшія изслѣдованія берлинскаго профессора А. Брикнера, во-первыхъ о вновь отысканномъ памятникѣ старой бѣлорусской письменности: „книга о Таудалѣ рыцери“ (въ полууставномъ спискѣ XVI-го вѣка), гдѣ передается средневѣковое, происходящее изъ Ирландіи, сказаніе о Тундалѣ (Visio Tundali); во-вторыхъ, о польско-русскихъ интермедіяхъ XVII-го вѣка [1]). Далѣе, изслѣдованія и замѣчанія словинскаго ученаго М. Мурка о литературѣ старыхъ русскихъ повѣстей, имѣющія отношеніе къ исторіи письменности бѣлорусской, а также замѣтки о новыхъ собраніяхъ бѣлорусской народной поэзіи со стороны языка [2]).

Выше мы назвали книгу г. Запольскаго объ исторіи кривичей и дреговичей [3]); ему же принадлежатъ другіе труды по изученію Бѣлоруссіи: „Бѣлорусская свадьба и свадебныя пѣсни, этнографическій этюдъ“ (Кіевъ, 1888); „Гапонъ, повѣсть въ стихахъ на бѣлорусскомъ языкѣ В. Дунина-Марцинкевича, — очеркъ изъ исторіи бѣлорусской письменности“ (М. 1889); „Бѣлорусское Полѣсье. Матеріалы, изслѣ-

---

[1]) Ягича, Archiv für slavische Philologie, т. XIII, 1890, стр. 199—212, 224—236.

[2]) Въ послѣднихъ выпускахъ того же „Архива“, и отдѣльное изслѣдованіе повѣсти о Семи мудрецахъ.

[3]) Въ болѣе краткомъ изложеніи, исторія ихъ до 1-й четверти XII-го вѣка находится въ его „Очеркахъ по исторіи Бѣлоруссіи“ (изъ „Календаря сѣверо-западнаго края“). М. 1889.

дованія и замѣтки для изученія быта населенія полѣсскихъ уѣздовъ минской губерніи“ (М. 1891, изъ „Трудовъ“ Общества любителей естествозн., антропологіи и этнографіи). Въ московскомъ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ помѣщены имъ небольшія изслѣдованія: „Чародѣйство въ сѣверо-западномъ краѣ въ XVII—XVIII в.“ и „Женская доля въ пѣсняхъ пинчуковъ“ [1]).

Наконецъ, нѣсколько эпизодическихъ работъ по бѣлорусской этнографіи помѣщено было въ названномъ нами прежде изданіи Краковской академіи: Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj и проч. Таковъ трудъ Владислава Дыбовскаго о бѣлорусскихъ пословицахъ (Przysłowia białoruskie z powiatu Nowogródzkiego, т. V, стр. 3—23), и его „Бѣлорусскія загадки изъ минской губерніи“ (т. X, стр. 157—168). Владиславъ Верига издалъ здѣсь „Dumki białoruskie ze wsi Głębokiego w powiecie Lidzkim gub. Wileńskiej w. r. 1885 spisane“ (т. XIII, стр. 84—103). Ему же принадлежатъ „Podania białoruskie“ (zebrane przez Wł. Weryhę, poprzedzone wstępem przez J. K. Lwów, 1889)—небольшая книжка, которой мы не имѣли подъ руками. Въ изданіи историко-философскаго отдѣла той же академіи (Rozprawy i sprawozdania) помѣщены труды Ис. Шараневича, имѣющіе отношеніе къ исторіи сѣверо-западной Руси (т. VIII, 1878; т. XV, 1882).

Таковы были судьбы этнографическихъ изученій западно-русскаго народа. Исходя изъ одного корня, онъ по племеннымъ свойствамъ остался ближе къ народу великорусскому, чѣмъ къ малорусскому, но и съ послѣднимъ въ теченіе многихъ вѣковъ дѣлилъ общую историческую судьбу; по вѣрѣ онъ хранилъ давнее преданіе перваго русскаго православія; еще на первыхъ ступеняхъ историческаго развитія, разобщенный отъ той вѣтви русскаго народа, въ средѣ которой создалось государство, онъ извѣстнымъ образомъ тяготѣлъ къ нему по вѣрѣ и, вѣроятно, также по племенному инстинкту,—но, соединившись съ Литвой и Польшей, повелъ иное политическое существованіе и иное культурное развитіе и понесъ на себѣ ихъ послѣдствія—тяжелое положеніе русской народности, которая подпала польскому и католическому вліянію, а также и притѣсненію; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, его культурныя пріобрѣтенія помогли ему въ борьбѣ за свою народную личность и старое церковное преданіе, и въ XVI—XVII столѣтіи Москва могла воспользоваться плодами западнаго и южнаго русскаго просвѣщенія, хотя эти страны еще находились

[1]) О трудахъ г. Запольскаго и о „Календарѣ сѣв.-западнаго края“ см. замѣтки въ журналѣ Wisła, II, стр. 419, и III, 942—943.

подъ польскимъ владычествомъ. Великорусская вѣтвь племени образовалась мимо юга и запада, и эта отдѣльность, несмотря на упомянутыя общія симпатіи, чувствовалась въ старину съ обѣихъ сторонъ: для Москвы бѣлоруссы стали „литовскіе люди"; на западѣ, какъ и на югѣ, „москали" часто бывали антипатичны по сложившемуся различію характеровъ и по особому политическому складу москвичей. Тогда какъ Малороссія подпала возсоединенію еще съ половины XVII-го вѣка, бѣлоруссы вошли въ составъ русской имперіи почти на полтора вѣка позднѣе; даже долгое время по присоединеніи они продолжали оставаться фактически подъ польскимъ владычествомъ, какъ крѣпостные польскихъ помѣщиковъ, и полонизація въ высшихъ классахъ бѣлорусскаго народа подъ русской властью за это время шла, какъ говорятъ, даже сильнѣе прежняго... Истинное положеніе вещей стало выясняться лишь въ послѣднія десятилѣтія. Освобожденіе крестьянъ въ первый разъ открыло для русскаго общества въ полной мѣрѣ вопросъ о *бѣлорусскомъ народѣ*, съ которымъ, однако, еще предстояло познакомиться, потому что о немъ недоставало иногда даже элементарныхъ свѣдѣній. Польское возстаніе усилило интересъ враждою къ Польшѣ, но и спутало правильное пониманіе дѣла: патріотическіе публицисты внезапно узнали о существованіи русскаго народа въ западномъ краѣ и, сознаваясь, что русское общество забыло или не знало о немъ, съ одной стороны объявляли западный край чисто-русскимъ, съ другой говорили о необходимости его „обрусенія"... Край, поставленный въ эпоху возстанія на военное положеніе, надолго остался въ этомъ ненормальномъ состояніи, и люди безпристрастные печалились, что въ тѣхъ натянутыхъ условіяхъ, въ какихъ онъ жилъ, мѣстная жизнь теряетъ свободу развитія, что́ служитъ въ ущербъ даже самому государственному интересу. Существованіе мѣстныхъ особенностей страны и народа не подлежитъ сомнѣнію, и нельзя не пожалѣть, что въ нашемъ обществѣ до сихъ поръ такъ мало развито пониманіе того, что эта мѣстная жизнь разныхъ краевъ нашего отечества имѣетъ право быть глубоко важнымъ интересомъ не одного только общества, и что только въ успѣхахъ этой жизни заключено ручательство здороваго, цѣльнаго развитія общественности, народности и самого государства.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

СИБИРЬ.

Громадная страна, присоединенію которой къ Россіи считали недавно трехсотлѣтіе, занимаетъ въ территоріи имперіи особенное мѣсто, выдѣляющее ее изъ общаго характера коренной русской земли; она имѣла также и исключительную историческую судьбу. До сихъ поръ Сибирь отличается отъ Россіи своимъ гражданскимъ положеніемъ и, кромѣ того, въ своемъ русскомъ населеніи представляетъ этнографическій типъ, который въ различныхъ отношеніяхъ отдалился отъ господствующаго типа русской народности въ европейской Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, Сибирь, хотя колонизованная русскими, съ самаго начала — вслѣдствіе различныхъ условій: отдаленности края (между прочимъ ставшаго мѣстомъ ссылки), обилія инородцевъ, особаго характера промысловъ и „службы",—стала пріобрѣтать особый складъ административный и бытовой, который съ теченіемъ времени все больше удалялся отъ обычнаго хода жизни въ метрополіи, и страна, неразрывно связанная съ московскимъ государствомъ, а потомъ съ имперіей, тѣмъ не менѣе для русскаго общества и народа стала издавна казаться чѣмъ-то отдѣльнымъ, исключительнымъ, почти чужимъ, какъ въ самой Сибири стали все болѣе складываться особые нравы; народный типъ, въ основу котораго легло въ самомъ началѣ населеніе русскаго сѣвера, подъ вліяніемъ новыхъ климатическихъ и бытовыхъ условій, а также смѣшенія съ разнородными туземцами и ссыльными, пріобрѣлъ особыя этнографическія черты, съ различными видоизмѣненіями.

Вся судьба страны была въ самомъ дѣлѣ совсѣмъ исключительная. Какъ далѣе скажемъ, завоеваніе Сибири, въ послѣдніе годы XVI-го вѣка,—вовсе не было чѣмъ-нибудь случайнымъ; напротивъ, оно давно подготовлялось, совершалось какъ бы само собою и весьма послѣдовательно; но съ самаго начала новая русская область испытала такія условія внѣшнія и внутренно-бытовыя, что необходимо сама отступала и была выдѣляема изъ общаго хода русской жизни,

учрежденій, нравовъ и обычаевъ, племенного типа и даже языка. Для стараго московскаго государства Сибирь явилась новой прибавкой къ тѣмъ полупустыннымъ землямъ, съ полудикимъ населеніемъ, которыя давно пріобрѣтались на сѣверо-востокѣ и постоянно раздвигались; теперь снова расширялась государственная территорія, умножался царскій титулъ наименованіемъ новыхъ земель, богатѣла казна, возросталъ правительственный авторитетъ; но въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ оказывались большія особенности. Страна была такъ обширна, что долго не могли быть опредѣлены ея далекіе предѣлы, открывались все новыя земли, съ новыми данями для казны, и это обстоятельство внушило особую заботливость о практической эксплуатаціи страны. Съ другой стороны, новыя пріобрѣтенія дѣлались не столько по сознательнымъ планамъ центральной власти, сколько мѣстной предпріимчивостью, которая истекала частію изъ алчности промышленниковъ, частію изъ стараго казацкаго удальства, начавшаго и первое завоеваніе Сибири. Самыя внѣшнія обстоятельства создавали въ Сибири особый порядокъ вещей: нужно было признать эту предпріимчивость вольницы, кончавшуюся новыми пріобрѣтеніями для государства, но и приводившую за собой угнетеніе туземцевъ, которое вызывало цѣлый рядъ возстаній инородцевъ; отдаленность страны отъ глаза центральной власти дѣлала очень труднымъ или даже совсѣмъ невозможнымъ контроль мѣстнаго управленія, которое съ XVII-го вѣка и до начала XIX-го все болѣе принимало характеръ самоуправства и грабежа воеводъ, а потомъ губернаторовъ. Далѣе, отдаленность страны съ самаго начала навела на мысль сдѣлать ее мѣстомъ ссылки: кого не хотѣли прямо казнить, удаляли въ пустынныя поселенія Сибири, отрывая отъ живого міра; до XVII-го вѣка заключали знатныхъ людей въ тюрьмы или монастыри, въ Кирилловъ-Бѣлозерскій, въ Соловки; теперь отсылали въ Пелымъ, Березовъ, Илимскъ, Якутскъ, Нерчинскъ; въ XVII и XVIII вѣкѣ было высылаемо множество знатныхъ лицъ, впадавшихъ въ опалу; въ Сибирь отправляли массу плѣнныхъ, которыхъ большое число оставалось здѣсь навсегда, теряясь потомъ въ мѣстномъ населеніи; наконецъ, Сибирь стала по закону обычнымъ мѣстомъ уголовной и административной ссылки. Русская колонизація шла чрезвычайно неровно: захватывались громадныя пространства, слабо населенныя; между людьми промышленными и служилыми оказывался недостатокъ женщинъ, и русскіе по-неволѣ брали женщинъ изъ мѣстныхъ инородческихъ племенъ, легко бросали и мѣняли ихъ; сама власть, наконецъ, предпринимала отправку женщинъ массами въ Сибирь, чтобы доставить служилымъ людямъ подругъ—женщины были, конечно, не лучшаго достоинства. Русскій типъ измѣнялся подъ вліяніемъ этихъ

смѣшеній съ иноземнымъ элементомъ; инородцы, принимая христіанство, селясь между русскими или охватываемые русскими поселеніями, русѣли, но, конечно, не сполна, сохраняя въ своемъ новомъ типѣ черты стараго,—какъ случалось и наоборотъ, даже до послѣдняго времени, что русскіе, поселенные (часто по-неволѣ, вслѣдствіе практическихъ надобностей, для промысловъ, сторожевой службы, почтовой гоньбы)—въ инородческой средѣ, сами теряли до нѣкоторой степени свою народность и почти смѣшивались съ этою средой. Вслѣдствіе всего этого, въ русскомъ населеніи Сибири мало-по-малу сложился особый характеръ, физическій и бытовой: колонизація соединяла въ Сибири людей весьма различнаго происхожденія и склада, которые, не сохранивъ первоначальныхъ свойствъ, въ своемъ взаимодѣйствіи вырабатывали новыя черты на русской племенной основѣ. Уже старые путешественники первой половины прошлаго вѣка отмѣчали особенности сибирскаго языка.

Въ понятіяхъ общества и народа въ метрополіи, Сибирь рисовалась въ чертахъ совершенно разнородныхъ: далекая страна, о которой трудно было имѣть точныя свѣдѣнія, представлялась то какъ „золотое дно", то какъ ужасающая пустыня, имя которой было синонимомъ страшныхъ ссылокъ. Въ дѣйствительности, было то и другое: эксплуатація естественныхъ богатствъ доставляла государству и отдѣльнымъ частнымъ людямъ огромныя средства, которымъ, къ сожалѣнію, не отвѣчало культурное развитіе страны; ссылки наполняли Сибирь населеніемъ, которое не служило странѣ на пользу и создавало странныя соціальныя явленія, неизвѣстныя нигдѣ въ остальной Россіи и, въ общемъ, весьма мрачныя.

Это положеніе вещей съ нѣкоторыми видоизмѣненіями продолжалось до новѣйшаго времени. Лишь въ послѣдніе годы готовятся нѣкоторыя преобразованія во внутреннемъ бытѣ Сибири и, между прочимъ, предстоитъ соединеніе Сибири съ метрополіей желѣзными дорогами, которое вѣроятно повлечетъ къ важнымъ результатамъ. Но пока страна все еще живетъ въ исключительномъ положеніи, едва начинаетъ получать тѣ новыя учрежденія, какія въ метрополіи введены уже давно реформами прошлаго царствованія; нравы стараго административнаго произвола еще не вымерли и небольшая сознательная часть сибирскаго общества все еще безсильна въ борьбѣ съ этимъ наслѣдіемъ прошлаго. Процессъ народнаго броженія до сихъ поръ въ полномъ ходу: въ послѣдніе годы переселенія въ Сибирь приняли никогда не бывалые размѣры; массы народа, преимущественно изъ среднихъ и южныхъ губерній, направляются въ далекую колонизацію, отъ западной и южной Сибири и новыхъ средне-азіатскихъ владѣній до отдаленнѣйшихъ мѣстностей на Амурѣ и въ Уссурійскомъ краѣ. Пере-

селенческое движенiе вноситъ въ Сибирь новые народные элементы, которымъ предстоитъ еще акклиматизироваться, измѣняться подъ вліяніями новой среды и развивать сибирскую разновидность русскаго народа. Какъ она сложится, это, конечно, вопросъ будущаго. Однимъ изъ самыхъ прискорбныхъ недостатковъ сибирской жизни, вредное вліяніе котораго отражается и въ крупныхъ, и въ мелкихъ ея явленіяхъ, надо признать отсутствіе правильной постановки школы, особливо отсутствіе учрежденій для высшаго образованія. Сибирское общество въ своихъ лучшихъ представителяхъ давно мечтало объ основаніи университета; дѣйствительно, странно было видѣть, что огромная страна въ наступающемъ четвертомъ столѣтіи своего русскаго бытія не можетъ добиться хотя бы одной высшей школы, которая могла бы разлить въ мѣстномъ обществѣ степень образованія, необходимую и для практической пользы страны, и для нравственнаго сознанія общества. Потребность въ высшей школѣ была такъ сильна, что одними частными пожертвованіями собрана была огромная сумма для основанія сибирскаго университета; прошли годы, пока открытъ былъ, наконецъ, — одинъ факультетъ... Мы привыкли читать самодовольныя заявленія о нашихъ необычайныхъ успѣхахъ въ Сибири и въ Средней Азіи, но достаточно вспомнить гражданскую и общественную исторію Сибири, и сравнить ее, напримѣръ, съ англійской колонизаціей Австраліи (не говоримъ уже о колонизаціи сѣверо-американской), чтобы составить понятіе о дѣйствительномъ культурномъ вѣсѣ нашихъ успѣховъ въ Сибири. Правда, вся сѣверная Сибирь и значительная часть средней представляютъ весьма трудныя или даже невозможныя условія для культурнаго успѣха, но многія мѣстности сибирскаго юга, на западѣ и на крайнемъ востокѣ страны, обладаютъ всѣми природными данными для процвѣтанія, и однако оно все еще не приходитъ. Колонизаціонныя предпріятія идутъ первобытными способами, и помощь просвѣщенія, которое одно можетъ должнымъ образомъ вооружить человѣка для успѣховъ культуры, все еще отвергается, какъ вещь излишняя.

До сихъ поръ мы не имѣли обстоятельной исторіи Сибири. Какъ въ первобытныя времена, исторіографія Сибири начинается лѣтописью; эта лѣтопись идетъ съ первыхъ лѣтъ русскаго владычества въ Сибири до второй половины прошлаго вѣка, когда „Новую сибирскую лѣтопись" велъ тобольскій ямщикъ Черепановъ. Настоящая исторіографія возникаетъ лишь съ XVIII вѣка, и на первое время — трудамм ученыхъ иноземцевъ. Послѣ старыхъ опытовъ знаменитаго Миллера и Фишера, только разъ поднята была эта задача въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія — въ книгѣ Словцова (1838—44), исполненной съ большимъ трудолюбіемъ, но слишкомъ реторической и

кромѣ того боязливой, а въ наше время — въ книгѣ И. Щеглова (1883), которая, впрочемъ, даетъ только хронологическое изложеніе фактовъ, къ сожалѣнію, не всегда удовлетворяя научнымъ требованіямъ, или въ трудахъ В. Андріевича, гдѣ даются почти только выписки изъ Полнаго Собранія Законовъ. Накопившіяся доселѣ отдѣльныя сообщенія о сибирской старинѣ и современномъ бытѣ въ разныхъ отношеніяхъ, не объединены въ цѣльномъ историческомъ трудѣ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣреваемся изложить въ самыхъ общихъ чертахъ постепенное развитіе тѣхъ изслѣдованій, какія посвящены были Сибири почти съ ея перваго занятія русскими — по описанію ея территоріи, по ея исторіи и этнографіи. Въ этихъ изслѣдованіяхъ сошлись весьма разнообразныя предпріятія. Первыя разысканія о Сибири дѣлались первобытнымъ эмпирическимъ образомъ — прямымъ захватомъ земель: это были дѣла предпріимчивыхъ людей въ родѣ самого Ермака, искавшихъ исхода своему удальству и, по невозможности удерживать завоеваннаго въ своихъ рукахъ, отдававшихъ результаты своихъ подвиговъ въ руки государства, съ которымъ сами не всегда были въ ладахъ. Конецъ XVI-го и XVII-й вѣкъ ознаменовались смѣлыми предпріятіями этого рода, которыя, расширяя государственную территорію, вмѣстѣ расширяли и географическое знаніе: искатели новыхъ земель руководились простыми соображеніями прибыли и добычи, продолжая полусознательно историческій трудъ русской народной колонизаціи, но ихъ странствованія и открытія мало-по-малу становились достояніемъ науки, достигая людей, которымъ интересъ науки былъ близокъ; къ личной предпріимчивости сибирскихъ искателей, которымъ и правительство предоставляло дѣйствовать на свой страхъ, присоединились въ XVIII-мъ вѣкѣ экспедиціи, дѣланныя по порученіямъ самой власти. Съ конца XVI-го вѣка вопросъ объ азіатскомъ сѣверѣ поднятъ былъ и съ другой стороны: онъ живо интересовалъ тѣ торговыя и промышленныя компаніи, англійскія и голландскія, которыя предпринимали тогда цѣлый рядъ экспедицій для изслѣдованія Сѣвернаго океана, въ предположеніи найти новый торговый путь въ Индію, Китай и иныя азіатскія страны. Такъ, прежде всего найденъ былъ извѣстнымъ образомъ путь въ Бѣлое море, которымъ завязались торговыя сношенія Англіи съ Россіей; въ XVII-мъ столѣтіи западные мореходы пытаются проникнуть дальше, мимо сѣвернаго берега Сибири; эти попытки были неудачны, но продолжены были русскими плавателями; послѣдніе еще въ XVII вѣкѣ успѣли обогнуть по Ледовитому океану сѣверную Сибирь и проплыть тотъ проливъ, который впослѣдствіи былъ точнѣе опредѣленъ экспедиціей Беринга и отъ него получилъ свое имя. Упомянутыя торговыя компаніи старались въ XVII-мъ вѣкѣ вывѣдать въ Россіи о по-

выхъ земляхъ, отысканныхъ русскими въ Азіи, но русскіе, по тогдашнему обычаю, усиленно скрывали то, что́ уже знали, опасаясь ущерба для своихъ торговыхъ выгодъ; иноземцы, конечно, не смотря на то, узнавали, что́ было имъ нужно. Впослѣдствіи, въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ Европѣ съ большимъ интересомъ слѣдили за географическими открытіями тѣхъ экспедицій, какія посылались тогда русскимъ правительствомъ. Эта новая эпоха сибирскихъ и средне-азіатскихъ открытій начинается съ Петра Великаго. Онъ первый задумалъ правильное географическое изслѣдованіе своей имперіи, и съ его времени открывается рядъ знаменитыхъ путешествій, положившихъ первое основаніе точному географическому опредѣленію Сибири и сосѣднихъ земель. Преемники Петра продолжали дѣло, освященное его именемъ, а затѣмъ, въ царствованіе Екатерины II, послѣдовали новыя ученыя изслѣдованія, которыя затѣмъ продолжались до настоящаго времени. Въ западной Европѣ эти новыя пріобрѣтенія науки встрѣчаемы были съ величайшимъ любопытствомъ: книги академическихъ путешественниковъ, выходившія по-нѣмецки, и даже русскія сочиненія, появлялись въ многочисленныхъ переводахъ и изданіяхъ.

Съ XVIII-го вѣка начинаются первыя правильныя работы по сибирской исторіи, но только въ новѣйшее время возникаютъ изслѣдованія о внутреннихъ отношеніяхъ Сибири, объ ея этнографическомъ составѣ, объ условіяхъ быта и свойствахъ народнаго характера. На эти изслѣдованія положено было не мало труда, нерѣдко труда самоотверженнаго, которому должно было преодолѣвать величайшія препятствія. Многое изъ этихъ изслѣдованій полузабыто; многое остается неизвѣстно новѣйшимъ любителямъ по недоступности старыхъ рѣдкихъ книгъ, хотя въ разныхъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Мы не имѣемъ возможности исполнить этого обзора во всей полнотѣ, но постараемся по крайней мѣрѣ отмѣтить главное, и въ старой литературѣ напомнить великодушныя усилія прежнихъ изслѣдователей и многія важныя указанія, которыми теперь можетъ воспользоваться изыскатель сибирской старины и народности.

ГЛАВА I.

Первыя открытія въ Сибири.

Давнее знакомство русскихъ съ Сибирью.—Покореніе.—Древнее новгородское сказаніе „о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“; отраженіе его въ иностранныхъ описаніяхъ путешествій и картахъ XVI вѣка.—Занятіе всего пространства Сибири.—Русскія плаванія по Ледовитому океану.—Морскія путешествія иностранцевъ.—Разысканія о дальнемъ востокѣ.

Иностранныя описанія Сибири XVII-го столѣтія.—Исаакъ Масса.—Юрій Крижаничъ.—Витзенъ, и др.

Завоеваніе Сибири Ермакомъ не было первымъ знакомствомъ русскихъ съ этой страной. На самомъ дѣлѣ она извѣстна была русскимъ задолго раньше, и, мало того, задолго раньше Ермака начались присоединенія къ московскому государству сибирскихъ земель. Первое знакомство русскихъ съ народами, жившими по обѣимъ сторонамъ сѣвернаго Уральскаго хребта, относится, насколько это записано лѣтописью, еще къ XI-му столѣтію. Въ тѣ времена въ эти страны отправлялись новгородскіе „молодые люди“, привычные удальцы и промышленники; они знали Югру и „Самоядь“, т.-е. самоѣдовъ, и въ старой лѣтописи занесенъ, по новгородскимъ сообщеніямъ, разсказъ Югры новгородцамъ о появленіи за сѣверными горами какого-то новаго народа, неизвѣстнаго раньше самой Югрѣ и съ которымъ она вела нѣмую мѣновую торговлю; по толкованію лѣтописца, это былъ не кто иной, какъ тѣ нечистыя племена, которыя были заперты въ горахъ Александромъ Македонскимъ и выйдутъ изъ нихъ передъ концомъ свѣта. Въ XII-мъ столѣтіи продолжаются новгородскіе походы въ эти далекія страны; новгородцы хаживали и дальше самой Югры и Самояди, и имъ случалось видывать, какъ спадетъ туча и изъ нея разбѣгаются по землѣ молодые бѣлки и олени. Въ концѣ XII-го столѣтія Югра платила уже дань Новгороду, хотя иной разъ

побивала людей, приходившихъ за этою данью. Позднѣе, снова упоминаются походы на Югру, положеніе которой выясняется, а именно, новгородцы ходили на Обь, верхнюю и нижнюю, до самаго моря. Въ XV-мъ вѣкѣ прочныя русскія поселенія проникаютъ въ бассейнъ Камы, и при Иванѣ III дѣлаются новые походы въ Югорскую землю уже отъ московскаго князя; но въ то же время, очевидно, дѣлаетъ въ эту сторону походы вольница изъ Вятки и Устюга. Въ 1484 году къ московскому великому князю явились и подчинились его власти князья вогульскіе, югорскіе и князь *сибирскій*. Правда, подчиненіе было еще не крѣпко, но въ началѣ XVI-го вѣка эти земли считались уже окончательно принадлежащими Москвѣ, раздѣлены были на двѣ области, Обдорію и Кондію, названіе которыхъ вошло въ царскій титулъ въ 1514 году. Въ половинѣ XVI-го вѣка Иванъ Грозный въ грамотѣ къ англійскому королю уже называетъ себя повелителемъ Сибири. Покореніе Казани и Астрахани произвело сильное впечатлѣніе въ восточномъ финскомъ и тюркскомъ мірѣ; татарскіе владѣльцы на сѣверо-востокѣ теряли послѣдній оплотъ и, не имѣя надежды на самостоятельное существованіе, одинъ вслѣдъ за другимъ добровольно подчинялись московскому государству. Въ 1555 году въ Москву явились послы сибирскаго князя Едигера, и Иванъ Грозный взялъ „въ свою волю и подъ свою руку всю сибирскую землю", и въ слѣдующемъ году московскій посланецъ привезъ уже сибирскую дань изъ соболей и бѣлокъ. Въ 50-хъ годахъ XVI-го вѣка начинаютъ распространяться въ камской и закамской странѣ владѣнія Строгановыхъ, и впослѣдствіи съ ихъ предпріятіями связываются первые походы Ермака. Въ 1571—1572 годахъ были въ Москвѣ посланцы сибирскаго царя Кучума, который передъ тѣмъ, взявши городъ Сибирь и убивши Едигера, пересталъ посылать московскую дань, а теперь самъ подчинился Москвѣ, хотя не надолго. Въ 1577 году, вслѣдствіе разбоевъ на Волгѣ, изъ Москвы было послано войско для истребленія разбойниковъ и велѣно было доставить въ Москву ихъ предводителя Ермака на лютую казнь, а въ 1578 Ермакъ, избѣжавши этого плѣна, предпринялъ свой первый походъ въ Сибирь. 26-го октября 1581 года, Ермакъ вступилъ въ столицу сибирскаго царства —Искеръ, или Сибирь [1]).

---

[1]) Остатки его находятся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нынѣшняго Тобольска.

О древнѣйшемъ знакомствѣ съ Сибирью и отношеніяхъ къ восточнымъ инородцамъ см., кромѣ общихъ историческихъ сочиненій:

— А. Крупенина, Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Пермскаго края, въ „Пермскомъ Сборникѣ", М. 1859; Ѳирсова, Положеніе инородцевъ сѣ-

Исторія этого занятія Сибири, особенно его первой эпохи, до послѣдняго времени оставалась мало выяснена. Вопросъ былъ отчасти труденъ по одной весьма элементарной причинѣ. Старые русскіе люди бывали не весьма грамотны, интересъ историческій развитъ слабо, и когда они считали нужнымъ занести въ исторію, то-есть въ лѣтопись, какія-нибудь событія, они дѣлали это, даже въ очень позднія времена, по старой лѣтописной рутинѣ, очень кратко, отрывочно, и потому неясно, иногда только черезъ многіе десятки лѣтъ, уже не по прямымъ фактамъ, а по преданіямъ, сохранившимся случайно. Ермакъ не имѣлъ своего историка; о немъ сохранились только подобныя лѣтописныя сказанія, темныя и противорѣчивыя, до такой степени, что сталъ отчасти лицомъ баснословнымъ. Позднѣйшимъ историкамъ приходилось съ немалыми трудами связывать отрывочныя данныя и сглаживать противорѣчіе источниковъ, доходившее до того, что по нѣкоторымъ изъ нихъ вся иниціатива Ермака сводилась почти къ нулю и занятіе Сибири представлялось дѣломъ Строгановыхъ.

Крайне смутны и тѣ данныя, по которымъ можно было бы судить о первомъ знакомствѣ русскихъ съ отдаленными странами Сибири.

Древнѣйшее, какое только сохранилось въ нашей письменности, извѣстіе о Сибири, есть статья: „О человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“, которая нерѣдко встрѣчается въ старыхъ рукописяхъ и древнѣйшій списокъ которой относится къ концу XV-го вѣка. Статья давно была издана [1]), но не обращала на себя особеннаго вниманія, потому что баснословныя подробности, съ какими она говорила о незнаемыхъ людяхъ, заставляли относить ее къ числу фантастическихъ средневѣковыхъ сказаній, въ которыхъ трудно искать факта. Нѣкоторымъ историкамъ казалось даже, что въ данномъ случаѣ было не только наивное баснословіе о слишкомъ мало извѣстной странѣ, но намѣренная выдумка.

вост. Россіи въ Московскомъ государствѣ. Казань, 1866; Ешевскаго, Русская колонизація сѣверо-восточнаго края, въ „Сочиненіяхъ“, М. 1870, т. III; А. В. Оксенова, Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей, въ „Литерат. Сборникѣ“, изд. Н. Ядринцевымъ, Спб. 1885, стр. 438—445, и его же: Слухи и вѣсти о Сибири до Ермака, въ „Сибирскомъ Сборникѣ“, кн. IV. Спб. 1887; наконецъ, книгу Д. Н. Анучина, о которой далѣе.

[1]) Г. Ѳирсовымъ въ упомянутой книгѣ: „Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ“, — по той же рукописи Соловецкой библіотеки, которую повторилъ теперь Д. Н. Анучинъ, въ болѣе отчетливомъ чтеніи и съ варіантами изъ нѣсколькихъ другихъ рукописей, въ книгѣ: „Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака. Древнее русское сказаніе „о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточнѣй странѣ“. Археолого-этнографическій этюдъ“. М. 1890. 4°.

Въ сказаніи XV-го вѣка элементъ баснословный присутствуетъ несомнѣнно, и притомъ не въ маломъ количествѣ. Въ тѣ времена, когда географическія свѣдѣнія были вообще крайне скудны, когда народы знали съ нѣкоторой точностію только ближайшихъ сосѣдей, представленія о странахъ и народахъ отдаленныхъ бывали обыкновенно преисполнены фантастическимъ элементомъ. Далекія земли обитаемы были народами совершенно особыми, не похожими на обыкновенныхъ людей, даже до окончательной потери человѣческаго образа. На извѣстной ступени развитія литература всѣхъ культурныхъ народовъ представляетъ множество примѣровъ подобнаго баснословія. Разъ пущенное въ ходъ фантастическое сказаніе охотно повторялось легковѣрными людьми, изъ одной литературы переходило въ другую, и нѣкоторыя басни, иногда унаслѣдованныя средними вѣками еще отъ классической древности, были столь живучи, что уцѣлѣли въ простонародномъ повѣрьѣ и донынѣ [1]). Наша старая письменность не была чужда тому же фантастическому представленію о народахъ дальнихъ странъ. Многія переводныя сказанія, какъ напримѣръ сказаніе о богатой Индіи, Александрія, Луцидаріусъ и пр. заключали въ себѣ цѣлую галлерею „дивьихъ“ народовъ и чудесныхъ странъ; въ „Александріи“ македонскій царь, переступивъ границу извѣстныхъ земель, переходилъ потомъ только отъ одного чуда къ другому. Нѣкоторыя подробности нашего сказанія о незнаемыхъ людяхъ въ восточной странѣ совпадаютъ съ этой книжной фантастикой; не были ли онѣ и взяты прямо отсюда?

Д. Н. Анучинъ, посвятившій этому сказанію внимательное изслѣдованіе, категорически отвергаетъ здѣсь подобное заимствованіе. Во-первыхъ, книжная фантастика пришла къ намъ въ памятникахъ сравнительно позднихъ, а во-вторыхъ, по сличенію не оказывается никакихъ явственныхъ слѣдовъ непосредственнаго вліянія. „Наше сказаніе совершенно оригинально; по всѣмъ признакамъ, составитель „Сказанія“ писалъ не мудрствуя лукаво, что зналъ и слышалъ, и не думалъ хвастаться ни своими знаніями, ни своими приключеніями. Еслибы это былъ человѣкъ начитанный, слыхавшій о разныхъ дивныхъ людяхъ, и еслибы онъ желалъ пополнить свой разсказъ на счетъ книжной мудрости, то онъ, вѣроятно, пошелъ бы много далѣе въ своихъ вымыслахъ... а также по всей вѣроятности сослался бы на какой-нибудь авторитетъ... Ничего подобнаго въ разбираемомъ нами сказаніи нѣтъ; оно носитъ вполнѣ характеръ простого, безпритязательнаго разсказа человѣка, которому пришло на мысль записать

[1]) Такъ напримѣръ въ народѣ обращаются до сихъ поръ разсказы о песьиголовцахъ, или о людяхъ съ одной ногой и одной рукой, которые бѣгаютъ очень быстро, сцѣпившись одинъ съ другимъ, и т. п.

извѣстное ему и слышанное относительно народовъ, живущихъ далеко на сѣверѣ и востокѣ, за Югорскою землею, — относительно ихъ вида, быта и имѣющагося у нихъ товара".

Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ этого сказанія, которое г. Анучинъ считаетъ новгородскимъ (что́ и вѣроятно).

„На восточнѣй странѣ, за Югорьскою землею надъ моремъ живуть люди Самоѣдь, зовомы Могонзѣи; а ядь ихъ мясо оленье да рыба, да межи собою другъ друга ядять, а гость къ нимъ откуды пріидѣть, и они дѣти свои закалають на гостей, да тѣмъ кормять, а которой гость у нихъ умреть, и они того съѣдають, а въ землю не хоронять, а своихъ тако же. Сія же люди не велики възрастомъ, плосковиды, носы малы, но рѣзвы вельми и стрѣлцы скоры и горазды, а яздять на оленяхъ и на собакахъ. А платіе носять соболіе и оленье, а товаръ ихъ соболи.

„Въ той же странѣ иная Самоѣдь такова же, Липная словеть. Лѣтѣ мѣсяць живуть въ мори, а на сусѣ не живуть того ради, занеже тѣло на нихъ трѣскается, и они тотъ мѣсяць въ водѣ лежать, а на берегъ не смѣють выти.

„Въ той же странѣ есть иная Самоядь: по пупъ люди мохнаты до долу, а отъ пупа въ верхь яко же и прочіи человѣци...

„Въ той же странѣ иная Самоѣдь: въ верху рты на тѣмени, а не говорять, а образъ въ пошлину человѣчь, а коли ядять, и они крошять мясо или рыбу, да кладуть подъ колпакъ или подъ шапку, и какъ почнуть ясти, и они плечима движуть въ верхъ и внизъ.

„Въ той же странѣ есть иная Самоѣдь: яко же и прочіи человѣци, по зими умирають на два мѣсяца. Умирають же тако: какъ где которого застанеть въ тѣ мѣсяци, тотъ тя (тамъ) и сядеть, а у него изъ носа вода изойдеть, какъ отъ потока, да примерзнеть къ земли, и кто человѣкъ иные земли не видѣніемъ (невѣдѣніемъ, по невѣдѣнію) потокъ той отразить (отломитъ) у него и запхнеть съ мѣста, и онъ умреть... А иные оживають, какъ солнце на лѣто вернется.

„Въ той же странѣ, въ верху Оби рѣкы великыя есть земля, Баидъ именуемая, лѣса на ней нѣтъ, и люди, какъ и прочіи человѣци, живуть въ земли, а едять мясо соболіе... А соболи же у нихъ черны вельми и великы, шерсть живого соболи по земли ся волочитъ.

„Въ той же странѣ иная Самоѣдь: по обычаю человѣци, но безъ главъ, рты у нихъ межи плечи, а очи въ грудѣхъ, а ядь ихъ головы оленіи сырые, и коли имъ ясти, и они головы оленіи возметывають себѣ въ ротъ на плечи и на другый день кости измещуть изъ себя туда же, а не говорять. А стрѣлба же ихъ — трубка желѣзна въ руцѣ, а въ другой руцѣ стрѣлка желѣзна, да стрѣлку ту въкладаеть въ трубку, да бьеть молоткомъ въ стрѣлку, а товару у нихъ никоторого нѣтъ.

„Вверхь тоя же рѣкы великыя Оби есть люди, ходять по подъ землею иною рѣкою день да нощь, съ огни, и выходять на озеро, и надъ тѣмъ озеромъ свѣтъ пречюденъ, и градъ великъ, а посаду нѣтъ у него, и кто поѣдеть къ граду тому, и тогда слышити шюмъ великъ въ градѣ томъ, какъ и въ прочихъ градѣхъ, и какъ пріидуть въ него и людей въ немь нѣтъ и шюму не слышити никоторого, ни иного чего животнаго, но въ всякыхъ дворѣхъ ясти и пити всего много, и товару всякого, кому что надобѣ, и онъ, положивъ цѣну противу того, да возметь что кому надобѣть и прочь отходять, а кто что безъ

цѣны возметь и прочь отъидеть, и товаръ у него погыбнеть и обрящется пакы въ своемъ мѣстѣ. И какъ прочь отходять отъ града того, и шюмъ пакы слышѣти какъ и въ прочихъ градѣхъ.

„Въ восточнѣй же странѣ есть иная Самоѣдь Каменская, облежить около Югорьскіе земли, а живуть по горамъ высокымъ, а ездять на оленехъ и на собакахъ, а платье носять соболіе и оленіе... Да есть у нихъ лѣкари: у которого человѣка внутри не здраво, и они брюхо рѣжуть, да нутръ вынимають и очищають и пакы заживляють. Да въ той же Самоеди видали, скажють, Самоедь же старые люди: въ горы подлѣ море мертвыхъ своихъ идуть плачущи множество ихъ, а за ними идеть великъ человѣкъ, погоняя ихъ палицею желѣзною".

Въ этомъ новгородскомъ сказаніи мы имѣемъ первый зачаточный опытъ этнографіи сибирскихъ туземцевъ. Баснословное видимо привязано было къ чему-то фактическому. Сказаніе отмѣчаетъ нѣсколько различныхъ родовъ Самояди, опредѣленно указываетъ и ту область, гдѣ слѣдовало отыскивать описанныя имъ племена: эта область находится за Югорскою землею въ странѣ великой рѣки Оби,—до Оби, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, новгородцы доходили еще въ половинѣ XIV-го столѣтія. Помѣщеніе Самояди за Югорской землей, положеніе которой для той эпохи опредѣляютъ за Ураломъ [1]), упоминаніе Оби и иныя подробности указываютъ, что въ новгородскомъ сказаніи идетъ рѣчь о Сибири, которая, однако, не названа: могло быть, что въ ту пору это имя было еще неизвѣстно. Въ нашихъ лѣтописяхъ Сибирь названа впервые въ концѣ XV вѣка, при описаніи похода 1483 г., князя Ѳедора Курбскаго-Чернаго, да Ивана Ивановича Салтыка-Травина, когда воеводы великаго князя имѣли „бой съ вогуличами на устьяхъ рѣки Пелыни" (притокъ Тавды, впадающей въ Тоболъ), и „оттолѣ пошли внизъ по Тавдѣ рѣцѣ, мимо Тюмень, въ Сибирскую землю", „а отъ Сибири шли по Иртышу рѣцѣ внизъ воюючи, да на Обь рѣку великую въ Югорскую землю" [2]). Такимъ образомъ, Югорская земля отличается отъ сибирской и, вообще, „Сибирь" въ то время обозначала только область, гдѣ столицей былъ городъ Сибирь, а этотъ городъ основанъ былъ, какъ полагаютъ, ханомъ Маметомъ, жившимъ во второй половинѣ XV-го вѣка.

Переходя къ разбору подробностей новгородскаго сказанія, г. Анучинъ привлекъ къ изслѣдованію какъ показанія старыхъ русскихъ источниковъ, такъ и литературу иностранныхъ путешествій XVI-го и XVII-го вѣка, и приходитъ къ выводу, что новгородское сказаніе

---

[1]) Нѣкогда Югра обитала, повидимому, по сю сторону Урала, но къ XV-му вѣку передвинулась за Уралъ.

[2]) Имя Сибири названо въ нашей лѣтописи даже еще въ 1407 году, когда упоминается о смерти хана Тохтамыша, убитаго „въ Сибирской земли"; но это послѣднее упоминаніе считается позднѣйшею вставкою.

передаетъ фактическія сообщенія стариннаго бывалаго человѣка — вѣроятно торговца, судя по постоянному упоминанію о „товарѣ“, и что оно нашло отголосокъ въ западно-европейскихъ путешествіяхъ.

Первая Самоядь, названная въ новгородскомъ сказаніи именемъ „Могонзѣи“ [1]), по объясненію г. Анучина, означаетъ именно то племя и мѣстность, гдѣ впослѣдствіи, именно въ 1600 году, основанъ былъ русскими острогъ Мангазея: впослѣдствіи этотъ острогъ былъ оставленъ по разнымъ неудобствамъ и его смѣнила новая Мангазея, нынѣшній Туруханскъ. Поводомъ къ основанію старой Мангазеи были, кажется, слухи о богатствѣ этого края и о томъ, что къ тамошнимъ самоѣдамъ уже раньше проникли русскіе и зырянскіе промышленники, которые „дань съ нихъ (самоѣдовъ) имали воровствомъ на себя, а сказывали на государя, а въ государеву казну не давали, и обиды, и насильства, и продажи отъ нихъ были имъ (самоѣдамъ) великія“. Существованіе стариннаго названія племени, засвидѣтельствованнаго новгородскимъ сказаніемъ, и города съ названіемъ, почти или вполнѣ тождественнымъ, дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что городъ получилъ это названіе именно отъ того племени, среди котораго онъ былъ основанъ,—какъ предполагали уже старые историки Сибири, Миллеръ и Фишеръ.

Указаніе на такое племя повторяется нѣсколькими старыми иностранными географическими картами, изображающими сѣверъ Россіи и Сибири около устьевъ Оби и Енисея. Мы упоминали, что географическія открытія шли здѣсь параллельно: въ то время, какъ русскіе, идя путемъ постепеннаго захвата новыхъ земель, подвигались отъ Соли-Вычегодской, и позднѣе отъ Тобольска, въ глубь сибирскихъ земель и доходили въ поискахъ за „Самоѣдью“ до береговъ Ледовитаго океана, западные мореплаватели шли къ тѣмъ же берегамъ морскимъ путемъ. Европейскія изысканія сходились съ поисками русскихъ людей и западная картографія съ русскими „чертежами“, и г. Анучинъ указываетъ, повидимому, несомнѣнный слѣдъ нашего новгородскаго сказанія въ западныхъ картахъ. Такова напр. карта голландскаго мореплавателя Баренца, 1597. Баренцъ участвовалъ въ трехъ экспедиціяхъ къ русскимъ берегамъ Ледовитаго моря и къ Новой Землѣ, и на его картѣ изображенъ довольно вѣрно Лапландскій полуостровъ, Бѣлое море, устье Печоры, Обь, и за Обью Molgomzaia. Но еще ранѣе эти молгомзаи на томъ же мѣстѣ указываются на картѣ извѣстнаго путешественника въ Россію Антона Дженкинсона 1562 года (она приведена въ атласѣ Ортелія, 1583, и у Меркатора, 1587). Дженкинсонъ былъ по торговымъ дѣламъ (черезъ

[1]) Въ другихъ варіантахъ „Молгонзѣи“, „Монгазѣи“ и т. п.

Архангельскъ) пять разъ въ Россіи (Москвѣ) съ 1557 до 1571 года, причемъ во вторую поѣздку совершилъ путешествіе съ караваномъ въ Бухару, а въ третью — въ Персію. Въ отчетѣ объ одномъ изъ этихъ путешествій, представленномъ Дженкинсономъ лондонской торговой (московской) компаніи, между прочимъ приложены „разныя замѣтки, собранныя Ричардомъ Джонсономъ (который былъ въ Бухарѣ съ А. Дженкинсономъ) изъ показаній русскихъ и другихъ иностранцевъ, о путяхъ по Россіи въ Китай (Cathaya) и о разныхъ странныхъ народахъ", а именно, что̀ для насъ особенно любопытно, свѣдѣнія „о нѣкоторыхъ странахъ самоѣдовъ, живущихъ по рѣкѣ Оби и по морскимъ берегамъ за этой рѣкой, переведенныя слово въ слово *съ русскаго языка*". Страны эти,—говорится далѣе,—„были посѣщены однимъ русскимъ, родомъ изъ Холмогоръ, по имени Ѳедоромъ Товтыгинымъ, который, какъ говорятъ, былъ убитъ въ свою вторую поѣздку, въ одной изъ сказанныхъ странъ". Судя по приведеннымъ извлеченіямъ, русскимъ источникомъ Джонсона была именно статья „о человѣцѣхъ незнаемыхъ" [1]). Такъ можно заключить по началу извѣстія: „Въ восточной странѣ (upon the East part), за Югорскою землею, рѣка Обь составляетъ ея самую западную часть. По берегу моря живутъ самоѣды и страна ихъ называется Молгомзей (Molgomsey); они питаются мясомъ оленей и рыбъ, а иногда и ѣдятъ другъ друга". Затѣмъ слѣдуетъ описаніе того, какъ они убиваютъ дѣтей, чтобы угостить приходящихъ къ нимъ торговцевъ, какъ они не хоронятъ мертвыхъ, а ѣдятъ ихъ, а далѣе описаніе ихъ наружнаго вида, ихъ ѣзды на собакахъ и оленяхъ, и ихъ торга соболями. Дальнѣйшія извѣстія нѣсколько сокращены, и повидимому въ нихъ пропущено именно то, что̀ представлялось особенно невѣроятнымъ или преувеличеннымъ.

Разбирая далѣе имя племени („могонзѣи" или „молгомзѣи" и т. п.), г. Анучинъ находитъ объясненіе его въ языкѣ самоѣдскихъ племенъ и полагаетъ, что оно обозначало людей краевыхъ, конечныхъ, жившихъ на краю земли: оно могло означать то племя, которое извѣстно теперь подъ именемъ юраковъ.

Обращаясь къ разбору свѣдѣній новгородскаго сказанія по существу, г. Анучинъ находилъ, что оно не только не было произвольной фантазіей, но имѣло въ основѣ если не прямыя фактическія данныя, то весьма распространенныя представленія. Названіе „самоѣдовъ" зналъ уже Плано-Карпини, и хотя онъ не говоритъ объ ихъ людоѣдствѣ, но позднѣйшіе путешественники, напримѣръ, Герберштейнъ, затѣмъ Джонсонъ, Флетчеръ, Петрей, Олеарій говорятъ со словъ рус-

[1]) Анучинъ, стр. 34—36.

скихъ о крайней ихъ дикости, а въ томъ числѣ и о людоѣдствѣ. Слово „самоѣдъ“ по всей вѣроятности произошло отъ финскаго корня, но у русскихъ давно было осмыслено въ значеніи людей, которые сами себя ѣдятъ, то-есть преданные людоѣдству. Это представленіе подтверждалось преданіями и разсказами о такихъ случаяхъ, гдѣ самоѣды дѣйствительно совершали людоѣдство — своихъ и чужихъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія новгородскаго сказанія о томъ, что этотъ родъ самоѣдовъ не великъ ростомъ, что они искусные стрѣлки, что товаръ ихъ есть соболь и пр., представляются совершенно возможными, такъ какъ подтверждаются и другими фактами. Что этотъ край былъ особенно богатъ соболемъ, видно между прочимъ изъ того, что рѣка, впадающая въ Ледовитый океанъ между Обью и Енисеемъ, была названа Собольною.

Далѣе, относительно разсказа о „Линной Самоѣди“ т.-е. той, которая лѣтомъ линяетъ, то-есть мѣняетъ кожу,—лѣтомъ кожа у нихъ трескается, почему они живутъ это время въ морѣ, г. Анучинъ дѣлаетъ вѣроятную догадку, что здѣсь надо подразумѣвать простой бытовой фактъ изъ жизни сѣверно-сибирскихъ самоѣдовъ, именно ихъ лѣтнія перекочевки. „Самоѣды, проводя большую часть года въ лѣсной области, гдѣ не такъ холодно, меньше мятелей и болѣе звѣря для охоты, перекочевываютъ лѣтомъ на сѣверъ, въ тундру, спасаясь отъ комаровъ и занимаясь, отчасти, промысломъ на морского звѣря и рыбу“. Самый промыселъ на морскихъ звѣрей и на рыбу совершается такъ, что иносказательно можно было бы говорить, что самоѣды въ это время живутъ въ морѣ. Новѣйшій путешественникъ въ тѣ края, Кушелевскій разсказываетъ, что на рыбномъ промыслѣ самоѣды иногда по цѣлымъ днямъ, какая бы ни была погода, бродятъ по пазуху въ водѣ, по отмелямъ Обской губы, и т. д. [1]).

Подобнымъ образомъ г. Анучинъ подробно разбираетъ всѣ остальные пункты новгородскаго сказанія о Самоѣди мохнатой, живущей подъ землею и т. д., и вездѣ старается найти раціональное объясненіе чудесъ, о которыхъ наговорилъ старинный новгородецъ. Въ этихъ толкованіяхъ разсѣяно не мало важныхъ объясненій для сибирской археологіи и этнографіи, какъ, напримѣръ, то, что авторъ говоритъ въ связи съ новгородскимъ сказаніемъ о горномъ дѣлѣ на Алтаѣ, о нѣмомъ торгѣ, о способахъ шаманскаго леченія, и т. д.

Свое общее заключеніе о значеніи новгородскаго сказанія авторъ высказываетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

„Заканчивая разсмотрѣніе сказанія, нельзя не повторить снова, что многія извѣстія его совершенно согласны съ дѣйствительностью,

---

[1]) Анучинъ, стр. 46—47.

другія вѣроятны или возможны, третьи основаны, тоже, очевидно, на дѣйствительныхъ, хотя преувеличенныхъ или невѣрно понятыхъ фактахъ, и только нѣкоторыя представляются явно миѳическими, но и то едва ли придуманными нарочно, а скорѣе передающими ходившіе между Югрой и посѣщавшими ихъ русскими—повѣрья и разсказы.

„Наоборотъ, положительныя стороны разбираемой статьи заслуживаютъ полнаго вниманія съ историко-этнографической точки зрѣнія. Въ немъ мы находимъ первый сколько-нибудь связный разсказъ о народахъ по нижнему теченію р. Оби и по р. Тазу, объ юракахъ, каменскихъ самоѣдахъ и другихъ племенахъ имъ родственныхъ, — первые слухи о странахъ въ верховьяхъ Оби, о нѣкоторыхъ племенахъ тюрко-монгольскихъ, ихъ бытѣ, древней разработкѣ Алтайскихъ копей, нѣмомъ торгѣ, шаманствѣ и т. д. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ статья представляетъ интересъ и для общей этнологіи или исторіи первобытной культуры; здѣсь мы встрѣчаемъ извѣстія о людоѣдствѣ, о стрѣльбѣ изъ желѣзныхъ трубокъ, одну изъ древнѣйшихъ легендъ о мертвомъ городѣ и т. д. Наконецъ, статья заслуживаетъ вниманія и въ историко-географическомъ отношеніи въ виду того, что нѣкоторыя данныя ея дали матеріалъ для иностранныхъ картъ XVI-го вѣка и что отсюда, повидимому, были заимствованы понятія о странахъ Molgomzaia, Baida и о Каменскихъ Самоѣдахъ“ [1]).

Въ объясненіе того, какъ и въ гораздо болѣе позднее время возникали баснословные разсказы о чудовищныхъ людяхъ, г. Анучинъ приводитъ изданную недавно отписку енисейскаго воеводы князя Щербатова въ сибирскій приказъ отъ 1685 года [2]). Въ отпискѣ говорится, что въ томъ 1685 году „почала быть словесная рѣчь межъ всякихъ чиновъ, будто въ енисейскомъ уѣздѣ, вверхъ по Тунгускѣ рѣкѣ, явились дикіе люди объ одной рукѣ и объ одной ногѣ“. Нѣсколько человѣкъ ясачныхъ тунгусовъ было спрошено и они утвердительно говорили, что дѣйствительно существуютъ такіе люди, что такой человѣкъ попался даже въ звѣриную ловушку (капканъ) одного тунгуса и былъ этой ловушкой застрѣленъ, но изъ спрошенныхъ самъ никто такого человѣка не видалъ, а одинъ тунгусъ Богдашко „видѣлъ самъ на горѣ въ камени ту яму (гдѣ, какъ полагалось, жили тѣ чудовищные люди), и отъ той-де ямы видѣлъ же слѣдъ тѣхъ дикихъ людей на снѣгу хожено одною босою ногою, а тотъ-де ихъ слѣдъ гораздо малъ, какъ пяти лѣтъ ребенка“ [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 85 — 86.

[2]) Отписка, найденная въ бумагахъ московскаго Архива министерства юстиціи, издана г. Гоздаво-Голомбіевскимъ, въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей, за 1888.

[3]) Стр. 86 — 88.

Новгородское сказаніе любопытно въ другомъ, отрицательномъ отношеніи: составленное въ XV вѣкѣ, а можетъ быть достигая и до конца XIV-го, это сказаніе продолжало обращаться въ рукописяхъ до XVII-го вѣка, переписывалось въ неизмѣнномъ видѣ, не вызвавши никакого комментарія или дополненія, — такъ медленно развивалась историческая любознательность. Въ то время, когда уже были на мѣстѣ достаточно извѣстны всѣ существующіе роды „Самояди“, продолжали переписывать старое баснословное сказаніе, и на смѣну его не явилось другого описанія сибирскихъ народовъ до XVIII-го вѣка.

Итакъ завоеваніе Сибири Ермакомъ было только послѣдовательнымъ продолженіемъ давняго движенія русскихъ на азіатскій востокъ, движенія, съ одной стороны чисто народнаго, разбойничьяго и колонизаціоннаго, а затѣмъ происходившаго по приказамъ власти. Подчиненіе „всей сибирской земли“ было на первое время весьма непрочно: сибирскіе владѣльцы то заявляли покорность и присылали дань, то отбивались отъ московскаго владычества, смотря по обстоятельствамъ, и при отдаленности новыхъ владѣній московской власти часто приходилось мириться съ этимъ и предоставлять времени довершать то тяготѣніе, которое силою вещей побуждало инородцевъ отдаваться подъ руку сильнаго сосѣдняго государства. Уже вскорѣ по смерти Ермака, грозило отпаденіе Сибири; надо было опять воевать съ непокорнымъ Кучумомъ и его сыновьями; онъ былъ, наконецъ, разбитъ, почти вся его семья была захвачена, но самъ онъ, уже слѣпой, избѣжалъ плѣна; одинъ изъ его сыновей назывался въ Москвѣ сибирскимъ царевичемъ, а другой воевалъ противъ русскихъ въ Сибири; еще въ половинѣ XVII-го в. внукъ Кучума велъ послѣднюю борьбу противъ русскихъ. Независимо отъ этихъ войнъ послѣдняго царскаго рода, съ конца XVI-го вѣка происходили безпрестанныя возстанія сибирскихъ инородцевъ, татаръ, калмыковъ, киргизовъ, остяковъ и пр., вызываемыя отчасти начавшимися притѣсненіями русскихъ правителей, отчасти воспоминаніями о прежней независимости. Эти возстанія тянутся долго въ теченіе XVII-го вѣка.

Дальнѣйшее занятіе Сибири шло очень быстро. Въ 1587 былъ построенъ Тобольскъ, который долгое время былъ главнымъ городомъ Сибири, и вскорѣ затѣмъ небольшіе города западной Сибири — Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тара, Нарымскій острогъ, Верхотурье, Мангазея. Въ 1604, основанъ Томскъ, съ построеніемъ котораго русскимъ принадлежала уже значительная часть нынѣшней томской губерніи. Въ 1618, основанъ Кузнецкій острогъ, переименованный вскорѣ въ городъ, и около того же времени основанъ Енисейскъ; въ 1628,

Канскій острогъ и Красный Яръ, нынѣшній Красноярскъ. Въ 1615, произошла первая встрѣча съ тунгусами: въ 1620—первыя донесенія мангазейскихъ казаковъ о якутахъ на Ленѣ. Въ 1613, казаки изъ Мангазеи на р. Тазѣ двинулись на востокъ, покоряли тунгусовъ по р. Вилюю, выплыли на Лену, встрѣтили здѣсь якутовъ и обложили ихъ данью; а въ 1632 году енисейскіе казаки проникли сюда же съ другой стороны, и именно, поднявшись вверхъ по Ангарѣ и Илиму, вышли черезъ волокъ на рѣку Лену, гдѣ покоряли на пути якутовъ и заложили Якутскій острогъ, на 70 верстъ ниже нынѣшняго Якутска. Въ 1635 основанъ былъ Олекминскъ, а затѣмъ вскорѣ Верхоянскъ, въ тобольскомъ краѣ Ялуторовскъ; въ 1648 основанъ Косой Острожекъ (впослѣдствіи городъ Охотскъ), Баргузинъ и Нижнеудинскъ, вскорѣ потомъ Верхнеудинскъ. Въ 1649—1650 казацкій атаманъ Хабаровъ, съ сотней охотниковъ на соболей, отправившись изъ Якутска, первый проникъ на Амуръ, гдѣ въ 1651 году былъ имъ основанъ Албазинъ, первое русское поселеніе на Амурѣ, долго выдерживавшее борьбу съ китайцами и манчжурами: русскіе отступили изъ этихъ мѣстъ въ концѣ XVII-го столѣтія, Албазинъ былъ разрушенъ, и потомки его жителей, отведенныхъ въ Пекинъ, существуютъ еще донынѣ, обратившись въ совершенныхъ китайцевъ и сохранивъ только подобіе православія. Далѣе, въ 1652 основано Иркутское зимовье, обратившееся потомъ въ городъ Иркутскъ; въ 1654—Нерчинскъ, въ 1666—Селенгинскъ. Наконецъ, въ 1697 году нѣсколько десятковъ казаковъ изъ Охотскаго края и мѣстныхъ инородцевъ отправились въ Камчатку и основали тамъ первое русское зимовье. Взглянувъ на карту, читатель отдастъ себѣ отчетъ въ поразительной быстротѣ этого завоеванія, совершавшагося обыкновенно казачьими и промышленными партіями, обыкновенно лишь въ нѣсколько десятковъ, рѣдко сотенъ, человѣкъ.

Такимъ образомъ, едва въ пятьдесятъ лѣтъ, отъ основанія Тобольска до построенія Охотска, произошло занятіе громаднаго пространства всей Сибири, едва ли не чаще совершаемое не по иниціативѣ власти, а предпріимчивостью вольныхъ отрядовъ. Рядомъ съ этими сухопутными или рѣчными походами, совершались не менѣе смѣлыя морскія путешествія, которыя въ первый разъ опредѣлили сѣверныя береговыя очертанія Сибири отъ устьевъ Оби до устьевъ Амура. Первыя плаванія относятся еще къ XVI вѣку. Когда англичане съ капитаномъ Ченслеромъ въ половинѣ XVI-го вѣка въ первый разъ прибыли къ Архангельску, русскіе уже плавали для промысловъ на Мурманскій берегъ, Шпицбергенъ и Новую-Землю, и вели морскую торговлю въ устьяхъ Оби и Енисея; но эти плаванія прекратились къ концу XVI-го вѣка, можетъ быть, какъ полагаютъ, отъ

измѣненія климатическихъ условій Карскаго моря. Когда русскія поселенія достаточно утвердились внутри сибирскаго материка, начинается рядъ экспедицій для осмотра сѣверныхъ краевъ Сибири и береговъ Ледовитаго океана. Въ 1636 отправленъ былъ изъ Енисейска казачій десятникъ Буза съ десятью человѣками для осмотра рѣкъ, идущихъ въ Ледовитый океанъ; къ казакамъ пристало нѣсколько десятковъ промышленниковъ: они отправились внизъ по Ленѣ, достигли ея западнаго устья и осмотрѣли берегъ на западъ до рѣки Оленека. Черезъ два года тотъ же Буза, отправившись отъ устья Лены на востокъ, открылъ рѣку Яну; другой плаватель нашелъ дальше рѣку Индигирку. Въ 1643—45, казацкій старшина Поярковъ, поднявшись по притокамъ Лены, перешелъ Становой хребетъ, спустился по притоку Амура въ эту рѣку и проплылъ все теченіе Амура до его устья; затѣмъ въ слѣдующемъ году онъ плавалъ по Охотскому морю. Въ 1646 осмотрѣнъ берегъ Сибири на востокъ отъ устья рѣки Колымы. Въ 1647 казакъ Семенъ Дежневъ предпринялъ свое первое плаваніе по Ледовитому океану на востокъ отъ р. Колымы, гдѣ былъ, однако, остановленъ льдами; въ слѣдующемъ году промышленники снарядили нѣсколько судовъ, которыя выплыли изъ устья Колымы; нѣсколько судовъ пропало безъ вѣсти, но Дежневъ, участвовавшій въ экспедиціи, обогнулъ мысъ Шелагскій и Чукотскій Носъ и выплылъ въ Охотское море, гдѣ бурей былъ выкинутъ на берегъ,—такъ впервые пройденъ былъ проливъ, получившій потомъ имя Беринга. Не перечисляя другихъ экспедицій, упомянемъ еще одну, которая отправлена была въ 1652 для отысканія материка на сѣверъ отъ устьевъ Яны и Колымы: вышедши изъ устьевъ Лены, эта экспедиція пропала безъ вѣсти.

Къ русскимъ плаваніямъ присоединяются многочисленныя экспедиціи западныхъ мореплавателей. Шестнадцатый вѣкъ былъ еще исполненъ стремленіемъ къ географическимъ открытіямъ, которое такъ сильно проявилось и дало такіе блестящіе результаты въ пятнадцатомъ столѣтіи. Но въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ не столько духъ научныхъ открытій, сколько разсчеты найти новые пути для европейской, и именно англійской и голландской, торговли. На европейскій востокъ влекло англичанъ и голландцевъ желаніе основать торговыя связи съ русскимъ государствомъ, уже тогда весьма обширнымъ, а затѣмъ черезъ ея земли открыть сухопутную торговую дорогу въ Персію и Индію, или черезъ Ледовитый океанъ въ Китай, еслибы оказалось, что тамъ есть свободный морской путь. Это послѣднее соображеніе вызвало съ XVI-го столѣтія упомянутыя англійскія и голландскія экспедиціи въ сѣверный океанъ, омывающій берега Россіи и Сибири. Эти путешествія идутъ съ первой знаменитой экс-

13*

педиціи въ половинѣ XVI-го вѣка, когда изъ трехъ англійскихъ судовъ, отыскивавшихъ сѣверный морской путь, два погибло съ адмираломъ Виллоуби, а третья, съ капитаномъ Ченслеромъ, прибыла въ Архангельскъ, и заканчиваются въ 70-хъ годахъ XVII-го вѣка. Всѣ эти предпріятія, однако, были безуспѣшны; несмотря на то, что онѣ производились обыкновенно подъ руководствомъ опытныхъ и бывалыхъ мореплавателей, онѣ доходили только до Новой-Земли и Карскаго моря и должны были возвращаться, встрѣчая неодолимые льды; иногда сами плаватели погибали. Послѣдняя англійская экспедиція отправлена была въ 1676 году; она дошла только до Новой-Земли, и затѣмъ на западѣ надолго была оставлена мысль обогнуть сѣверный берегъ Сибири. Послѣ почти двухъ-вѣкового перерыва, только въ 70-хъ годахъ нашего столѣтія были снова снаряжены австрійская экспедиція Вейпрехта и Пайера, шведская—Норденшельда и недавняя американская, потерпѣвшая крушеніе въ устьяхъ Лены. Какъ выше упомянуто, эта задача въ нѣсколько пріемовъ была исполнена только русскими, выходившими въ море изъ устьевъ большихъ сибирскихъ рѣкъ. Своей цѣли—разыскать торговый путь на азіатскій востокъ иностранцы думали достигнуть и другими средствами: они много разъ пытались и, наконецъ, успѣвали проникать на востокъ сухимъ путемъ черезъ русскую территорію. Уже въ 1558 году англичанинъ Дженкинсонъ отправлялся черезъ Астрахань въ Бухару для отысканія сухопутной дороги въ Китай, причемъ первый изъ европейскихъ путешественниковъ узналъ объ Аральскомъ морѣ (которое называетъ Китайскимъ озеромъ), упоминая, что рѣка Аму-Дарья впадала прежде не въ Аральское, а въ Каспійское море, но затѣмъ отъ потери воды уже не доходитъ до него [1]). Въ 1614 году англійскій посолъ просилъ въ Москвѣ позволенія завести торговлю по рѣкѣ Оби съ Индіей и Китаемъ; ему отвѣчали уклончиво; бояре отговаривались, что Сибирь—страна далекая и студеная, что по Оби всегда ледъ ходитъ, а гдѣ потеплѣе, тамъ кочевыя орды, и что китайское государство—не великое и не богатое и что къ нему добиваться не стоитъ; купцы московскіе опасались, по обыкновенію, убытковъ для казны и для самихъ себя. Европейскіе торговые люди нашли тѣмъ не менѣе путь въ Китай, и впослѣдствіи черезъ Россію не разъ ѣздили на востокъ посольскіе люди и миссіонеры.

Между тѣмъ сами русскіе старались разузнать о земляхъ за предѣлами Сибири, и съ политическими, и съ торговыми цѣлями. Даже задолго до присоединенія Сибири, московское правительство

[1]) Это было справедливо. Въ послѣднее время найдено это бывшее русло Аму-Дарьи въ Каспійское море и возникла мысль о возобновленіи стараго теченія рѣки.

принимало мѣры, чтобы собрать свѣдѣнія о дальнихъ азіатскихъ странахъ. Таково было „хожденіе" казацкихъ атамановъ Петрова и Елычева въ Китай въ 1567 году: отправленные Иваномъ Грознымъ „провѣдывать государства" неизвѣстныхъ владѣтелей, къ которымъ посланы были дружественныя грамоты, предпріимчивые атаманы благополучно вернулись домой и вывезли „сказку" о видѣнныхъ ими земляхъ; между прочимъ, они побывали и въ Пекинѣ, хотя богдыхана не видѣли, потому что не съ чѣмъ было къ нему явиться, не было съ собой подарковъ [1]). Въ концѣ XVI-го вѣка уже дѣлаются распоряженія относительно торговли съ бухарцами и ногаями: къ нимъ велѣно было относиться съ учтивостью, въ случаѣ, еслибы они пріѣхали съ товарами. Въ 1587, при Ѳедорѣ Ивановичѣ, русскіе между прочимъ предлагали Польшѣ за союзъ съ Москвою свободный путь польскимъ и литовскимъ купцамъ на востокъ, именно „въ Сибирь и въ великое китайское государство, въ которомъ родится всякій дорогой камень и золото". Борисъ Годуновъ обѣщалъ англичанамъ содѣйствіе въ отыскиваніи китайской земли. Между тѣмъ дѣло подвигалось и само собою. Сибирскіе казаки все ближе подходили къ Монголіи, и затѣмъ черезъ эту небогатую страну старались заводить торговыя сношенія съ богатымъ Китаемъ, и, чтобы обезопасить торговые караваны, сибирскіе воеводы рѣшались отправлять ихъ отъ имени самого московскаго правительства. Отсюда рядъ полу-торговыхъ, полу-дипломатическихъ посылокъ и настоящихъ развѣдочныхъ экспедицій, отправлявшихся въ теченіе XVII-го столѣтія. Таково было посольство 1608 года изъ Томска къ монгольскому хану, впрочемъ безуспѣшное; въ 1616 году—болѣе счастливое посольство атамана Василія Тюменца „съ товарищи" изъ Тобольска къ Алтынъ-хану. По возвращеніи, Тюменца подробно выспрашивали въ Москвѣ въ посольскомъ приказѣ: черезъ разныя земли онъ добрался до Алтынъ-хана и (по наставленію отправлявшаго его тобольскаго воеводы) выдалъ себя за царскаго посланца; онъ былъ торжественно принятъ Алтынъ-ханомъ, нѣсколько разъ „ѣлъ" у него, выспросилъ о китайскомъ и другихъ государствахъ и какіе въ нихъ товары, и пр.; Алтынъ-ханъ изъявилъ согласіе признать себя подручнымъ у московскаго царя, обѣщалъ давать свободный пропускъ русскимъ людямъ въ китайское государство и просилъ о присылкѣ ему государева жалованья, — въ этомъ послѣднемъ и былъ, вѣроятно, главный разсчетъ, также какъ въ помощи противъ его собственныхъ враговъ [2]).

---

[1]) „Хожденіе" напечатано въ „Сказаніяхъ русскаго народа" Сахарова, т. II, и болѣе исправно въ „Обзорѣ хронографовъ" А. Попова („Изборникъ", стр. 430—437).

[2]) Экспедиція Тюменца разсказана въ первый разъ Ю. В. Арсеньевымъ по мон-

На первый разъ въ Москвѣ не хотѣли, кажется, ввязываться въ политическія дѣла съ азіатскими владѣльцами, но желали имѣть точныя свѣдѣнія о земляхъ и путяхъ торговли. „А будетъ мочно, — писали изъ Москвы къ тобольскому воеводѣ въ 1617, — то послать нарочно къ Алтыну-царю и въ китайское государство не посольствомъ и не отъ себя, изъ казаковъ или изъ какихъ людей нибудь, затѣявъ, *будто ненарокомъ* отколѣ къ нимъ вышли. И у нихъ бы имъ быть и ихъ земли, и городы, и обычаи видѣти и о всемъ ихъ противъ нашея грамоты распросити и къ намъ отписати подлинно“.

Въ 1618 г. посланы были изъ Тобольска, черезъ Монголію, въ Китай, казаки Ивашка Петлинъ и Андрюшка Мундовъ, которые добрались до Китая и вернулись въ 1620 году [1]). Затѣмъ, политическія смуты въ Китаѣ прервали на нѣкоторое время эти сношенія, а въ 1654 году, при Алексѣѣ Михайловичѣ, отправленъ былъ въ Китай гонецъ, боярскій сынъ Ѳедоръ Исаковъ Байковъ, съ цѣлью собрать торговыя свѣдѣнія, узнать пути сухой и водяной, каковы люди и города, какой у нихъ бой, т.-е. вооруженіе, и т. д. Путешествіе продолжалось три года, и хотя было неудачно въ томъ смыслѣ, что съ китайцами не было достигнуто соглашенія, но опредѣленъ былъ торговый путь черезъ калмыцкія и монгольскія степи [2]). Въ 1659 г. отравился въ Китай новый гонецъ съ царской грамотой и подарками, которые въ Китаѣ приняты были за дань, и въ числѣ подарковъ, посланныхъ взамѣнъ изъ Китая въ видѣ „жалованья“, было нѣсколько пудовъ чаю. Къ 1670 году относится удивительное посольство, отправленное начальникомъ нерчинскаго острога къ китайскому богдыхану, причемъ посланецъ, боярскій сынъ, предложилъ китайскому императору ни болѣе, ни менѣе какъ принять русское подданство и платить дань русскому царю,—такъ какъ „подъ высокою россійскаго царскаго величества рукою находятся цари и короли съ своими государствами, и великій государь жалуетъ ихъ, держитъ въ своемъ царскомъ милостивомъ призрѣніи“. Посланцы дѣйствительно добра-

---

гольскимъ дѣламъ московскаго главнаго архива министерства иностр. дѣлъ—въ изданіи путешествія Спаѳарія, 1882.

[1]) Карамзинъ полагалъ, что описаніе Петлина списано съ донесеній его предшественниковъ, но это невѣрно, потому что оно подробнѣе, чѣмъ у Петрова и Елычева. Путешествіе Петлина, помѣченное 1620 годомъ, напечатано было Спасскимъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ 1818 г., кн. II, стр. 1—36; другой списокъ, въ рукописи копенгагенскаго музея, описанъ Срезневскимъ („Свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ памятникахъ“, вып. 4. Спб. 1874). Дальше упомянемъ, что въ иностранныхъ переводахъ оно было печатано еще въ XVII столѣтіи.

[2]) Статейный списокъ Байкова изданъ былъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, 1820, и въ „Сказаніяхъ русскаго народа“, т. II. Объ иностранныхъ переводахъ скажемъ далѣе.

лись до китайскаго императора, были потчиваны чаемъ и ушли цѣлы и невредимы. Полагаютъ, что переводчики просто не передали богдыхану настоящаго смысла бумаги нерчинскаго коменданта, который такъ простодушно убѣжденъ былъ въ могуществѣ русскаго государства, что надѣялся однимъ этимъ посольствомъ присоединить къ Россіи китайскую имперію [1]).

Послѣдней экспедиціей этого рода, дипломатической и развѣдочной, было посольство Николая Спаѳарія, отправленное въ 1675 году. Спаѳарій былъ родомъ изъ Молдавіи; замѣшавшись въ политическія дѣла, онъ долженъ былъ бѣжать оттуда, впрочемъ, съ обрѣзаннымъ носомъ; онъ явился сначала къ курфюрсту бранденбургскому, а затѣмъ въ 1673 г. въ Москву, гдѣ принятъ былъ, какъ человѣкъ ученый, переводчикомъ въ посольскій приказъ; въ Москвѣ онъ пользовался расположеніемъ князя В. В. Голицына и былъ близокъ съ бояриномъ Матвѣевымъ. Въ 1675 г. ему поручили посольство въ Китай: граница русскихъ владѣній съ китайскими не была еще опредѣлена, нужны были болѣе точныя свѣдѣнія о пограничныхъ земляхъ и о самой Сибири, и въ инструкціи ему предписано было, кромѣ обычнаго статейнаго списка, вести подробное описаніе путешествія и изобразить на чертежѣ всѣ землицы, города и мѣста по пути изъ Тобольска до китайскаго порубежнаго города; наконецъ, провѣрить другія свѣдѣнія о восточныхъ странахъ, напр. объ Индіи. Вслѣдствіе военныхъ безпокойствъ въ калмыцкихъ степяхъ, Спаѳарій избралъ не прежній, а только недавно передъ тѣмъ вновь намѣченный путь черезъ Даурію, причемъ проходилъ и по такимъ мѣстамъ, гдѣ, по словамъ его, „прежде сего никто не бывалъ". Такимъ образомъ, его маршрутъ занялъ въ Сибири длинную дорогу отъ Тобольска до Селенгинска. Описаніе путешествія, продолжавшагося три года, составило двѣ отдѣльныя книги, изъ которыхъ одна заключаетъ путь

---

[1]) Изъ обширной литературы объ этихъ временахъ сибирской исторіи назовемъ пока только старыя книги по исторіи Сибири Миллера и Фишера; о старыхъ морскихъ плаваніяхъ см. Joh. Chr. Adelung, Geschichte der Schiffahrten und Versuche welche zur Entdeckung des nord-östlichen Weges nach Japan und China von verschiedenen Nationen unternommen worden etc. Halle, 1768; — Костомарова, „Очеркъ торговли моск. государства" и пр. Спб. 1862, стр. 13 и дал.;—„Землевѣдѣніе Азіи", Риттера, въ переводѣ и съ обширными дополненіями П. П. Семенова; — Venukoff, „Aperçu historique des découvertes géographiques faites dans la Russie d'Asie", Paris, s. a. (кажется, 1881), и его же планъ труда о состояніи географіи русской Азіи до Ермака въ „Извѣстіяхъ Географ. Общества", т. XIII, 1877, стр. 96 — 98;—И. Щеглова, „Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири 1032—1882", Иркутскъ, 1883, и изданіе сочиненія Спаѳарія, о которомъ ниже.

Спаѳарія черезъ Сибирь отъ Тобольска до китайской границы, другая—описаніе самого Китая [1]).

Книга Спаѳарія писана на манеръ старинныхъ русскихъ описей (и велась, можетъ быть, какимъ-нибудь состоявшимъ при немъ подъячимъ): это—голый перечень именъ рѣкъ, острововъ, городовъ, деревень, горъ и т. д. [2]); лишь въ немногихъ случаяхъ приводятся болѣе подробныя указанія, напр.: особое описаніе Оби, „славные рѣки Иртыша", Байкальскаго озера и его особенностей, или описаніе нѣкоторыхъ городовъ и т. п. Кое-гдѣ прибавлены ученыя соображенія, принадлежащія, вѣроятно, уже самому Спаѳарію. Авторъ не однажды ссылается на грековъ и латинъ, на древнихъ и новыхъ „землеписателей"; говоря о Байкалѣ, разсуждаетъ, долженъ ли онъ называться озеромъ или моремъ, и т. п. Но ученыя ссылки иногда весьма неудовлетворительны; напримѣръ, при описаніи Иртыша онъ говоритъ о большомъ сибирскомъ лѣсѣ, который, по его мнѣнію, есть именно Герцинскій лѣсъ, упоминаемый древними писателями [3]); объ

---

[1]) О Спаѳаріѣ см. у Пекарскаго, „Наука и литер.", I, стр. 340 — 343, и ст. Кедрова, въ Журн. мин. просв., 1876, № 1; изданіе путешествія въ „Запискахъ Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи", т. X, и отдѣльно: „Путешествіе чрезъ Сибирь, отъ Тобольска до Нерчинска и границъ Китая, русскаго посланника Николая Спаѳарія въ 1675 году. Дорожный дневникъ Спаѳарія съ введеніемъ и примѣчаніями Ю. В. Арсеньева". Спб. 1882.

[2]) Напр., въ самомъ началѣ, послѣ выѣзда изъ Тобольска описаніе пути ведется такъ:

„Деревня Реткина, руская, отъ Тобольска 7 верстъ.

„Деревня Смирни, руская, отъ деревни Реткины верста.

„Деревня Ильина, руская, отъ деревни Смирни 2 версты; да противъ той на другой сторонѣ (рѣки) двѣ деревни: одна руская — Осипа Мякифорова, а другая— Ескалбинская, татарская. Ескалбинской островъ на рѣкѣ Иртышѣ отъ Тоболска 10 верстъ", и т. д.

Или:

„Да по правую и по лѣвую сторону рѣки Иртышу лѣсъ соснякъ, и березникъ, и тальникъ.

„А рѣка Иртышъ зѣло тихо течетъ, а въ ширину сажень по 500, а въ глубину сажень по 10 и по 11 и по 20, и болше.

„Пріѣхали на ямъ, въ юртъ Натце...

„Да отъ тогожъ юрту на правой сторонѣ рѣчка Индюкъ.

„Да на той же сторонѣ Иртыша рѣчка Серебрянка.

„Да на той же на правой сторонѣ деревня Карбинская, татарская; перемѣняли гребцовъ", и т. д.

[3]) ...„Лѣсъ тотъ, который идетъ и по Обѣ рѣкѣ, и по всему Сибирскому государству до самаго до Окіянскаго моря, которой лѣсъ преславной есть и превеликой, и именуется отъ землеписателей по еллински „Эркиніосъ или", а по латынски „Эрцыніосъ силва", се есть, Эркинскій лѣсъ; и тотъ лѣсъ идетъ возлѣ берега Акіяна до Нѣмецкой и Французской земли и далѣ, и чуть не по всей земли, для

остякахъ онъ разсуждаетъ, что это народъ древній, какъ и другіе сибирскіе народы, и происходитъ отъ скиѳовъ, которые послѣ потопа произошли отъ сына Ноева, Іафета, а идолослуженіе свое они „какъ приняли отъ исполина Неврода, такъ и держатъ"; о монголахъ или „мунгалахъ", какъ ихъ обыкновенно тогда называли, онъ замѣчаетъ: „мунгалы суть, о которыхъ пишетъ въ библіи—Гогъ и Магогъ, потому что они называютъ себя маголь", — но онъ знаетъ, что монгольскій народъ „зѣло великъ", что онъ начинается близь рѣки „Амуры", простирается между китайскимъ государствомъ и Сибирью и доходитъ до Бухары и до самой Индіи подъ разными тайшами. Во всякомъ случаѣ, книга Спаѳарія представляетъ множество топографическихъ данныхъ и завершаетъ собою старую систему описаній Сибири, начатую въ XVI-мъ столѣтіи.

Въ западной Европѣ ученые люди, также какъ правительства и римская церковь, давно были заинтересованы собираніемъ свѣдѣній объ отдаленныхъ азіатскихъ странахъ. Долго эти свѣдѣнія были очень скудны и не шли дальше того, что разсказывали древніе, Геродотъ или Птолемей. Первыя путешествія съ европейскаго запада на востокъ, совершенныя въ XIII-мъ столѣтіи Асцелиномъ, Рубруквисомъ, Плано-Карпини и Марко-Поло, вызваны были грозными нашествіями изъ глубины Азіи и сообщили въ первый разъ болѣе или менѣе точныя понятія о средней Азіи, Туркестанѣ, Монголіи; Марко-Поло говоритъ и о Китаѣ, слышалъ объ Японіи, — но Сибирь оставалась неизвѣстна этимъ путешественникамъ. На картѣ, составленной въ 1375 году, обозначены Бухара и Самаркандъ, но сѣверная Азія представлена пустыней, гдѣ обитаютъ баснословные Гогъ и Магогъ, о которыхъ намекало библейское преданіе, развитое средневѣковыми сказаніями объ Александрѣ Македонскомъ; выше мы упоминали, что такимъ же образомъ и древняя русская лѣтопись XI—XII вѣка полагала за предѣлами Югры жилища Гога и Магога и что о нихъ вспоминаетъ Спаѳарій еще въ концѣ XVII-го столѣтія. На венеціанской картѣ 1457 года представлены также разныя мѣстности средней Азіи, указанъ Алтай, но Сибирь изображена въ видѣ узкой полосы между Алтаемъ и Сѣвернымъ океаномъ. Впослѣдствіи стали мало-по-малу проникать на Западъ тѣ свѣдѣнія о внутренней Азіи, какія начали собираться у русскихъ; проводниками ихъ были какъ мореплаватели, отправлявшіеся въ Ледовитый океанъ, такъ и западные

того и первый лѣсъ на свѣтѣ и пременитый у всѣхъ земнописателей есть, однакожде нигдѣ нѣтъ такъ пространной и великой, какъ въ Сибирскомъ государствѣ".

путешественники, заѣзжавшіе въ Россію, главнымъ образомъ въ посольствахъ. Свѣдѣнія эти въ XVI-мъ вѣкѣ были еще весьма сбивчивы. Первою картою этого рода является карта данцигскаго сенатора Антона Вида, изданная въ 1555 году, но составленная гораздо раньше, такъ что ка́рта Мюнстера 1544 года есть только ея копія [1]). Показанія Вида о Сибири [2]) крайне ограничены; рѣка Обь изображена скорѣе въ видѣ огромнаго залива — ка́къ будто за рѣку принята Обская губа; на лѣвой сторонѣ ея изображены „абдоры", поклоняющіеся „Золотой Бабѣ" съ ребенкомъ въ рукахъ и приносящіе ей въ жертву звѣриныя шкуры; любопытно, что имя золотой Бабы написано русскими буквами съ переводомъ: Hoc est aurea uetula idolum quod huius partis incolae adorant. Южнѣе золотой Бабы по той же лѣвой сторонѣ изображенъ городъ Сибирь (Sybir); затѣмъ все къ югу Тюмень (Tumen wilky), Kasary Horda (восточнѣе), Kalmycky Horda, наконецъ, между Волгой и Яикомъ (Deich) помѣщена Horda Nohay и рядомъ громадное мѣсто, занятое устьями Волги съ Астраханью; между абдорами и Тюменью, западнѣе, изображена Великая Пермь (Wilki Perim); на правой сторонѣ Оби, на одной широтѣ съ городомъ Сибирь надпись, неизвѣстно что́ обозначающая: Kydeisco. Вотъ все содержаніе этой карты, которая могла быть составлена на основаніи слуховъ объ этихъ странахъ въ печатныхъ источникахъ, хотя „Золотая Баба" и „Kydeisco" могли принадлежать спеціально русскому источнику. Нѣсколько болѣе подробна, но все-таки очень скудна карта Герберштейна 1549 и 1556 года [3]). Рѣка Обь изображена опять чрезвычайно широко, вытекающею изъ огромнаго озера; на лѣвой сторонѣ ея, на сѣверъ опять золотая Баба (aurea anus, Slata Baba), изображенная въ западно-европейскомъ костюмѣ богатой дамой съ копьемъ въ рукѣ: южнѣе, близъ впаденія какой-то рѣки въ Обь, означенъ городъ Obea; еще южнѣе еще два города: Terom (или Ierom) и Tumen. По правой сторонѣ рѣки указаны на крайнемъ сѣверѣ Югры, отъ которыхъ произошли венгры; южнѣе народъ „грустинцы" и городъ Грустина, еще южнѣе „Кумбаликъ, столица въ Катаѣ или Китаѣ (Cumbalik Regia in Cataya idem in Kitay)". Герберштейнъ приводитъ далѣе, несомнѣнно русскую, басню о жителяхъ „Лукоморья", лежащаго за Обью, которые каждый годъ на зиму умираютъ и весной оживаютъ, какъ лягушки, и съ которыми ведется нѣмая мѣновая торговля. Это напоминаетъ разсказы древней лѣтописи о народахъ, жившихъ за Югрой, и новгородское сказаніе; араб-

[1]) Открытіе карты Вида принадлежитъ Михову: Die aeltesten Karten von Russland. Ein Beitrag zur historischen Geographie" von Dr. H. Michow. Hamburg, 1884.

[2]) Отрывокъ карты у Анучина, стр. 52.

[3]) Часть этой карты у Анучина, стр. 54.

скій писатель Ибнъ-Батута также говорилъ о нѣмой торговлѣ, совершаемой на границѣ „страны мраковъ“, т.-е. Сибири. Позднѣйшіе иностранные писатели еще долго помѣщали въ ряду принадлежащихъ русскихъ земель эту „Лукоморію“. „Китайское озеро“ и „Камбалыкъ“ (т.-е. Пекинъ) близъ праваго берега Оби достаточно свидѣтельствуютъ, какъ смутны были представленія объ этомъ краѣ у самихъ русскихъ людей, отъ которыхъ Герберштейнъ почерпалъ свои извѣстія [1]).

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ этой литературы служатъ два небольшія сочиненія голландца Исаака Массы: Описаніе сибирскихъ земель, и Описаніе путей, ведущихъ въ Сибирь и ея городовъ.

Въ нашей исторической литературѣ Масса извѣстенъ въ особенности записками о смутномъ времени, которыя только въ недавнее время изданы были въ голландскомъ подлинникѣ, а затѣмъ и въ русскомъ переводѣ [2]). Біографія его извѣстна мало, но во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ замѣчательный. Какъ полагаютъ его біографы, онъ происходилъ изъ знатнаго итальянскаго рода, выселившагося въ Голландію во время реформаціи, по исповѣданію былъ кальвинистъ, и принадлежалъ къ богатой семьѣ, занятой торговыми дѣлами. Онъ родился въ 1587 году, и еще юношей, почти мальчикомъ, онъ былъ посланъ родителями въ Москву, для изученія торговаго дѣла. Онъ прибылъ въ Москву около 1600, прожилъ тогда въ

---

[1]) По объясненію нашихъ географовъ, „Китайское озеро“ (на которое намекаетъ и слово „Kydeisco“ на картѣ Вида) не совсѣмъ лишено смысла въ томъ отношеніи, что, по замѣчанію Миддендорфа, оно должно означать озеро Нордъ-Дзайсангъ или Дзайсанъ, изъ котораго вытекаетъ Иртышъ, такъ что Герберштейнъ могъ принимать Иртышъ за верхнюю часть Оби, а Телецкое озеро, изъ котораго вытекаетъ одна изъ частей Оби, Бія, не можетъ быть принято за Китай-озеро по его незначительной величинѣ (Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Тобольская губернія. В. Звѣринскаго, Спб. 1871, стр. LXI; Замысловскій, Журн. мин. просв. 1891, іюнь, стр. 335). Этому объясненію мѣшаетъ только то, что у Герберштейна рѣка Иртышъ означена особо, какъ небольшой притокъ, гораздо сѣвернѣе Китайскаго озера. На картѣ царевича Өедора Борисовича, изданной въ Амстердамѣ въ 1614, Камбалика уже нѣтъ, точно указанъ Тобольскъ, какъ метрополія Сибири, но истокомъ Оби все еще служитъ большое Китайское озеро (Kithaica lacus).

[2]) Histoire des guerres de la Moscovie (1601—1610) par Isaac Massa de Haarlem, publié pour la première fois, d'après le Mr. hollandais original de 1610, avec d'autres opuscules sur la Russie et des annotations par M. le prince Michel Obolensky et M. le Dr. A. Van der Linde. Bruxelles, 1866, 2 тома. Затѣмъ голландскій текстъ былъ напечатанъ въ „Сказ. иностр. писателей о Россіи“, изд. Археогр. Комм. Спб. 1868, съ нѣкоторыми отличіями, и по обоимъ изданіямъ сдѣланъ переводъ:

— Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи. Изданіе Археографической Коммиссіи. Съ приложеніемъ портрета Массы, плана Москвы (1606 г.) и дворца Лжедмитрія I. Спб. 1874. (Другихъ статей Массы о Россіи здѣсь нѣтъ).

— Письма Массы изъ Архангельска къ Генеральнымъ Штатамъ (1614, 1616—1618 г.) изданы въ русскомъ переводѣ въ „Вѣстникѣ Европы“, 1868, кн. 1, 8.

Россіи восемь лѣтъ, именно во времена Годунова, Лжедимитрія I и Шуйскаго, и былъ свидѣтелемъ московскихъ событій, которыя и описалъ въ своемъ сочиненіи. Издатели голландскаго текста сочиненія Массы указываютъ цѣнность его историческихъ свидѣтельствъ: Масса отличается большою правдивостью и безпристрастіемъ, — притомъ, чтобы имѣть свѣдѣнія о событіяхъ, онъ сближался съ знатными людьми и „секретарями", имѣлъ связи при дворѣ.

Вернувшись изъ Россіи, Масса, повидимому, завершилъ свою книгу: „Краткое повѣствованіе о началѣ и происхожденіи современныхъ войнъ и смутъ въ Московіи, бывшихъ въ непродолжительный періодъ царствованія нѣсколькихъ государей ея, до 1610 года". Вскорѣ потомъ, именно въ 1614 году, мы опять видимъ его въ Россіи, въ Архангельскѣ и въ Москвѣ, откуда онъ велъ переписку съ генеральными штатами. Рѣчь шла о торговыхъ интересахъ Голландіи, которые ему пришлось защищать не безъ особенныхъ усилій, такъ какъ надо было бороться съ представителями Англіи, которые добивались торговой монополіи для своего отечества. Во второй разъ Масса опять прожилъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ. Въ 1635 году былъ изданъ его портретъ, который остался, кажется, послѣднимъ свидѣтельствомъ для его біографіи.

Возвращаемся къ его трудамъ. Главнымъ изъ нихъ было упомянутое сочиненіе о московскихъ смутахъ первыхъ лѣтъ XVII-го вѣка, но литературная извѣстность Массы начинается съ его другихъ сочиненій. Именно, живя въ Россіи, онъ между прочимъ былъ очень заинтересованъ Сибирью, гдѣ предвидѣлся новый богатый рынокъ для европейской (въ частности, голландской) торговли и находился также путь къ другимъ богатымъ азіатскимъ странамъ. Повидимому, Масса употреблялъ всѣ средства, какія были въ его распоряженіи, чтобы ознакомиться съ Сибирью, исторіей ея открытія и завоеванія, ея топографіей и ведущими туда путями. Русскіе люди того времени отличались вообще большою скрытностью въ подобныхъ вещахъ, подозрѣвая себѣ какой-нибудь ущербъ отъ иностранцевъ, но Масса, живя долго въ Москвѣ, познакомившись съ русскимъ языкомъ, имѣя, повидимому, не мало друзей между знатными и дѣловыми людьми, успѣлъ собрать значительныя свѣдѣнія и добылъ даже русскую карту Сибири. Его сочиненія и карты вызвали у новѣйшихъ ученыхъ высокую оцѣнку его географическихъ заслугъ. У насъ первый говорилъ объ этихъ трудахъ Массы знаменитый академикъ Бэръ [1]). На первый разъ Бэръ обратилъ здѣсь вниманіе на изображеніе двухъ моржей, самки и дѣтеныша, по его словамъ прекрасно исполненное

---

[1]) См. Bulletin Scientifique (Академіи), tome X, 1842, № 17, ст. 267—271.

по молодому, живому экземпляру и по старому набитому экземпляру, находившимся въ Голландіи въ 1612 году: эти животныя были тогда еще столь мало извѣстны, что Блуменбахъ повторилъ эти изображенія. Теперь Бэръ остановился на самомъ содержаніи книги, важной для исторіи сѣверной Россіи. Позднѣе указалъ ее Аделунгъ въ своемъ обзорѣ иностранныхъ путешественниковъ въ Россію [1]), причемъ далъ нѣкоторыя указанія о біографіи Массы. Аделунгъ не вполнѣ зналъ эту біографію, не зналъ, напримѣръ, года рожденія этого ученаго голландскаго біографа, которому было всего тринадцать лѣтъ, когда онъ пріѣхалъ въ Россію и всего двадцать-два года, когда онъ приготовилъ изданіе, составившее, по отзыву Аделунга, большую заслугу для исторіи и географіи Россіи. Эта книжка вышла въ первый разъ въ 1612 г., въ Амстердамѣ, на голландскомъ языкѣ, затѣмъ въ томъ же году въ нѣсколько дополненномъ видѣ на латинскомъ; въ слѣдующемъ году вышло новое, третье, латинское изданіе, которое считается лучшимъ; всѣ книжки очень рѣдки [2]).

---

[1]) Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind. Спб. 1846, II, стр. 217—221.

[2]) Подробное описаніе изданій этой книги Массы сдѣлано въ сочиненіи Фанъ-деръ-Линде и кн. Оболенскаго, II, стр. XII и д.

— Первое голландское изданіе: „Beschryvinghe van der Samoyeden landt in Tartarien. Nieulijcks onder't ghebiedt der Moscoviten gebracht. Wt de Russche tale overgheset, Anno 1609". Амстердамъ, 1612.

— Латинское изданіе: Descriptio ac delineatio Geographica, и пр. Амстердамъ, 1612.

— Третье латинское изданіе: „Descriptio ac delineatio geographica Detectionis Freti sive Transitus ad Occasum suprâ terras Americanas, in Chinam atque Japonem ducturi. Recens investigati ab M. Henrico Hudsono Anglo. Item Exegesis Regi Hispaniae facta, super tractu recens detecto, in quintâ Orbis parte, cui nomen Australis Incognita. Cum descriptione Terrarum Samoiedarum, et Tingoesiorum, in Tartariâ ad Ortum Freti Waygats sitarum, nuperque sceptro Moscovitarum adscitarum. Amsterodami. Ex Officina Hesselij Gerardi. Anno 1613. (Экземпляръ имѣется въ Академической библіотекѣ).

Во второмъ изданіи, при открытіяхъ въ Австраліи, добавлены слова: per Capitaneum Petrum Ferdinandez de Quir, здѣсь опущенныя. У Аделунга, вмѣсто: transitus ad Occasum, поставлено неправильно: ad Oceanum.

Книжка (3-е изд.), съ помѣтой листовъ, но безъ помѣты страницъ состоитъ въ слѣдующемъ. Во-первыхъ, карта сѣвернаго берега отъ Лапландіи до Peisida reca, въ Сибири, за Енисеемъ, подъ названіемъ: Caerte van't Noorderste Russen, Samojeden, ende Tingoesen landt: alsoo dat vande Russen afghetekent, en door Isaac Massa vertaelt is, съ голландскими подписями и съ табличкой, гдѣ русскія мѣстныя названія переведены по-голландски. На оборотѣ изображеніе корабля и латинскіе стихи: Liber ad Lectorem. Далѣе, стр. 1—2: Ad Lectorem Prolegomena in tractatus sequentes. Затѣмъ вторая карта: „Tabula Nautica, qua representantur orae maritimae meatus, ac freta, noviter a Hudsono Anglo ad Caurum supra Novam Franciam indagata, Anno 1612"—изображеніе Сѣвернаго океана отъ Англіи и Исландіи на востокѣ до

Книжка Массы видимо обратила на себя большое вниманіе: кромѣ голландскаго изданія потребовалось изданіе на латинскомъ, тогда общераспространенномъ ученомъ языкѣ, и оно было вскорѣ повторено. Явились затѣмъ и другіе переводы—нѣмецкій и французскій, а наконецъ, и старый русскій. Съ нѣмецкимъ переводомъ нѣкоего Готарда Артхуса, данцигскаго жителя, встрѣтился Пекарскій: Артхусъ былъ плодовитый компиляторъ и переводчикъ; между прочимъ онъ заинтересовался и книжкою Массы и повидимому сначала перепечаталъ ее по-латыни, потомъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ,—представляя ее какъ бы своимъ собственнымъ сочиненіемъ, такъ какъ имя Массы умолчано [1]).

„Великаго моря", открытаго Гудсономъ, берега Сѣверной Америки и Гренландіи. Затѣмъ, стр. 3—5: „Descriptio ac delineatio geographica detectionis freti sive transitus supra terras Americanas in Chinam, et Japonem"—извѣстіе о несчастливомъ плаваніи Гудсона, составленное тотчасъ послѣ путешествія и полагающее поэтому (какъ замѣчаетъ Бэръ), что тотчасъ за Девисовымъ проливомъ долженъ находиться открытый океанъ. Стр. 6—15: Libelli supplicis, oblati Regiae Majestati Hispaniae a Duce Petro Fernandez de Quir, super Detectione quartae partis Orbis terrarum, cui nomen Australis incognita, eiusque immensis opibus et fertilitate,—очень спутанный разсказъ объ открытіяхъ дона Педро Фернанда Деквейросъ (или Деквиръ) на берегахъ Новой Голландіи и въ другихъ странахъ Южнаго океана. При этой статьѣ вплетена опять первая карта сѣвера Россіи и Сибири въ уменьшенномъ размѣрѣ съ латинскими подписями и съ табличкой, гдѣ русскія слова переведены по-латыни. Стр. 16 картинка, изображающая самоѣдскую ѣзду на оленяхъ и идоловъ, которымъ самоѣды поклоняются. Наконецъ, двѣ статьи самого Массы, стр. 17—23: Descriptio Regionum Siberiae, Samojediae, Tingoësiae et itinerum è Moscovia, Orientem et Aquilonem versus eò ducentium, ut à Moschis hodie frequentantur". Стр. 24 пустая. Стр. 25—35: „Brevis descriptio itinerum ducentium et fluviorum labentium è Moscoviâ Orientem et Aquilonem versus, in Siberiam, Samojediam et Tingoesiam, ut a Moschis hodie frequentantur. Item Nomenclaturae oppidorum in Siberia a Moschis conditorum, quae prorex gubernat, etiam incognita explorat, et occupat, ita ut in magnam Tartariam fere penetrarit. Въ концѣ статьи подпись: „Isaac Massa Haerlem" (ensis), относящаяся, очевидно, къ обѣимъ статьямъ о Сибири. Стр. 36 опять пустая. На особомъ листкѣ изображеніе двухъ моржей. Стр. 37—39 статья безъ заглавія, и стр. 40—42: „De detectione Terrae polaris, sub latitudine octoginta graduum": въ обѣихъ говорится о тогдашнихъ новыхъ предпріятіяхъ по изученію Сѣвернаго моря и на особыхъ листахъ приложены изображеніе кита и небольшая карта полярныхъ странъ. Обѣ статьи Массы изданы въ книгѣ Ванъ-деръ-Линде и кн. Оболенскаго.

Имена Гудсона и (во второмъ изданіи) де-Квира, поставленныя въ заглавіи, производили нѣкоторую библіографическую путаницу: какъ видимъ, книжка представляетъ небольшой сборникъ, составленный Герардомъ, который самъ былъ извѣстный географъ, изъ статей о новѣйшихъ географическихъ открытіяхъ; но и по тому времени главная важность сборника заключалась именно въ статьяхъ Массы о Сибири и въ его картахъ.

[1]) Въ примѣръ библіографической запутанности укажемъ Пекарскаго, „Наука и литература при П. В.", I, стр. 340 (его указанія были приведены мною въ „В. Евр.", 1888, апрѣль, стр. 702—703); Аделунга, Uebersicht, II, стр. 296, гдѣ

Повидимому тогда же сдѣланъ былъ французскій переводъ. Не знаемъ, былъ ли онъ напечатанъ, но рукопись его мы видѣли въ парижской Національной библіотекѣ, пересматривая тамъ (въ 1859) старыя рукописи, относящіяся до Россіи. Получивъ теперь [1]) копію этой рукописи (Ms. № 19474, Collection Dupuy), мы нашли въ ней старый французскій переводъ обѣихъ статей Массы о Сибири, только въ другомъ порядкѣ, сдѣланный по латинскому изданію 1613 года и сокращенный [2]). Наконецъ, много позднѣе сдѣланъ былъ и русскій переводъ по какому-то латинскому изданію того же Артхуса, указанный Пекарскимъ и по его мнѣнію сдѣланный полякомъ или бѣлоруссомъ не позже начала XVIII вѣка [3]).

Въ первой статьѣ Массы разсказывается о занятіи русскими Сибири, и любопытно, что здѣсь ни однимъ словомъ не упомянуто о Ермакѣ: событія разсказываются такъ, что занятіе Сибири было дѣломъ Строгановыхъ.

„Въ Московіи (говоритъ Масса) есть племя (natio), имя котораго—дѣти Аники (Anicouvii filii, Аниковичи), низкаго происхожденія, ведущее родъ отъ нѣкоего земледѣльца Аники: имѣя много земель

приписано Артхусу изданіе Массы и Герарда, имъ только перепечатанное („Petri Fernandi de Quir descriptio regionum Siberiae quae nuper a Moscis detectae sunt, auctore M. Gotardo Arthusio Dantiscano. Francof., 1613,—очевидно, что „де-Квиръ" не имѣетъ къ Сибири никакого отношенія; въ книгѣ Ванъ-деръ-Линде и кн. Оболенскаго (II, стр. XIV) нѣмецкимъ переводчикомъ (съ перваго латинскаго изданія) названъ L. Hulsius, подъ которымъ надо разумѣть, вѣроятно, того же Артхузіуса. Первое изданіе его перевода отнесено къ 1614 году, 2-е къ 1637-му. Мы знаемъ эту книжку по экземпляру Публичной Библіотеки:

„Zwölfte Schiffahrt oder kurtze Beschreibung der Newen Schiffahrt gegen Nord Osten über die Amerische Inseln in Chinam und Japponiam, von einem Engelländer Heinrich Hudson newlich erfunden... Beneben... auch kurtze Beschreibung der Länder der Samojeden, und Tingoesen in der Tartarey gelegen. In Hochteutscher Sprach beschrieben durch M. Gothardum Arthusen von Dantzig. Oppenheim MDCXXVII (Изданіе упомянуто въ „Russica", II, стр. 265). На стр. 38—48: Beschreibung der landen Siberien и пр. есть переводъ изъ Массы.

Рѣдкость изданій, которыхъ нѣтъ сполна и въ Публичной Библіотекѣ, оставляетъ пока неясной исторію этихъ изданій.

[1]) Черезъ посредство г-жи З. А. В—вой.

[2]) „1613 Brieue Description des chemins qui menent et des fleuues qui passent de la Moscouie uers le Septentrion et l'Orient en la Siberie" и пр. И далѣе: „Description des pais de Siberie Samoiede et Tingoesie frequentez par les Moscouites". При обѣихъ статьяхъ названо имя Массы. Ср. „Сказанія иностр. писателей о Россіи", изд. Археогр. Комм. Спб. 1868, т. II, стр. VII, прим.

[3]) Публ. Библіотеки F. IV. № 116. Пекарскаго, „Наука и литература при Петрѣ Великомъ", I, стр. 340. 1606 годъ, поставленный на русскомъ переводѣ, повторенъ изъ латинскаго изданія, указаннаго тамъ же Пекарскимъ, но едва ли существующаго: 1606 г. могъ произойти изъ 1609, поставленнаго на первой картѣ Массы. О русскомъ переводѣ скажемъ далѣе.

этотъ Аника жилъ около устья рѣки Вычегды, впадающей въ рѣку Двину... Этотъ богатый Аника, имѣя много дѣтей и наслаждаясь всѣми благами фортуны, былъ одержимъ какою-то алчною страстью узнать, въ какихъ земляхъ и странахъ живутъ тѣ люди, которые каждый годъ приходили въ Московію для торговли драгоцѣнными мѣхами и другими товарами, и совершенно отличались языкомъ, одеждой, религіей и нравами, называя себя самоѣдами и нося различныя имена. Эти народы ежегодно пріѣзжали на рѣку Двину, обмѣниваясь съ русскими и москвитянами товарами всякаго рода, особливо принося на торгъ мѣха, которые мы называемъ вавилонскими". Аника увидѣлъ, что тѣ страны должны заключать большія богатства, и пославъ туда своихъ людей, поручилъ имъ осмотрѣть тѣ земли и завести дружескія сношенія съ жителями; потомъ отправилъ туда еще больше людей съ малоцѣнными товарами, на которые вымѣнивалъ драгоцѣнные мѣха, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пріобрѣлъ громадныя богатства, но, чтобы предупредить и обезоружить зависть, онъ рѣшился все открыть своему другу, который пользовался при дворѣ большою милостью, Борису Годунову. Онъ поднесъ Борису подарки и разсказалъ о дѣлѣ, которое могло принести государству большія выгоды. Борисъ наградилъ Аниковичей и далъ имъ отъ имени царя открытое письмо, которымъ предоставилъ въ ихъ вѣчное владѣніе земли, какія они пожелали бы взять. Наконецъ, Борисъ доложилъ обо всемъ царю, а затѣмъ отправилъ въ сибирскія и самоѣдскія земли нѣсколькихъ бѣдныхъ благородныхъ людей, присоединивъ къ нимъ также военныхъ и вмѣстѣ съ людьми Аниковичей велѣлъ имъ подробно описать всѣ дороги, рѣки, лѣса, дружески обращаться съ жителями, замѣчать всѣ удобныя мѣста, на которыхъ впослѣдствіи можно было бы построить укрѣпленія. Такъ это и было исполнено. Самоѣды, увидѣвъ московскихъ людей въ богатыхъ одеждахъ, принимали ихъ за боговъ и подчинились московскому царю. Московскіе посланцы, осмотрѣвъ страну, возвратились въ Москву; на мѣстѣ оставили они нѣсколько человѣкъ для изученія языка, а съ собой въ Москву взяли нѣсколько самоѣдовъ, которые поражены были русскими обычаями и величіемъ царя; они признали его за своего господина и обѣщали склонить къ тому и своихъ земляковъ. Такимъ образомъ Аниковичи чрезвычайно возвысились, а въ новой странѣ построены были въ разныхъ мѣстахъ деревянныя крѣпости, въ которыхъ поставлены солдаты и начали стекаться жители. „И туда посылается теперь такое множество людей, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собрались уже города изъ поляковъ, татаръ, русскихъ и другихъ народовъ, перемѣшанныхъ между собою. Потому что туда отправляютъ всѣхъ ссыльныхъ убійцъ, измѣнниковъ, воровъ и тѣхъ, кто

достоинъ смерти; нѣкоторые изъ нихъ оставляются на время въ оковахъ, другіе свободно живутъ нѣсколько лѣтъ, смотря по совершенному преступленію, и такимъ образомъ собрались многочисленныя общества людей, которыя вмѣстѣ съ крѣпостями (острогами) образуютъ цѣлое царство, такъ какъ каждодневно стекаются сюда многіе люди болѣе скуднаго достатка, чтобы воспользоваться предоставленными тамъ льготами. Имя этой странѣ Сибирь". Масса прибавляетъ, что это имя уже тогда наводило трепетъ, такъ какъ въ Сибирь ссылались вмѣстѣ съ семействами чиновники, подпадавшіе царскому гнѣву.

Таково вкратцѣ содержаніе перваго сочиненія Массы. Впослѣдствіи оно цѣликомъ повторено было въ извѣстной книгѣ Витзена „Сѣверная и Восточная Татарія" (1692 и два другія изданія 1705, 1795), откуда было переведено г. Тыжновымъ [1]). То обстоятельство, что по этому разсказу занятіе Сибири обошлось безъ Ермака, обратило на себя уже вниманіе Витзена. Стараясь примирить противорѣчіе этого разсказа съ тѣми, гдѣ говорится о подвигахъ Ермака, онъ предлагалъ такое объясненіе, что дѣйствія рода Аники шли съ запада, со стороны Россіи, а дѣйствія Строгоновыхъ и Ермака направлялись отъ восточныхъ странъ и совершались въ одно и тоже время. Но, отдѣливъ Анику отъ Строгоновыхъ, Витзенъ предполагаетъ и другое, что самъ Аника былъ изъ рода Строгоновыхъ (какъ дѣйствительно и было).

„Вопросъ,—замѣчаетъ г. Тыжновъ,—который представлялся для Витзена въ противорѣчіи между повѣствованіемъ Массы и другими, ему извѣстными, для насъ представляется празднымъ, ибо намъ хорошо извѣстно, что Сибирь покорилъ Ермакъ... Очевидно, что побудило Строгоновыхъ донести до царя о своемъ предпріятіи: они обратились къ государству за помощью, не будучи въ состояніи сами вести дѣло собственными средствами... Масса описываетъ колонизацію во время Ѳедора Ивановича и Бориса Годунова. Хотя онъ и говоритъ о первомъ занятіи Сибири, но ясно, что здѣсь дѣло идетъ о вторичныхъ уже движеніяхъ въ эту страну, при упомянутыхъ царяхъ. Эта непрерывно продолжающаяся колонизація была вмѣстѣ съ тѣмъ и непрерывно продолжающимся завоеваніемъ территоріи. Занятіе это подготовлялось и шло сначала путемъ мирной эксплуатаціи, колонизаціи торгово-промышленной, къ которой присоединилась затѣмъ, послѣ покоренія Сибири, колонизація военно-промышленная, получившая въ концѣ перевѣсъ надъ первой. Такимъ образомъ, эти два момента, къ которымъ впослѣдствіи, въ первое время царствованія

---

[1]) „Сибирскій Сборникъ", 1887, стр. 105—110.

Романовыхъ, присоединился третій, идущій отъ государства — моментъ, такъ сказать, земледѣльческій, составляютъ сущность сибирской колонизаціи въ московскій періодъ русской исторіи. Масса даетъ намъ понять временную раздѣльность первыхъ двухъ моментовъ, но онъ сдѣлалъ ту ошибку, что первому приписалъ преобладающее значеніе и на его долю отнесъ занятіе Сибири, тогда какъ оно произошло путемъ собственно промышленной колонизаціи. Это произошло потому, что онъ, видя современный ему способъ движенія въ Сибирь, отъ этого способа, современнаго ему, заключалъ къ прошедшему, и отнесъ его къ покоренію Сибири“ [1]).

Это могло быть, но замѣтимъ, что и въ болѣе позднихъ сибирскихъ лѣтописяхъ, въ разсказѣ о завоеваніи Сибири, историки указываютъ двѣ разныя тенденціи: въ однихъ главная роль приписывается Ермаку, въ другихъ—Строгоновымъ.

Другое сочиненіе Массы—краткое описаніе путей, ведущихъ въ Сибирь, рѣкъ, протекающихъ на сѣверѣ и востокѣ, и списокъ городовъ, основанныхъ москвитянами въ Сибири — есть вообще первое описаніе этого рода въ старой литературѣ о Сибири. Это сочиненіе, опять очевидно взятое изъ русскихъ источниковъ, даетъ указаніе путей, какими совершались тогда сообщенія съ Сибирью и перевозка товаровъ. Главными путями были, конечно, рѣки; при этомъ Масса даетъ также описаніе главныхъ городовъ, говоритъ о туземныхъ народахъ и ихъ обычаяхъ, объ управленіи воеводъ, отмѣчая великіе успѣхи московскихъ людей въ занятіи Сибири: „скажу однимъ словомъ,—говоритъ онъ,—москвитяне въ этой странѣ оказали невѣроятные успѣхи, и мы надѣемся еще дальнѣйшихъ (uno verbo dicam, Moschi in illo tractu incredibiles fecere progressus et ulteriores speramus)“. Онъ отмѣчаетъ также быстрое сліяніе племенъ въ гражданскомъ отношеніи подъ русскою властью. „Въ городѣ Томи (Томскъ, Toom),—говоритъ онъ, напримѣръ,—и въ Нарымскомъ острогѣ, и въ Сибири находятся многочисленныя племена, которыя называютъ себя остяками, и они уже слились съ татарами, самоѣдами и русскими въ одно тѣло, дружески ведя другъ съ другомъ торговлю золотомъ и другими родами товаровъ... Между рѣками Обью и Иртышемъ построено множество городовъ и крѣпостей, — почти въ то же время какъ строился Тобольскъ, уже изобилующій богатствами, — жители которыхъ суть москвитяне, татары и самоѣды, всѣ мирные (omnes mansueti)“ и т. д. Порядокъ описанія — съ запада на востокъ: отъ Соли-Вычегодской Масса доходитъ до Югорскихъ горъ, т.-е. до Урала, на пути упоминая о Камѣ, впадающей въ Волгу, „которая семи-

[1]) Тамъ же, стр. 111.

десятью устьями вливается въ Каспійское море, какъ я слышалъ отъ людей, достойныхъ вѣры, свидѣтелей-очевидцевъ". Онъ даетъ краткое описаніе Урала, затѣмъ сообщаетъ извѣстія о Верхотурьѣ (Vergateria): это первый сибирскій городъ, гдѣ правитъ воевода (prorex aut gubernator). Затѣмъ начинаются рѣки сибирской системы: большая рѣка Тура, Тоболъ, города Тюмень, Тобольскъ на рѣкѣ Иртышѣ, „очень быстрой на подобіе Дуная"; Сургутъ, Нарымскій острогъ. За Обью слѣдуетъ описаніе Енисея, и путеводитель кончается указаніемъ первыхъ попытокъ русскихъ проникнуть за Енисей. Въ рукахъ Массы была и карта. „Жилъ въ то время въ Московіи братъ одного моего друга, самъ участвовавшій въ этихъ открытіяхъ въ Сибири; этотъ другъ передалъ намъ одну карту, полученную изъ устъ своего брата, нынѣ уже покойнаго, и имъ начерченную, самъ же онъ проплылъ проливъ Вайгачъ и знаетъ всѣ мѣста до рѣки Оби; о положеніи странъ за этой рѣкой онъ узналъ отъ другихъ"... Въ голландскомъ изданіи онъ говоритъ: „Я опишу сколько мнѣ возможно дорогу изъ Россіи въ Сибирь, но я долженъ сказать, что мнѣ было невозможно узнать больше. То, что я знаю, я собралъ съ величайшими усиліями и я обязанъ этимъ дружбѣ нѣкоторыхъ лицъ московскаго двора, которыя изъ расположенія ко мнѣ довѣрили мнѣ эти свѣдѣнія, долго колебавшись прежде, чѣмъ мнѣ ихъ дать. Это могло стоить имъ жизни, потому что русскій народъ крайне недовѣрчивъ и не можетъ вынести, чтобы открывали тайны его страны" [1]).

Ко второй половинѣ XVII-го вѣка относится другой своеобразный историческій памятникъ, — описаніе Сибири, на латинскомъ языкѣ, принадлежащее извѣстному Юрію Крижаничу. Безъ имени автора, оно найдено было впервые писателемъ о Сибири Г. И. Спасскимъ, который издалъ это произведеніе въ 1820 годахъ [2]); впослѣдствіи

---

[1]) Pr. Obolensky et Van der Linde, II, стр. XII; I, стр. 284—285.

Списокъ картъ, составленныхъ Массой, приведенъ былъ въ статьѣ Аделунга о старыхъ иностранныхъ картахъ Россіи до 1700 года (Beiträge zur Kenntniss des russ. Reiches, т. IV, стр. 27), въ его книгѣ объ иностранныхъ путешественникахъ въ Россію, а потомъ подробнѣе въ предисловіи Ванъ-деръ-Линде къ изданію сочиненій Массы, но ихъ взаимное отношеніе, кажется, еще не было опредѣлено. Еще Бэръ въ упомянутой статьѣ 1842 года высказывалъ недоумѣніе: отчего карты, изданныя Массой подъ собственнымъ именемъ и находящіяся въ большинствѣ старыхъ голландскихъ атласовъ, не мало отличаются отъ карты, изданной Гесселемъ Герардомъ? Бэръ предполагалъ, что Масса могъ впослѣдствіи внести въ свои карты новыя наблюденія. Аделунгъ говорилъ потомъ, что не можетъ рѣшить этихъ критическихъ сомнѣній. (Бэръ, Bulletin scientifique, 1842, стр. 271; Adelung, Uebersicht, II, стр. 219.

[2]) Сибирскій Вѣстникъ, ч. XVII—XVIII, и отдѣльно: „Повѣствованіе о Сибири. Латинская рукопись XVII столѣтія, изданная съ россійскимъ переводомъ и примѣ-

часть этого текста напечаталъ, съ новымъ переводомъ, Небольсинъ [1]), а въ послѣднее время этотъ памятникъ былъ обслѣдованъ г. Тыжновымъ [1]). Этотъ памятникъ сохранился въ двухъ спискахъ, и носитъ (съ нѣкоторыми варіантами) такое заглавіе: Relatio (или Historia) de Siberia, qua continetur notitia dictae provinciae et littoris Oceani Glacialis et Orientalis, a portu S. Michaëlis Archangeli usque ad Chinam, sive Catayum. Item de Calmucis Nomadibus et quaedam narratiunculae de Gemmariorum, Metallorum et Alchimistarum fraudibus. Scripta anno 1861. Aeternum soli gloria tota Deo („Повѣствованіе о Сибири, въ которомъ находятся замѣтки объ этой провинціи и о берегахъ Ледовитаго и Восточнаго океана отъ порта св. Михаила Архангела до Китая, также о номадахъ калмыкахъ и нѣкоторые разсказы объ обманахъ ювелировъ, металлическихъ дѣлъ мастеровъ и алхимиковъ. Писано въ 1881 году. Богу одному вѣчная слава“). Въ текстѣ упомянуто, что авторъ прожилъ въ Сибири въ ссылкѣ пятнадцать лѣтъ; какъ человѣкъ просвѣщенный и любознательный, онъ могъ собрать за это время много свѣдѣній. „Повѣствованіе“ разсказываетъ о покореніи Сибири, сообщая при этомъ новыя оригинальныя данныя, говоритъ о климатѣ страны, ея населеніи, путяхъ сообщенія, промыслахъ, положеніи инородцевъ и пр. Не видно, чтобы авторъ пользовался какими-нибудь письменными историческими матеріалами; онъ ссылается только на то, что „удержала слабая память“—т. е. основывался на живыхъ показаніяхъ и преданіяхъ, что́ придаетъ „Повѣствованію“ значеніе самостоятельнаго историческаго источника.

Принадлежность „Повѣствованія“ Крижаничу г. Тыжновъ выводитъ изъ сопоставленія указаній, приводимыхъ біографомъ Крижанича, Кукульевичемъ, о сношеніяхъ Крижанича съ извѣстнымъ голландскимъ географомъ Витзеномъ, и темныхъ указаній г. Безсонова, что у Крижанича было какое-то сочиненіе о Сибири: приводя изъ этого сочиненія нѣкоторыя извѣстія, г. Безсоновъ—почему-то скрытничая—говорилъ, что онѣ взяты „изъ сочиненія, котораго мы пока не цитуемъ“. Сличивъ извѣстія Витзена и цитаты г. Безсонова съ „Повѣствованіемъ“, можно видѣть, что авторомъ Relatio de Siberia былъ именно Крижаничъ.

Наиболѣе замѣчательнымъ иностраннымъ сочиненіемъ XVII вѣка,

чаніями Григоріемъ Спасскимъ, С.-Петерб. Академіи наукъ корреспондентомъ и разныхъ ученыхъ обществъ членомъ“. Спб. 1822, VIII и 48 стр.

[1]) Въ книгѣ: „Покореніе Сибири“, приложеніе, ст. 89—99.

[2]) Сибирскій Сборникъ, приложеніе къ Восточному Обозрѣнію, Спб. 1887, стр. 113 и д. Въ библіографическихъ указаніяхъ о „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ есть, кажется, ошибка.

касающимся азіатской Россіи, была знаменитая, но тѣмъ не менѣе мало извѣстная книга амстердамскаго бургомистра Николая Витзена (1640—1717). Витзенъ, происходившій изъ богатой голландской фамиліи и прекрасно образованный, увлекся распространеннымъ тогда интересомъ къ малоизвѣстнымъ странамъ сѣвера и востока и, по собственной охотѣ и любознательности, отправился въ Россію, присоединившись частнымъ лицомъ къ голландскому посольству (1664) и провелъ здѣсь нѣсколько лѣтъ. Онъ проѣхалъ Россію до береговъ Каспійскаго моря и на сѣверѣ до границъ Сибири; въ Москвѣ весьма внимательно изучалъ русскую жизнь, съумѣлъ пріобрѣсти дружескія связи, при посредствѣ которыхъ онъ могъ и впослѣдствіи получать новыя свѣдѣнія и дополненія къ своему обширному труду о сѣверной и восточной Татаріи. Книга его на голландскомъ языкѣ: „Noord- en Oost-Tartarye", и пр., вышла въ первый разъ въ 1692 году, затѣмъ, въ очень распространенномъ видѣ, повторена была въ 1705 и, наконецъ, въ 1785 г. Какъ извѣстно, во время перваго путешествія за границу въ 1697 г., Петръ завязалъ личныя отношенія съ Витзеномъ, который между прочимъ былъ хорошій знатокъ морского дѣла и оказалъ Петру не мало услугъ въ Голландіи. Витзенъ былъ однимъ изъ тѣхъ проводниковъ, которые, какъ упомянуто прежде, запереносили русскія свѣдѣнія о дальнемъ азіатскомъ востокѣ въ западную литературу и дѣлали ихъ достояніемъ географической науки. Сами русскіе были совершенно чужды научному движенію, и какъ Россія съ ея исторіей и географіей дѣлалась извѣстна на западѣ только черезъ Герберштейновъ, Майербертовъ, Олеаріевъ, такъ и свѣдѣнія о Сибири и окрестныхъ земляхъ поступали въ географическое обращеніе лишь въ той степени, насколько онѣ были усвоиваемы западными путешественниками въ Россіи. Какъ мы упоминали, Герберштейнъ повторялъ еще въ половинѣ XVI-го вѣка чистыя басни; теперь въ западную литературу начинаютъ переходить свѣдѣнія документальныя. Такъ, напримѣръ, Витзенъ издалъ въ голландскомъ переводѣ упомянутое выше посольство въ Китай Ѳедора Байкова 1654 года [1]). Книга Витзена о сѣверной и восточной Татаріи представляетъ огромный сборникъ свѣдѣній географическихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ: подъ Татаріей у него разумѣлись земли отъ Каспійскаго моря, Волги и Камы до Тихаго океана. Кромѣ его

[1]) Въ „Russica" Публичной Библіотеки отмѣчено голландское изданіе: „Land-Reys van Saedor Jacowits Boicoof, Uytgesanden voor Ambassadeur van den Czaar van Moscovien, na China, gedaan in het Jaar 1653. Leyden, 1707; — но въ книгѣ Аделунга (Uebersicht, II, стр. 339—340) указанъ болѣе ранній нѣмецкій переводъ по Витзену, изданный въ Лейпцигѣ въ 1699; указаны также переводы англійскій и французскій.

собственныхъ разысканій, сюда вошли извлеченія изъ другихъ сочиненій, такъ что книга вообще сопоставляетъ громадный, не объединенный матеріалъ. Отдѣлъ книги, посвященный Сибири, по словамъ г. Тыжнова, — „даетъ превосходное географическо-этнографическое описаніе западной части Сибири, примыкающей непосредственно къ Уральскому хребту, описаніе, изъ котораго можетъ почерпнуть не мало цѣнныхъ свѣдѣній и современный этнографъ, изучающій обычаи и первобытную культуру. Нельзя при этомъ не отмѣтить того факта, что въ то время какъ русскіе люди пробавлялись разными допотопными разсказами о сѣверныхъ странахъ, „гдѣ живутъ люди, у коихъ рты на темени, а не говорятъ, а образъ въ пошлину человѣчь“ (и проч.)—въ то же самое время иностранцы имѣли уже о тѣхъ же сѣверныхъ русскихъ странахъ весьма точныя научныя свѣдѣнія и даже образцы инородческихъ нарѣчій!“

Въ 1685 году въ Россіи былъ іезуитъ Авриль, издавшій потомъ книгу: „Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, entrepris pour découvrir un nouveau chemin à la Chine“ (Paris, 1693). По словамъ его, нѣкоторыя извѣстія были имъ извлечены изъ бумагъ „московской канцеляріи“: сличенія показали, что эти извѣстія Авриля взяты были изъ книги Спаѳарія, о которой мы говорили выше. Съ тѣмъ же Спаѳаріемъ знакомъ былъ другой французскій путешественникъ Де-ла-Нёвиль, бывшій въ Москвѣ въ 1689 году [1]). Далѣе, явилась въ голландскомъ переводѣ упомянутая выше „Роспись китайскому государству“ казака Ивана или Ивашки Петлина (1618—1620 года), не только въ то время, но и долго послѣ неизвѣстная въ самой русской печати [2]), какъ не были извѣстны ни Байковъ, ни Спаѳарій.

Путешественники XVII-го вѣка, заѣзжавшіе въ Москву, уже слышали кое-что о Сибири, а нѣкоторые изъ нихъ и сами бывали въ ней. Изъ такихъ путешественниковъ долженъ быть упомянутъ въ концѣ XVII-го вѣка голландецъ Исбрантъ Идесъ, который въ 1692 г. посланъ былъ царями Иваномъ и Петромъ въ Китай опять для утвержденія торговыхъ сношеній; въ своей книгѣ онъ подробно описываетъ также и свой путь отъ Москвы черезъ Сибирь до китайской границы; здѣсь заключается не мало любопытныхъ свѣдѣній, которыя были новы въ тогдашней литературѣ, хотя позднѣйшіе изслѣдователи находили у него ошибки, напр., въ описаніяхъ сибирской природы [3]). Спутникомъ Исбранта Идеса былъ Адамъ Брандъ, который

---

[1]) Его „Relation curieuse et nouvelle de Moscovie“ вышла въ Парижѣ, 1699. См. Пекарскаго, тамъ же, I, стр. 341—342.

[2]) Evesko Petelin et Andrasko, Voyagie na Tartaryen en Cathay, of China, gedaan uyt Moscovien in het Jaar 1619. Leyden, 1707.

[3]) Книга его вышла на голландскомъ языкѣ: „Driejaarige Reize naar China, te

также издалъ описаніе этого путешествія, кажется, первоначально на нѣмецкомъ языкѣ [1]).

Любопытно, что эта иностранная литература о Россіи и Сибири стала, наконецъ, проникать и къ намъ въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка. Мы не разъ указывали, что потребность въ новомъ образованіи стала обнаруживаться еще задолго до реформы, которая потомъ положила ему первыя прочныя основанія; любознательность къ наукамъ политическимъ, къ исторіи и географіи выразилась появленіемъ, съ конца XVII-го столѣтія, большого числа рукописныхъ переводовъ книгъ по этимъ отдѣламъ,—и между прочимъ, были переводимы и книги о самой Россіи. Такъ, напримѣръ, переведена была книга Олеарія [2]) и затѣмъ и книжка Исаака Массы съ перевода Артхуса [3]): за недостаткомъ своихъ книгъ о Россіи и Сибири, обращались къ чужимъ сочиненіямъ о собственной странѣ, и въ то время уже конечно устарѣлымъ.

---

lande gedaan door den Moskowischen Afgezant E. Ysbrants Ides van Moskou af, over groot Ustiga, Sirjania, Permia, Sibirien, Daour, groot Tartaryen tot in China, и проч. Амстердамъ 1704 и др. изд.; былъ нѣмецкій переводъ и англійскій. Кромѣ того было, кажется, сокращенное нѣмецкое изложеніе еще до выхода голландскаго изданія (Ср. Аделунга, II, 385—388 и Russica, s. v. Mentzelius).

[1]) A. Brand, Beschreibung seiner grossen chinesischen Reise, etc. Frankfurt 1697 и др.; переводы французскій, голландскій, латинскій. Другія подробности относительно этой иностранной литературы XVII вѣка о Сибири см. въ упомянутой статьѣ И. И. Тыжнова: Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-й половины XVI (читай: XVII) вѣка („Сибирскій Сборникъ", подъ редакціей Н. М. Ядринцева, Спб. 1887, и другой выпускъ этого сборника подъ ред. В. А. Ошуркова. Иркутскъ, 1890).

[2]) „О новой персидской ѣздѣ описаніе". Въ „Персидскомъ путешествіи" Олеарія именно включено описаніе Россіи.

[3]) „Индіи восточной часть седьмая, плаваніи двѣ содержащая... составителемъ М. Готардомъ Артхусомъ гдащаниномъ (т.-е. данцигцемъ) вся преизящнѣйшими на мѣди изображенными иконами объясненна и свѣту преданна... року 1606". Рукопись Публ. Библіотеки F. IV. № 116. Переводъ, по замѣчанію Пекарскаго, сдѣланъ полякомъ или бѣлоруссомъ не позже начала XVIII вѣка („Наука и литер." I, стр. 340). Здѣсь находится и описаніе Сибири: „Повѣстное описаніе королевствъ Сѣберіи, Самоѣдіи и Тингоезіи (!), вкупѣ съ путешествіями отъ Москвы до всходу и полунощной страны тамо проводящими запе презъ оніе московскій народъ всегда преходитъ".

Эта „Тингоезія" неизмѣнно повторяется въ переводахъ Массы, наконецъ и въ русскомъ! Но по-голландски *oe* произносится за *у*, и рѣчь идетъ здѣсь о тунгусахъ.

ГЛАВА II.

Восемнадцатый вѣкъ.—Ученыя экспедиціи.

Историческое значеніе занятія Сибири.—Результаты его для распространенія географическихъ знаній и другихъ научныхъ изслѣдованій.—Первыя научныя работы при Петрѣ. — „Геодезисты“ въ Тобольскѣ и въ Камчаткѣ. — Мессершмидтъ. — Таббертъ-Штраленбергъ. — Григорій Новицкій. — Путешествія Беринга.—„Вторая камчатская экспедиція“: Герардъ-Фридрихъ Миллеръ, Делиль, Фишеръ, Стеллеръ, Крашенинниковъ.—Георгъ Гмелинъ и его книга.

Съ всемнадцатымъ вѣкомъ открывается новый періодъ сибирскихъ изслѣдованій, когда онѣ въ первый разъ становятся на научную почву.

До послѣдняго времени все еще не опредѣлено съ точностью какъ историческое положеніе новыхъ земель въ общемъ ходѣ русской жизни, такъ и значеніе нашего открытія Сибири для распространенія географическихъ знаній. Этотъ вопросъ излагался недавно по поводу (весьма скуднаго) празднованія 300-лѣтія завоеванія Сибири Ермакомъ, и мы читали, напримѣръ, слѣдующее: „Съ занятіемъ русскими Амура,—говорилъ одинъ изъ нашихъ историковъ,—новая область на сѣверѣ Азіи, вошедшая въ составъ московскаго государства подъ общимъ названіемъ Сибири, почти достигла своихъ естественныхъ предѣловъ: исторической дѣятельности русскаго народа открылось новое великое поприще; явились новые неизсякаемые источники матеріальныхъ средствъ, и еще невѣдомая образованному міру значительная часть азіатскаго материка выступила изъ мрака неизвѣстности. Сибирь стала частію всемірной области, и это событіе имѣетъ *такое же всемірно-историческое значеніе,* какъ и открытіе западно-европейскими народами новыхъ земель въ концѣ XV-го и въ началѣ XVI-го в. Занятіе русскими одной изъ величайшихъ равнинъ земного шара, совершившееся въ продолженіе всего только

70 лѣтъ, составляетъ явленіе въ высокой степени замѣчательное, можно сказать, безпримѣрное, если мы примемъ во вниманіе тѣ неблагопріятныя условія, которыя задерживали завоевательное и колонизаціонное движеніе въ смутную эпоху и долгое время послѣ того, если примемъ далѣе во вниманіе тѣ, по истинѣ ничтожныя, средства, какими могла располагать московская Русь для водворенія и поддержанія своихъ необъятныхъ владѣній на востокѣ. На занятіе Сѣверной Америки культурные народы Западной Европы должны были употребить больше времени" [1]). Очевидно, однако, что занятіе Сибири русскими въ XVI—XVII-мъ столѣтіи не имѣло такого *всемірно-историческаго* значенія, какъ открытіе Новаго Свѣта въ XV—XVI-мъ столѣтіи, какъ можно судить по культурному состоянію этихъ странъ. Что касается безпримѣрности быстраго занятія русскими громадныхъ сибирскихъ пространствъ, то дѣйствительно предпріимчивость сибирскихъ людей, небольшими партіями совершавшихъ далекіе походы въ неизвѣстныя страны и покорявшихъ по дорогѣ туземныя племена, плававшихъ по неизвѣстнымъ сѣвернымъ морямъ и, между прочимъ, задумавшихъ однажды присоединеніе Китайской имперіи, бывала нерѣдко по истинѣ изумительна; но съ другой стороны надо вспомнить, что этимъ людямъ,—большая часть которыхъ была воспитана въ школѣ стариннаго удальства казацкой вольницы или руководилась промышленною алчностью,—приходилось имѣть дѣло съ разбросанными полудикими или совсѣмъ дикими племенами, представлявшими только весьма слабое сопротивленіе. Страна была населена очень рѣдко; въ каждомъ данномъ пунктѣ, русскіе, съ ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, могли имѣть явный перевѣсъ, и туземцы предпочитали откупаться ясакомъ, который и удовлетворялъ побѣдителей. Полудикое состояніе народовъ, покоренныхъ въ XVII-мъ столѣтіи, въ громадномъ числѣ случаевъ осталось неизмѣннымъ и до сей минуты: этимъ объясняется ничтожество средствъ, съ которымъ могла утверждаться здѣсь московская власть въ XVII-мъ столѣтіи, какъ съ другой стороны оно говоритъ объ ограниченности культурнаго значенія факта, которое такъ преувеличиваетъ упомянутый историкъ.

Гораздо проще и въ сущности вѣрнѣе говорилъ о значеніи пріобрѣтенія Сибири одинъ изъ старыхъ сибирскихъ историковъ и патріотовъ—Спасскій. Онъ также сравниваетъ значеніе открытій Сибири для Россіи съ открытіями въ Новомъ Свѣтѣ по ихъ отношенію къ европейской жизни, но главное видитъ просто въ умноженіи матеріальныхъ средствъ государства: „пріобрѣтеніе Сибири столь же

[1]) Журн. мин. просв., 1882, октябрь, стр. 243.

важно *для Россіи*, а можетъ быть и болѣе, сколько важно было открытіе Новаго Свѣта для всей Европы... Съ открытіемъ Сибири всѣ силы государственныя окрепилися; финансы воспріяли вѣрное свое начало; золото и серебро Колыванское поддержали ихъ; мѣдь Екатеринбургская какъ ходячую монету, такъ и артиллерію привела въ живѣйшее движеніе; желѣзо защищало грудь ратоборцевъ русскихъ и помогло низвергнуть подобнаго Батыю врага нашего отечества. Нечего говорить уже о драгоцѣнностяхъ и рѣдкостяхъ Сибири: вазы и канделябры изъ яшмъ, порфира и малахита, рукою русскихъ художниковъ отдѣланные и въ залахъ палатъ царскихъ стоящіе, удивляютъ чужеземныхъ путешественниковъ. Науки, при благодѣтельномъ на нихъ вліяніи монарховъ нашихъ, распространили сферу свою и показали чрезъ сдѣланныя, какъ въ прошедшее столѣтіе, такъ и въ началѣ нынѣшняго, экспедиціи великое приращеніе—и Европа наблюденіями русскихъ пользуется" [1]).

Итакъ, главная польза была чисто матеріальная; что касается науки, то ея „приращенія" являются только съ XVIII-го вѣка, когда у насъ введена была школа изъ европейскаго источника, и „приращенія" въ первый разъ сдѣланы были въ особенности при посредствѣ иностранныхъ ученыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, замѣчательныя открытія сибирскихъ казаковъ и промышленниковъ XVII-го вѣка оставались только практическимъ свѣдѣніемъ мѣстныхъ жителей и воеводъ, и канцелярской тайной сибирскаго приказа (который съ 1637 учрежденъ былъ для управленія Сибирью, до того времени находившеюся въ вѣдѣніи посольскаго приказа), но оставались мертвымъ капиталомъ для науки. Пріобрѣтенное знаніе края было чисто эмпирическое, не собранное ни въ какое точное цѣлое, и не мудрено, что сдѣланныя открытія приходилось потомъ дѣлать вновь, какъ, напр., составлять вновь карты Сибири, открывать во второй разъ Беринговъ проливъ, не говоря о томъ, что въ XVIII столѣтіи приходилось въ первый разъ дѣлать физическія описанія страны и т. д.

Въ началѣ настоящаго труда было сказано о томъ, какъ вообще только съ Петра Великаго начинается первое примѣненіе научнаго знанія къ изученію русской земли и народа [2]), и о томъ, какъ въ то время начаты были и первыя изслѣдованія Сибири: петровскіе „геодезисты" и „навигаторы" еще при жизни его начали свои изслѣдованія, которыя разрослись потомъ въ длинный рядъ экспедицій, исполненныхъ въ теченіе XVIII-го столѣтія. Еще въ XVII столѣтіи московское правительство предпринимало „чертежъ" сибирской земли;

---

[1]) Сибирскій Вѣстникъ, 1818, I, стр. 9—10.
[2]) Томъ I, глава III.

этотъ первый чертежъ даже не сохранился, но во всякомъ случаѣ въ правильномъ видѣ онъ сталъ возможнымъ только со времени геодезистовъ и навигаторовъ, когда впервые стали дѣлаться астрономическія опредѣленія мѣстностей. Только съ этихъ поръ начинается правильная картографія Сибири и знаніе сѣверной половины азіатскаго материка становится достояніемъ науки.

Историки Петра Великаго замѣчаютъ, что съ того времени, когда онъ побывалъ въ Парижѣ, познакомился съ тамошними учеными и былъ избранъ въ члены французской Академіи, у насъ въ особенности начались опыты самостоятельныхъ географическихъ изслѣдованій, собираніе по естественной исторіи и т. п. Въ числѣ первыхъ были опыты изслѣдованій Сибири. Въ 1719 г. отправлено было два геодезиста въ Тобольскъ и въ Камчатку; между прочимъ было имъ поручено разыскать — „сошлася ли Америка съ Азіею, что́ надлежитъ зѣло тщательно сдѣлать, не только Зюйдъ и Нордъ, но и Остъ и Вестъ, и все на картѣ исправно поставить“. Такимъ образомъ результатъ, добытый старыми плаваніями XVII-го вѣка, особливо плаванія Дежнева, былъ забытъ или же не внушалъ довѣрія. Геодезисты измѣряли, плавали около Камчатки и по Охотскому морю, но на первый разъ не разрѣшили поставленнаго имъ вопроса. Петръ составилъ инструкцію для новаго путешествія съ тою же цѣлію, но она была выполнена только послѣ его смерти экспедиціею Беринга, открывшаго проливъ между Азіей и Америкой. Еще при жизни Петра снаряжено было другое ученое путешествіе въ Сибирь, исполнителемъ котораго былъ ученый докторъ Даніилъ-Готлибъ Мессершмидтъ (1685—1735), вызванный изъ Германіи. Какъ многіе другіе изслѣдователи того времени, Мессершмидтъ былъ большой энциклопедистъ: медикъ по профессіи, онъ примѣнилъ въ сибирскихъ изслѣдованіяхъ свои обширныя знанія—онъ былъ и натуралистъ, и географъ, и оріенталистъ, и археологъ. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы отчасти указали его труды въ теченіе семилѣтнихъ странствованій въ Сибири: самъ онъ не успѣлъ издать ихъ и впослѣдствіи ими воспользовался знаменитый Палласъ. Мессершмидтъ былъ первый въ ряду западныхъ, именно нѣмецкихъ ученыхъ, которые въ XVIII-мъ вѣкѣ съ честью послужили изслѣдованію далекой страны, сопряженному тогда еще несравненно больше, чѣмъ въ новѣйшее время, съ великими трудностями, какія полагала и суровая природа, и довольно дикіе нравы тогдашняго быта и администраціи. За недостаткомъ сколько-нибудь образованныхъ людей изъ русскихъ, Мессершмидтъ нашелъ себѣ помощниковъ между плѣнными шведами, которыхъ было много выслано

[1]) Томъ I, стр. 82—84.

въ Сибирь въ теченіе Сѣверной войны. Одинъ шведъ, Бушъ, помогалъ уже геодезистамъ, посланнымъ въ Камчатку; знаніями плѣнниковъ пользовались и начальные люди въ Сибири. Въ 1720 году, въ Тобольскѣ, Мессершмидтъ просилъ, чтобы дали ему въ помощь шведскихъ плѣнныхъ: онъ ссылался, что четырехъ человѣкъ взялъ Измайловъ, посланный въ Китай, что одного шведскаго штыкъ-юнкера взяли къ артиллеріи, и что ему самому „не про свою нужду требовати, но его царскому величеству къ лучшему устроенію, а изъ русскихъ таковыхъ людей не обрѣтается". Въ слѣдующемъ году онъ опять проситъ, чтобы ему дали за поруками въ помощники, если гдѣ-нибудь „нѣмецкій плѣнникъ обрящется и со аптекарскими вещми удобное обхожденіе знаетъ",—„а отъ здѣшняго націона таковые спомогатели не обрящутся". Такіе помощники и „плѣнные хлопцы" изъ шведовъ у него и бывали. Въ одномъ изъ шведскихъ офицеровъ онъ нашелъ себѣ не только знающаго сотрудника, но и вѣрнаго друга. Это былъ Филиппъ-Іоаннъ, по-русски Иванъ Филипповичъ, Таббертъ, штральзундскій уроженецъ, взятый въ плѣнъ послѣ полтавской битвы и прожившій съ тѣхъ поръ въ Сибири до заключанія мира съ Швеціею; вернувшись домой, Таббертъ получилъ дворянское званіе и фамилію Штраленберга, подъ которой онъ пріобрѣлъ потомъ извѣстность въ литературѣ.

Во время пребыванія въ Сибири Штраленбергъ собралъ много матеріала о положеніи края и вмѣстѣ о событіяхъ русской исторіи, кромѣ того составилъ послѣ многихъ препятствій карту Сибири, которая очень понравилась Петру Великому. Послѣ Ништадтскаго мира Штраленбергъ приступилъ къ изложенію собранныхъ свѣдѣній и въ 1730 году издалъ книгу, которая пользовалась въ XVIII-мъ вѣкѣ большою извѣстностью [1]). Въ 1724 году познакомился съ нимъ въ Стокгольмѣ извѣстный историкъ Татищевъ, посыланный тогда съ разными порученіями въ Швецію; Татищевъ писалъ въ Петербургъ, что Штраленбергъ проситъ позволенія посвятить свое сочиненіе о Сибири имени русскаго императора и, не получивъ отвѣта, позднѣе опять писалъ, что „описаніе Сибири безъ всякой противности состоитъ и паче къ славѣ и пользѣ Россійской; въ предисловіи же Страленбергъ обѣщаетъ великія дѣла покойнаго государя изобразить,

---

[1]) Das nord- und östliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze russische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet in einer historischgeographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten und vielen andern unbekannten Nachrichten vorgestellet etc. von Philipp Johann von Strahlenberg. Stockholm 1730. Было потомъ другое изданіе въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: Historie der Reisen in Russland; затѣмъ были переводы англійскій 1738, французскій 1757 и испанскій 1780; русскаго перевода не было.

въ чемъ и я, колико разумѣю, трудъ свой приложу". Устряловъ полагалъ, что Татищевъ дѣйствительно прилагалъ свою руку къ труду Штраленберга, который первоначально былъ расположенъ больше въ пользу Петра Великаго, но что когда согласія на упомянутое посвященіе не послѣдовало и Штраленбергъ обманулся въ ожиданіи награды отъ русскаго двора, онъ сдѣлалъ въ своемъ сочиненіи перемѣны, и Устряловъ склонялся къ мнѣнію Голикова, который называлъ Штраленберга злобнымъ клеветникомъ. Другіе не раздѣляютъ этого взгляда и напротивъ отдаютъ справедливость богатству новыхъ свѣдѣній, какія были въ первый разъ даны въ книгѣ Штраленберга о далекихъ странахъ, въ то время почти неизвѣстныхъ въ Европѣ [1]). Надо сказать, однако, что книга Штраленберга имѣла и свои крупные недостатки; напр., не зная хорошенько русскаго языка, онъ берется за филологическія толкованія, которыя выходили уродливыми.

Раньше Штраленберга, въ 1715 г., исполненъ былъ одинъ русскій и довольно замѣчательный трудъ по описанію Сибири, который могъ бы служить къ „приращенію" науки, но онъ изданъ былъ только въ 1884 г. Это — „Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ", составленное Григоріемъ Новицкимъ. Новѣйшій издатель сообщилъ о немъ такія біографическія свѣдѣнія: какъ видно изъ самаго „Описанія", авторъ былъ малороссіянинъ и человѣкъ книжный и, судя по его витіеватой реторикѣ, прошедшій высшую школу, вѣроятно кіевскую Академію; старѣйшій извѣстный списокъ сочиненія, теперь изданный, писанъ малороссійскимъ почеркомъ и пересыпанъ тѣми особенностями книжнаго языка и правописанія, которыя отличаютъ малорусскихъ книжниковъ прошлаго вѣка. Новицкій попалъ въ Сибирь не по доброй волѣ: въ предисловіи онъ говоритъ о себѣ, какъ о „страннивѣ бѣдствующемъ и пришлецѣ", котораго привели въ Сибирь „не желаніе любопытства, ниже о всякихъ вещахъ искательство видѣнія", а напротивъ „брани смущенія междоусобныя и временъ злоключеніе предаша неволѣ", т.-е. предали его неволѣ смутныя тогдашнія событія въ Малороссіи. Въ дѣлахъ консисторскаго архива въ Тобольскѣ найдено указаніе, что ссылка Новицкаго, вмѣстѣ съ пятнадцатью другими лицами, относится къ 1712 году; въ Сибири онъ пользовался покровительствомъ тогдашняго тобольскаго губернатора, князя М. П. Гагарина, и митрополита Филоѳея, и сопровождалъ послѣдняго въ путешествіяхъ къ остякамъ и вогуламъ, предпринятыхъ для обращенія ихъ въ христіанство: это знакомство съ сибирскими инородцами и дало поводъ къ „Описанію". Впослѣдствіи,

[1]) Устряловъ, „Исторія царствованія Петра Великаго", т. I, стр. LXXIII—LXXV; Пекарскій, тамъ же, стр. 354—355.

при митрополитѣ Антоніѣ (Стаховскомъ), преемникѣ Филоѳея, Новицкій назначенъ былъ въ Кондинской волости надзирателемъ за исполненіемъ новокрещенными остяками принятаго христіанства, — и здѣсь онъ былъ убитъ вмѣстѣ съ священникомъ когда-то послѣ 1720 года [1]).

Эти данныя дополняются другими разысканіями. Григорій Новицкій былъ сынъ „охочекомоннаго" полковника Ильи Новицкаго, игравшаго видную роль во внутреннихъ малороссійскихъ дѣлахъ конца XVII-го вѣка и умершаго, какъ полагаютъ, около 1700 года. Григорій Новицкій получилъ, по тогдашнему, весьма старательное воспитаніе и учился (кажется, въ послѣднихъ годахъ XVII-го столѣтія) въ кіево-могилянской Академіи. Впослѣдствіи и онъ былъ охочекомоннымъ полковникомъ, вѣроятно того же полка, гдѣ начальствовалъ его отецъ. Когда Мазепа совершилъ свою измѣну, за нимъ въ числѣ другихъ послѣдовалъ и Новицкій, вѣроятно увлеченный своимъ своякомъ Орликомъ (жены ихъ были родныя сестры). Мазепа назначилъ его своимъ „резидентомъ" при великомъ коронномъ гетманѣ Сѣнявскомъ, и отсюда Новицкій уже въ началѣ 1709 года писалъ Головкину, принося повинную. Новицкому позволили вернуться, но тогда же сослали его въ Сибирь [2]). Обстоятельства его жизни въ Сибири выше указаны.

Сочиненіе Новицкаго сопровождается обычными принадлежностями стариннаго малороссійскаго писательства: длинное витіеватое заглавіе, потомъ обращеніе къ патрону, предисловіе къ читателю, высокопарная реторика въ изложеніи, вставленныя въ текстъ силлабическія вирши. Патрономъ былъ упомянутый князь Гагаринъ, тогдашній сибирскій губернаторъ [3]): судя по словамъ Новицкаго, это былъ такой благодѣтель человѣчества, что его великія заслуги могли бы наполнить славой всю подсолнечную [4]). Надо думать, что эти

---

[1]) См. предисловіе Л. Н. Майкова къ изданію „Описанія", Спб. 1884, стр. IV — V.

[2]) Кіевская Старина, 1885, іюль, стр. 455 — 456. Мѣстомъ ссылки указывается здѣсь Березовъ; но, по Костомарову („Мазепинцы", Р. Мысль, 1883, кн. II, стр. 165), Новицкій съ пятнадцатью казаками былъ сосланъ въ Тобольскъ и тамъ поверстанъ въ службу. Новѣйшія извѣстія говорятъ, что потомки Новицкаго и теперь живутъ около Березова, населяя почти исключительно одно изъ тамошнихъ селъ и эксплуатируя окрестныхъ остяковъ. „Природа и Охота", 1878, № 2, ст. Полякова, стр. 47.

[3]) Въ предисловіи г. Майкова онъ называется Михаиломъ, въ дѣйствительности онъ назывался Матвѣемъ; въ Тобольскъ онъ былъ назначенъ въ 1710 году.

[4]) Вотъ, напримѣръ, первыя строки сочиненія Новицкаго:

„Величество преславныхъ и превеликихъ дѣлъ сѣятелства вашего, еже все православіе, всю подсолнечную неописаннымъ, необъемлемымъ наполни торжествомъ: не моего неудобства бысть се могутство достойно изобразити, еже нынѣ съ раболѣпнымъ преклоненіемъ егда приношу, сумнѣнія и ужаса исполненъ: яко недоволно

льстивыя восхваленія требовались автору для обезпеченія милостей губернатора, очень нелишнихъ въ его положеніи, — на дѣлѣ уже вскорѣ оказалось, что дѣянія этого благодѣтеля потребовали строгаго слѣдствія и суда. Въ 1719 году оберъ-фискалъ доносилъ сенату о разореніи и грабежѣ, происходящихъ отъ губернатора сибирскому народу; въ томъ же году „его царское величество изволилъ приказать о немъ, Гагаринѣ, сказывать въ городахъ сибирской губерніи, что онъ, Гагаринъ, плутъ и недобрый человѣкъ, и въ Сибири уже ему губернаторомъ не быть"; на его мѣсто назначенъ былъ князь Черкасскій, а надъ Гагаринымъ шелъ судъ, приговорившій его въ 1721 году къ смертной казни, которая и была исполнена въ Петербургѣ.

Послѣ предисловія къ читателю изложеніе Новицкаго начинается опредѣленіемъ границъ сибирскаго государства, исчисленіемъ его народовъ и естественныхъ богатствъ, краткими историческими свѣдѣніями; затѣмъ идетъ обстоятельное по тому времени описаніе нравовъ, обычаевъ и суевѣрій сибирскихъ инородцевъ, наконецъ извѣстіе о крещеніи остяковъ и вогуличей. Сочиненіе Новицкаго давно было извѣстно любителямъ сибирской исторіи; его знали Спасскій, Словцовъ, Абрамовъ (въ 1840-мъ году выславшій въ Петербургъ списокъ этого сочиненія); еще во второй половинѣ прошлаго вѣка сочиненіемъ Новицкаго пользовался тобольскій ямщикъ Илья Черепановъ, авторъ „Новой сибирской лѣтописи". Но когда у насъ это сочиненіе ходило только въ рукописи, оно успѣло попасть въ печать у нѣмцевъ: уже въ 1717 году имъ воспользовался плѣнный шведъ, или нѣмецъ, драгунскій капитанъ Мюллеръ, проживавшій одновременно съ нимъ въ Тобольскѣ. Мюллеръ почти цѣликомъ перевелъ сочиненіе Новицкаго въ статьѣ: „Das Leben und die Gewohnheiten der Ostiaken", которая приложена была къ извѣстной книгѣ Вебера „Das veränderte Russland", 1721. Такимъ образомъ и здѣсь любознательность иностранныхъ писателей опережала распространеніе русской книги, которая въ подлинникѣ издана была у насъ только въ 1884 году.

Новый періодъ сибирскихъ изслѣдованій начинается съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Первое путешествіе Беринга на крайній во-

---

есть противо величества дѣлъ сѣятельства вашего, сіятелнѣйшій и благороднѣйшый князь, усумнѣтися въ истинну: паче же постыдѣтися подобаетъ мнѣ, яко неудобство мое малѣйшымъ симъ дерзну изобразити начертаніемъ толь преславная дѣла, толикое сихъ величіе, еже не у миру вмѣстимо есть: тако убо простреся, тако превзыйде и превознесеся, яко вся наполни церкви веселіемъ, православіе вожделѣннымъ благополучіемъ, благочестіе умноженіемъ, и вся стихія, землю, небо неизреченнымъ наполни торжествомъ" (!)—и такъ далѣе.

стокъ Сибири закончено было въ 1730 году [1]). Вскорѣ затѣмъ, очевидно подъ вліяніемъ еще неостывшей памяти плановъ Петра Великаго, задумана была такъ-называемая *Вторая камчатская экспедиція*, въ исполненіи которой приняла участіе только-что основанная Академія наукъ. Одна часть экспедиціи, подъ управленіемъ Беринга, должна была совершать плаваніе отъ Камчатки къ берегамъ Америки, другая должна была отправиться черезъ Сибирь въ Камчатку сухимъ путемъ. Это было знаменитое академическое путешествіе, начавшееся въ 1733 и оконченное въ 1743 году и въ которомъ приняли участіе Іоганнъ-Георгъ Гмелинъ какъ натуралистъ, Герардъ-Фридрихъ, или Ѳедоръ Ивановичъ Миллеръ какъ собиратель историческихъ матеріаловъ, Делиль-де-ла-Кроейръ какъ астрономъ, далѣе студентъ академіи Крашенинниковъ и присоединившіеся потомъ профессоръ Фишеръ и адъюнктъ Стеллеръ. При экспедиціи кромѣ Крашенинникова было еще четыре русскихъ студента, четыре землемѣра, переводчикъ, рисовальщикъ, живописецъ и инструментальный ученикъ. Это была вообще одна изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ экспедицій, какія предпринимались для изслѣдованія Сибири. Путешествіе въ то время соединялось съ большими затрудненіями: изслѣдователи должны были почти все наблюдать и разыскивать въ первый разъ; самыя категорическія предписанія изъ Петербурга къ мѣстнымъ властямъ о содѣйствіи трудамъ экспедиціи не избавляли путешественниковъ отъ крупныхъ и мелкихъ хлопотъ, и, несмотря на то, въ трудахъ экспедиціи остались замѣчательныя изслѣдованія, которыя положили начало дальнѣйшимъ изысканіямъ сибирской природы, этнографіи и исторіи. Не входя въ подробности этихъ ученыхъ изслѣдованій, отмѣченныхъ нами раньше, остановимся на нѣкоторыхъ сторонахъ этихъ путешествій. Итакъ, путешественники распредѣлили между собой предметы наблюденій по своимъ спеціальностямъ. Трудами своего недавняго предшественника Мессершмидта они воспользоваться не могли, такъ какъ эти труды въ то время еще не были приведены въ порядокъ и изданы. Такимъ образомъ участники „второй камчатской экспедиціи" снова въ первый разъ должны были приступить къ предметамъ своихъ изысканій. Все это были тогда люди молодые: Миллеру было 28 лѣтъ, Гмелину 24 года, Крашенинникову былъ 21 годъ; одинъ Делиль былъ человѣкъ старый. Путешественники съ великою ревностью отдавались своему дѣлу

[1]) Исторія плаваній Беринга изложена была въ старой книгѣ Василія Берха: „Первое морское путешествіе Россіянъ" и пр. (Спб. 1823). Эта книга подновлена нѣкоторыми новыми подробностями въ сочиненіи В. Вахтина: „Русскіе труженики моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса: соединяется ли Азія съ Америкой". Спб. 1890.

и среди неудобствъ работы собрали драгоцѣнный матеріалъ, какъ и впослѣдствіи это удавалось немногимъ. Миллеръ усердно работалъ въ сибирскихъ архивахъ и собралъ массу документовъ, которые послужили для его историческаго труда о сибирской исторіи, продолженнаго Фишеромъ, и которые служили потомъ многимъ другимъ ученымъ и не исчерпаны до сихъ поръ [1]). Гмелинъ составилъ классическую книгу о сибирской флорѣ и нѣсколько томовъ путешествія, о которомъ упомянемъ далѣе. Крашенинниковъ написалъ сочиненіе о Камчаткѣ, которое надолго осталось авторитетнымъ источникомъ свѣдѣній объ этой странѣ и было нѣсколько разъ переведено на англійскій, нѣмецкій, французскій и голландскій языки. Путешествіе, однако, не дешево досталось экспедиціи. Делиль умеръ въ Камчаткѣ отъ цынги въ 1741 году; Стеллеръ, о которомъ остались самые сочувственные отзывы, умеръ на возвратномъ пути въ Россію; въ 1739 умеръ въ Енисейскѣ переводчикъ экспедиціи Илья Яхонтовъ, котораго Гмелинъ оплакивалъ какъ усерднаго сотрудника и достойнаго человѣка.

„Описаніе Камчатки“ Крашенинникова, умершаго въ 1755 году, когда былъ отпечатанъ послѣдній листъ его книги, было величайшею новостью для тогдашней ученой литературы. Это былъ первый разсказъ о странѣ, совершенно неизвѣстной, которая не бывала наблюдаема натуралистомъ, и описаніе ея являлось настоящимъ открытіемъ: этимъ объясняется живое любопытство, какое возбудила она въ европейскомъ ученомъ мірѣ. Книга Крашенинникова составлена въ самомъ дѣлѣ весьма обстоятельно, и до сихъ поръ многія части ея могутъ быть прочитаны съ интересомъ. Крашенинниковъ долженъ былъ предполагать полное отсутствіе свѣдѣній объ описываемой имъ странѣ, и потому онъ сообщаетъ о ней извѣстія очень разностороннія. Много мѣста удѣлено описанію топографическому, опредѣленію границъ, подробному исчисленію рѣкъ и ихъ теченія, горъ, озеръ, окрестныхъ острововъ, флоры и фауны; онъ говорилъ далѣе о свойствахъ почвы и ея произведеніяхъ, объ огнедышущихъ горахъ, климатическихъ условіяхъ, наконецъ о жителяхъ, ихъ нравахъ, обычаяхъ, промыслахъ и т. д. Наблюдательность автора распространялась, какъ видимъ, на самые разнообразные предметы, и его замѣчанія отличаются обыкновенно большою точностью и простотою.

Гмелинъ, по возвращеніи изъ сибирскаго путешествія, не долго оставался въ Петербургѣ и вернулся въ Германію, гдѣ ему была предложена профессура въ Тюбингенѣ; онъ умеръ въ 1755 году.

[1]) Еще въ послѣдніе годы матеріалы Миллера не были исчерпаны, и ими пользовался г. Буцинскій въ своей книгѣ: „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“. Харьковъ, 1889 (см. предисловіе).

Уже за границей онъ издалъ дневникъ своего путешествія, который исполненъ множества любопытныхъ подробностей, какъ его спеціальные труды были чрезвычайно важнымъ вкладомъ въ физическое изслѣдованіе Сибири [1]). Новѣйшій академическій біографъ Гмелина замѣчаетъ, что нельзя не порадоваться, что онъ уѣхалъ изъ Россіи, такъ какъ при тогдашнихъ цензурныхъ понятіяхъ въ Россіи, при невозможности высказывать даже самыя невинныя критическія сужденія и при тогдашней академической обстановкѣ, Гмелинъ никогда не могъ бы издать своей книги въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла тогда въ Германіи. Другъ его Миллеръ, по словамъ Пекарскаго, въ этихъ условіяхъ могъ обнародовать едва сотую часть тѣхъ драгоцѣнныхъ извѣстій, которыя были имъ собраны и находились въ его распоряженіи.

Сочиненіе Гмелина издано было въ Гёттингенѣ въ 1751—1752 годахъ [2]). Когда книга была получена въ Россіи, она возбудила противъ себя сильное негодованіе: нѣсколько откровенная рѣчь о томъ, что̀ автору случалось видѣть въ его долгомъ и далекомъ путешествіи, показалась здѣсь неприличіемъ и даже дерзостью. Гмелинъ предвидѣлъ это и старался предупредить своихъ прежнихъ академическихъ сочленовъ отъ ложныхъ заключеній и увѣрить, что въ книгѣ „не содержится ничего непристойнаго для русскаго государства и его славы, а также и такого, что̀ бы не относилось къ наукѣ — стало быть, тамъ нѣтъ ничего, чѣмъ бы я нарушилъ лежащія на мнѣ обя-

[1]) Главнымъ его трудомъ въ этой области была „Сибирская флора“. Вообще новѣйшіе ученые такъ отзывались о трудахъ Гмелина по физическому изслѣдованію Сибири: „Крайности холода и зноя, которыя въ состояніи переносить человѣкъ и животныя и которыя далеко превышали назначенную тогда Бургавомъ мѣру, пониженіе изотермическихъ линій къ востоку, никогда не оттаивающая подпочва въ Якутскѣ и на Аргуни, распространеніе чернозема въ Сибири, пониженіе Каспійскаго моря, барометрическія опредѣленія высотъ и еще много другихъ наблюденій и открытій отчасти были впервые отмѣчены Гмелинымъ. Но здѣсь мы ограничимся только оцѣнкою единственнаго ботаническаго труда Гмелина, его Сибирской Флоры. Это по истинѣ классическое твореніе заключаетъ въ себѣ описаніе 1178 растеній съ приложеніемъ 300 чертежей. Въ немъ въ первый разъ опредѣлено и изображено чрезвычайное для тогдашняго времени множество растеній. Линней говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ (1744 г.), что Гмелинъ одинъ открылъ столько растеній, сколько другіе ботаники открыли ихъ вмѣстѣ; но Линней еще далеко не видалъ всѣхъ растеній Гмелина“.

Какъ важны были эти труды Гмелина, можно судить по тому, что еще недавно ученые возвратились къ „останкамъ“ его изслѣдованій (Gmelini Reliquiae, 1861). См. Пекарскаго, „Исторія Академіи Наукъ“, т. I, стр. 456—457.

[2]) Johann Georg Gmelins, der Chemie und Kräuterwissenschaft auf der hohen Schule zu Tübingen öffentlichen Lehrers, Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Göttingen, 1751—1752, 4 тома (Sammlung neuer und merkwürdiger Reisen zu Wasser und zu Lande, т. IV—VII).

занности“. Это, однако, не помогло, и въ латинскомъ письмѣ къ одному изъ своихъ друзей въ Германіи, въ октябрѣ того же 1751 г., Гмелинъ сообщаетъ дошедшіе до него изъ Петербурга фатальные слухи объ опасностяхъ, грозящихъ ему изъ-за его сочиненій. „Можетъ случиться, говорятъ мнѣ, что вслѣдствіе дружбы, существующей между дворами англійскимъ, имперскимъ [1]) и русскимъ, отъ перваго выйдетъ приказаніе о запрещеніи книги, а отъ послѣдняго выражено будетъ желаніе о выдачѣ моей особы отъ вюртембергскаго двора черезъ имперскій дворъ, если не случится другое—что въ нашу землю явятся и тайно меня схватятъ замаскированные люди; чтобы поэтому я остерегался замаскированныхъ людей, а въ особенности имперскихъ офицеровъ (a praefectis militum caesareis), или чтобы я скрылся въ безопасное мѣсто, напримѣръ, въ Берлинъ. Это вещь, конечно, удивительная, такъ какъ я не знаю, что́ есть въ этой книгѣ противъ русской имперіи или ея славы, и полагаю, что все это дѣло произошло изъ простого слуха о книгѣ, содержанія которой не знаютъ“. Онъ говорилъ, что это нисколько не устрашаетъ его отъ продолженія работы. Онъ проситъ, однако, у своего друга совѣта въ этомъ дѣлѣ, проситъ сообщить его книгу нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ „прежде, чѣмъ могутъ придти письма отъ двора русскаго или имперскаго“, наконецъ, желаетъ, чтобы въ рецензіи его книги указано было, что въ своемъ трудѣ онъ не сказалъ ничего противнаго славѣ Россійской имперіи, и что, напротивъ, съ великимъ уваженіемъ относится къ странѣ, въ которой провелъ столько лѣтъ, и пр.

Въ 1752 году канцелярія петербургской Академіи сдѣлала распоряженіе, чтобы книга Гмелина была разсмотрѣна Миллеромъ и Ломоносовымъ и чтобы составлено было по два экстракта, изъ которыхъ въ одномъ надо было указать, что̀ въ этой книгѣ есть „достопамятнаго и полезнаго“, а въ другомъ, что̀ есть въ ней „излишняго, непристойнаго и сумнительнаго“, и по тѣмъ экстрактамъ президентъ Академіи долженъ былъ рѣшить какія-то мѣры. Миллеръ, который почти все время десятилѣтняго путешествія былъ спутникомъ и пріятелемъ Гмелина, отказался отъ этого порученія, справедливо указывая, что онъ „къ поданію такого мнѣнія весьма неспособенъ“, такъ какъ еслибы онъ писалъ въ похвалу Гмелина, это приписали бы старой ихъ дружбѣ или „любви къ его собственнымъ сибирскимъ изобрѣтеніямъ“ (то-есть, открытіямъ и находкамъ), а еслибы писалъ противъ него, то думали бы, что онъ предпочитаетъ труду Гмелина собственное сочиненіе или мститъ ему за одну непріятность, которая была между ними.

---

1) То-есть, священной римской исторіи.

Мѣръ противъ книги Гмелина или противъ него самого, кажется, принято не было, можетъ быть потому, что онъ въ это время былъ уже очень болѣзненъ [1]), но нѣмецкіе ученые, находившіеся въ сношеніяхъ съ Академіей, просили все-таки, чтобы это сочиненіе не было поставлено имъ въ вину, потому что они сами очень расположены къ Россіи и о содержаніи печатавшейся книги не знали [2]).

Во всякомъ случаѣ книга Гмелина считалась опальной, изданіе ея не было повторено въ Германіи; она осталась не переведена на русскій языкъ, ни тогда, ни послѣ, хотя серьезные изслѣдователи Сибири всегда очень ее цѣнили.

Легко представить, что всѣ толки объ ея „сумнительности" были преувеличены и свидѣтельствуютъ лишь о той боязни сколько-нибудь открытаго выраженія мнѣній, какая господствовала надъ русской литературой въ XVIII столѣтіи и дожила даже до нашихъ дней. Гмелинъ не скрывалъ своихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ знакомства съ русскою жизнью; русскіе, а особливо сибирскіе порядки и нравы первой половины прошлаго столѣтія представляли слишкомъ много грубыхъ сторонъ, чтобы онѣ не бросались въ глаза свѣжему человѣку; иной разъ, быть можетъ, онъ самъ бывалъ нетерпѣливъ, но ни въ какомъ случаѣ ему нельзя было приписать намѣренпаго желанія писать вещи, оскорбительныя для Русской имперіи, какъ это тогда было понято. Напротивъ, не только въ предисловіи къ сочиненію, но и въ самомъ разсказѣ не однажды высказываются теплыя сочувствія къ мѣропріятіямъ русскаго правительства въ пользу науки и къ тѣмъ достойнымъ и хорошимъ людямъ, отъ которыхъ онъ въ теченіе пути встрѣчалъ много сочувствія и серьезной помощи въ трудныхъ обстоятельствахъ.

Сочиненіе Гмелина не есть ученый трактатъ; это просто подробный дневникъ всей поѣздки, отъ выѣзда изъ Петербурга въ августѣ 1733 года до возвращенія въ Петербургъ въ февралѣ 1743 года. Тогдашнія путешествія не были торопливы; для обыкновенныхъ путниковъ, какими были и наши академики, путешествіе и не могло быть поспѣшно: оно зависѣло отъ всякихъ случайностей—и отъ состоянія дорогъ, отъ погоды, отъ того, находилось ли на станціяхъ довольно лошадей, въ порядкѣ ли были экипажи, исправны ли были лодки, на которыхъ часто приходилось совершать путешествіе по Сибири, и т. д. [3]). Наши путешественники и не заботились о быст-

[1]) Онъ умеръ въ 1755 году, 46 лѣтъ.

[2]) Пекарскій, тамъ же, I, стр. 448—453, 366.

[3]) Случались и столкновенія съ ямщиками; эти послѣдніе производили иногда формальныя побоища, нападая на солдатъ, провожатыхъ экспедиціи, надъ которыми имѣли, конечно, численный перевѣсъ.

ротѣ: въ Россіи для нихъ было ново все; каждый переѣздъ, каждая остановка давали случай и поводъ къ наблюденіямъ и научнымъ, и нравоописательнымъ. Экспедиція была довольно многолюдная, но она путешествовала обыкновенно по частямъ, отчасти, вѣроятно, для того, чтобы передвиженіе было легче, отчасти для того, чтобы спутники академиковъ съ своей стороны могли дѣлать свои описанія по другимъ мѣстностямъ. Гмелинъ бо̀льшую часть пути сдѣлалъ вмѣстѣ съ Миллеромъ: пріѣзжая въ какую-нибудь сибирскую мѣстность, городъ, село, они вели каждый свое дѣло—Миллеръ пересматривалъ архивы, Гмелинъ дѣлалъ свои натуралистическія наблюденія и собиралъ коллекціи, затѣмъ вмѣстѣ они осматривали достопримѣчательности, наблюдали нравы и т. п. По разсчету Миллера онъ проѣхалъ въ свое сибирское путешествіе съ разными переѣздами больше 30.000 верстъ; въ суммѣ поверстныхъ счетовъ Гмелина его переѣзды составили цифру 31.357 верстъ.

Въ своемъ предисловіи Гмелинъ весьма осторожно говоритъ о результатахъ, достигнутыхъ экспедиціями: даже научные предметы считались какъ бы канцелярской тайной Академіи. Сказавъ объ учрежденіи второй камчатской экспедиціи, тогда уже законченной и удѣлѣвшіе участники которой готовили къ изданію свои труды, Гмелинъ замѣчаетъ: „Когда все это будетъ довершено, міръ въ свое время удивится, получивъ правдивое повѣствованіе о томъ, что̀ зависитъ отъ единственной высокой воли царствующей нынѣ великой императрицы Елизаветы, подъ мудрѣйшими заботами и въ счастливѣйшее царствованіе которой это великое дѣло достигаетъ своего завершенія. Мнѣ объ этомъ извѣстно всего менѣе, и я совершилъ бы непростительную дерзость, еслибы безъ высочайшаго соизволенія написалъ для всѣхъ то немногое, что̀ мнѣ извѣстно о морскихъ путешествіяхъ [1]). Поэтому, я ограничусь, главнымъ образомъ, нашимъ путешествіемъ, то-есть академическимъ путешествіемъ, которое можетъ знать вообще всякій: это есть почти продолженіе того Мессершмидтова путешествія, начало котораго проницательный императоръ Петръ I, славнѣйшей памяти, по собственному высокому побужденію велѣлъ сообщить королевской Академіи наукъ во Франціи, и всемилостивѣйше обѣщалъ прислать впослѣдствіи результаты всего путешествія [2]); но спеціальные и подробные трактаты не должны быть публикованы безъ высшаго разрѣшенія, для того, чтобы чрезвычайныя издержки, которыя Россія употребила на это къ своей вѣчной славѣ, были вознаграждены по крайней мѣрѣ тѣмъ, чтобы публи-

[1]) Разумѣются путешествія Беринга и другихъ.

[2]) Lettre de Mr. Blumentrost à l'Academie des sciences de Paris dans l'histoire de la même Academie, 1720, ed. Holl., p. 173, 174 (прим. Гмелина).

каціей наблюденій свѣтъ обязанъ былъ милости императрицы. То, чтò я сообщаю здѣсь, есть дневникъ нашего путешествія черезъ Сибирь до Якутска, и оттуда обратно до Петербурга, набросанный мною просто для своего удовольствія". Упомянувъ дальше, что обстоятельнаго и оффиціальнаго описанія ихъ наблюденій должно ожидать отъ его спутника Миллера, онъ надѣется, что и его трудъ найдетъ одобреніе у читателя. „Именно потому, что это--дневникъ, это есть смѣсь безчисленныхъ происшествій, всякаго рода земель, многихъ народовъ, различныхъ человѣческихъ склонностей, нравовъ, обычаевъ, природы, какъ обработанной, такъ и необработанной. Я все еще вспоминаю съ удовольствіемъ о тѣхъ годахъ, когда я имѣлъ случай сдѣлать это путешествіе, и воображаю себѣ, что дневникъ, разсказывающій по порядку это путешествіе со всѣми политическими и естественными происшествіями, долженъ пробудить въ маломъ видѣ почти такое же удовольствіе и у читателя, который не совершенно ко всему равнодушенъ".

Въ самомъ дѣлѣ, книга Гмелина сохраняетъ свой интересъ и до настоящаго времени. Это—картина ученаго путешествія, совершавшагося полтораста лѣтъ тому назадъ, и вмѣстѣ картина русской и сибирской природы и быта, въ которой много стало, конечно, уже историческимъ прошедшимъ. Въ подобныхъ случаяхъ чѣмъ проще разсказъ, тѣмъ онъ бываетъ интереснѣе: Гмелинъ записываетъ въ свой дневникъ всѣ впечатлѣнія, всѣ крупныя и мелкія происшествія, какія встрѣчались на пути, и надо жалѣть, что содержаніе книги осталось до сихъ поръ чуждо нашей литературѣ. Путешествіе было далекое, на пути было много всякихъ дорожныхъ приключеній, которыя даютъ понятія о старинномъ способѣ путешествія; случалось наблюдать обычаи и русскаго, и разныхъ другихъ народовъ; къ простому разсказу обо всемъ этомъ присоединяются замѣчанія ученаго человѣка, и въ книгѣ собралось множество подробностей для географіи, исторіи и этнографіи. Гмелинъ ведетъ, во-первыхъ, подробный маршрутъ путешествія, описываетъ города и всякія замѣчательныя мѣстности, съ особеннымъ любопытствомъ присматривается ко всякимъ инородцамъ, какихъ встрѣчалось много на пути экспедиціи, особенно въ Сибири; всегда онъ старается наблюдать бытъ, народные праздники, суевѣрія, обращаетъ вниманіе на остатки старины, прислушивается къ преданіямъ. Изъ множества подобныхъ подробностей укажемъ нѣкоторыя. Къ концу декабря 1733 года путешественники были въ Екатеринбургѣ, и здѣсь имъ случилось видѣть святочное представленіе: въ ихъ комнату собралась толпа ряженыхъ, которая дала имъ цѣлое представленіе — на сценѣ былъ Христосъ, смерть, дьяволъ, были музыканты, знатные господа и госпожи и пр.; сцена

должна была служить напоминаніемъ, что всѣ люди смертны, но ученый академикъ догадывался, что главной цѣлью было получить на водку. Дальше, въ Тобольскѣ, путешественники вспомнили екатеринбургское представленіе, потому что здѣсь они видѣли на пасхѣ другое подобное, но гораздо болѣе сложное: были на сценѣ старый Адамъ; дьяволъ, выдѣлывавшій надъ нимъ разныя штуки; змѣй-соблазнитель съ яблокомъ; Христосъ съ крестомъ и вѣнцомъ, оживившій Адама и уведшій его на небо; далѣе представлено было полученіе десяти заповѣдей, наконецъ крещеніе, предметомъ котораго былъ мнимый остяцкій князь; потомъ были комическіе выходы, наконецъ опять явились дьяволъ, старый Адамъ, смерть и Христосъ, какъ въ началѣ; маленькій мальчикъ держалъ рѣчь, затѣмъ пѣли пѣвчіе,—„все это было въ стихахъ и надо было только удивляться, что мальчики выполняли свое дѣло съ ораторскимъ искусствомъ". Это было представленіе вертепной мистеріи. Тамъ же въ Тобольскѣ Гмелинъ описываетъ странный старый обычай, что только разъ въ году хоронились люди, умершіе или насильственною смертью, или безъ причастія, поэтому ихъ и нельзя было хоронить вмѣстѣ съ другими, которые простились съ жизнью законнымъ образомъ; ихъ складывали въ незаколоченныхъ гробахъ въ одномъ сараѣ за городомъ и хоронили окончательно только разъ въ году, въ четвергъ передъ Троицей. Тамъ же въ Тобольскѣ Гмелинъ отмѣчаетъ, что въ великомъ посту (въ недѣлю православія) вмѣстѣ съ скончавшимися царями, патріархами и пр. поминался и завоеватель Сибири, Ермакъ. Тамъ же онъ видѣлъ и подробно описываетъ татарскую свадьбу. Семипалатинскъ онъ описываетъ какъ „Семипалатную крѣпость" и осматриваетъ здѣсь тѣ семь палатъ, отъ которыхъ она получила свое имя; это былъ, по его словамъ, родъ калмыцкаго монастыря, и въ этихъ зданіяхъ сохранялись еще остатки калмыцкаго идолопоклонства: крѣпость была еще очень нужна въ то время, потому что окрестные кочевники внушали мало довѣрія. Здѣсь, какъ и по всему теченію Иртыша, Гмелинъ указываетъ множество могилъ, которыя остались отъ жившихъ здѣсь прежде калмыковъ или бухарцевъ, и которыя почти всѣ были, однако, перерыты: для окрестныхъ жителей это была богатая добыча, потому что здѣсь находили много золота и серебра — въ видѣ идоловъ, большихъ печатей, браслетовъ, конскихъ украшеній; но вещи мѣдныя и желѣзныя обыкновенно бросались кладоискателями. Такое могильное серебро, обыкновенно перелитое, путешественникъ видѣлъ еще на ирбитской ярмаркѣ. Въ Томскѣ Гмелинъ встрѣчается съ раскольниками, и отмѣчаетъ ихъ удаленіе отъ православныхъ. Встрѣчаясь съ инородцами, онъ обыкновенно старательно наблюдаетъ особенности ихъ быта. Въ русскомъ

языкѣ сибиряковъ онъ замѣчаетъ отличія отъ обыкновенной русской рѣчи, и приводитъ небольшой списокъ особыхъ сибирскихъ словъ, собранный переводчикомъ экспедиціи Яхонтовымъ (I, стр. 291 — 294). Въ Кяхтѣ Гмелинъ составляетъ длинный списокъ цѣнъ на тамошніе товары. Путешественниковъ очень интересовали сибирскіе шаманы; Миллеръ и Гмелинъ нѣсколько разъ наблюдали ихъ предполагаемое волшебство и чудесное знаніе: какъ раціоналисты XVIII-го вѣка, они видѣли въ шаманствѣ только одинъ голый обманъ (который здѣсь, конечно, и бывалъ), но имъ не приходила мысль о бытовой сторонѣ тѣхъ экстатическихъ возбужденій, которыя отличаютъ шаманство и въ демоническій источникъ которыхъ вѣрили до извѣстной степени безъ сомнѣнія и сами шаманы. Гмелинъ интересовался народной поэзіей финскихъ и татарскихъ инородцевъ, и въ разныхъ мѣстахъ книги приводитъ образчики татарскихъ и бурятскихъ пѣсенъ въ подлинномъ текстѣ, съ переводомъ и даже съ мелодіями (I, 139; III, 369—374, 522—527). Въ Томскѣ онъ дѣлалъ метеорологическія наблюденія, и приводитъ ихъ за нѣсколько мѣсяцевъ (IV, 15 — 63); сообщаетъ свѣдѣнія о сибирскихъ рудникахъ и выработкѣ металловъ, и т. д. и т. д.

Приведенныя указанія даютъ образчикъ тѣхъ разнообразныхъ предметовъ, на которые направлялись наблюденія любознательныхъ путешественниковъ. Между прочимъ Гмелинъ не разъ говоритъ о бытѣ самихъ русскихъ сибиряковъ. Этотъ бытъ вообще производилъ на него не весьма пріятное впечатлѣніе: сибиряки вообще лѣнивы, крайне преданы пьянству и разгулу; губернаторы—грабители. Гмелину случалось жить въ большихъ и небольшихъ городахъ въ праздники, какъ святки, масляница, пасха, и каждый разъ онъ видѣлъ нескончаемое пьянство.

Напримѣръ.

„Городъ Тобольскъ имѣетъ очень много жителей; изъ нихъ почти четвертая часть—татары. Остальные—русскіе, но большею частью такіе, которые или сами были сосланы сюда за свои преступленія, или происходятъ отъ предковъ, высланныхъ сюда по той же причинѣ. Такъ какъ все здѣсь чрезвычайно дешево,—такъ что простой человѣкъ легко можетъ прожить здѣсь на 10 рублей,—то здѣсь въ высочайшей степени господствуетъ порокъ лѣни. Несмотря на то, что здѣсь есть всякіе ремесленники, которые въ состояніи дѣлать почти все, что можетъ потребоваться, добиться этого такъ трудно, что надо считать большимъ счастьемъ, если получишь что-нибудь сработанное. И это случается рѣдко, если не употребить силы и не заставить людей работать подъ стражей. Если они что-нибудь зарабатываютъ, то нужно, чтобы они это пропили, прежде чѣмъ можно

будетъ получить отъ нихъ что-нибудь еще. Всему причина — дешевизна хлѣба... Если у нихъ ничего больше не остается, они работаютъ еще нѣсколько часовъ и зато могутъ опять ничего не дѣлать цѣлую недѣлю". Наоборотъ, Гмелинъ отмѣчаетъ чрезвычайную трезвость татаръ (I, 159—160, 163).

Живя въ Томскѣ, путешественникъ упоминаетъ о сильномъ падежѣ скота,—„противъ чего никто не употребляетъ ни малѣйшихъ мѣръ и главнымъ основаніемъ къ этому было то, что прежде, когда также бывали подобныя язвы, предки также ничего не дѣлали. — Я могу съ полной истиной сказать, что всему виной — постыдная праздность. Она не позволяетъ имъ думать дальше, какъ о нынѣшнемъ днѣ; и если падаетъ сто коровъ и они видятъ передъ собой одну живую, то, по ихъ мнѣнію, они еще не терпятъ нужды и не требуютъ никакой помощи" (I, 314).

„Праздникъ архангела Михаила, который приходится 8-го ноября, привелъ городъ въ большое движеніе. Можно было подумать, что вышелъ приказъ, чтобы каждый въ этотъ день былъ пьянъ, такъ ревностно было желаніе напиться. Дня было недостаточно, и надо было провести еще ночь въ шумѣ, крикѣ и безумствахъ. Но на этомъ не кончилось. Шумъ продолжался цѣлыхъ восемь дней; въ теченіе этого времени нечего было и думать достать рабочаго; пили постоянно, и не было конца разврату" (I, 321)...

Далѣе, дѣйствіе происходитъ въ Иркутскѣ. „Святки проводились здѣсь такъ же, какъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири. Отъ Рождества до Крещенья рѣдко можно было видѣть трезваго человѣка. Никакого ремесленника нельзя было добыть въ это время для работы... Такъ какъ они на праздникъ кое-что сберегли, то они не заботились ни мало заработать что-нибудь еще, потому что у нихъ было довольно для ихъ удовольствій. Право, кажется, что такіе праздники посвящены больше дьяволу, чѣмъ Богу, и это зрѣлище вовсе не служитъ хорошимъ примѣромъ для многочисленныхъ язычниковъ этого края, такъ какъ они видятъ, что высшее благо сибиряковъ состоитъ въ пьянствѣ. Но пьянство, которому предаются въ особенности въ эти дни, состоитъ не въ томъ, чтобы напиться развѣ только вечеромъ. Никакой звѣздочетъ не могъ бы указать имъ несчастнаго часа, въ который они не должны бы пить, потому что всякій часъ хорошъ для этого. Съ Рождествомъ у нихъ открывается заразительная горячка, отъ которой люди уже на второй или третій день начинаютъ бѣситься и на четырнадцатый день болѣзнь разражается, наконецъ, необычайнымъ бѣшенствомъ. Правда, они поправляются отъ этого, но только въ пять или шесть недѣль... И какъ людямъ, выдержавшимъ тяжелую болѣзнь, нужно много времени, чтобы поправиться,

такъ это бываетъ и здѣсь. Имъ трудно возвратиться къ своему прежнему образу жизни, который состоитъ въ томъ, что они напиваются каждый четвертый день". Гмелинъ, очевидно, изображаетъ запой, потому что серьезно считаетъ сроки болѣзни и сравниваетъ ее съ падучей болѣзнью, которая имѣетъ свои періодическіе припадки и кончается только съ жизнью (II, 173—174).

Наконецъ, онъ касается и нравовъ чиновничества. Губернаторы живутъ очень широко, напр., тобольскій безпрестанно, по всѣмъ праздникамъ и табельнымъ днямъ, собиралъ на свои обѣды большое общество: эта роскошь, впрочемъ, обходилась недорого, потому что губернаторы, и за ними по порядку низшая администрація, имѣли свои экстренные доходы. У иркутскаго градоправителя эти доходы простирались до 30.000 рублей—цифра громадная по тому времени, и которую Гмелинъ слышалъ, вѣроятно, изъ довольно основательнаго мѣстнаго источника.

Эти и другія подобныя свѣдѣнія, выставлявшія некрасивую сторону русской жизни, и дѣлали книгу Гмелина „сумнительной".

ГЛАВА III.

Путешествіе аббата Шаппа и „Антидотъ“.

Въ іюнѣ 1761 года ожидалось прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца. „Наблюденіе этого прохожденія,—говорилъ французскій астрономъ Шаппъ д'Отерошъ,—представляло міру въ первый разъ средство опредѣлить съ точностью параллаксъ солнца. Это явленіе, ожидаемое болѣе столѣтія, приковывало къ себѣ вниманіе всѣхъ астрономовъ: всѣ желали раздѣлить его славу. Знаменитый Галлей, возвѣщая о немъ, первый указалъ возможность этого явленія и унесъ въ могилу сожалѣніе, что не могъ быть его свидѣтелемъ. Вся ученая Европа хотѣла содѣйствовать успѣху этого наблюденія. Государи среди разорительной войны не упустили ничего, чтобы обезпечить его успѣхъ; онъ могъ служить эпохой ихъ славы и стать источникомъ величайшихъ выгодъ для ихъ подданныхъ и для человѣчества“.

Это явленіе можно было наблюдать особливо въ Россіи, и однимъ изъ лучшихъ пунктовъ былъ Тобольскъ; сюда и была направлена экспедиція, посланная по приказанію короля французской Академіей и порученная аббату Шаппу д'Отерошу. Выѣхавши изъ Парижа въ ноябрѣ 1760 года, аббатъ въ началѣ слѣдующаго года былъ въ Петербургѣ, затѣмъ въ апрѣлѣ прибылъ въ Тобольскъ: здѣсь онъ удачно сдѣлалъ свои наблюденія и, проживши нѣсколько мѣсяцевъ въ Тобольскѣ, возвратился въ Петербургъ и затѣмъ во Францію. Въ Петербургѣ изданъ былъ въ слѣдующемъ, 1762 году, его мемуаръ объ астрономическихъ и иныхъ наблюденіяхъ въ Тобольскѣ; затѣмъ онъ употребилъ нѣсколько лѣтъ на обработку разнаго рода свѣдѣній, собранныхъ имъ о Россіи и Сибири въ теченіе путешествія, и въ

1768 г. вышло его сочиненіе, надѣлавшее тогда не мало шуму. Довольно извѣстно, что книга аббата Шаппа возбудила большое негодованіе императрицы Екатерины, которой и приписывается опроверженіе, изданное по-французски подъ заглавіемъ: „Antidote" и пр.; книга эта, составляющая теперь величайшую рѣдкость, хотя и соединяется съ именемъ имп. Екатерины, была у насъ вообще почти неизвѣстна и только недавно сдѣлалась доступной въ русскомъ переводѣ [1]).

Не больше извѣстна и самая книга Шаппа. Это—великолѣпное, по своему времени, изданіе [2]), гдѣ авторъ, не ограничиваясь своимъ путешествіемъ, хотѣлъ дать не только картину Сибири, но и всей Русской имперіи, ея географію, исторію, описаніе ея политическаго устройства и управленія, изобразить народные нравы, обычаи и характеръ; изложеніе сопровождается прекрасно награвированными рисунками, картами, планами и т. п.; книга напечатана въ большомъ форматѣ, крупнымъ шрифтомъ, употребительнымъ въ роскошныхъ изданіяхъ. Во главѣ книги являлось повелѣніе короля, по которому исполнено было путешествіе: имя автора подкрѣплялось авторитетомъ французской Академіи; наконецъ, это было первое французское ученое путешествіе въ далекую страну, и тогдашнее значеніе французской литературы доставляло книгѣ обширную публику. На другой годъ вышло въ Амстердамѣ второе, сокращенное изданіе книги, болѣе доступное для массы публики [3]). Но при ближайшемъ знакомствѣ книга Шаппа производитъ довольно непріятное впечатлѣніе, при которомъ естественно было появленіе „Антидота". Это было нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ, напримѣръ, путешествіе Гмелина: послѣдній, ко-

[1]) „Осьмнадцатый вѣкъ", Бартенева, т. IV, Москва, 1869, стр. 225—463: „Антидотъ (Противоядіе), полемическое сочиненіе государыни императрицы Екатерины Второй; переводъ съ французскаго подлинника".

[2]) Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761; contenant les moeurs, les usages des Russes, et l'Etat actuel de cette puissance; la description géographique etc., le Nivellement de la route de Paris à Tobolsk; l'histoire naturelle de la même route; des observations astronomiques etc., des Experiences sur l'Electricité naturelle; enrichi de cartes géographiques, de plans, de profils du terrein; de gravures qui représentent les usages des Russes, leurs moeurs, leurs habillements, les divinités des Calmouks etc., plusieurs morceaux d'histoire naturelle. Par M. l'Abbé Chappe d'Auteroche, de l'Académie royale des Sciences. Paris MDCCLXVIII, т. I-й въ двухъ большихъ книгахъ; т. II, заключающій французскій переводъ описанія Камчатки, Крашенинникова; наконецъ томъ плановъ, картъ, таблицъ—всего четыре большихъ книги.

[3]) Voyage en Sibérie fait par ordre du Roi en 1761; contenant les Moeurs, les Usages des Russes etc., l'Etat actuel de cette Puissanse etc. par M. l'Abbé Chappe d'Auteroche, de l'Académie Royale des Sciences. Amsterdam, MDCCLXIX — MDCCLXX, 2 тома, мал. 8⁰. Вѣроятно контрафакція.

нечно, не уступалъ въ учености члену французской Академіи,—скорѣе превышалъ его въ этомъ отношеніи и умѣлъ остаться на уровнѣ трезваго наблюденія; Гмелину не меньше случалось встрѣчаться съ картинами грубаго быта, которыя могли поражать образованнаго европейца, но у него тѣмъ не менѣе нашлось множество предметовъ для научнаго любопытства. Не таковъ французскій путешественникъ: это гораздо меньше ученый человѣкъ и гораздо больше свѣтскій болтунъ, желающій придать своему разсказу внѣшнюю занимательность, хотя бы при этомъ сообщаемые факты не отличались точностью; въ Россію онъ ѣдетъ съ заранѣе готовыми взглядами: это—дикая страна, на которую онъ смотритъ съ высоты своего салоннаго просвѣщенія, о которой говоритъ почти неизмѣнно въ тонѣ пренебреженія, доходящаго иной разъ до наглости. Впослѣдствіи авторъ „Антидота" умѣлъ довольно язвительно ловить его на разнаго рода неловкостяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, иной разъ смѣшно читать, какъ аббатъ, являющійся постоянно въ роли ученаго авторитета, кичится своимъ просвѣщеніемъ предъ русскимъ простолюдиномъ, не умѣющимъ понять термометра или астрономическаго инструмента—совершенно также, какъ не понялъ бы этихъ вещей и захолустный простолюдинъ французскій. Разсказывая о своемъ путешествіи, аббатъ не упускаетъ случая намекнуть о важности собственной особы, которой приходится имѣть дѣло съ такимъ грубымъ народомъ, какъ русскіе, и рядомъ имѣетъ наглость разсказывать, какъ провинившаяся передъ нимъ прислуга слетала съ лѣстницы отъ его исправительныхъ внушеній. Въ Россіи онъ успѣлъ добыть кое-какіе матеріалы о русскомъ управленіи, кое-какія историческія свѣдѣнія, кое-что узнать о событіяхъ, современныхъ его пребыванію въ Россіи, какъ, напр., о восшествіи на престолъ Петра III и т. п., разсказываетъ обо всемъ этомъ, не очень гоняясь за точностью, но ссылаясь на авторитеты Вольтера и Штраленберга. Онъ наблюдаетъ нравы и обычаи, также не гоняясь за точностью и, такъ сказать, готовясь впередъ описывать нѣчто нелѣпое: желаніе быть занимательнымъ побуждаетъ автора вдаваться въ игривыя подробности и въ одномъ мѣстѣ, въ видѣ комментарія, онъ приводитъ цѣликомъ нѣсколько страницъ изъ Бюффона объ анатомическихъ и физіологическихъ особенностяхъ женскаго организма. Собственно о Сибири онъ разсказываетъ, въ этнографическомъ отношеніи, не много и его свѣдѣнія почерпались изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, такъ какъ, не зная языка, онъ долженъ былъ вѣрить тому, что̀ ему разсказывали (авторъ „Антидота" утверждаетъ, что иное ему разсказывали на смѣхъ), да и по всѣмъ своимъ привычкамъ не былъ способенъ вникать въ тѣ бытовыя особенности, какія могъ встрѣтить. Нѣкоторыя черты замѣчены, впрочемъ, вѣрно, такъ какъ

онѣ подтверждаются и другими путешественниками, напримѣръ то, что онъ говоритъ о грубости и испорченности сибирскихъ нравовъ. Точно также не лишены основанія и нѣкоторыя замѣчанія его объ общемъ политическомъ характерѣ русской жизни, и здѣсь въ его отзывахъ отражается, конечно, общее представленіе объ этомъ предметѣ, давно господствовавшее въ Европѣ; онъ отмѣчаетъ безграничный авторитетъ правительственной власти, которую характеризуетъ какъ деспотизмъ; говоритъ объ отсутствіи какой-нибудь общественной свободы, о полномъ порабощеніи народа; о легкости, съ какою совершались дворцовые перевороты XVIII-го вѣка при полномъ безучастіи народа, и тому подобное. Его историческія свѣдѣнія, какъ мы сказали, довольно ограничены, но онъ высоко цѣнитъ Петра Великаго и, бывши въ Петербургѣ еще въ царствованіе Петра III, отдаетъ большія похвалы уму и дарованіямъ будущей Екатерины II. Весьма возможно, что сочувственные отзывы о ней, напечатанные въ 1768 г., были мнѣніемъ автора и въ 1761, т.-е. были имъ тогда слышаны въ Петербургѣ.

Для образчика приводимъ нѣсколько примѣровъ его ученыхъ наблюденій и отзывовъ о русской исторіи и русскихъ обычаяхъ.

Путешествіе Шаппа отъ русской границы, пребываніе въ Петербургѣ и путь до Тобольска происходили зимой. Его экипажемъ былъ закрытый возокъ, и самъ онъ разсказываетъ, что всего чаще, почти всегда, онъ ѣхалъ „запертый въ своихъ саняхъ и покрытый шубами"—положеніе мало удобное для какихъ-нибудь наблюденій, тѣмъ болѣе, что онъ ѣхалъ вообще довольно быстро: обстоятельство, которое послужило автору „Антидота" поводомъ къ ѣдкимъ насмѣшкамъ надъ точностію наблюденій французскаго путешественника, физическихъ и нравоописательныхъ. Дѣйствительно, онъ утверждаетъ нерѣдко вещи мало вѣроятныя. Онъ говоритъ, напримѣръ, что когда онъ мерзъ подъ шубами въ закрытомъ возкѣ—„онъ былъ изумленъ, увидѣвъ, что въ этотъ сильный холодъ маленькія дѣти *голыя* играли на снѣгу... такимъ образомъ дѣти съ самаго рожденія привыкаютъ къ холоду, который ихъ никогда не безпокоитъ". На дорогѣ ему приходилось заходить обогрѣться въ курныя избы, и онъ описываетъ какъ избы, такъ и ихъ обитателей. „Всѣ эти жители показались мнѣ привязанными къ греческой религіи до фанатизма... Каждое семейство имѣетъ въ своемъ домѣ маленькую капеллу (?), гдѣ находится патронъ семейства: они смотрятъ на него, какъ на Бога-покровителя ихъ хижины; они никогда не входятъ и не выходятъ оттуда, не крестясь въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, не дѣлая поклоновъ и не произнося какихъ-нибудь молитвъ святому", и онъ замѣчаетъ, что русскіе имѣютъ вообще большое довѣріе „aux saints de leurs cha-

pelles". Русскія бани, которыя однажды онъ попробовалъ, привели его въ совершенный ужасъ; онъ описываетъ ихъ какъ нѣчто чудовищное. „Эти бани употребляются во всей Россіи: жители этой обширной страны, начиная съ государя до послѣдняго изъ его подданныхъ, ходятъ въ нихъ два раза въ недѣлю и одинаковымъ образомъ"—надо сказать, что самому аббату подвернулся экземпляръ бани не совсѣмъ удобный, и онъ былъ увѣренъ, однако, что въ такія точно бани ходятъ два раза въ недѣлю и русскіе цари; по его мнѣнію, выходитъ также, что зимой всѣ, выбѣгая изъ горячей бани, обязательно должны валяться въ снѣгу. Народные обычаи онъ описываетъ какъ рядъ нелѣпостей: несмотря на то, что онъ посвящаетъ однажды цѣлую диссертацію особенностямъ разныхъ народовъ, вліянію климата, учрежденій, воспитанія на народный характеръ, на дѣлѣ онъ очень мало способенъ всмотрѣться въ особенности цѣлаго народа и сличить ихъ, напримѣръ, съ бытомъ своего собственнаго народа. Напримѣръ, религіозныя суевѣрія русскихъ представляются ему только глупостью (sottise),—но онъ могъ бы вспомнить, что такою же глупостью переполнены суевѣрія его католическихъ соотечественниковъ; онъ обвиняетъ русское духовенство въ фанатизмѣ, но русскому едва ли бы уступило въ этомъ духовенство католическое. Въ народномъ обычаѣ онъ совсѣмъ не чувствуетъ этнографической особенности, какую умѣли, однако, видѣть путешественники нѣмецкіе, и т. д. Наконецъ, ученый аббатъ любитъ вдаваться въ скабрёзныя подробности при описаніи нравовъ.

О Петровской реформѣ онъ выражается, между прочимъ, такъ: Петръ возъимѣлъ планъ просвѣтить свою націю, болѣе семисотъ лѣтъ объятую невѣжествомъ; онъ путешествуетъ по Европѣ, чтобы изучить науки и искусства и все, что можетъ способствовать его планамъ. „Всѣ государи спѣшатъ содѣйствовать намѣреніямъ этого человѣка: колоніи ученыхъ и художниковъ всѣхъ родовъ отправляются въ Россію изъ всѣхъ странъ Европы. Возвратившись въ свое государство, Петръ I основываетъ убѣжища, посвященныя наукамъ и искусствамъ. *Всѣ* учрежденія, образовавшіяся въ Европѣ въ теченіе вѣковъ, появляются разомъ въ Россіи: знать покидаетъ свои противныя бороды и старую одежду; женщины, запертыя прежде въ своихъ домахъ, появляются въ ассамблеяхъ, неизвѣстныхъ въ Россіи до той поры. Дворъ становится блестящимъ"... Далѣе: „Повидимому Петръ I создалъ новую націю, но онъ не сдѣлалъ никакой перемѣны въ устройствѣ правленія; нація остается по прежнему въ рабствѣ и онъ еще закрѣпляетъ его. Онъ заставляетъ все дворянство служить; никто не можетъ освободиться отъ этого обязательства. Изъ народа набираютъ толпу молодыхъ рабовъ (!); они распредѣлены въ

академіи и школы, однихъ предназначаютъ къ литературѣ, другихъ къ наукамъ и искусствамъ, не соображаясь ни съ ихъ дарованіями, ни съ ихъ наклонностями (!). Петръ осматриваетъ академіи и мастерскія: онъ часто берется за скобель и рѣзецъ; но онъ вырываетъ кисть изъ рукъ молодого художника, который рисуетъ Армиду въ объятіяхъ Арно, чтобы наказать его батогами (?)", и проч.

Этотъ образчикъ даетъ понятіе объ изложеніи французскаго путешественника; онъ знаетъ долю фактовъ, но изобиліе реторики дѣлаетъ его сужденія поверхностными и, наконецъ, нелѣпыми. Свои заключенія о характерѣ русскаго народа онъ желаетъ подкрѣпить аргументами изъ физики, анатоміи, физіологіи, но, по собственнымъ словамъ, беретъ эти аргументы готовыми у другихъ; онъ говоритъ объ „электрической матеріи", о „нервномъ сокѣ", о климатѣ и почвѣ, привлекаетъ сюда знаменитую книгу Монтескьё. Въ концѣ концовъ происхожденіе русскаго народнаго характера онъ приписываетъ климату, порождающему разные обычаи, которые отзываются на физической природѣ народа; и съ другой стороны—воспитанію и свойству правленія, которое въ Россіи „до такой степени извратило (a dénaturé) человѣка, подчиняя даже способности, наиболѣе независимыя отъ власти, что становится очень трудно опредѣлить отличительныя свойства націи". У русскихъ рѣдко можно встрѣтить воображеніе и геній, но они имѣютъ особенный талантъ къ подражанію. По природѣ русскіе—народъ веселый и общительный, и если они въ своей общественной жизни являются не тѣмъ, чѣмъ могли бы быть, то причина этому заключается именно въ свойствахъ ихъ воспитанія и правленія. Правильная постановка того и другого предполагаетъ единство интересовъ власти и государства и даетъ самые лучшіе результаты: гражданинъ находитъ счастіе только въ счастіи націи; общественное признаніе порождаетъ и поддерживаетъ любовь къ славѣ, создаетъ великихъ людей и обезпечиваетъ имъ уваженіе потомства. У русскихъ ничего этого нѣтъ: „любовь къ славѣ и къ отечеству неизвѣстны въ Россіи; деспотизмъ разрушаетъ (détruit) здѣсь умъ, дарованіе и всякое чувство. Никто не смѣетъ думать въ Россіи; душа, униженная и загрубѣлая, теряетъ даже способность къ этому. Страхъ есть, такъ сказать, единственная пружина, одушевляющая всю націю".

„Петръ I,—говоритъ дальше аббатъ,—былъ убѣжденъ, и еще до сихъ поръ нація убѣждена въ этомъ, что русскихъ можно образовать только принужденіемъ. Это могло имѣть основаніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, когда Петръ I вступалъ на престолъ; но очень странно, что этотъ отвратительный предразсудокъ (détestable préjugé) еще существуетъ въ Россіи".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, большимъ препятствіемъ къ успѣхамъ наукъ и искусствъ въ Россіи авторъ считаетъ гордость или самонадѣянность русскихъ. „Этотъ порокъ принадлежитъ національному духу; его можно видѣть во всѣхъ сословіяхъ. Едва ученикъ сдѣлаетъ нѣкоторые успѣхи, онъ уже считаетъ себя равнымъ своему учителю и даже выше его, и русская публика такъ мало просвѣщена, что можетъ ставить ихъ на одну линію“...

Находя такіе коренные недостатки въ русскомъ народѣ, авторъ думаетъ, однако, что „этотъ народъ, вообще лишенный генія и воображенія, сталъ бы во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ инымъ, еслибы пользовался свободой. Дойдетъ ли онъ далеко? я не знаю. Быть можетъ,—если вѣрить г. Руссо изъ Женевы,—надо бы желать, чтобы этотъ народъ никогда не былъ цивилизованъ (policé). Какъ бы то ни было, царствованіе императрицы Екатерины, повидимому, предвѣщаетъ перемѣну въ общемъ духѣ націи“.

Еще раньше аббатъ восхвалялъ личныя свойства и дарованія императрицы, и теперь онъ высказываетъ надежды на ея просвѣщенную дѣятельность. „Она создаетъ новую націю: Петръ Великій возъимѣлъ мысль объ этомъ, составилъ планъ и приготовилъ выполненіе; слава довершенія этого дѣла, кажется, предоставлена императрицѣ Екатеринѣ“ [1]). Эти похвалы, какъ увидимъ, нимало не умѣрили раздраженія, съ какимъ императрица Екатерина отнеслась къ книгѣ аббата Шаппа.

Доскажемъ объ этой книгѣ еще нѣсколько подробностей. Текстъ ея сопровожденъ нѣсколькими прекрасно исполненными гравюрами. Въ началѣ символическая картинка, изображающая самую идею путешествія ученаго аббата „по повелѣнію короля“: король, въ античной хламидѣ и обуви, на креслѣ, т.-е. на престолѣ; у ногъ его расположены женскія фигуры наукъ и искусствъ, съ мелкими купидонами внизу и вверху въ облакахъ; онъ даетъ повелѣніе также женской фигурѣ, въ античномъ одѣяніи, съ голой ногой, — этой фигурѣ некого изображать, кромѣ ученаго аббата; на второмъ планѣ олицетворенія дикихъ народовъ, которыхъ аббатъ посѣтитъ и опишетъ. Далѣе, картинки, размѣщенныя въ текстѣ, должны были представлять образчики русской жизни; русская изба, баня, бытовыя сцены и т. д. нарисованы такъ, что найти въ нихъ именно русское довольно мудрено: люди въ классическихъ позахъ, подробности обстановки неузнаваемы; рисовальщикъ такъ заботился о манерной красивости, что даже самоѣдская женщина въ національномъ костюмѣ изображена красивой, и т. п.

---

[1]) Глава: „Du progrès des sciences et des arts en Russie“.

„Антидотъ“ вышелъ безъ имени автора и даже безъ указанія мѣста печатанія и только съ указаніемъ года, въ двухъ частяхъ [1]); въ обѣихъ частяхъ на первой страницѣ помѣщена виньетка, которая представляетъ Каина, стоящаго съ палицей надъ убитымъ Авелемъ, возлѣ котораго лежитъ Адамова голова: полагаютъ, что эта символическая картина могла имѣть въ виду ту ненависть, съ какою написана книга Шаппа о Россіи. Вопросъ объ авторѣ „Антидота“ въ сущности остается донынѣ открытымъ: нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя позволили бы рѣшить его положительно. Были указанія, что въ сочиненіи „Антидота“ принималъ участіе гр. Андрей Шуваловъ. Знаменитый французскій библіографъ Кераръ опровергаетъ это [2]), но безъ фактическихъ доказательствъ. Сохранилось одно письмо этого Шувалова къ императрицѣ, отъ мая 1768, которое можетъ имѣть отношеніе къ „Антидоту“; въ государственномъ архивѣ есть экземпляръ „Антидота“, переписанный рукою Козицкаго, состоявшаго тогда при императрицѣ „въ кабинетѣ“, и эта рукопись могла подразумѣваться въ письмѣ Шувалова, гдѣ говорится о какой-то работѣ, исполняемой по указаніямъ императрицы и въ которой Козицкій и Шуваловъ принимали участіе, — но отсюда трудно вывести какое-либо ясное заключеніе [3]). Еслибы эти лица и дѣйствительно имѣли какое-нибудь отношеніе къ „Антидоту“, ихъ участіе могло ограничиваться исполненіемъ какихъ-либо второстепенныхъ подробностей дѣла, — какъ то случалось и въ другихъ работахъ императрицы. На нашъ взглядъ всего вѣроятнѣе преданіе, которое приписываетъ сочиненіе „Антидота“ самой императрицѣ. Дѣйствительно, кто знакомъ съ писательской манерой Екатерины II, тому бросаются въ глаза сходныя черты и въ содержаніи, и въ изложеніи. Авторъ „Антидота“ прежде всего говоритъ тономъ такого авторитета, видимо привычнаго, что его трудно предположить у кого-либо другого изъ русскихъ писателей того времени; вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ авторъ какъ будто считаетъ себя спеціально обязаннымъ опровергнуть ошибки или намѣренныя „клеветы“ французскаго писателя, бросающія тѣнь на достоинство русскаго народа и русской имперіи; авторъ „Антидота“ обнаруживаетъ хорошее знаніе русскаго управленія и русскихъ обы-

---

[1]) Antidote ou examen du mauvais livre, superbement imprimé, intitulé: Voyage en Sibérie fait en 1761. Par M. l'abbé Chappe d'Auteroche (выписано все заглавіе книги Шаппа). 2 тома небольшого формата, 1770. Второе изданіе вышло въ Амстердамѣ, 1771 — 72; англійскій переводъ, Лондонъ, 1772. Указываютъ еще изданіе: L'Antidote ou les Russes tels qu-ils sont et non tels qu'on les croit. Lausanne, 1799.

[2]) Les Supercheries Littéraires dévoilées, т. I, 211.

[3]) См. Пекарскаго, Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. Спб. 1863, стр. 5 — 6.

чаевъ; когда рѣчь идетъ о русской исторіи, авторъ излагаетъ тѣ самыя представленія объ исторической судьбѣ русскаго народа, какія господствуютъ въ историческихъ сочиненіяхъ императрицы; когда рѣчь идетъ о ближайшихъ временахъ, о событіяхъ царствованія Елизаветы и Петра III, авторъ говоритъ какъ свидѣтель, имѣющій точныя свѣдѣнія очевидца; о настоящихъ видахъ русскаго правительства авторъ говоритъ такимъ тономъ, какъ бы они были для него особенно близкимъ дѣломъ; недоброжелательнымъ отзывамъ французскаго путешественника о нравахъ грубаго русскаго народа онъ противопоставляетъ образчики нравовъ и обычаевъ просвѣщенной французской націи, довольно поучительные, и французская жизнь и исторія оказываются ему хорошо знакомы; кое-о-чемъ авторъ, вообще весьма находчивый, уклоняется говорить. Наконецъ, отвѣтъ, писанный вообще весьма рѣзко, свидѣтельствуетъ объ особенной впечатлительности и нетерпимости, которыя такимъ же образомъ отзываются въ полемическихъ сочиненіяхъ императрицы, не отличавшихся особымъ благодушіемъ.

„Антидотъ" составилъ большую книгу, гдѣ авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за французскимъ путешественникомъ и не упускаетъ ни одного случая его неловкости, ошибки, самонадѣянности, опровергаетъ его и насмѣхается надъ нимъ.

„Обѣщаю вамъ много обличеній, г. аббатъ Шаппъ, — пишетъ авторъ въ самомъ началѣ книги,—и я докажу все то, что̀ намѣренъ сказать о фактахъ, могущихъ пролить свѣтъ, которые вы смѣете приводить съ болтливою неточностію; ибо, надобно въ томъ сознаться, три четверти вашей книги состоятъ лишь изъ злобной болтовни. Всего лучше въ вашей книгѣ рисунки г. Ле-Пренса. Весьма жаль, что въ наше время всѣ плохія сочиненія украшаются столь великолѣпными эстампами". Предметы опроверженій чрезвычайно разнообразны: авторъ „Антидота" опровергаетъ французскаго писателя на каждомъ шагу — и тамъ, гдѣ послѣдній говоритъ о важнѣйшихъ учрежденіяхъ имперіи, и гдѣ онъ не можетъ уразумѣть русскаго обычая или перепутываетъ русскую исторію, — но особливо онъ настаиваетъ на объясненіи политическаго характера Россіи. Напримѣръ. „Ненавистное названіе деспота, которое аббатъ смѣетъ постоянно давать русскому государю, вотъ черта, ясно доказывающая его зложелательство", и авторъ „Антидота" проводитъ параллель между французскимъ королемъ и русскимъ государемъ: первый издаетъ законы, какъ второй, и если французскіе парламенты отказываются принимать дурные законы, то послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ ихъ къ этому принуждаютъ; русскіе государи издаютъ законы только по представленію сената. „Французскій король и даже его министры са-

жаютъ въ Бастилію и тамъ подвергаютъ судилищу, на это устроенному, или суду какой-нибудь коммиссіи, кого имъ вздумается: у насъ тайная канцелярія дѣлала то же самое, но съ 1762 года она уничтожена, а ваша Бастилія существуетъ. Ваши государи, если они несправедливы, могутъ отнять у васъ и имущество, и жизнь: такъ же и у насъ, г. аббатъ". Авторъ насмѣхается надъ поспѣшными выводами Шаппа о русскихъ обычаяхъ, которыхъ онъ на половину не понимаетъ, также какъ и надъ иными учеными его наблюденіями, которыя онъ дѣлалъ, лежа въ закрытомъ возкѣ подъ шубами и на всемъ скаку почтовой ѣзды. Въ самомъ дѣлѣ, Шаппъ упоминаетъ однажды, что у него разбились въ дорогѣ его барометры и термометры, и устроить ихъ вновь можно было только въ слѣдующемъ большомъ городѣ, и между тѣмъ онъ несмотря на то дѣлаетъ барометрическія наблюденія; въ приложеніяхъ къ его книгѣ помѣщены громадные чертежи нивеллировки всего пути его по Россіи, надъ которыми много глумится авторъ „Антидота"; дѣйствительно, довольно забавно видѣть съ этихъ чертежахъ рисунокъ громадныхъ мѣстностей, когда въ текстѣ аббатъ разсказываетъ, что ему въ зимнемъ путешествіи часто было вовсе не до того, чтобы заниматься какими-либо учеными изысканіями. Мы упоминали выше объ описаніи русскихъ бань, въ какихъ будто моются „всѣ русскіе отъ государя до послѣдняго подданнаго" и которыя у нихъ различаются только по степени чистоты. „Но, аббатъ, возможно ли простирать далѣе ложь и клевету, чѣмъ вы это дѣлаете въ этомъ случаѣ? Развѣ вы въ Европѣ единственное лицо, бывшее въ Россіи? И кто же видалъ, чтобы наши дамы, красота которыхъ признана всѣми, выходя изъ бани, барахтались въ снѣгу въ перемежку съ мужчинами?.. Онъ говоритъ, что въ баняхъ сѣкутъ другъ друга пучками розогъ. Быть можетъ, его, для смѣху, высѣкли въ банѣ; онъ этого заслуживалъ" [1]). Авторъ „Антидота" поднимаетъ на смѣхъ аббата, когда тотъ величается своей ученостью передъ русскими мужиками; когда аббатъ изумляется, что въ Россіи, въ народномъ быту, отдаютъ дѣвушекъ замужъ, не спрашивая ихъ объ этомъ, авторъ „Антидота" напоминаетъ, что во Франціи такимъ же образомъ поступаютъ въ самомъ аристократическомъ кругу. Авторъ смѣется надъ ошибками аббата въ русской исторіи, когда тотъ, напримѣръ, разсказываетъ, какъ „царь Романо" женился на дочери боярина „Стрешне": „во-первыхъ, что такое царь Романо? Въ рукописи (которою пользовался Шаппъ) навѣрное не сказано такъ. Если сказать: король Бурбо или Бурбу,

[1]) Но авторъ „Антидота" умалчиваетъ, что у насъ, однако, въ баняхъ парятся вѣниками.

императоръ авструйскій и пр., то читатель не будетъ знать, о комъ и о какомъ королѣ или императорѣ идетъ рѣчь".

Наконецъ, авторъ „Антидота" съ великой гордостію говоритъ о новыхъ мудрыхъ началахъ, которыя провозглашены русскимъ правительствомъ въ извѣстномъ Наказѣ. Когда аббатъ Шаппъ говоритъ о вредномъ дѣйствіи русскаго правленія и воспитанія на характеръ народа, авторъ „Антидота" спрашиваетъ: „что хотите вы этимъ сказать, г. аббатъ? Ужъ не ваше ли правительство намѣрены вы восхвалять, говоря это? Такъ, догадываюсь, и унизить наше?" Но въ какой же странѣ правительство и воспитаніе стремятся направить націю къ чести, славѣ и мужеству, если не въ той, гдѣ государь, тщательно собирая отовсюду начала, способствующія народному счастію, самъ предлагаетъ ихъ своему народу и призываетъ его начертать законы общими силами. Эти начала возбуждаютъ удивленіе Европы, и можетъ ли хвастаться „та нація, которая запрещаетъ ввозъ къ себѣ этого евангелія законности, въ опасеніи, конечно, чтобы у васъ не увидѣли, насколько правительственныя начала разнятся въ обѣихъ странахъ?.. Г. аббатъ, этотъ Наказъ становится у насъ закономъ; онъ преслѣдуется у васъ... Берегитесь, скоро у васъ останется лишь тѣнь, а сущность окажется у насъ" [1]).

„Антидотъ" остался самымъ интереснымъ результатомъ путешествія аббата Шаппа: этотъ отвѣтъ на его книгу, по всей вѣроятности принадлежащій императрицѣ Екатеринѣ или, по крайней мѣрѣ, составленный по ея указаніямъ, представляетъ любопытное изложеніе ея взглядовъ на русскую жизнь и исторію, и примѣръ оффиціальныхъ представленій о русскомъ національномъ достоинствѣ. Къ сожалѣнію, „Наказъ", который служитъ здѣсь однимъ изъ основныхъ аргументовъ, впослѣдствіи, еще въ царствованіе императрицы Екатерины, остался только воспоминаніемъ, для самой власти, быть можетъ, не всегда пріятнымъ, и политическія опроверженія, какъ бы ни были искусны, не исчерпали вопроса.

Не знаемъ, успѣлъ ли аббатъ Шаппъ прочитать это опроверженіе. Издавъ свою книгу, онъ отправился въ Калифорнію и тамъ умеръ. Ему, во всякомъ случаѣ, не пришлось читать другого обличенія, появившагося, также безъ имени автора, въ 1771 году [2]). Дѣло въ томъ, что Руссо, издатель „Энциклопедическаго Журнала", котораго неизвѣстный „Скиѳъ" восхваляетъ за его здравыя сужденія и безпристрастіе, помѣстилъ разборъ книги Шаппа, весьма сочувствен-

---

[1]) Стр. 259—260, 449—русскаго перевода.

[2]) Lettres d'un Scyte franc et loyal, à monsieur Rousseau, de Bouillon, Auteur du Journal Encyclopédique. Amsterdam et Paris, MDCCLXXI, мал. 8°, 65 стр., съ помѣтой: Петербургъ, январь, 1771.

ный. Это и дало поводъ Скиѳу къ опроверженіямъ, изложеннымъ въ двухъ письмахъ: Sur le danger des préjugés nationaux, и Sur l'histoire de Sybérie, гдѣ онъ довольно удачно указываетъ грубые недостатки книги аббата Шаппа, отказываясь отъ подробнаго разбора ея потому, что такой уже сдѣланъ въ „Антидотѣ“ [1]).

---

[1]) Стр. 55: „Lisez, monsieur, un ouvrage qui a pour titre l'Antidote: je viens de le recevoir de *Hollande*“ и проч. Голландія и была вѣроятно мѣстомъ печатанія „Антидота“, не указаннымъ въ его заглавіи.

ГЛАВА IV.

Русскія географическія поиски и иностранная литература о Сибири до конца XVIII вѣка.

Плаванія Шестакова. — Открытія Гвоздева. — Осмотръ сѣвернаго берега Сибири: Прончищевъ, Лаптевы, Челюскинъ.

Предпріятія промышленниковъ: Басовъ, Трапезниковъ, Неводчиковъ, Прибыловъ.

Экспедиціи Биллингса и Сарычева.

Плаванія купцовъ Шалаурова, Ляхова.—Г. И. Шелеховъ.—Основаніе Россійско-Американской компаніи.

Ученыя экспедиціи. — Петръ-Симонъ Палласъ и его „студенты" Зуевъ и Соколовъ.—Георги.—Фалькъ.

Иностранныя книги и путешествія. — Делиль. — Шульцъ. — Переводы изъ Миллера.—Самуилъ Энгель.—Штелинъ.—Вогонди.—Вильямъ Коксъ.—Лессепсъ.—Сиверсъ.—Беньовскій.—Белькуръ.—Вагнеръ.—Французскіе эмигранты.

Путешествіе аббата Шаппа мало прибавило къ изслѣдованіямъ Сибири; оно не получило авторитета у позднѣйшихъ путешественниковъ и писателей, и „Антидотъ", безъ сомнѣнія, не мало помогъ его дискредитировать.

Въ царствованіе Екатерины II наступилъ новый періодъ изслѣдованій, которыя принесли богатые результаты для изученія Сибири и снова произвели сильное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ. Это—рядъ экспедицій, исполненныхъ подъ руководствомъ знаменитаго Палласа. Но пока, въ царствованіе Анны и Елизаветы, велись съ одной стороны морскія предпріятія, задуманныя одновременно со „Второй камчатской экспедиціей", а съ другой продолжалась и старая работа практическихъ разысканій, начатыхъ первыми завоевателями Сибири и ихъ преемниками, казаками и промышленниками. Экспе-

диція Беринга, впослѣдствіи высоко оцѣненная Кукомъ, возбудила, по словамъ г. Венюкова, ревность русскихъ изслѣдователей стараго закала [1]). Въ 1727 году казачій голова въ Якутскѣ, Шестаковъ, предложилъ правительству сдѣлать изслѣдованіе въ землѣ чукчей на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири и даже отыскивать новыя земли на сѣверъ отъ сибирскаго материка. Онъ, дѣйствительно, получилъ средства для исполненія этой чукотской экспедиціи, ему дано было нѣсколько помощниковъ, штурманъ, геодезистъ, рудознатецъ, то-есть горный инженеръ, нѣсколько матросовъ; кромѣ того, присоединился къ нему капитанъ Павлуцкій съ 400 якутскихъ казаковъ [2]). Одно изъ судовъ Шестакова, съ геодезистомъ Гвоздевымъ, объѣхало Камчатку, доходило до береговъ Америки и въ Беринговомъ проливѣ открыло группу острововъ, которые называются теперь архипелагомъ Гвоздева; самъ Шестаковъ былъ убитъ въ сраженіи съ чукчами [3]). Какъ видимъ, въ новыхъ предпріятіяхъ присоединяется участіе спеціальныхъ навигаторовъ и геодезистовъ, которые могли уже дать точное опредѣленіе своимъ открытіямъ, и ихъ труды дѣйствительно послужили для географической науки. Въ самомъ Охотскѣ была открыта въ это время „навигацкая" школа.

Когда въ 1733 г. началась „Вторая камчатская экспедиція" на сухомъ пути, былъ также предположенъ осмотръ сѣвернаго берега Сибири. Въ виду невозможности долгаго плаванія въ короткое сѣверное лѣто, этотъ осмотръ рѣшено было сдѣлать по частямъ: одна морская экспедиція должна была изслѣдовать берегъ отъ Бѣлаго моря до устьевъ Оби, другая до Енисея, третья отъ Лены на западъ до Енисея, и четвертая отъ Лены на востокъ до Берингова пролива. Изъ Архангельска вышли въ 1734 лейтенанты Павловъ и Муравьевъ; изъ Тобольска и затѣмъ изъ устьевъ Оби въ море вышелъ лейтенантъ Овцынъ; въ 1735, съ Лены отправился лейтенантъ Прончищевъ на западъ отъ ея устьевъ, а на востокъ Лассеніусъ, вскорѣ съ большей частью команды погибшій отъ цынги и замѣненный лейтенантомъ Лаптевымъ. Въ 1736 г. лейтенанты Малыгинъ и Скуратовъ снова отправились изъ Архангельска для изслѣдованія сѣвернаго берега, а лѣтомъ этого года геодезистъ Селифонтовъ съ сухого пути осмотрѣлъ западный берегъ Обской губы; Прончищевъ съ штурманомъ Челюскинымъ тѣмъ же лѣтомъ вышелъ изъ устья Оленека, но льды задерживали плаваніе, сильные морозы истощили экипажъ, и

[1]) Venukoff, Aperçu и пр., стр. 9.

[2]) Впослѣдствіи, въ 1747, этотъ Павлуцкій погибъ въ бою съ чукчами—племенемъ весьма независимымъ.

[3]) „Завоеватели восточной Сибири — якутскіе казаки", Маныкина-Невструева. „Русск. Вѣстн." 1883, апрѣль.

30-го августа Прончищевъ умеръ, и черезъ нѣсколько дней умерла сопровождавшая его жена. Въ 1747 г. новыя экспедиціи, и Овцынъ вошелъ, наконецъ, въ устье Енисея, которымъ поднялся до Туруханска. Въ 1738 г. плаванія лейтенанта Скуратова съ Головинымъ отъ устьевъ Оби къ Архангельску, и штурмановъ Минина и Стерлегова изъ устьевъ Енисея на востокъ; оба плаванія были не совсѣмъ успѣшныя. Въ 1739 г., опять плаваніе Скуратова, далѣе Дм. Лаптева изъ устьевъ Лены на востокъ, Харитона Лаптева — оттуда же на западъ. Въ 1740 г., путешествіе Стерлегова, Минина, обоихъ Лаптевыхъ, геодезиста Чекина по разнымъ мѣстамъ сѣвернаго сибирскаго берега. Въ 1741 г., экспедиціи продолжаются, причемъ Челюскинъ сухимъ путемъ добрался до самой сѣверной части азіатскаго материка и описалъ ее, а экспедиція Беринга открыла Алеутскіе острова. Самъ Берингъ умеръ въ этомъ же году, на одномъ изъ открытыхъ имъ островов: ему удалось только увидѣть сѣверо-американскій берегъ [1]).

Эти странствованія стоили исполнителямъ ихъ чрезвычайнаго труда: суровость климата, утомительная борьба съ ледянымъ моремъ требовали большой энергіи; путешественникамъ, захваченнымъ льдами и страшнымъ морозомъ, приходилось зимовать на крайнемъ сѣверѣ и, бросая суда, добираться пѣшкомъ до человѣческаго жилья на берегу; многіе поплатились жизнью, какъ Берингъ, Прончищевъ, Ласеніусъ, какъ много людей изъ экипажа. Но трудъ ихъ уже не пропадалъ для науки: въ нѣсколько пріемовъ, усиліями мореходовъ и геодезистовъ, смѣнявшихся на одной работѣ, сѣверный берегъ Азіи былъ изслѣдованъ и положенъ на карту; опредѣлено было пространство между Камчаткой и Японіей (впрочемъ, до конца столѣтія Сахалинъ считали полуостровомъ); на сибирскомъ материкѣ опредѣлено было сухопутной экспедиціей тѣхъ годовъ до нѣсколькихъ сотъ астрономическихъ пунктовъ, хотя на первый разъ весьма несовершенно; словомъ это были уже пріобрѣтенія для географической науки.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія завершила свою дѣятельность Вторая камчатская экспедиція, къ которой примыкали указанныя сейчасъ экспедиціи морскія, но изслѣдованія не остановились и—до новыхъ оффиціальныхъ экспедицій—совершались опять предпріимчивостью частныхъ лицъ. Это были въ особенности про-

---

[1]) Свѣдѣнія объ этихъ старыхъ плаваніяхъ были тогда собраны Миллеромъ; впослѣдствіи имъ посвящена была книга Василія Берха: „Первое морское путешествіе Россіянъ, предпринятое для рѣшенія географической задачи: соединяется ли Азія съ Америкою? и совершенное въ 1727, 28 и 29 годахъ, подъ начальствомъ флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга" и пр. Спб. 1823. Ср. С. Е. von Baer, Bering und Tschirikow (Petersb. 1849). О новой книгѣ Вахтина упомянуто выше.

мышленники, искавшіе новыхъ мѣстъ для своихъ практическихъ предпріятій, но иногда и самоотверженные искатели географическихъ открытій. Въ 1743 году сержантъ камчатской команды Басовъ съ московскимъ купцомъ Серебренниковымъ проплылъ съ промышленными цѣлями до Берингова острова (въ группѣ Командорскихъ, открытыхъ Берингомъ), зимовалъ тамъ и затѣмъ сдѣлалъ еще три подобныхъ плаванія съ иркутскимъ купцомъ Трапезниковымъ. Въ 1745 по слѣдамъ Басова снова отправилось въ тѣ же мѣстности купеческое судно Чупрова, Чебаевскаго и Трапезникова, подъ начальствомъ тобольскаго крестьянина Неводчикова, и хотя плавало неудачно, но вывезло большое количество товара. Этому Неводчикову приписывали настоящее открытіе Алеутскихъ островов, по другимъ сдѣланное Берингомъ. Въ 1747—49, 1753—54, 1756—59 новыя купеческія предпріятія, которыя сопровождались вмѣстѣ дополненіемъ прежнихъ географическихъ открытій въ этихъ моряхъ. Въ 1758—64 годахъ опять совершенъ былъ рядъ промышленныхъ плаваній, причемъ открыты были почти всѣ Лисьи и Андреяновскіе острова. Эти промышленники прежде всего имѣли, однако, въ виду свои торговыя выгоды и прославились своими жестокостями противъ туземцевъ. Въ 1762 году одинъ изъ этихъ плавателей, Дружининъ, съ 34 промышленниками былъ убитъ алеутами за страшныя жестокости, которыми сопровождалось его путешествіе, и съ тѣхъ поръ промышленники безчеловѣчно истребляли туземцевъ. Одинъ изъ нихъ, Соловьевъ, истребилъ, какъ говорятъ, до 3.000, а по другимъ свидѣтельствамъ, даже до 5.000 человѣкъ. Въ 1768—1769 годахъ явилась здѣсь первая послѣ Беринга правительственная экспедиція капитана Креницына и лейтенанта Левашева, которая достигла до американскаго полуострова Аляски [1]; но затѣмъ продолжались опять промышленныя экспедиціи и къ 80-мъ годамъ относится плаваніе Прибылова, который открылъ островъ, носящій его имя, и еще ранѣе начатыя плаванія знаменитаго нѣкогда Шелехова, о которомъ скажемъ далѣе. Въ 1790—94 г. совершены были новыя правительственныя экспедиціи капитановъ Биллингса и Сарычева, которые, между прочимъ, положили конецъ тѣмъ жестокимъ притѣсненіямъ, которыя производимы были надъ туземцами со стороны русскихъ промышленниковъ на Алеутскихъ островахъ [2].

Изслѣдованія шли подобнымъ образомъ и на сѣверѣ Сибири. Еще

[1]) О ней у Палласа, „Neue Nordische Beiträge", т. I, стр. 249—272; „Account" Кокса, 1780 (о немъ далѣе), и „Записки Гидрографическаго Департамента", т. X.

[2]) Свѣдѣнія объ этихъ промышленныхъ плаваніяхъ на Алеутскіе острова и къ берегамъ Америки съ указаніемъ лицъ и стоимости грузовъ, съ 1743 по 1803 г., собраны въ видѣ вѣдомости въ „Восточно-Сибирскомъ Календарѣ", 1875 г.

въ 1755 году якутскіе купцы Шалауровъ и Баховъ получили дозволеніе предпринимать путешествія для отысканія по сѣверному морю пути въ Камчатку; въ 1760 г. они предприняли свою экспедицію отъ Лены, но добрались только до устьевъ Яны, здѣсь зазимовали и на слѣдующее лѣто двинулись дальше, доплыли до Медвѣжьихъ острововъ, гдѣ долго были затерты льдами, и затѣмъ снова зазимовали въ устьяхъ Колымы; въ слѣдующемъ, 1762 году, Шалауровъ снова двинулся на востокъ, но дошелъ только до Шелагскаго мыса, осмотрѣлъ Чаунскую губу, гдѣ до него никто еще не былъ, и думалъ продолжать свое плаваніе на востокъ, но долженъ былъ вернуться на Лену, потому что экипажъ его взбунтовался, при томъ и средства самого Шалаурова истощились. Онъ отправился въ Москву хлопотать о новой экспедиціи, и ему удалось получить средства отъ правительства; въ 1764 году онъ вновь отправился въ плаваніе къ Шелагскому мысу и уже не возвратился: онъ погибъ со всѣмъ своимъ экипажемъ, и только въ 1823 году однимъ изъ участниковъ экспедиціи Врангеля найдены были остатки какого-то судна и избушки и человѣческія кости; по словамъ туземцевъ, все это осталось отъ экспедиціи, бывшей здѣсь лѣтъ за 70 передъ тѣмъ.

Вопросъ о возможномъ пути въ Индію черезъ сѣверный океанъ продолжалъ занимать русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Въ 1763 г. Ломоносовъ поднесъ генералъ-адмиралу великому князю Павлу Петровичу свое сочиненіе: „Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію“ [1]). Въ видахъ исполненія этого плана отправлена была въ 1765 году экспедиція Чичагова изъ Колы, но задержанная льдами вернулась въ Архангельскъ; продолжались поиски въ Ледовитомъ океанѣ изъ Сибири, и въ 1770—73 году открыты были купцомъ Ляховымъ Ляховскіе острова къ сѣверо-западу отъ Святого Носа; они получили свое имя отъ плавателя, которому предоставлено было право исключительнаго промысла на этихъ островахъ.

Не останавливаясь на множествѣ мелкихъ предпріятій этого рода, упомянемъ объ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ плавателей того времени Григ. Ив. Шелеховѣ. Это былъ родомъ рыльскій мѣщанинъ, небогатый человѣкъ, который отправился искать счастья въ Сибирь, и по примѣру сибирскихъ купцовъ, промышлявшихъ на восточномъ океанѣ, онъ съ 1776 года сталъ отправлять свои суда, и въ одну изъ этихъ поѣздокъ названный выше штурманъ Прибыловъ, началь-

---

[1]) Эта статья была издана только въ 1847 году Гидрографическимъ Департаментомъ.

ствовавшій надъ судномъ Шелехова, открылъ группу острововъ, названныхъ именемъ Прибылова, и вывезъ оттуда громадный грузъ: 2.000 бобровъ, 40.000 котиковъ, 6.000 голубыхъ песцовъ, 1.000 пудовъ моржовыхъ клыковъ и 500 пуд. китоваго уса — были добыты 40 человѣками русскихъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Шелеховъ имѣлъ, однако, болѣе широкіе планы: онъ поставилъ себѣ цѣлью удержать за Россіей новооткрываемые острова, завести тамъ осѣдлость, а вмѣстѣ, конечно, позаботиться и о собственныхъ выгодахъ. Въ 1783, онъ самъ отправился на трехъ корабляхъ, построенныхъ на собственной верфи, близь Охотска; въ слѣдующемъ году онъ прибылъ къ острову Кадьяку, самому большому изъ прилежащихъ къ Америкѣ и населенному воинственнымъ народомъ; Шелеховъ успѣлъ, однако, завести мирныя сношенія съ туземцами, завелъ даже для нихъ русскую школу. Въ слѣдующіе годы онъ продолжалъ посылать туда свои суда, основалъ селеніе въ Кенайской губѣ, получалъ заложниковъ отъ островитянъ. Онъ ѣздилъ затѣмъ въ Петербургъ и получилъ отъ правительства за свои заслуги похвальную грамоту. Въ 1793 г. по его ходатайству отправлена была на островъ Кадьякъ духовная миссія; для заведенія ремеслъ и земледѣлія послано нѣсколько десятковъ ссыльныхъ ремесленниковъ и хлѣбопашцевъ. По смерти Шелехова (онъ умеръ въ Иркутскѣ въ 1795 г. на 48-мъ году) было, однако, представлено правительству о неудобствѣ тѣхъ способовъ, какими велись въ Америкѣ промышленныя дѣла, причемъ конкурренція и безпорядокъ губили и промышленниковъ, и туземцевъ, и истребляли самый предметъ промысла: къ концу столѣтія нѣкоторыя породы пушныхъ звѣрей были уже истреблены на Алеутскихъ островахъ, и то же грозило прилегающему материку Америки. Слѣдствіемъ представленій было учрежденіе, въ 1799 году, „Россійско-Американской компаніи“, имѣвшей свое правленіе въ Петербургѣ.

Такъ шло постепенное открытіе земель и морей сибирскаго края и водвореніе русскаго промысла въ сибирскихъ сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ, на островахъ между Камчаткой и Америкой и, наконецъ, въ сѣверо-западной оконечности Америки. Частію изслѣдованіе велось правительственными, научными и практическими экспедиціями, частію промышленниками. Люди и побужденія были весьма различнаго характера: одни были усердными исполнителями правительственныхъ распоряженій, буквально рискуя при этомъ своею жизнью и при случаѣ получая помощь отъ мѣстныхъ инородцевъ; другіе, повидимому, сами одушевлялись безкорыстнымъ желаніемъ содѣйствовать описанію края, полагали на это всѣ свои средства и, наконецъ, самую жизнь, какъ Шалауровъ, который сибирскимъ историкамъ представляется русскимъ Норденшельдомъ; наконецъ,

третьи руководились только исканіемъ прибыли, доходившимъ до свирѣпой алчности, какъ тѣ промышленники, которые направлялись на крайній востокъ, па Алеутскіе острова и позднѣйшую русскую Америку (впослѣдствіи оставленную). Это были, повидимому, прямые продолжатели тѣхъ промышленныхъ людей, которые въ XVII-мъ вѣкѣ открывали и захватывали сибирскій материкъ. Мы мало знаемъ подробностей о томъ, какъ совершалось это занятіе, но знаемъ, что это было занятіе съ оружіемъ въ рукахъ: если туземцы не подчинялись добровольно, ихъ вынуждали силою къ подчиненію, выражавшемуся уплатой дани, ясака; и извѣстно также, что требованія ясака нерѣдко равнялись грабежу, такъ что, наконецъ, сама правительственная власть считала нужнымъ брать туземныхъ инородцевъ подъ защиту. Но промышленники второй половины XVIII-го вѣка, повидимому, превзошли своихъ предковъ. Исторія занятія Алеутскихъ острововъ есть исторія ужасныхъ и безсмысленныхъ жестокостей. Алеуты, народъ трудолюбивый и довольно развитой, сначала встрѣтили русскихъ мирно; но, раздраженные насиліями и несправедливостями, въ одну зиму истребили три судна промышленниковъ, и послѣдніе, подъ предлогомъ подчиненія ихъ русской власти, совершали надъ туземцами величайшія варварства. На нѣкоторыхъ островахъ жители были истреблены безъ остатка, алеутовъ убивали тысячами, иногда просто для потѣхи, убивали мирныхъ и безоружныхъ. Въ 1792 году на островахъ Уналашкинскаго отдѣла считалось до двухъ съ половиной тысячъ жителей, но до прихода русскихъ ихъ было вдесятеро больше. Цѣлью этого истребленія, по объясненію одного изъ историковъ Сибири, былъ не одинъ грабежъ, и всего менѣе забота объ интересахъ правительства, а болѣе тонкое соображеніе: промышленникамъ нужно было закабалить туземцевъ совершенно, и такъ какъ это не легко было сдѣлать съ народомъ многочисленнымъ, то надо было просто истребить непокорныхъ. Въ далекомъ Петербургѣ трудно было знать, какъ дѣлалось дѣло, и промышленники получали даже поощренія и награды. Таковъ былъ и упомянутый выше Григорій Шелеховъ. Послѣ нѣсколькихъ своихъ плаваній онъ отправился въ Иркутскъ и представилъ краснорѣчивое описаніе своихъ подвиговъ сибирскому генералъ-губернатору Якобію, упомянувъ въ немъ, что „безъ монаршаго одобренія малъ и недостаточенъ будетъ трудъ мой“. Онъ написалъ о своемъ путешествіи и особую книгу, гдѣ, какъ и въ донесеніи Якобію, не усомнился преувеличить свои подвиги и присвоить себѣ чужія заслуги. Утверждаютъ, напримѣръ, что въ первой стычкѣ съ туземцами на островѣ Кадьякѣ онъ разбилъ 400 человѣкъ, между которыми были женщины и дѣти,—онъ пишетъ, что разбилъ 4.000 человѣкъ и 1.000

взялъ въ плѣнъ; жителей на этомъ островѣ не было тогда и 15 тысячъ, а Шелеховъ увѣрялъ правительство, что покорилъ 50 тысячъ человѣкъ; дальше онъ утверждалъ, что въ одну зиму обратилъ множество ихъ въ христіанство, и пр. Якобій писалъ обо всемъ этомъ въ Петербургъ, и на запросъ имп. Екатерины о лучшихъ мѣрахъ къ утвержденію русскаго владычества и промысловъ на Восточномъ океанѣ доносилъ, что компаніи Шелехова надо предоставить промышленную монополію въ открытыхъ имъ мѣстахъ, именно на пространствѣ 49°—60° широты, и 53°—63° долготы. Шелеховъ отправился самъ въ Петербургъ, гдѣ онъ и его сотоварищъ были награждены, и изъ коммерцъ-коллегіи было имъ выдано 200.000 рублей. Но до императрицы дошли, наконецъ, свѣдѣнія о настоящемъ способѣ дѣйствій Шелехова и она грозила ему „оковами", но у него были друзья, участвовавшіе въ его выгодахъ, и гроза миновала [1]). По смерти его до императора Павла опять дошли извѣстія о многихъ варварскихъ поступкахъ русскихъ промышленниковъ въ новыхъ колоніяхъ, и онъ хотѣлъ уничтожить промышленность, не имѣвшую значенія для имперіи, но вліятельные союзники компаніи съумѣли снова поправить дѣло, и въ іюлѣ 1799 г. учреждена была оффиціально упомянутая „Россійско-Американская компанія", получившая чрезвычайныя привилегіи. Ей предоставлены были всѣ промыслы по берегу Америки, на островахъ Алеутскихъ, Курильскихъ и другихъ, лежащихъ по сѣверо-восточному океану; компаніи предоставлялось все, „что на поверхности земли и въ нѣдрахъ ея доселѣ отыскано и впредь отыщется"; она получала монополію открывать и занимать новыя земли, заводить поселенія и укрѣпленія, производить торговлю и мореплаваніе, получать вспоможенія отъ правительства, и т. д. Въ результатѣ мѣстные инородцы были обращены въ настоящее рабство, монополія компаніи не отразилась пользою для края, управленіе было дурное, и впослѣдствіи русская колонизація привилась такъ мало, что въ 1867 году государство не усомнилось уступить Сѣверо-Американскимъ Штатамъ свои владѣнія въ бывшей русской Америкѣ [2]).

---

[1]) Въ литературѣ имя его было прославлено. См. напр. „Надгробіе Шелехову", Державина (изд. Грота, I, 529—530: „Колумбъ россійскій"). Г. Гротъ замѣчаетъ, что это названіе, данное Шелехову, прежде было уже „пророчески" употреблено Ломоносовымъ въ стихахъ 8-й оды, строфа 19:

„Колумбъ россійскій черезъ воды,
Спѣшитъ въ невѣдомы народы
Твои щедроты возвѣстить".

(Соч. Лом., Смирд., I, 98).

См. также надпись при портретѣ Шелехова въ его 1-й книжкѣ.

[2]) „Россійско-Американская компанія", въ „Историческихъ Этюдахъ" С. Шашкова. Спб. 1872, т. II, стр. 295 и слѣд. О книгахъ Шелехова скажемъ далѣе.

Въ 1768 году наступилъ новый періодъ ученыхъ экспедицій; онѣ знамениты не менѣе прежнихъ путешествій Миллера, Гмелина, Крашенинникова и пр., и составляютъ одинъ изъ лучшихъ фактовъ царствованія Екатерины II.

Новая экспедиція была выбрана опять изъ среды Академіи наукъ, ея членовъ и студентовъ. Первоначально предположена и начата была только „Оренбургская экспедиція"; но когда путешествія уже были начаты, программа предпріятія была расширена и распространена вообще на Россію Европейскую (особливо сѣверъ и востокъ) и Сибирь, гдѣ должны были производиться изслѣдованія природы, племенъ, народнаго быта, промысла, древностей и достопримѣчательностей. Въ 1769 г. ожидалось новое прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца, и имѣлись въ виду наблюденія астрономическія.

Составъ экспедиціи былъ очень многолюдный. Во главѣ ея поставленъ былъ Петръ-Симонъ Палласъ (1741—1811), вызванный изъ Берлина въ Россію въ 1769 году, тогда еще очень молодой, но уже авторитетный ученый натуралистъ. Съ тѣхъ поръ дѣятельность Палласа вся прошла въ Россіи; путешествія дали обширный матеріалъ для его изслѣдованій, которыя поставили его на ряду съ знаменитѣйшими естествоиспытателями XVIII-го вѣка, какъ Бюффонъ, Кювье, Линней. Нельзя было сдѣлать лучшаго выбора. Палласъ былъ изъ разряда „великихъ ученыхъ": знаменитый зоологъ по преимуществу, онъ не былъ тѣснымъ спеціалистомъ; напротивъ, его интересы и знанія простирались на многоразличныя отрасли естествовѣдѣнія, и его мысль, ясная и точная, работала уже надъ основными вопросами біологіи. Труды Палласа надолго, даже до сихъ поръ остались источникомъ важныхъ свѣдѣній о посѣщенныхъ имъ краяхъ Россіи и Сибири. Путешествіе издавна было его мечтой; онъ задумывалъ странствіе на мысъ Доброй Надежды и въ Индію, и когда отецъ его воспротивился этому намѣренію, онъ охотно принялъ предложеніе, сдѣланное ему изъ Петербурга. Академическая экспедиція начала свою дѣятельность въ 1768 году. Кромѣ Палласа приняло въ ней участіе нѣсколько академиковъ-натуралистовъ и этнографовъ, какъ Гмелинъ-младшій, Георги, Фалькъ, Гильденштетъ, Лепехинъ; астрономъ Эйлеръ, съ его помощниками; студенты Зуевъ, Соколовъ, состоявшіе при Палласѣ и, между прочимъ, производившіе по его указаніямъ самостоятельныя изслѣдованія; Рычковъ, сынъ извѣстнаго автора „Оренбургской Топографіи", и др.

О тѣхъ путешествіяхъ этой странствующей академіи, которыя относились къ Европейской Россіи, мы упоминали въ другомъ мѣстѣ [1]);

---

[1]) Томъ I, главы III—IV.

здѣсь упомянемъ лишь о томъ, что̀ въ этой экспедиціи относилось къ Сибири. Путешествіе самого Палласа заняло шесть лѣтъ съ 1768 по 1774 г.; въ исполненіе академическаго плана, оно было очень разнообразно, какъ выше указано это относительно путешествія Лепехина, и разнообразіе предметовъ изслѣдованія отвѣчало собственнымъ широкимъ научнымъ запросамъ Палласа. Онъ описываетъ мѣстность, ея геологическое строеніе, свойства почвы, растительность, наличныхъ животныхъ, типъ мѣстныхъ жителей, характеръ народнаго хозяйства, земледѣльческія орудія, остатки старины и т. д. Изъ Петербурга черезъ Москву, Владиміръ, Пензу, Палласъ направился въ Симбирскъ, гдѣ и зимовалъ. Весну слѣдующаго года онъ провелъ въ Заволжскомъ краѣ, гдѣ встрѣтился съ академиками Фалькомъ и Лепехинымъ. Лѣтомъ былъ въ оренбургскомъ краѣ, гдѣ, между прочимъ, подробно изучалъ калмыковъ и ихъ бытъ; въ Гурьевѣ встрѣтилъ академиковъ: Эйлера, наблюдавшаго прохожденіе Венеры, Ловица, Иноходцева, Лепехина; зимовалъ въ Уфѣ, осматривалъ затѣмъ Уралъ и Исетскую провинцію, откуда сдѣлалъ первую экскурсію въ Сибирь, именно въ Тобольскъ. Этимъ окончена была первоначальная задача экспедиціи. Палласъ желалъ расширить ея работы на Сибирь и сѣверную Россію, и Академія приняла его предложеніе. Лепехинъ коснулся въ своихъ поѣздкахъ только запада Сибири, и направился на сѣверъ казанской и архангельской губерній и на берега Бѣлаго моря; Палласъ — въ сѣверную и восточную Сибирь, — сюда же отправлялись Фалькъ и Георги. Въ апрѣлѣ 1770 года Палласъ выѣхалъ изъ Челябинска, черезъ Ишимскую степь, въ Омскъ; своихъ ближайшихъ сотрудниковъ онъ разослалъ для отдѣльныхъ изслѣдованій; такъ, Зуевъ отправился въ Березовъ для изслѣдованія Оби до Ледовитаго океана. Путешествіе сопровождалось постоянными наблюденіями, гдѣ Палласъ обращалъ особенное вниманіе на физическую природу страны и на зоологію, по которой впослѣдствіи онъ оставилъ знаменитый классическій трудъ. Путешествіе было не легко въ суровомъ климатѣ, среди мѣстностей болотистыхъ или лишенныхъ прѣсной воды, гдѣ притомъ весной бывали еще сильные морозы и снѣжныя бури, и оно не обошлось для путешественника даромъ: спутники его переболѣли, и одинъ изъ его помощниковъ умеръ. Въ концѣ мая Палласъ прибылъ въ Омскую крѣпость: мѣстное военное начальство приняло его холодно и недовѣрчиво, не давало ему необходимыхъ свѣдѣній и онъ замѣчалъ, что „богъ войны есть врагъ музъ“. Окружающая природа доставила, однако, богатый матеріалъ для наблюденій, особливо зоологическихъ, и при этомъ встрѣчалось ему не мало предметовъ, еще совсѣмъ неизвѣстныхъ въ наукѣ. Самъ путешественникъ заболѣлъ отъ безпрестанныхъ про-

студъ, и оправился только въ горныхъ путешествіяхъ по Алтаю. Между прочимъ, Палласъ отмѣчалъ археологическіе остатки: на пути по Енисею онъ находилъ много мѣднаго оружія и разной старинной утвари; въ Алтаѣ изслѣдовалъ рудники и встрѣчалъ остатки древнихъ горныхъ работъ, такъ-называемыя чудскія копи,—ихъ приписываютъ древнему чудскому народу, который, не имѣя хорошихъ орудій, разработывалъ рудники только въ поверхностномъ слоѣ горъ; орудія были мѣдныя, такъ что желѣзо было, повидимому, еще неизвѣстно; вооруженіе, найденное въ гробницахъ, было также мѣдное; молотами служили круглые крѣпкіе камни... Палласъ зимовалъ въ Красноярскѣ, отсюда онъ отправился въ Иркутскъ, разославши своихъ помощниковъ: одинъ студентъ отправился въ Петербургъ съ коллекціями по естественной исторіи, Соколовъ посланъ былъ еще ранѣе въ Забайкалье, Зуевъ опять на сѣверъ Сибири; одинъ студентъ оставленъ въ Красноярскѣ для собиранія растеній весной. Здѣсь Палласъ опять встрѣтился съ академикомъ Георги; отсюда черезъ Байкалъ поѣхалъ въ Кяхту, изучалъ здѣсь китайцевъ, по Селенгѣ отправился въ Даурію, гдѣ снова поразила его оригинальная природа, невиданныя формы растеній, животныхъ. Эта природа произвела на него сильное впечатлѣніе: „Различныя глыбы горъ,—говоритъ онъ,—приводящія въ удивленіе своей формой и положеніемъ, долины, покрытыя пріятной зеленью, березовыя и осиновыя рощицы, покрывающія въ разныхъ мѣстахъ вершины горъ съ сѣверной стороны, множество оленей и другихъ дикихъ звѣрей, еще бóльшее обиліе различныхъ птицъ въ это весеннее время года—все это дѣлаетъ эту страну такою пріятною, что пріятнѣе и уединеннѣе нельзя и желать, и я никогда въ жизнь мою ничего не видѣлъ лучше. Такая волшебная обстановка, а особенно множество въ полномъ цвѣту растеній, на южной сторонѣ горъ, привели меня въ восхищеніе“... „Начиная съ Урала до самаго Байкала, я не собралъ нигдѣ столько замѣчательныхъ произведеній природы, сколько въ одной Дауріи; нигдѣ эти произведенія не были въ такомъ обиліи и совершенствѣ, какъ въ Дауріи и въ нагорной странѣ за Байкаломъ“. Къ августу онъ вернулся въ Красноярскъ и отсюда отправлялся въ Саянскія горы. Въ 1773 г. Палласъ предпринялъ обратный путь въ Россію. Изъ Красноярска онъ выѣхахъ вмѣстѣ съ Георги и направился къ Камѣ черезъ Ишимскій и Исетскій край, сѣверную Башкирію (бытъ башкирцевъ, въ эту эпоху, онъ описываетъ счастливымъ, по условіямъ природы и промысламъ), къ Уралу и нижнимъ частямъ Волги; Георги долженъ былъ отправиться въ Пермь. На пути Палласъ, кромѣ башкиръ, изучалъ вотяковъ и черемисъ; въ апрѣлѣ онъ былъ на Камѣ,

въ маѣ — въ яицкой степи, въ іюнѣ — въ заволжской степи и на Волгѣ.

Результатомъ изслѣдованій Палласа въ восточной Россіи и Сибири было, кромѣ знаменитой „Русско-азіатской Зоографіи“ и другихъ спеціальныхъ трудовъ, не менѣе знаменитое „Путешествіе“, которое цитируется донынѣ какъ авторитетный источникъ по изученію сибирской природы, этнографіи и археологіи. „Путешествіе“ писалось на пути и первые томы явились въ свѣтъ раньше, чѣмъ окончилась самая экспедиція [1]).

Другой замѣчательный ученый, посвятившій въ этой экспедиціи труды свои изученію Сибири, былъ сотоварищъ и нерѣдко спутникъ Палласа, Іоганнъ-Готтлибъ Георги (ум. 1802). Онъ отправился въ путь въ томъ же 1768 году и изучалъ сначала Оренбургскій край, потомъ Сибирь, и вернулся въ 1774. Онъ проѣхалъ Сибирь до Дауріи, работалъ по геогнозіи и ботаникѣ, а также по этнографіи, и въ этой послѣдней области ему принадлежитъ обширный трудъ, первый въ своемъ родѣ, въ которомъ между прочимъ собраны цѣнныя свѣдѣнія о сибирскихъ инородцахъ и который до сихъ поръ не потерялъ своего значенія. Книга академика вышла на нѣмецкомъ и одновременно на русскомъ языкѣ [2]), и въ предисловіи (ко второму русскому изданію) перечисленъ длинный рядъ писателей, которыми онъ

[1]) Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs, три тома. Петерб., 1771—76. Было нѣсколько изданій нѣмецкихъ и французскихъ; одинъ переводъ французскій вышелъ съ примѣчаніями знаменитаго Ламарка. Русское изданіе: „Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства“, переводъ съ нѣм. Өедора Томанскаго и Василія Зуева, 5 томовъ. Спб. 1773—88. Далѣе: „Sammlung historischen Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften“. 2 тома, Петерб., 1776—1801; „Neue nordische Beiträge“, 7 томовъ. Петербургъ и Лейпцигъ, 1781—96.

Обстоятельной біографіи Палласа на русскомъ языкѣ еще нѣтъ. Кромѣ краткаго жизнеописанія въ Словарѣ свѣт. писателей, митр. Евгенія, т. II, стр. 110—113, можно назвать сочиненіе В. Маракуева: „Петръ Симонъ Палласъ, его жизнь, ученыя (е) труды и путешествія“, М. 1877: это — популярная книжка по нѣмецкой біографіи Рудольфи, французскому Eloge—Кювье, и нѣкоторымъ другимъ источникамъ.

[2]) Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion... und übrigen Merkwürdigkeiten. 4 части. Петерб. 1776—80. Русское изданіе въ 1776 — 77, три части; 2-е изданіе, которое мы имѣли въ рукахъ: „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ, ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, упражненій, забавъ, вѣроисповѣданій и другихъ достопамятностей. Твореніе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ на Нѣмецкомъ языкѣ Іоганна Готтлиба *Георги*, въ переводѣ на Россійскій языкъ весьма во многомъ исправленное и въ новь сочиненное; въ четырехъ частяхъ со 100 гравированными изображеніями народовъ и 8 виньетами. Иждивеніемъ книгопродавца Ивана Глазунова, съ позволенія С.-Петербургской цензуры“. Спб. 1799, четыре части.—Другая книга Георги: Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1772, 1773 und 1774. Petersb. 1775, два тома,—на русскомъ языкѣ не появлялась.

воспользовался въ своемъ сочиненіи [1]) и которыя вѣроятно исчерпываютъ всю тогдашнюю литературу предмета, и кромѣ этихъ книгъ Георги, безъ сомнѣнія, внесъ и свои собственныя наблюденія. Эти описанія Георги старался расположить въ системѣ, соединяя народы одного племени. Такъ, въ первой части помѣщены описанія племенъ финскихъ, чудскихъ, которыхъ авторъ называетъ и русскими,—такъ какъ по его теоріи новѣйшій русскій народъ, „россіаны", произошелъ изъ смѣшенія руссовъ, т.-е. финновъ, со славянами. Къ этимъ финскимъ или чудскимъ (русскимъ) народамъ Георги причислялъ: лопарей, финновъ или чухонцевъ, эстовъ, черемисовъ, чувашей, мордву, остяковъ (которыхъ называетъ „отяками") и др., а также и латышей (принадлежащихъ, однако, не къ финскому, а къ литовскому племени). Во второй части описаны народы татарскіе, „родъ посторонній, покоренный или добровольно пришедшій подъ кроткую россійскую державу, послѣ коренныхъ россійскихъ самый многочисленный": здѣсь перечислены всякіе татары—казанскіе и оренбургскіе, ногайскіе, астраханскіе, таврическіе, кавказскіе, башкирцы, мещеряки, киргизы, но тутъ же и осеты, грузинцы и др. [2]), которые — вовсе не татары, т.-е. этнографическое распредѣленіе опять ошибочное. Въ третьей части описаны „народы особенные и до нынѣ еще не рѣшенные о принадлежности ихъ къ какому-либо изъ главныхъ и первоначальныхъ россійскихъ народовъ", — сюда онъ причислилъ самоѣдовъ (называемыхъ имъ семоядскимъ или суома-йотскимъ народомъ), койбаловъ, камачинцевъ, манджурскіе народы, тунгусовъ, камчадаловъ, коряковъ, чукчей, алеутовъ и пр. Наконецъ, въ четвертой части помѣщены „монгольскіе народы", напр., калмыки, буряты, монголы; затѣмъ армяне, опять грузинцы; нѣмцы и другіе европейцы; поляки; обширный трактатъ посвященъ „россіанамъ", производимымъ, какъ сказано, изъ россовъ (финновъ) и славянъ; далѣе слѣдуютъ разныхъ наименованій казаки, которые представ-

[1]) Здѣсь говорится: „Источники, изъ которыхъ почерпнуто сіе описаніе народовъ... суть во-первыхъ Лѣтописцы Россійскіе, а во-вторыхъ, и большею частію, описанія частныя Россіи подданныхъ Народовъ, сдѣланныя и изданныя въ Свѣтъ Профессорами и Историографами: Миллеромъ, Гмелинымъ, Крашенинниковымъ, Штеллеромъ, Фишеромъ, Рычковымъ, Самуиломъ Гмелинымъ, Палласомъ, Лепехинымъ, Николаемъ Рычковымъ, Лемомъ, Клингстедтомъ, Гегстремомъ, Гавеномъ, Шлетцеромъ, Климаномъ и другими: почерпая, изъ ихъ описаній и извѣстій, придерживаемось было, какъ можно ближе, повѣствовательной истины, при сохраненіи возможной краткости".

[2]) Эти послѣдніе помѣщены, впрочемъ, съ оговоркой — по сосѣдству съ кавказскими татарами. Но на Кавказѣ упомянуты между мелкими кавказскими племенами „чехи или богемцы, говорящіе испорченнымъ и перемѣшаннымъ богемскимъ языкомъ" (?). Часть II, стр. 53, 67.

ляются автору особенной, смѣшанной племенной разновидностью; наконецъ говорится о Курляндіи и Литвѣ. Къ книгѣ Георги приложено было сто рисунковъ, изображающихъ племенные типы: предисловіе объясняетъ, что рисунки изготовлены петербургскими „рѣщиками" частію съ рисунковъ и фигуръ, находящихся при петербургской Академіи наукъ въ кунсткамерѣ, частію „съ живыхъ подлинниковъ".

Итакъ, первый опытъ цѣльнаго этнографическаго описанія Россіи сопровождался пока большими неясностями въ племенномъ распредѣленіи народовъ, но бытовыя описанія обыкновенно довольно точны. Большое мѣсто въ книгѣ Георги занимаютъ сибирскіе народы. Глава „Россіаны", самая обширная, заключаетъ не мало любопытнаго для исторіи русскихъ нравовъ и обычаевъ въ XVIII-мъ столѣтіи.

Изъ участниковъ академической экспедиціи, работавшихъ по описанію Сибири, остается назвать Фалька. Іоганнъ-Петръ Фалькъ (1725—74) былъ сынъ шведскаго пастора, учился медицинѣ въ Упсалѣ, былъ нѣсколько времени домашнимъ учителемъ въ домѣ Линнея, что помогло его занятіямъ по естественной исторіи, особливо по ботаникѣ. Личныя обстоятельства Фалька были очень тяжелы и мѣшали ученымъ его планамъ: защитивъ диссертацію по ботаникѣ, онъ не получилъ степени доктора, потому что нечѣмъ было заплатить соединенныя съ этимъ издержки; не удалось ему принять участіе въ ученомъ путешествіи, въ которое приглашали его, и удрученный всѣмъ этимъ Фалькъ впалъ въ болѣзненную ипохондрію. Наконецъ, по рекомендаціи Линнея онъ вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ сдѣлался впослѣдствіи преподавателемъ ботаники и смотрителемъ аптекарскаго сада при медицинской коллегіи, и когда предположена была „Оренбургская" (ставшая и сибирской) экспедиція, Фалькъ приглашенъ былъ къ участію въ ней. Болѣзнь и ипохондрія не покидали его во время путешествія, но онъ тѣмъ не менѣе добросовѣстно велъ свою работу. Онъ началъ путешествіе въ томъ же 1768 году, въ сопровожденіи трехъ студентовъ существовавшей тогда академической гимназіи (повидимому, не весьма удачныхъ) и нѣсколькихъ другихъ помощниковъ. Въ первые два года онъ путешествовалъ по Окѣ и Волгѣ; въ 1771 былъ въ Оренбургѣ, откуда дѣлалъ поѣздки въ киргизскія степи, и затѣмъ направился въ Сибирь: черезъ Исетскую провинцію, Тобольскъ и Ишимъ въ Омскъ, на Иртышъ, и оттуда по Барабинской степи къ Оби до Барнаула, затѣмъ въ Кузнецкъ и Томскъ. Въ слѣдующемъ году онъ отправился обратно на Тару, Тобольскъ, Тюмень и Екатеринбургъ, осмотрѣлъ уральскіе горные заводы и прибылъ въ Казань. Въ 1773 онъ отправился по Волгѣ въ Астрахань и черезъ „Куманскую" степь на Терекскія теплицы, и тою же дорогой вернулся въ Казань. Старая бо-

лѣзнь такъ мучила его, что въ Казани онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Находившійся въ то время въ Казани другой академикъ, Георги, отправилъ его рукописи, книги и вещи въ Петербургъ и впослѣдствіи издалъ путешествіе Фалька по его замѣткамъ, писаннымъ на языкахъ: нѣмецкомъ, шведскомъ и латинскомъ. На русскомъ языкѣ путешествіе Фалька явилось уже гораздо позднѣе [1]).

Путешествіе Фалька представляетъ главнымъ образомъ топографическое описаніе посѣщенныхъ имъ мѣстностей, съ указаніемъ мѣстоположенія, почвы, произведеній природы, населенныхъ мѣстностей—городовъ и селеній, съ историческими замѣчаніями, указаніями числа жителей, взятыми изъ мѣстныхъ документовъ церковныхъ и полицейскихъ, иногда съ выписками изъ старыхъ историческихъ источниковъ, напримѣръ, изъ сибирской лѣтописи Черепанова, и т. п. Изложеніе дѣловое, безъ тѣхъ повѣствовательныхъ эпизодовъ и личныхъ отступленій, какіе, напр., дѣлаютъ иногда столь интересными записки Гмелина-старшаго, Лепехина и самого Палласа,—но повидимому изложеніе Фалька отличается большою точностью свѣдѣній. Съ тѣхъ поръ какъ дѣланы были замѣтки Фалька и до появленія ихъ на русскомъ языкѣ прошло цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ; въ это время произошли нѣкоторыя перемѣны въ административномъ положеніи описанныхъ мѣстностей, и въ русскомъ изданіи къ примѣчаніямъ перваго издателя записокъ, Георги, добавлены еще примѣчанія академиковъ Севергина и Севастьянова.

Во второй половинѣ XVIII-го вѣка накопляется уже значительная масса свѣдѣній о Сибири, какъ въ русской, такъ и въ западно-европейской литературѣ. У насъ главное мѣсто въ этой литературѣ занимаютъ сочиненія академическихъ путешественниковъ—какъ Миллеръ, Фишеръ, Крашенинниковъ, Стеллеръ, Гмелинъ-старшій, Палласъ съ его „студентами“, Зуевымъ и Соколовымъ, Георги и Фалькъ.

---

[1]) Johann Peter Falck, Beyträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Petersburg. 1785—1786, три тома. 4°. Послѣ вышло извлеченіе изъ этой книги, кажется, не конченное: Reise in Russland, in einem ausführlichen Auszuge mit Anmerkungen von I. A. Martyni-Laguna. Berlin, 1794, одинъ томъ. Русскій переводъ — въ „Полномъ собраніи ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемомъ Импер. Академіею Наукъ“. Спб. 1818—1825, 7 т. (два послѣдніе тома).

Назовемъ еще труды натуралиста Лаксмана (1737—1796): родомъ финляндскій шведъ, онъ былъ учителемъ въ Петербургѣ, потомъ нѣмецкимъ пасторомъ въ Барнаулѣ, наконецъ, академикомъ, и много работалъ въ Сибири. См. обширную біографію: „Эрикъ Лаксманъ, его жизнь, путешествія, изслѣдованія и переписка“. Вильгельма Лагуса. Съ шведскаго перевелъ Э. Паландеръ. Спб. 1890.

Миллеръ собиралъ уже свѣдѣнія о давнихъ русскихъ путешествіяхъ въ сибирскихъ моряхъ [1]. Извѣстія о правительственныхъ экспедиціяхъ приходили въ Петербургъ, были извѣстны въ Академіи и черезъ книги Гмелина, Палласа и статьи Миллера дѣлались доступны въ иностранной литературѣ. Позднѣе являлись подробныя описанія самихъ плавателей, какъ, напримѣръ, упомянутаго выше Шелехова: онъ самъ описалъ свои путешествія въ двухъ книжкахъ,—онѣ должны были сообщить о его географическихъ открытіяхъ, а главное, кажется, дать ему славу и тѣмъ помочь его практическимъ планамъ въ Петербургѣ [2]. Нѣсколько позднѣе изданы были другія путешествія въ моряхъ Восточной Сибири, Биллингса (бывшаго спутника капитана Кука) и Сарычева [3].

---

[1] Въ „Sammlung Russischer Geschichte", и въ русскихъ статьяхъ, напр., о морскихъ путешествіяхъ русскихъ по Ледовитому и Восточному морямъ, въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ", 1758, апрѣль.

[2] Первая книжка вышла съ слѣдующимъ длиннымъ заглавіемъ: на первомъ листкѣ — „Странствованіе Шелехова"; на второмъ листкѣ: „Россійскаго купца Григорья Шелехова странствованіе въ 1783 году изъ Охотска по Восточному Океапу къ Американскимъ берегамъ, съ обстоятельными увѣдомленіями объ открытіи новообрѣтенныхъ имъ островов Кыктака и Афагнака, и съ пріобщеніемъ описанія образа жизни, нравовъ, обрядовъ, жилищъ и одеждъ тамошнихъ народовъ, покорившихся подъ Россійскую державу; также климатъ, годовыя перемѣны, звѣри, домашнія животныя, рыбы, птицы, земныя произрастенія и многіе другіе любопытные предмѣты тамъ находящіеся, что вѣрно и точно описано имъ самимъ. Съ чертежемъ и съ изображеніемъ самого мореходца и найденныхъ имъ дикихъ людей. Въ Санктпетербургѣ 1791 года. Иждивеніемъ В. С." (вѣроятно, Василія Сопикова, въ лавкѣ котораго книга и продавалась). 12°, 76 стр.

— Далѣе: „Россійскаго купца Григорья Шелехова продолженіе странствованія по Восточному Океану къ Американскимъ берегамъ въ 1788 году; съ обстоятельнымъ увѣдомленіемъ объ открытіи новообрѣтенныхъ имъ острововъ, до коихъ не достигалъ и славный аглинскій мореходецъ капитанъ Кукъ, и съ пріобщеніемъ" и пр. Спб. 1792, опять иждивеніемъ В. С., 12°, 95 стр.

— Третья книжка: „Россійскаго купца Именитаго рыльскаго гражданина Григорья Шелехова первое странствованіе съ 1783 по 1787 годъ изъ Охотска" и пр. Спб. 1793, 12°, 172 стр.

— Четвертая книжка: „Путешествіе Г. Шелехова съ 1783 до 1790 г. изъ Охотска" и пр. Спб. 1812, въ двухъ частяхъ, 12°, 171 и 90 стр., есть та же третья книжка, къ которой припечатано только два новыхъ начальныхъ листка и добавлена вторая часть.

[3] „Путешествіе флота капитана Сарычева по сѣверо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, въ продолженіе осьми лѣтъ, при Географической и Астрономической морской экспедиціи, бывшей подъ начальствомъ флота капитана Биллингса, съ 1785 по 1793 годъ". 2 части, съ картами и картинами. Спб. 1802; „Путешествіе капитана Биллингса чрезъ Чукоцкую землю отъ Берингова пролива до Нижнеколымскаго острога и плаваніе капитана Галла... по Сѣверовосточному океану въ 1791 году, съ приложеніемъ словаря двѣнадцати нарѣчій дикихъ народовъ" и пр., издано Сарычевымъ. Спб. 1811. Первая изъ этихъ книгъ яви-

Въ западной литературѣ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за русскими открытіями. Вопросъ объ азіатскомъ сѣверѣ и востокѣ, поставленный, какъ выше упомянуто, голландцами и англичанами еще въ XVI-мъ столѣтіи, теперь былъ подновленъ извѣстіями о русскихъ плаваніяхъ, и имъ посвященъ былъ цѣлый рядъ книгъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ и шведскихъ. Было бы долго исчислять сполна эту литературу, но любопытно составить о ней понятіе.

Одной изъ первыхъ книгъ этого рода было сочиненіе Іосифа-Николая (по-русски звали его Осипомъ Николаевичемъ) Делиля (1688—1768), который былъ членомъ Академіи наукъ въ Петербургѣ, въ 1740 году самъ ѣздилъ въ Сибирь для астрономическихъ наблюденій въ Березовѣ. Вернувшись во Францію, Делиль напечаталъ сочиненіе, которое было первымъ печатнымъ извѣстіемъ о результатахъ, добытыхъ экспедиціею Беринга въ восточно-азіатскихъ моряхъ [1]). Мы видѣли раньше, въ предисловіи книги Гмелина, съ какою осторожностью онъ касается этихъ открытій—на томъ основаніи, что первая публикація ихъ должна быть сдѣлана тѣмъ правительствомъ, которое потратило на нихъ столь значительныя средства. Но этой оффиціальной публикаціи пока (да и послѣ) не состоялось, и въ Петербургѣ были очень раздражены появленіемъ сочиненія Делиля, которое сочтено было дерзкой нескромностью, и такъ какъ притомъ въ статьѣ Делиля были невѣрности, то начальство Академіи наукъ поручило Миллеру написать опроверженіе, чтобы „свѣту показать всѣ *нечестивые* въ семъ дѣлѣ *Делилевы поступки* и главныя его карты изъясненія неисправности“. Миллеръ исполнилъ порученіе, и его статья была напечатана въ 1753 г. подъ названіемъ: „Письма россійскаго морского офицера“ [2]).

лась въ нѣмецкомъ переводѣ Буссе: Achtjährige Reise и пр., Leipz. 1805—15, 3 т.; затѣмъ были изданія французское и голландское.

Путешествіе Биллингса издано было, по его бумагамъ, по-англійски: An account of a geographical and astronomical expedition to the Northern parts of Russia, performed in the years 1785, to 1794, narrated from the original papers by Mart. Sauer. Lond. 1802; затѣмъ было нѣсколько изданій нѣмецкихъ, французское и итальянское.

[1]) Мы не имѣли въ рукахъ этой книги. Пекарскій, „Ист. Акад. Н.“, I, стр. 142, 149, 407—408, называетъ ее: „Explication de la carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud“, 1752; въ „Russica“ Публ. Библіотеки, т. I, стр. 289: „Nouvelles cartes des découvertes de l'amiral de Fonte et autres navigateurs espagnoles, portugais, anglais, hollandais, français et russes dans les mers septentrionales. Paris, 1753“.

[2]) Lettre d'un officier de la marine russienne à un Seigneur de la Cour concernant la carte des nouvelles découvertes au Nord de la mer du Sud, et le Mé-

Въ 1761 году Том. Джеффрисъ (Jefferies) издалъ по-англійски сочиненіе Миллера о русскихъ путешествіяхъ въ Ледовитомъ океанѣ; въ 1764 вышло второе ея изданіе, а въ 1766—французскій переводъ.

Въ 1765 вышла по-французски, и безъ имени автора, книга Самуила Энгеля, которая можетъ служить образчикомъ любопытства, возбужденнаго тогда сибирскими открытіями. Она разбираетъ вопросъ о сѣверѣ Азіи и Америки и снова обращается къ изслѣдованію о возможности сѣвернаго пути въ Индію — предметъ, занимавшій тогда и географовъ, и торговыя компаніи [1]). Авторъ книги взялся за дѣло весьма пунктуально: собиралъ сколько могъ существующія показанія путешественниковъ, сличалъ и опредѣлялъ ихъ вѣроятность; выбиралъ изъ тогдашнихъ газетъ извѣстія о планахъ новыхъ русскихъ изслѣдованій. Ему казалось, что русскіе, и даже Гмелинъ и Миллеръ, изъ которыхъ онъ извлекъ, однако, много свѣдѣній, „сколько можно скрываютъ путешествія, сдѣланныя отъ Лены въ Камчатку", но что „у нихъ обоихъ вырываются подробности, которыхъ они не могли скрыть" (стр. 234). Уклоненіе Гмелина разсказывать результаты правительственной экспедиціи и вѣроятно исторія съ сочиненіемъ Делиля исполнили Энгеля подозрѣніями, что русское правительство не позволяетъ по какимъ-то видамъ говорить всей правды объ этомъ предметѣ. Эти виды были очень простые: научное открытіе было канцелярскою собственностью вѣдомства, подъ управленіемъ котораго было сдѣлано, и должно было дождаться оффиціальнаго опубликованія. Между тѣмъ разбирать русскія извѣстія было Энгелю не легко [2]). Его окончательное убѣжденіе было то, что сѣверный путь въ Индію возможенъ. Книга Энгеля свидѣтельствуетъ

---

moire qui y sert d'explication publié par M. de l'Isle.—въ „Nouvelle Bibliothèque Germanique", XIII, 46—87, и отдѣльно, 1753.

Объ упомянутомъ путешествіи Делиля см. Пекарскаго, „Путешествіе академика Делиля въ Березовъ 1740 года", Спб. 1865 (изъ „Записокъ Акад. Н.").

[1]) Mémoires et observations géographiques et critiques sur la situation des pays septentrionaux de l'Asie et de l'Amérique, d'après les relations les plus récentes. Aux quelles on a joint un Essai sur la route aux Indes par le Nord, et sur un Commerce très vaste et très riche à établir dans la mer du Sud. Avec deux nouvelles cartes dressées conformément a ce système. Lausanne, MDCCLXV, 4°. Другое французское изданіе тамъ же 1779, и нѣмецкій переводъ съ дополненіями 1772 и 1777.

[2]) Онъ вычитываетъ, напримѣръ, у русскихъ историковъ объ одномъ русскомъ плавателѣ, который былъ начальникомъ *промышленниковъ* (chef parmi les Promyschleni). Это слово привело его въ большое недоумѣніе: „Je me suis informé auprès des plusieurs personnes, que je croyois a même de m'expliquer ce nom de Promyschleni, ce que c'étoit; l'un voulut que c'étoit une Secte; un autre des Rebelles; un troisième des gens qui levoient le tribut"; наконецъ онъ прочелъ у того же Миллера, что „promyschleni" были промышленники.

о томъ, какъ еще неясно было представленіе объ этой части Ледовитаго и Тихаго океана: на его картѣ нарисована Камчатка, кусокъ Америки въ Беринговомъ проливѣ, на мѣстѣ Алеутскихъ острововъ намѣчена предполагаемая твердая земля, но всѣ очертанія и азіатскаго, и американскаго материка и Японіи крайне грубы и невѣрны.

Въ русскомъ „Мѣсяцесловѣ", какіе стали тогда издаваться при Академіи наукъ, на 1774-й годъ помѣщена была статья извѣстнаго академика Штелина: „Краткое извѣстіе о новоизобрѣтенномъ сѣверномъ Архипелагѣ", т.-е. объ открытіи Алеутскихъ острововъ. Въ томъ же году является книжка Штелина на нѣмецкомъ языкѣ въ Германіи [1]), и затѣмъ въ англійскомъ и французскомъ переводахъ. Въ томъ же году выходитъ объ этомъ предметѣ французская книга Вогонди (Vaugondy). Въ 1776, нѣмецкая книга Шульца о вновь открытыхъ островахъ между Азіей к Америкой, изданная, впрочемъ, безъ имени автора и основанная на русскихъ источникахъ — о ней скажемъ далѣе. Въ 1778—англійская книга о Камчаткѣ. Въ 1780—англійская книга извѣстнаго путешественника, между прочимъ по Россіи, Вильяма Кокса, одна изъ лучшихъ книгъ въ тогдашней иностранной литературѣ о Сибири. Въ 1787—шведская книга о Камчаткѣ. Въ 1790—самостоятельное французское путешествіе Лессепса отъ Камчатки черезъ Сибирь, и т. д.

Названная книга Кокса [2]) представляетъ уже большой успѣхъ западныхъ географическихъ знаній о Сибири, напр., сравнительно съ книгой Энгеля, и большую противоположность этой послѣдней. Для Энгеля сѣверный путь есть еще вопросъ, надъ которымъ онъ дѣлаетъ глубокомысленныя соображенія; Коксъ, живши въ Россіи, собралъ весьма обстоятельныя данныя о русскихъ путешествіяхъ и сопроводилъ ихъ подробными картами. Въ предисловіи онъ говоритъ, что „новѣйшія русскія открытія между Азіей и Европой привлекли въ послѣднее время вниманіе любознательныхъ людей, особливо съ тѣхъ поръ, какъ въ рукахъ публики была превосходная исторія Америки д-ра Робертсона. Въ этомъ замѣчательномъ произведеніи изящный и остроумный авторъ сообщилъ міру, съ точностью и умомъ,

---

[1]) Jac. v. Stählin, Das von den Russen in den Jahren 1765, 66, 67 entdeckte nordliche Insel-Meer, zwischen Kamtschatka und Nordamerika. Stuttgart, 1774. Ср. Пекарскаго, Ист. Акад. Наукъ, I, стр. 558.

[2]) Account of the Russian discoveries between Asia and America. To which are added „The Conquest of Siberia" and the History of the transactions and commerce between Russia and China. By William Coxe, A. M. Fellow of King's College, Cambridge, and Chaplain to bis Grace the Duke of Marlborough. Lond. MDCCLXXX, 4°.

такъ отличающими всѣ его сочиненія, самыя обстоятельныя свѣдѣнія, какія можно было въ то время получить относительно этихъ важныхъ открытій". Во время своего пребыванія въ Петербургѣ Коксъ обратилъ особенное вниманіе на этотъ предметъ, чтобы, если можно, „бросить новый свѣтъ на этотъ отдѣлъ знанія, столь важный для исторіи человѣчества", и именно хотѣлъ собрать извѣстія о русскихъ путешествіяхъ, слѣдовавшихъ за экспедиціей Беринга и Чирикова, въ 1741, которою оканчивался разсказъ Миллера о русскихъ плаваніяхъ. Въ это время ему встрѣтилась упомянутая книга Шульца, 1776, гдѣ находится подробный разсказъ о русскихъ путешествіяхъ въ 1745—1770 годахъ. Такъ какъ книга вышла безъ имени автора, то она могла возбуждать сомнѣнія, но Кокса увѣрили, что она заимствована „изъ подлинныхъ журналовъ"; не довольствуясь этимъ, Коксъ обратился къ Миллеру, „который, по приказанію императрицы, привелъ въ порядокъ эти самые журналы, изъ которыхъ, какъ говорили, безъименный авторъ извлекъ свои матеріалы". Миллеръ уже зналъ эту книжку, сличалъ ее съ „подлинными бумагами", и отвѣтилъ Коксу, что авторъ книжки дѣйствительно имѣлъ въ рукахъ хорошій матеріалъ и вѣрно имъ пользовался. Поэтому Коксъ перевелъ нѣмецкую книжку, сопровождая ее, гдѣ нужно, своими примѣчаніями, но сдѣлалъ и обширныя собственныя добавленія: во-первыхъ, предварительныя свѣдѣнія о Камчаткѣ и объ открытіяхъ въ восточныхъ сибирскихъ моряхъ; во-вторыхъ, статью объ исторіи завоеванія Сибири, о сношеніяхъ и торговлѣ съ Китаемъ, и наконецъ, въ приложеніяхъ, разные новые географическіе матеріалы, между прочимъ три журнала плаваній, которыя „до сихъ поръ еще не были извѣстны публикѣ". Это были журналы названныхъ нами выше Креницына и Левашева, краткій отчетъ о плаваніи Синда и разсказъ объ экспедиціяхъ Шалаурова. Первый изъ этихъ журналовъ вмѣстѣ съ картой путешествія Креницына и Левашева еще раньше сообщенъ былъ изъ Россіи доктору Робертсону по приказанію императрицы Екатерины, а имъ теперь переданъ былъ Коксу. „Это путешествіе, приносящее великую честь монархинѣ, возъимѣвшей планъ его, подтверждаетъ вообще достовѣрность упомянутаго выше сочиненія (т.-е. нѣмецкой книги) и доказываетъ дѣйствительность открытій, сдѣланныхъ частными купцами". Наконецъ Коксъ старался пріобрѣсти лучшія карты, какія можно было достать въ Петербургѣ: онъ ожидалъ, что эти карты можно будетъ сравнить съ тѣми, какія составлены были великимъ мореплавателемъ (тогда уже погибшимъ) капитаномъ Кукомъ, „когда его журналъ будетъ сообщенъ публикѣ". Матеріалъ, которымъ пользовался вообще Коксъ въ своей книгѣ, кромѣ нѣмецкаго сочиненія Шульца, состоитъ почти исключительно

изъ трудовъ академическихъ путешественниковъ: Миллера, Палласа, Георги, Гмелина и „Сибирской исторіи“ Фишера.

Появляются, наконецъ, западныя путешествія въ сибирскія моря и въ самую Сибирь. Знаменитыя путешествія Кука и Лаперуза коснулись восточныхъ сибирскихъ окраинъ и острововъ. Одинъ изъ молодыхъ спутниковъ Лаперуза, Лессепсъ, написалъ интересный разсказъ о своемъ путешествіи черезъ Сибирь: въ сентябрѣ 1787, Лаперузъ, стоявшій тогда въ Авачинской гавани въ Камчаткѣ, отправилъ Лессепса со своими депешами сухимъ путемъ во Францію, и Лессепсъ, выѣхавъ въ началѣ октября изъ Авачи, въ августѣ слѣдующаго года былъ въ Иркутскѣ, въ сентябрѣ въ Петербургѣ и 17-го октября 1788 г. въ Версали. Въ 1790 вышла его книга [1]), которая опять обратила на себя всеобщее вниманіе, чего и заслуживала; одинъ изъ двухъ нѣмецкихъ переводовъ вышелъ съ примѣчаніями извѣстнаго нѣмецкаго естествоиспытателя Форстера, который былъ спутникомъ Кука и однимъ изъ описателей его путешествія и, между прочимъ, бывалъ въ Россіи. „Страны, посѣщенныя Лессепсомъ,—говоритъ предисловіе нѣмецкаго перевода,—все еще не такъ извѣстны, чтобы публика не встрѣтила съ удовольствіемъ новыхъ наблюденій, сдѣланныхъ съ другихъ точекъ зрѣнія, и дѣйствительно даже ученый, знакомый со всѣми существующими сочиненіями о Камчаткѣ и восточномъ краѣ Сибири, найдетъ здѣсь много интереснаго. И если авторъ ничѣмъ не расширилъ нашихъ интенсивныхъ знаній, то ему, конечно, нельзя отказать въ заслугѣ, что онъ можетъ увеличить знанія экстенсивныя. Главное достоинство его путешествія есть именно живой, возбуждающій участіе разсказъ и изъ-за него легко можно извинить ему нѣкоторыя преувеличенія и выставленіе своей собственной особы“... Самъ критикъ, впрочемъ, сознается, что эти недостатки Лессепса легко извинимы, и описаніе личныхъ приключеній, напримѣръ, когда ему приходилось ѣхать по краю льда или одному странствовать на собакахъ и оленяхъ, даетъ, конечно, понятіе и о самыхъ условіяхъ путешествія.

„Мнѣ всего двадцать-пять лѣтъ,—говоритъ Лессепсъ въ началѣ

---

[1]) Journal historique du voyage de M. de Lesseps, depuis l'instant où il a quitté les frégates françaises au port Saint Pierre et Saint Paul de Kamtschatka. Paris. 1790, двѣ части. Въ томъ же году англійскій переводъ, затѣмъ два нѣмецкихъ перевода: Reise von Kamtschatka nach Frankreich, aus d. Franz. vom Prof. Villaume: Riga und Leipz. 1791, 2 кн. (дурной) и Herren von Lesseps, Gefährten des Grafen de la Perouse, Reise durch Kamtschatka und Sibirien nach Frankreich. Aus d. Franz. übers. Mit Anmerkungen von Joh. Reinh. Forster, Berlin, 1791; далѣе два голландскихъ перевода, 1791—1792 и 1805, и шведскій, Упсала, 1793; наконецъ, русскій: Лессепсово путешествіе по Камчаткѣ и по южной сторонѣ Сибири; переводъ съ французскаго, три части, М. 1801—1802. Мы пользовались нѣмецкимъ изданіемъ Форстера.

своей книги,—и однако я нахожусь уже въ замѣчательнѣйшемъ періодѣ моей жизни": такимъ періодомъ казалось автору его участіе въ знаменитомъ путешествіи, которое совершали тогда кругомъ свѣта два французскіе фрегата, La Boussole и l'Astrolabe, подъ командою графа Лаперуза и виконта де-Лангля. „Какъ лестно для меня, что я послѣ счастія пробыть два года въ свитѣ графа Лаперуза, обязанъ ему еще честью доставить сухимъ путемъ его депеши во Францію. Я могу приписать оказанное мнѣ преимущество только тому обстоятельству, что для этого путешествія необходимо было выбрать человѣка, который говорилъ по-русски и жилъ уже въ Россіи". Изъ этого послѣдняго обстоятельства видно, что Лессепсъ больше другихъ иностранцевъ, заѣзжавшихъ въ Сибирь, могъ понимать окружающее и легче пріобрѣтать свѣдѣнія въ прямыхъ бесѣдахъ съ русскими туземцами. Почти вся его книга цѣликомъ посвящена странамъ, наименѣе посѣщавшимся путешественниками и прежде, и послѣ, именно Камчаткѣ, берегу Охотскаго моря и пути отъ Охотска до Иркутска; дальнѣйшему путешествію отъ Иркутска до Петербурга и Версаля дано всего нѣсколько страницъ, какъ и слѣдовало. Отъ Авачинской гавани онъ проѣхалъ всю Камчатку до сѣвернаго пункта Пенжинскаго залива, далѣе берегомъ моря до Охотска, затѣмъ съ Охотска сухимъ путемъ до Якутска, наконецъ, вверхъ по Ленѣ до Иркутска. Эта поѣздка заняла съ остановками, какъ мы видѣли, почти одиннадцать мѣсяцевъ, такъ что путешественникъ могъ дѣлать свои наблюденія не торопясь и могъ присмотрѣться хорошо какъ къ мѣстности, такъ и къ быту и нравамъ тѣхъ инородцевъ, какіе встрѣчались на его пути. Въ своихъ наблюденіяхъ онъ былъ вообще очень внимателенъ: быть можетъ, знаніе русскаго языка легче сближало его съ людьми или участвовалъ здѣсь личный характеръ, но у него совсѣмъ нѣтъ тѣхъ отталкивающихъ свойствъ, какія отличали его соотечественника, аббата Шаппа; онъ относится съ любознательностью и участіемъ къ оригинальному быту полудикихъ инородцевъ, умѣетъ подмѣтить, что бывало симпатичнаго въ ихъ природѣ, и его непритязательный разсказъ очень занимателенъ. Племена, которыя онъ наблюдалъ, были камчадалы, коряки, чукчи, кочевые тунгусы, якуты и буряты. Между прочимъ онъ записываетъ свѣдѣнія о Беньовскомъ, слышанныя въ Камчаткѣ [1]); въ Якутскѣ онъ встрѣтился и познакомился съ Биллингсомъ. У русскихъ онъ встрѣчалъ вообще большое гостепріимство — и нѣмецкій издатель жалуется, что авторъ благодаритъ ихъ за это слишкомъ большимъ количествомъ компли-

---

[1]) Стр. 68—69 нѣмецкаго изданія.

ментовъ, которое въ нѣмецкомъ изданіи нашли нужнымъ нѣсколько укоротить.

Въ 1796 году вышла не лишенная интереса книга Сиверса [1]). Этотъ ученый аптекарь разсказываетъ, что его собственное желаніе видѣть такую замѣчательную страну, какъ Сибирь, побудило его принять участіе въ экспедиціи, которая послана была по повелѣнію императрицы Екатерины съ цѣлью распространенія и улучшенія сибирскаго ревеня и сродныхъ ему растеній: хотѣли испытать, нельзя ли посредствомъ перемѣны почвы, пересадки и другихъ вспомогательныхъ средствъ, изъ извѣстныхъ родовъ этого растенія добыть хорошаго ревеню, который равнялся бы „красотой“ и силою китайскому или бухарскому. Замѣтимъ, что русское правительство давно уже обратило вниманіе на торговлю этимъ растеніемъ и на разведеніе его, и передъ путешествіемъ Сиверса еще разъ издано было распоряженіе о разведеніи ревеня въ мѣстахъ къ тому удобныхъ и о награжденіи тѣмъ людямъ, которые будутъ этому способствовать [2]). Сиверсъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ путешествіемъ. „Искренность и строжайшая любовь къ истинѣ всегда водили моимъ перомъ“, предупреждаетъ онъ въ предисловіи, и, кромѣ сообщенія научныхъ свѣдѣній, „я при изданіи своихъ писемъ имѣлъ еще и другую цѣль, а именно, искоренить тотъ злой предразсудокъ, который еще многіе, особливо за границей, имѣютъ о Сибири. Сибирь, это такая превосходная страна (vortreffliches Land), какая только можетъ быть на свѣтѣ подъ той же широтой. Вслѣдствіе неутомимаго попеченія и безпримѣрнаго, исполненнаго мудрости правленія нашей могущественнѣйшей монархини Екатерины II, большіе непроходимые лѣса и пустыни почти невѣроятнымъ образомъ превращены здѣсь въ населенныя большія дороги, и пустыя равнины — въ плодороднѣйшія поля. Въ этой громадной по пространству землѣ можно путешествовать теперь съ такою безопасностью, быстротой и удобствомъ, примѣра которыхъ не можетъ представить никакое другое царство въ свѣтѣ на такихъ большихъ пространствахъ. Дороги хороши и безопасны; гдѣ нужно, содержатся мосты; почтовая ѣзда быстрая и дешевая, и вездѣ можно имѣть средства пропитанія. Разбитая посуда бываетъ вездѣ; поэтому несправедливо было бы требовать,

---

[1]) Johann Sievers, Russisch kayserl. Apothekers, des S.-Petersburgischen Akademie der Wissenschaften und der freyen ökonomischen Gesellschaft Mitgliedes, Briefe aus Sibirien an seine Lehrer, den Königl. Grosbritannischen Hofapotheker Herrn Brande, den Königl. Grosbritannischen Botaniker Herrn Ehrhart, und den Bergcommissarius und Rathsapotheker Herr Westrumb. S.-Petersburh, bey Zacharias Logan, 1796.

[2]) Полное Собр. Законовъ, т. XXIII, № 16808.

чтобы все въ Сибири было совершенно. Такъ, напримѣръ, гостинницы принадлежатъ въ Сибири къ самымъ рѣдкимъ вещамъ; зато, конечно, ни въ какой странѣ на свѣтѣ нѣтъ бо́льшаго гостепріимства. Каждый путешественникъ хорошаго поведенія вездѣ, особливо у добраго сельскаго народа, можетъ быть увѣренъ въ самомъ сердечномъ пріемѣ. Однимъ словомъ, Сибирь исполинскими шагами приближается къ самымъ просвѣщеннымъ странамъ Европы". Такіе оптимисты были рѣдки.

Письма Сиверса начинаются съ Иркутска въ январѣ 1790 года и оканчиваются въ Кяхтѣ въ маѣ 1794; закончена книга въ Петербургѣ въ мартѣ 1795 года. Сиверсъ побывалъ во многихъ мѣстахъ Сибири: онъ бывалъ и гораздо дальше Иркутска, не одинъ разъ былъ въ Кяхтѣ и въ горахъ Яблоннаго хребта, въ Алтаѣ, въ Киргизскихъ степяхъ; вездѣ онъ ботанизировалъ и приводитъ въ письмахъ списки имъ собранныхъ растеній, дѣлаетъ замѣчанія о физическихъ свойствахъ страны и ея жителяхъ, и этотъ послѣдній отдѣлъ его путешествія представляетъ не мало общаго интереса; въ киргизской степи онъ велъ настоящій дневникъ — такъ любопытна казалась ему кочевая жизнь, которую онъ здѣсь наблюдалъ. Въ горахъ Яблоннаго хребта онъ описываетъ село, обитаемое польскими и малорусскими крестьянами, конечно ссыльными, которые поселены были здѣсь лѣтъ за тридцать передъ тѣмъ. Замѣтимъ, что и Палласъ отмѣчаетъ уже въ Сибири польскія деревни. По словамъ Сиверса, жители ихъ рѣзко отличались отъ русскихъ туземцевъ, и черезъ нихъ стало утверждаться здѣсь земледѣліе, садоводство, потому что до ихъ прибытія даже родившіеся здѣсь русскіе жили почти кочевымъ образомъ, съ тою только разницей, что имѣли деревни и постоянные дома. Отъ этихъ новыхъ поселенцевъ стали заимствовать земледѣліе даже настоящіе номады, монголы, среди которыхъ они жили. Русскихъ туземцевъ и крещеныхъ монголовъ Сиверсъ описываетъ какъ людей лѣнивыхъ и коварныхъ, но поляки составляютъ прямую противоположность: „быть можетъ, и они испортятся со временемъ" [1]).

Патріархальный кочевой бытъ, съ которымъ Сиверсъ ознакомился у киргизовъ, приводитъ нашего путешественника въ восхищеніе своею близостью къ природѣ, простотою жизни, потребностей и обычаевъ. Онъ мечтаетъ даже, какъ хорошо было бы удалиться сюда отъ трудной жизни въ средѣ цивилизованнаго міра. Его знакомство съ киргизами было очень благодушное: нѣсколько ничтожныхъ подарковъ расположили къ нему населеніе и мужское, и женское. „Я

---

[1]) Стр. 41.

въ полнѣйшей мѣрѣ наслаждался здѣсь сельскимъ счастіемъ... Оставшись одинъ въ юртѣ, я развалился какъ султанъ на своей софѣ и размышлялъ о крайне блаженномъ состояніи номадовъ. Въ то время, какъ они переживаютъ самые беззаботные, веселые часы, европеецъ мучится тѣмъ, какъ пріобрѣсти славу, почести, богатство, высокія почетныя мѣста и пр.—на коротенькую жизнь. Сто разъ пробѣгала у меня въ головѣ мысль покинуть свою должность и вернуться сюда, къ народамъ, у которыхъ, я могъ бы почти сказать, господствуетъ безгрѣшная жизнь и истинное delizioso far niente итальянцевъ. Но, къ сожалѣнію, я нашелъ, что я еще слишкомъ мало философъ; склонность къ европейцамъ на этотъ разъ еще одержала верхъ. Чего не дѣлаетъ воспитаніе?" [1])

Было, наконецъ, еще нѣсколько случайныхъ событій и путешествій, которыя такъ или иначе обращали вниманіе на Сибирь и заставляли говорить о ней. Такова была исторія знаменитаго авантюриста, графа Морица-Августа Беньовскаго (1741—1786). Уроженецъ Венгріи, онъ имѣлъ хорошее образованіе, между прочимъ былъ знакомъ съ морскимъ дѣломъ, былъ человѣкъ энергичный и предпріимчивый. Принявши участіе въ польской конфедераціи, онъ былъ захваченъ русскими въ плѣнъ, и въ 1770 сосланъ въ Камчатку. Здѣсь, какъ извѣстно, онъ съумѣлъ пріобрѣсти расположеніе и довѣріе начальника края и въ 1771 году, составивши между ссыльными заговоръ, бѣжалъ на кораблѣ, захвативъ значительную сумму денегъ. Впослѣдствіи, въ 1774, по порученію французскаго правительства, онъ основалъ колонію на Мадагаскарѣ, гдѣ туземныя племена, которымъ онъ умѣлъ внушить довѣріе, провозгласили его королемъ, но когда французское правительство отказало въ дальнѣйшей поддержкѣ этому предпріятію, онъ вернулся въ Европу, былъ нѣкоторое время въ австрійской службѣ, а затѣмъ нашедши средства для мадагаскарской колоніи у англичанъ и американцевъ, отправился на Мадагаскаръ, и здѣсь въ сраженіи съ французами былъ тяжело раненъ и умеръ. Его автобіографія издана была по-англійски въ 1790, и въ переводахъ обошла всю Европу. Его романическіе подвиги не разъ служили предметомъ поэтическихъ пересказовъ.

Еще со временъ Петра Великаго въ Сибирь стали высылать множество плѣнныхъ; во время Сѣверной войны это были особливо шведы. Ссылка плѣнныхъ продолжалась и впослѣдствіи, и ко второй половинѣ столѣтія въ Сибири собралось много плѣнныхъ разныхъ племенъ—нѣмцевъ, шведовъ, поляковъ, наконецъ французовъ. Огромное большинство этихъ плѣнныхъ оставалось въ Сибири навсегда;

---

[1]) Стр. 161—162.

много ихъ погибало отъ трудныхъ работъ и лишеній; другіе обращались въ поселенцевъ и въ слѣдующихъ поколѣніяхъ сливались съ русскими. Находились между ними люди образованные, ремесленники, трудъ которыхъ не остался безъ пользы для мѣстной культуры. Нѣкоторые, по окончаніи войнъ, освобождались изъ ссылки; мы называли выше Табберта-Штраленберга, который сдѣлался однимъ изъ первыхъ описателей Сибири. Нѣкоторые оставили разсказы о своемъ плѣнѣ

Таковы, напримѣръ, записки французскаго офицера Белькура [1]). Въ 1769 году онъ вступилъ на службу польской конфедераціи, но едва успѣлъ явиться на мѣсто служенія, какъ уже долженъ былъ раскаяться въ своемъ рѣшеніи. Дѣло конфедератовъ велось крайне безпорядочно, и въ первой серьезной стычкѣ Белькуръ попался въ плѣнъ русскимъ. Съ декабря того же года начинаются мытарства несчастнаго полковника: въ русскомъ лагерѣ онъ уже испыталъ суровое обращеніе и разсказываетъ объ ужасныхъ, похожихъ на турецкія, жестокостяхъ одного изъ русскихъ начальниковъ (стр. 25, примѣчаніе). Въ январѣ слѣдующаго года, его съ цѣлымъ отрядомъ плѣнныхъ отправили сначала въ Кіевъ, а оттуда черезъ Тулу и Казань въ Тобольскъ, куда они прибыли въ октябрѣ 1770: уже въ Кіевѣ много плѣнныхъ умерло отъ лишеній. Плѣнъ въ Сибири продолжался три года: въ сентябрѣ 1773, вѣроятно вслѣдствіе окончанія перваго раздѣла Польши, плѣннымъ иностранцамъ объявили, что они свободны; въ декабрѣ Белькуръ былъ опять въ Казани, которую нашелъ въ тревогѣ отъ Пугачева, а въ февралѣ 1774 въ Москвѣ, гдѣ былъ также свидѣтелемъ возбужденія, однажды, какъ извѣстно, охватившаго и московское простонародье вслѣдствіе слуховъ о Пугачевѣ. Наконецъ, черезъ Варшаву онъ возвратился въ свое отечество.

Въ предисловіи издателя замѣчено, что авторъ, котораго „трехлѣтнее пребываніе въ Сибири заставило почти забыть французскій языкъ“ (хотя онъ не овладѣлъ порядочно и русскимъ), просилъ его просмотрѣть и исправить его журналъ и что цѣлью автора при изданіи его книги было довести до свѣдѣнія русской монархини, какъ мало исполняются тѣ повелѣнія, какія внушаются этой государынѣ ея человѣколюбіемъ и благожелательнымъ сердцемъ въ пользу тѣхъ, кто сосланъ въ Сибирь или кого приводятъ туда, какъ военноплѣнныхъ, или, наконецъ, кого поселяютъ тамъ для увеличенія населенія страны. Авторъ хотѣлъ дать понятіе о безнаказанномъ самоуправствѣ губер-

---

[1]) Relation ou Journal d'un officier françois au service de la confédération de Pologne, pris par les Russes et relégué en Sibérie. Amsterdam, MDCCLXXVI. Книга издана безъ имени, но авторъ названъ въ текстѣ, напр., стр. 64 (colonel de Belcourt), и въ другихъ мѣстахъ книги. Тогда же вышелъ нѣмецкій переводъ. (Въ „Russica“ Публ. Б-ки s. v. Thesby de Belcourt).

наторовъ и ихъ чиновниковъ, по крайпей мѣрѣ большинства изъ нихъ, безнаказанномъ вслѣдствіе дальности ихъ отъ императорскаго двора; о жалкомъ положеніи тѣхъ, кто находится подъ властью ихъ произвола или своекорыстія; наконецъ, авторъ хотѣлъ дать понятіе о свойствахъ страны, о жителяхъ, ихъ нравахъ и, наконецъ, исправить ошибочныя свѣдѣнія, сообщаемыя многими авторами и особенно Вольтеромъ, который, по словамъ Белькура, не имѣя понятія о предметѣ, хорошо зналъ только рубли.

Разсказъ дѣйствительно преисполненъ примѣрами всякаго рода притѣсненій, которыя авторъ вмѣстѣ со многими другими плѣнными испытывалъ съ первыхъ минутъ своего плѣна и до объявленія ему свободы, и эти подробности весьма правдоподобны. Еще не доѣзжая до Тобольска и послѣ, Белькуръ обращался съ жалобами къ графу Чернышеву на тѣ притѣсненія и несправедливости, какимъ онъ постоянно подвергался; долго не было никакого отвѣта на его просьбы о защитѣ, но когда пришелъ, наконецъ, отвѣтъ съ выговоромъ тобольскому губернатору, этотъ послѣдній крайне раздражился и грозилъ плѣннымъ, что будетъ держать ихъ еще хуже (стр. 91); въ то же время онъ нерѣдко приглашалъ французскихъ офицеровъ къ себѣ, причемъ, однако, весьма сурово отзывался о врагахъ отечества. Занятый прежде всего своимъ положеніемъ, Белькуръ много разсказываетъ о характерѣ сибирскихъ властей, о крайнемъ ихъ самоуправствѣ, о тяжелыхъ поборахъ, т.-е. взяткахъ, какія они берутъ особливо съ купцовъ и со всѣхъ, кто имѣетъ къ нимъ какое-нибудь дѣло; о печальномъ состояніи плѣнныхъ и вообще ссыльныхъ, зависящихъ вполнѣ отъ произвола губернатора, наконецъ о характерѣ народа и внѣшности города, въ которомъ онъ долго прожилъ. Для исторіи старыхъ сибирскихъ нравовъ здѣсь найдутся любопытныя черты. Обыкновенные ссыльные кажутся автору въ большинствѣ чрезвычайно испорченными и всего больше, можетъ быть, вслѣдствіе ихъ беззащитнаго положенія, между тѣмъ какъ среди ихъ есть люди, которые могли бы быть очень полезны для края своимъ трудомъ и знаніемъ, напр., въ ремеслахъ. Безъ правильнаго устройства ихъ труда они дѣлаются только причиной порчи и самого туземнаго населенія: подъ ихъ вліяніемъ, — говоритъ Белькуръ, — „теперь кажется, что одинъ изъ главныхъ пунктовъ воспитанія у мѣстныхъ жителей, это — научиться самому тонкому плутовству и держать свое слово только тогда, когда это имъ выгодно. Когда они узнаютъ болѣе смѣлаго лжеца и болѣе ловкаго плута, чѣмъ они сами, они считаютъ его великимъ политикомъ и тѣмъ больше его уважаютъ: самъ губернаторъ сдѣлалъ себѣ большую репутацію въ этомъ родѣ“. Белькуръ увѣренъ, однако, что сибирская жизнь могла бы быть совсѣмъ иною.

„Еслибы явился въ Сибирь губернаторъ просвѣщенный и который цѣпилъ бы честность, любовь къ общественному благу, согласно съ повелѣніями благонамѣренной власти, онъ могъ бы сдѣлать эту страну одною изъ самыхъ цвѣтущихъ. Все здѣсь достаточно изобильно, чтобы можно было обходиться безъ помощи сосѣдей. Здѣсь много очень богатыхъ и изобильныхъ рудниковъ; мѣха всякаго рода и въ изобиліи; съѣстные припасы очень дешевы [1]); но другія вещи продаются на вѣсъ золота. Причина этого злоупотребленія — недостатокъ хорошаго управленія. Тѣ, кто правитъ дѣлами, слѣдуютъ только законамъ своей прибыли или своего каприза. Они ни въ чемъ не откажутъ тому, кто сдѣлаетъ имъ самый большой подарокъ, даже въ самой вопіющей несправедливости. Вслѣдствіе этого каждый держится на-сторожѣ, подавляетъ въ себѣ соревнованіе въ торговлѣ и въ искусствахъ, и всѣ живутъ, какъ говорится, со дня на день; но всегда внимательные къ случаю одурачить другихъ или остерегаться отъ обмана самимъ, они дошли въ этомъ до такого совершенства, что могли бы давать въ этомъ отношеніи уроки самому утонченному итальянцу“ [2]).

„Житель Сибири есть настоящій рабъ подъ властью тирановъ. Онъ не можетъ разсчитывать, что завтра будетъ имѣть то, чѣмъ владѣетъ сегодня“. Белькуръ разсказываетъ о тобольскомъ плацъ-майорѣ (о губернаторѣ нечего и говорить): „извѣстно всѣмъ, и онъ самъ открыто говоритъ, что хлѣбъ, мясо, дичь, водка, чай, сахаръ, кофе и другая провизія не стоютъ ему ничего“, и т. п.

„Сибирскіе туземцы крайне грубы (de la dernière rusticité), выносливы, чрезвычайно трезвы и ведутъ жизнь самую умѣренную“,— только въ праздники они предаются необузданному пьянству. „Но у нихъ много охоты и способности усвоивать все, чему ихъ научаютъ. Нельзя лучше владѣть топоромъ. Съ однимъ этимъ орудіемъ они обыкновенно дѣлаютъ себѣ дома, столы, стулья и другія вещи этого рода, необходимыя въ хозяйствѣ. Кромѣ пьянства и храбрости, сибирскій народъ очень похожъ на туземцевъ Канады [3]). Ихъ лодки, весла, топоры, шубы, платье, манера садиться на лошадей и много другихъ вещей почти совершенно одинаковы. Сибиряки отличаются добродушіемъ; они очень услужливы и гостепріимны. Но жестокость управленія ввела пороки, которыхъ они не знали бы, еслибы страхъ не сдѣлалъ ихъ лжецами и плутами, а бѣдность—негодяями, какіе только есть“. Отзывъ Белькура о сибирскихъ женщинахъ также не весьма благопріятенъ (стр. 108, 111—112).

---

[1]) Онъ приводитъ образчики въ самомъ дѣлѣ удивительныхъ цѣнъ.

[2]) Стр. 81—83, также стр. 104, 108 и др.

[3]) Белькуръ зналъ эту страну по своей прежней службѣ.

Но, несмотря на эти отзывы о сибирскомъ народѣ, Белькуръ въ концѣ книги приходитъ къ очень распространенному тогда, если не общему, мнѣнію на западѣ, что русскіе такъ грубы или такъ испорчены, что ими можно управлять только страхомъ и палкой (стр. 236—237).

Отмѣтимъ еще разсказъ о завоеваніи Сибири, гдѣ Белькуръ опровергаетъ „ошибки" Вольтера по этому предмету. Завоевателемъ Сибири Белькуръ называетъ не Ермака, а яицкаго казака Нечаева [1]): исторія та же, какъ исторія Ермака, но приправлена сентиментальными подробностями.

Попался въ русскій плѣнъ и одинъ нѣмецкій почтмейстеръ, изъ Пиллау въ Помераніи, нѣкто Вагнеръ, также оставившій описаніе своего плѣна [2]). Дѣло было во время Семилѣтней войны; сѣверо-восточная часть Пруссіи занята была русскими; въ одно прекрасное утро почтмейстеръ въ Пиллау былъ арестованъ, и началось слѣдствіе по какому-то политическому дѣлу, о которомъ Вагнеръ не даетъ яснаго понятія,—видно, однако, что арестъ не былъ лишенъ основанія и что почтмейстеръ участвовалъ въ какомъ-то мелкомъ заговорѣ противъ русскихъ. Черезъ нѣсколько времени ему объявленъ былъ приговоръ—смертная казнь, замѣненная ссылкою въ Сибирь. Черезъ Москву и Казань Вагнеръ и двое другихъ осужденныхъ были увезены въ Тобольскъ, въ закрытыхъ кибиткахъ, подъ строжайшимъ присмотромъ, отъ котораго Вагнеръ откупался по временамъ взятками провожавшему ихъ офицеру. Въ первое время ареста и на пути почтмейстеру пришлось испытать не мало непріятностей, но въ Тобольскѣ жилось ему уже свободнѣе, а другой надзиратель, который потомъ свезъ его дальше въ Мангазею, былъ человѣкъ добрый, какъ и мангазейскій воевода. Вообще ссыльный чувствовалъ себя не такъ дурно; онъ былъ человѣкъ запасливый: еще на выѣздѣ изъ Пруссіи онъ успѣлъ взять съ собой денегъ, такъ что на дорогѣ и въ Сибири могъ помогать своимъ товарищамъ и самъ не нуждался; деньги были нужны и для взятокъ, безъ которыхъ, по словамъ его, обойтись у русскихъ нельзя. Въ Сибири Вагнеръ прожилъ до 1763 года; въ іюнѣ этого года онъ получилъ свободу и возвратился домой въ началѣ 1764 года, въ тотъ же самый день въ февралѣ, въ который былъ оттуда вывезенъ въ 1759 году. Предусмотрительный почтмей-

---

[1]) „Neizaieff, Cosaque de la nation de Yéichk", стр. 192—194.

[2]) Johann Ludwig Wagners, gegenwärtig Königl. Preuss. Postdirectors zu Graudenz, Schicksale während seiner unter den Russen erlittenen Staatsgefangenschaft in den Jahren 1759 bis 1763, von ihm selbst beschrieben und mit unterhaltenden Nachrichten und Beobachtungen über Sibirien und das Königreich Casan durchwebt, и проч. Mit 5 Kupfern. Berlin, 1789.

стеръ захватилъ съ собою въ Сибирь скрипку и флейту, на которыхъ имъ съ товарищемъ и случалось играть по дорогѣ и которыми потомъ онъ развлекался въ ссылкѣ. Забавно, что, вернувшись въ Пруссію, онъ желалъ представиться королю, успѣлъ въ этомъ — подалъ королю просьбу и *счетъ* въ 6000 рейхсталеровъ[1]); повидимому, такъ оцѣнилъ онъ свои убытки отъ преданности отечеству. Король, по его словамъ, милостиво принялъ его записку и счетъ, но по счету не заплатилъ; на другой день почтмейстеру-патріоту было объявлено, что Семилѣтняя война обошлась слишкомъ дорого, и ему не могутъ теперь помочь деньгами, но что ему опять дадутъ мѣсто въ почтовомъ вѣдомствѣ. Онъ возвратился въ свой Пиллау, откуда потомъ переведенъ былъ въ Грауденцъ, причемъ жалуется опять, что переселеніе принесло ему убытокъ въ 2000 рейхсталеровъ.

Изъ этого можно видѣть, что Вагнеръ былъ человѣкъ обстоятельный. Къ русскимъ онъ относился съ большимъ пренебреженіемъ, съ высоты своего нѣмецкаго просвѣщенія и аккуратности; но въ Сибири онъ встрѣчалъ, однако, людей столь добродушныхъ, что они, кажется, умиротворили его въ тяжеломъ положеніи ohne Umgang mit gesitteten Menschen. Почти все время своей ссылки онъ прожилъ въ Мангазеѣ и умѣлъ наполнять свое время, читалъ три книжки, которыя успѣлъ захватить съ собою и, наконецъ, почти выучилъ наизусть, игралъ на скрипкѣ и на флейтѣ, училъ своего тюремщика, унтеръ-офицера, танцамъ, а у него учился русской азбукѣ, хотя говоритъ, что еще въ Пруссіи зналъ нѣсколько по-русски.

Разсказъ Вагнера сосредоточенъ, главнымъ образомъ, на его особѣ, но пришлось при этомъ разсказать и объ окружавшей его обстановкѣ, и нѣсколько замѣчаній о сибирскихъ обычаяхъ, о тогдашнемъ бытѣ инородцевъ (онъ видѣлъ татаръ, самоѣдовъ, тунгусовъ, якутовъ, юраковъ), доставляютъ историческія черты, не лишенныя интереса. Между прочимъ, приглядѣвшись къ русскимъ, онъ, кажется, нѣсколько примирился съ ними и сталъ выше цѣнить и ихъ характеръ, и способности. Напримѣръ, онъ приходитъ въ восторгъ отъ сибирской рѣзьбы изъ дерева и мамонтовой кости, гдѣ простые люди самоучкой достигали большого совершенства: „Русскій остроуменъ и изобрѣтателенъ, —замѣчаетъ онъ по этому поводу, — и сколько я могу судить объ этомъ, ждетъ только образованія его врожденныхъ талантовъ, чтобы стать великимъ художникомъ“ (стр. 106).

Упомянемъ, наконецъ, объ одной книжкѣ, которая нѣсколько

---

[1]) „Indem Se. Majestät nach der Parade zum Schlosse ging, trat ich auf der grünen Brücke vor, und überreichte ein Memorial nebst einer *Rechnung* von 6000 Reichsthalern. Der Monarch aüsserte sich gnädig, hiess mich willkommen aus Sibirien“ и пр., стр. 207.

обманываетъ своимъ заглавіемъ [1]). Эта книга предназначалась быть исторіей французской эмиграціи, съ описаніемъ тѣхъ странъ, куда эмиграція удалялась. Въ разсказѣ о бѣгствѣ эмигрантовъ, который долженъ былъ служить „страшнымъ урокомъ для всѣхъ націй", между прочимъ названъ длинный рядъ лицъ старой французской знати, которымъ пришлось совсѣмъ демократизироваться и поселиться въ чужихъ странахъ. Между прочимъ, приведенъ списокъ лицъ, графовъ, маркизовъ и виконтовъ, поселившихся на Волыни, и списокъ женщинъ, графинь и маркизъ, „которыхъ мужья были убиты и которыя послѣдовали за другими эмигрантами въ Камчатку" (стр. 61). Самыя описанія, кажется, состоятъ только изъ перепечатокъ.

---

[1]) Voyages et aventures des émigrés français depuis le 14 juillet 1789 jusqu'à l'an VII, époque de leur expulsion par différentes puissances de l'Europe, dans la Volhinie, le gouvernement d'Achangel, la Sibérie, la Samojédie, le Kamtchatka, les îles Canaries, l'île de Mayorque, Minorque, le Canada, etc. Avec les noms d'un grand nombre d'émigrés remarquables par les évenements qu'ils ont éprouvés и проч. Par L. M. H. Paris. An VII de la République. 2 небольшихъ тома.

ГЛАВА V.

Время Александровское и Николаевское, до сороковыхъ годовъ.

Ученыя предпріятія XIX вѣка.

Путешествія Александровскаго времени: плаванія Крузенштерна и Лисянскаго, Геденштрома, Хвостова и Давыдова, Головнина, Коцебу, Литке.—Путешествіе Врангеля, Анжу и Матюшкина.—Кохрэнъ.

Николаевское время: Ледебуръ, Ганстенъ, Эрманъ.

„Землевѣдѣніе" Риттера.—„Средняя Азія" Александра Гумбольдта.—Экспедиція Миддендорфа.

Мы говорили до сихъ поръ съ нѣкоторою подробностью о постепенномъ ходѣ изслѣдованій Сибири, которыя всего чаще были открытіями: страна была неизслѣдована; рядъ путешественниковъ и предпріимчивыхъ людей отправлялся, наугадъ, отыскивать новыя земли, извѣстныя только по слухамъ; ученые естествоиспытатели, географы, астрономы, въ первый разъ опредѣляли географическія мѣстности, свойства природы, описывали невиданныя прежде племена. Къ концу XVIII-го вѣка первоначальный трудъ былъ довершенъ, но оставалось еще громадное поле наблюденій всякаго рода: сѣверныя и восточныя очертанія Сибири не были положены на карты съ полною точностью; въ серединѣ материка далеко не закончены были изслѣдованія мѣстностей и племенъ; для натуралистовъ оставалось множество недостаточно изученныхъ вопросовъ; большинство старыхъ астрономическихъ опредѣленій оказывались неудовлетворительными. Наконецъ, предстоялъ громадный и высоко-интересный трудъ научныхъ обобщеній.

Все это составило предметъ новыхъ изслѣдованій, исполненныхъ въ теченіе XIX-го вѣка и еще исполняемыхъ до настоящей минуты.

Масса этихъ новѣйшихъ изслѣдованій такъ громадна, она обнимаетъ такое множество спеціальныхъ изысканій, что подробное указаніе ихъ становится недоступнымъ для общаго обозрѣнія, какое мы имѣемъ въ виду; эти подробности принадлежатъ спеціальнымъ наукамъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ имена многихъ изслѣдователей Сибири въ различныхъ областяхъ природы и исторіи пользуются такою широкою славой, что намъ довольно будетъ иногда только назвать тѣ труды, чтобы указать, какое обиліе научнаго знанія было примѣнено къ изслѣдованію этой страны. Какъ ни были велики усилія, потраченныя XVIII-мъ и даже XVII-мъ вѣкомъ на описаніе Сибири, какъ ни были велики основные результаты, достигнутые старинными походами, плаваніями и экспедиціями, все это въ научномъ отношеніи не идетъ ни въ какое сравненіе съ тѣми громадными научными предпріятіями, какія совершены были въ нашемъ вѣкѣ и которыя окончательно ввели изученіе Сибири въ область европейской науки.

Въ царствованіе императора Александра I сибирскія изслѣдованія сравнительно были немногочисленны: политическія событія слишкомъ отвлекали вниманіе правительства, и послѣ большихъ экспедицій XVIII-го вѣка научное преданіе нѣсколько ослабѣло. Тѣмъ не менѣе, первымъ десятилѣтіямъ нашего вѣка принадлежитъ нѣсколько замѣчательныхъ предпріятій, между прочимъ коснувшихся и Сибири. Таково было, напримѣръ, первое русское кругосвѣтное плаваніе знаменитаго Крузенштерна и его сотоварища Лисянскаго [1].

Первоначальная мысль путешествія принадлежала самому Крузенштерну, который раньше плавалъ на англійскомъ кораблѣ въ Остъ-Индію, оттуда бывалъ въ Кантонѣ въ 1798—99 годахъ, и заинтересованный русской мѣховой торговлей съ Китаемъ, которая шла изъ Охотска сухимъ путемъ на Кяхту, дѣлалъ предположенія о томъ, что она болѣе выгодно могла идти прямо, моремъ. Въ Петербургѣ онъ дѣлалъ о томъ представленія властямъ, и, наконецъ, рѣшена была кругосвѣтная экспедиція, которая между прочимъ должна была выяснить этотъ предметъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду установить прямыя сношенія метрополіи съ американскими владѣніями,

---

[1]) „Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 4, 5, 1806 годахъ, по повелѣнію Его Императорскаго Величества Александра Перваго, на корабляхъ „Надежда“ и „Нева“, подъ начальствомъ флота капитанъ-лейтенанта Крузенштерна“. 3 части, съ атласомъ, Спб. 1809—1813. Нѣмецкій переводъ, Спб. 1810—14; Берлинъ, 1811—12, и въ тѣ же годы шведскій, голландскій, англійскій, итальянскій (1818), датскій (1818), французскій (1821).

— „Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 4, 5 и 1806 годахъ, на кораблѣ „Нева“ подъ начальствомъ флота капитанъ-лейтенанта Юрія Лисянскаго“. 2 части, съ атласомъ. Спб. 1812. Англійскій переводъ, Лондонъ, 1814: Urey Lisiansky, „A voyage round the world“, и пр.

для болѣе удобной доставки необходимыхъ тамъ вещей, о чемъ хлопотала россійско-американская компанія. Всего больше устройству плаванія содѣйствовали извѣстный Н. П. Мордвиновъ и гр. Н. П. Румянцовъ, тогда министръ коммерціи [1]).

Экспедиція направилась изъ Петербурга черезъ Атлантическій океанъ и обогнула мысъ Горнъ, и затѣмъ, на сѣверѣ Тихаго океана изъ русскихъ и сосѣднихъ земель обратила особенное вниманіе на Камчатку, Курильскіе острова и Сахалинъ [2]). Это было первое русское кругосвѣтное плаваніе: въ запискахъ Крузенштерна ведется любопытный разсказъ о видѣнномъ имъ въ теченіе пути, особливо о бытѣ и о нравахъ посѣщенныхъ экспедиціею дикарей; въ великолѣпномъ по своему времени атласѣ находятся многочисленные карты, планы и рисунки — любопытные, вмѣстѣ съ разсказомъ, для современныхъ антропологовъ. Въ Камчаткѣ и на смежныхъ островахъ Крузенштернъ разсказываетъ особливо объ аинахъ, обитателяхъ Сахалина, чукчахъ и пр., и въ приложеніи помѣстилъ словарь, въ 2.000 словъ, аиносскаго языка, составленный лейтенантомъ Давыдовымъ, и небольшой сборникъ чукотскихъ словъ, составленный поручикомъ Д. Кошелевымъ.

Лисянскій командовалъ вторымъ кораблемъ экспедиціи и шелъ иногда врозь съ первымъ; поэтому въ его книгѣ являются новые предметы наблюденій, а по прибытіи на мѣсто Лисянскій направился къ берегу Америки и даетъ подробное описаніе Ситхи (онъ называетъ ее Ситка) и острова Кадьяка; между прочимъ, Лисянскому пришлось принять участіе въ окончательномъ покореніи жителей Ситхи. И здѣсь находятся этнографическія подробности о туземныхъ инородцахъ, описаніе ихъ обычаевъ и четыре сборника словъ изъ языка различныхъ жителей Кенайскаго залива, Кадьяка, Ситхи и Уналашки.

Румянцовъ былъ особливо заинтересованъ подобными путешествіями, и въ естественно-историческомъ отдѣлѣ его музея собралось не мало предметовъ, собранныхъ въ этихъ экспедиціяхъ. Нѣсколько лѣтъ спустя имъ снаряжено было плаваніе Геденштрома, въ 1809 г., для изслѣдованія острова Новая Сибирь, на сѣверъ отъ устья Индигирки, открытаго передъ тѣмъ, въ 1806 году, купеческимъ сыномъ Сыроватскимъ [3]).

[1]) Но экспедиція не была снаряжена на средства послѣдняго, какъ говоритъ Венюковъ. Aperçu, стр. 11.

[2]) Венюковъ упрекаетъ Крузенштерна въ ошибкѣ, что онъ считалъ Сахалинъ полуостровомъ, и дѣйствительно такъ онъ названъ и (неясно) изображенъ на картѣ; но въ текстѣ книги, т. II, гл. V, Сахалинъ трактуется какъ островъ и говорится о Татарскомъ „проливѣ“.

[3]) Его записки изданы были позднѣе: „Отрывки о Сибири. М. Геденштрома“.

Въ одно время съ книгами Крузенштерна и Лисянскаго вышло въ свѣтъ описаніе путешествій, сдѣланныхъ ранѣе двумя морскими офицерами, Хвостовымъ и Давыдовымъ, которые дѣлали изысканія въ Охотскомъ морѣ и вообще въ сѣверной части Тихаго океана [1]).

Съ 1807 года начинаются путешествія В. М. Головнина [2]), которымъ сдѣланы были важныя гидрографическія изслѣдованія въ сѣверной части Тихаго океана. Извѣстно, что среди этихъ трудовъ онъ захваченъ былъ японцами и провелъ два года въ плѣну, о которомъ оставилъ любопытныя записки и изъ котораго освобожденъ былъ Рикордомъ.

Въ 1815—1818 годахъ совершалось плаваніе экспедиціи Коцебу на счетъ канцлера Румянцова [3]); въ числѣ натуралистовъ, сопровождавшихъ экспедицію, былъ молодой ученый, впослѣдствіи знаменитый нѣмецкій писатель Адальбертъ Шамиссо. Изъ Кронштадта Ко-

Спб. 1830, и на нѣмецкомъ языкѣ: „Fragmente oder etwas über Sibirien", Спб. 1842. Объ его біографіи см. академика Шмидта: Bemerkungen zu Nordenskiöld's Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega, въ „Beiträge zur Kenntniss des russ. Reiches und der angrenzenden Länder Asiens", 2-te Folge, herausg. von Helmersen und Schrenck. Спб. 1883, т. IV, стр. 357 — 365; откуда въ Sibirien, von N. Jadrinzew, bearb. von Ed. Petri, Jena, 1886, стр. 470—472.

[1]) „Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ офицеровъ: Хвостова и Давыдова". 2 части, Спб. 1810—1812. О нихъ упоминаетъ Крузенштернъ, II, стр. 122, 128 — 129; III, стр. II (предисловіе). О похожденіяхъ этихъ двухъ пріятелей ср. Сочиненія Державина, Грота, т. III. Нѣмецкій переводъ путешествія Хвостова и Давыдова, Берлинъ, 1816.

[2]) „Путешествіе Россійскаго Императорскаго шлюпа Діаны изъ Кронштадта въ Камчатку, совершенное подъ начальствомъ флота лейтенанта Головнина, въ 1807, 1808 и 1809 годахъ, съ присовокупленіемъ сокращенныхъ записокъ о плаваніи его для описи Курильскихъ острововъ въ 1811 году"; издано Адмиралтейскимъ Департаментомъ. 3 части, Спб. 1819.

— Другая его книга: „Путешествіе вокругъ свѣта, по повелѣнію Государя Императора, совершенное на военномъ шлюпѣ Камчаткѣ, въ 1817, 1818 и 1819 годахъ флота капитаномъ Головнинымъ". 2 части. Спб. 1822.

— Далѣе: „Записки В. Головнина въ плѣну у японцевъ, въ 1811—13 г., и жизнеописаніе автора". Съ портр. и карт. Спб. 1851 (Сюда же имѣютъ отношеніе „Записки о плаваніи Рикорда" и пр., Спб. 1851).

Новое изданіе: Сочиненія и переводы В. М. Головнина. 5 томовъ, съ портретомъ, картами и планами. Спб. 1864.

Этотъ Головнинъ былъ отецъ бывшаго министра нар. просвѣщенія, А. В. Головнина.

[3]) „Путешествіе въ южный океанъ и въ Берингова проливъ для отысканія сѣверо-восточнаго морского прохода, предпринятое въ 1815, 1816, 1817 и 1818 годахъ иждивеніемъ его сіятельства господина госуд. канцлера, графа Ник. Петр. Румянцева на кораблѣ „Рюрикъ" подъ начальствомъ флота лейтенанта Коцебу". Спб 1821 (ч. 1 и 2) — 1823 (ч. 3), 4°. Съ атласомъ. Нѣмецкое изданіе: Веймаръ, 1821 (передѣлка для юношества, Ганноверъ, 1821); англійскій переводъ, Лонд. 1821; голландскій, Амстердамъ, 1822.

цебу, обогнувши Южную Америку, направился въ Камчатку и въ первомъ томѣ его книги находятся свѣдѣнія о Камчаткѣ и ея жителяхъ, описаніе быта чукчей, и проч.; возвратный путь шелъ черезъ Калифорнію, Сандвичевы острова, Маниллу, Мадагаскаръ, Мысъ Доброй Надежды, островъ св. Елены; въ третьемъ томѣ собраны естественно-историческія наблюденія Шамиссо, въ переводѣ Ивана Шульгина.

Далѣе, въ 1821 — 1824 происходили изысканія Литке (впослѣдствіи адмирала, графа и президента Академіи наукъ), труды котораго, по словамъ Венюкова, были особенно замѣчательны, такъ что нынѣшнія карты Камчатки и страны чукчей составляютъ только копію его карты, очень мало исправленной въ подробностяхъ [1]).

Почти въ то же время, въ 1820—1824 годахъ, совершена была одна изъ знаменитѣйшихъ экспедицій, имѣвшихъ цѣлью довершеніе изслѣдованій сѣвернаго берега Сибири. Это была экспедиція Врангеля и его спутниковъ Анжу, Козьмина и Матюшкина. Мы видѣли, сколько трудовъ потрачено было еще съ XVII-го вѣка на изслѣдованіе сѣверной сибирской окраины, въ высшей степени затруднительное по страшной суровости климата и пустынности: много плавателей поплатились жизнью за рискъ одолѣть эти препятствія; существенное было опредѣлено, но результатамъ недоставало точности; къ запросамъ географическимъ присоединялось желаніе наблюдать жизнь природы и бытъ крайнихъ сѣверныхъ обитателей, и эта задача предстояла экспедиціи Врангеля. Книга Врангеля занимаетъ по справедливости одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ о сѣверѣ Сибири, какъ по важности вопроса, трудно доступнаго для изслѣдованія, такъ и по достоинствамъ изложенія. Къ удивленію, эта замѣчательная книга почти двадцать лѣтъ ожидала изданія и въ первый разъ явилась по-нѣмецки: переведенная съ русской рукописи Е. А. Энгельгардтомъ, она издана была въ Берлинѣ съ предисловіемъ знаменитаго географа Карла Риттера въ 1839, и только черезъ два года вышло ея русское изданіе [2]).

---

[1]) Aperçu, стр. 13. Книга Литке называется: „Четырекратное путешествіе въ сѣверный Ледовитый океанъ въ 1821 — 1824 г.“ 2 т. Спб. 1828. Нѣмецкій переводъ А. Эрмана, Берлинъ, 1835.

[2]) „Baron Ferd. v. Wrangel, Reise längs der Nordküste von Sibirien und auf dem Eismeere in den Jahren 1820 bis 1824“. Nach den handschriftlichen Journalen bearbeitet von G. Engelhardt. Herausgegeben nebst einem Vorwort von C. Ritter; 2 тома, Berlin, 1839. Въ слѣдующемъ же году вышелъ англійскій переводъ, потомъ нѣсколько разъ повторенный. Русское изданіе: „Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю, совершенное, въ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годахъ, экспедиціею, состоявшею подъ начальствомъ флота лейтенанта Фердинанда фонъ-Врангеля“. Спб. 1841. 2 части, изд. Смирдина, и „Прибавленія“ къ пу-

Врангель, лифляндскій баронъ по происхожденію (1794—1870), учился въ морскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, еще очень молодымъ человѣкомъ участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи Головнина и показалъ такое дарованіе, что ему поручена была въ 1820 г. трудная экспедиція, которая сдѣлала славнымъ его имя. Экспедиція продолжалась около пяти лѣтъ и состояла въ сухопутномъ изслѣдованіи наименѣе доступныхъ окраинъ сѣверной Сибири — отъ устья Колымы на востокъ до Берингова пролива, и въ изслѣдованіи моря на возможно дальнемъ разстояніи отъ берега; Врангель пускался поэтому и въ океанъ—по льду, на собакахъ, и достигъ многихъ важныхъ результатовъ какъ въ изслѣдованіяхъ географическихъ, такъ и въ описаніи сѣверной природы и быта туземцевъ. Разсказъ о его необыкновенныхъ путешествіяхъ исполненъ интереса; его спутники нерѣдко дѣлали отдѣльныя экскурсіи, всегда рискованныя въ снѣжныхъ пустыняхъ и при страшныхъ морозахъ; путешественники оставались иногда надолго безъ всякихъ извѣстій другъ о другѣ и испытывали вообще всѣ тревоги смѣлыхъ предпріятій и приключеній. Спутникъ Врангеля, Анжу, долженъ былъ изслѣдовать морской берегъ по обѣ стороны отъ устья Яны; затѣмъ странствовали отдѣльно штурманы Ильинъ, Козьминъ, мичманъ Матюшкинъ. Этотъ послѣдній (1799—1872) былъ извѣстный лицейскій товарищъ Пушкина, рано отдавшійся своей страсти къ морю и вспомянутый Пушкинымъ въ стихотвореніи „*19-е октября*". Сдѣлавши первые опыты морской службы подъ начальствомъ Головнина, онъ работалъ затѣмъ въ экспедиціи Врангеля, который вообще былъ очень доволенъ дѣятельностью своего молодого сотрудника: въ книгу Врангеля вошли два путевыхъ отчета Матюшкина—объ его поѣздкѣ къ рѣкѣ Анголѣ, притоку Колымы, и по тундрѣ къ востоку до чукотскихъ поселеній, и эти двѣ главы,—по словамъ г. Грота, съ которыми и мы согласимся,—принадлежатъ къ самымъ интереснымъ страницамъ книги Врангеля [1]). Кромѣ фактовъ географическихъ, астрономическихъ наблюденій, картинъ природы крайняго сѣвера, путевыхъ приключеній, книга Врангеля даетъ еще любопытныя этнографическія данныя объ инородческихъ племенахъ — якутахъ, юкагирахъ, чукчахъ, омокахъ. Выше упомянуто, что Врангелемъ найдены были остатки экспедиціи Шалаурова [2]). Между прочимъ, Врангель встрѣтился съ англійскимъ тури-

---

тешествію, изд. Академіи наукъ. Русскій издатель старается извинить позднее появленіе книги отсутствіемъ Врангеля и т. п., но это не мѣшало же явиться нѣмецкому переводу. По русскому изданію сдѣланъ французскій переводъ кн. Эмм. Голицына, Paris, 1843.

[1]) См. I, стр. 252, 272; II, стр. 75—114 и 230—279. О Матюшкинѣ см. книгу Грота: „Пушкинъ его лицейскіе товарищи и наставники". Спб. 1887, стр. 98—107.

[2]) Т. I, стр. 92; II, стр. 341—342.

стомъ-пѣшеходомъ Кохрэномъ, который желалъ принять участіе въ экспедиціи, въ чемъ, однако, ему отказали, такъ какъ лишній человѣкъ только усложнялъ трудности пути.

Половина перваго тома книги Врангеля занята исторіей русскихъ открытій и плаваній въ сѣверныхъ моряхъ Сибири; матеріалы для этой исторіи онъ почерпалъ изъ „Сибирскаго Вѣстника" Спасскаго, изъ Миллера, Кокса и Бёрнея [1]).

Біографія Врангеля сообщена при новомъ нѣмецкомъ изданіи его путешествія [2]).

Названный сейчасъ Кохрэнъ, англійскій морякъ, пріобрѣлъ тогда большую славу своими пѣшеходными странствіями: онъ ходилъ много по Европѣ и, наконецъ, возъимѣлъ идею пройти черезъ всю Россію до Камчатки и Ледовитаго океана. Онъ дѣйствительно отправился изъ Петербурга, запасшись рекомендаціями и предписаніями, и Врангель, съ которымъ онъ встрѣтился на сѣверѣ Сибири, имѣлъ основанія усомниться, чтобы Кохрэнъ добрался туда *пѣшкомъ*. Самъ путешественникъ убѣдился, что планъ его неисполнимъ, и вернулся въ Европу; затѣмъ онъ хотѣлъ пройти пѣшкомъ Южную Америку, но умеръ въ Колумбіи, въ 1825. Его книга надѣлала въ свое время много шуму [3]).

Къ тридцатымъ годамъ Сибирь привлекаетъ вниманіе ученыхъ съ другой стороны. Морскія плаванія смѣняются изслѣдованіями сибирскаго материка по разнымъ областямъ естествознанія. Страна была уже болѣе или менѣе описана, путешествія становились доступнѣе, и теперь открывается рядъ общихъ изысканій астрономическихъ, географическихъ и физическихъ, и притомъ уже не только путемъ правительственныхъ экспедицій, но и въ частныхъ путешествіяхъ иностранныхъ ученыхъ, которыхъ влекла перспектива широкихъ научныхъ наблюденій въ странахъ, раньше едва затронутыхъ.

---

[1]) Burney, „Chronological history of North Eastern Voyages of discovery, and of the early Eastern navigations of the Russians". Lond. 1819.

[2]) „Ferd. von Wrangel und seine Reise längs der Nordküste von Sibirien und auf dem Eismeere". Von L. (Lisa) von Engelhardt. Mit einem Vorworte von A. E. Freiherrn v. Nordenskiöld, einem Portrait F. v. Wrangel's und einer Karte. Leipz. 1895. Здѣсь сообщена біографія (стр. 3—36) и нѣсколько сокращенный разсказъ путешествія. Въ нѣсколькихъ вводныхъ словахъ (на французскомъ языкѣ) Норденшельдъ называетъ книгу Врангеля „un des chefs-d'oeuvre de la littérature arctique". Г-жа Энгельгардтъ—урожденная Врангель.

[3]) John Dundas Cochrane, „Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary, from the frontiers of China to the Frozen Sea and Kamtchatka, performed during the years 1820, 1821, 1822 and 1823". Lond. 1824. Книга имѣла много англійскихъ и нѣмецкихъ изданій, была также переведена на голландскій и шведскій языки. Въ тѣ годы о Кохрэнѣ не мало говорили и русскіе журналы.

Сюда направляются и знаменитые ученые, какъ Гумбольдтъ, и молодые естествоиспытатели, которые трудами въ Сибири начинали свою ученую славу. Всѣ основныя отрасли естествознанія примѣняются къ физическимъ явленіямъ Сибири, и результаты полученныхъ наблюденій входятѣ важнымъ матеріаломъ для научныхъ построеній. Не исчисляя всѣхъ этихъ путешествій, отмѣтимъ особенно извѣстныя и богатыя результатами.

Въ 1826 нѣмецкій ботаникъ Ледебуръ, въ то время профессоръ въ Дерптѣ, предпринялъ путешествіе въ Алтай, результатомъ котораго было описаніе путешествія [1]) и рядъ спеціальныхъ трудовъ по алтайской флорѣ. Въ 1828—30 годахъ шведскій астрономъ и естествоиспытатель Ганстенъ (1784 — 1873) совершилъ путешествіе въ Сибирь для магнитныхъ наблюденій, и кромѣ спеціальнаго труда, посвященнаго магнитнымъ, астрономическимъ и метеорологическимъ изысканіямъ и исполненнаго имъ вмѣстѣ съ норвежскимъ лейтенантомъ Дуэ (1863), онъ издалъ воспоминанія о своемъ сибирскомъ путешествіи [2]). Кромѣ Дуэ, къ Ганстену присоединился въ этомъ путешествіи другой, впослѣдствіи очень извѣстный ученый, Адольфъ Эрманъ, который вмѣстѣ съ нимъ проѣхалъ до Иркутска, а затѣмъ сдѣлалъ отдѣльное путешествіе по сѣверу Сибири отъ нижней Оби до Охотска, Камчатки и русско-американскихъ владѣній, законченное кругосвѣтнымъ плаваніемъ. Цѣлью Эрмана было также изученіе земного магнетизма, и опять, кромѣ спеціальнаго труда объ этомъ предметѣ, онъ издалъ описаніе своего путешествія [3]). Впослѣдствіи онъ издавалъ въ Берлинѣ спеціальный научный сборникъ, посвященный изученію Россіи [4]). Далѣе, на западномъ краѣ Азіи началъ свои первые труды русско-нѣмецкій ученый, недавно умершій Гельмерсенъ, впослѣдствіи много работавшій по геологическому и минералогическому изученію Россіи европейской и азіатской. Кончивъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ, Гельмерсенъ (род. 1803) уже въ 1826 г. сопровождалъ своего профессора Морица Энгельгардта на Уралъ, затѣмъ въ 1828—29, съ извѣстнымъ впослѣдствіи минералогомъ Гофманомъ (позднѣе профессоромъ петербургскаго университета), совершалъ геогностическія изысканія на Уралѣ, и здѣсь, по возвращеніи

---

[1]) „Reise durch das Altai-Gebirge und die Kirgisensteppe, etc“. Berlin, 1828—30, два тома.

[2]) Christoph Hansteen, „Reise-Erinnerungen aus Sibirien“. Deutsch von H. Sebald. Leipzig, 1854. Нѣсколько нѣмецкихъ изданій, голландское, шведское и французское.

[3]) Adolph Erman, „Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830“. Berlin. 1833—48. Книга явилась и въ англійскомъ переводѣ.

[4]) Archiv füt wissenschaftliche Kunde von Russland, 1841—1864.

Гумбольдта изъ его алтайскаго путешествія (о которомъ далѣе), сопровождалъ его въ осмотрѣ Урала; впослѣдствіи самъ Гельмерсенъ дѣлалъ ученыя изслѣдованія въ горной Сибири и наконецъ въ теченіе многихъ лѣтъ издавалъ съ знаменитымъ К. Бэромъ ученый сборникъ, заключающій множество важнаго естественно-историческаго матеріала, между прочимъ для изученія Сибири [1]).

Не исчисляя дальнѣйшихъ трудовъ по естественно-историческому описанію Азіи, совершенныхъ въ то же время и послѣ многими другими учеными (Геблеръ, Щуровскій, Постельсъ, Платонъ Чихачевъ, Вишневскій и др.), укажемъ труды первостепеннаго руководящаго значенія, которые стали эпохой въ естественно-историческомъ и географическомъ изученіи не только Сибири, но и цѣлой Азіи.

Таково было, во-первыхъ, знаменитое „Землевѣдѣніе“ (Erdkunde) Карла Риттера, громадный трудъ, гдѣ въ первый разъ старательно собранныя географическія данныя объединены были въ цѣльную картину съ той точки зрѣнія, которая была положена въ основаніе извѣстной системы Риттера, гдѣ географія разсматривается вообще какъ подкладка исторіи. Азія была основнымъ, почти единственнымъ предметомъ, наполняющимъ томы „Землевѣдѣнія“ (1832—59, 18 томовъ), и книга стала исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ географическихъ описаній; обширная доля сочиненія посвящена русской Сибири и той Средней Азіи, которой предстояло потомъ войти въ составъ русской имперіи. Мы скажемъ дальше о русскомъ переводѣ той части книги Риттера, которая обнимаетъ русскую Азію и сопредѣльныя ей страны.

Въ 1829 году Александръ Гумбольдтъ, вмѣстѣ съ извѣстными учеными, Эренбергомъ и Густавомъ Розе, предпринялъ, по волѣ имп. Николая, экспедицію на Алтай, на Уралъ и Каспійское море. Результатомъ была масса научныхъ наблюденій по разнымъ отраслямъ естествознанія, которыя были изложены въ особенности въ книгѣ самого Гумбольдта, вышедшей позднѣе [2]), и въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ Розе по геогнозіи и минералогіи названныхъ мѣстностей.

Книга Гумбольдта имѣла столь широкое научное значеніе, что Венюковъ въ не разъ упомянутой книжкѣ считаетъ отъ нея новый періодъ изслѣдованій объ азіатской Россіи. Раздѣляя ходъ сибирскихъ изслѣдованій на періоды, Венюковъ въ первый періодъ отно-

---

[1]) „Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens“. Herausg. von C. E. v. Baer und Gr. v. Helmersen, съ 1839 года; изданіе продолжалось имъ впослѣдствіи вмѣстѣ съ академ. Шренкомъ, и выходило до послѣднихъ годовъ.

[2]) „Asie Centrale. Recherches sur les chaines de montagnes et la climatologie comparée“, par A. de Humboldt. Paris, 1843, три тома.

ситъ старыя практическія разысканія и захваты земель въ XVII столѣтіи; второй періодъ идетъ съ Петра Великаго, когда начинаются первыя научныя изслѣдованія, и завершается появленіемъ книги Гумбольдта; съ Гумбольдта начинается новѣйшая эпоха сибирскихъ изученій, въ основѣ которыхъ лежатъ его естественно-историческія обобщенія.

Экспедиція производила наблюденія астрономическія, изучала геогностическій характеръ почвы, собирала разныя коллекціи, дѣлала изысканія о климатѣ, земномъ магнетизмѣ, изслѣдовала рудники и залежи золота и платины, изучала строеніе горныхъ хребтовъ и т. п. Сочиненіе Гумбольдта, гдѣ собраны главнѣйшія изслѣдованія и результаты этой экспедиціи, стало классической книгой по изученію средне-азіатской природы. Книга написана съ обычнымъ искусствомъ и громадною ученостью знаменитаго естествоиспытателя. Рѣдкая универсальность знаній давала ему возможность охватывать предметъ во всей сложности его явленій и изображать его съ тою ясностью и точностью, которыя составляли особенность его ума и дарованія: изложеніе, хотя обставленное массою спеціальныхъ подробностей, бываетъ привлекательно даже для обыкновеннаго читателя. Кромѣ естествознанія въ его полномъ распоряженіи была громадная литература древнихъ классическихъ, восточныхъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ писателей въ такомъ обиліи, въ которомъ немногіе могли равняться съ авторомъ „Космоса“.

Въ трудахъ Риттера и Гумбольдта изслѣдованія Сибири окончательно становятся достояніемъ европейской науки. Это были первыя широкія обобщенія, въ которыхъ открывалась прочная опора для дальнѣйшихъ разысканій. И дѣйствительно, въ новомъ наступившемъ теперь періодѣ мы на первыхъ же порахъ встрѣчаемся съ монументальнымъ трудомъ, который для извѣстной части Сибири достойнымъ образомъ выполняетъ поставленную задачу. Этотъ трудъ есть экспедиція А. Ѳ. Миддендорфа.

Начатая въ томъ самомъ году, когда вышла книга Гумбольдта, эта экспедиція остается до сихъ поръ самымъ крупнымъ предпріятіемъ, какое было исполнено у насъ по изученію Сибири: потребовалось больше тридцати лѣтъ для того, чтобы обработать должнымъ образомъ матеріалъ, собранный въ путешествіи 40-хъ годовъ [1]. Путешествіе Миддендорфа вышло въ „четырехъ томахъ“, но почти

[1] Dr. A. Th. v. Middendorff, „Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844 mit Allerhöchster Genehmigung auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg ausgeführt und in Verbindung mit vielen Gelehrten herausgegeben“; 4 тома, 1848—1875. 4°.

каждый „томъ“ дѣлится на „части“, потомъ на „выпуски“, величиной равняющіеся хорошему обыкновенному тому, такъ что въ цѣломъ получается обширное изданіе. Отдѣльныя части изданія были обработаны, кромѣ самого Миддендорфа, еще многими учеными. Такъ въ обработкѣ отдѣла метеорологіи, магнетическихъ наблюденій, геогнозіи и палеонтологіи приняли участіе Бэръ, Гельмерсенъ, Ленцъ, Петерсъ и др.; въ отдѣлѣ ботаники—Траутфеттеръ, Рупрехтъ, Мейеръ; въ отдѣлѣ зоологіи—Брандтъ, Эрихсонъ, Менетріе и др.; матеріалы для изученія языка якутовъ дали поводъ къ цѣлому обширному изслѣдованію Бётлинга объ якутскомъ языкѣ, занимающему весь третій томъ изданія. На русскомъ языкѣ трудъ Миддендорфа явился въ двухъ томахъ [1]).

Первоначальная идея экспедиціи, исполненной Миддендорфомъ, принадлежала Бэру (1792 — 1876). Въ 1840 году самъ Бэръ предпринялъ путешествіе въ Лапландію для изученія вопроса о предѣлахъ и условіяхъ органической жизни на крайнемъ сѣверѣ; еще тогда онъ пригласилъ къ участію въ экспедиціи Миддендорфа, который въ то время былъ профессоромъ зоологіи въ кіевскомъ университетѣ. Для дальнѣйшаго опредѣленія вопроса Бэръ находилъ нужнымъ новое путешествіе въ край, еще болѣе сѣверный, и его выборъ останавливался на самой сѣверной оконечности Сибири, именно, на Таймырскомъ полуостровѣ (между устьями Енисея и Хатанги); требовался именно сѣверный континентальный пунктъ, такъ какъ только при этомъ являлась возможность наблюдать постепенность измѣненія климатическихъ условій и вмѣстѣ измѣненіе органической жизни. Бэръ считалъ подобную экспедицію для себя уже невозможной: борьба съ тягостями крайняго сѣвера требовала свѣжихъ, молодыхъ силъ, и такъ какъ ему уже знакома была энергія Миддендорфа, онъ предложилъ послѣднему трудную задачу экспедиціи. Изъ среды членовъ Академіи наукъ составлена была коммиссія (кромѣ Бэра были здѣсь Брандтъ, Кемцъ и Мейеръ), которая выработала какъ программу научныхъ вопросовъ, такъ и практическіе совѣты для безопасности путешествія въ необычайныхъ условіяхъ крайняго сѣвера. Впослѣдствіи Бэръ выражалъ свое удивленіе энергіи Миддендорфа [2]).

Экспедиція началась въ 1843 году и распадалась на два путешествія—крайнее сѣверное и юго-восточное, цѣлью которыхъ были

[1]) „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири“. 2 части. Спб. 1860 — 1869. 4°. Отмѣтимъ еще небольшое изданіе Миддендорфа: „Бараба“, съ лит. картой. Спб. 1871 (изъ XIX тома „Записокъ“ Акад. наукъ).

[2]) „Mir scheint jetzt,— говорилъ онъ впослѣдствіи,—dass ich Middendorf's Ausdauer und Gewandtheit nicht über, wohl aber seine Dreistigkeit unterschätzt habe“. См. введеніе, въ 1-мъ томѣ.

Таймыръ и Амуръ. Первый не былъ посѣщаемъ путешественниками съ половины прошлаго столѣтія, когда Прончищевъ и Челюскинъ опредѣлили его очертанія; Миддендорфъ и его спутникъ, топографъ Вагановъ (впослѣдствіи убитый китайцами въ географической экспедиціи въ Монголію) прожили здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ подъ 71° широты, производя свои изслѣдованія. Зимой слѣдующаго года, Миддендорфъ отправился черезъ Енисейскъ и Иркутскъ въ Якутскъ и затѣмъ на Шантарскіе острова въ Охотскомъ морѣ; отсюда, выплывъ па байдаркѣ къ устью рѣки Тугура, онъ переправился черезъ дикія пустыни Станового хребта къ пункту соединенія Шилки и Аргуни, т.-е. къ началу Амура. Это было въ январѣ 1845 года. Нечего говорить о томъ, какими трудностями и весьма серьезными опасностями окружены были жизнь и странствія въ далекихъ сѣверныхъ широтахъ, при невыносимыхъ морозахъ и вьюгахъ (однажды Миддендорфу пришлось провести 18 дней подъ снѣгомъ), при недостаткѣ топлива, при трудности переѣздовъ. Амуръ въ то время еще не принадлежалъ Россіи, и путешествіе Миддендорфа не осталось безъ вліянія на судьбу этого края. Занятый впервые русскими за 200 лѣтъ передъ тѣмъ, Амуръ въ концѣ XVII-го вѣка былъ оставленъ по договору съ китайцами; мѣстные промышленники и торговцы заходили сюда безъ вѣдома обоихъ правительствъ; до Миддендорфа былъ на Амурѣ офицеръ генеральнаго штаба, Ладыженскій, въ 1834, но Миддендорфъ проникъ гораздо далѣе на Амуръ, и, главное, кромѣ естественно-историческихъ наблюденій, онъ нашелъ истинную тогдашнюю границу русскихъ владѣній по „омбонамъ“ (пограничнымъ знакамъ) и удостовѣрился личнымъ наблюденіемъ, что страна къ сѣверу отъ рѣки фактически не занята китайцами. Это была будущая русская Амурская область.

Миддендорфъ, какъ мы упоминали, собралъ огромный естественноисторическій матеріалъ, разработанный послѣ многими спеціалистами: онъ снималъ маршруты на огромныхъ пространствахъ, дѣлалъ наблюденія надъ температурой земли, надъ условіями растительности и измѣненіемъ ея формъ съ приближеніемъ къ сѣверу, надъ допотопными лѣсами и наносными деревьями, надъ морскими теченіями, собиралъ коллекціи, дѣлалъ изысканія этнографическія (особливо свѣдѣнія о самоѣдахъ, остякахъ, тунгусахъ, якутахъ, бурятахъ), изслѣдованія географическія и гидрографическія и т. д. [1]).

---

[1]) Для не-спеціалистовъ по естествознанію особенно интересны т. I, нѣм. изданія, введеніе; далѣе т. IV, часть I, вып. 1, введеніе, географія; тамъ же, часть II, вып. 3, сибирскіе туземцы.

Краткія біографическія свѣдѣнія о Миддендорфѣ (род. 1815 г.) см. въ „Біогр. Словарѣ“ кіевскаго университета. Кіевъ, 1884, стр. 423—427.

ГЛАВА VI.

Сороковые года.—Дѣятельность Географическаго Общества по изученію Сибири.—Новѣйшія экспедиціи.

Русскія пріобрѣтенія въ Азіи.—Объединеніе научныхъ силъ и изысканій съ основаніемъ Географическаго Общества. — Русское изданіе „Землевѣдѣнія Азіи“ Риттера.—„Географическо-статистическій Словарь Россійской имперіи“, П. П. Семенова.

Новыя экспедиціи.—Забайкальская экспедиція Ахте.—Невельской и Козакевичъ.—Восточно-сибирская экспедиція Географ. Общества: труды Шварца, Радде, Шмидта, Глена.—Сибирскій Отдѣлъ Геогр. Общества, съ 1851.—Вилюйская экспедиція. — Раздвоеніе Сибирскаго отдѣла на восточный и западный, съ 1878.—Изслѣдованія въ Средней Азіи: Пржевальскій.

Г. Н. Потанинъ.—И. С. Поляковъ.—М. И. Венюковъ.

Путешествіе Миддендорфа (по старому академическому обычаю изданное по-нѣмецки, и только частію по-русски) было началомъ множества разысканій во всѣхъ направленіяхъ: съ него открывается обширная, трудно обозримая литература о Сибири и Средней Азіи, составляющая особую черту нашего научнаго движенія за послѣднія сорокъ лѣтъ. Разныя обстоятельства способствовали развитію этой литературы, — и во-первыхъ, обстоятельства внѣшнія, политическія. Съ пятидесятыхъ годовъ чрезвычайно расширилась русская азіатская территорія: съ 1854 года, когда Н. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи графъ Амурскій, спустился съ флотиліей, снаряженной въ Нерчинскѣ, внизъ по Амуру до его устья, эта рѣка съ Амурскою областью стала русскимъ владѣніемъ, къ которому присоединился вскорѣ Усурійскій край или Приморская область; съ другой стороны громадно раздвинулись русскія границы на сибирскомъ юго-западѣ, сначала пріобрѣтеніемъ Заилійскаго края, потомъ завоеваніемъ Ташкента, Самар-

канда, наконецъ южнаго Туркестана до занятія Мерва въ 1884 году. Новыя громадныя пространства, ставшія русской территоріей, стали и новымъ предметомъ научныхъ изслѣдованій, которыя велись или правительственными экспедиціями, или частными предпріятіями, захватывая и южную часть собственной Сибири.

Было и другое внутреннее условіе, которое съ конца сороковыхъ годовъ сильно содѣйствовало возростанію научнаго интереса и размноженію изслѣдованій, оффиціальныхъ и частныхъ. Это была организація ученыхъ силъ и предпріятій, выразившаяся основаніемъ Географическаго Общества. Было два главныхъ мотива, которые привели къ мысли о необходимости этого учрежденія: во-первыхъ, усиливалось сознаніе необходимости болѣе внимательнаго и цѣльнаго изслѣдованія русской народной жизни; во-вторыхъ, подъ вліяніемъ послѣднихъ широкихъ предпріятій для изученія Азіи, явилась также мысль о необходимости сосредоточить географическія изысканія, которыя до сихъ поръ велись разъединенно, не имѣли себѣ одного общаго спеціальнаго органа и которыя могли быть еще болѣе успѣшны при содѣйствіи кружка научно заинтересованныхъ лицъ. Въ числѣ учредителей Географическаго Общества мы дѣйствительно находимъ какъ представителей возникавшей тогда русской научной этнографіи (Надеждинъ, Даль), такъ и географовъ, путешественниковъ и натуралистовъ, между прочимъ составившихъ свою славу изслѣдованіями въ разныхъ краяхъ Сибири (здѣсь были именно: Крузенштернъ, Врангель, Бэръ, Гельмерсенъ, Литке, Рикордъ, Чихачевъ) [1]).

Въ самомъ дѣлѣ едва новое общество успѣло установиться, какъ оно стало развивать оживленную дѣятельность и большая доля его трудовъ была посвящена именно Сибири и позднѣе Средней Азіи. Дѣятельность шла въ разныхъ направленіяхъ: въ трудахъ общаго

---

[1]) Въ исторіи перваго двадцатипятилѣтія Географическаго Общества мы читаемъ (стр. 7):

„Основаніе Общества находится въ ближайшей связи съ достопамятнымъ путешествіемъ академика Миддендорфа въ Таймырскую землю и въ При-амурскій край въ началѣ 40-хъ годовъ. На обѣдѣ, устроенномъ друзьями и почитателями путешественника по поводу его благополучнкго возвращенія, произошелъ первый обмѣнъ мыслей объ учрежденіи Русскаго Географическаго Общества. Недостатокъ въ такомъ обществѣ ощущался, впрочемъ, уже давно и главнымъ образомъ въ виду богатаго географическаго матеріала, быстро накоплявшагося благодаря той дѣятельности по изученію Россіи и ея отдаленныхъ окраинъ, которою были ознаменованы 20-ые и 30-ые года нынѣшняго столѣтія. Академикъ Бэръ и адмиралы Литке и баронъ Врангель, принадлежавшіе къ числу дѣятелей этой географической эпохи, были именно тѣ лица, которыя сдѣлали первые шаги къ осуществленію мысли объ учрежденіи нашего Общества. Съ самаго начала къ нимъ присоединились академики Струве, Гельмерсенъ и Кеппенъ, генералъ-адъютантъ Бергъ (бывшій тогда генералъ-квартирмейстеромъ), Даль и П. А. Чихачевъ“.

характера; въ спеціальныхъ ученыхъ экспедиціяхъ, и наконецъ въ установленіи географическихъ изслѣдованій на мѣстахъ. Въ самомъ дѣлѣ, русская наука и литература нуждались въ объединеніи того громаднаго географическаго матеріала, который разсѣянъ былъ въ трудахъ старыхъ и новыхъ экспедицій, въ многочисленныхъ русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ, заключавшихъ описательный матеріалъ, между прочимъ о Сибири. Въ исполненіе этой потребности совершены были въ особенности два замѣчательные труда, мысль о которыхъ возникла въ Географическомъ Обществѣ уже въ 1850 году. Это былъ, во-первыхъ, русскій переводъ, съ обширными дополненіями, „Землевѣдѣнія Азіи" Риттера и, во-вторыхъ, „Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи", два монументальные труда, составляющіе великую научную заслугу нынѣшняго вице-президента Общества, П. П. Семенова. Прибавимъ, что общественный интересъ, вызванный основаніемъ Общества, между прочимъ привлекъ и довольно значительныя частныя пожертвованія для его предпріятій, и благодаря имъ оказалось возможнымъ и исполненіе этихъ двухъ обширныхъ изданій.

Они оба имѣютъ ближайшее отношеніе къ Сибири, въ особенности первое. „Землевѣдѣніе" Риттера представляло въ то время, да и до сихъ поръ, наиболѣе полное изложеніе географическихъ данныхъ объ Азіи. Русское изданіе имѣло въ виду (по недостаточности средствъ) передать только тѣ части Риттеровой Азіи, которыя относятся къ Россіи и странамъ, съ нею сопредѣльнымъ, то-есть къ Китаю, Турану и Ирану, оставляя безъ перевода болѣе далекія страны, какъ Аравія, оба полуострова Индіи и пр. [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжить и дополнить изложеніе Риттера новыми данными, пріобрѣтенными наукой. Въ самомъ дѣлѣ, напр., первый томъ творенія Риттера вышелъ еще въ 1832 году, за четверть вѣка до появленія его въ русскомъ переводѣ, и естественно было, что онъ нуждался въ дополненіяхъ. Понятно, что эти дополненія требовали обширной на-

---

[1]) Цѣль этого предпріятія была выражена въ предисловіи русскаго изданія такъ:

„1) Сдѣлать великое твореніе Риттера доступнымъ для всей русской образованной публики и *подвинуть* тѣмъ самымъ *мѣстныя изслѣдованія* Азіи, какъ возбужденіемъ къ нимъ интереса, такъ и доставленіемъ мѣстнымъ изслѣдователямъ лучшаго сборника трудовъ ихъ предшественниковъ.

2) Разработать и упрочить русскую ученую *географическую терминологію* введеніемъ въ нее всѣхъ понятій лучшаго и многообъемлющаго географическаго творенія и упрочить *правописаніе* столь трудныхъ *азіатскихъ* географическихъ *именъ*.

3) Продолжить и дополнить Риттерову Азію всѣмъ быстрымъ успѣхомъ науки въ теченіе послѣдней четверти столѣтія, что составляетъ трудъ *самостоятельный* и тѣмъ болѣе важный, что новѣйшая русская ученая литература сама представляетъ значительное богатство матеріаловъ для такого труда".

читанности въ новѣйшей литературѣ предмета, и онѣ были исполнены въ русскомъ изданіи съ большимъ запасомъ свѣдѣній и точностью. Трудъ перевода и редакціи былъ сначала раздѣленъ между нѣсколькими лицами, но съ теченіемъ изданія главная работа осталась на рукахъ г. Семенова; отдѣлъ о Туркестанѣ и Кабулистанѣ былъ обработанъ В. Григорьевымъ, Иранъ — извѣстнымъ оріенталистомъ Ханыковымъ; все остальное сдѣлано г. Семеновымъ, съ которымъ, по нѣкоторымъ отдѣламъ, работалъ впослѣдствіи извѣстный путешественникъ Потанинъ [1]). Сначала дополненія помѣщались вслѣдъ за отдѣльными параграфами; но иногда онѣ разростались въ цѣлые томы. Русское изданіе становится само новымъ географическимъ трудомъ высокаго достоинства по массѣ дополненій, собранныхъ изъ новой литературы предмета и новыхъ изысканій.

Столь же важный источникъ свѣдѣній представляетъ извѣстный „Географическо-статистическій Словарь“, составленный г. Семеновымъ съ нѣсколькими сотрудниками (5 томовъ, 1863—85). Онъ распространяется, конечно, и на Сибирь. Кромѣ точныхъ географическихъ описаній, при каждой мѣстности указана литература о ней, отъ старыхъ и до новѣйшихъ извѣстій, такъ что въ словарь вошла, отдѣльными подробностями, цѣлая исторія географическихъ открытій на дальнемъ сѣверѣ и востокѣ; въ статьѣ „Сѣверный Океанъ“ передана, въ сжатомъ изложеніи, вся исторія сѣверныхъ плаваній отъ Бѣлаго моря до Тихаго океана, съ половины XVI-го столѣтія до плаванія 1871 года, послѣдняго, которое могло быть занесено во время печатанія даннаго тома Словаря.

Со времени своего основанія и донынѣ Географическое Общество принимало живое участіе во всѣхъ почти безъ исключенія географическихъ предпріятіяхъ, какія направлялись на изученіе Сибири и Средней Азіи: оно бывало или само ихъ иниціаторомъ, или присоединялось къ экспедиціямъ, какія задумывались другими учрежденіями и вѣдомствами. Такимъ образомъ изданія Географическаго Общества, въ его журналахъ или въ отдѣльно издаваемыхъ „путешествіяхъ“, „трудахъ экспедицій“ и т. п., являются основнымъ источникомъ географическихъ и естественно-историческихъ свѣдѣній о

---

[1]) „Землевѣдѣніе Азіи. Карла Риттера. Географія странъ, находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Россіею, т.-е. Китайской имперіи, независимой Татаріи, Персіи и Сибири (въ послѣдующихъ томахъ иначе: „...странъ, входящихъ въ составъ Россіи или пограничныхъ съ нею“), переведена по порученію Имп. Р. Геогр. Общества, съ дополненіями, служащими продолженіемъ Риттерова труда для матеріаловъ („на основаніи матеріаловъ“), обнародованныхъ съ 1832 года, и составленными П. Семеновымъ, д. чл. Имп. Р. Геогр. Общества“. Спб. 1856 — 79, до сихъ поръ девять томовъ.

Сибири. Его дѣятельность уже вскорѣ расширилась основаніемъ филіальныхъ отдѣловъ: Сибирскій отдѣлъ возникъ уже въ 1851, въ Иркутскѣ, раздѣлившись потомъ на Восточно-сибирскій, въ Иркутскѣ, и Западно-сибирскій, въ Омскѣ; Сибири касается также отдѣлъ Оренбургскій.

Такимъ образомъ съ экспедиціи Миддендорфа открывается новый рядъ ученыхъ и развѣдочныхъ предпріятій, о которыхъ мы можемъ разсказать только вкратцѣ.

Первую экспедицію Географическое Общество снарядило уже на второмъ году своего существованія и направило ее по сосѣдству съ западною Сибирью на Уралъ, въ страну посредствующую между Европой и Азіею, на сѣверѣ до береговъ Ледовитаго океана, на югѣ до Чердыни и Богословска. Экспедиція съ 1847 года продолжалась нѣсколько лѣтъ и находилась подъ руководствомъ Э. К. Гофмана, который, какъ мы видѣли раньше, давно уже вмѣстѣ съ Гельмерсеномъ дѣлалъ здѣсь свои первыя ученыя наблюденія. Нѣсколько лѣтъ потребовалось на обработку собраннаго матеріала, въ которой, кромѣ Гофмана и его спутниковъ, инженера Стражевскаго, астронома Ковальскаго и др., приняли участіе извѣстные спеціалисты по разнымъ отраслямъ естествознанія—Густавъ Розе, графъ Кейзерлингъ, русско-нѣмецкіе академики Брандтъ и Рупрехтъ. Въ трудахъ экспедиціи, кромѣ обзора самыхъ путешествій, собраны наблюденія астрономическія, магнитныя, геологическія и палеонтологическія, географическія опредѣленія мѣстъ, описанія горъ, опредѣленія климата, флора и фауна [1]).

Мы не будемъ останавливаться на изслѣдованіяхъ въ Ледовитомъ океанѣ, на плаваніяхъ въ Новую Землю и Карское море, такъ какъ онѣ не имѣютъ ближайшаго отношенія къ Сибири. Въ тѣ же годы Географическое Общество обратило вниманіе на изслѣдованіе окраинъ Восточной Сибири. Болѣе или менѣе изслѣдованы были въ Сибири только нѣкоторыя мѣстности, какъ, напримѣръ, полоса вдоль большого сибирскаго тракта, иркутская губернія, Забайкалье, теченіе Лены, Камчатка; изысканія Миддендорфа долго еще не были изданы и опять касались только отдѣльныхъ мѣстностей Восточной Сибири: поэтому Географическое Общество снарядило обширную экспедицію, работавшую нѣсколько лѣтъ въ Восточной Сибири по разнымъ обла-

---

[1]) „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой. Изслѣдованія экспедиціи, снаряженной Русскимъ Географическимъ Обществомъ, въ 1847, 1848 и 1850 годахъ". Два тома, 4°. Спб. 1853—1856, съ таблицами видовъ, этнографическихъ типовъ и т. п. Отдѣльно издана была подробная карта съ профилемъ сѣвернаго Урала. Въ тѣ же годы вышло нѣмецкое изданіе: „Der Nördliche Ural und das Küstengebirg Pai-choi". 2 тома.

стямъ естествознанія. Нѣкоторымъ приготовленіемъ къ предпріятію Общества служила такъ-называемая Забайкальская экспедиція, отправленная главнымъ штабомъ и работавшая въ 1849—1853 годахъ подъ начальствомъ полковника Ахте [1]). Въ экспедиціи участвовалъ астрономъ Шварцъ, впослѣдствіи работавшій и въ средѣ Географическаго Общества: сдѣланныя имъ астрономическія опредѣленія послужили потомъ къ подробной картографіи мѣстностей вокругъ Байкала, и затѣмъ его путешествіе въ мѣстности между Байкаломъ и берегомъ Тихаго Океана доставило первыя свѣдѣнія о всей области сѣверныхъ притоковъ Амура; другой участникъ этой экспедиціи, горный инженеръ Меглицкій, изслѣдовалъ въ разныхъ направленіяхъ западную часть Амурской области. Въ это же время русскіе подходили къ Амуру съ другой стороны. Въ 1849 году капитанъ Невельской и лейтенантъ Козакевичъ (впослѣдствіи оба адмиралы) открыли Амурскій лиманъ и самое устье Амура: эти открытія, какъ и сдѣланныя раньше указанія Миддендорфа, подняли вопросъ о русской колонизаціи Амура, которая, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны Китая, была окончательно установлена въ 1854 году упомянутымъ плаваніемъ Муравьева до устьевъ Амура, а въ 1858 г. присоединенъ былъ Усурійскій край за Амуромъ, нынѣшняя Приморская область [2]).

Въ это самое время въ Географическомъ Обществѣ обдумывалось широкое предпріятіе для изслѣдованія Восточной Сибири, которое распространилось потомъ и на новыя пріобрѣтенныя области. Средства для исполненія этихъ плановъ доставлены были пожертвованіями двухъ ревнителей науки, много сдѣлавшихъ для первыхъ успѣховъ Географическаго Общества, именно графа Гуттенъ-Чапскаго и П. А. Голубкова. Программа экспедиціи выработывалась въ отдѣленіяхъ математической и физической географіи, и математическій отдѣлъ экспедиціи, подъ руководствомъ того же астронома Шварца, въ 1854 началъ свои работы, продолжавшіяся до 1859 года. Въ этотъ промежутокъ времени опредѣлено было 110 астрономическихъ пунктовъ, сдѣлано 20.000 верстъ маршрутной съемки, собрана масса данныхъ по географіи, орографіи и гидрографіи обширнаго простран-

[1]) Некрологъ его см. въ „Отчетѣ“ Географическаго Общества за 1867 годъ.

[2]) Исторія открытія Амура, Усурійскаго края, о-ва Сахалина, колонизаціи Амурской области и пр. составляетъ цѣлую обширную литературу; см. напр. „Указатель литературы объ Амурскомъ краѣ“, Ѳ. Ѳ. Буссе, въ „Извѣстіяхъ“ Географ. Общества, т. XVIII, 1882 (въ приложеніяхъ). Часть этой исторіи разсказана была въ запискахъ Н. В. Буссе: „Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853 года“, въ „Вѣстн. Европы“, 1871, кн. 10—12, и „Русскіе и Японцы на Сахалинѣ“, тамъ же, кн. 10. Новѣйшій любопытный разсказъ въ „Воспоминаніяхъ о Сибири“ Б. В. Струве, въ Р. Вѣстн. 1888, и отдѣльно. Спб. 1889 (180 стр.).

ства отъ границъ Томской губерніи до острова Сахалина и отъ верховьевъ Енисея до предгорій, подходящихъ къ долинѣ Лены [1]).

Значеніе трудовъ этой экспедиціи такъ оцѣниваетъ авторитетный историкъ Географическаго Общества: „Благодаря этимъ трудамъ, обширное пространство на востокѣ отъ Байкала представилось въ совершенно иномъ свѣтѣ. Прежнее преувеличенное представленіе о Становомъ хребтѣ утратило свое значеніе; вмѣсто него, можно сказать, открытъ новый хребетъ, коего горы, достигающія до 5.000 ф., отрасли и плоскости, простираются непрерывно отъ Байкала до Охотска.—Не менѣе существенныя измѣненія произошли въ представленіяхъ о Саянѣ и Маломъ Хинганѣ, причемъ только рядъ дальнѣйшихъ изслѣдованій выяснитъ все громадное значеніе обширныхъ плоскогорій, открытыхъ къ югу отъ Саяна сибирскою же экспедиціею. Карта г. Шварца надолго послужитъ основою будущихъ картографическихъ работъ. Но едва ли еще не важнѣе то вліяніе, которое она оказывала, вмѣстѣ съ изданнымъ въ 1856 году томомъ перевода и дополненій Риттеровой Азіи, на изученіе новыхъ еще нетронутыхъ пространствъ Восточной Сибири, Амурской рѣчной области и прилежащихъ странъ; достаточно обратиться къ свидѣтельству путешественниковъ, впервые проникавшихъ въ невѣдомыя части Сибири и пограничныхъ странъ, чтобы оцѣнить значеніе въ этомъ отношеніи обоихъ изданій Общества" [2]).

По окончаніи работъ математическаго отдѣла снаряженъ былъ въ 1859 физическій отдѣлъ экспедиціи; но еще раньше натуралистъ Густавъ Радде, присоединенный къ математическому отдѣлу, успѣлъ сдѣлать обширныя изученія по южной границѣ Восточной Сибири [3]). Физическій отдѣлъ, порученный руководству геолога Шмидта, работалъ съ 1859 по 1863 годъ; послѣдній опредѣлилъ въ общихъ чертахъ геологическое строеніе части Забайкалья, Амура и Сахалина, и съ нимъ вмѣстѣ его сотрудники, ботаникъ Гленъ, топографъ Ше-

---

[1]) „Труды Сибирской Экспедиціи Императорскаго Географическаго Общества. Математическій Отдѣлъ.—Подробный Отчетъ о результатахъ изслѣдованій математическаго отдѣла Сибирской Экспедиціи, составленный главнымъ астрономомъ экспедиціи Лудвигомъ Шварцемъ". Спб. 1864. 4°. Съ петрографическою картою Минусинскаго округа, составленною К. Гревингкомъ. Кромѣ того, издано было двѣ карты осмотрѣннаго пространства. Въ трудахъ экспедиціи съ Л. Шварцемъ работали еще проф. Гревингкъ, мичманъ Пещуровъ и прапорщикъ Шебунинъ.

[2]) Двадцатипятилѣтіе Имп. Р. Геогр. Общества. Спб. 1872, стр. 23—24.

[3]) Труды Сибирской Экспедиціи Имп. Р. Геогр. Общества. Физическій отдѣлъ.—Томъ I. Историческіе отчеты о физико-географическихъ изслѣдованіяхъ магистра Ѳ. Б. Шмидта и П. П. Глена. Спб. 1868. Томъ II. Ботаническая часть. Ѳ. Б. Шмидта, 1874. Томъ III. Геогностическая часть. Выпускъ I: Окаменѣлости мѣловой формаціи съ острова Сахалина, Ѳ. Б. Шмидта, 1873.

бунинъ сдѣлали изслѣдованія по геологіи, флорѣ и этнографіи населенія западной части Сахалина [1]).

Между тѣмъ образовался новый центръ сибирскихъ изслѣдованій. Въ 1851 году въ Иркутскѣ открытъ былъ „Сибирскій отдѣлъ“ Географическаго Общества. Это была первая филіація Общества, которая съ тѣхъ поръ дѣятельно участвовала въ трудахъ по изученію Сибири, и даже предпринимала важныя самостоятельныя экспедиціи. Сибирскій отдѣлъ составился изъ мѣстныхъ любителей и людей служащихъ, которые частью уже дѣйствовали въ предпріятіяхъ главнаго Общества. Особенно благопріятнымъ обстоятельствомъ для работъ отдѣла было то, что управленіе Восточной Сибири было тогда въ рукахъ человѣка просвѣщеннаго, Ник. Ник. Муравьева [2]). Въ провинціи, и особливо такой какъ Сибирь, всегда бываетъ чрезвычайно важно то или другое отношеніе къ дѣлу со стороны столь важнаго лица, какъ начальникъ края, и, если не ошибаемся, интересъ Муравьева къ географическимъ предпріятіямъ очень помогъ первымъ шагамъ Сибирскаго отдѣла. Вскорѣ явились и крупныя пожертвованія частныхъ лицъ, давшія возможность серьезныхъ предпріятій. Первымъ предпріятіемъ такого рода была Вилюйская экспедиція, исполненная на средства С. Ѳ. Соловьева. Вилюйскій край былъ одинъ изъ наименѣе извѣстныхъ въ Восточной Сибири, и задачей экспедиціи было изслѣдованіе долины Вилюя и въ частности вершинъ этой рѣки, богатыхъ солью и цвѣтными каменьями. Экспедиція поручена была Р. К. Мааку, въ сопровожденіи трехъ сотрудниковъ. Разные другіе труды Маака задержали изданіе результатовъ этой экспедиціи: первый томъ этого описанія вышелъ только черезъ тридцать лѣтъ послѣ начала самой экспедиціи, и окончено

---

[1]) Труды Радде, изданные Географическимъ Обществомъ: „Reisen im Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855—1859 incl. im Auftrage der Kaiserlichen Geographischen Gesellschaft ausgeführt von Gustav Radde“. Спб. 1862—1863, 2 тома, 4°, съ прекрасными рисунками и картами (млекопитающія и птицы). Въ первомъ томѣ отмѣтимъ еще: Itinerär, historischer Gang der Reise, стр. I—XL; потомъ Entwurf eines physico-geographischen Gesammtbildes des durchreisten Gebietes, стр. XLI—LV. Отвлеченный другими занятіями и переселившійся на Кавказъ, Радде не издалъ двухъ другихъ обѣщанныхъ имъ томовъ путешествія.

По-русски издано было въ „Запискахъ“ Геогр. Общества, 1861, книга IV: „Путешествіе въ юго-восточную Сибирь, совершенное по порученію Имп. Р. Геогр. Общества въ 1855—1859 Густавомъ Радде“. Часть первая (съ картою).

Предварительныя извѣстія и отчеты о его путешествіи печатались въ „Вѣстникѣ“ Геогр. Общества съ 1855 года.

[2]) Обширную біографію его см. въ книгѣ: „Графъ Ник. Ник. Муравьевъ-Амурскій по его письмамъ, оффиціальнымъ документамъ, разсказамъ современниковъ и печатнымъ источникамъ (матеріалы для біографіи)“. Ив. Барсукова. 2 тома. М. 1891.

было его изданіе уже по смерти автора [1]). Ричардъ Карловичъ Маакъ (1825—1886), получившій образованіе въ петербургскомъ университетѣ, служилъ въ то время учителемъ иркутской гимназіи; по спеціальности своей онъ былъ натуралистъ. Путешествіе продолжалось съ начала 1854 до конца февраля 1855 года. Какъ почти всѣ экспедиціи этого рода, оно представляетъ множество данныхъ по разнымъ отраслямъ физическаго изученія страны: маршрутъ экспедиціи, рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій климатическихъ явленій края, подробное описаніе поѣздокъ Маака до крайнихъ сѣверныхъ пунктовъ Вилюйскаго края, обширный матеріалъ для изученія естественно-историческихъ особенностей страны, ея флоры, фауны, геологіи и минералогіи; третій томъ занятъ изслѣдованіями этнографическими, гдѣ говорится о внѣшнемъ бытѣ, промыслахъ, обычаяхъ, преданіяхъ туземнаго населенія,—между прочимъ, ботаническіе словари якутскій и тунгузскій, образчики мѣстныхъ особенностей русскаго языка у жителей Якутской области. Описаніе путешествія, читая которое жалѣешь, что оно не было болѣе подробно, даетъ тѣмъ не менѣе чрезвычайно любопытную картину зимы крайняго сѣвера, которую онъ испыталъ какъ Врангель и Миддендорфъ: Маакъ могъ воспользоваться только двумя-тремя мѣсяцами теплаго времени, и затѣмъ странствовалъ среди лютой зимы, долго оставаясь безъ пристанища, проводя ночи подъ открытымъ небомъ и рискуя замерзнуть. Самымъ тяжкимъ періодомъ экспедиціи былъ обратный путь съ крайней сѣверной точки экспедиціи (68°, 15′ сѣв. широты) до устья рѣки Чоны (гдѣ должны были ждать ихъ высланные на встрѣчу якуты), съ половины сентября до 25-го октября, когда путешественники были предоставлены только самимъ себѣ, вдали отъ всякаго человѣческаго жилья и не встрѣчая живой души. Ступая въ глубокомъ снѣгу, путники дѣлали лишь отъ 10 до 15 верстъ въ сутки, дни и ночи проводили подъ открытымъ небомъ и „я увѣренъ, — говоритъ Маакъ, — что каждый изъ насъ, смыкая отъ усталости очи, не надѣялся уже болѣе открыть ихъ“... „Между тѣмъ,—разсказываетъ Маакъ—морозы становились все сильнѣе и начали уже принимать чудовищные размѣры: отъ холоду разрывались стволы толстыхъ деревъ, земля давала трещины, нѣсколько влажное дерево становилось несравненно тверже желѣза и топоръ не рубилъ его, а самъ при ударѣ разлетался въ дребезги, какъ стекло; ртуть въ термометрахъ давно застыла, и производить какія-либо работы было положительно физически невозможно. Къ тому же какая-

[1]) „Вилюйскій округъ Якутской области“. Р. Маакъ. Часть I. Изданіе второе. Спб. 1883. Часть II и III. Изданіе первое. Спб. 1886—1887, 4°—съ многочисленными рисунками, планами и таблицами. Подробнѣе мы имѣли случай говорить объ этой книгѣ въ Литературномъ Обозрѣніи „В. Европы“ 1887, декабрь, стр. 864—870.

то сырость воздуха дѣлала стужу еще болѣе невыносимой; замерзшіе пары наполняли воздухъ, какъ мушкарой, мелкими иглами, что̀ все вмѣстѣ при малѣйшемъ вѣтрѣ становилось, по истинѣ, убійственно нестерпимымъ". Чрезмѣрныя усилія, соединенныя съ путешествіемъ, отразились на здоровьѣ спутниковъ Маака. По словамъ его, они сошли въ преждевременную могилу; его собственное здоровье было подорвано.

Тѣмъ не менѣе Маакъ уже вскорѣ принялъ и исполнилъ другое порученіе Сибирскаго отдѣла, а именно экспедицію для изслѣдованія только-что пріобрѣтеннаго Амура; это путешествіе продолжалось съ апрѣля 1855 по январь 1856 года, и въ томъ же году Маакъ отправился въ Петербургъ для изданія своего труда [1]). Въ февралѣ 1859 года Мааку дано было новое порученіе—изслѣдованіе долины Усури, и онъ снова отправился въ Петербургъ для изданія своего путешествія, гдѣ даны были географическое описаніе края, матеріалы для флоры и фауны и словарь языка мѣстныхъ инородцевъ, ходзеновъ, составленный А. Брылкинымъ [2]). Въ Петербургѣ, причисленный на время къ министерству внутреннихъ дѣлъ, Маакъ обработалъ статистическіе матеріалы по Енисейской губерніи для извѣстнаго изданія министерства: „Списки населенныхъ мѣстъ по свѣдѣніямъ 1859 года". Впослѣдствіи Маакъ былъ главнымъ инспекторомъ училищъ Восточной Сибири и, наконецъ, переселившись въ Петербургъ, былъ членомъ совѣта въ министерствѣ просвѣщенія.

Одновременно съ этимъ другая экспедиція на Амуръ совершена была Леоп. Шренкомъ, по порученію Академіи наукъ: Шренкъ путешествовалъ здѣсь въ 1854—1856 г. и издалъ впослѣдствіи обширный трудъ, посвященный исключительно естественно-историческимъ наблюденіямъ [3]). Назовемъ, наконецъ, ботаническія изслѣдованія академика Максимовича (Primitiae и пр., 1859) и др.

Въ тоже время совершено было много небольшихъ частныхъ изслѣдованій и поѣздокъ, исполненныхъ членами Сибирскаго отдѣла или въ связи съ нимъ. Дѣятельность Отдѣла вообще была весьма оживленная, и отчасти связана съ административными поѣздками чиновниковъ въ разные края Восточной Сибири; отчасти научныя

---

[1]) „Путешествіе на Амуръ, совершенное, по распоряженію Сибирскаго отдѣла, въ 1855 году, Р. Маакомъ". Спб. 1859, 4°, большой томъ съ отдѣльнымъ собраніемъ рисунковъ, картъ и плановъ.

[2]) „Путешествіе по долинѣ рѣки Усури. Совершилъ по порученію Сибирскаго отдѣла Р. Маакъ". Спб. 1861, 2 тома, 4°, съ рисунками и картою края.

[3]) „Reisen und Forschungen im Amur-Lande in den Jahren 1854—1856 im Auftrage der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg ausgeführt und in Verbindung mit mehreren Gelehrten herausgegeben von Leop. v. Schrenck". Pet. 1858—1876, томы I, II, IV (млекопитающія, птицы, моллюски, метеорологія и пр.).

изслѣдованія дѣлались по инициативѣ частныхъ лицъ, которымъ онѣ бывали важны для практическихъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ произведенъ былъ цѣлый рядъ научно-практическихъ экскурсій, между прочимъ принимавшихъ довольно широкіе размѣры. Послѣ экспедиціи Маака, по распоряженію генералъ-губернатора работала въ долинѣ Усури особенная съемочная экспедиція подъ начальствомъ полковника Будогоскаго, съ которымъ работали Усольцевъ (вообще много потрудившійся въ Сибирскомъ отдѣлѣ и какъ изслѣдователь, и какъ правитель его дѣлъ), переводчикъ Шишмаревъ (послѣ консулъ въ Ургѣ, въ Монголіи), живописецъ Мейеръ и нѣсколько съемщиковъ. Далѣе, Сибирскій отдѣлъ принялъ участіе въ экспедиціи бр. Бутиныхъ, нерчинскихъ промышленниковъ, имѣвшей цѣлью опредѣленіе прямого пути изъ нерчинскаго края въ Пекинъ [1]). Затѣмъ, Отдѣлъ присоединился къ предложеніямъ енисейскихъ и олекминскихъ золотопромышленниковъ дать средства для научнаго изслѣдованія малоизвѣстныхъ мѣстностей, которыя представляли особый практическій интересъ для золотого промысла. Такъ образовались экспедиціи Туруханская и Олекминско-витимская. Въ первой собраны были обширные матеріалы по геологіи, флорѣ и фаунѣ Лопатинымъ, и матеріалы этнографическіе—Щаповымъ, работавшимъ также въ Верхоленскомъ краѣ; къ сожалѣнію, матеріалы, собранные Щаповымъ въ туруханскомъ путешествіи, впослѣдствіи погибли въ пожарѣ, постигшемъ помѣщеніе Сибирскаго отдѣла въ Иркутскѣ. Въ Олекминско-витимской экспедиціи, исполненной на счетъ золотопромышленниковъ, князь Кропоткинъ, отыскивая скотопрогонный путь, собралъ богатыя данныя для картографіи, геогнозіи, ботаники и зоологіи [2]).

Въ тѣхъ же „Запискахъ по общей географіи“ (т. V, Спб. 1875, подъ ред. И. Полякова) находится богатый матеріалъ по орографіи южной половины Восточной Сибири, Минусинскаго, Красноярскаго, Нарынскаго края, и т. д., въ трудахъ Кропоткина, Пржевальскаго, Ломоносова, Каульбарса, архим. Палладія. Въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ этого изданія (XVI, 1885 г.) напечатанъ обширный трудъ Франца Шперка: „Россія дальняго Востока“, посвящен-

---

[1]) Въ этой экспедиціи принималъ участіе П. А. Ровинскій, путешествіе котораго черезъ Монголію разсказано было въ „Вѣстникѣ Европы“, 1874.

[2]) Записки по общей географіи (по отдѣленіямъ географіи физической и математической). Томъ третій. Изданъ подъ редакціей П. Кропоткина.—Отчетъ объ Олекминско-витимской экспедиціи для отысканія скотопрогоннаго пути изъ Нерчинскаго округа въ Олекминскій, снаряженной въ 1866 году олекминскими золотопромышленниками при содѣйствіи Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества, П. Кропоткина и И. Полякова. Спб. 1873.

ный Амурскому краю. Объяснивъ во введеніи значеніе занятія Амура и указавъ мнѣнія объ этомъ вопросѣ въ печати русской и иностранной, авторъ дѣлаетъ историческій очеркъ Амура съ его перваго занятія козаками въ XVII столѣтіи и до новѣйшихъ временъ, излагаетъ затѣмъ свѣдѣнія о географіи, климатѣ, природѣ Амурскаго края, наконецъ, этнографическія данныя и экономическое состояніе края.

Съ 1856, Сибирскій отдѣлъ предпринимаетъ изданіе отдѣльныхъ „Записокъ" (XI книгъ, 1856—1874), которыя выходили сначала въ Петербургѣ, подъ редакціей тогдашняго секретаря Геогр. Общества, Е. И. Ламанскаго, а потомъ въ Иркутскѣ, подъ редакціей правителей дѣлъ и другихъ членовъ Сибирскаго отдѣла (И. Сельскаго, Н. Версилова, А. Сгибнева, М. Загоскина, Н. Кашина, А. Чекановскаго). Потомъ, съ 1870 г. издавались „Извѣстія", каждогодно, подъ редакціей А. Усольцева, Н. Агапитова и др.

Въ 1876 г., Сибирскій отдѣлъ праздновалъ двадцатипятилѣтіе своей дѣятельности. Изданная по этому случаю книжка передаетъ,—къ сожалѣнію, только слишкомъ кратко и голо,—результаты этой дѣятельности, но изложеніе сопровождено любопытной картой, изображающей пути всѣхъ экспедицій, какія снаряжены были за этотъ промежутокъ времени администраціей, Отдѣломъ и частными лицами при его участіи [1]). На этой картѣ означены маршруты и осмотрѣнныя пространства цѣлаго ряда экспедицій, а именно: подполковника Ахте въ 1849 г. на пространствѣ будущей Амурской области; Вилюйской 1854—55 г. Маака, и его же Амурской, 1855 г.; большой Сибирской экспедиціи самого Географическаго Общества въ 1854—57 г.; Олекминско-витимской экспедиціи Кропоткина и Полякова въ 1866 г.; Чукотской въ 1869 и 1870 годахъ; обширнаго путешествія геолога Чекановскаго и Ферд. Мюллера въ 1873—74 гг.; по Нижней Тунгузкѣ и Оленеку; экспедицій по рѣкѣ Сунгари, въ Манджуріи, въ 1864, 1866, 1872 гг.; Шишмарева, въ Монголію, въ 1864 г.; Кропоткина въ 1864 и 1865 годахъ; Гельмерсена въ 1863 г.; Турбина, отъ Кяхты до Пекина; Туруханской, Бутиныхъ, архим. Палладія, Падрина, Усурійской; наконецъ, нѣсколько другихъ маршрутовъ, пространства съемокъ и разспросныхъ картъ.

Въ изданіяхъ Сибирскаго отдѣла разсѣяно множество отдѣльныхъ изслѣдованій по естественной исторіи, географіи, этнографіи Сибири и, между прочимъ, много цѣнныхъ изслѣдованій и извѣстій о мало-

---

[1]) „Очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Сибирскаго отдѣла Импер. Р. Географическаго Общества", s. l. et a. 24 стр.; потомъ указатель сочиненій, напечатанныхъ Отдѣломъ особо и помѣщенныхъ въ его изданіяхъ (стр. 1—10), списокъ членовъ (стр. 1—10) и карта.

доступныхъ мѣстностяхъ Сибири. Укажемъ, напр., въ „Запискахъ" географическія изслѣдованія Пермикина; путешествія и описанія крайняго сѣверо-востока Азіи, Чукотской земли, свящ. Аргентова; очерки Туруханскаго края, кн. Кострова; объ инородцахъ Енисейскаго края, М. Кривошапкина [1]); историческій обзоръ геологическихъ изслѣдованій въ Иркутской губерніи. Въ „Извѣстіяхъ": историческій обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи; различныя путешествія П. А. Ровинскаго; о сибирскихъ древностяхъ, Н. Попова; работы Кашина, Ломоносова, Кельберга; естественно-историческія изслѣдованія и наблюденія польскихъ натуралистовъ В. Дыбовскаго, Годлевскаго, И. Черскаго, о которыхъ скажемъ далѣе.

Сибирскій отдѣлъ, мѣстопребываніемъ котораго былъ Иркутскъ, предполагалъ, въ 1869 году, въ виду сосредоточенія своей дѣятельности, направить ее главнымъ образомъ на Иркутскую губернію: это болѣе соотвѣтствовало скромнымъ матеріальнымъ средствамъ Отдѣла и обѣщало всестороннее изученіе хотя бы одной мѣстности. На дѣлѣ, предпріятія Отдѣла не ограничивались этой программой, но Западная Сибирь все-таки занимала меньше мѣста въ этихъ предпріятіяхъ, и къ концу семидесятыхъ годовъ Сибирскій отдѣлъ раздвоился: съ 1878 г. началъ дѣйствовать „Западно-Сибирскій" отдѣлъ въ Омскѣ. Съ 1879 г. начали выходить „Записки" этого Отдѣла, наполняющіяся всего болѣе матеріаломъ западно-сибирскимъ и гдѣ, кромѣ множества частныхъ сообщеній, изданы были крупные труды, какъ напр.: „Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ" Н. Ядринцева (1880, 1882), „Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ внутренняго Китая" М. Пѣвцова (1883), „Путешествіе на озеро Балхашъ и въ Семирѣченскую область" А. Никольскаго, „Этнологическій очеркъ киргизовъ" Зеланда (1855)...

Алтай издавна привлекалъ путешественниковъ и красотами горной природы, и изученіемъ минеральныхъ богатствъ, и интересомъ этнографическимъ. Ему посвящали свои изслѣдованія Гумбольдтъ, Чихачевъ, Щуровскій, Гельмерсенъ и др.; теперь его изслѣдовали, кромѣ горныхъ инженеровъ, Шварцъ, Полетика, Мейенъ, Потанинъ, наконецъ, знаменитый нѣмецкій геологъ Котта [2]).

Мы говорили выше, какъ расширеніе русскихъ владѣній въ Азіи повело къ чрезвычайному расширенію географическихъ изслѣдованій. Сибирь была въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этими новыми пріобрѣтеніями, и изученіе ихъ отчасти присоединяется къ сибирскимъ экспедиціямъ. Средняя Азія издавна, еще съ XVII-го вѣка, привле-

[1]) О большой его книгѣ объ Енисейской губ. упомянемъ ниже.

[2]) Bernh. v. Cotta, „Der Altai, sein geolog. Bau und seine Erzlagerstätten", 1871.

кала вниманіе и русскаго правительства, и мѣстнаго сибирскаго сосѣдства; сохранилось не мало записей о русскихъ странствіяхъ въ Хиву, Бухару и пр.; съ XVIII-го вѣка возникаютъ завоевательные планы, которые осуществляются только въ нынѣшнемъ столѣтіи; южный край Западной Сибири былъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ и торговыхъ связяхъ съ осѣдлыми и кочевыми обитателями Средней Азіи. Въ наше время научная предпріимчивость идетъ параллельно съ политическими планами и военными экспедиціями, и Географическое Общество принимаетъ ближайшее участіе въ ученыхъ поискахъ въ Средней Азіи. Обзоръ ихъ не входитъ въ нашу задачу, и мы только въ общихъ чертахъ укажемъ нѣкоторыя предпріятія и нѣкоторыя имена. Таковы были прежде всего труды извѣстнаго Сѣверцова, для котораго Туркестанъ сдѣлался исключительнымъ предметомъ изслѣдованія; путешествія слѣдовали одно за другимъ, — въ первый разъ въ 1857 — 58 годахъ на низовья Сыръ-Дарьи; потомъ, въ 1864 г., при походахъ генерала Черняева; затѣмъ — въ 1865 — 68 годахъ. Разсказъ о путешествіи соединяется съ наблюденіями натуралиста, особливо цѣнными тѣмъ, что дѣлались нерѣдко въ первый разъ, съ общей картиной страны и ея пейзажа, туземнаго быта въ его связи съ мѣстными условіями, и т. д. [1]). Затѣмъ, Географ. Обществомъ изданы были обширные „Труды Аму-Дарьинской экспедиціи“ (5 выпусковъ, 1877 — 88), заключающіе въ себѣ изслѣдованія метеорологическія и гидрографическія, наблюденія астрономическія и магнитныя; далѣе „Описаніе Арало-Каспійской нивеллировки“ А. Тилло (1877), „Кашгарія“ г. Куропаткина (1879), „Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи“ (по 1877 годъ), составленныя И. П. Минаевымъ (Спб. 1879). Петербургскимъ Обществомъ естествознанія изданы „Труды Арало-Каспійской экспедиціи“ (1876—77), подъ редакціей О. Гримма, съ изслѣдованіями М. Богданова, Кесслера, Аленицына, и между прочимъ съ историческимъ обзоромъ изслѣдованій въ Арало-Каспійской области съ 1720 по 1874 годъ. Въ 1874—75 г. издано было обширное „Путешествіе въ Туркестанъ“ ревностнаго и несчастно-погибшаго ученаго А. П. Федченка, посвященное зоо-географическимъ изысканіямъ, матеріалъ которыхъ обработанъ былъ цѣлымъ рядомъ спеціалистовъ. Назовемъ еще труды Шренка, Борщова, Мушкетова, Романовскаго, астрономовъ: Лемма, Бутакова, Струве, наконецъ многочисленныхъ путешественниковъ-описателей и географовъ, какъ Влангали, Макшеевъ, Валихановъ, Мейеръ и самъ вице-президентъ Геогр. Общества Семеновъ, еще въ

---

[1]) „Мѣсяцъ плѣна у коканцевъ“, 1860; „Путешествіе по Туркестанскому краю, изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня“. Н. Сѣверцова. Т. I. Спб. 1873, и друг.

пятидесятыхъ годахъ изучавшій Алтайскую и степную страну. Не упоминаемъ теперь уже довольно многочисленной литературы о политическомъ водвореніи русскихъ въ Туркестанѣ: о разсказахъ военныхъ событій, изложеніяхъ внѣшняго современнаго состоянія края (труды Костенко, Терентьева, Хорошхина и др.), о литературѣ новѣйшихъ завоеваній въ нынѣшней Закаспійской области, и проч.

Съ другой стороны, изученія сибирскія приводили къ изученію южнаго сосѣдства Восточной Сибири, Монголіи и частью Манджуріи. На эти „мугальскія" или „мунгальскія" земли издавна обращало вниманіе московское правительство; для восточныхъ сибиряковъ это были ближайшіе сосѣди, и часть монгольскаго племени вокругъ Байкала (буряты) давно подчинилась русской власти. Всѣ старые путешественники, отъ Гмелина и Миллера, интересовались и этимъ осколкомъ монгольскаго племени, и всѣмъ племенемъ, которому привелось сыграть нѣкогда столь шумную и истребительную роль. Къ прежней, чисто научной любознательности въ новѣйшее время присоединяются другія соображенія: предполагается, что тѣ сношенія, которыя въ извѣстной степени существуютъ въ настоящее время съ глубинами монгольской Азіи, разовьются со временемъ въ болѣе тѣсныя связи, важныя и въ политическомъ и въ культурномъ отношеніи; если русскимъ изслѣдователямъ было внѣшнимъ образомъ удобнѣе, чѣмъ другимъ, обратиться къ изученію монгольской страны и народа, то упомянутыя обстоятельства еще болѣе вызывали къ этому. Здѣсь не мѣсто говорить о тѣхъ изученіяхъ, которыя до сихъ поръ посвящались Монголіи, ея племени, исторіи, языку и литературѣ, — этихъ изученій много сдѣлано было и съ русской стороны, — и мы упомянемъ лишь о новѣйшихъ обширныхъ путешествіяхъ, какія совершены были при посредствѣ Географическаго Общества, въ особенности Пржевальскимъ и Потанинымъ (выше мы упоминали объ отдѣльныхъ поѣздкахъ въ Монголію изъ Сибири).

Николай Мих. Пржевальскій началъ свои путешествія въ концѣ шестидесятыхъ годовъ штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба въ Усурійскомъ краѣ; затѣмъ районъ его путешествій все расширялся и онъ, такъ сказать, сдѣлалъ свою службу въ Монголіи. Способъ исполненія экспедицій знаменитаго путешественника и ихъ результаты достаточно извѣстны: необыкновенная энергія давала возможность Пржевальскому странствовать по цѣлымъ годамъ въ далекихъ, часто непривѣтливыхъ, странахъ и дикихъ пустыняхъ, выдерживать встрѣчи и столкновенія съ враждебными туземцами, отрываясь надолго отъ всякихъ сообщеній съ цивилизованнымъ міромъ, и возвращаться благополучно съ огромными зоологическими коллекціями и съ любопытными томами путешествій, доставившихъ ему европейскую славу.

Первое трехлѣтнее странствованіе Пржевальскаго въ глубины Азіи совершено было въ началѣ семидесятыхъ годовъ [1]): книга заключаетъ разсказъ о путешествіи и матеріалъ по естественной исторіи (климатъ, зоологія), обработанный, кромѣ самого автора, Кесслеромъ и акад. Штраухомъ. Второе путешествіе, 1876—77 года, описано въ краткомъ разсказѣ [2]); но третье, 1879—80 г., явилось въ обширномъ описаніи со множествомъ рисунковъ и картами, гдѣ между прочимъ изображена и область, пройденная во второмъ путешествіи [3]). Онъ умеръ въ 1888, при самомъ началѣ новой экспедиціи.

Менѣе громки, но болѣе разнообразны и богаты были труды другого путешественника, Г. Н. Потанина. Его характеристическая біографія разсказана недавно г. Семеновымъ [4]). Г. Потанинъ (род. 1835), сынъ есаула сибирскаго казацкаго войска на южной окраинѣ Западной Сибири, былъ, такимъ образомъ, потомокъ тѣхъ старыхъ казачьихъ піонеровъ, которые нѣкогда разыскивали и занимали Сибирь. Потанинъ-отецъ, въ 1820—30 годахъ, самъ водилъ развѣдочныя партіи въ Киргизскую степь и составлялъ обстоятельные маршруты и глазомѣрныя съемки [5]). Г. Н. Потанинъ учился въ омскомъ кадетскомъ корпусѣ, и уже въ 1853—54 г., въ качествѣ казачьяго хорунжаго, принималъ участіе въ первомъ русскомъ походѣ въ Заилійскій край и въ закладкѣ города Вѣрнаго; въ слѣдующемъ году онъ былъ со ввѣренной ему сотней казаковъ въ цвѣтущихъ долинахъ Алтая, гдѣ жили нѣкогда его предки. Въ 1856, состоя на службѣ въ Омскѣ, онъ занялся въ архивахъ разысканіемъ данныхъ для старой сибирской исторіи и собралъ не мало любопытныхъ документовъ (которые были потомъ напечатаны въ „Чтеніяхъ" Московскаго Общества исторіи и древностей и въ изданіяхъ Географическаго Общества).

---

[1]) „Монголія и страна тангутовъ. Трехлѣтнее путешествіе въ Восточной Нагорной Азіи". Спб. 1875—76. Два тома, 8°, съ рисунками.

[2]) „Отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ. Путешествіе Н. М. Пржевальскаго, полковника генер. шт., въ 1876 и 1877 гг. Изданіе Имп. Р. Географ. Общества". Спб. 1878, 8°.

[3]) „Третье путешествіе въ центральной Азіи. Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки. Съ 2 картами, 108 рисунками и 10 политипажами въ текстѣ. Изданіе Имп. Р. Геогр. Общества на Высочайше дарованныя средства". Спб. 1883, 4°.

[4]) „Нива", 1888, № 5. Въ этой біографіи не досказано, что участіе П. П. Семенова не однажды оказывало г. Потанину серьезную помощь въ трудныхъ обстоятельствахъ его жизни и въ его научныхъ предпріятіяхъ. Статья „Нивы" повторена, съ нѣкоторыми добавленіями, въ „Сибирской Газетѣ", 1888, № 28, 30 (ст. Н. Костина). Ср. „Новости", 1887, № 43, 47, ст. Н. М—ва.

[5]) Въ „Вѣстникѣ Геогр. Общества", ч. XVIII, 1856, помѣщены „Записки о Коканскомъ ханствѣ хорунжаго Потанина" (1830), съ примѣчаніями П. С. Савельева, извѣстнаго оріенталиста.

Но надъ нимъ тяготѣла обязательная казачья служба, и только въ 1858 г. Потанинъ добился освобожденія отъ нея и, за неимѣніемъ средствъ, отправился въ Петербургъ съ караваномъ, ежегодно доставляющимъ изъ Сибири золото. Три года, до закрытія петербургскаго университета въ 1861, онъ слушалъ лекціи, употребляя лѣтнія вакаціи на ботаническія и геологическія экскурсіи, между прочимъ, по Уралу до Гурьева. Въ 1862 онъ вернулся на родину; въ 1863—64 принималъ участіе въ разграничительной экспедиціи подъ начальствомъ К. В. Струве (послѣ, русскаго посланника въ Соединенныхъ Штатахъ) въ области озера Зайсана. Въ 1866, живя въ Томскѣ, гдѣ онъ состоялъ секретаремъ статистическаго комитета, Потанинъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ близкихъ съ нимъ людей, подвергся обвиненію въ пропагандѣ „сибирскаго сепаратизма" и, преданный военному суду, провелъ два года въ предварительномъ заключеніи и затѣмъ, осужденный и лишенный всѣхъ правъ состоянія, три года отбывалъ крѣпостныя работы въ Свеаборгѣ, затѣмъ нѣсколько лѣтъ поселенія въ городѣ Никольскѣ, лѣсной трущобѣ Вологодской губерніи. Только въ 1874 году ему возвращены права состоянія; это означало для него въ особенности возможность возвратиться къ правильнымъ научнымъ занятіямъ. Въ томъ же году мы видимъ его въ Петербургѣ, гдѣ онъ совмѣстно съ г. Семеновымъ принялъ участіе въ обширной работѣ составленія цѣлаго тома дополненій къ Риттеровой „Азіи"; въ 1875, онъ сдѣлалъ съ проф. Иностранцевымъ геологическую поѣздку въ Крымъ. Въ 1876, г. Потанинъ предложилъ Географ. Обществу экспедицію въ сѣверо-западную Монголію, еще слишкомъ мало изслѣдованную, и лѣтомъ того же года начата была экспедиція, гдѣ спутниками Потанина были извѣстный теперь путешественникъ и оріенталистъ Позднѣевъ, натуралистъ Березовскій и топографъ Рафаиловъ. Путешествіе окончено было въ декабрѣ слѣдующаго года, и результатомъ были разныя естественно-историческія наблюденія, богатыя коллекціи по зоологіи, ботаникѣ и геологіи, наконецъ важныя этнографическія свѣдѣнія. Въ половинѣ 1879 г. и до конца года Потанинъ съ двумя сотрудниками сдѣлалъ вторую поѣздку въ тѣ мѣстности Монголіи, которыхъ не могъ посѣтить въ первомъ путешествіи, и собралъ новыя коллекціи; затѣмъ, вернувшись въ Петербуръ, занимался до 1883 г. обработкой собраннаго матеріала. Въ 1883 г. Географ. Общество снарядило новую экспедицію на китайскую восточную окраину нагорной центральной Азіи, мало донынѣ извѣстную и представляющую большой физическій и географическій интересъ. Во главѣ экспедиціи опять былъ г. Потанинъ; его сотрудниками были опытный геодезистъ Скасси и натуралистъ Березовскій. Экспедиція отправилась въ августѣ 1883 г. на военномъ фрегатѣ

„Мининъ" на китайское прибрежье; весной 1884, Потанинъ вышелъ изъ Пекина и углубился въ Китай, потомъ въ самую внутренность Монголіи по новому, доселѣ совершенно неизвѣстному, пути и поздней осенью 1886 достигъ Кяхты. „Научные результаты экспедиціи Потанина,—говорилъ г. Семеновъ,—чрезвычайно обширны и представляютъ высокій научный интересъ: 69 астрономическихъ пунктовъ, болѣе 6.000 верстъ съемки, большею частью мензульной, представляютъ блестящій геодезическій и картографическій результатъ трудовъ превосходнаго геодезиста и астронома Скасси. Не менѣе богаты привезенныя имъ коллекціи геологическія, зоологическія и ботаническія, а также драгоцѣнный этнографическій матеріалъ" [1]). Послѣ того Г. Н. Потанинъ былъ нѣкоторое время въ Иркутскѣ правителемъ дѣлъ Восточно-Сибирскаго отдѣла Географ. Общества, занимаясь обработкой матеріала, собраннаго въ его послѣдней экспедиціи.

Литературная дѣятельность г. Потанина (съ 1859 года) въ этой области азіатскихъ географическихъ изслѣдованій, а также изученій Сибири чрезвычайно обширна. Главная масса его трудовъ нашла мѣсто въ изданіяхъ Географ. Общества; много собранныхъ имъ матеріаловъ являлось, какъ замѣчено выше, въ „Чтеніяхъ" Московскаго Общества исторіи и древностей, въ журналахъ; наконецъ, не мало путевыхъ разсказовъ, описаній, работъ публицистическаго характера [2]), о которыхъ будемъ имѣть случай говорить. Здѣсь укажемъ лишь его главныя географическія работы. Во-первыхъ, его сотрудничество съ г. Семеновымъ въ дополненіи Риттеровой „Азіи" [3]), гдѣ входили личныя свѣдѣнія г. Потанина; затѣмъ, результатомъ двухъ экспедицій въ Монголію былъ обширный трудъ, заключающій множество данныхъ по географіи, естественной исторіи и этнографіи этой страны [4]).

[1]) На возвратномъ пути въ Петербургъ, г. Потанинъ прочелъ о своемъ путешествіи публичную лекцію въ Томскѣ, — изложеніе ея сдѣлано было въ „Сибирской Газетѣ", 1887, № 5; затѣмъ, подробный докладъ о путешествіи онъ читалъ въ общемъ собраніи Географическаго Общества, въ апрѣлѣ, 1887, — изложеніе его было приведено тогда же въ „Новостяхъ", 1887, № 95.

[2]) Въ „Р. Словѣ", „Отеч. Запискахъ", „Дѣлѣ", „Др. и Новой Россіи", „Вѣстн. Европы", въ провинціальныхъ изданіяхъ.

[3]) „Землевѣдѣніе Азіи. Дополненіе къ тому III. Алтайско-Саянская горная система въ предѣлахъ Россійской имперіи и по китайской границѣ по новѣйшимъ свѣдѣніямъ 1872—1876 года. Составл. П. П. Семеновымъ и Г. Н. Потанинымъ". Спб. 1877. Большой томъ, 8°.

[4]) „Очерки Сѣверо-Западной Монголіи. Результаты путешествія, исполненнаго въ 1876, 1877, 1879 и 1880 годахъ, по порученію Импер. Р. Геогр. Общества, Г. Н. Потанинымъ".—Выпускъ I. Дневникъ путешествія и матеріалы для физической географіи и топографіи, и пр., съ картою и рисунками. Спб. 1881.

Ревностная любовь къ изслѣдованію и неутомимость въ ученыхъ странствованіяхъ отличали другого истаго сибиряка, заслуженнаго натуралиста Ив. Сем. Полякова, недавно умершаго (въ апрѣлѣ 1887, около 40 лѣтъ отъ роду). Онъ былъ уроженецъ Забайкальской области, изъ бѣдной и простой семьи; онъ уже былъ взрослымъ казакомъ, когда началъ учиться; съ самыми ничтожными средствами онъ странствуетъ за Байкаломъ, собираетъ коллекціи, ведетъ дневники. Еще юношей, любителемъ, имѣвшимъ только первоначальное школьное образованіе, онъ принимаетъ участіе въ упомянутой выше Олекминско-витимской экспедиціи 1866 года [1]); познакомившись съ извѣстнымъ геологомъ, княземъ П. А. Кропоткинымъ, Поляковъ приглашенъ былъ имъ присоединиться къ этой экспедиціи въ качествѣ зоолога. Онъ рѣшился, наконецъ, идти въ университетъ, и нашлись добрые люди, которые помогли ему отправиться въ Петербургъ: но до тѣхъ поръ онъ прошелъ всего только низшую школу: съ замѣчательной силой воли онъ одолѣлъ трудную задачу и поступилъ въ университетъ. Онъ жилъ бѣднякомъ, питаясь уроками, но кончилъ блестящимъ образомъ курсъ по естественному факультету, черезъ нѣсколько лѣтъ получилъ степень магистра зоологіи и сдѣлался хранителемъ зоологическаго музея Академіи Наукъ. Съ конца 60-хъ годовъ, когда онъ не кончилъ еще университетскаго курса, начинаются его ученыя сообщенія въ изданіяхъ Географическаго Общества. Это былъ изыскатель неустанный и разносторонній. Въ 1871 году онъ предпринимаетъ поѣздку въ Олонецкую губернію, гдѣ часть путешествія онъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ Гильфердингомъ и занимался изслѣдованіями по зоогеографіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ по этнографіи и геологіи—его въ особенности занимала археологія до-историческая, остатки каменнаго вѣка, который онъ разыскивалъ и въ Сибири, и въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ Олонецкой губерніи, въ долинѣ Оки, въ верховьяхъ Волги и т. д. Въ 1876 году Поляковъ отправляется въ Березовскій край для изслѣдованія рыбныхъ промысловъ; въ слѣдующемъ году въ Маріинскій округъ, Томской губерніи, и на озеро Балхашъ. Затѣмъ онъ каждое лѣто совершалъ ученыя экскурсіи въ разныхъ краяхъ Россіи съ цѣлью своихъ любимыхъ изслѣдованій по зоогеографіи,

---

Вып. II. Матеріалы этнографическіе (собр. въ 1876—1877 г.) съ 26 таблицами рисунковъ. Спб. 1881.

Вып. III. Дневникъ путешествія и матеріалы для физической географіи и топографіи С.-З. Монголіи (собранные въ 1879—1880 г.). Съ картою и рисунками. Спб. 1883.

Вып. IV. Матеріалы этнографическіе (собр. въ 1879 г.). Съ 26 таблицами рисунковъ. Спб. 1883. (Всѣ четыре выпуска составляютъ до 130 печатн. листовъ).

[1]) Отчетъ его напечатанъ въ изданныхъ впослѣдствіи трудахъ этой экспедиціи; см. „Записки по всеобщей географіи", т. III. Спб. 1873.

этнографіи и каменному вѣку. Въ 1880 г. онъ отправляется въ Сибирь вокругъ свѣта, много работаетъ на Сахалинѣ, на берегахъ Восточнаго океана и на Амурѣ. Обширный матеріалъ, собранный во время этого большого путешествія, онъ еще не успѣлъ обработать, когда смерть прервала его труды. Зоологія и каменный вѣкъ не отвлекали его вниманія и отъ живыхъ людей; столь же сильнымъ интересомъ его была этнографія, наблюденіе современнаго состоянія народнаго быта въ связи съ условіями природы и климата. Въ некрологѣ его мы читаемъ: „не ограничиваясь одними только зоологическими и антропологическими изслѣдованіями Сахалина, Поляковъ тщательно изучилъ бытъ какъ тамошнихъ туземцевъ-аиновъ, такъ и въ особенности ссыльныхъ, и имѣлъ въ виду разработать цѣлый рядъ проектовъ, относящихся до улучшенія этого быта". Въ своихъ сочиненіяхъ Поляковъ—что̀ не часто бываетъ у спеціалистовъ этого рода —умѣлъ расширять рамки своей спеціальности для болѣе широкихъ картинъ наблюдаемой жизни и природы; напримѣръ, изслѣдуя ихтіологію бассейна Оби, онъ изображаетъ вмѣстѣ экономическое устройство рыболовнаго промысла и даетъ картину быта мѣстныхъ инородцевъ, и т. п. Его простой, обходительный характеръ, ранняя жизнь въ народной средѣ дѣлали его особливо способнымъ къ ея изслѣдованію и пониманію. Люди, его знавшіе, разсказываютъ, что онъ именно умѣлъ сходиться съ мѣстнымъ населеніемъ и для него открывались и объяснялись просто весьма многія стороны мѣстнаго быта, недоступныя для другихъ изслѣдователей. Къ сожалѣнію, его личная жизнь сложилась несчастливо, и крѣпкій организмъ, позволявшій ему безнаказанно выносить странствія по лѣсныхъ дебрямъ и физическія лишенія, сломился подъ-конецъ отъ нерѣдкой болѣзни русскихъ даровитыхъ людей [1]).

Называя лицъ, особенно поработавшихъ для географическаго и естественно-историческаго описанія Сибири и Средней Азіи, должно назвать имя г. Венюкова, хорошо знакомое всѣмъ тѣмъ, кто интересовался нашей географической литературой. Съ конца пятидесятыхъ годовъ и до послѣднихъ лѣтъ г. Венюковъ былъ дѣятельнымъ вкладчикомъ въ труды Географическаго Общества и какъ самостоятельный собиратель географическихъ свѣдѣній, и какъ критикъ и обобщатель. Если не ошибаемся, его научная дѣятельность въ этой области началась съ изученія Амурскаго и Усурійскаго края въ генералъ-губернаторство Н. Н. Муравьева, продолжалась затѣмъ въ Средней Азіи, направлялась на самые разнообразные вопросы отъ картографіи

[1]) Ср. его некрологи въ „Сибирской Газетѣ", 1887, № 16; въ „Новостяхъ" 1887, № 94, 95, 170; въ „Восточномъ Обозрѣніи", 1887, апрѣль. Его біографія предпринята петербургскимъ Обществомъ естествознанія.

до естествознанія, статистики, этнографіи и военной политики. Съ начала 1861 идетъ цѣлый рядъ книгъ, въ которыхъ являлись или цѣльныя его сочиненія, или сборники статей по одному предмету [1]). Важнѣйшій изъ этихъ трудовъ г. Венюкова есть „Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи", исполненный съ богатымъ запасомъ научныхъ свѣдѣній и личнаго знакомства съ территоріями Сибири и Средней Азіи. Указавши въ обширной вводной главѣ постепенное расширеніе русскихъ владѣній въ Азіи съ XVI-го вѣка и общіе вопросы ихъ военной защиты, авторъ располагаетъ дальнѣйшее изложеніе по отдѣламъ громадной азіатско-русской границы: островъ Сахалинъ; Приморская область (береговая граница); Амурскій край вмѣстѣ съ Усурійскимъ; манджурскій отдѣлъ; забайкальскій или халкасскій; алтайско-саянскій; джунгарскій; тянь-шаньскій; два отдѣла въ западномъ Туркестанѣ—болорскій (горный) и аральскій или хивинскій (низменный); туркменскій. Въ каждомъ отдѣлѣ даны положеніе и границы края, топографія, указаны климатъ и естественныя произведенія, промыслы и торговля, средства сообщенія, населеніе—съ этнографическими опредѣленіями, главные населенные пункты, военное обозрѣніе, наконецъ приведены источники, т.-е. литература предмета, собранная весьма обстоятельно и доведенная до послѣднихъ (въ 1873 г.) данныхъ. Спеціально военная цѣль автора не мѣшаетъ книгѣ имѣть общій интересъ, какъ прекрасно сдѣланное обобщеніе данныхъ объ описываемыхъ странахъ. Съ теченіемъ времени книга, конечно, должна была запоздать со многими подробностями, и, напр., послѣдній отдѣлъ долженъ совсѣмъ измѣниться, какъ должна быть пополнена и литература предмета,—нужно было бы новое, измѣненное и дополненное изданіе.

Любопытны и „Путешествія по окраинамъ русской Азіи". „Въ теченіе семи лѣтъ, съ 1857 по 1863,—говоритъ авторъ,—мнѣ пришлось посѣтить бо̀льшую часть окраинъ нашего государства, отъ Балтійскаго моря до Кавказа, Небесныхъ горъ и Восточнаго океана. И хотя безпрерывные разъѣзды, походы, боевая и бивачная жизнь мало способствовали систематическому собиранію и разработкѣ дан-

[1]) „Очерки старыхъ и новыхъ договоровъ Россіи съ Китаемъ". Спб. 1861;—„Путешествія по окраинамъ русской Азіи и записки о нихъ". Спб. 1868;—въ 1869 и 1871, книги о Японіи и японскомъ архипелагѣ;—„Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи". Спб. 1873;—„Очерки современнаго Китая". Спб. 1874;—„Россія и Востокъ. Собраніе географическихъ и политическихъ статей". Спб. 1877.

„Опытъ" печатался первоначально въ „Военномъ Сборникѣ", и отсюда частію переведенъ былъ на французскій и англійскій языкъ; по выходѣ цѣлой книги, она вышла тогда же въ нѣмецкомъ переводѣ: „Oberst Wenjukow, Die russisch-asiatische Grenzlande". Aus dem Russ. übertragen von Krahmer, Hauptmann im Königl. Preuss. Grossen Generalstabe. Mit zwei Uebersichtskarten. Leipz. 1874.

ныхъ объ этихъ странахъ, тѣмъ не менѣе я былъ настолько счастливъ, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ успѣлъ собрать свѣдѣнія, частію вполнѣ неизвѣстныя прежде, частію бывшія достояніемъ немногихъ мѣстныхъ спеціалистовъ". Таково было происхожденіе книги, составляющей сборникъ отдѣльныхъ статей, которыя раньше помѣщены были главнымъ образомъ въ изданіяхъ Географическаго Общества. Большая часть этихъ статей относится къ Сибири, и, кромѣ предметовъ географическихъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи о нашей азіатской колонизаціи [1]).

---

[1]) Изъ трудовъ г. Венюкова отмѣтимъ еще небольшую, но содержательную статью: „Aperçu hist. des découvertes géographiques", etc. (30 стр. и карта), упомянутую выше, и статью: „Объ успѣхахъ естественно-историческаго изученія Азіатской Россіи въ связи съ географическими открытіями въ этой странѣ за послѣднія 25 лѣтъ и о видахъ на дальнѣйшую разработку естественной исторіи Сѣверной Азіи", въ „Трудахъ перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ, происходившаго съ 28 декабря 1867 по 4 января 1868 г.". Спб. 1868, 4°. Рѣчи и Протоколы, стр. 49—58.

ГЛАВА VII.

Польская литература о Сибири. — Новыя путешествія западно-европейскія и американскія.

Для поляковъ Сибирь уже съ давнихъ временъ бывала мѣстомъ ссылки: съ XVII-го столѣтія [1]), а главное со временъ старыхъ конфедерацій прошлаго вѣка, направленныхъ противъ Россіи, съ раздѣловъ Польши, а особенно послѣ возстанія 1831 г., броженія сороковыхъ годовъ, наконецъ, возстанія 1863 г., масса поляковъ, которую считали десятками тысячъ, была сослана въ Сибирь, и очень большое число осталось тамъ навсегда. Въ прошломъ столѣтіи путешественники отмѣчали въ Сибири цѣлыя польскія селенія, которыя отличались между прочимъ бо́льшею степенью культуры, земледѣльческой и бытовой. Огромный контингентъ поселенцевъ привели два большія возстанія нынѣшняго столѣтія, и такъ какъ повстанцы были въ особенности люди средняго и частію высшаго круга, то въ сибирскіе села и города совершался обильный притокъ людей съ извѣстнымъ уровнемъ образованія, техническаго и ремесленнаго знанія, промышленной предпріимчивости, уровнемъ, который часто былъ гораздо выше мѣстнаго: освоившись съ своимъ положеніемъ, поляки примѣнили къ дѣлу свои средства и заняли видное мѣсто въ жизни сибирскихъ городовъ—это были учителя, художники, врачи, техники, всякаго рода ремесленники, содержатели гостинницъ; они явились въ сибирскомъ обществѣ и т. д. [2]).

Многіе при этомъ пріобрѣли благосостояніе, облегчавшее разлуку

---

[1]) Исаакъ Масса въ первые годы XVII-го вѣка упоминаетъ уже о ссыльныхъ изъ Польши.

[2]) См. любопытную книгу: Polacy w Syberji, przez Zygmunta Librowicza". Kraków, 1884, гдѣ изложена исторія поляковъ въ Сибири до новѣйшаго времени.

съ родиной и близкими, но это была необходимость, вынужденный трудъ для средствъ существованія. Въ числѣ сосланныхъ поляковъ нашлись люди, послужившіе странѣ ихъ изгнанія и инымъ образомъ, а именно замѣчательными научными трудами, занимающими почетное мѣсто въ исторіи сибирскихъ изслѣдованій и, къ счастію, встрѣтившими признаніе. За послѣднія десятилѣтія таковы были въ особенности труды Дыбовскаго, Чекановскаго, Годлевскаго и Черскаго, имена которыхъ съ 1860-хъ годовъ являются постоянно въ трудахъ Географическаго Общества и его Сибирскаго Отдѣла.

В. И. Дыбовскій былъ прежде адъюнктомъ по каѳедрѣ зоологіи въ главной школѣ въ Варшавѣ; сосланный въ 1864 г. въ Забайкальскій край, онъ съ самаго начала отдался въ новой обстановкѣ природы любимымъ изслѣдованіямъ, гдѣ его товарищами стали Викторъ Годлевскій и Альфонсъ Парвезъ. Годлевскій, по спеціальности агрономъ, былъ кромѣ того ревностный охотникъ и собиратель коллекцій; Парвезъ былъ препараторъ. Къ счастью, Дыбовскій получилъ возможность заняться своими изслѣдованіями; въ 1866—67 они втроемъ дѣлали свои разысканія на восточномъ склонѣ Яблоннаго хребта, вблизи рѣкъ Онона и Ингоды; въ 1867—70 Дыбовскій и Годлевскій работали на южномъ берегу Байкала, а потомъ Дыбовскій сдѣлалъ путешествіе на Амуръ и Усури, гдѣ опять былъ въ 1873—74 годахъ; въ 1875 онъ былъ на прибрежьяхъ Манджуріи. Въ 1877, Дыбовскій и Годлевскій вернулись въ Варшаву, но Дыбовскій, несмотря на всѣ убѣжденія его близкихъ, рѣшилъ еще разъ добровольно отправиться въ Сибирь для довершенія своихъ изслѣдованій и, черезъ своихъ друзей въ Географическомъ Обществѣ, получилъ мѣсто окружнаго врача въ Петропавловскѣ въ Камчаткѣ. Четыре года онъ провелъ здѣсь съ 1879-го (пятый годъ заняли двѣ поѣздки) и, кромѣ обязанностей „окружнаго врача“ (на пространствѣ Камчатки и Командорскихъ острововъ!), онъ ревностно занимался естественно-историческими поисками, а также изслѣдованіемъ причинъ вымиранія мѣстныхъ инородцевъ, и т. п. Между прочимъ, онъ объѣхалъ Камчатку сухимъ путемъ, безъ дорогъ, по лѣсамъ и горамъ, и очень обогатилъ свои коллекціи. Изъ своего зоологическаго собранія по одному экземпляру всѣхъ предметовъ онъ посылалъ въ зоологическій кабинетъ въ Варшавѣ. Въ 1883, онъ вернулся въ Европу морскимъ путемъ, черезъ Суезъ, и принялъ предложенную ему каѳедру зоологіи во львовскомъ университетѣ [1]).

Другой польскій ученый, составившій себѣ славу изслѣдованіями

---

[1]) Librowicz, стр. 291—302. Но напрасно авторъ, на стр. 291, повторилъ безмѣрныя преувеличенія Рейхмана.

въ Сибири, былъ А. Л. Чекановскій. Сосланный въ Сибирь за участіе въ возстаніи 1863, онъ первое время выносилъ крайнюю нужду, не переставая, однако, заниматься геологіей, которая составляла его основной научный интересъ. Участіе академика Шмидта, въ то время путешествовавшаго въ Сибири, помогло Чекановскому выступить на научную дорогу, которая вскорѣ поставила его въ ряду дѣятельнѣйшихъ изслѣдователей Сибири. Съ 1869 года въ изданіяхъ Географ. Общества и его Сибирскаго Отдѣла появляются отчеты и извѣстія о работахъ Чекановскаго по геологическому изслѣдованію иркутской губерніи. Въ 1871 Чекановскій принималъ участіе въ поѣздкѣ астронома Неймана въ Тункинскій край и на озеро Косоголъ вмѣстѣ съ Дыбовскимъ, Годлевскимъ и пейзажистомъ Вронскимъ. „Трудъ Чекановскаго по геологіи иркутской губерніи, — читаемъ мы въ исторіи Сибирскаго Отдѣла, — признанъ образцовымъ не только Географическимъ Обществомъ и Академіей наукъ, но и заграничными учеными". Въ концѣ 1872 года Чекановскій предпринялъ трудную, и уже послѣднюю, экспедицію на Нижнюю Тунгузку и Оленекъ, которая продолжалась до 1875 г. и доставила, кромѣ естественно-историческихъ, также много картографическихъ матеріаловъ. Вызванный потомъ въ Петербургъ, гдѣ его торжественно привѣтствовало Географическое Общество, Чекановскій привезъ съ собою богатыя коллекціи сибирской флоры, окаменѣлостей, минераловъ, предметовъ энтомологіи; коллекціи его были пріобрѣтены Академіей наукъ; акад. Шифнеру онъ передалъ матеріалы по тунгузскому языку. Самъ Чекановскій, за своими спеціальными работами, не имѣлъ времени для составленія описательной части своихъ путешествій; экспедиція на Оленекъ подробно описана его спутникомъ въ этомъ путешествіи, Ферд. Миллеромъ [1]). Жизнь Чекановскаго кончилась прискорбнымъ образомъ: въ октябрѣ 1876 онъ застрѣлился въ Петербургѣ [2]).

Въ трудныхъ обстоятельствахъ началъ свое пребываніе въ Сибири и И. Д. Черскій, котораго съ конца 1860-хъ годовъ мы опять

---

[1]) F. Müller, „Unter Tungusen und Jakuten. Erlebnisse und Ergebnisse der Olenek-Expedition". Leipz. 1882. Миллеръ, хотя признаетъ заслуги Чекановскаго, значительную долю ихъ присвоиваетъ себѣ; но Чекановскій былъ и оффиціально руководителемъ экспедиціи. Немногіе собственные разсказы Чекановскаго объ этомъ путешествіи находятся въ его письмахъ въ Геогр. Общество; см. „Извѣстія" 1874 и 1875 г.

[2]) Librowicz, стр. 305—303; онъ заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ статьи Марьяна Дубецкаго, въ „Tygodnik Illustr." 1877, № 58. См. также некрологи Чекановскаго въ „Отчетѣ" Геогр. Общества за 1876, и въ „Извѣстіяхъ" Восточно-Сибирскаго Отдѣла, т. VIII, Ирк. 1877, № 1—2. Свѣдѣнія объ Оленекской экспедиціи въ „Отчетѣ" Геогр. Общества за 1874, и очеркъ географической дѣятельности Чекановскаго въ „Извѣстіяхъ" Геогр. Общ., т. XII, Спб. 1877.

встрѣчаемъ въ ряду усердныхъ изыскателей преимущественно въ Восточной Сибири, по геологіи и палеонтологіи; въ особенности занимался онъ изученіемъ Байкала. Въ послѣдніе годы онъ работалъ въ Петербургѣ, между прочимъ надъ дальнѣйшими выпусками Ритеровой „Азіи", а лѣтомъ 1891 г. предпринялъ снова путешествіе въ Сибирь для естественно-научныхъ изслѣдованій.

Назовемъ еще, изъ числа раньше сосланныхъ въ Сибирь поляковъ, плодовитаго писателя Агатона Гиллера (ум. въ іюлѣ 1887). Онъ былъ дважды сосланъ въ Сибирь, въ 1848 и 1854 г., какъ революціонный эмиссаръ, и въ ссылкѣ, пользуясь снисхожденіемъ властей, усердно собиралъ свѣдѣнія о Сибири, особливо Забайкальѣ, свѣдѣнія о мѣстной природѣ, флорѣ, фаунѣ, этнографіи, торговлѣ и промыслахъ, а также о судьбѣ его ссыльныхъ соотечественниковъ. Главное, собранное имъ,—это богатый матеріалъ для исторіи польской ссылки въ Сибири 1830—48 г. Впослѣдствіи Гиллеръ издалъ нѣсколько сочиненій о Сибири, изъ которыхъ главное есть „Opisanie Zabajkalskiej krainy w Syberji" (Лейпцигъ, 1867, три тома), которымъ между прочимъ обильно пользовался г. Максимовъ въ книгѣ о Сибири и каторгѣ; кромѣ того, Гиллеръ написалъ „Podróz więźniów etapami do Syberji" (Путь ссыльныхъ этапами въ Сибирь, Лейпц. 1866, 2 тома), и „Lista wygnańców polskich do r. 1860" (Списокъ польскихъ изгнанниковъ, въ „Album Myzeum Narodowego w Rapperswyll", Познань, 1872). Историкъ поляковъ въ Сибири, на котораго мы ссылались выше, указывая большой интересъ сочиненій Гиллера о Сибири, находитъ, что имъ мѣшаетъ однако крайне враждебное отношеніе писателя къ Россіи [1]). Впослѣдствіи, въ 1863, Гиллеръ принималъ весьма дѣятельное участіе въ польскомъ возстаніи, но въ концѣ его остерегся новой ссылки, удалившись въ Австрію.

Еще два польскихъ натуралиста посѣтили, на этотъ разъ добровольно, Сибирь или ея окраины и дали описаніе своихъ путешествій. Одинъ былъ Эдвардъ Островскій, профессоръ сельскаго хозяйства сначала въ институтѣ въ Маримонтѣ, потомъ въ харьковскомъ университетѣ, путешествовавшій въ киргизскихъ степяхъ и, кромѣ русскихъ спеціальныхъ изслѣдованій, издавшій польскую книгу [2]); другой—Брониславъ Рейхманъ, отдѣльныя статьи котораго собраны были въ книгу [3]).

Судьба поляковъ въ Сибири и ихъ разсказы о ней составляютъ цѣлую маленькую литературу, нерѣдко исполненную бытового и дра-

[1]) Librowicz, стр. 113, 147—149, 165.

[2]) Listy z podróży odbytej do stepów Kirgiz-Kajsackich, Гродно, 1859.

[3]) Z dalekiego Wschodu. Wrażenia, obrazki, opisy z dobrowolnej podróży po Syberji. Warszawa, 1881.

матическаго интереса; довольно многочисленные разсказы и воспоминанія, ими оставленныя не лишены значенія и въ отношеніи этнографическомъ. Либровичъ начинаетъ исторію поляковъ въ Сибири очень издалека, именно съ XIII-го вѣка, съ путешествія въ среднюю Азію знаменитаго Плано-Карпини и Бенедикта „Поляка“ (Benedictus Polonus), причемъ и перваго Либровичъ считаетъ также полякомъ. Въ исторіи занятія русскими Сибири онъ вспоминаетъ о полякѣ Черниховскомъ, который игралъ большую роль въ ряду предпріимчивыхъ русскихъ авантюристовъ, впервые явившихся въ XVII столѣтіи на Амурѣ; потомъ о Павлуцкомъ, дѣйствовавшемъ въ первой половинѣ XVIII-го вѣка въ Камчаткѣ и въ землѣ чукчей. Въ XVII и XVIII вѣкѣ цѣлыя массы поляковъ являются въ Сибири ссыльными; въ число поляковъ (или, по крайней мѣрѣ, уроженцевъ старой „Польши“) Либровичъ не усомнился занести и нѣкоторыхъ дѣятелей православной церкви въ Сибири, родомъ южноруссовъ, напримѣръ давняго епископа тобольскаго Филоѳея Лещинскаго и даже знаменитаго св. Иннокентія, патрона Сибири, который былъ по имени Кульчицкій (ум. 1731). Очень давно начинаются не столь сомнительные литературные памятники пребыванія поляковъ въ Сибири. Отъ XVII-го вѣка сохранился дневникъ Адама Каменскаго Длужика: взятый въ плѣнъ въ сраженіи съ кн. Юріемъ Долгорукимъ въ октябрѣ 1657 г., Каменскій съ 400 товарищами былъ отправленъ въ Сибирь и, кромѣ тяжкихъ испытаній своего плѣна, даетъ любопытныя описанія страны, людей и обычаевъ, которые видѣлъ на пути, кончившемся на Амурѣ [1]). Отъ начала XVIII-го столѣтія остались записки Людвика Сѣнницкаго, польскаго кальвиниста, бывшаго долго (1707—1722) въ русскомъ плѣну и ссылкѣ, и который потомъ, получивъ свободу, принялъ католичество и написалъ воспоминанія въ книгѣ, изданной въ Вильнѣ, 1754 [2]). Выше упомянуто о похожденіяхъ и запискахъ венгерскаго графа и польскаго конфедерата Беньовскаго, и французскаго полковника въ польской службѣ Белькура. Около того же времени нѣсколько лѣтъ былъ въ русской военной службѣ въ Сибири, потомъ въ Азовѣ, Любичъ-Хоецкій, который въ 1776 г. бѣжалъ и оставилъ записки о своихъ приключеніяхъ [3]). Въ 1795, приходятъ въ Сибирь сподвижники Костюшки, изъ числа которыхъ впослѣдствіи получилъ особенную извѣстность Іосифъ Копецъ: взятый въ плѣнъ подъ Мацѣевицами, онъ, какъ уроженецъ края, уже

[1]) Этотъ дневникъ изданъ А. Маріанскимъ въ сборникѣ „Warta“, Познань, 1874.

[2]) Librowicz, стр. 37—43.

[3]) Записки его изданы были въ Варшавѣ, 1789 г., потомъ перепечатаны въ сборникѣ: Sybir. Pamiętniki Polaków z pobytu na Sybirze. Chełmno, 1864, т. I.

принадлежавшаго Россіи, подвергся особо тяжелой ссылкѣ, между прочимъ лишенъ былъ имени и значился только подъ нумеромъ. Копецъ былъ сосланъ въ Камчатку и, помилованный при Павлѣ, только черезъ годъ узналъ о своемъ освобожденіи; въ 1810 онъ передалъ исторію своихъ приключеній въ занимательномъ разсказѣ, гдѣ описаніе личной судьбы связано съ любопытными чертами сибирской жизни и обычаевъ. Записки его были изданы только въ 1837 и возбудили большое вниманіе: къ одному изъ изданій написалъ предисловіе Мицкевичъ, сравнившій автора съ знаменитымъ Сильвіо Пеллико [1]) по его покорности своей участи и надеждамъ на лучшее будущее если не для себя, то для родины. Первый издатель книги, привыкшій, вѣроятно, въ другихъ сочиненіяхъ этого рода къ тону раздраженія и вражды, писалъ въ предисловіи: „Читая путешествіе Копца, мы проникнуты были глубокимъ къ нему уваженіемъ по той рѣдкой умѣренности, которая сказывается на каждой страницѣ его сочиненія. Копецъ не раздражается на дурное съ нимъ обхожденіе; его лозунгъ: такъ хотѣло Провидѣніе! Относя все къ его святой волѣ, онъ спокойно сноситъ самыя тяжкія испытанія".

Въ царствованіе имп. Павла сосланъ былъ въ сибирскіе рудники ксендзъ Цецерскій, который въ любопытныхъ запискахъ разсказываетъ о судьбѣ своей и другихъ ссыльныхъ и о самой странѣ, ея жителяхъ и ихъ бытѣ [2]).

Отъ царствованія императора Александра I не осталось, кажется, мемуаровъ подобнаго рода, но цѣлый рядъ авторовъ такихъ произведеній доставило слѣдующее царствованіе. Польское возстаніе 1831 г., послѣдующіе заговоры, дѣло Конарскаго, патріотическія увлеченія молодежи, сильно увеличили за то время число ссыльныхъ поляковъ, и именно изъ людей болѣе или менѣе образованныхъ: многіе возвратились на родину еще тогда же, другіе—по амнистіи новаго царствованія, третьи бѣжали; многіе послѣ выѣхали за границу—отсюда обиліе мемуаровъ, писанныхъ людьми той эпохи. Многіе изъ авторовъ прошли или каторжную работу въ рудникахъ, или солдатскую службу, жили „на поселеніи", находили себѣ потомъ различныя профессіи, близко видали и сибирское начальство, и общество. Таковы воспоми-

[1]) Józef Kopec. Dziennik podróży przez całą wzdłuż Azję lądem do portu Ochocka, oceanem przez wyspy Kurylskie do niższej Kamczatki i ztamtąd napowrót do tegoż portu na psach i jeleniach. Wrocław, 1837. Еще изданія 1863, 1868, кромѣ того, въ упомянутомъ сборникѣ: „Sybir", т. II, 1865, и въ „Bibliotece ludu polskiego" (Парижъ, s. a.): въ послѣднемъ изданіи предисловіе Мицкевича.

[2]) Его записки издалъ Авг. Бѣлёвскій въ журналѣ „Tygodnik Naukowy" и отдѣльно: „Pamiętnik księdza Ciecierskiego, przeora Dominikanów wileńskich, zawierający jego i towarzyszów jego przygody, doznane na Sybirze w latach 1797—1801". Lwów, 1865.

нанія Рафала Блонскаго, Іосифа Кобылецкаго, Антонія Пауши, Евгенія Жміевскаго, Адольфа Янушкевича, Гордона, Конст. Волицкаго, Мигурскаго, Руфина Пьотровскаго, Бронислава Залѣскаго, Агатона Гиллера, Евы Фелинской и др. [1]).

Эти разсказы, кромѣ матеріала для исторіи польской ссылки, доставляютъ вообще много любопытнаго и для бытового описанія Сибири и сибирскихъ нравовъ; многіе разсказы отличаются жизненнымъ драматическимъ интересомъ, напр. исторія несчастнаго Мигурскаго, который сдѣлалъ попытку бѣгства, кончившуюся неудачею, или въ особенности исторія Руфина Пьотровскаго, бѣжавшаго съ каторжныхъ работъ изъ-подъ Тары въ 1846 году. Задумавъ планъ бѣгства, Пьотровскій скрылся изъ мѣста своего заключенія и съ фальшивымъ паспортомъ и съ запасомъ денегъ поѣхалъ изъ Тары подъ видомъ купеческаго приказчика. Уже на первыхъ порахъ онъ былъ обокраденъ, причемъ у него украли и его фальшивый паспортъ: возвращеніе было немыслимо, и дальнѣйшій путь онъ сдѣлалъ пѣшкомъ подъ видомъ рабочаго, перенося величайшія трудности и каждодневно рискуя быть схваченнымъ; въ вятской губерніи онъ присталъ къ партіи богомольцевъ, которые шли въ Соловецкій монастырь, и попалъ въ Соловки; оттуда пошелъ на Петербургъ, гдѣ пробылъ три дня, затѣмъ моремъ уплылъ въ Ригу и, наконецъ, черезъ Митаву и Полангенъ пробрался въ Пруссію. Здѣсь, въ Кенигсбергѣ онъ былъ, однако, арестованъ и его намѣревались передать русскимъ властямъ какъ бѣглеца, но онъ успѣлъ избавиться отъ опасности и бѣжалъ въ Парижъ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ вышли его записки [2]), которыя произвели въ свое время большое впечатлѣніе и появились въ цѣломъ рядѣ изданій и переводовъ, а именно, переведены были на языки французскій, нѣмецкій, англійскій, шведскій, голландскій, датскій [3]).

Новый контингентъ ссыльныхъ явился послѣ возстанія 1863 г., и новый рядъ польскихъ воспоминаній о Сибири, какъ напримѣръ гр. Кердея, Чаплинскаго, Немоёвскаго, Андріолли (извѣстнаго художника), Пурка, Альбина Кона и др. [4]). Кромѣ личныхъ воспоминаній, сибирское изгнаніе отразилось и въ произведеніяхъ художе-

---

[1]) Нѣкоторыя подробности изъ ихъ воспоминаній въ книгѣ Либровича, стр. 143—153; о Мигурскомъ, стр. 241—245; о Фелинской, стр. 107, 145, 247; о Пьотровскомъ, стр. 346—352.

[2]) Pamiętniki z pobytu na Syberji, Rufina Piotrowskiego. Poznan, 1866.

[3]) Либровичъ указываетъ также русское изданіе, сокращенное: „Записки Руфина Піотровскаго. Россія и Сибирь 1843—1846". Нордкёпингъ, 1862. Недавно вышло новое французское изданіе записокъ.

[4]) Librowicz, стр. 174—175, 190—194. О множествѣ ссыльныхъ поляковъ въ Сибири съ 60-хъ годовъ см. у Орфанова, „Въ дали", 1889, стр. 4—8, 23 и др.

ственной беллетристики: таковы замѣчательные разсказы Шиманскаго — талантливо исполненные и проникнутые чувствомъ эпизоды польской ссылки (дѣйствіе въ Якутской области и на Ленѣ), по манерѣ и даже по нѣкоторымъ сюжетамъ напоминающіе Короленка [1]), и основное настроеніе которыхъ—тоска по родинѣ [2]).

Обширный и нерѣдко весьма важный матеріалъ для изученія Сибири, и между прочимъ сибирской этнографіи, заключаетъ иностранная европейская литература о Сибири въ новѣйшее время. Выше приведенъ рядъ спеціальныхъ трудовъ знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ по географіи и естественно-историческому описанію Сибири, какъ сочиненія Риттера, Гумбольдта, Ганстена, Эрмана, Ледебура, Котты, — въ новѣйшее время къ нимъ присоединяется имя Элизэ Реклю, въ громадномъ трудѣ котораго обширное мѣсто занимаетъ Сибирь и русская Средняя Азія, — хотя самъ онъ не былъ путешественникомъ въ Сибирь [3]); но, затѣмъ, существуетъ обширная литература другого рода — литература обыкновенныхъ путешествій, цѣль которыхъ не столько ученое изслѣдованіе (часто оно вовсе отсутствуетъ), сколько удовлетвореніе любознательности туриста, желающаго видѣть рѣдко посѣщаемую и оригинальную страну, узнать которую нужно для дополненія свѣдѣній о русской имперіи. До послѣднихъ десятилѣтій такія путешествія были довольно рѣдки; не легко было добраться до самой Россіи, когда въ ней еще не было желѣзныхъ дорогъ и путешествіе было медленнымъ и скучнымъ дѣломъ. Проведеніе желѣзныхъ путей въ самой Россіи, съ другой стороны занятіе Амура и открытіе пароходства по этой громадной рѣкѣ и внутреннимъ рѣкамъ Сибири значительно облегчили доступъ въ эту страну и послѣднія десятилѣтія, именно съ 60-хъ годовъ, до-

---

[1]) Adam Szymanski, Szkice. I. Спб. 1887. Въ послѣднее время г. Шиманскій живетъ въ Петербургѣ и въ 1891 дѣлалъ докладъ въ Географ. Обществѣ объ инородцахъ Восточной Сибири. Его разсказъ „Перевозчикъ", въ переводѣ В. Сем. помѣщенъ въ „Сибирскомъ Сборникѣ", вып. I. М. 1892. Нѣсколько разсказовъ, во французскомъ переводѣ, были въ Revue d. d. Mondes.

[2]) Другія указанія изъ польской литературы о Сибири см. у Межова, „Сибирская Библіографія", т. I (Спб. 1891), стр. 483—484. № 6429—6455; но многое, напр. самая книга Либровича, здѣсь пропущено.

[3]) Nouvelle Géographie Universelle, la Terre et les Hommes, par Elisée Reclus, многотомное изданіе. Въ русскомъ переводѣ—томъ, относящійся до Сибири: „Земля и люди. Всеобщая географія, Элизэ Реклю. VI. Азіятская Россія и средне-азіятскія ханства (съ 63 рисунками и картою на 3-хъ листахъ)". Спб., 1883. Въ предисловіи названы многочисленныя имена западно-европейскихъ и русскихъ ученыхъ, содѣйствіемъ которыхъ пользовался авторъ при составленіи этого тома.

ставили цѣлую массу путешествій въ Сибирь, иногда изъ конца въ конецъ, и всего больше, конечно, по главному сибирскому пути. Огромное большинство путешествій—англійскія: кромѣ того, что изъ всѣхъ европейцевъ англичане—туристы по преимуществу, въ ихъ странствіяхъ нерѣдко присутствуетъ старое побужденіе англійскихъ путешественниковъ на сѣверъ и востокъ, именно національный интересъ азіатской политики и торговли. Лондонское Географическое Общество больше, чѣмъ всѣ другія иностранныя общества этого рода, съ интересомъ слѣдило за русскими открытіями и путешествіями въ Сибири и средней Азіи; книги европейскихъ ученыхъ и русскія книги по изученію этихъ странъ по прежнему являются въ англійскихъ переводахъ или изложеніяхъ. Какъ прежде переводились на англійскій языкъ книги XVIII вѣка, а потомъ азіатскія путешествія Гумбольдта, Адольфа Эрмана и пр. (еще въ 1842 году снова явились на англійскомъ языкѣ сочиненія Миллера и Палласа о завоеваніи Сибири и сношеніяхъ Сибири съ Китаемъ), такъ теперь переводились сочиненія Пржевальскаго, Яворскаго, Венюкова, Абрамова, сочиненія о Туркестанѣ и пр. Съ 30-хъ годовъ начинаютъ размножаться собственно англійскія, и частью нѣмецкія и иныя европейскія путешествія. Въ 1831 г. вышло описаніе кругосвѣтнаго путешествія Бичи (Beechey), коснувшееся Берингова пролива; около того же времени путешествіе Добелля (Peter Dobell) въ Камчатку и Сибирь; миссіонера Свэна (William Swan); Петра Гордона; мистриссъ Стэллибрэсъ (Stallybrass), вдовы сибирскаго миссіонера; въ 1842 году — извѣстная книга Коттреля [3]); въ 1854 — сочиненія Гилля и Тилинга [2]).

Путешествія, особливо прямо въ Сибирь, размножаются съ половины 50-хъ годовъ, между прочимъ съ занятія Амура, который привлекалъ теперь большое вниманіе. Таковы книги Гэбершема, Аткинсона, Коллинза, Равенстейна и др. [1]). Нѣсколько путешествій, сдѣ-

[1]) Ch. Herbert Cottrell, Recollections of Siberia, in the years 1840 and 1841. London, 1842; нѣмецкій переводъ 1846.

[2]) S. S. Hill, Travels in Siberia, Lond. 1854, 2 тома; нѣмецкій переводъ, Лейпц., 1855. — Heinr. Tiling, Eine Reise um die Welt, von Westen nach Osten durch Sibirien und das Stille und Atlantische Meer. Aschaffenburg, 1854.

[3]) A. W. Habersham, The North Pacific surveying and exploring expedition, и пр. Philadelphia, 1857.

— Thom. Witlam Atkinson, Oriental and Western Siberia, Lond. 1858 (и New-York, 1858), — и его же: Travels in the regions of the Upper and Lower Amoor and the Russian acquisitions on the confines of India and China. Lond. 1860.

— P. M. Collins, A voyage down the Amoor, Lond. 1860.

— E. G. Ravenstein, The Russians on the Amur, Lond. 1861.

— Comte Henri Russell-Killough, Seize mille lieues à travers l'Asie et l'Océa-

ланныхъ сухимъ путемъ, описываютъ именно внутреннюю Сибирь и ея окраины, напр., сочиненія Вайта, американца Нокса [1]). Назовемъ, далѣе, путешествіе Эдв. Рэ къ лапландцамъ и самоѣдамъ, книги Мильна, Эдена [2]); нѣмецкія сочиненія Гейнцельмана, Киттлица, Финша, Іоста [3]). Въ послѣдніе годы большое вниманіе обратила на себя книга Лэнсделя, который сдѣлалъ путешествіе черезъ Сибирь въ 1879 г. съ религіозными и филантропическими цѣлями (осмотръ тюремъ и т. п.), а также путешествіе корреспондента „New-York Herald", Джильдера, разыскивавшаго людей съ американскаго парохода „Жаннетты", погибшаго на сѣверномъ берегу Сибири [4]). Большое вниманіе обратили на себя путешествія американца Джоржа Кеннана, особливо послѣднее [5]).

---

nie, Sibérie... fleuve Amour. Voyage exécuté pendant les années 1858—61. Paris, 1864, 2-е изд. 1866 (Русскій переводъ: Руссель Киллугъ, Чрезъ Сибирь въ Австралію и Индію. Спб. 1871, 2-е изд. 1875).

[1]) W. H. Whyte, Land Journey from Asia to Europe, Lond. 1871.

— P. W. Knox, Overland through Asia. Hartford, Connecticut, 1871.

[2]) Edw. Rae, Land of North Wind; or travels among Laplanders and Samoyedes, Lond. 1875.

— J. Milne, Journey across Asia. Lond. 1879.

— C. H. Eden, Frozen Asia. Lond. 1879.

[3]) Fr. Heinzelmann, Reisen in den mittleren und nördlichen Festländern Asiens. Leipz. 1855.

— F. H. von Kittlitz, Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem russischen Amerika, nach Mikronesie und durch Kamtschatka. Gotha, 1858.

— O. Finsch, Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876 im Auftrage des deutschen Nordpolexpedition. Berlin, 1879.

— Aus Japan nach Deutschland durch Sibirien von Wilhelm Joest. Mit fünf Lichtdrucken und einer Karte. Köln, 1883.

[4]) Мы имѣли въ рукахъ уже четвертое изданіе книги Лэнсделя: Through Siberia. By Henry Lansdell. With illustrations and maps. Lond. 1883. Его другая книга: Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiwa and Merw. Lond. 1885, 2 тома.

— Ice-Pack and Tundra. An account of the search for the Jeannette and a sledge journey through Siberia by William H. Gilder, correspondent of „the New-York Herald", etc. With maps and illustrations. Lond. 1883. Былъ русскій переводъ или изложеніе, В. Майнова („Во льдахъ и снѣгахъ", Гильдера), котораго мы не имѣли въ рукахъ.

[5]) G. Kennan, Tent life in Siberia. Lond. 1870. Русскій переводъ: „Кочевая жизнь въ Сибири. Приключенія среди Коряковъ и другихъ племенъ Камчатки и сѣверной Азіи". Пер. Кондратьевой, Спб. 1872.

Новѣйшее путешествіе Кеннана мы можемъ указать по нѣмецкому изданію: „Sibirien! — von George Kennan. Deutsch von E. Kirchner". Zehnte Auflage. Berlin, 1890. Тоже: Neue Folge. Siebente Auflage. Berlin, 1890.

Число изданій, вышедшихъ въ короткое время, указываетъ на впечатлѣніе, произведенное этой книгой, которая между прочимъ вызвала крайне враждебное Россіи стихотвореніе извѣстнаго англійскаго поэта Суинбёрна (ода: Russia): изданное въ

Въ послѣдніе годы вышло также замѣчательное сочиненіе итальянскаго ученаго Стефана Сомье, результатъ путешествія: „Лѣто въ Сибири между остяками, самоѣдами, татарами“ и пр.,—большая книга съ прекрасными рисунками и картами, написанная весьма занимательно и интересная тѣмъ болѣе, что авторъ, спеціалистъ по ботаникѣ, владѣетъ также этнографическими и антропологическими свѣдѣніями и хорошей наблюдательностью [1]).

Многочисленныя сообщенія о новыхъ сибирскихъ и средне-азіатскихъ изслѣдованіяхъ появлялись особенно въ спеціальныхъ изданіяхъ, какъ упомянутыя записки лондонскаго Географ. Общества, или какъ извѣстныя „Geographische Mittheilungen“ Петерманна. На недавнемъ нѣмецкомъ географическомъ съѣздѣ профессоръ бернскаго (теперь петербургскаго) университета Э. Ю. Петри поставилъ вопросъ о важности сибирскихъ изученій для европейской науки [2]). Существуетъ, наконецъ, не мало популярныхъ географическихъ обозрѣній, особливо французскихъ и нѣмецкихъ [3]).

Знаменитая книга Норденшельда достаточно извѣстна. Попытки отысканія „сѣвернаго прохода“, какъ мы видѣли, дѣлались еще съ половины XVI-го вѣка; путешествіе Норденшельда было послѣднимъ изъ этого рода предпріятій: широко задуманное и исполненное на средства, данныя г. Сибиряковымъ и шведскимъ правительствомъ, оно доказало возможность практическаго совершенія этого пути. Здѣсь не было географическаго открытія,—сѣверный берегъ Сибири былъ выясненъ русскими плавателями еще съ XVII-го вѣка, но онъ былъ выясненъ до сихъ только по частямъ или даже только сухимъ пу-

---

журналѣ Fortnightly Review, 1890, августъ, оно подало поводъ къ парламентскому запросу, не имѣвшему впрочемъ успѣха.

[1]) St. Somier, Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirèni, Tatari, Kirghisi e Baskiri. Roma, 1885. Подробный отчетъ о ней въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ Ядринцева. Спб. 1886, кн. I, стр. 169 — 195.

[2]) E. Petri, Die Erschliessung Sibiriens, — въ Verhandlungen des sechsten deutschen Geographentages, Berl. 1886. Ср. бернскую диссертацію, написанную по его иниціативѣ: Studien über den Seeweg zwischen Europa und West-Sibirien, von H. Fr. Balmer (Bern, 1885), который воспользовался обширной иностранной и (черезъ посредство г. Петри) русской литературой по этому вопросу.

[3]) Напр., Лануа (F. de Lanoye, 1865), Фюрта (Camille de Furth, 1866), Сашо (Octave Sachot, 1875), и нѣмецкія: Этцеля и Вагнера (1864), Альбина Кона и Рих. Андреэ (два тома, 2-е изд. 1876), Ланкенау и Эльсница (два тома, 2-е изд. 1881) и друг.

Перечень западно-европейскихъ сочиненій, крупныхъ и мелкихъ, объ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи за 1884 и 1885 года, Э. Петри, помѣщенъ въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ Ядринцева. Спб. 1886, II, стр. 178—182.

Еще нѣкоторыя указанія у Межова, „Сибирская Библіографія“, I, стр. 484 — 485, гдѣ этотъ отдѣлъ опять впрочемъ весьма неполонъ.

темъ: Норденшельдъ, въ планѣ своего путешествія [1]), предполагалъ убѣдиться и доказать, что для настоящаго морского корабля возможенъ путь черезъ Ледовитый океанъ, что этотъ путь не запертъ льдами, и что на худой конецъ онъ можетъ быть сдѣланъ если не за одинъ разъ, то въ два пріема съ перезимовкой, — какъ это съ нимъ и случилось. Норденшельдъ отдаетъ, однако, всю справедливость смѣлости и энергіи старыхъ русскихъ плавателей, которые на негодныхъ тогдашнихъ судахъ рисковали на предпріятія, мудреныя и для наилучшихъ новѣйшихъ народовъ. Его собственное путешествіе завершало вопросъ, и въ соотвѣтствіе этому онъ въ своей книгѣ, при каждомъ главномъ пунктѣ плаванія своей экспедиціи, дѣлаетъ обзоръ того, что́ сдѣлано было прежними изслѣдователями,—такъ что его книга есть вмѣстѣ довольно обстоятельная исторія всѣхъ прежнихъ предпріятій для опредѣленія сѣвернаго океана отъ Норвегіи до Камчатки, съ XVI-го вѣка и до новѣйшихъ временъ [2]).

---

[1]) Стр. 27 русскаго изданія.

[2]) Русскій переводъ: „Путешествіе А. Э. Норденшельда вокругъ Европы и Азіи на пароходѣ „Вега“ въ 1878 — 1880 г. Перевелъ со шведскаго С. И. Барановскій, заслуж. проф. Имп. Алекс. университета, при содѣйствіи Э. В. Коріандера, горнаго инженера“. Спб. 1881. Русскій переводчикъ допустилъ, къ сожалѣнію, ошибки относительно вещей довольно извѣстныхъ: Дежневъ названъ Дешневымъ (стр. 21, 24); рѣка Оленекъ называется Олонкомъ (стр. 20, 26); Виллоуби — Виллугбей (стр. 51); Чекановскій — Чикановскій (стр. 26) и др. Другое изданіе: „Шведская полярная экспедиція 1878—79 г. и пр. Переводъ со шведскаго“. Спб. 1880. Популярное краткое изложеніе: „Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Путешествіе Норденшельда вокругъ Европы и Азіи въ 1878—1880 г.“, Спб. 1885.

ГЛАВА VIII.

Сибирская историографія до конца XVIII-го вѣка.

Задачи для сибирской исторіографіи.

Древнія извѣстія. — Начало сибирскаго лѣтописанія: архіепископъ Кипріанъ; Савва Есиповъ; Строгоновская лѣтопись; Тобольская или Кунгурская лѣтопись Семена Ремезова; Илья Черепановъ. — Отношенія лѣтописныхъ текстовъ.

Описанія географическія. — Иностранныя карты. — Русскіе „чертежи“ и „росписи“ XVII-го вѣка. — Чертежъ стольника Годунова и шведская копія Прютца.—Чертежъ Семена Ремезова.—Статьи хронографовъ.

Историческіе труды Миллера и Фишера.

Для историческаго изслѣдованія Сибири сдѣлано было не мало, но до сихъ поръ все еще нѣтъ цѣльной исторіи Сибири, даже цѣльнаго изслѣдованія какого-нибудь отдѣльнаго періода ея. Причинъ этому было много. Въ исторіи самой метрополіи Сибирь не имѣла никакого самостоятельнаго значенія, была всегда только служебной провинціей; какъ исторія мѣстная, она требовала однако вниманія, потому что была исторіей громадной страны и цѣлаго населенія,— люди, спеціально заинтересованные сибирской исторіей, были преимущественно сами сибиряки, но обыкновенно они не были поставлены въ такія условія, чтобы выполнить подобную задачу: или не имѣли подъ руками необходимаго матеріала, или не были достаточно подготовлены въ научномъ отношеніи, или не имѣли досуга; наконецъ, матеріалъ для сибирской исторіи такъ разнообразенъ, требуетъ стольких спеціальныхъ знаній и притомъ такъ мало имѣлъ предварительной разработки, что овладѣть имъ было бы не легко для одного человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, если поставить вопросъ, какъ требовала бы этого настоящая историческая критика,—задачи сибирской исторіи раскидывались бы на цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ, для которыхъ и

по настоящее время не собрано достаточныхъ свѣдѣній. Русскому завоеванію Сибири предшествовала долгая исторія туземной Сибири и сосѣдней средней Азіи, населенной народами финскими, тюркскими, монгольскими; изъ темной глубины древней Азіи они не однажды врывались завоевательными ордами въ болѣе цивилизованныя страны азіатскаго юго-запада и восточной Европы; южныя окраины Сибири были затронуты этими народными переселеніями или даже бывали мѣстомъ ихъ перваго истока. Эта древняя исторія до сихъ поръ темна,—между тѣмъ съ нею связаны историческіе вопросы о судьбѣ финскаго племени, нѣкогда имѣвшаго громадное распространеніе; о судьбѣ народовъ тюркскихъ и монгольскихъ, которые владѣли страной наканунѣ прихода русскихъ и до сихъ поръ наполняютъ Сибирь и ея окраины. Съ тѣхъ поръ произошли другія племенныя передвиженія, которыя остаются опять мало выясненными; приходъ русскихъ произвелъ новое броженіе, частію отгоняя чужія племена съ путей русской колонизаціи, частію ассимилируя ихъ. Съ этимъ вмѣстѣ произошли новыя своеобразныя явленія въ складѣ самого русскаго племени: колонизація, какъ выше говорено, совершалась частію путемъ правительственныхъ мѣръ, частію иниціативой мѣстнаго населенія, которое раздвигалось все дальше на свой страхъ, отыскивая новыхъ территорій для земледѣлія и промысла, причемъ промыселъ нерѣдко переходилъ и въ простой грабежъ и даже истребленіе туземныхъ инородцевъ. Занятыя земли становились новыми русскими областями: худо ли, хорошо ли, въ нихъ водворялась русская власть, но въ странѣ, раскинутой на огромномъ пространствѣ, жители естественно предоставлены были всего чаще самимъ себѣ, и въ результатѣ складывался своеобразный бытъ и, наконецъ, особый типъ самой русской народности. Отъ первыхъ вѣковъ русскаго господства не осталось почти ни единаго разсказа, который разъяснялъ бы этотъ процессъ занятія страны русскими и образованія новаго народнаго быта; только нѣмецко-русскіе путешественники прошлаго столѣтія доставляютъ объ этомъ почти первыя свѣдѣнія, и ходъ развитія сибирскаго народа и сибирскаго быта остается изучать по уцѣлѣвшимъ старымъ актамъ и по современному состоянію сибирской жизни.

Тому, что̀ болѣе или менѣе доступно писанной исторіи, предшествуетъ еще болѣе древняя судьба сибирской территоріи — ея доисторическое прошлое. Первые путешественники въ Сибирь уже угадывали эту далекую древность по ея остаткамъ, и новѣйшія находки удостовѣряютъ существованіе въ Сибири каменнаго вѣка, затѣмъ указываютъ остатки древнихъ горныхъ работъ въ такъ-называемыхъ „чудскихъ копяхъ“, которыя до сихъ поръ составляютъ мало разъясненную загадку, какъ и тѣ изображенія на скалахъ, рисунки и

письмена („писаницы“), которыхъ много находятъ особливо на югѣ западной Сибири.

Таковы разнообразныя задачи, предстоящія сибирской исторіи. Для нея нужно, такимъ образомъ, содѣйствіе до-исторической археологіи; изученіе разнообразныхъ восточныхъ народовъ, ихъ языка, древностей и этнографіи; архивныя изслѣдованія; изслѣдованія новѣйшаго гражданскаго быта Сибири, и, наконецъ, изслѣдованіе старыхъ сибирскихъ нравовъ, обычаевъ и современнаго быта. Въ различной мѣрѣ эти задачи затронуты въ существующей литературѣ о Сибири; нѣкоторые частные вопросы вызвали, хотя немногія, замѣчательныя изслѣдованія, но цѣльный историческій вопросъ остается еще безотвѣтнымъ.

Историческія свѣдѣнія о русской Сибири начинаются лѣтописью. До конца XVII-го вѣка это была почти единственная форма историческаго разсказа, извѣстная нашимъ книжникамъ. Какъ выше указано, первыя русскія извѣстія о Сибири восходятъ довольно далеко. Лѣтопись упоминаетъ въ теченіе XV-го и XVI-го вѣка событія, относящіяся до Сибири. Въ XVII столѣтіи встрѣчаются первые слѣды лѣтописи *собственно сибирской,* которая составлялась на мѣстѣ и ограничивалась только мѣстными событіями. Въ настоящее время извѣстно нѣсколько памятниковъ этого лѣтописанія, но вообще старая сибирская лѣтопись до сихъ поръ не вполнѣ приведена въ извѣстность. Главныхъ сибирскихъ лѣтописей, какими пользовались до сихъ поръ историки Сибири, было четыре, относящихся къ XVII и XVIII столѣтіямъ.

Первымъ началомъ этого мѣстнаго лѣтописанія считается трудъ тобольскаго архіепископа Кипріана въ началѣ XVII-го вѣка—трудъ, до насъ не дошедшій въ своемъ первоначальномъ видѣ. Кипріанъ, по фамиліи Старорусенковъ, бывшій архимандритъ новгородскаго Хутынскаго монастыря, поставленный патріархомъ Филаретомъ, былъ первымъ архіепископомъ сибирскимъ и тобольскимъ, въ 1621 году. Прибывши въ Тобольскъ, онъ, какъ разсказываютъ, во второй годъ своего церковнаго правленія, „воспомянулъ“ атамана Ермака Тимоѳеева и „велѣлъ спросить Ермаковыхъ казаковъ, какъ они пришли въ сибирское царство и гдѣ у нихъ съ погаными были бои, и кого у нихъ поганые убили, а казаки принесли ему списки, какъ они пришли въ Сибирь, и о бояхъ“. Сибирскій лѣтописецъ Савва Есиповъ (или Осиповъ), упомянувши объ этомъ, замѣчаетъ, что самъ онъ писалъ „съ писанія прежняго“; полагаютъ, что прежнимъ писаніемъ именно была лѣтопись архіепископа Кипріана [1]).

[1]) Ср. о томъ же слова Кунгурской лѣтописи Ремезова,—въ изданіи Археограф. коммиссіи, стр. 37, статья 135; но Кипріанъ названъ Нектаріемъ.

Савва Есиповъ, писавшій въ 1636 или 1637 году, былъ дьякъ сибирскаго митрополита, повидимому распространилъ то, что нашелъ у своего предшественника, но кромѣ того разсказывалъ и то, что̀ видѣлъ „своими глазами". Извѣстіями его воспользовался уже первый сибирскій историкъ Миллеръ (называющій его Саввой Ефимовымъ), не особенно, впрочемъ, довѣряя его показаніямъ [1]). Лѣтопись Есипова издана была въ первый разъ Г. И. Спасскимъ, а потомъ, по другому списку, П. И. Небольсинымъ [2]).

Наравнѣ съ лѣтописью Есипова очень старою считается другая лѣтопись, такъ-называемая „Строгоновская". Миллеръ не зналъ этой лѣтописи, и въ первый разъ она была найдена и издана Спасскимъ, извѣстнымъ изслѣдователемъ сибирской старины, который сообщилъ ее и Карамзину. Когда собственно эта лѣтопись была составлена— неизвѣстно; разсказъ ея ограничивается только первымъ завоеваніемъ Сибири и оканчивается на временахъ царя Ѳедора Ивановича [3]).

Третья лѣтопись, называемая обыкновенно „Тобольскою" (теперь ее назвали „Кунгурскою") и извѣстная также подъ именемъ „Ремезовской", составлена была тобольскимъ боярскимъ сыномъ Семеномъ Емельяновичемъ Ремезовымъ. Лѣтопись Ремезова открыта была въ первый разъ Миллеромъ въ Тобольскѣ. Въ своей позднѣйшей автобіографической запискѣ онъ разсказываетъ о находкѣ лѣтописи (полученной отъ енисейскаго воеводы Петра Мировича, дяди

---

[1]) См. Sammlung russischen Geschichte, т. VIII, 1763, стр. 197—199; Фишера, „Сибирская исторія", стр. 306—307. Ср. Пекарскаго, „Ист. Акад. Наукъ", I, стр. 355—356; онъ не замѣтилъ тождества этого Ефимова съ Есиповымъ.

[2]) „Сказаніе о Сибирской странѣ", въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" 1823, и П. Небольсина: „Покореніе Сибири". Спб. 1849, въ приложеніяхъ.

[3]) Заглавіе ея слѣдующее: „О взятіи Сибирскія земли: како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Русіи подарова Богъ Сибирское государство обладати ему, государю, и побѣдити Муртазеліева сына Кучума салтана сибирскаго, и сына его царевича Маметкула взяти жива; и како просвѣти Богъ Сибирскую землю святымъ крещеніемъ и святыми Божіими церквами и утверди въ ней святительскій престолъ архиепискупію". Изданіе Спасскаго въ книжкѣ: „Лѣтопись Сибирская, содержащая повѣствованіе о взятіи Сибирскія земли русскими, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, съ краткимъ изложеніемъ предшествовавшихъ оному событій. Издана съ рукописи XVII-го вѣка". Спб. 1821, XI и 99 стр., 8⁰.—Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ" 1821, ч. XIII, стр. 1—6, помѣщено было „Извѣстіе о новонайденной лѣтописи сибирской", вошедшее въ предисловіе къ ея отдѣльному изданію, и въ ч. XIV, стр. 7—25, выписка изъ Карамзина (т. IX), который уже имѣлъ въ рукахъ эту лѣтопись. Въ примѣчаніи Спасскій писалъ: „Почитаю себя счастливымъ, что доставленіемъ подлинника сей лѣтописи почтеннѣйшему нашему исторіографу оказалъ ему нѣкоторую услугу. Г. С." — Куда дѣвался потомъ этотъ подлинникъ лѣтописи, неизвѣстно. Впослѣдствіи эта лѣтопись перепечатана была, съ новыми объясненіями, въ той же книгѣ Небольсина: „Покореніе Сибири", въ приложеніяхъ.

извѣстнаго Мировича, казненнаго въ 1764 году), которая есть именно лѣтопись Ремезова [1]). Миллеръ придавалъ ей большое значеніе, и въ предисловіи къ его сибирской исторіи говорится, что лѣтописи Ремезова „сочинитель предъ другими больше вѣритъ, и оной для полности хвалитъ“. По словамъ Спасскаго, эта лѣтопись была писана Ремезовыми, то-есть и отцомъ, Семеномъ Емельяновымъ, и сыновьями (которыхъ было три — Леонтій, Семенъ и Иванъ) между 1650 и 1700 годами. Небольсинъ утверждаетъ прямо, что она составлена во время Петра Великаго, въ 1697—1699 годахъ. „Тобольская лѣтопись довольно пространна,—говоритъ о ней Спасскій,—и кромѣ древнихъ и новѣйшихъ въ Сибири происшествій, повѣствуетъ о нравахъ и образѣ жизни коренныхъ тамошнихъ обитателей; но обезображена пустыми вымыслами и многими погрѣшностями въ самомъ описаніи происшествій: однако же Миллеръ заимствовалъ свѣдѣнія для своей исторіи сибирской наиболѣе изъ сей лѣтописи“ [2]). Карамзинъ отвергаетъ лѣтопись Ремезова, считая показанія ея невѣрными [3]); невысокаго мнѣнія о ней и Небольсинъ, который думаетъ, однако, что и въ ней есть нѣчто, требующее вниманія. Событія доведены въ этой лѣтописи до смерти сибирскаго царя или хана Кучума, 1598, и послѣднее отрывочное показаніе относится, повидимому, къ назначенію перваго архіепископа въ Тобольскъ, въ 1621 году.

Четвертая и новѣйшая сибирская лѣтопись, съ именемъ автора,

---

[1]) „Тобольскій архивъ,—писалъ Миллеръ,—не восходитъ до временъ завоеванія Сибири. Объ этомъ событіи извѣстно только изъ лѣтописей, которыя въ передачѣ обстоятельствъ весьма разнствуютъ между собою и потому могутъ возбуждать сильное сомнѣніе. Я былъ такъ счастливъ, что досталъ въ Тобольскѣ старинную сибирскую лѣтопись съ изображеніями, которая разъясняетъ всѣ недоумѣнія и противъ которой невозможно возражать. По возвращеніи моемъ, я преподнесъ эту рукопись академической библіотекѣ, какъ особенную драгоцѣнность. Съ нея не существуетъ ни одного списка кромѣ того, который я велѣлъ сдѣлать для собственнаго употребленія. На ней основывается исторія завоеванія, какъ она разсказана мною въ первой части моей Сибирской исторіи“. См. Исторію Акад. Наукъ, т. I, Спб., 1870, стр. 322, и предисловіе къ изданію этой лѣтописи, которое сдѣлано было только недавно Археографическою коммиссіею въ полномъ литографированномъ факсимиле: „Краткая сибирская лѣтопись (Кунгурская) со 154 рисунками“. Спб. 1880,—въ форматѣ подлинной рукописи. Изданіе сдѣлано на счетъ корреспондента Коммиссіи А. Зоста. Въ рукописи главное мѣсто занимаютъ рисунки, изображающіе разныя событія завоеванія Сибири, а текстъ составляетъ нѣчто въ родѣ объясненія къ картинкамъ.

Любопытно, что эта лѣтопись нашла себѣ нѣмецкаго переводчика въ стихахъ (бѣлыхъ); см. книжку: Kurze Sibirische Chronik (die Kungurische). Deutsch von Franz Böncken. Petersb., 1883. 8⁰, II и 44 стр.

[2]) Лѣтопись Сибирская, стр. VII.

[3]) Исторія госуд. Росс., т. IX, пр. 644.

есть Черепановская. Извѣстная Карамзину и называемая у него „новою сибирскою лѣтописью неизвѣстнаго автора“, эта лѣтопись въ первый разъ упомянута была въ печати академическимъ путешественникомъ励алькомъ. Въ своемъ путешествіи онъ разсказываетъ: „Въ Тобольскѣ познакомился я съ ученымъ ямщикомъ Козьмою Черепановымъ, умнымъ и достаточнымъ человѣкомъ. Онъ не только порядочный былъ архитекторъ, но зналъ часть математики, механики и даже исторіи. Библіотека его состояла изъ 400 книгъ. Братъ же его Илья Черепановъ сочинилъ сибирскую лѣтопись и, занимаясь ею, не покидалъ своего ямского ремесла“ [1]). Объ этой лѣтописи говорилъ потомъ Спасскій [2]), который находилъ, что она „достойна вниманія, сколько по содержанію своему, столько же и по сочинителю, который представляетъ рѣдкое явленіе на поприщѣ нашей словесности и въ особенности за 50 лѣтъ предъ симъ: ибо онъ, по званію и ремеслу своему, принадлежитъ къ сословію ямщиковъ города Тобольска“. Спасскій указалъ въ главныхъ чертахъ и составъ этой лѣтописи, гдѣ разсказъ о первомъ занятіи Сибири до 1620 года заимствованъ, большею частію, изъ печатной сибирской исторіи академика Миллера (въ русскомъ переводѣ), а также изъ лѣтописей Ремезова и Есипова; но Черепановъ видимо не зналъ продолженія Миллеровой исторіи, которое печаталось въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ 1764 года. Другія извѣстія Черепанова о сибирскихъ происшествіяхъ, о городахъ, управленіи, промышленности, о народахъ, населяющихъ Сибирь, взяты частію изъ тѣхъ же лѣтописей, изъ сочиненія Новицкаго и другихъ источниковъ, или собраны самимъ Черепановымъ. Въ своемъ журналѣ Спасскій напечаталъ нѣсколько отрывковъ изъ этой лѣтописи. Подробный обзоръ лѣтописи Черепанова сдѣланъ былъ г. Майковымъ, который, кромѣ источниковъ, указанныхъ Спасскимъ, отмѣчаетъ также ссылки Черепанова на „нѣкоторую сибирскую исторію“ (по поводу родословія Ермака), далѣе на Степенную книгу, Хронографъ, Прологъ, „Лѣтопись о мятежахъ“.

---

[1]) Полн. собр. ученыхъ путешествій по Россіи, изданіе Акад. Наукъ. Т. VII, Записки путешествія Фалька, стр. 402—403. Одинъ изъ новѣйшихъ сибирскихъ историковъ, Абрамовъ, имѣвшій въ рукахъ списокъ этой лѣтописи, усомнился въ разсказѣ Фалька и замѣтилъ на заглавномъ листѣ рукописи: „Лучше вѣрить, что она, какъ и прочія сибирскія лѣтописи, составлена при здѣшнемъ (т.-е. тобольскомъ) архіерейскомъ домѣ. Есть на это доказательства; а профессору Фальку трудно повѣрить, что онъ ямщика тобольскаго выставилъ на поприщѣ исторіи и когда же? За 80 лѣтъ назадъ тому и въ Тобольскѣ“.—Намъ кажется, напротивъ, что лучше вѣрить Фальку, показанія котораго вообще весьма точны и просты; онъ не могъ выдумать, что видѣлъ Черепанова, и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что это былъ начетчикъ, какіе бывали въ то время не особенно рѣдки.

[2]) Въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, 1821, часть XIV.

По замѣчанію г. Майкова, можно догадываться и о другихъ источникахъ Черепанова; такъ, напримѣръ, въ лѣтопись занесены извѣстія, взятыя, повидимому, изъ отдѣльныхъ сказаній, напримѣръ о явленіи иконы въ Абалакѣ, о началѣ судового хода по Ледовитому морю, о занятіи Амура, жизнеописанія митрополитовъ Іоанна Максимовича и Филоѳея Лещинскаго, и пр. Собственныя извѣстія Черепанова сосредоточиваются очевидно около Тобольска, причемъ однѣ имѣютъ чисто мѣстный интересъ, какъ, напримѣръ, записи о дождяхъ, пожарахъ, постройкахъ, другія относятся къ Тобольску какъ къ главному административному центру Сибири, напримѣръ извѣстія о правительственныхъ распоряженіяхъ, о звѣриныхъ и другихъ промыслахъ, списки воеводъ въ сибирскихъ городахъ, свѣдѣнія о новыхъ земляхъ, о постройкѣ новыхъ остроговъ, о разныхъ происшествіяхъ въ пограничныхъ земляхъ; сообщается также много извѣстій, касающихся церковнаго быта. Все это было взято, вѣроятно, изъ современныхъ записей, а за послѣдніе годы занесено самимъ Черепановымъ [1].

Мнѣніе г. Майкова, приведенное нами въ примѣчаніи, можетъ свидѣтельствовать о современномъ состояніи разработки старой сибирской лѣтописи. Эта разработка едва начата: тексты изданы пока весьма отрывочно; не приведены въ извѣстность наличные памятники, не сравнены сполна ихъ редакціи, не выяснена хронологія. Между тѣмъ существуетъ въ библіотекахъ цѣлый рядъ лѣтописныхъ рукописей, которыя требовали бы подобнаго пересмотра и, наконецъ, изданія. Эти рукописи были не однажды перечисляемы [2].

---

[1]) См. докладъ Л. Н. Майкова въ „Лѣтописи занятій Археографической коммиссіи“. Вып. VII. Спб. 1884, отд. IV, стр. 44—68, гдѣ помѣщено также нѣсколько выписокъ изъ самой лѣтописи. Г. Майковъ, однако, выразилъ сомнѣніе въ пользѣ и главное въ своевременности изданія этого памятника. „Лѣтопись Черепанова весьма сложна по своему составу, а въ настоящее время еще недостаточно выяснились взаимныя отношенія и болѣе старыхъ, болѣе первоначальныхъ источниковъ сибирской исторіи. Далѣе, во второй своей половинѣ лѣтопись Черепанова содержитъ въ себѣ много заимствованій изъ другихъ источниковъ, и потому, какъ памятникъ позднѣйшаго образованія, требуетъ особенно тщательной критики, а для критики такого рода, особливо по исторіи Сибири въ XVII и XVIII вѣкахъ, у насъ имѣется еще слишкомъ мало данныхъ“.

[2]) См., напр., Небольсина, „Покореніе Сибири“, гл. I: „Сибирскіе лѣтописцы и историки“, стр. 4—11; „Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ Моск. Главному Архиву мин. иностр. дѣлъ“, составл. М. Пуцилло, М. 1879, гдѣ упомянуто и нѣсколько лѣтописей (стр. 2, 32, 97, 98, 104); ст. „Сибирскія лѣтописи“ въ „Восточномъ Обозрѣніи“, 1883, № 38, 40, 44 и 51; „Свѣдѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ“ А. Оксенова, въ „Литературномъ Сборникѣ“ Н. М. Ядринцева. Спб. 1885, стр. 446—455. Нѣсколько библіографическихъ указаній см. еще у Межова, „Сиб. Библіографія“, I, стр. 3—5.

Отсутствіе критической разработки и сравнительнаго изданія текстовъ вело, между прочимъ, къ противорѣчивой оцѣнкѣ самыхъ историческихъ данныхъ. До сихъ поръ не освобождено отъ противорѣчій, не только по хронологіи, но и по существу, опредѣленіе перваго факта сибирской исторіи—походовъ Ермака. Выше мы указали, что уже въ разсказѣ Исаака Массы дѣло излагается такъ, что ни о какомъ завоеваніи Сибири Ермакомъ нѣтъ рѣчи; даже имя его не названо; мы замѣчали, что это умолчаніе могло быть въ связи съ ходившими тогда двумя версіями этой исторіи. Дѣйствительно, въ двухъ старѣйшихъ сибирскихъ лѣтописяхъ—Саввы Есипова и Строгоновской—исторія завоеванія передается весьма несходнымъ, даже противоположнымъ образомъ. Строгоновская лѣтопись (названная такъ не потому, чтобы гдѣ-нибудь ея составленіе прямо было связано со Строгоновыми, а потому, что весь смыслъ ея клонится къ возвеличенію роли Строгоновыхъ въ дѣлѣ завоеванія Сибири) не носитъ на себѣ ни имени автора, ни времени составленія, но считалась нѣкоторыми историками, въ томъ числѣ Карамзинымъ, за древнѣйшую сибирскую лѣтопись, и, согласно съ нею, завоеваніе Сибири изображается въ такомъ смыслѣ, что Ермакъ былъ только исполнителемъ плана Строгоновыхъ, которые потомъ „уступили Сибирь государству“ или „подарили русскаго царя Сибирью“. Лѣтопись Есипова, напротивъ, излагаетъ дѣло иначе, считая дѣйствія Ермака вполнѣ самостоятельными, а роль Строгоновыхъ — совершенно второстепенной, такъ какъ нѣкоторая помощь, оказанная ими Ермаку, является только вынужденной. Это противорѣчіе въ различной степени отразилось у историковъ, говорившихъ о завоеваніи Сибири: Строгоновская лѣтопись принята была за авторитетъ въ особенности Карамзинымъ и Устряловымъ (въ книгѣ: „Именитые люди Строгоновы“), но къ совершенно инымъ заключеніямъ приходилъ Небольсинъ. По его мнѣнію, Строгоновская лѣтопись, во-первыхъ, не имѣетъ приписываемаго ей авторитета древности; что она составлена была много позднѣе событій, какъ видно изъ того, что въ ея заглавіи упоминается уже основаніе сибирской архіепископіи (1621); авторъ ея, имѣвшій въ рукахъ царскія грамоты Строгоновымъ, по мнѣнію Небольсина, видимо желалъ польстить ихъ роду, приписывая имъ первостепенное участіе въ великомъ государственномъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности, по взгляду Небольсина, завоеваніе Сибири давно было обдуманнымъ планомъ московскихъ царей и особливо Ивана Грознаго, а Строгоновы въ эпоху завоеванія не были еще такъ вліятельны, и въ ихъ распоряженіи не было столько людей, чтобы предпринять подобную экспедицію или вооружить войско Ермака. Болѣе древнею Небольсинъ считаетъ лѣтопись Саввы Есипова; но какъ этотъ послѣдній

памятникъ, такъ и Строгоновская лѣтопись, въ ихъ изданной формѣ, по мнѣнію Небольсина, не представляютъ ихъ первоначальнаго текста; напротивъ, въ старыхъ рукописяхъ и хронографахъ Небольсинъ нашелъ произведенія, которыя казались ему именно первообразами обѣихъ лѣтописей. Въ приложеніи къ своей книгѣ: „Покореніе Сибири", онъ напечаталъ въ четырехъ столбцахъ лѣтопись Есипова и Строгоновскую рядомъ съ ихъ первообразами. Это изданіе, очень полезное для будущей критики сибирскихъ лѣтописныхъ текстовъ, еще не рѣшаетъ вопроса, но было хорошимъ началомъ, которое, къ сожалѣнію, еще не имѣло продолженія.

Миллеръ, а потомъ Спасскій, упоминаютъ еще, повидимому, особый разрядъ краткихъ записей, которыя оба они называютъ „простыми лѣтописями" [1]); но до сихъ поръ объ этихъ произведеніяхъ не было сообщено болѣе точныхъ свѣдѣній. Миллеръ подразумѣвалъ, вѣроятно, краткія записи, веденныя по отдѣльнымъ мѣстамъ, какъ бы только для личной и мѣстной памяти. Такова, напр., лѣтопись, веденная въ Тобольскѣ, съ 1590 по 1715 годъ [2]), или лѣтописи Енисейская и Иркутская, о которыхъ упоминаетъ Словцовъ [3]), и проч.

Къ источникамъ сибирской исторіи принадлежатъ также старыя описанія географическія. Началомъ ихъ были главнымъ образомъ отписки служилыхъ людей о своихъ поѣздкахъ и походахъ и доклады въ Москву отъ мѣстныхъ властей о состояніи сибирскихъ земель, остроговъ, городовъ, населенія русскаго и инородческаго, „ясачнаго". Выше мы упоминали, что царскіе посланцы еще съ XVI-го вѣка отправляемы были въ среднюю Азію и Китай для собранія свѣдѣній о восточныхъ земляхъ, съ которыми имѣлись въ виду или политическія, или торговыя дѣла. Посланцы подавали о своихъ путешествіяхъ „сказки", то-есть отчеты, состоящіе, большею частію, изъ

---

[1]) Вотъ, напримѣръ, слова Спасскаго: „Сверхъ того, у нѣкоторыхъ охотниковъ до собиранія древностей хранились, а можетъ быть и нынѣ есть, такъ-называемыя простыя лѣтописи, повѣствованія и другіе различные матеріалы для полной сибирской исторіи, болѣе или менѣе уважительные". См. „Лѣтопись Сибирская". Спб. 1821, стр. VII.

[2]) „Сибирскій лѣтописецъ", сообщенный извѣстнымъ историкомъ В. Н. Берхомъ въ „Сѣверномъ Архивѣ", 1826, ч. XIX, стр. 109—139 и 221—251. Это—лѣтописецъ собственно служилый, записывающій назначенія воеводъ, дьяковъ и всякія оффиціальныя извѣстія.

[3]) „Ист. Обозрѣніе Сибири", изд. 1886 г., I, стр. XI; II, стр. 302—303. Иркутская лѣтопись Пежемскаго, съ основанія города, 1652 г., издана была въ „Иркутскихъ губ. Вѣдомостяхъ" 1858; см. еще „Къ иркутскому лѣтописцу поясненіе", въ „Чтеніяхъ" моск. Общ. ист. и древн. 1859, кн. III, стр. 65—80.

голыхъ маршрутовъ, изрѣдка пополняемыхъ краткими свѣдѣніями о видѣнныхъ странахъ, народахъ, ихъ обычаяхъ и о переговорахъ съ ихъ властями. Эти „сказки“ становились руководствомъ для послѣдующихъ путешественниковъ; нерѣдко онѣ выходили за предѣлы приказовъ, списывались, заносились любознательными людьми въ сборники, хронографы, наконецъ послужили матеріаломъ для цѣльныхъ оффиціальныхъ описаній. Такъ въ извѣстной „Книгѣ Большому чертежу“, нынѣ извѣстная редакція которой относится къ 1627 году, находятся уже довольно подробныя и точныя маршрутныя свѣдѣнія относительно западной Сибири, какъ она была въ то время извѣстна и насколько занята была русскими [1]. Русскіе чертежи или устные разсказы о восточно-азіатскихъ земляхъ уже издавна интересовали иностранцевъ и въ первый разъ попадали въ печать въ ихъ сочиненіяхъ. Таковы были уже карты XVI вѣка, напримѣръ у Вида, Герберштейна, Дженкинсона, въ началѣ XVII в. у Исаака Массы; въ 1614 году напечатана была въ Амстердамѣ Гесселемъ Герардомъ карта царевича Ѳедора Борисовича [2].

Одинъ изъ нашихъ историковъ, указавъ нѣкоторыя изъ этихъ западныхъ картъ, замѣчалъ, что „всѣ эти данныя являются крайне скудными, если мы обратимъ вниманіе на многочисленныя свидѣтельства относительно составленія чертежей сибирскихъ земель, сохранившіяся въ нашихъ оффиціальныхъ бумагахъ“ [3]. Въ этихъ словахъ есть нѣкоторое недоразумѣніе. Западные путешественники съ большими стараніями искали географическихъ извѣстій о самой Россіи и о Сибири, и иногда добывали ихъ даже съ нѣкоторой опасностью для себя и особливо для тѣхъ, кто сообщалъ имъ подобныя свѣдѣнія (какъ, напримѣръ, разсказываетъ о томъ Исаакъ Масса); но если со стороны иностранныхъ географовъ не было недостатка въ любознательности, то русскіе источники были чрезвычайно мало доступны или же были недостаточно пригодны для картографическаго употребленія. „Многочисленныя свидѣтельства“, упоминаемыя г. Замысловскимъ, далеко не всѣ относятся именно къ „чертежу сибирскихъ *земель*“, а только къ *планамъ* сибирскихъ *остроговъ*. Таково порученіе отъ царя Бориса въ 1600 году къ тюменскому головѣ о построеніи острога въ Епанчинѣ Юртѣ. Въ грамотѣ именно говорится: „а каковъ великъ острогъ сдѣланъ будетъ, и каковы около острогу крѣпости (т.-е. укрѣпленія) и надолобы подѣлаешь... и ты-бъ о всемъ о томъ подлинно отписалъ, *и острогъ, и крѣпости, начер-*

---

[1] „Книга Большому чертежу“ издана была Г. И. Спасскимъ; 2-е изд. Спб. 1838.

[2] Часть ея, изображающая Сибирь, помѣщена въ книгѣ Д. Н. Анучина, стр. 38.

[3] Замысловскій, Чертежи сибирскихъ земель XVI—XVII вѣка („Журн. мин. просв.“ 1891, іюнь, стр. 340). Впрочемъ, иностранныя карты указаны здѣсь не сполна.

тивъ на чертежъ и всякія угодья росписавъ, прислалъ къ намъ къ Москвѣ". Такимъ же образомъ въ 1611 году тобольскій воевода, дѣлая распоряженія о постройкѣ новаго города, велитъ „новому *городу*, и городовымъ всякимъ *крѣпостямъ*, и пашеннымъ землямъ и всякимъ угодьямъ роспись и чертежъ прислати въ Тоболескъ". Очевидно, что на этотъ разъ рѣчь идетъ только о планахъ этихъ остроговъ, а не о картахъ земель.

Другіе „чертежи" были дѣйствительно карты. Такова была карта царевича Ѳедора Борисовича, изданная Герардомъ. Такую карту, „чертежъ и роспись про китайскую область" привезъ въ Москву въ 1620 году казакъ Иванъ Петлинъ, посланный въ Китай. Въ 1626—1627 годахъ, по указу царя Михаила Ѳедоровича, сдѣланъ новый чертежъ всему московскому государству. Въ чертежѣ находится и рѣка Обь съ ея притоками. Въ 1640—1641 составлены росписи и чертежи притокамъ Енисея и верховьямъ Левы [1]). Въ 1644 году новый приказъ о чертежѣ Лены и ея притоковъ, и т. д.

Подобная „Роспись сибирскимъ городамъ и острогамъ" издана была (изъ Погодинской рукописи) въ книгѣ г. Титова [2]). По мнѣнію издателя, она составлена не позже 1640 года,—она дѣйствительно ограничивается только городами и, острогами западной Сибири, но рукопись не имѣетъ конца и, начинаясь по обыкновенію съ самаго западнаго пункта Сибири, Верхотурья (какъ, напр., и въ описаніи сибирскихъ путей у Массы), должна кончаться крайними восточными городами, которые остаются недосчитанными. Чисто практическое назначеніе „Росписи" видно изъ ея первыхъ строкъ: „Которой городъ или острогъ надъ которою рѣкою стоитъ, и *сколко* отъ которова города до города или до острогу зимнимъ и лѣтнимъ сухимъ путемъ лошадми *ѣзду* и нартами на собакахъ, и водянымъ путемъ, въ дощаникахъ и въ стругахъ, ходу, по сказкѣ тоболскихъ и иныхъ сибирскихъ городовъ служилыхъ людей, и какіе люди до коихъ мѣстъ *ямскую гонбу* и на *сколко дорогъ* гоняютъ,—и то писано въ сей росписи порознь, по статьямъ".

Въ томъ же изданіи помѣщенъ „Чертежъ всей Сибири, збиранный въ Тобольскѣ по указу царя Алексѣя Михайловича" — изъ рукописи Румянцовскаго Музея [3]). Собственно говоря, это не чертежъ, а текстъ къ нему, его описаніе.

---

[1]) Упомянутая затѣмъ г. Замысловскимъ работа пятидесятника Мартына Васильева въ 1614 году представляетъ опять не карту, а только планъ верхоленскаго острожка.

[2]) А. Титовъ. Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Съ приложеніемъ спимка со старинной карты Сибири. Издалъ Г. Юдинъ. Москва, 1890, стр. 9—22.

[3]) Стр. 25—38.

Составъ чертежа или описанія изложенъ слѣдующими словами. По указу царя Алексѣя Михайловича въ 176 году (1668), „збиранъ сей чертежъ въ Тоболску за свидѣтельствомъ всякихъ чиновъ людей, которые въ сибирскихъ во всѣхъ городахъ и острогахъ хто гдѣ бывалъ и городки и остроги и урочища и земли знаютъ подлинно, и какіе ходы отъ города до города, да отъ слободы до слободы, и до котораго мѣста и дороги и земли и урочища и до земель въ сколку дней и сколку ѣзду и верстъ, и гдѣ межъ слободъ Тоболскаго уѣзду построить отъ приходу воинскихъ людей, по высмотру столпика и воеводы Петра Ивановича Годунова съ товарищи, какіе крѣпости и по сколку человѣкъ въ которой крѣпости посадить драгунъ, къ которой крѣпости сколко ходу дней и недѣль и степью и водами жъ до Китай, и то писано въ чертежѣ порознь по статьямъ въ кругахъ, также за свидѣтельству иноземцевъ и пріѣзжихъ бухарцовъ и служилыхъ татаръ".

„Чертежъ" начинается отъ Тобольска и, идя на востокъ, доходитъ до Амура, до Китая, до земли Тангутской и Индѣйской и между прочимъ сообщаетъ изрѣдка бытовыя свѣдѣнія. Самая карта, принадлежащая къ этому описанію Сибири стольника Годунова, не сохранилась въ подлинникѣ, но сохранилась ея копія, сдѣланная въ 1669 году К. И. Прютцомъ (C. I. Prütz), сопровождавшимъ въ Москву шведскаго посланника Фрица Кронмана, и находящаяся въ его рукописи: „Itinerarium per nonnullas Russiae et Poloniae partes" (146 стр., 4°, въ стокгольмской королевской библіотекѣ). О своей копіи онъ сообщаетъ: „Приложенная карта великаго княжества Сибирскаго и окрестныхъ странъ снята мною 8-го января 1669 года въ Москвѣ, насколько возможно было, тщательно, съ весьма небрежно сохранившагося подлинника, которымъ меня лишь на нѣсколько часовъ ссудилъ князь Иванъ Алексѣевичъ Воротынскій". „Сочиненіе Прютца, —говоритъ г. Титовъ,—до сихъ поръ не издано, а равно оставалась неизвѣстною и помѣщенная въ немъ карта Сибири, между тѣмъ какъ она чрезвычайно интересна для старинной картографіи, ибо даетъ намъ понятіе о первомъ русскомъ чертежѣ Сибири, не сохранившемся въ Россіи... Мы получили возможность издать эту карту, благодаря благосклонному разрѣшенію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, которому точный снимокъ съ нея былъ доставленъ шведскимъ ученымъ Г. Стриндбергомъ черезъ посредство академика Я. К. Грота" [1]).—Но эта карта была уже раньше издана извѣстнымъ Норденшельдомъ [2]).

---

[1]) Титовъ, стр. IX—X.

[2]) „Den första på verkliga iakttagelser grundade karta öfver norra Asien", af A. E. Nordenskiöld (Первая на дѣйствительныхъ наблюденіяхъ основанная карта

Въ „Росписи сибирскимъ городамъ и острогамъ", какъ и въ описаніи чертежа стольника Годунова, разстояніе мѣстностей, исключая болѣе близкихъ и болѣе извѣстныхъ, означены днями или цѣлыми недѣлями и мѣсяцами ѣзды сухимъ путемъ или водой. Болѣе исправный списокъ описанія чертежа Годунова нашелся въ московскомъ Архивѣ министерства юстиціи и представляетъ варіанты въ собственныхъ именахъ и цифровыхъ показаніяхъ [1]). Относительно копіи Прютца г. Замысловскій полагалъ, что она едва ли была точной копіей русской карты: „большая часть названій рѣкъ и городовъ, отмѣченныхъ особыми знаками, не поименованы, опущены многія названія, находящіяся въ русскомъ подлинникѣ (т.-е. въ описаніи), но тѣмъ не менѣе эта карта оставляетъ далеко за собою карты, предшествующія ей, и она является первымъ опытомъ воспроизвести картографически всю Сибирь". Что копія не могла быть особенно точной, можно предполагать уже изъ того, что „небрежно сохранившійся подлинникъ" данъ былъ Прютцу всего на нѣсколько часовъ.

Болѣе поздній сибирскій лѣтописецъ и географъ Ремезовъ сообщаетъ, что въ 1667—1668 годахъ царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ тобольскому воеводѣ составить карту Сибири—„всю Сибирскую землю описати, грани земель и жилищь, межи, рѣки и урочища, и всему учинить чертежъ". По словамъ его, это было „первое чертежное описаніе Сибири отъ древнихъ жителей", т.-е., вѣроятно, первое съ тѣхъ поръ, какъ появились въ Сибири русскіе жители, и это описаніе было „предано печати", „и посему отчасти Сибирь означися". Это описаніе (т.-е. Годуновское) произвело, говоритъ Ремезовъ, большое впечатлѣніе въ Сибири: изъ чертежа сибирскіе жители въ первый разъ увидѣли очертаніе своей земли. „И о семъ тогда всѣмъ сибирскимъ жителямъ первое вново Сибирскій чертежъ въ великое удивленіе, яко много лѣтъ при житии ихъ проидоша и недовѣдомы орды сосѣдъ жилища и урочища бѣша. И о семъ древле невѣріемъ слуха одержимы бѣша: еже имъ мало проходно быша, еже нынѣшнее урочище пять поприщъ имуще, они же тогда сто верстъ мнѣша, а идеже день ходу, ту имъ недѣля ѣзду. И тогда имъ сосѣдъ жилища и урочища отчасти открыся, зане въ вопросахъ неискусни бѣша. И съ таково времени со 176 и по нынѣшной 209 годъ".

Ремезовъ былъ не высокаго мнѣнія о географическихъ представленіяхъ своихъ соотечественниковъ и его трудно въ этомъ оспари-

Сѣверной Азіи; въ журналѣ „Ymer", 1887). Любопытная статья Норденшельда заключаетъ краткій обзоръ старой картографіи сѣверной Сибири, и карта Прютца помѣщена здѣсь въ двухъ варіантахъ. Имя его пишется по-шведски Prytz.

[1]) См. статью г. Оглоблина: „Источники чертежной книги Сибири, Семена Ремезова" (въ „Библіографѣ", 1891, № 1).

вать. Старинные чертежи дѣлались на глазомѣръ, безъ всякихъ понятій о математической географіи и безъ умѣнья хотя бы приблизительно опредѣлять широту и долготу отмѣчаемыхъ на картѣ пунктовъ; не было также и знанія того, что уже было тогда извѣстно въ европейской географической наукѣ о югѣ и китайскомъ востокѣ Азіи. Карта Годунова нарисована такъ, что сѣверъ приходится внизу, югъ на верху, западъ на право и востокъ на лѣво: она изображаетъ Азію въ видѣ четырехъугольника, который на западѣ примыкаетъ къ европейской Россіи, а съ трехъ остальныхъ сторонъ окружается повидимому моремъ: восточный край Азіи идетъ по прямой линіи (лишь съ неровностями морского берега) — Китай помѣстился въ углу, а мѣста для Индіи совсѣмъ не оказалось; южная полоса Азіи идетъ прямо отъ Астрахани до крайняго угла Китая.

Далѣе въ книгѣ г. Титова изданъ „Списокъ съ чертежа сибирскія земли" [1]), помѣченный 7181 годомъ (1672), и который раньше былъ уже изданъ Г. И. Спасскимъ [2]). Чертежъ, которому эта статья служила описаніемъ, также не сохранился. Изложеніе идетъ отъ Тобольска все далѣе на востокъ и простирается на восточную Сибирь, даетъ между прочимъ и описаніе Амура.

Далѣе, въ томъ же изданіи напечатано въ первый разъ изъ рукописи Румянцовскаго Музея „Описаніе новыя земли, сирѣчь сибирского царства" [3]). Въ этой статьѣ, составленной, по опредѣленію Востокова, послѣ 1683 года, описаніе сибирскихъ земель соединяется съ историческими свѣдѣніями, которыя „несогласны съ достовѣрнѣйшими лѣтописями Строгоновскою и Саввы Есипова; разсказываемыя здѣсь обстоятельства частью сходны съ сказаніемъ Ремезовской лѣтописи, частью же и собственнаго изобрѣтенія" неизвѣстнаго автора. Географическія данныя здѣсь вообще полнѣе, чѣмъ въ другихъ описаніяхъ, представляющихъ почти только дорожники; здѣсь сообщаются описанія мѣстностей, произведеній природы, обычаевъ, излагаются даже религіозные обряды китайцевъ и сообщается о прибытіи въ Китай іезуитовъ. Статья, замѣчательная и по богатству языка, представляетъ вообще лучшее и наиболѣе подробное изъ старыхъ русскихъ описаній Сибири [4]).

Тамъ же повторена статья, напечатанная прежде Г. И. Спасскимъ

---

[1]) Стр. 41—54.

[2]) Временникъ Московскаго Общества исторіи и древностей, 1849, кн. III.

[3]) Стр. 57—101.

[4]) „Описаніе... Румянцевскаго Музеума", Востокова. Спб. 1842, № CCXCIV. Нѣсколько извлеченій изъ этой статьи находится въ приложеніяхъ къ упомянутому раньше „Путешествію Спаѳарія", въ изданіи Ю. Арсеньева. Спб. 1882.

изъ рукописи XVII-го вѣка: „Сказаніе о великой рѣкѣ Амурѣ, которая разгранила русское селеніе съ китайцы“ [1]).

Упомянутый сынъ боярскій Семенъ Ремезовъ, авторъ Тобольской (или Кунгурской) лѣтописи, составилъ въ 1701 году новую „Чертежную книгу Сибири“, на 23 листахъ, гдѣ на первомъ листѣ находится планъ Тобольска, затѣмъ 18 картъ земель, подвѣдомственныхъ сибирскимъ городамъ или острогамъ, отъ Верхотурья и Тобольска до Якутска и Нерчинска; потомъ „Чертежъ земли безводной и малопроходной каменной степи“, то-есть степей, прилегающихъ къ Сибири на юго-западѣ; далѣе, сводная карта всей Сибири, подъ названіемъ: „Чертежъ всѣхъ сибирскихъ градовъ и земель“; наконецъ, карта Великопермскаго и Печорскаго поморья и карта распредѣленія инородческихъ племенъ [2]). Наконецъ, мы упоминали выше о путешествіи Спаѳарія, о книгѣ Новицкаго. Довольно большое количество отписокъ и сказокъ разныхъ посланцевъ къ ханамъ средней Азіи и Монголіи разсѣяно по разнымъ историческимъ изданіямъ и до сихъ поръ еще не собрано въ одно цѣлое [3]).

Статьи о Сибири, правда, краткія, встрѣчаются и въ хронографахъ, которые были въ свое время почти единственными учеными и популярными книгами по исторіи и географіи. Въ „Изборникѣ“, составленномъ Андреемъ Поповымъ изъ хронографовъ, находятся нѣсколько статей, относящихся къ Сибири. Напримѣръ, статья „О сибирскомъ царствѣ и о царяхъ того великаго царства“, которая совпадаетъ съ нѣкоторыми отдѣлами лѣтописей Строгоновской и Саввы Есипова [4]); тамъ же статья: „О побѣдѣ на бесерменскаго сибирскаго царя Кучума Муртозелеева и о взятіи сибирскаго царства и о рожденіи царевича Димитрія и о поставленіи града Тоболска и о людехъ ратныхъ, и о разныхъ звѣрехъ и зміяхъ великихъ и о птицахъ дивныхъ, иже обрѣтаются въ томъ сибирскомъ царствѣ“, гдѣ послѣ краткаго разсказа о завоеваніи Ермакомъ сибирскаго царства сообщаются свѣдѣнія о сибирскихъ народахъ, звѣряхъ, птицахъ и рыбахъ. Наконецъ, статья: „О градѣхъ и рѣкахъ того сибирскаго царства“. Въ старыхъ космографіяхъ, изданныхъ тамъ же А. Попо-

---

[1]) Стр. 105—113. Изданіе Спасскаго въ „Вѣстникѣ“ Географ. Общества 1858, книга II.

[2]) Атласъ Ремезова изданъ Археографической коммиссіей, 1882.

[3]) Много подобныхъ отписокъ было напечатано Спасскимъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, г. Потанинымъ, Ю. Арсеньевымъ, г. Кобеко и др. Ср. „Географическія свѣдѣнія Книги большого чертежа о Киргизскихъ степяхъ и Туркестанскомъ краѣ“, А. И. Макшеева, въ „Запискахъ Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи“, т. VI; Н. Оглоблина, „Сибирскіе дипломаты XVII вѣка“ (въ Истор. Вѣстникѣ, 1891).

[4]) Ср. „Изборникъ“, Москва, 1869, стр. 398 и слѣд.; ср. „Лѣтопись Сибирскую“, Спасскаго, стр. 28 и слѣд.; „Покореніе Сибири“, Небольсина, приложеніе, стр. 10 и д.

вымъ, находятся двѣ статьи о Сибири, изъ которыхъ одна, въ нѣсколькихъ строкахъ, называетъ Сибирь царствомъ „звѣрообразныхъ людей", другая курьезна по сказочнымъ подробностямъ о сѣверныхъ сибирскихъ народахъ [1]).

Однимъ изъ основныхъ источниковъ для сибирской исторіи остаются акты—современныя оффиціальныя бумаги, правительственныя распоряженія, отчеты и т. п., масса которыхъ уже была собрана въ XVIII столѣтіи или остается еще до сихъ поръ несобранной въ сибирскихъ архивахъ и въ центральныхъ архивахъ въ Петербургѣ и Москвѣ [2]).

Во главѣ научной разработки сибирской исторіи стоитъ имя знаменитаго Герарда-Фридриха Миллера (1705 — 1783), о которомъ мы уже много разъ говорили. Его называютъ отцомъ сибирской исторіи, и совершенно справедливо: никто съ тѣхъ поръ и донынѣ — кромѣ развѣ Спасскаго—не положилъ такого труда на собраніе матеріаловъ по исторіи этого края, гдѣ Миллеръ странствовалъ въ теченіе десяти лѣтъ (1733 — 1743), большею частію вмѣстѣ съ Гмелиномъ, и гдѣ онъ занимался разборомъ сибирскихъ архивовъ и собираніемъ всякихъ свѣдѣній о сибирской старинѣ, современномъ бытѣ, инородцахъ и т. д. Самъ Миллеръ въ своихъ сочиненіяхъ изложилъ только немногое изъ собраннаго имъ матеріала; о цѣнности и обиліи этого матеріала можно судить по тому, что въ прошломъ столѣтіи большая масса его вошла въ „Древнюю Вивліоѳику" Новикова, а долго спустя этотъ матеріалъ послужилъ для изданій Археографической коммиссіи, и въ послѣдній разъ изъ него почерпнуто было содержаніе спеціальныхъ сборниковъ, изданныхъ Археографической коммиссіей въ 1880-хъ годахъ, черезъ полтораста лѣтъ послѣ того, какъ Миллеръ дѣлалъ свое путешествіе [3]).

Ограничимся здѣсь указаніемъ того, что̀ въ его ученыхъ трудахъ посвящено Сибири. Наканунѣ своего отъѣзда, въ 1732, Миллеръ началъ изданіе, посвященное вообще различнымъ предметамъ русской исторіи и гдѣ потомъ появились его многія работы о Сибири [4]). Путешествіе надолго прервало это изданіе, которое было возобновлено Миллеромъ уже въ 1758 году. По возвращеніи, Миллеръ, кромѣ раз-

---

[1]) „Изборникъ", стр. 466, 528—529. Въ послѣдней изъ этихъ статей есть отголоски новгородскаго сказанія, изложеннаго выше (отдѣлъ второй, глава I).

[2]) Подробное изчисленіе ихъ см. въ „Сибирской Библіографіи" г. Межова.

[3]) О трудахъ Миллера въ Сибири см. въ Ист. Академіи Наукъ, I, стр. 321 — 335, 366 и др.

[4]) G. Fr. Müller, Sammlung russischer Geschichte. St.-Pet. 1732 — 64, 9 томовъ. Десятый дополнительный томъ былъ изданъ Эверсомъ и Энгельгардтомъ. Dorpat, 1816.

ныхъ другихъ работъ, занялся составленіемъ сибирской исторіи. Книга печаталась уже съ 1748 года и вышла въ свѣтъ въ 1750 году, на русскомъ языкѣ [1]. Книга Миллера была первымъ правильнымъ ученымъ трудомъ по сибирской исторіи: онъ приступилъ къ нему, хорошо приготовившись, и въ то время не было другого человѣка, который бы такъ хорошо владѣлъ всѣми относящимися къ предмету источниками. Въ предисловіи, которое составлено было не Миллеромъ, а академической канцеляріей, объясняется, какіе матеріалы имѣлъ авторъ для своего руководства: по указу правительствующаго сената, автору „позволено было сибирскіе архивы по волѣ разсматривать" и выписывать изъ нихъ „принадлежащія къ его намѣренію извѣстія"; кромѣ того, нѣкоторыя „приватныя персоны", а особливо бароны Строгоновы, благосклонно сообщали ему какъ письменныя, такъ и изустныя извѣстія, и наконецъ, „къ не малому его вспоможенію", попались ему письменныя сибирскія лѣтописи. Поэтому предисловіе успокоиваетъ читателя относительно достовѣрности этой исторіи: „Сего ради благосклонный читатель ни мало сумнѣваться не можетъ о достовѣрности сего описанія, тѣмъ наипаче, что сочинителю, который кромѣ того *не имѣетъ причины инако писать,* какъ только что нашлось въ вышепоказанныхъ достовѣрныхъ извѣстіяхъ, во-первыхъ должно было всячески о истиннѣ стараться; однако-жъ если впредь о чемъ нибудь больше удостовѣренность будетъ, то по приложенному старанію о усмотрѣнныхъ погрѣшностяхъ въ слѣдующемъ томѣ объявлено, а при новомъ изданіи то самое въ текстѣ поправлено быть имѣетъ".

Эта опасливость объясняется вообще тогдашними взглядами на печать и въ частности положеніемъ Миллера въ Академіи. Ученый трудъ былъ дѣломъ оффиціальнымъ, и мы раньше имѣли случай замѣчать, что научныя открытія академиковъ считались казенною соб-

[1] Мы пользовались вторымъ изданіемъ: „Описаніе сибирскаго царства и всѣхъ происшедшихъ въ немъ дѣлъ отъ начала, а особливо отъ покоренія его Россійской державѣ по сіи времена; сочинено Герардомъ Фридерикомъ Миллеромъ, исторіографомъ и профессоромъ университета Академіи Наукъ и соціетета Аглинскаго членомъ. Книга первая. Вторымъ тисненіемъ". Спб. 1787, 4°. Эта единственная вышедшая отдѣльно книга сочиненія Миллера заключаетъ слѣдующія главы: I) Извѣстіе о древнихъ приключеніяхъ прежде Россійскаго владѣнія; II) О изобрѣтеніи (т.-е. открытіи) Сибири и о приведеніи оной подъ Россійскую державу донскими казаками; III) О принятіи сибирской земли подъ Россійскую державу; IV) О строеніи городовъ Тюмени, Тобольска, Лозвы, Пелыма, Березова, Сургута, Тары и о совершенномъ прогнаніи Хана Кучума изъ Сибири; V) О строеніи городовъ и остроговъ Нарыма, Кецкаго, Верьхотурья, Туринска, Мангазѣи, Томска и Кузнецка съ нѣкоторыми до сихъ мѣстъ касающимися прежнихъ временъ приключеніями". О нѣмецкомъ изданіи скажемъ дальше.

ственностью и вмѣстѣ канцелярской тайной, съ которой надо было обходиться съ величайшею осторожностью, особливо если дѣло касалось русской исторіи, даже самой отдаленной. Передъ изданіемъ Сибирской исторіи (какъ впрочемъ и послѣ) Миллеру пришлось вынести не мало непріятностей по поводу своихъ ученыхъ трудовъ; онъ былъ не въ ладахъ съ партіей, которая правила тогда академическими дѣлами; въ 1749 году поднятъ былъ шумъ по поводу его диссертаціи (на латинскомъ языкѣ!) о происхожденіи русскаго народа, которая была сочтена оскорбительной для достоинства Россійской имперіи; передъ тѣмъ Крекшинъ, извѣстный (плохой) историкъ Петра Великаго, раздраженный неодобрительнымъ отзывомъ Миллера объ его генеалогическихъ трудахъ, подалъ въ сенатъ доносъ о томъ, что Миллеръ (котораго указаніями самъ Крекшинъ пользовался) дѣлаетъ въ одной изъ своихъ рукописей выписки унизительныя для русскихъ (древнихъ) великихъ князей. Самое составленіе Сибирской исторіи не обошлось для Миллера безъ большихъ непріятностей. Шумахеръ и Тепловъ, правившіе Академіей и относившіеся къ Миллеру враждебно, дѣлали ему всякія кляузы, касавшіяся и его ученой работы. Миллеръ осмѣлился, минуя Шумахера, послать прямо въ Москву къ жившему тамъ президенту Академіи Разумовскому предисловіе къ своей книгѣ; Шумахеръ сталъ увѣрять Теплова, имѣвшаго вліяніе у Разумовскаго, что предисловіе „больше клонится на распространеніе суетной славы“ Миллера, а относительно желанія Миллера напечатать при исторіи двѣ старыя сибирскія лѣтописи — объяснялъ, что Миллеръ „никакого другого намѣренія не имѣетъ, какъ свою исторію увеличить и время провождать“, и что „безопаснѣе“ было бы напечатать лѣтописи и грамоты отдѣльно, „показавъ ихъ напередъ въ надлежащемъ мѣстѣ для аппробаціи, ибо оныя дѣла такія, о которыхъ разсуждать должны *министры* или *правительствующій сенатъ*“. Дѣло шло о лѣтописяхъ XVI — XVII-го столѣтія!

Получилась, наконецъ, резолюція Разумовскаго, очевидно, продиктованная врагами Миллера и довольно безсмысленная, о которой академическая канцелярія увѣдомила автора Исторіи. Президентомъ Академіи было усмотрѣно, что хотя, по разсужденію автора, и нужны доказательства для его Исторіи, однако въ лѣтописяхъ „находится не малое число *лжебасней*, чудесъ и церковныхъ вещей, которыя никакого имовѣрства не только недостойны, но и противны регламенту академическому, въ которомъ именно запрещается академикамъ и профессорамъ мѣшаться никакамъ образомъ въ дѣла, касающіяся до закона“ (т.-е. до церковныхъ предметовъ). „А хотя же бы что и до закона не касалося, то не разсуждается за пристойно печатать пустыя сказки и лжи, которыя никакого основанія не имѣютъ“. Ака-

демическая канцелярія (безъ сомнѣнія, по полномочію отъ президента) разсуждала, что такой книги печатать нельзя „подъ именемъ будто бы только древности и стараго сложенія, ибо ложь не касается до склада, но до самаго дѣла"; поэтому рѣшили сибирскую лѣтопись „печатаніемъ оставить до того времени, когда оная и другія ей подобныя особливо осмотрѣны будутъ и очищены (!) отъ помянутыхъ непристойныхъ сказокъ, происходящихъ отъ излишняго суевѣрства", и самое предисловіе, приготовленное Миллеромъ, было „перемѣнено".

Это первоначальное предисловіе сохранилось въ архивѣ Академіи и заключало въ себѣ, между прочимъ, любопытныя соображенія о старыхъ памятникахъ сибирскаго лѣтописанія [1]).

Въ печатномъ предисловіи говорилось дальше, что Академіею принято намѣреніе напечатать вмѣстѣ „выписанныя изъ сибирскихъ архивовъ важнѣйшія достовѣрныя извѣстія, какихъ въ академической архивѣ *тридцать восемь книгъ* хранится", вмѣстѣ съ тобольскимъ лѣтописцемъ и „съ прочими общими сибирскими лѣтописцами", но предварительно „очистивъ оные отъ басней, которыя не принадлежатъ къ самому дѣлу". Это очищеніе, придуманное, какъ мы видѣли, не Миллеромъ, а академической канцеляріей, конечно, сдѣлало бы изданіе негоднымъ,—да оно и не состоялось.

Этимъ не кончались придирки. Однажды непріятели Миллера въ академической канцеляріи, желая досадить ему, отняли у него чтеніе корректуры, подъ предлогомъ, что онъ ее задерживаетъ. Онъ долженъ былъ объяснять, что корректурныя поправки ему необходимы вслѣдствіе плохого перевода его книги, и что въ „другихъ странахъ" такое распоряженіе сочтено было бы весьма несправедливымъ, „потому что вовсе запрещать дѣлать поправки въ корректурахъ, при печатаніи своихъ сочиненій, значило бы дѣйствовать вопреки обычая всѣхъ ученыхъ и всѣхъ типографій, смѣю сказать—вопреки самаго существа дѣла: здѣсь-то пробуждается болѣе вниманіе сочинителя и гораздо болѣе чѣмъ въ предшествовавшихъ работахъ, потому что здѣсь онъ въ послѣдній разъ можетъ поправить свою работу прежде изданія въ свѣтъ. Тому свидѣтели всѣ тѣ, которые привыкли сами поправлять свои сочиненія".

Нѣкоторые изъ позднѣйшихъ историковъ отзывались иногда нѣсколько свысока о Сибирской исторіи Миллера; это очень несправедливо. Каковы бы ни бывали ошибки Миллера въ другихъ вопросахъ русской исторіи, онъ оставался отличнымъ знатокомъ ея, и въ данномъ случаѣ трудъ его былъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что онъ при-

---

[1]) Исторія Акад. Наукъ, т. I, стр. 352—356. Упоминаемый здѣсь Савва Ефимовъ, какъ мы указывали, есть Савва Есиповъ.

ступалъ къ предмету совсѣмъ нетронутому, для котораго самъ онъ собралъ первые источники, къ которому впервые приложилъ историческую критику, чтобы разобраться въ массѣ сложныхъ фактовъ и противорѣчивыхъ показаній. Для своего времени Миллеръ съ большимъ успѣхомъ одолѣлъ эти трудности, и его книга была бы вѣроятно еще любопытнѣе, еслибы надъ нимъ не тяготѣла упомянутая невѣжественная опека. Онъ приступалъ къ дѣлу съ учеными пріемами только-что возникавшей тогда исторической критики. Для первой главы сочиненія Миллеръ воспользовался существовавшей тогда литературой о старой исторіи Средней Азіи, Монголіи и Китая, какъ переводъ исторіи Абульгази, старыя путешествія къ татарамъ (Плано-Карпини и др.), книги тогдашнихъ оріенталистовъ, Пети де-ла-Круа, Эрбелота, іезуитовъ Гобаля, Сусіета, какъ сочиненія Витзена, Страленберга (къ которому относится критически), Дюгальда, Іоанна Бернарда Миллера (объ остякахъ) и пр. Въ послѣдующихъ главахъ онъ стоялъ уже на болѣе твердой почвѣ, имѣлъ передъ собою русскія лѣтописи и грамоты; и такъ какъ послѣднія были еще совсѣмъ неизвѣстны въ печати, то онъ въ примѣчаніяхъ приводитъ ихъ цѣликомъ, какъ напримѣръ грамоты къ Строгоновымъ. Близкое собственное знаніе Сибири, внимательное изученіе уцѣлѣвшихъ остатковъ ея старины въ археологическихъ памятникахъ и преданіяхъ, русскихъ и инородческихъ, составляли для Миллера чрезвычайно важное дополненіе къ его письменнымъ матеріаламъ. Передавая одно сказаніе о до-русскихъ временахъ Сибири, Миллеръ замѣчаетъ: „сію повѣсть еще и нынѣ у тобольскихъ татаръ изустно слышать можно“; въ Красноярскѣ онъ отыскиваетъ „стараго человѣка изъ аринскаго народа, которой... остался одинъ, которой говорилъ еще аринскимъ языкомъ“; въ третьемъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что такіе-то историческіе факты „у тобольскихъ татаръ нынѣ совсѣмъ изъ памяти вышли“; „князецъ“ аялинскихъ татаръ разсказываетъ ему, что съ дѣтства помнитъ еще объ идолопоклонствѣ своихъ родителей и всего тамошняго народа и т. д. [1]). Миллеръ осмотрѣлъ самыя мѣстности, гдѣ происходили послѣднія битвы Ермака, развалины города „Сибири“ и т. п. [2]). Историческія соображенія побуждали Миллера вообще отдавать предпочтеніе показаніямъ тобольскаго лѣтописца, т.-е. Ремезова, передъ другими, „общими“ или „простыми“ лѣтописями [3]): Тобольскій лѣтописецъ, по его мнѣнію, „сочиненъ первымъ писателемъ (т.-е. самостоятельнымъ), что̀ не токмо по письму, но и по находящимся въ немъ рисункамъ довольно явствуетъ“.

---

[1]) Стр. 9, 25, 39, 44 и мн. др.

[2]) Стр. 108, 143 и др.

[3]) Стр. 109, 142 и др.

Сибирская исторія доведена въ первомъ томѣ книги Миллера до начала XVII столѣтія. Въ концѣ книги прибавлена „краткая хронологическая роспись сибирской исторіи", съ 1499 по 1618 г., и кромѣ того подробный указатель именной, географическій и предметный.

Продолженію труда Миллера, къ сожалѣнію, не посчастливилось: первый томъ остался единственнымъ,—между тѣмъ онъ видимо продолжалъ усиленно работать. Въ 1750 году переводились уже на русскій языкъ 7, 8 и 9-я главы академическимъ переводчикомъ Голубцовымъ, котораго поправлялъ Модерахъ. Въ февралѣ 1751 года Миллеръ представилъ графу Разумовскому 7 главъ, которыя должны были войти во вторую часть его сибирской исторіи. Эти главы разсматривались тогда же въ „историческомъ собраніи" изъ нѣсколькихъ академиковъ, составлявшемъ своего рода академическую цензуру, и гдѣ однимъ изъ членовъ былъ Ломоносовъ. Въ концѣ этого года Ломоносовъ, какъ разсказываетъ историкъ Академіи наукъ, представлялъ академической канцеляріи, что онъ, при „свидѣтельствованіи" Сибирской Исторіи Миллера, находилъ непристойными подробности автора о пушкарѣ Ворошилкѣ и его худыхъ поступкахъ, такъ какъ, по мнѣнію Ломоносова, „весьма неприлично, когда сочинитель довольно другихъ знатныхъ дѣлъ и приключеній имѣть можетъ"... Далѣе, Ломоносову не нравилось даже упоминаніе о построеніи такихъ церквей, которыя потомъ погорѣли, и выраженіе: „праздность всероссійскаго престола" — въ междуцарствіе. Миллеръ сдѣлалъ поправки по замѣчаніямъ Ломоносова. Въ декабрѣ того же 1751 года историческое собраніе одобрило къ печатанію шесть главъ Сибирской Исторіи (6 — 11) и сдѣлало распоряженіе объ ихъ печатаніи. Въ 1752 году одобрены были тѣмъ же собраніемъ главы 12 — 17-ая, и затѣмъ слѣдующія главы до 22-ой включительно велѣно было, за болѣзнію Голубцова, переводить Модераху. Наконецъ, въ февралѣ 1753 года Миллеръ представилъ еще одну главу своего сочиненія, всего 23 главы; но продолженіе книги все-таки не выходило въ свѣтъ, и историкъ Академіи не нашелъ этому никакого объясненія въ дѣлахъ академическаго архива [1]).

Изъ этого продолженія сибирской исторіи напечатаны были впослѣдствіи только отдѣльныя главы—по-нѣмецки въ „Sammlung russischer Geschichte", а по-русски въ издававшихся Миллеромъ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ". Въ первомъ изъ этихъ изданій помѣщенъ былъ, во-первыхъ, переводъ пяти главъ перваго русскаго тома, а затѣмъ главы 6—10-ая [2]); въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ" (1763,

[1]) Исторія Акад. Наукъ, т. I, стр. 368, 406—408.

[2]) Sammlung etc., т. VI, выпуски 2 — 6, 1761 — 1762: Sibirische Geschichte, Erstes-fünftes Buch, стр. 109—566, и подробный указатель. Здѣсь выпущены тексты

октябрь) Миллеръ помѣстилъ краткій обзоръ сибирской исторіи; а потомъ (1764, январь—іюнь) помѣстилъ цѣликомъ главы 6, 7 и 8-ю.

Въ тѣхъ же „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“, которыя Миллеръ издавалъ съ 1755 года въ теченіе десяти лѣтъ, онъ помѣстилъ еще нѣсколько изслѣдованій, имѣющихъ отношеніе къ Сибири, напримѣръ: „о первыхъ россійскихъ путешествіяхъ и посольствахъ въ Китай“; „о торгахъ сибирскихъ“; „изъясненіе сумнительствъ, находящихся при поставленіи границъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами 7197 (1689) года“; „о китовой ловлѣ около Камчатки“; „исторія о странахъ, при рѣкѣ Амурѣ лежащихъ, когда оныя состояли подъ россійскимъ владѣніемъ“; описанія „морскихъ путешествій по Ледовитому и по Восточному морю, съ россійской стороны учиненныхъ“ [1]); „извѣстіе о песошномъ золотѣ въ Бухаріи, о чиненныхъ для онаго отправленіяхъ и о строеніи крѣпостей при рѣкѣ Иртышѣ, которыхъ имена: Омская, Желѣзинская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская“; „извѣстіе о ландкартахъ, касающихся до россійскаго государства съ пограничными землями, также и о морскихъ картахъ тѣхъ морей, кои съ Россіею граничатъ“; „изъясненіе о нѣкоторыхъ древностяхъ, въ могилахъ найденныхъ“ [2]) и пр. Эти

царскихъ грамотъ. Далѣе, Sammlung, т. VIII, выпуски 1 — 5, 1763: Sibirische Geschichte, sechstes-zehntes Buch, стр. 1—458. Содержаніе этихъ книгъ слѣдующее: VI. Различныя происшествія. Постройки разныхъ церквей и монастырей. Основаніе соленой варницы. Начало нѣкоторыхъ слободъ. Обдорскій городокъ и Туруханскъ. Древнѣйшія открытія на рѣкѣ Енисеѣ и на Ледовитомъ морѣ. Возстанія и воинскіе случаи. VII. Дальнѣйшія открытія и завоеванія по рѣкѣ Енисею; объ основаніи остроговъ и городовъ Маковскаго, Енисейска, Мелесскаго и Красноярска, и о киргизскихъ происшествіяхъ. VIII. Происшествія въ извѣстныхъ уже областяхъ Сибири относительно русскихъ жителей. Перемѣны въ постройкѣ городовъ. Учрежденіе архіепископской каѳедры въ Тобольскѣ. Основаніе разныхъ монастырей и слободъ. IX. Продолженіе исторіи западной части Сибири относительно происшествій, какія случились съ тамошними туземными и сосѣдними народами, гдѣ особливо говорится о переговорахъ и войнахъ съ князьями семейства хана Кучума и калмыками. X. Событія знатнѣйшаго калмыцкаго княжескаго рода, который подъ именемъ Джунгарскаго всего выше вознесъ свое могущество. Продолженіе происшествій съ князьями изъ рода хана Кучума и съ мелкими калмыцкими тайшами.

[1]) Это—рядъ статей (Ежем. Соч. 1758, январь—май, іюнь—ноябрь), который могъ бы составить цѣлую книгу; онъ тогда же явился по-нѣмецки въ Sammlung russ. Gesch., III, 1758, стр. 1 — 134 (Nachrichten von Seereisen, und zur See gemachten Entdeckungen, die von Russland aus längst den Küsten des Eismeeres und auf dem Ostlichen Weltmeere gegen Japon und Amerika geschehen sind. Zur Erläuterung einer bey der Akademie der Wissenschaften verfertigten Landkarte), и, какъ мы видѣли раньше, это сочиненіе пользовалось большимъ авторитетомъ въ иностранной литературѣ по вопросу о географіи Ледовитаго океана и сѣверной части океана Восточнаго.

[2]) Именно, найденныхъ въ Сибири и въ Новороссійскомъ краѣ. Статья: Von

статьи большею частію появлялись также и на нѣмецкомъ языкѣ въ Sammlung, или въ „Магазинѣ“ Бюшинга и другихъ заграничныхъ ученыхъ изданіяхъ [1]).

И этимъ не ограничились труды Миллера о Сибири. Въ декабрѣ 1752 г. онъ представлялъ академической канцеляріи, чтобы академикъ Фишеръ сдѣлалъ сокращеніе изъ Сибирской Исторіи, доведенной Миллеромъ до 1660 года, и продолжилъ ее до позднѣйшихъ временъ, а самъ Миллеръ могъ бы заняться общими сочиненіями по русской исторіи, географіи и описанію народовъ, а также—изложеніемъ своего путешествія и описаніемъ сибирскихъ древностей. Канцелярія и на этотъ разъ отнеслась къ Миллеру враждебно и дерзко. Въ постановленіи ея сказано было, что „уже извѣстно, что Миллеръ много начинаетъ, а ничего къ концу не приводитъ“, что сочиненіе русской и сибирской исторіи и географіи „въ даль откладываетъ“ (между тѣмъ какъ на дѣлѣ Академія не издавала и того, что̀ было уже Миллеромъ написано) и видимо „ни мало не хочетъ сдѣлать когда-нибудь полное описаніе сибирскаго путешествія, которое онъ, однако, давно уже могъ бы сдѣлать и предупредить доктора Гмелина“... Раньше было сказано, что появленіе книги Гмелина было принято въ Петербургѣ съ крайнимъ неудовольствіемъ. Канцелярія постановила передать Фишеру составленіе сокращенія изъ Сибирской Исторіи Миллера, а самого Миллера обязала „подъ штрафомъ“ непремѣнно исполнить обѣщанное въ его представленіи. По докладѣ всего этого президенту Разумовскому, канцелярія предписала Миллеру „немедленно сочинить“ описаніе путешествія, „предпріятаго по высочайшему ея императорскаго величества указу“, и представить въ канцелярію; для сочиненія рѣшено было назначить срокъ, и указаны предметы, какихъ онъ долженъ былъ и какихъ не долженъ касаться въ описаніи: ему приказано было, „чтобы ничего въономъ не писать какъ токмо то, что̀ *народу* (?) къ его удовольствію знать потребно“ (описаніе пути, рѣкъ, селъ, городовъ, достопримѣчательностей, промысловъ, фабрикъ и т. п.), а другое было запрещено. „О мелочахъ и о такихъ случаяхъ, которые до ихъ (академиковъ) однихъ, или до ихъ свиты, или до ихъ корреспонденціи съ канцеляріями, съ кон-

---

den alten Gräbern in Sibirien, приписанная Миллеру, находится въ Haigold's (Шлёцеръ), Beylagen zum neu veränderten Russland, 1770, II, стр. 193—208.

[1]) См. библіографическія указанія въ Исторіи Акад. Наукъ, I, стр. 409 и слѣд. Отмѣтимъ еще одинъ трудъ Миллера: въ изданіи книги о Камчаткѣ Штеллера (1774), упомянутомъ нами раньше, помѣщена въ приложеніи статья Миллера: Geographie und Verfassung von Kamtschatka aus verschiedenen schriftlichen und mündlichen Nachrichten gesammelt zu Jakutzk, 1737; слѣд. эта статья составлена до изслѣдованій Крашенинникова и Штеллера.

торами и съ прочими мѣстами касаются и къ *пользѣ народной* вовсе не принадлежатъ, какъ напр., въ какое время и въ какое мѣсто пріѣхали, днемъ или ночью, лошади устали или нѣтъ; не терпѣли ли они голоду или жажды, когда обѣдали или ужинали, и что̀ ѣли или пили, багажъ остался ли позади или съ ними вмѣстѣ пришелъ, хорошо или худо въ своихъ квартирахъ приняты были; канцеляріи скоро ли ихъ отправляли и скоро ли давали имъ подводы или квартиры, или нѣтъ—вовсе не упоминать ему въ описаніи путешествія, ибо *народу* въ томъ все равно, учинено ли то или нѣтъ. Такимъ образомъ, читатель не будетъ читать ненадобныхъ вещей, и намѣреніе того, чему бы надлежало быть во многихъ томахъ, въ одной книгѣ совершится".

Наставленіе, написанное съ видимымъ намѣреніемъ уколоть, было, кажется, внушено также и раздраженіемъ противъ Гмелина, въ путешествіи котораго, между прочимъ, были именно непріятны многія изъ подобныхъ „мелочей", рисовавшихъ жизнь и нравы не только съ показной оффиціальной стороны, но и въ ихъ настоящемъ домашнемъ видѣ. Наставленіе преподано было въ февралѣ 1753, и въ томъ же февралѣ Миллеръ, какъ мы упоминали, представилъ 23 главы своей Сибирской Исторіи для составленія сокращенія ихъ Фишеромъ, а объ описаніи путешествія упоминалъ, что „оное мало не додѣлано, токмо не все переписано на бѣло, а что̀ переписано, то̀ находится у переводчика Голубцева. И ежели, по мнѣнію канцеляріи, надлежитъ изъ онаго описанія что̀ выключить или ко оному что̀ прибавить, то я прошу меня о томъ увѣдомить" [1]).

Несмотря на требованія и настоянія, высказанныя канцеляріей съ такою придирчивостью, Сибирская Исторія Миллера осталась неизданной повидимому больше чѣмъ на половину; осталось въ рукописи, въ академическомъ архивѣ, и „описаніе путешествія, которое императорской Академіи наукъ нѣкоторые члены въ Сибири имѣли; сочинено Г. Ф. Мюллеромъ" [2]).

---

[1]) Раньше, въ одномъ донесеніи Миллера отъ октября 1752, упомянуто, что одна часть его путешествій была имъ „внесена въ архиву при конференціи" еще въ 1746 году. Ист. Акад. I, стр. 366.

[2]) Ист. Акад. Наукъ. I, стр. 366—368, 427. Къ тому же путешествію, до пріѣзда въ Сибирь, относятся „Наблюденія историческія, географическія и этнографическія" и проч., писанныя Миллеромъ во время путешествія отъ Твери до Казани въ 1733 году (тамъ же, стр. 424), оставшіяся также въ рукописи; далѣе: „Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotiaken" (Samml. r. Gesch., III, 1758—59, стр. 305—412), статья, составленная Миллеромъ во время пребыванія въ Казани въ 1733 и доконченная на пути къ Тобольску; и, наконецъ, много данныхъ, разсѣянныхъ въ другихъ сочиненіяхъ Миллера.

Таковы были труды для Сибири этого замѣчательнаго человѣка, о которомъ съ великимъ уваженіемъ говорилъ и такой суровый и требовательный человѣкъ, какъ Шлёцеръ („въ образѣ мыслей Миллера,—замѣтилъ онъ между прочимъ,—было что-то великое, справедливое, благородное“).

Мало похожъ былъ на него другой академикъ, также путешествовавшій въ Сибири и писавшій ея исторію, Іоганнъ-Эбергардъ Фишеръ (1697—1771). Уроженецъ Вюртемберга, Фишеръ, хорошій латинистъ, вызванъ былъ въ Петербургъ для преподаванія въ академической гимназіи, въ 1733. Когда въ 1738 Миллеръ, утомленный своими странствіями въ Сибири и заболѣвшій, просилъ о разрѣшеніи возвратиться въ Петербургъ и о посылкѣ вмѣсто него адъюнкта, Фишеръ предложилъ свои услуги и отправился въ путь въ концѣ 1739 года. Онъ возвратился изъ Сибири уже въ 1747 году, но объ его путешествіи остались только весьма неблагопріятныя извѣстія. Миллеръ (который все-таки остался въ Сибири до 1743 г.) встрѣтился съ нимъ лишь ненадолго, но Фишера достаточно видѣлъ въ Сибири Гмелинъ, въ письмахъ котораго сохранились о немъ очень странныя свѣдѣнія: „невозможно описать его вспыльчивости, глупости и дурачествъ,— пишетъ Гмелинъ,—полагаю очень безплодною для Академіи посылку его сюда; онъ ничего не дѣлаетъ, и даетъ замѣтить, что ничего не хочетъ дѣлать прежде, чѣмъ не получитъ инструкціи, а въ этой инструкціи должно быть помѣщено не только то, чтó имѣетъ онъ дѣлать, но также и указаны средства, какъ слѣдуетъ приняться за всякое дѣло“... Гмелину приходилось даже удерживать ученаго путешественника отъ дракъ. Это былъ, повидимому, педантъ, набитый академическою спѣсью, желавшій командовать и озлоблявшійся тѣмъ, что его амбиція не удовлетворялась [1]). Въ Сибири онъ сдѣлался басней; подчиненная ему команда была имъ выводима изъ терпѣнія, и однажды противъ него крикнули даже: „слово и дѣло“, и онъ подпалъ слѣдствію въ Якутскѣ. Въ ученомъ изслѣдованіи Сибири онъ оказался мало удовлетворителенъ. Нельзя вообще не считать страннымъ его выборъ для сибирской экспедиціи; русская исторія не была вовсе его спеціальностью; онъ плохо владѣлъ тогда русскимъ язы-

[1]) Въ донесеніи въ Академію, по окончаніи путешествія, Фишеръ пожаловался на этотъ недостатокъ почета: „Ежели правду сказать, то чинъ академиковъ отъ неискусныхъ и простыхъ оныхъ народовъ ни во что вмѣняется. Ежели кто изъ нихъ или въ церкви, или въ публичномъ собраніи, или на банкетѣ присутствуетъ, то тотчасъ заобыклое оное и употребляемое, однакожъ ненавистное и несносное послышитъ слово: кто онъ таковъ, въ какомъ онъ рангѣ? Сему когда противиться, то ссора и брани; ежели-жъ умолчать и пропустить, то за истину признаютъ“ и т. д. Его рангъ былъ пока еще не важный, а „пропустить“ онъ никакъ не могъ.

комъ, такъ что нуждался въ переводчикѣ, и самое дѣло, кажется, его очень мало интересовало. Повидимому, ѣдучи въ Сибирь, онъ ожидалъ, что ему не будетъ предстоять никакого самостоятельнаго труда; уже на первыхъ порахъ онъ жаловался президенту Академіи барону Корфу, что надѣялся быть спутникомъ одного изъ академиковъ (Миллера или Гмелина), а они оба собираются покидать Сибирь; около того же времени Корфъ велѣлъ-было Миллеру отдать всѣ собранные имъ матеріалы назначенному въ Сибирь вмѣсто него Фишеру. Миллеръ, конечно, отказывался сдѣлать это, отзываясь совершенно справедливо, что безъ этихъ бумагъ все его путешествіе останется безплоднымъ — „не упоминая того, что чужая рука въ недовольномъ знаніи россійскаго языка симъ нашимъ походнымъ архивомъ съ такою прибылью пользоваться не можетъ". Самъ Фишеръ вывезъ изъ Сибири очень немногое; даже состоявшій при немъ, вовсе не ученый, переписчикъ Линденау собралъ гораздо больше матеріаловъ.

Съ возвращенія своего Фишеръ, кажется, ничего не дѣлалъ по Сибири до тѣхъ поръ, когда въ декабрѣ 1752 года канцелярія постановила, чтобы онъ составилъ сокращенную сибирскую исторію по книгѣ и рукописнымъ матеріаламъ Миллера. Въ 1757 г. Фишеръ окончилъ свою работу, въ слѣдующемъ году канцелярія поручила Голубцову перевесть книгу на русскій языкъ, но вышла она только черезъ много лѣтъ [1]).

О трудѣ Фишера выражаются обыкновенно, что онъ *продолжилъ* Сибирскую Исторію Миллера; но это надо понимать такъ, что у Фишера разсказъ событій поведенъ нѣсколько дальше, чѣмъ въ *первомъ изданномъ томѣ* Миллера, — а самая книга Фишера вовсе не была его самостоятельнымъ трудомъ, но, какъ выше замѣчено, только сокращеніемъ книги Миллера. Русское изданіе отличается отъ нѣмецкаго тѣмъ, что въ первомъ нѣтъ, во-первыхъ, предисловія, имѣющагося въ нѣмецкомъ, гдѣ говорится, что эта сокращенная исторія Сибири составлена, по просьбѣ исторіографа Миллера, изъ матеріаловъ, привезенныхъ послѣднимъ изъ сибирскаго путешествія; во-вторыхъ,

---

[1]) Sibirische Geschichte von der Entdeckung Sibiriens bis auf die Eroberung dieses Landes durch die russische Waffen, in den Versammlungen der Akademie der Wissenschaften vorgelesen und mit Genehmhaltung Derselben ans Licht gestellt von J. Eb. Fischer etc. 2 тома, Спб. 1768. Русскій переводъ: „Сибирская исторія съ самаго открытія Сибири до завоеванія сей земли россійскимъ оружіемъ, сочиненная на нѣмецкомъ языкѣ и въ собраніи академическомъ читанная"... Іог. Еберг. Фишеромъ. Спб., 1774, 4°. 631 стр. и двѣ карты. Замѣтимъ кстати, что на картѣ, приложенной къ этому сочиненію, Сахалинъ — названный „Шантаръ" — изображенъ совершенно отчетливо какъ островъ. — Ср. „Воспоминанія о Сибири" Б. Струве, „Р. Вѣстн.", 1888, іюнь, объ открытіи пролива Невельскимъ.

нѣтъ подробнаго указателя. Знавшіе трудъ Фишера по русскому изданію составляли о немъ понятіе какъ о трудѣ самостоятельномъ, и, слыша по преданію о томъ, что два эти академика не были особенно въ ладахъ, думали даже, что книга Фишера написана „изъ соперничества“ съ Миллеромъ [1]), когда на дѣлѣ первый только сокращалъ послѣдняго. Дѣло въ томъ, что Фишеръ повторилъ всѣ десять изданныхъ главъ (или, въ нѣмецкомъ изданіи, „книгъ“) Миллера. Это наполнило около $^3/_4$ его сочиненія; остальная $^1/_4$ взята изъ тѣхъ главъ сочиненія Миллера, которыя остались неизданными,—но неизвѣстно, воспользовался ли Фишеръ всѣми 23 главами сочиненія Миллера, или нѣтъ, и что сталось вообще съ подлиннымъ трудомъ послѣдняго [2]). Ученые современники, знавшіе о дѣлахъ русской Академіи, какъ извѣстный Бюшингъ, приравнивали „Сибирскую Исторію“ Фишера къ настоящему плагіату.

Труды Миллера и Фишера (или собственно перваго) надолго остались авторитетнымъ источникомъ свѣдѣній о сибирской исторіи. Можно сказать, что они и до сихъ поръ не замѣнены равносильными сочиненіями. Позднѣе, на сибирской исторіи, собственно только на завоеваніи Сибири, остановился Карамзинъ въ томъ объемѣ, какой допускали рамки его труда, и въ тонѣ, какой отличаетъ вообще его изложеніе. Какъ ни странно сказать, но у стариннаго Миллера было гораздо болѣе яснаго пониманія и характера людей, и свойства событій: для него Ермакъ съ его казаками и сибирскіе туземцы, и весь ходъ дѣла, представлялись гораздо проще и реальнѣе, нежели Карамзину. Кромѣ романтической реторики, существенно было то, что Карамзинъ во главѣ своего изложенія поставилъ Строгоновскую лѣтопись и пришелъ къ слѣдующему выводу: „Строгоновы, сіи усердные, знаменитые граждане, *истинные виновники* столь важнаго пріобрѣтенія для Россіи, *уступили оное государству*“—заключеніе, исторически не доказанное и которое, вмѣстѣ съ болѣе позднимъ трудомъ Устрялова, объ „Именитыхъ людяхъ Строгоновыхъ“, стало предметомъ подробныхъ опроверженій П. И. Небольсина.

---

[1]) Такъ говорится объ этомъ въ „Словарѣ“ свѣтскихъ писателей, митр. Евгенія, II, 232, откуда это ошибочное свѣдѣніе повторено и Щегловымъ, „Хронологическій Перечень“, Ирк. 1883 г., стр. 245—246, 287—288, гдѣ ошибочно показано и время смерти Фишера (книга Пекарскаго осталась Щеглову неизвѣстна). Тѣ же ошибки повторены и въ „Литер. Сборникѣ“ Ядринцева. Спб., 1885, стр. 479.

[2]) О Фишерѣ, см „Исторію Акад. Н.“, I, стр. 328, 366, 617—636.

ГЛАВА IX.

Новѣйшая литература по исторіи и описанію Сибири.

Г. И. Спасскій.—П. А. Словцовъ.—Труды Семивскаго, Корнилова, Пестова, Степанова и др.—Н. А. Абрамовъ.—Труды Кривошапкина, Завалишина.

Статистика Сибири.—Старыя переписи.—Труды Штера, Гагемейстера.—Статистическіе комитеты.—Новѣйшія предпріятія ген.-губ. Игнатьева и министерства государственныхъ имуществъ.

Сборники старыхъ актовъ.

Историческія сочиненія И. В. Щеглова, В. К. Андріевича, В. И. Вагина, С. С. Шашкова, А. В. Оксенова, И. И. Тыжнова.

Новѣйшіе описательные труды и путешествія: А. В. Адріановъ, Голодниковъ, В. П. Сукачевъ, П. А. Голубевъ, М. В. Загоскинъ, М. И. Орфановъ, Н. Астыревъ и др.

Описанія беллетристическія.

Труды Н. М. Ядринцева.

Въ началѣ XIX столѣтія наиболѣе заслуженнымъ дѣятелемъ по исторіи Сибири былъ Гр. Ив. Спасскій. Горный инженеръ по спеціальности, онъ близко изучилъ Сибирь и посвятилъ ей многолѣтніе литературные труды. Съ 1818 до 1825 г. онъ издавалъ сначала „Сибирскій Вѣстникъ“, потомъ „Азіатскій Вѣстникъ“, до сихъ поръ сохраняющіе свою цѣнность по обильнымъ матеріаламъ для исторіи и описанія Сибири. Каждая книжка „Сибирскаго Вѣстника“ заключала что-нибудь цѣнное. Спасскій печаталъ старыя лѣтописи и другіе памятники сибирской исторіи; описанія мѣстныхъ древностей; путешествія по разнымъ краямъ Сибири, съ подробными описаніями поселеній, свѣдѣніями по естественной исторіи, съ обозначеніемъ мѣстныхъ промысловъ, народнаго быта и т. п.; разсказы о сибирскихъ нравахъ и обычаяхъ; статьи о сибирскихъ инородцахъ; описанія сосѣднихъ азіатскихъ земель. Такъ, въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“ и отдѣльно были имъ напечатаны лѣтописи Строгоновская и Саввы

Есипова, и отрывки изъ лѣтописи Черепанова, путешествіе въ Китай казака Петлина въ 1620 году, другое путешествіе туда же боярскаго сына Байкова въ 1654—1658 году и т. д. По своей горной службѣ Спасскій самъ много путешествовалъ по Сибири и далъ потомъ нѣсколько подобныхъ описаній [1]), сосредоточивая въ своемъ изданіи труды лицъ, которыя въ то время работали для описанія Сибири и сопредѣльныхъ ей земель; напр. онъ напечаталъ путешествія Геденштрома и Санникова по Ледовитому океану, описаніе Байкала и т. п. [2]). Рядъ статей посвященъ быту сибирскихъ инородцевъ [3]). Особенно много мѣста дано свѣдѣніямъ о земляхъ и народахъ, сопредѣльныхъ Сибири,—между прочимъ о старо-русскихъ сношеніяхъ съ ними [4]). Спасскій помѣстилъ также нѣсколько переводовъ изъ иностранныхъ книгъ и матеріаловъ, относящихся къ Сибири. Такъ, онъ издалъ, съ переводомъ, латинскую рукопись неизвѣстнаго иноземнаго автора, прожившаго долго въ Сибири во второй половинѣ XVII-го

---

[1]) Укажемъ, напримѣръ: „Путешествіе на Тигирецкіе бѣлки" (снѣговыя горы), „Сиб. Вѣстникъ", ч. I, „Путешествіе по южнымъ Алтайскимъ горамъ въ 1809 году" ч. III, IV, и примѣчанія къ этимъ путешествіямъ, ч. VIII.

[2]) Путешествіе Геденштрома (по Ледовитому морю, въ 1808 — 1809 г.), „Сиб. Вѣстн.", ч. XVII—XIX, 1822 г.; „Путешествіе геодезиста Пшеницына и промышленника Санникова по островамъ Ледовитаго моря", ч. XX; „Описаніе Байкала", ч. XIII.

[3]) „Народы, кочующіе въ верху рѣки Енисея", ч. I, II, V; „Киргизъ-кайсаки большой, средней и малой орды" (по запискамъ капитана Андреева, съ дополненіями оберберггауптмана П. К. Фролова и самого Спасскаго), ч. IX — X; „Забайкальскіе тунгусы", ч. XVIII—XX, и проч.

[4]) Напр. „Обозрѣніе Монголіи", ч. V—VI, сочиненіе А. В. Игумнова, который, по словамъ Спасскаго, „съ давняго времени упражнялся въ восточныхъ языкахъ". Въ 1818 году Игумновъ жилъ въ Верхнеудинскѣ и оканчивалъ тогда монголо-россійскій словарь, составлявшійся имъ съ 1788 года. Отецъ его былъ переводчикомъ съ монгольскаго и манджурскаго языка, и самъ онъ прежде былъ также переводчикомъ въ Петербургѣ и при духовной миссіи въ Пекинѣ.—„Путешествіе отъ Сибирской линіи до города Бухары въ 1794 и обратно въ 1795 году" (выбрано изъ записокъ Тим. Степ. Бурнашева, горнаго чиновника), ч. II—III.—Путешествіе отъ Сибирской линіи до Ташкента и обратно въ 1800 году" (выбрано изъ бумагъ Бурнашева и Поспѣлова и дополнено свѣдѣніями самого издателя. Путешествіе сдѣлано было „по ревности" русскаго правительства „къ познанію тамошней страны". Путь лежалъ тогда „чрезъ степь, обитаемую киргизъ-кайсаками, которые подобно варварійскимъ морскимъ разбойникамъ не уважаютъ никакими правами человѣчества, и гдѣ свобода и самая жизнь, особенно людей различнаго съ ними закона (т.-е. вѣры), находится во всегдашней опасности" — почему сдѣлано было предварительное сношеніе съ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ каргизскихъ султановъ), ч. VI.—„Извлеченіе изъ описанія экспедиціи, бывшей въ киргизскую степь въ 1816 г.", И. П. Шангина, ч. IX, XI.—Отрывокъ изъ путешествія въ Бухарію въ 1820 и 1821 годахъ, ч. XVIII.—Дневникъ переводчика Путимцева въ проѣздъ его отъ Бухтарминской крѣпости до китайскаго города Кульджи и обратно, въ 1811 году, ч. VII—VIII.

вѣка [1]),—какъ впослѣдствіи оказалось, Юрія Крижанича; переписку Линнея, Лаксмана и Шлёцера о Сибири, съ примѣчаніями самого издателя (ч. IX — X): переводы съ китайскаго [2]) и пр. Наконецъ, Спасскій старательно собиралъ свѣдѣнія о до-русскихъ и первобытныхъ сибирскихъ древностяхъ; ему принадлежатъ почти всѣ статьи объ этомъ предметѣ [3]).

Приведенныхъ указаній достаточно, чтобы дать понятіе о характерѣ „Сибирскаго Вѣстника"; послѣ онъ издавалъ еще нѣсколько времени другой журналъ [4]), но затѣмъ, отвлеченный другими работами, только изрѣдка обращался къ сибирскимъ изученіямъ, принявъ между прочимъ участіе въ изданіяхъ Географическаго Общества [5]). Его труды обращались потомъ, кромѣ его спеціальности [6]), къ русской старинѣ и наконецъ къ древностямъ южной Россіи. Ему

[1]) „Сиб. Вѣстникъ", ч. XVII — XVIII. Тогда же вышло и отдѣльное изданіе: „Повѣствованіе о Сибири. Латинская рукопись XVII столѣтія, изданная съ россійскимъ переводомъ и примѣчаніями Григоріемъ Спасскимъ, С.-Пет. Акад. наукъ корреспондентомъ и разныхъ ученыхъ обществъ членомъ". Спб., 1822 г., 4°, VIII и 48 стр. Впослѣдствіи часть этого текста напечаталъ, съ новымъ переводомъ, Небольсинъ въ „Покореніи Сибири", приложеніе, стр. 89 — 99. „Повѣствованіе" Крижанича издано вновь А. Титовымъ въ книгѣ: „Сибирь въ XVII вѣкѣ", М. 1890: Historia de Sibiria, съ новымъ переводомъ, стр. 115—216 (пред., стр. VIII—IX).

[2]) О переходѣ тургутовъ въ Россію и обратномъ ихъ удаленіи изъ Россіи въ Зюнгарію, переводъ съ китайскаго С. В. Липовцова, ч. XII.

[3]) О древнихъ сибирскихъ начертаніяхъ и надписяхъ, ч. I; О сибирскихъ древнихъ курганахъ, ч. II; О древнихъ развалинахъ въ Сибири, ч. III; Памятники древности въ Сибири сѣверной и восточной, ч. IV; О чудскихъ копяхъ въ Сибири (съ рисунками древнихъ горныхъ орудій), ч. VII, и т. д. Потомъ: О забайкальскихъ достопримѣчательностяхъ, ст. Словцова, ч. XV, перепечат. изъ „Казанскаго Вѣстника" 1821 г.; Письмо къ издателю извѣстнаго А. Н. Оленина о мнимомъ портретѣ Ермака, приложенномъ Спасскимъ къ первой книжкѣ „Сиб. Вѣстника" и къ изданію Строгоновской лѣтописи: Оленинъ доказывалъ, что это изображеніе не имѣетъ съ Ермакомъ ничего общаго и представляетъ просто какого-то западно-европейскаго рыцаря XV—XVI вѣка; настоящій портретъ Ермака надо считать несуществующимъ, а взамѣнъ ходячаго мнимаго портрета Оленинъ предложилъ рисунокъ, который можетъ, по крайней мѣрѣ, дать понятіе о внѣшнемъ вооруженіи завоевателя Сибири. Рисунокъ сдѣланъ, видимо, по указаніямъ Оленина, на основаніи упомянутой выше иллюстрированной Ремезовской лѣтописи; рисунокъ (подписанный „К. Брюло") вмѣстѣ со статьею Оленина помѣщенъ въ XIV-й части „Сиб. Вѣстника", 1821 г.

[4]) „Азіатскій Вѣстникъ, содержащій въ себѣ избранныя сочиненія и переводы по части наукъ, искусствъ и словесности странъ Восточныхъ, равно путешествія по симъ странамъ, и разныя новѣйшія свѣдѣнія", 6 частей. Спб. 1825—27.

[5]) Выше упомянуто изданіе „Списка съ чертежа Сибирскія земли", 1672 г., во „Временникѣ" моск. Общества ист. и др., 1849, кн. III, и „Сказанія о великой рѣкѣ Амурѣ", въ „Вѣстникѣ" Геогр. Общ. 1853, № 2; затѣмъ имъ были написаны „Очерки изъ быта нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ", тамъ же, 1857, кн. XIX, отд. II.

[6]) Горный Словарь, 3 т. М. 1841—43.

принадлежитъ извѣстное изданіе „Книги большому Чертежу", а послѣдніе годы своей жизни, проведенные въ Одессѣ, онъ посвящалъ особливо изученію древностей Черноморскаго края [1]). Спасскій умеръ въ 1864 году [2]).

Послѣ Спасскаго самымъ крупнымъ писателемъ того времени по сибирской исторіи является Петръ Андр. Словцовъ (1767—1843).

Въ свое время онъ пользовался большой извѣстностью въ учено-литературныхъ кругахъ, какъ лучшій знатокъ и авторитетъ по сибирской исторіи. Несмотря на общее развитіе нашей исторіографіи, книга Словцова осталась не замѣнена и до сихъ поръ другимъ цѣльнымъ трудомъ равнаго достоинства.

Жизнь Словцова была довольно тяжелая. Онъ былъ пермскій уроженецъ: двѣнадцати лѣтъ онъ отвезенъ былъ въ Тобольскъ, поступилъ въ тамошнюю духовную семинарію и, кончивъ тамъ курсъ въ 1788 г., отправленъ былъ въ Петербургъ, какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, для поступленія въ высшую Александро-Невскую семинарію, обращенную потомъ въ духовную академію. По окончаніи здѣсь курса, Словцовъ былъ назначенъ въ тобольскую семинарію учителемъ философіи и краснорѣчія. По тогдашнему обычаю, преподаватели семинаріи, какъ лица, принадлежащія къ духовнымъ заведеніямъ, говорили въ церквахъ проповѣди. Словцовъ получилъ въ Александро-Невской семинаріи хорошее духовное образованіе, но, повидимому, набрался также какихъ-то идей, которыя не совсѣмъ подходили къ духовной школѣ, словомъ,—набрался нѣкотораго свободомыслія. Оно и послужило причиной его бѣдствія. По преданіямъ старожиловъ, Словцовъ имѣлъ большой успѣхъ въ Тобольскѣ какъ проповѣдникъ, хотя духовнымъ властямъ проповѣди, говорятъ, не нравились,—вѣроятно вслѣдствіе ихъ либеральнаго направленія. Одна проповѣдь, сказанная имъ по случаю бракосочетанія цесаревича Александра Павловича (слѣд. въ концѣ 1793 года), навлекла на Словцова формальное преслѣдованіе: она была и послѣдней его проповѣдью. Новѣйшій біографъ Словцова приводитъ ее цѣликомъ по сохранившемуся списку и находитъ, что какъ эта, такъ и другія проповѣди Словцова не представляютъ ничего особеннаго, по формѣ

---

[1]) Босфоръ Киммерійскій, съ его древностями и достопамятностями. Гр. Спасскаго. М. 1846; Археолого-нумисматическій сборникъ, содержащій въ себѣ сочиненія и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерійскаго частно. М. 1850.

[2]) „Отчетъ" Географич. Общества за 1859 годъ похоронилъ-было его въ этомъ году, смѣшавъ его съ умершимъ тогда профессоромъ физики Спасскимъ; ошибку указалъ П. Хавскій въ „Сѣв. Пчелѣ" 1860, № 220; затѣмъ некрологъ Гр. Ив. Спасскаго, въ той же газетѣ 1866, № 107.

отличаются риторикой, а по содержанію „чужды шаблонныхъ образцовъ церковныхъ проповѣдей“; но, прочитывая эту проповѣдь, нельзя не увидѣть, что она могла подать поводъ къ нареканію и къ неудовольствію начальства. Словцовъ, правда, въ самомъ началѣ приглашаетъ „россовъ“ (въ данномъ случаѣ, тобольскихъ обывателей) благословлять свою монархиню и высокую чету; но затѣмъ безъ достаточно видимой связи онъ ведетъ рѣчь объ ошибкахъ монарховъ, о суетномъ честолюбіи, о „народной тишинѣ“, представляющей „молчаніе принужденное“, и т. п. Проповѣдь выходила двусмысленна, вѣроятно вслѣдствіе того, что автору хотѣлось затронуть нѣкоторые скользкіе вопросы политической жизни, а также и вслѣдствіе неумѣнья справиться съ ними. Въ числѣ его слушателей былъ, однако, тобольскій губернаторъ. Онъ заподозрилъ въ Словцовѣ врага престола, добылъ списокъ проповѣди и прямо донесъ о ней генералъ-прокурору; вскорѣ въ одно прекрасное утро въ Тобольскъ явился фельдъегерь, который захватилъ Словцова и, не давши опомниться, повезъ его въ Петербургъ. „Въ теченіе слишкомъ трехнедѣльнаго путешествія до Петербурга, Словцову не было дозволено ни въ одномъ изъ городовъ выйти изъ экипажа; даже пищу въ такихъ случаяхъ давали ему чрезъ опущенное окно экипажа (!). Наконецъ, больной физически и нравственно, онъ былъ привезенъ въ Петербургъ“. Здѣсь его допрашивали спачала митрополитъ Гавріилъ, потомъ генералъ-прокуроръ, накопецъ извѣстный тайный совѣтникъ Шешковскій, и послѣдній сдѣлалъ заключеніе, „что сія рѣчь не похожа отнюдь на проповѣдь учившагося въ семинаріи человѣка, т.-е. ни правилъ, ни связи той нѣтъ, впрочемъ, она дерзкая и развратительная“ [1]). При этомъ случилась еще такая подробность. Словцову въ обвиненіе поставлена не только одна эта проповѣдь, но рѣзкія слова даже по отношенію къ Александру Македонскому. Въ числѣ арестованныхъ у него бумагъ найденъ листъ, гдѣ слѣдователи усмотрѣли „смѣлыя и дерзкія слова: монархъ, занятый только своимъ именемъ, завоеватель, разнесшій опустошеніе по всей Азіи, неутомимый честолюбецъ... мнимый Великій Александръ“... Хотя Словцовъ и объяснилъ, что это имъ выписано изъ Квинта Курція и приготовлялось для клас-

[1]) Проповѣдь (приведенная въ его біографіи въ качествѣ историческаго матеріала), за которую Словцовъ подвергся первому преслѣдованію, могла дѣйствительно броситься въ глаза, и хотя странно было дѣлать изъ нея вопросъ о политической злонамѣренности автора и возить проповѣдника въ запертой каретѣ отъ Тобольска до Петербурга для допросовъ и ссылки на Валаамъ; но въ литературномъ отношеніи она, пожалуй, заслуживала рецензіи, положенной на нее въ одномъ спискѣ проповѣди: „Поученіе это недостойно церковной каѳедры. Это есть мечта ума, бредящаго будто сквозь сонъ, кидающагося то къ вѣрѣ, то къ суемудрію, и всегда старающагося прикрыться темнотою рѣчи, чтобы не была замѣчена пустота его“.

снаго сочиненія, однако, несмотря на такое объясненіе, слѣдователи увидѣли и здѣсь частицу вреднаго направленія, и тутъ же на слѣдствіи сдѣлали ему внушеніе, что „напрасно онъ такими мыслями, гдѣ дѣлается монарху пониженіе, учениковъ своихъ отягощалъ"... Въ концѣ концовъ, хотя относительно проповѣди и было рѣшено, что „сіе произошло отъ слабости его смысла, однако жъ не изъ злаго намѣренія", но Словцовъ потерялъ мѣсто и отправленъ былъ на смиреніе въ Валаамскій монастырь. Вскорѣ, однако, тобольскій епископъ Варлаамъ сталъ ходатайствовать за Словцова у митрополита Гавріила (который былъ братомъ Варлааму), быть можетъ, для того, чтобы загладить непріятное впечатлѣніе исторіи, случившейся въ его епархіи. Тѣмъ временемъ Словцовъ на Валаамѣ перевелъ съ латинскаго одну душеспасительную книгу, и все это вмѣстѣ имѣло для него хорошія послѣдствія: онъ былъ освобожденъ изъ Валаамскаго монастыря и назначенъ преподавателемъ краснорѣчія въ Александро-Невскую семинарію, гдѣ въ то время префектомъ и учителемъ философіи былъ Сперанскій, прежній товарищъ Словцова по тому же заведенію и его пріятель. Но и послѣ назначенія преподавателемъ свѣтская власть все еще считала Словцова находящимся подъ особымъ присмотромъ митрополита Гавріила, и только въ 1797 г. онъ былъ освобожденъ отъ этого присмотра и переведенъ въ гражданскую службу, въ канцелярію генералъ-прокурора. Служба его пошла хорошо, но въ 1807 г. случилась новая непріятность: на него пало подозрѣніе въ лихоимствѣ, такъ что одно время онъ былъ даже подвергнутъ аресту. Біографъ Словцова считаетъ это обвиненіе клеветой завистниковъ; разборъ дѣла не привелъ ни къ чему, но Словцовъ потерялъ свое мѣсто въ Петербургѣ и назначенъ былъ на службу въ Тобольскъ, въ канцелярію сибирскаго генералъ-губернатора. Здѣсь онъ не занималъ собственно никакой должности и питалъ надежду вернуться въ Петербургъ. Въ концѣ 1808 года, сибирскій генералъ-губернаторъ отправлялся въ Петербургъ и согласился послать Словцова впередъ съ своею путевою канцеляріей; но въ Твери генералъ-губернаторъ получилъ извѣщеніе, что онъ не можетъ взять съ собою Словцова, которому даже запрещенъ въѣздъ во внутреннія губерніи. Пришлось вернуться въ Тобольскъ. Словцовъ занялся службой, съ успѣхомъ исполнялъ разныя порученія и около 1815 года назначенъ былъ директоромъ училищъ иркутской губерніи. Въ 1819 году онъ снова встрѣтился здѣсь съ Сперанскимъ, ревизовавшимъ Сибирь, и послѣдній отозвался къ высшему училищному начальству съ великими похвалами о дѣятельности Словцова. Онъ все еще не покидалъ надежды перебраться въ Россію, и только въ 1828 году, при имп. Николаѣ, ему разрѣшено было продолжать

службу въ Россіи, гдѣ пожелаетъ; но, по совѣту друзей, онъ уже не воспользовался этимъ правомъ, въ 1829 году совсѣмъ покинулъ службу и съ тѣхъ поръ постоянно жилъ въ Тобольскѣ. Послѣдпія тридцать лѣтъ жизни онъ посвятилъ своему историческому труду. Съ конца двадцатыхъ годовъ появляются его статьи и корреспонденціи изъ Сибири, особливо въ „Моск. Телеграфѣ“ [1]); въ концѣ тридцатыхъ вышла въ свѣтъ первая часть его книги [2]).

„Историческое обозрѣніе Сибири“ Словцова ставится очень высоко его соотечественниками. Еще недавно сдѣланъ былъ о ней слѣдующій отзывъ: „Сочиненіе Словцова составляетъ эпоху въ сибирской исторической наукѣ. Въ „Историческомъ Обозрѣніи Сибири“ въ первый разъ въ художественной формѣ и согласно съ научными требованіями была передана повѣсть о прошлыхъ судьбахъ сибирской окраины. Словцовъ принадлежитъ къ типу историковъ-художниковъ... Словцова, съ этой точки зрѣнія, можно назвать сибирскимъ Карамзинымъ, хотя послѣднему онъ значительно уступаетъ въ эрудиціи; это, однако, много зависѣло отъ условій, среди которыхъ Словцову приходилось писать свой трудъ. Словцовъ занимался своимъ сочиненіемъ, живя въ Сибири; поэтому онъ не могъ пользоваться всѣми нужными ему пособіями. „Получая книги изъ столицы, для мелочныхъ иногда справокъ, чрезъ полгода и болѣе, я нерѣдко винилъ себя за предпріятіе историческое“ — такъ заявлялъ самъ Словцовъ“... [3]) Съ другой стороны, однако, онъ, въ качествѣ сибирскаго историка, имѣлъ то преимущество, могъ употребить въ дѣло мѣстныя свѣдѣнія и видѣть мѣстныя условія.

Сравненіе съ Карамзинымъ очень рискованное. Принимаемъ въ соображеніе всю разницу въ объемѣ ихъ историческаго горизонта и связанную съ этимъ разницу въ объемѣ необходимыхъ изслѣдованій; но есть громадная разница и въ пріемахъ изложенія. Сколько бы ни упрекали Карамзина въ излишествахъ риторики, это была черта, отвѣчавшая его особенному патріотическому настроенію, притомъ искони приросшая къ его *дарованію*, и въ этомъ смыслѣ естественная, съ которой можно мириться тѣмъ болѣе, что самая мысль всегда отличается ясностью и простотой, а изложеніе — изяществомъ, хотя

---

[1]) „Письма изъ Сибири“, „Моск. Телеграфъ“, 1828, XII, стр. 500—503; 1830, III, 289—313; V, 3—24. „Тобольскъ“, тамъ же 1831, XIII, стр. 3—32; XIV, стр. 145—181. Выше упомянуто о его статьѣ въ „Казанскомъ Вѣстникѣ“. Отдѣльно вышла книжка: „Прогулка вокругъ Тобольска, въ 1830 году“. М. 1834.

[2]) Историческое Обозрѣніе Сибири. Петра Словцова. Книга I, съ 1585 до 1742 г. Москва, 1838. Книга II, съ 1742 по 1823 г. Спб. 1844. 2-е изданіе, обѣ части въ одномъ томѣ и съ прибавленіемъ біографіи Словцова, К. М. Спб. 1886.

[3]) „Литературный Сборникъ“, Ядринцева, Спб. 1885, стр. 481.

и манернымъ. Ничего этого именно нѣтъ, или встрѣчается только рѣдко у Словцова: всего чаще онъ—натянутый риторъ, и новѣйшій біографъ справедливо замѣчалъ, что въ трудахъ Словцова „въ высшей степени отразилась система риторически-семинарскаго преподаванія: каждое изъ его сочиненій написано высокимъ слогомъ по всѣмъ правиламъ тогдашней риторики. Преобладаніе внѣшней, такъ сказать, отдѣлки въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже часто, служитъ ущербомъ самому смыслу рѣчи“ [1]... Эти свойства его стиля, наконецъ, способны раздражать читателя, особливо новѣйшаго, который совсѣмъ отвыкъ отъ старинной риторики. Словцовъ ничего не скажетъ спроста; онъ постарается обыкновенно придумать фигурный, необычный оборотъ, изысканное уподобленіе и т. п. Отсутствіе простоты сказалось и на распорядкѣ содержанія: это — не простой послѣдовательный разсказъ, а часто рядъ историческихъ соображеній, гдѣ авторъ, еще не излагая простыхъ фактовъ, даетъ выводы, и въ результатѣ получается нѣчто неясное для обыкновеннаго, неприготовленнаго раньше читателя. Этотъ недостатокъ тѣмъ больше непріятенъ, что Словцовъ дѣйствительно владѣлъ большими свѣдѣніями о своемъ предметѣ.

Послѣ Словцова не было до сихъ поръ писателя, который поставилъ бы себѣ задачей цѣльное изложеніе сибирской исторіи. Одна изъ причинъ этого—возрастающая трудность самой задачи: обильное накопленіе матеріала и гораздо бо́льшая, чѣмъ когда-нибудь прежде, сложность вопросовъ, съ которыми теперь встрѣчается историческое изслѣдованіе.

Въ ряду этихъ матеріаловъ стоятъ, во-первыхъ, довольно многочисленныя описанія различныхъ мѣстностей Сибири. Незначительныя попытки этого рода дѣлались еще въ XVIII столѣтіи; теперь появляются болѣе важные труды этого рода, напримѣръ, нѣсколько книгъ, составленныхъ лицами сибирской администраціи. Такова была книжка Семивскаго [2]: въ ней собраны свѣдѣнія историческія, географиче-

---

[1]) См. „Историч. Обозрѣніе Сибири“, изд. 1886, предисловіе, стр. 20.

Примѣромъ его стиля могутъ послужить первыя строки его исторіи: „Наслѣдство, какое намъ досталось отъ Ермака, есть мраморная пирамида, да память благочестиваго очувствованія и воздержанія, двухъ нравственныхъ пазъ, въ которыя, при наступившихъ предпріятіяхъ сомнительной развязки, не разъ онъ одумывался и жилъ съ дружинами по христіански. Да! благоговѣйность и чистота суть преимущества вождей, свыше благословляемыхъ, начиная съ Навина вдохновеннаго до Суворова непостигнутаго, вѣчные символы душевной доблести, какой иначе нельзя бы ни понять, ни изъяснить, при взглядахъ на удивительныя дѣла Ермака Тимоѳеевича. Эти два іероглифа духа его, какъ двѣ Царскія кольчуги, можно бы символически вытесать въ качествѣ барельефовъ на гранитномъ подножіи Тобольской пирамиды“ и т. д.

[2]) „Новѣйшія любопытныя и достовѣрныя повѣствованія о Восточной Сибири,

скія и другія описательныя указанія, карты, планы, рисунки, и въ „примѣчаніяхъ“ (стр. 15—26) приведенъ даже небольшой сборникъ областныхъ простонародныхъ словъ. Въ двадцатыхъ годахъ и послѣ вышло нѣсколько книжекъ сенатора Корнилова, нѣкогда бывшаго сначала иркутскимъ, потомъ тобольскимъ губернаторомъ [1]), въ которыхъ, впрочемъ, гораздо больше мѣста занимаютъ административныя соображенія, чѣмъ описательные факты [2]). Далѣе, не лишены интереса записки также бывшаго губернатора Пестова объъ Енисейской губерніи [3]) и записки другого губернатора, Степанова [4]), въ свое время извѣстнаго романиста. Не будемъ перечислять другихъ описаній, въ которыхъ разсѣяны иногда немаловажныя свѣдѣнія о разныхъ сторонахъ сибирской жизни [5]). Съ сороковыхъ годовъ подобные труды совершаются въ особенности въ связи съ дѣятельностью Географическаго Общества и его двухъ Сибирскихъ Отдѣловъ.

Изъ множества частныхъ описательныхъ работъ въ особенности

изъ чего многое донынѣ не было всѣмъ извѣстно. Напечатаны по Высоч. повелѣнію отъ безпримѣрныхъ щедротъ Всемилостивѣйшаго Государя Императора“. Составилъ коллежскій совѣтникъ Семивскій (Николай Вас.). Спб., 1817. Словцовъ („Историч. Обозрѣніе“, 1886, стр. X) замѣчаетъ объ этой книгѣ: „Въ матеріалахъ сего сочиненія можно найти многое для исторіи церквей. Отрывочные взгляды Семивскаго удовлетворительны, но взглядъ статистическій на губернію по большей части занятъ изъ рукописи 1789 г., составленной тамошними землемѣрами и напечатанной въ Древней Вивліоѳикѣ“.

[1]) „Замѣчанія о Сибири“, сенатора Карнилова. Спб., 1828. X и 104 стр., 8⁰, съ картой, отчасти этнографической. Затѣмъ издано было: „Прибавленіе къ замѣчаніямъ о Сибири“. Спб., 1829, стр. 109—136, съ двумя картами, и: „Присовокупленіе къ замѣчаніямъ о Сибири“. Спб., 1835, 20 стр. Этотъ Карниловъ былъ, разумѣется, Корниловъ, но онъ измѣнилъ написаніе своей фамиліи, вѣроятно, по нерѣдкой тогда и послѣ модѣ переиначивать правописаніе, чтобы отличить свое высокопоставленное имя отъ какихъ-нибудь простыхъ Корниловыхъ.

[2]) Словцовъ (тамъ же) отзывается объ этихъ статьяхъ не очень одобрительно: „Замѣчанія... сенатора Корнилова... не заключаютъ ничего ни для исторіи, ни для статистики. Сочинителю не прилично бы помѣщать предположенія на обстоятельства, уже въ 1822 г. разрѣшенныя Сибирскимъ учрежденіемъ“,—которое было выработано Сперанскимъ.

[3]) „Записки объ Енисейской губерніи Восточной Сибири, 1831 года, составленныя стат. совѣтн. И. Пестовымъ“. М., 1833, 297 и X стр., съ картой, планами городовъ и рисунками.

[4]) „Енисейская губернія“, А. П. Степанова. Спб., 1835.

[5]) Назовемъ, напримѣръ: „О Томской губерніи и о населеніи большой сибирской дороги до иркутской границы“, соч. Василія Хвостова. Спб., 1809.

— „Письма о Восточной Сибири“, соч. Алексѣя Мартоса. М., 1827.

— „Поѣздка въ Якутскъ“, изд. Н. (Щукина). Спб. 1833; изд. 2-е. Спб. 1844.

— „Поѣздка въ Забайкальскій край“, В. Поршина. 2 части. М., 1844.

— О любопытной книжкѣ Екатерины Авдѣевой скажемъ далѣе.

выдѣляются труды Н. А. Абрамова, который можетъ служить типическимъ представителемъ, развивавшагося тогда мѣстнаго историческаго интереса и трудолюбиваго собиранія достопримѣчательныхъ свѣдѣній о родномъ краѣ. Николай Алексѣевичъ Абрамовъ (1812—1870) былъ уроженцемъ г. Кургана тобольской губерніи; отецъ его, бывшій учитель тобольской семинаріи, а потомъ благочинный, происходилъ отъ стараго духовнаго рода, служившаго въ Сибири почти съ самаго ея завоеванія. Абрамовъ учился въ тобольской семинаріи, гдѣ кромѣ латинскаго языка познакомился также съ еврейскимъ и татарскимъ и, кончивъ курсъ въ 1832 году и отказавшись отъ предложенія ѣхать въ московскую духовную академію по нежеланію бросить овдовѣвшую мать, онъ сталъ учителемъ той же тобольской семинаріи; въ 1836 году онъ перешелъ на такую же службу по министерству народнаго просвѣщенія и былъ учителемъ уѣзднаго училища въ Тобольскѣ и смотрителемъ училищъ въ Березовѣ, Ялуторовскѣ и Тюмени; въ 1852 перешелъ на службу административную при главномъ правленіи Западной Сибири въ Омскѣ и потомъ въ качествѣ совѣтника областного правленія въ Семипалатинскѣ, гдѣ и умеръ. Среди своей хлопотливой службы Абрамовъ неутомимо собиралъ различныя свѣдѣнія о Сибири. „Гдѣ-бы онъ ни служилъ или ѣздилъ,— говоритъ его біографъ, — всюду и всегда онъ находилъ время обозрѣвать въ церковно-историческомъ и археологическомъ отношеніи церкви и монастыри, рыться въ церковныхъ и городскихъ архивахъ, записывать мѣстныя преданія, собирать статистическія, географическія и этнографическія свѣдѣнія и въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ изо дня въ день производить метеорологическія и барометрическія наблюденія“. Онъ былъ въ перепискѣ съ лицами, занимавшимися изученіемъ Сибири, и бывалъ дѣятельнымъ помощникомъ заѣзжихъ ученыхъ, работавшихъ въ Сибири, какъ Гофманъ, Ковальскій, Кастренъ. Его собственныя работы весьма многочисленны, но онъ не оставилъ ни одного цѣльнаго обширнаго труда и былъ исключительно собирателемъ, весьма трудолюбивымъ и точнымъ, какъ это было естественно для мѣстнаго изслѣдователя по тогдашнему положенію разработки сибирскаго матеріала. Его труды распадаются напр. на изслѣдованія и описанія по географіи, этнографіи и статистикѣ (таковы: описаніе Березовскаго края, городовъ Тюмени, Семипалатинска, Кургана, рѣкъ, озеръ и т. п.); по сибирскимъ древностямъ (о курганахъ и городищахъ тобольскаго края; о Семи палатахъ, давшихъ имя Семипалатинску; о сибирскихъ монетахъ, киргизскихъ могильныхъ памятникахъ, особо чтимыхъ мѣстныхъ иконахъ и т. д.); по политической общественной исторіи Сибири; по исторіи сибирской церкви (напр. о введеніи христіанства у березовскихъ остяковъ,

описанія сибирскихъ монастырей, біографіи тобольскихъ архипастырей и иныхъ церковныхъ дѣятелей). Труды его разсѣяны были въ „Тобольскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ", въ „Запискахъ Географическаго Общества", въ „Извѣстіяхъ Археологическаго Общества", въ „Журналѣ министерства просвѣщенія" и особливо въ „Странникѣ", котораго онъ былъ дѣятельнымъ участникомъ съ самаго основанія этого журнала въ 1860 году [1]).

Въ шестидесятыхъ годахъ отмѣтимъ обширное и многостороннее описаніе Енисейскаго края, М. Ѳ. Кривошапкина [2]); „Описаніе Западной Сибири", Ипполита Завалишина (М. 1862, два тома) и др.

Первымъ матеріаломъ для исторической статистики Сибири являются старыя переписи разнаго рода, сохранившіяся частію отъ XVII-го вѣка и представлявшія оффиціальную отчетность. Въ послѣднее время этими старыми актами воспользовался впервые г. Буцинскій въ изслѣдованіи о первомъ заселеніи Сибири (1889). Съ Петровскихъ временъ, сибирскіе историки указываютъ первое начало статистическихъ работъ (для Восточной Сибири) съ переписи, произведенной въ 1722 году: для переписи пріѣхалъ тогда изъ Тобольска въ Иркутскъ капитанъ князь Гавріилъ Солнцевъ. Лѣтъ черезъ двадцать потомъ производилась вторая перепись, которая на сибирской почвѣ явилась новымъ поводомъ къ вымогательствамъ. Въ 1744, по словамъ иркутскаго лѣтописца, „пріѣхали изъ Тобольска подполковникъ Степанъ Угрюмовъ и капитанъ Сергѣй Плоховъ для производства народной переписи, въ которую женскій полъ не былъ записанъ. Чиновники эти были страшные притѣснители гражданъ, взяточники; они даже осматривали домы и имущество, отыскивали, кто имѣлъ порядочное состояніе" [3]). Въ печати, первымъ статистическимъ описаніемъ была, кажется, работа, сдѣланная въ 1789 г. землемѣрами Восточной Сибири и изданная въ „Древней Росс. Вивліоѳикѣ" Новикова. Съ начала нынѣшняго столѣтія издано было нѣсколько оффиціальныхъ статистическихъ работъ, а позднѣе наиболѣе богатою и

---

[1]) Обширная біографія его, Фил. Пѣтухова, въ „Странникѣ" 1870, № 12; „Біографія Николая Алексѣевича Абрамова". Тобольскъ, 1870, 102 стр. 16°, „Отчетъ" Географ. Общества за 1870, стр. 8—10; Критико-біографическій Словарь, Венгерова, т. I, стр. 18—21. Списокъ трудовъ Абрамова приведенъ въ статьѣ Пѣтухова.

[2]) Енисейскій округъ и его жизнь. Сочиненіе М. Ѳ. Кривошапкина (издано Геогр. Обществомъ на иждивеніе В. А. Кокорева). Спб. 1865, больш. 8°, два тома: V, 378, 188, 68, таблицы и карты.

[3]) „Иркутскъ", Сукачева, стр. 198.

обстоятельною была книга Гагемейстера [1]). Это — очень подробное описаніе Сибири и быта ея населенія. Первый томъ занятъ географическимъ и естественно-историческимъ описаніемъ страны—плоскость и возвышенность; воды; мѣстность и почва (долины Оби и Иртыша, Киргизская степь, Алтай, бассейны рѣкъ Енисея, Амура, Лены); климатъ; произведенія Сибири (ископаемыя, царство растительное, животныя). Второй томъ посвященъ народонаселенію, статистическому описанію мѣстъ жительства у племенъ кочевыхъ и бродячихъ и населенія осѣдлаго, и городовъ, далѣе, — промысламъ всякаго рода, торговлѣ внѣшней и внутренней и путямъ сообщенія. Въ третьемъ томѣ излагается управленіе Сибири, измѣненія, происходившія въ разное время въ его устройствѣ, и его состояніе къ 1850 г.; далѣе,— статистическія свѣдѣнія о дѣлопроизводствѣ, разнаго рода доходахъ и повинностяхъ, о состояніи различныхъ отдѣльныхъ управленій. Географическія описанія весьма точны по тогдашнему состоянію этихъ свѣдѣній; въ описаніи народонаселенія приведены историческія данныя о различныхъ разрядахъ населенія русскаго и инородческаго, описаніе ихъ быта. Статистическій отдѣлъ, кромѣ множества отдѣльныхъ цифръ въ текстѣ, представляетъ длинный рядъ таблицъ: о числѣ народонаселенія Сибири по отчетамъ губернаторовъ по 7-й, 8-й и 9-й ревизіямъ, согласно отчетамъ казенныхъ палатъ о родившихся и умершихъ; о состояніи городовъ; о числѣ сосланныхъ въ Сибирь; о количествѣ и цѣнѣ пушного товара; о количествѣ металловъ, добытыхъ на Алтайскихъ и Нерчинскихъ заводахъ; о торговомъ движеніи; о судоходствѣ и т. д. Цифры по нѣкоторымъ отдѣламъ восходятъ до двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ.

Впослѣдствіи число статистическихъ работъ размножается по отдѣльнымъ предметамъ народной жизни и промысла; много ихъ заключается въ мѣстныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ, — кажется, не всегда поступавшихъ въ общее обращеніе. Изъ работъ центральнаго статистическаго вѣдомства, кромѣ „Списковъ населенныхъ мѣстъ“ (изданы только губерніи: Енисейская, Тобольская и Томская), укажемъ „Экономическое состояніе городскихъ поселеній Сибири“, обра-

[1]) „Статистическое обозрѣніе Сибири, составленное на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ актовъ правительства и другихъ достовѣрныхъ источниковъ“. Спб., 1810 (Разборъ этой книги въ „Сиб. Вѣстникѣ“, 1820, ч. XI—XII).

— „Статистическое изображеніе городовъ и посадовъ Росс. имперіи по 1825 г., составленное изъ оффиціальныхъ свѣдѣній, подъ руководствомъ директора департ. полиціи исполнительной, тайнаго совѣтника Штера“. Спб. 1829,—гдѣ есть свѣдѣнія о Сибири.

— „Статистическое обозрѣніе Сибири, составленное по Высочайшему Е. И. В. повелѣнію, при сибирскомъ комитетѣ, д. с. с. Гагемейстеромъ“. Спб., 1854, три тома, больш. 8°, со множествомъ статист. таблицъ.

ботанное гг. Л. Майковымъ и Раевскимъ и изданное хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Съ пятидесятыхъ годовъ основались и въ Сибири статистическіе комитеты, и съ 1860-хъ годовъ начали выходить мѣстныя „памятныя книжки“ съ различными статистическими свѣдѣніями (напр. труды г. Павлинова по иркутской губерніи). Секретарю иркутскаго стат. комитета, г. Ларіонову, принадлежитъ кромѣ того цѣлый рядъ статистическихъ монографій, и въ послѣдніе годы выходитъ также „Обзоръ иркутской губерніи“, каждогодно, по свѣдѣніямъ волостныхъ правленій. Въ управленіе гр. Игнатьева и по его инціативѣ, поддержанной министерствомъ государственныхъ имуществъ, предприняты были обширныя статистическія работы, для руководства которыми приглашены были лица, спеціально знакомыя съ дѣломъ статистическаго изслѣдованія и раньше надъ нимъ трудившіяся въ Россіи (гг. Личковъ, Астыревъ, Смирновъ), и въ результатѣ явились недавно въ свѣтъ замѣчательные „Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерніи“. Одновременно съ этимъ, именно въ 1886—89 годахъ совершались подобныя работы въ Западной Сибири, произведенныя министерствомъ госуд. имуществъ и составившія замѣчательное многотомное изданіе: „Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири“, — гдѣ въ ряду экономическихъ данныхъ заключаются и важныя указанія этнографическія о русскомъ и инородческомъ населеніи Западной Сибири [1]).

Первый источникъ для описанія Сибири въ ея прошедшемъ представляютъ изданія старыхъ актовъ, грамотъ и т. п. Какъ мы видѣли, собираніе ихъ начато еще въ XVII столѣтіи: въ Строгоновской лѣтописи помѣщены уже выписки изъ царскихъ грамотъ XVI вѣка. Матеріалы по сибирской исторіи, собранные Миллеромъ, становятся

---

[1]) Очеркъ организаціи этого изслѣдованія Иркутской губерніи (трехъ округовъ) сдѣланъ былъ Н. М Астыревымъ въ „Юридическимъ Вѣстникѣ“, 1890, апрѣль; обзоръ самыхъ результатовъ изслѣдованія изложенъ въ статьяхъ А. А. К.: „Хозяйственный и общинный бытъ крестьянъ и инородцевъ Иркутской губерніи“, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, 1891.

Устройство изслѣдованій, производившихся въ Западной Сибири, указано въ статьѣ А. Кауфмана (которому принадлежитъ нѣсколько томовъ этой работы): „Хозяйственно-статистическое изслѣдованіе Тобольской губерніи“, въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“, 1890, октябрь.

А. А. Кауфману принадлежитъ также трактатъ: „Вліяніе переселенческаго элемента на развитіе сельскаго хозяйства и общинной жизни въ Западной Сибири“, „Сѣверный Вѣстникъ“, 1891, апрѣль.

тѣмъ болѣе цѣнными, что впослѣдствіи многое изъ того, что было имъ списано и сохранено для исторіи, пропало на мѣстѣ отъ пожаровъ и небрежнаго содержанія архивовъ. Выше упоминалось, что портфели Миллера послужили для Новиковской „Древней Р. Вивліоѳики“, для изданій Археографической коммиссіи [1]). Послѣднимъ изъ этихъ изданій были памятники по сибирской исторіи XVIII вѣка [2]), представляющіе чрезвычайно любопытные и разнообразные матеріалы для исторіи Сибири въ Петровское время. Не исчисляя множества отдѣльныхъ актовъ по старой исторіи Сибири, разсѣянныхъ въ разныхъ, между прочимъ мѣстныхъ, изданіяхъ, упомянемъ въ особенности „Матеріалы для исторіи Сибири“, собранные по сибирскимъ архивамъ г. Потанинымъ [3]); указатель, составленный г. Пуцилло [4]); книгу Бантышъ-Каменскаго о сношеніяхъ съ Китаемъ, изданную г. Флоринскимъ [5]); „Сибирскую Библіографію“, Межова.

Въ 1884 году вышла книга Щеглова, подготовлявшаяся къ 300-лѣтнему юбилею Сибири и представляющая подробную хронологію событій сибирской исторіи [6]). Авторъ этой книги, Иванъ Вас. Щегловъ, астраханскій уроженецъ, воспитанникъ историко-филологическаго

---

[1]) Напримѣръ, къ Сибири относятся матеріалы, напечатанные во 2-мъ, 3, 4 и 5 томахъ „Актовъ Историческихъ“, изд. 1841 — 1842, въ 12-ти томахъ „Дополненій къ Актамъ Историческимъ“, изд. 1846—1872 г. и во 2-мъ томѣ „Русской Исторической Библіотеки“, изд. 1875.—О судьбѣ бумагъ Миллера ср. Ист. Акад. Наукъ, I, стр. 401 и слѣд.

[2]) „Памятники сибирской исторіи XVIII вѣка“. Книга первая 1700—1713. Спб 1882; большой томъ, XXXII, 551 стр. и указатели личный и географическій (XXXIV стр.) и книга вторая, 1713—1724. Спб. 1885, XXXIV, 541 стр. и тѣ же указатели (XLII стр.). Такъ какъ, по правиламъ Археографической коммиссіи, она можетъ употреблять свои средства на изданіе памятниковъ только до 1700 года, то это изданіе сдѣлано на счетъ г. Зоста, которымъ издана была также упомянутая выше Кунгурская лѣтопись.

[3]) Въ „Чтеніяхъ“ моск. Общ. ист. и древн. 1867. Въ этомъ изданіи осталось не отмѣченнымъ, что часть этихъ матеріаловъ, извлеченная изъ архива Алексѣевскаго монастыря въ Томскѣ, была сообщена г. Потанину Д. Л. Кузнецовымъ. Впослѣдствіи, это было указано г. Потанинымъ въ „Восточномъ Обозрѣніи“.

[4]) Указатель дѣламъ и рукописямъ, относящимся до Сибири и принадлежащимъ моск. Главному Архиву мин. иностр. дѣлъ. Составилъ М. П. Пуцилло. Изд. Коммиссіи печатанія госуд. грамотъ и договоровъ. М. 1879.

[5]) „Дипломатическое собраніе дѣлъ между Росс. и Китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 г., составленное по документамъ, хранящимся въ моск. Архивѣ госуд. коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ 1792 — 1803 г. Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ“. Издано въ память истекшаго 300-лѣтія Сибири В. М. Флоринскимъ, съ прибавленіями издателя. Казань, 1882.

[6]) Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири 1032—1882 гг. Составилъ И. В. Щегловъ. Изданіе Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русскаго Географическаго Общества подъ редакціей члена Отдѣла В. И. Вагина. Иркутскъ. 1883, 8°, 778 стр. (Вышла книга въ 1884).

института въ Петербургѣ, былъ учителемъ въ гимназіи енисейской, потомъ иркутской, наконецъ учителемъ въ Троицкосавскѣ, и умеръ еще молодымъ человѣкомъ, не успѣвъ довершить вполнѣ своего труда. Мечтая написать исторію Сибири, Щегловъ увидѣлъ, что для этого недостаетъ еще многихъ предварительныхъ работъ, между прочимъ правильно установленной хронологіи событій сибирской исторіи, и на первый разъ составилъ упомянутый „Перечень", допечатанный послѣ его смерти [1]). Книга составлена съ большимъ трудолюбіемъ; къ сожалѣнію, авторъ не имѣлъ въ провинціальной глуши многихъ пособій, необходимыхъ для подобной работы, долженъ былъ нерѣдко брать факты изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, приводить устарѣлыя и неточныя свѣдѣнія; по недостаточной опытности онъ въ началѣ работы оставлялъ приводимые факты безъ указанія источниковъ, и только послѣ понялъ необходимость цитатъ, которыхъ, впрочемъ, не могъ уже сполна возстановить, и отсутствіе ихъ до нѣкоторой степени замѣнилъ спискомъ пособій, которыми пользовался. При всемъ томъ книга Щеглова можетъ служить съ пользой для популярнаго употребленія, но какъ историческое руководство нуждается вообще въ провѣркахъ.

Около того же времени началъ издавать свои историческіе труды В. К. Андріевичъ (генералъ-майоръ). Въ первый разъ онъ, кажется, имѣлъ въ виду только исторію Забайкалья [2]); но, извлекая изъ Полнаго Собранія Законовъ свѣдѣнія о Забайкальѣ, г. Андріевичъ нашелъ, что „выборка изъ П. Собр. Законовъ данныхъ, касающихся вообще Сибири, немного увеличитъ время, необходимое для окончанія (его) труда, задуманнаго по отношенію къ Забайкалью, а между тѣмъ можетъ принести существенную пользу составителю исторіи Сибири" и потому онъ „сталъ выбирать съ 1700 года всѣ указы, прямо или косвенно упоминавшіе о Сибири" [3]). Нашелся меценатъ (П. А. Сиверсъ), который далъ средства для изданія, и хотя авторъ сознавалъ, что его трудъ остается необработаннымъ и можетъ служить только матеріаломъ для будущаго историка Сибири, онъ рѣшился его издать. Такимъ образомъ произошелъ цѣлый рядъ книгъ, который онъ началъ „вторымъ томомъ" своего сочиненія [4]). Книги

---

[1]) Послѣсловіе его книги помѣчено апрѣлемъ 1884 года, а въ концѣ мая онъ умеръ. См. его некрологъ и печальныя біографическія подробности въ „Восточномъ Обозрѣніи", 1884, № 22.

[2]) Краткій очеркъ исторіи Забайкалья отъ древнѣйшихъ временъ до 1762 г. Спб. 1887.

[3]) Предисловіе къ „Истор. очерку Сибири", т. II. Иркутскъ, 1886.

[4]) Историческій очеркъ Сибири. Томъ II. Періодъ отъ 1700 года до воцаренія импер. Елисаветы Петровны 25 ноября 1741 года. Составилъ и пр. Иркутскъ, 1886.

издавались затѣмъ въ Томскѣ, Петербургѣ, Одессѣ, и историческій очеркъ доведенъ до XIX столѣтія [1]). Авторъ пришелъ наконецъ къ заключенію, что исторія и не должна писаться иначе, и встрѣчая въ другихъ сочиненіяхъ нѣкоторыя разнорѣчія съ своими данными, возставалъ противъ „шаткости историческихъ свѣдѣній“, когда иной разъ слѣдовало выяснить себѣ вопросъ объ источникахъ разнорѣчія. Способъ составленія книгъ даетъ понятіе объ ихъ исторіографической цѣнности: наборъ данныхъ изъ Полн. Собр. Законовъ можетъ быть небезполезенъ, но остается сырымъ матеріаломъ, гдѣ хотя и приняты разныя рубрики, но факты крупные и мелочные перемѣшиваются, и цѣльности изложенія не помогаетъ и то, что авторъ отчасти началъ подъ конецъ пользоваться, кромѣ Собранія Законовъ, и новыми историческими сочиненіями [2]).

Такимъ образомъ попытки цѣльнаго изложенія сибирской исторіи доселѣ остаются неудовлетворительны; тѣмъ не менѣе въ послѣднія десятилѣтія, со времени возрожденія нашей литературы въ шестидесятыхъ годахъ, историческое изученіе Сибири особенно оживляется, и его интересы становятся гораздо шире, чѣмъ это было до сихъ поръ. Въ прежнее время была возможна только одна внѣшняя, оффиціальная исторія Сибири; теперь не только раскрывается многое, о чемъ прежде ходили только устные разсказы, но изслѣдованіе старается проникнуть тѣ внутренніе процессы, какіе совершались въ сибирской жизни подъ вліяніемъ ея основныхъ факторовъ—условій природныхъ, племенныхъ, бытовыхъ и административныхъ. Понятно, что когда это новое направленіе еще только устанавливается, можно указать здѣсь пока лишь немногія крупныя работы: надо было выяснить имѣющійся матеріалъ и собирать новый; трудность образовать литературные органы, отсутствіе научнаго центра, какимъ могъ бы быть мѣстный университетъ [3]), слабая степень образованія въ мѣстномъ обществѣ, — все

---

[1]) Томъ III. Періодъ отъ 1742 до 1762 года. Томскъ, 1887.

Томъ IV. Періодъ Екатерининскаго времени. (Отдѣлы: администраціи, заселенія, военнаго дѣла, промышленности и налоговъ). Спб. 1887.

Томъ V. Екатерининскій періодъ (Отдѣлы: горное дѣло, духовенство, лихоимство и общій очеркъ). Одесса, 1889 (Какъ будто „лихоимство“ составляло особое вѣдомство управленія!).—Послѣдніе два тома имѣютъ также особые заглавные листы: „Сибирь въ царствованіе импер. Екатерины II“, части I—II.

Позднѣе, авторъ издалъ еще двѣ *части* (I-й томъ?) „Исторіи Сибири“ отъ древнѣйшихъ временъ до 1660 г. и потомъ до воцаренія имп. Елизаветы Петровны. Спб. 1889, съ запутанными заглавіями и содержаніемъ.

Наконецъ: „Сибирь въ XIX столѣтіи“. Двѣ части. Спб., 1889.

[2]) Ср. объ историческихъ пріемахъ автора и его взглядахъ на современныя дѣла, „Вѣстн. Евр.“ 1890, май, стр. 395—399.

[3]) Медицинскій факультетъ въ Томскѣ при этомъ, конечно, не можетъ идти въ счетъ.

это заставляло работать въ одиночку, съ неполными средствами. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ въ послѣднее время нѣсколько замѣчательныхъ изданій, которыя обѣщаютъ стать началомъ новой эпохи сибирскихъ изученій. Таковы мѣстныя работы Сибирскихъ Отдѣловъ Географическаго Общества; таковы сборники работъ по изученію Сибири, появляющіеся въ послѣднее время, какъ свидѣтельство возрастающаго интереса къ дѣлу,—напримѣръ „Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ"; Сборникъ газеты „Сибирь"; „Литературный Сборникъ" г. Ядринцева; „Сибирскій Сборникъ", издаваемый редакціею „Восточнаго Обозрѣнія"; обширный томъ „Живописной Россіи" (XI), посвященный Сибири, съ изслѣдованіями гг. Семенова, Ядринцева, Потанина, Мушкетова, Радлова и другихъ. Въ мѣстныхъ изданіяхъ, напр. „памятныхъ книжкахъ", въ газетахъ „Сибирь" (выходившей въ Иркутскѣ), „Восточное Обозрѣніе" и др., среди обычнаго газетнаго матеріала разсѣяно много цѣнныхъ фактовъ, рисующихъ мѣстную жизнь промышленную, бытовую, этнографическую, а также и старину. Мѣстные любители начинаютъ болѣе ревностно, чѣмъ прежде, собирать различный матеріалъ, служащій къ описанію и къ исторіи страны; среди людей богатыхъ все больше является просвѣщенныхъ лицъ, желающихъ содѣйствовать изученіямъ края. Назовемъ г. Сибирякова, при участіи котораго могли явиться многія полезныя и сложныя изданія; Г. В. Юдина, который былъ издателемъ названнаго выше замѣчательнаго сборника: „Сибирь въ XVII вѣкѣ", составленнаго А. А. Титовымъ; Инн. Кузнецовъ издалъ значительный сборникъ актовъ XVII вѣка [1]) и др.

Умножаются въ литературѣ разсказы изъ сибирской старины и описанія Сибири современной, въ путешествіяхъ и отдѣльныхъ очеркахъ. Изъ литературы прежняго періода упомянемъ сочиненія Небольсина: „Покореніе Сибири", „Замѣтки на пути изъ Петербурга въ Барнаулъ"; Пежемскаго, „Панорама Иркутской губерніи" (въ „Современникѣ", 1850) и упомянутую выше Лѣтопись города Иркутска. За новѣйшее время явились многочисленные разсказы о пребываніи въ Сибири декабристовъ [2]): они не лишены историческаго интереса относительно самой Сибири, для которой это пребываніе не осталось безъ извѣстнаго культурнаго вліянія. На исторію сибирскаго быта Александровскаго времени бросаетъ свѣтъ изслѣдованіе о ревизіи и управленіи Сперанскаго [3]), какъ для позднѣйшаго времени не мало

---

[1]) Историческіе акты XVII столѣтія (1632—1699). Матеріалы для исторіи Сибири. Томскъ, 1890.

[2]) Они перечислены, но не сполна, у Межова, „Сиб. Библіографія", I, 473—483.

[3]) „Историческія свѣдѣнія о дѣятельности графа М. М. Сперанскаго въ Сибири

важныхъ свѣдѣній доставляетъ упомянутая выше біографія Муравьева-Амурскаго, Ивана Барсукова. Дальше назовемъ нѣсколько работъ А. П. Щапова по сибирской исторіи и этнографіи. Какъ популярный писатель, не мало работалъ по сибирской исторіи Сераф. Серафим. Шашковъ (ум. 1882). Родомъ сибирякъ, нѣкогда сотоварищъ Потанина и Ядринцева, раздѣлявшій ихъ патріотическія влеченія и одновременно съ ними испытавшій ссылку, Шашковъ къ сожалѣнію лишенъ былъ, обстоятельствами своей послѣдующей жизни, возможности сдѣлать что-либо цѣльное по сибирской исторіи; связанный другими работами, онъ оставилъ однако нѣсколько любопытныхъ очерковъ сибирской жизни и старины [1]).

Въ средѣ писателей новаго поколѣнія подготовляются внимательные изслѣдователи, отъ которыхъ можно ожидать полезныхъ трудовъ по сибирской старинѣ. Таковы напр. труды А. В. Оксенова и И. И. Тыжнова [2]).

съ 1819 по 1822 г.". Собраны В. Вагинымъ. Два тома. Спб. 1872. Списокъ трудовъ г. Вагина помѣщенъ былъ въ „Извѣстіяхъ" Восточно-Сибирскаго Отдѣла, т. XIX, № 5, 1889.

[1]) См., напримѣръ, „Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири", С. Серафимовича (Шашкова), „Отеч. Зап." 1867, № 20—22;—Рабство въ Сибири, историческій очеркъ, „Дѣло", 1869, кн. 1 и 3;—Сибирское общество въ началѣ XIX вѣка, „Дѣло", 1879, кн. 1—3 и др. Статьи Шашкова собраны были однажды въ книгу: „Историческіе этюды", Спб. 1872 (два тома), но сюда вошли только нѣкоторыя изъ его первыхъ работъ по исторіи Сибири. Списокъ его статей, относящихся къ Сибири, у Межова, „Сиб. Библіогр.", II, стр. 236.

Его краткій некрологъ въ „Восточномъ Обозрѣніи", 1882, № 23. Здѣсь читаемъ: „Телеграммой изъ Новгорода мы были извѣщены, что 27-го августа въ 7 часовъ вечера скончался столь извѣстный писатель-сибирякъ, уроженецъ Восточной Сибири Серафимъ Серафимовичъ Шашковъ. Онъ умеръ изнуренный тяжкимъ недугомъ, страдая послѣдніе годы параличемъ ногъ. До послѣдняго времени онъ не оставлялъ пера и былъ отданъ общественному служенію какъ писатель. Онъ былъ бѣднякомъ... Литературныя заслуги и таланты Серафима Серафимовича извѣстны многимъ. Мы же должны напомнить, что онъ принадлежалъ къ тому разряду молодыхъ писателей Сибири, которыхъ выдвинули 60-ые годы и которые посвящали свои силы служенію родинѣ. Работая въ петербургской журналистикѣ, онъ посвятилъ также нѣсколько сочиненій исторіи Сибири... поэтому его имя связано и съ мѣстной литературой. До конца онъ остался вѣрнымъ своему призванію, хотя жизнь его была многострадальная. Выражая глубокую скорбь и сознавая эту потерю въ немногочисленномъ кругу сибирской интеллигенціи... мы увѣрены, что наша родина также оцѣнитъ его труды и научится вѣрить, что у нея были свои дарованія и таланты, отдававшіе ей жизнь, приносившіе въ жертву ей свои силы и желавшіе видѣть ее болѣе счастливою". Автобіографія Шашкова въ „Вост. Обозрѣніи" 1882, № 27, 28, 30, 32. Некрологъ въ „Обзорѣ" Д. Д. Языкова, въ приложеніи къ „Ист. Вѣстнику" 1885, № 12.

[2]) Работы г. Оксенова: Сибирскія лѣтописи. Критико-библіографическое обозрѣніе. „Восточн. Обозрѣніе", 1883, №№ 38, 40, 44 и 51.

— Сношенія Новгорода Великаго съ Югорской землей. Историко-географическій

Много матеріала для характеристики различныхъ сторонъ сибирскаго быта и нравовъ доставляетъ литература путешествій и всякаго рода описаній. Въ XVIII вѣкѣ, эта литература представлена была въ особенности академическими путешественниками, русскими и нѣмцами; мы видѣли также нѣсколько книгъ, написанныхъ иностранцами. Въ XIX столѣтіи опять главный матеріалъ былъ доставляемъ оффиціально предпринятыми экспедиціями; но съ шестидесятыхъ годовъ все больше развивается литература иного склада —во-первыхъ, въ связи съ работами Географ. Общества и его отдѣловъ, вызвавшими много мѣстныхъ силъ, которыя до тѣхъ поръ не имѣли органа; во-вторыхъ, развившійся общественный и народный интересъ влечетъ къ изученію мѣстнаго быта, экономическихъ отношеній, народнаго обычая и т. д. Въ этомъ трудѣ соединяются и мѣстные дѣятели, и случайные путешественники, и люди не-мѣстные, которыхъ неволя

очеркъ по древнѣйшей исторіи Сибири. „Литературн. Сборникъ", изд. ред. „Восточн. Обозр.", 1885, стр. 425—445.

— Свѣдѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ. Съ библіографическимъ указателемъ напечатанныхъ сибирскихъ лѣтописей и другихъ историч. источниковъ. Тамъ же, стр. 446—455.

— Ермакъ Тимоѳеевичъ въ историческихъ пѣсняхъ русскаго народа. Сибирск. Сборникъ, 1886, I, стр. 75—92, II, стр. 44—61.

— Слухи и вѣсти о Сибири до эпохи Ермака. Тамъ же, 1887, IV, стр. 108—116.

— Среднеколымскъ и его округъ. Историко-статистич. очеркъ. Историч. Вѣстникъ, 1885, іюль, т. XXI, стр. 105—127.

— Минусинскій музей (статья безъ подписи). Журналъ минист. просв., ч. CCXLIX, отд. 4, стр. 32—40.

— Торговыя сношенія русскихъ съ обитателями сѣверо-западной Азіи до эпохи Ермака. Томск. губ. Вѣд., 1888, №№ 10 и 11.

— Старые пути изъ предѣловъ Московскаго государства въ Сибирскую землю. Тамъ же, № 12.

— Сибирское царство до эпохи Ермака. (Князья и ханы сибирскихъ татаръ. Этнографическій составъ и политическій строй позднѣйшаго Сибирскаго ханства). Тамъ же, №№ 14—16 и 18.

— Сибирь до эпохи Ермака, по свѣдѣніямъ западно-европейскихъ писателей и путешественниковъ (1245—1578). Тамъ же, 1889, №№ 2—6; 8—13.

— О древнѣйшей торговлѣ Югорской земли съ Волжскими Булгарами. Тамъ же, 1889, №№ 16 и 17.

— Политическія отношенія Московскаго государства къ Югорской землѣ (1455—1499). Журн. мин. просв., ч. CCLXXIII (1891, № 2), отд. 2, стр. 245—272.

Александръ Вас. Оксеновъ (род. 1860) учился въ томской гимназіи, потомъ въ петербургскомъ университетѣ и кончилъ здѣсь курсъ въ 1882, оставался въ первое время въ Петербургѣ, работая въ Историческомъ Вѣстникѣ, Восточномъ Обозрѣніи, Журналѣ мин. просв.; затѣмъ въ 1887—1891 былъ помощникомъ библіотекаря томскаго университета и преподавателемъ въ томскомъ реальномъ училищѣ.

Историческая работа г. Тыжнова о старыхъ иностранныхъ писателяхъ о Сибири указана выше, глава I.

привела въ этотъ край и которые нашли здѣсь почву для своихъ интересовъ; наконецъ, въ послѣдніе годы были случаи, что изслѣдователи народнаго быта, подготовленные въ Россіи, примѣняли свой трудъ къ изученіямъ сибирскимъ (гг. Астыревъ, Личковъ), какъ наоборотъ писатели, воспитавшіе въ Сибири свой интересъ къ народному дѣлу, работали надъ общими вопросами быта,—какъ С. Я. Капустинъ.

Дальше мы скажемъ о спеціальныхъ этнографическихъ изысканіяхъ въ Сибири, и здѣсь отмѣтимъ только успѣхи мѣстныхъ описаній. Таковы были напр. труды г. Голодникова по Тобольскому краю, Чудновскаго—о Енисейской губерніи, Адріанова—о Томскомъ краѣ [1]), г. Загоскина объ Иркутской губерніи, г. Сукачева о городѣ Иркутскѣ [2]), книгу г. Голубева объ Алтаѣ [3]), и др. Названныя работы принадлежатъ отчасти вольнымъ и невольнымъ путешественникамъ, а въ особенности мѣстнымъ дѣятелямъ, усердная работа которыхъ служитъ свидѣтельствомъ развитія образовательныхъ средствъ и общественныхъ интересовъ края,—для которыхъ можно только пожелать лучшихъ условій развитія въ постановкѣ учрежденій, печати и просвѣщенія.

Названный выше Адріановъ (Александръ Вас.) принадлежитъ къ числу такихъ мѣстныхъ дѣятелей. Уроженецъ курганскаго края тобольской губерніи, онъ учился въ тобольской гимназіи, потомъ въ петербургскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1778 году натуралистомъ; затѣмъ важной научной школой было для него участіе въ экспедиціи г. Потанина въ Монголію, гдѣ онъ работалъ какъ коллекторъ-натуралистъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вовлекался въ археологію и этнографію. Въ 1882 и 1883 онъ совершалъ уже самостоятельныя экспедиціи въ инородческіе края южной Сибири, гдѣ продолжалъ свои археологическія и этнографическія изслѣдованія; за-

[1]) Г. Томскъ въ прошломъ и настоящемъ. Составилъ А. В. Адріановъ. Томскъ, 1890,—весьма обстоятельная работа, съ краткими историческими и обширными статистическими свѣдѣніями о современномъ Томскѣ. Отмѣтимъ здѣсь, между прочимъ, свѣдѣнія о „мѣстной печати“ (стр. 116—119) и библіографическій указатель книгъ, брошюръ, статей и замѣтокъ о городѣ Томскѣ по рубрикамъ (стр. 248—433).

[2]) Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ, редактированный и изданный иркутскимъ городскимъ головой В. П. Сукачевымъ (М. 1891) — исторія и современное положеніе города; отмѣтимъ изложеніе научныхъ предпріятій и состояніе мѣстной литературы (стр. 186 — 214).

[3]) Алтай, историко-статистическій сборникъ по вопросамъ экономическаго и гражданскаго развитія алтайскаго горнаго округа. (Съ портретомъ алтайскаго изслѣдователя, покойнаго С. И. Гуляева). Изданіе В. А. Г—ва, подъ редакціей П. А. Голубева, Томскъ, 1890,—съ подробнымъ изложеніемъ отношеній народнаго быта, промысловъ, горнаго дѣла, колонизаціи, съ хронологіей исторіи Алтая и хронологіей путешествій и изслѣдованій по Алтаю, наконецъ съ біографіей С. И. Гуляева.

тѣмъ былъ одно время редакторомъ „Сибирской газеты“, гдѣ кромѣ своихъ отчетовъ о путешествіи въ Кузнецкій край и въ Саяны онъ помѣстилъ рядъ статей о мѣстныхъ вопросахъ, о народномъ хозяйствѣ, переселеніяхъ, ссылкѣ и т. д. [1]).

Такимъ же мѣстнымъ дѣятелемъ старшаго поколѣнія является Мих. Вас. Загоскинъ. Воспитанникъ иркутской семинаріи, потомъ казанской дух. академіи, онъ былъ инспекторомъ классовъ въ военномъ училищѣ въ Иркутскѣ (И. С. Поляковъ былъ его ученикъ). Очень долго онъ состоялъ правителемъ дѣлъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общества и редакторомъ его изданій; вмѣстѣ съ другими просвѣщенными людьми онъ принималъ участіе въ основаніи иркутскаго техническаго училища, въ которомъ и былъ инспекторомъ классовъ: техническое училище было созданіемъ частныхъ лицъ и въ началѣ любители преподавали въ немъ безплатно. Въ теченіе болѣе десяти лѣтъ онъ былъ редакторомъ газеты „Сибирь“, одного изъ лучшихъ изданій сибирской печати, и газеты „Амуръ“, издававшейся въ Иркутскѣ. Газету „Сибирь“ онъ хотѣлъ сдѣлать защитой обездоленныхъ и притѣсненныхъ, и для сибиряковъ былъ примѣромъ безкорыстнаго служенія крестьянскому дѣлу. Литературные труды его были слѣдующіе: начало романа изъ семинарской жизни въ „Сборникѣ газеты Сибирь“ (Спб. 1876, стр. 1—187); нѣсколько очерковъ сельской жизни въ сборникахъ „Восточнаго Обозрѣнія“, и въ особенности длинный рядъ небольшихъ статей о крестьянскихъ нуждахъ въ газетахъ „Сибирь“ и „Восточное Обозрѣніе“; въ послѣднемъ онъ помѣщалъ „Деревенскія письма“. Въ „Памятной книжкѣ“ Иркутской губерніи на 1891 г., изданной мѣстнымъ губ. статистич. комитетомъ, г. Загоскинъ помѣстилъ статью: „Одна изъ сибирскихъ общинъ“ (селеніе Грановское, гдѣ самъ авторъ поселился, окончивъ службу): это—обстоятельное описаніе общины въ экономическихъ ея отношеніяхъ, съ юридическими обычаями ея жителей [2]).

Въ ряду описательныхъ трудовъ займутъ свое мѣсто и путешествія, путевые очерки, въ числѣ которыхъ были и путевыя замѣтки И. А. Гончарова (при возвращеніи его черезъ Сибирь послѣ кругосвѣтнаго плаванія на фрегатѣ Паллада), далѣе извѣстныя книги С. В. Максимова („На Востокѣ“; „Сибирь и каторга“). Изъ путешествій и описательныхъ очерковъ новѣйшаго времени назовемъ книги Павлова, Орфанова, Розова, Н. Астырева и множество со-

---

[1]) Критико-біографическій Словарь, Венгерова, т. I, стр. 127—128.

[2]) Ср. „Вост. Обозрѣніе“, 1891, № 35.

Нѣкоторыя указанія объ общественной дѣятельности г. Загоскина читатель найдетъ въ книгѣ г. Сукачева объ Иркутскѣ.

общеній въ сибирскихъ изданіяхъ, особливо въ „Восточномъ Обозрѣніи“ [1]).

Извѣстнаго рода бытовой интересъ и этнографическую цѣнность представляютъ наконецъ опыты беллетристическаго изображенія сибирской жизни. Говоримъ не о тѣхъ, только риторическихъ, изображеніяхъ Сибири, какія встрѣчаются уже въ старой литературѣ, какъ воспѣваніе Ермака (напр. у Дмитріева); или о такихъ, болѣе правдивыхъ, но тѣмъ не менѣе теоретически задуманныхъ изображеніяхъ, какъ „Войнаровскій“ Рылѣева или извѣстный эпизодъ въ „Русскихъ женщинахъ“ Некрасова; но о тѣхъ произведеніяхъ — романахъ, повѣстяхъ, очеркахъ и т. п., которые писались людьми, знавшими Сибирь по личному опыту и наблюденію, писателями сибиряками или живавшими въ Сибири. Исключая то, что̀ принадлежало литературной манерѣ той или другой эпохи, въ этихъ произведеніяхъ проглядываютъ однако въ большей или меньшей степени черты дѣйствительнаго быта, не лишенныя этнографическаго значенія. Таковы были въ тридцатыхъ годахъ романы И. Т. Калашникова: „Дочь купца Жолобова“ (изъ иркутскихъ преданій) и „Камчадалка“. Очень много опытовъ бытовой беллетристики въ формѣ разсказовъ изъ мѣстной жизни разсѣяно въ сибирскихъ изданіяхъ и общихъ журналахъ [2]) и между прочимъ за послѣднее время присоединяются сюда произведенія писателей не-сибиряковъ, видѣвшихъ Сибирь волею или неволею. Такъ, сибирскіе разсказы находимъ въ ряду сочиненій В. Г. Короленка, гдѣ они принадлежатъ къ числу поразительнѣйшихъ произведеній талантливаго писателя, у г. Мачтета (повѣсти и разсказы, М. 1887), Станюковича („Не столь отдаленныя мѣста“), еще раньше Кущевскаго и др. [3]). Въ числѣ этихъ произведеній въ особенности выдѣляются хорошимъ знаніемъ быта разсказы Н. И. Наумова: „Въ тихомъ омутѣ“, „Въ забытомъ краю“, то и другое — очерки и разсказы изъ быта сибирскихъ крестьянъ.

---

[1]) 3000 верстъ по рѣкамъ Западной Сибири. Очерки и замѣтки изъ скитаній по берегамъ Туры, Тобола, Иртыша и Оби. А. Павлова. Тюмень, 1878.

— Въ дали. (Изъ прошлаго). Разсказы изъ вольной и невольной жизни. Мишла̀ (М. И. Орфанова). Съ предисловіемъ С. В. Максимова. М. 1883.

— Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири. Дѣйствительнаго члена и корреспондента ученыхъ обществъ А. И. Розова. М. 1889 (объ этомъ въ „Вѣстн. Евр.“ 1890, май, стр. 399—402).

— Н. Астыревъ. На таёжныхъ прогалинахъ. Очерки жизни населенія Восточной Сибири. Москва 1891.

[2]) Въ книжкѣ: „Сибирскіе разсказы изъ жизни пріисковаго люда“ (Спб. 1888) собраны такіе разсказы изъ приложеній къ „Восточному Обозрѣнію“.

[3]) Упомянемъ также романъ Л. Блюммера: „Въ Алтаѣ“, какъ примѣръ крайняго преувеличенія „мѣстнаго колорита“, гдѣ языкъ дѣйствующихъ лицъ, мѣстныхъ жителей, доведенъ почти до непонятности.

Сибирь имѣетъ и свою мѣстную поэзію, произведенія которой собраны недавно въ двухъ сборникахъ: „Сибирскіе мотивы“ (Спб. 1888) и „Отголоски Сибири“ (Томскъ, 1889) [1].

Въ этой литературѣ описательныхъ сочиненій о Сибири, переходящихъ въ публицистическое изслѣдованіе о различныхъ сторонахъ современнаго сибирскаго быта, въ особенности примѣчательны труды Ник. Мих. Ядринцева. Сынъ купца, переѣхавшаго въ Сибирь изъ пермской губ., г. Ядринцевъ (род. въ Омскѣ, 1842) выросъ истымъ сибирякомъ. Онъ учился въ томской гимназіи, съ 1860 пробылъ три года вольно-слушателемъ въ петербургскомъ университетѣ: здѣсь изъ студентовъ сибиряковъ собрался въ то время кружокъ, который поставилъ себѣ цѣлью изученіе мѣстныхъ вопросовъ своего края; кружокъ молодыхъ патріотовъ развивалъ мысли о необходимости въ Сибири университета, объ умноженіи школъ, о научныхъ изслѣдованіяхъ, разборѣ мѣстныхъ архивовъ, собираніи этнографическихъ матеріаловъ, созданіи мѣстной печати. Все это было перемѣшано съ юношески простодушными мечтами, но вмѣстѣ съ тѣмъ послужило для многихъ сильнымъ побужденіемъ къ изученію своей родины, а для нѣкоторыхъ опредѣлило всю дальнѣйшую трудовую жизнь. Подъ вліяніемъ этихъ мыслей многіе направились въ Сибирь, когда прежде много сибиряковъ оставалось въ Россіи, устроивая свою карьеру вдали отъ родины. Возвращеніе этой молодежи домой не осталось безплоднымъ. Развитію мѣстной любознательности и интереса къ областнымъ вопросамъ въ то время сильно способствовало именно обновленіе всей русской жизни (съ конца 50-хъ годовъ), когда небывалымъ прежде образомъ затронуты были вопросы историческіе и общественные и когда это возбужденіе охватило въ особенности молодыя поколѣнія. Это была полная вѣра въ будущее, ожиданіе неминуемаго обновленія общественной и народной жизни, и на этой почвѣ естественно возникалъ горячій мѣстный патріотизмъ. Оглядываясь на свою родину, юные патріоты убѣждались, что для ея блага предстоитъ много усиленнаго труда: обширная и нетронутая страна была какъ бы забыта и пренебрегаема; заѣзжіе образованные люди мало давали ей; своего образованнаго круга почти не было за недостаткомъ средствъ просвѣщенія,—между тѣмъ страна переживала уже триста лѣтъ историческаго существованія. Только однажды, въ краткое управленіе Сперанскаго, была сдѣлана попытка поднять общественную жизнь и самосознаніе Сибири, но по разнымъ обстоятельствамъ времени эта попытка не принесла желанныхъ плодовъ. Теперь, казалось, насту-

---

[1]) Въ „Литературномъ Сборникѣ“, Ядринцева, Спб. 1885, стр. 407—424: „Судьба сибирской поэзіи и старинные поэты Сибири“, Сибиряка, и тамъ же, стр. 352—406: „Начало печати въ Сибири“.

пило время, когда можно было надѣяться лучшаго успѣха, когда потребность преобразованія стала сказываться въ свѣжихъ силахъ самаго сибирскаго общества. Настроеніе, проникавшее реформы 60-хъ годовъ, повидимому распространялось и на судьбы Сибири. Въ эти годы вернулись въ Томскъ многіе изъ молодыхъ сибиряковъ упомянутаго университетскаго кружка, въ числѣ ихъ г. Ядринцевъ, который и началъ тогда какъ свои публицистическіе труды, такъ и разнообразныя изслѣдованія о прошломъ и современномъ бытѣ Сибири. Въ 1863, онъ прочелъ въ Омскѣ публичную лекцію о значеніи университета для Сибири и предлагалъ основать общество для собиранія на него пожертвованій [1]); въ эти годы г. Ядринцевъ принялъ участіе въ мѣстной газетѣ. Къ сожалѣнію, работа въ Сибири была прервана тѣмъ процессомъ о „сибирскомъ сепаратизмѣ", который окончился также ссылкой для Потанина и Шашкова; г. Ядринцевъ былъ высланъ на жительство въ Архангельскъ и только въ 1874 году былъ амнистированъ. Это обстоятельство не помѣшало нашему писателю работать надъ изученіемъ Сибири [2]). Въ 1872 году онъ собралъ и дополнилъ свои журнальныя статьи о сибирской ссылкѣ въ отдѣльное изслѣдованіе: „Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ", которое впослѣдствіи послужило какъ матеріалъ для коммиссіи, работавшей по вопросу о преобразованіи тюремъ и ссылки. Въ своей книгѣ Ядринцевъ говорилъ противъ ссылки, доказывая ея непрактичность и въ особенности крайне вредное вліяніе на гражданскую жизнь Сибири. Въ 1873 онъ продолжалъ статьи по сибирскимъ вопросамъ въ замѣчательной „Камско-Волжской газетѣ", издававшейся въ Казани и впослѣдствіи закрытой. Съ 1874 года, когда обсуждался вопросъ о тюремномъ преобразованіи, Ядринцевъ снова выступилъ съ цѣлымъ рядомъ статей о ссылкѣ [3]), а также о другихъ вопросахъ сибирской жизни—объ административной реформѣ, о „золотомъ дѣлѣ", о си-

[1]) Лекція была напечатана въ „Томскихъ губерн. Вѣдомостяхъ", въ 1864. Извѣстно, что затѣмъ стали дѣйствительно собираться пожертвованія, дошедшія наконецъ до огромныхъ суммъ, которыя дали возможность осуществить это предпріятіе.

[2]) Въ 1866 году была помѣщена имъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ", издававшемся Б. А. Милютинымъ въ Иркутскѣ, біографія Чокана Валиханова, о которомъ будемъ говорить далѣе.

— Въ 1868 году, въ „Женскомъ Вѣстникѣ" статья: „Женщина въ Сибири въ XVII—XVIII столѣтіи" на основаніи архивныхъ матеріаловъ.

— Въ 1868 году, въ „Дѣлѣ": „Письма о сибирской жизни" подъ псевдонимомъ Семилужинскаго.

— Въ 1869 году, тамъ же, статья: „Секретная" и „Община въ русскомъ острогѣ" и др.

[3]) Въ „Голосѣ", „Недѣлѣ", „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", „Вѣстникѣ Европы", „Дѣлѣ", „Отечественныхъ Запискахъ"; брошюра: „Новыя свѣдѣнія о сибирской ссылкѣ". Спб. 1879.

бирской желѣзной дорогѣ, о нуждахъ рабочаго населенія Сибири, о реформѣ Сперанскаго, снова о сибирскомъ университетѣ (статья „Потребность знанія на Востокѣ").

Съ 1875 года основалась въ Иркутскѣ газета „Сибирь", подъ редакціей В. И. Вагина и М. В. Загоскина, гдѣ Ядринцевъ сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ; въ 1876 году онъ принялъ участіе въ казанскомъ литературномъ сборникѣ „Первый шагъ". Въ томъ же 1876 году онъ поступилъ на службу, приглашенный генералъ-губернаторомъ западной Сибири Казнаковымъ, который между прочимъ интересовался вопросомъ о сибирскомъ университетѣ и желалъ вообще подвинуть дѣло серьезнаго изученія Сибири. Служба при генералъ-губернаторѣ дала ему возможность дѣлать статистическія, экономическія и этнографическія изысканія, тѣмъ болѣе, что въ тѣже годы основанъ былъ въ Омскѣ Западно-Сибирскій Отдѣлъ Географическаго Общества, гдѣ г. Ядринцевъ также принялъ дѣятельное участіе: онъ составилъ здѣсь програму для изслѣдованія сельской общины въ Сибири, по которой собранъ былъ потомъ обширный матеріалъ, и програму для изученія сибирскихъ инородцевъ. Въ 1878 году онъ предпринялъ, въ качествѣ оффиціальной командировки, путешествіе въ алтайскій горный округъ для изслѣдованія движенія переселенцевъ и устройства ихъ на новыхъ мѣстахъ [1]). Затѣмъ выработана имъ опять программа для изслѣдованія переселенческаго движенія и колонизаціи. Въ 1880, онъ предпринялъ новое путешествіе въ Алтай для изученія инородческаго быта и объѣхалъ Томскую губернію, посѣтилъ Телецкое озеро и проникъ до вершинъ Катуни, собирая свѣдѣнія о кочевыхъ инородцахъ [2]). Въ 1881 Ядринцевъ, оставивъ службу и возвратившись въ Петербургъ, работалъ надъ книгой, которая составила главный его трудъ [3]), гдѣ онъ собралъ важный матеріалъ по сибирской этнографіи и по различнымъ вопросамъ современной сибирской жизни, народной и общественной. Въ 1882 году, когда праздновалось трехсотлѣтіе русской Сибири, Ядринцевымъ сдѣланъ былъ докладъ въ Обществѣ содѣйствія промышленности и торговлѣ, о куль-

---

[1]) Отчетъ напечатанъ въ Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общ. 1879, кн. II.

[2]) Отчетъ въ Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла, 1881, кн. IV. Въ 1880 въ журналѣ „Русск. Богатство" помѣщена его статья: „Русская Швейцарія".

[3]) Сибирь какъ колонія. Къ юбилею трехсотлѣтія. Современное положеніе Сибири. Ея нужды и потребности. Ея прошлое и будущее. Спб. 1882. Черезъ нѣсколько лѣтъ эта книга явилась въ нѣмецкомъ переводѣ Э. Ю. Петри, съ обширными дополненіями: Sibirien, geographische, ethnographische und historische Studien von N. Jadrinzew. Mit Bewilligung des Verfassers nach dem Russischen bearbeitet und vervollständigt von Dr. Ed. Petri, Professor der Geographie und Anthropologie an der Universität Bern. Mit zahlreichen Illustrationen. Jena. 1886.

турныхъ успѣхахъ Сибири въ 300 лѣтъ [1]); другой докладъ былъ сдѣланъ имъ въ Географическомъ Обществѣ о положеніи сибирскихъ инородцевъ и ихъ вымираніи; въ „Русской Мысли“ тогда же была имъ помѣщена статья: „Кустарные промыслы въ Сибири и значеніе ихъ“.

Съ того же 1882 года г. Ядринцевъ основалъ еженедѣльное изданіе, „Восточное Обозрѣніе“, съ 1888 года перенесенное въ Иркутскъ: это замѣчательное изданіе остается до нынѣ самымъ серьезнымъ органомъ сибирской печати по богатству мѣстныхъ свѣдѣній изъ разныхъ краевъ Сибири; при газетѣ издается кромѣ того отдѣльными книжками „Сибирскій Сборникъ“, не однажды нами цитированный. Въ тѣ же годы въ „Трудахъ“ московскаго Археологическаго Общества и „Сибирскомъ Сборникѣ“ помѣщены труды г. Ядринцева по сибирскимъ древностямъ; въ томѣ „Живописной Россіи“, посвященномъ Сибири, была имъ помѣщена статья: „Западно-сибирская низменность“.

Въ 1886 г. Ядринцевъ сдѣлалъ новую поѣздку въ Сибирь до Иркутска и Байкала съ цѣлью осмотра сибирскихъ музеевъ, въ томъ числѣ минусинскаго, а также и для этнографическихъ наблюденій надъ остяками и саянскими племенами въ минусинскомъ округѣ [2]). Затѣмъ въ Географическое Общество внесены были составленныя имъ карты распредѣленія сибирскихъ инородцевъ по губерніямъ. Новѣйшимъ обширнымъ трудомъ Ядринцева была книга объ инородцахъ [3]), заключающая много важныхъ данныхъ и соображеній по этому вопросу. Наконецъ въ послѣдніе годы, въ связи съ давно занимающимъ его вопросомъ объ исторіи культуры угро-алтайскихъ племенъ, г. Ядринцевъ предпринялъ изслѣдованія въ сѣверной Монголіи, гдѣ онъ открылъ развалины знаменитаго и затеряннаго историками Каракорума: это открытіе возбудило живѣйшій интересъ въ средѣ спеціалистовъ и по слѣдамъ г. Ядринцева направилась въ ту мѣстность ученая экспедиція изъ Гельсингфорса, а затѣмъ лѣтомъ 1891 года экспедиція академическая, которая поручена была В. В. Радлову совмѣстно съ г. Ядринцевымъ [4]).

Какіе разнообразные вопросы изъ прошлаго и настоящаго Сибири подняты теперь сибирскими изслѣдователями, можно видѣть изъ книги

---

[1]) „Культурное и промышленное состояніе Сибири“. Докладъ Н. М. Ядринцева (по случаю торжества 300-лѣтія Сибири). Спб. 1884.

[2]) Доклады о томъ, въ 1887, въ обществахъ Географическомъ и Археологическомъ въ Петербургѣ.

[3]) „Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе“. Спб. 1891.

[4]) Біографическія свѣдѣнія частію приведены въ предисловіи г. Петри къ его переводу, стр. XI—XIII; въ дополненіяхъ къ переводу сообщены также и другія замѣчанія о трудахъ г. Ядринцева. См. также „Литературныя и студенческія воспоминанія о Сибири“ самого г. Ядринцева, въ „Вост. Обозрѣніи“, 1884, № 26, 33, 34.

Ядринцева: „Сибирь, какъ колонія", представляющей одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ всей сибирской литературы. Авторъ ставитъ въ предѣлахъ своей задачи слѣдующіе широкіе вопросы сибирской исторіи и современнаго экономическаго и нравственно-общественнаго быта: русская народность на Востокѣ, которая въ особыхъ условіяхъ сибирской природы, быта и смѣшенія съ инородческими племенами пріобрѣла здѣсь особый типъ, несомнѣнно своеобразный и еще недостаточно опредѣленный изслѣдователями; инородческій вопросъ о прошломъ и современномъ состояніи инородческихъ племенъ подъ вліяніемъ ихъ столкновеній съ русскимъ колонизаціоннымъ и промышленнымъ движеніемъ, объ ихъ упадкѣ и вымираніи, о возможности или невозможности ихъ сохраненія; колонизація Сибири и современныя переселенія — сложный вопросъ, внутренній русскій и сибирскій, разные роды колонизаціи и разные способы устройства переселеній; ссылка въ Сибирь и положеніе ссыльныхъ; исторія эксплуатаціи богатствъ на Востокѣ; экономическое положеніе Сибири; управленіе Сибирью, его исторія и современныя задачи; потребность знанія и интересы образованія на Востокѣ; будущность страны и условія ея благосостоянія. Всѣ эти вопросы, составляющіе самый основной интересъ сибирской жизни, сильно привлекаютъ теперь вниманіе сибирскихъ изслѣдователей и, простираясь по необходимости въ прошедшее, ставятъ для сибирской исторіографіи задачи, въ прежнее время едва затронутыя. Общее положеніе нашей исторической литературы въ это прежнее время было таково, что на долю историковъ оставалась почти только внѣшняя показная сторона прошедшаго; время ближайшее было совершенно недоступно: историки обыкновенно и не доходили до нихъ, и исторія Сибири, какъ и вообще новѣйшая исторія нашей государственной и общественной жизни, только теперь начинаютъ раскрываться въ ихъ настоящемъ, неподдѣльномъ видѣ.

ГЛАВА X.

Этнографія сибирскихъ инородцевъ.

Въ предыдущемъ изложеніи не однажды указаны были работы по этнографическому изученію Сибири. Этотъ предметъ такъ обширенъ и сложенъ, что въ предположенномъ нами объемѣ невозможно изложить всей исторіи этихъ изслѣдованій и ихъ результатовъ. Съ одной стороны, этнографія Сибири связывается съ судьбой нѣсколькихъ разнородныхъ восточныхъ племенъ, частью имѣющихъ громадное распространеніе внѣ предѣловъ Сибири и имѣющихъ свою многовѣковую исторію; съ другой—она обнимаетъ цѣлый рядъ сѣверныхъ племенъ, заброшенныхъ въ далекія пустыни Сибири, почти неизвѣстныхъ исторіи и даже въ настоящее время трудно доступныхъ для научнаго изслѣдованія—до такой степени, что и донынѣ не выяснена вполнѣ этнологическая принадлежность многихъ сибирскихъ племенъ, которыя бываютъ относимы то къ одному, то къ другому корню, и общая классификація сибирскихъ племенъ еще остается въ наукѣ вопросомъ.

Сибирская этнографія распадается естественно на инородческую и русскую: эти двѣ различныя области нерѣдко, однако, органически соединяются сосѣдствомъ и сожительствомъ племенъ на одной территоріи, въ общихъ условіяхъ государственности, связываясь взаимнымъ расовымъ и бытовымъ вліяніемъ. Одна изъ этихъ областей этнографіи должна объяснить составъ, исторію и особенности инородческихъ племенъ Сибири, и мы говорили сейчасъ, съ какою сѣтью историческихъ вопросовъ связанъ этотъ отдѣлъ сибирскихъ изученій; другая область сибирской этнографіи должна объяснить особенности русскаго племени въ Сибири,—потому что въ Сибири несомнѣнно народились эти особенности подъ вліяніемъ ея почвы, климата, племенныхъ смѣ-

шеній, исключительныхъ историческихъ и бытовыхъ обстоятельствъ. Если въ первомъ отдѣлѣ научное рѣшеніе затруднено большою сложностью данныхъ и отчасти трудностью ихъ изслѣдованія, то во второмъ оно замедляется недостаточностью фактовъ, какіе были до сихъ поръ собраны, потому что этнографія русскаго племени въ Сибири едва только теперь привлекаетъ серьезное вниманіе изыскателей. На этомъ основаніи, особливо по первому отдѣлу трудно дать послѣдовательную исторію изученій, какъ это было возможно въ другихъ областяхъ русской этнографіи, и мы должны будемъ большею частью только указывать поставленные вопросы, отмѣчать связь вопросовъ сибирской этнографіи съ общимъ положеніемъ азіатскихъ изученій и археологіи. До сихъ поръ ни въ томъ, ни въ другомъ отдѣлѣ сибирской этнографіи нельзя указать ни одного труда, который обнималъ бы предметъ во всей широтѣ его сложнаго объема или, по крайней мѣрѣ, намѣтилъ бы полную программу его изслѣдованія: всего чаще мы имѣемъ передъ собой массу детальныхъ изслѣдованій, едва одолимыхъ для одного изыскателя, который хотѣлъ бы свести ихъ въ одно цѣлое.

Древнѣйшая исторія Сибири была совершенно чужда русскому племени. Судьба ея нынѣшнихъ „инородцевъ" восходитъ къ отдаленному времени, когда они наполняли Сибирь болѣе или менѣе самостоятельными племенами: въ эту старину съ трудомъ проникаетъ исторія, которой до сихъ поръ не удалось еще распутать старыхъ племенныхъ отношеній, какъ съ другой стороны наукѣ не удалось еще установить ихъ этнографической классификаціи. Этимъ временамъ предшествуетъ еще неопредѣленно долгій періодъ старины доисторической: въ послѣднее время въ Сибири находятъ все больше и больше слѣдовъ каменнаго вѣка и перваго появленія металловъ, и по мѣрѣ того какъ умножаются раскопки въ разныхъ мѣстахъ Сибири, открывается все больше слѣдовъ этого до-историческаго быта.

Изученіе инородческаго міра въ Сибири въ строго научномъ смыслѣ должно начинаться разъясненіемъ этой археологической этнографіи. Изслѣдованія этого рода начаты только очень недавно, и при недостаткѣ раскопокъ до сихъ поръ не могла быть опредѣлена даже въ общихъ чертахъ территорія, на которой открываются остатки каменнаго вѣка. До сихъ поръ не выяснены и другіе археологическіе памятники, разсѣянные особливо въ южной Сибири, такъ-называемыя „чудскія могилы" разнаго рода, въ первый разъ замѣченныя для науки учеными путешественниками прошлаго вѣка: въ то время эти могилы, заключавшія, между прочимъ, много вещей изъ дорогихъ металловъ, были уже расхищаемы искателями кладовъ; пахо-

димые предметы сбывались на рынкахъ какъ ломъ, и только въ последніе годы обращено вниманіе на собираніе и сохраненіе этихъ предметовъ въ мѣстныхъ музеяхъ. Не разъяснены доселѣ и остатки старыхъ письменъ (такъ-называемыя „писаницы") и живописныхъ изображеній на скалахъ и камняхъ, какихъ не мало существуетъ въ южной Сибири и которыя также исчезаютъ отъ времени. Давно обратили вниманіе ученыхъ такъ-называемыя „чудскія копи", остатки древнихъ рудниковъ, въ которыхъ, между прочимъ, находимы были образцы древнихъ орудій горнаго дѣла... Какъ ни скудна была до сихъ поръ разработка этихъ остатковъ сибирской до-исторической старины, они доставляли уже важныя указанія или намеки на исторію каменнаго вѣка въ Азіи и въ Европѣ и перваго появленія металловъ. Нѣкоторымъ ученымъ приходила даже мысль, что древнѣйшая исторія азіатскаго человѣчества имѣла исходный пунктъ па сибирскомъ сѣверѣ.

Одинъ изъ ревностныхъ изслѣдователей сибирской древности, Н. Поповъ (уже умершій), такъ представляетъ древнюю историческую почву Сибири: „Обширныя страны, извѣстныя нынѣ подъ именемъ Сибири, за нѣсколько вѣковъ до нашего лѣтосчисленія были населены разными народами и народцами племенъ финскаго, туркскаго, монгольскаго и манджурскаго. Сильнѣйшіе изъ нихъ тѣснили слабѣйшихъ, покоряли ихъ, истребляли или отодвигали куда-нибудь далѣе на западъ или сѣверъ. Нѣкоторые изъ этихъ народовъ, напр. монголы, манчжуры, татары, донынѣ продолжаютъ крѣпко существовать и сохранять свои племенныя черты, хотя уже и измѣненныя подъ вліяніемъ другихъ національностей; другіе, загнанные въ мѣста суровыя, поставленные въ условія, неблагопріятныя для жизни, хотя и продолжаютъ донынѣ влачить свое жалкое существованіе, но годъ отъ году становятся все малочисленнѣе, какъ напр. сойоты, карагасы, койбалы, камасинцы, остяки, самоѣды, якуты туруханскіе, чукчи и пр., а нѣкоторые въ своихъ скитаніяхъ уже давно вымерли, оставивъ послѣ себя одни темныя имена, какъ напр. асаны, котты, арины, омоки и др.

„При постоянномъ передвиженіи и переселеніи, народы, тѣснившіе и смѣнявшіе другъ друга, на мѣстахъ своего болѣе или менѣе продолжительнаго жительства оставляли слѣды своего существованія —въ курганахъ, разнаго рода постройкахъ, издѣліяхъ и другихъ памятникахъ. Такого рода остатками особенно богаты мѣста, болѣе привольныя для жизни и потому съ незапамятныхъ временъ наиболѣе населенныя, какъ напр. окрестности алтайскихъ и саянскихъ горъ и долины рѣки Иртыша, Оби и Енисея съ ихъ безчисленными притоками, въ Забайкальѣ мѣста по Селенгѣ, Чикою, Аргуни и Амуру.

Но безъ преувеличенія можно сказать, что памятники глубокой древности разсѣяны по всему обширному пространству Сибири, такъ что мы, сибиряки, живемъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, на пепелищахъ и кладбищахъ аборигеновъ сибирскихъ“ [1]). При распахиваніи земли, при раскопкѣ кургановъ, при рытьѣ колодцевъ, погребовъ и т. п. въ Сибири нерѣдко встрѣчаютъ какіе-нибудь остатки древности. Напр., въ самомъ Иркутскѣ найдены были въ 1871 году, между прочимъ, древнія украшенія изъ мамонтовыхъ бивней, каменныя стрѣлы и съ ними нѣсколько раздробленныхъ костей допотопнаго быка, дикой лошади и другихъ животныхъ, составлявшихъ, можетъ быть, пищу жившихъ здѣсь аборигеновъ.

Упомянутый нами раньше, заслуженный натуралистъ Черскій, который описывалъ эти иркутскія находки, считалъ невозможнымъ при нынѣшнемъ состояніи археологіи и палеонтологіи объяснить, кто были эти diluvii testes, современники потопа, имѣвшіе дѣло съ допотопными животными [2]). И дѣйствительно, вопросъ о каменномъ вѣкѣ въ Сибири только-что ставится, какъ онъ вообще новъ въ нашей археологической литературѣ. Сдѣлано много находокъ предметовъ каменнаго вѣка въ разныхъ мѣстахъ Сибири; довольно большое количество этихъ предметовъ собрано было въ музеяхъ, напр. въ музеѣ Сибирскаго Отдѣла въ Иркутскѣ (до пожара), въ возникшемъ недавно замѣчательномъ музеѣ въ Минусинскѣ и пр.; но до сихъ поръ здѣсь, какъ у насъ въ Россіи, еще не опредѣлена самая территорія каменнаго вѣка, и предметъ остается открытымъ вопросомъ науки [3]).

---

[1]) Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества. Иркутскъ, 1874, т. V, вып. 1, стр. 11.

[2]) Извѣстія Сибирскаго Отдѣла, т. III, выпускъ 3. Иркутскъ, 1872, стр. 167—173: „Нѣсколько словъ о вырытыхъ въ Иркутскѣ издѣліяхъ каменнаго періода“.

[3]) Объ орудіяхъ каменнаго вѣка на сѣверѣ и востокѣ Сибири (съ таблицею рисунковъ), Н. И. Попова, въ „Извѣстіяхъ“ Вост.-Сиб. Отдѣла Геогр. Общ., т. IX, Иркутскъ, 1878.

— Кухонные остатки и каменныя орудія, найденные на берегу Амурскаго залива и пр. М. Янковскаго, въ „Извѣстіяхъ“, т. XII, Иркутскъ, 1881—82.

— Прибайкальскія древности и пр. Н. Агапитова, въ „Извѣстіяхъ“, т. XII, Иркутскъ, 1881—82, и его же: Слѣды каменнаго вѣка въ бассейнѣ р. Куды и по р. Унгѣ, тамъ же (съ двумя таблицами рисунковъ).

— Отчетъ о раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ иркутской губ., на лѣвомъ берегу р. Ангары (съ картою и 3 таблицами рисунковъ), Н. И. Витковскаго, въ „Извѣстіяхъ“, т. XIII, Иркутскъ, 1882.

— Доисторическія могилы въ окрестностяхъ Минусинска, А. В. Адріанова. „Извѣстія“ Геогр. Общ., т. XIX, отд. II, 1883.

— О нѣкоторыхъ находкахъ каменнаго періода въ Вост. Сибири. Н. И. Витковскаго, „Древности“, 1885.

— О находкахъ предметовъ каменнаго періода близъ г. Тюмени въ 1883 году, И. Я. Словцова, Записки Зап.-Сибирск. Отдѣла, 1885, кн. VII, вып. I, и др.

Мы не разъ упоминали о другихъ болѣе позднихъ древностяхъ, которыя представляются чудскими могилами и копями, которыя обратили на себя вниманіе еще первыхъ изслѣдователей сибирской древности въ XVIII столѣтіи, какъ Гмелинъ, Миллеръ, Палласъ, Георги; какъ новѣйшіе изслѣдователи — Спасскій, Степановъ, Кастренъ, Эйхвальдъ; какъ оріенталисты Шмидтъ, о. Іакинѳъ, Радловъ и, наконецъ, новѣйшіе мѣстные изыскатели [1]).

Надписи на скалахъ и камняхъ неизвѣстнаго письма, обратившія на себя вниманіе изслѣдователей Сибири еще съ начала прошлаго вѣка, съ путешествія Мессершмидта и съ книги Штраленберга и до новѣйшихъ временъ, несмотря на всѣ усилія археологовъ разгадать ихъ значеніе, остаются загадкой, какъ и тѣ рисунки и изображенія красками на скалахъ, которые также замѣчены еще съ прошлаго столѣтія. Не перечисляя попытокъ толкованія этихъ надписей, на которыхъ останавливался, между прочимъ, и знаменитый оріенталистъ Клапротъ [2]), укажемъ статьи того же сибирскаго археолога, Н. Попова, который нѣсколько разъ возвращался къ этому предмету и старался собрать его литературу [3]). Въ концѣ концовъ надписи (т.-е.

— Гр. Уваровъ. Археологія Россіи. Каменный вѣкъ. М. 1881, т. I, главы VI, IX, XI, XII, и библіографическія указанія въ томѣ II.

[1]) См. новое сопоставленіе свѣдѣній объ этомъ предметѣ въ статьѣ Н. Попова „О чудскихъ могилахъ Минусинскаго края“ въ „Извѣстіяхъ“ Сиб. Отдѣла, Ирк. 1876—77 г., т. VII и VIII, со многими рисунками. См. также: О древнихъ городищахъ въ ялуторовскомъ уѣздѣ, тобольской губ., Н. Абрамова. „Вѣстникъ Геогр. Общ.“ 1854 г., кн. X, отд. V.

— Краткое описаніе такъ-назыв. чудскихъ древностей (въ Нерчинскомъ округѣ), А. Павлуцкаго. „Записки“ Сибирскаго Отд., кн. IX—X. Ирк., 1867. Смѣсь.

— О чудскихъ городахъ и чудскихъ копяхъ въ Минусинскомъ краѣ, „Извѣстія“ Сибирск. Отдѣла, т. IV, Ирк., 1873.

— О курганахъ въ Барнаульскомъ округѣ томской губ. (изъ письма свящ. А. Киселева), въ „Извѣстіяхъ“, т. XI, Ирк. 1880—91.

— Раскопка кургановъ тобольской губ. въ „Запискахъ“ Зап.-Сиб. Отдѣла, кн. IV, Омскъ, 1882 (смѣсь).

— Извѣстія о каменныхъ изваяніяхъ, „бабахъ“, въ „Запискахъ“ Сиб. Отдѣла, 1864, кн. VII; въ „Извѣстіяхъ“ 1871, т. II, и др.

Наконецъ, общіе обзоры металлическихъ древностей въ сибирскихъ могилахъ и курганахъ см. въ статьѣ Радлова объ аборигенахъ Сибири въ „Живописной Россіи“, Вольфа, т. XII, и въ его же книгѣ: „Aus Sibirien“, Leipz., 1884, т. II, стр. 38—143 („Sibirische Alterthümer“). Далѣе: „Древности минусинскаго музея. Памятники металлическихъ эпохъ“, съ атласомъ, Д. Клеменца. Томскъ, 1886, и статьи Чекановскаго, Полякова, Черскаго, Лерха и др., въ изданіяхъ Вост.-Сибирскаго Отдѣла и въ „Трудахъ“ петербургскаго Археологич. Общества. Изъ прежнихъ сочиненій надо замѣтить Эйхвальда: „О чудскихъ копяхъ“. Спб., 1856.

[2]) Sur quelques antiquités de la Sibérie, par Mr. Klaproth. Paris, 1823 (14 стр. съ копіями надписей).

[3]) „О писаницахъ Минусинскаго края“, въ „Извѣстіяхъ“ Сибирскаго Отдѣла,

исключая тѣ, которыя принадлежатъ извѣстнымъ восточнымъ языкамъ) остаются необъяснены до сихъ поръ; особенный интересъ загадки заключается въ томъ, что неизвѣстныя письмена носятъ не азіатскій, а европейскій характеръ, своими начертаніями напоминаютъ руны, а иногда греческое или славянское письмо,—что̀ дало поводъ къ предположеніямъ о давнихъ связяхъ народовъ южной Сибири съ болѣе культурнымъ юго-востокомъ Европы [1]).

Новѣйшая этнографическая исторія сибирскихъ инородческихъ племенъ представляется чрезвычайно запутанной. Низкая степень развитія большинства изъ нихъ; отсутствіе памятниковъ, которые могли бы свидѣтельствовать о совершившихся здѣсь переворотахъ; недостатокъ изслѣдованій ихъ племени и языка въ новѣйшее время, дѣлали то, что даже въ настоящее время этнографическія отношенія сибирскихъ инородцевъ представляются нерѣдко неясными и спорными. Знаменитый этнографъ Пешель говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Пространство между Охотскимъ заливомъ и европейскою Лапландіей населено, сверхъ русскихъ переселенцевъ, народностями, живущими охотою, рыболовствомъ и скотоводствомъ, причемъ онѣ, насколько можно слѣдить за ихъ исторіею, постоянно мѣняли свое мѣстопребываніе и смѣшивались между собою. Среди нихъ часто появлялись завоеватели, которые объединяли разрозненныя орды въ организованную общую массу. Было ли это обширное пространство когда-либо населено выходцами *различныхъ расъ*, или все туземное населеніе состоитъ изъ потомковъ *одного только племени*,—этого въ настоящее время *нельзя ни утверждать, ни отрицать*. Если и были прежде расовыя различія, то онѣ, во всякомъ случаѣ, успѣли изгладиться, благодаря постоянному смѣшенію крови. Въ физической организаціи туземцевъ мы находимъ всѣ переходныя ступени между строго-монгольскимъ типомъ и типомъ цивилизованныхъ жителей Запада. Эта группа народностей, которую Кастренъ окрестилъ именемъ алтайцевъ, тѣсно примыкаетъ къ восточнымъ и юго-восточнымъ азіатамъ“. Ни одинъ изъ народовъ сѣвера Сибири

т. III, Ирк., 1872, дальше въ т. V—VII; его же: „Краткій историческій обзоръ различныхъ родовъ фонетическаго письма у народовъ сѣверной и средней Азіи“, — „Извѣстія“, 1874, т. V. Эти толкованія собиралъ и г. Ядринцевъ, въ статьѣ: „Древніе памятники и письмена въ Сибири“ („Литературный Сборникъ“, Спб. 1885, стр. 456—476, съ таблицею надписей). См. также: „Пещера и древнія письмена на берегахъ рѣчки Мангута, въ юго-восточной Сибири“, съ рисункомъ Юренскаго, въ „Запискахъ“ Сибирскаго Отдѣла, Спб. 1856, кн. II, отд. 1, и тамъ же статья архим. Аввакума.

[1]) О томъ, что̀ сдѣлано вообще по археологическому изученію Сибири, см. въ статьѣ того же Попова: „Общій историческій обзоръ археологическихъ изысканій въ Сибири“, „Извѣстія“ Сиб. Отдѣла, кн. V, Ирк., 1871.

не имѣетъ древней литературы, и невозможность изучать эти языки въ ихъ старыхъ формахъ чрезвычайно затрудняетъ рѣшеніе этнографическаго вопроса объ ихъ современномъ состояніи [1]).

Научныя изысканія о сибирскихъ инородцахъ начинаются съ XVIII-го вѣка. Первые писатели о Сибири, русскіе и иностранные (Новицкій, Витзенъ, Штраленбергъ и пр.), уже обратили вниманіе на эти народы, давали описаніе ихъ характера и быта, старались проникать въ ихъ прошлое, особенно прошлое народовъ татарскихъ и монгольскихъ, которые нѣкогда оставили такой кровавый слѣдъ въ судьбѣ восточной Европы и до сихъ поръ имѣютъ многочисленныхъ представителей въ Азіи и въ Европѣ; позднѣе академическіе путешественники старались въ особенности собрать свѣдѣнія объ этихъ народахъ и разъяснить ихъ исторію. Съ тѣхъ поръ и донынѣ ученые изслѣдователи, работавшіе въ Сибири, не упускали случая изучать эти племена, ихъ бытъ, нравы и преданія; это дѣлали даже тѣ путешественники, задачею которыхъ были только изслѣдованія естественно-историческія, или чистая географія. Такимъ образомъ, въ той обширной литературѣ путешествій, русскихъ и иностранныхъ, оффиціальныхъ и частныхъ, съ цѣлями учеными или просто практическими, въ массѣ описаній, составленныхъ оффиціально или собранныхъ случайными путешественниками,—въ этой литературѣ, которую мы до сихъ поръ пересматривали,—разбросано множество свѣдѣній о сибирскомъ инородческомъ населеніи, свѣдѣній почти всегда весьма интересныхъ, нерѣдко драгоцѣнныхъ по внимательности и научному авторитету наблюденія. Напомнимъ читателю, что указано было выше изъ сочиненій Гмелина, Миллера, Палласа, Георги, Фалька, Лепехина, изъ путешествій Крузенштерна, Коцебу, Врангеля, Литке, изъ ученыхъ экспедицій Миддендорфа, Маака и т. д., изъ сочиненій Спасскаго, Словцова, Гагемейстера, Степанова, Кривошапкина и пр. Многіе изъ этихъ трудовъ имѣли значеніе настоящихъ подвиговъ для науки: изслѣдователи должны были совершать свой трудъ въ условіяхъ сѣверной природы едва выносимыхъ, какъ напр. Врангель, Миддендорфъ, Маакъ, Чекановскій и многіе другіе; во многихъ случаяхъ, сдѣланныя наблюденія остались единственными въ своемъ родѣ, потому что наблюдаемы были племена, готовыя окончить свое существованіе (напр. Миллеръ видѣлъ послѣдняго человѣка, говорившаго на языкѣ аринцевъ; Врангель и его спутники видѣли нѣкоторыя племена крайняго сибирскаго сѣвера, которыя нынѣ считаютъ исчезнувшими; нѣкоторыя бытовыя явленія, описанныя старыми путешественниками, впослѣдствіи уже не замѣчаются

---

[1]) Oscar Peschel, „Völkerkunde", 6-е изд., Leipzig, 1885. (Русское изданіе, съ 6-го нѣмецкаго: „Народовѣдѣніе", подъ ред. проф. Петри. Спб. 1890).

и т. д.). Всѣ эти труды остаются до сихъ поръ необходимымъ матеріаломъ для изученія инородческаго міра Сибири.

Въ концѣ прошлаго вѣка, академикъ Георги предпринялъ уже цѣльное этнографическое обозрѣніе племенъ, населяющихъ Россію. Въ сочиненіи общаго характера онъ могъ дать только сжатую картину инородческихъ племенъ, среди которыхъ много мѣста заняли сибирскія; притомъ этнографія того времени была почти только внѣшнимъ соединеніемъ фактовъ, которое служило любознательности, но еще не было наукой, не вызывало вопросовъ о внутренней исторіи племени: это была какъ бы литературная кунсткамера, собраніе рѣдкостей, въ объясненіе къ кунсткамерѣ предметной, какая была заведена при началѣ Академіи наукъ. Изъ старыхъ путешественниковъ прошлаго вѣка всѣхъ больше обращалъ вниманіе на интересы этнографическаго знанія Палласъ: натуралистъ по спеціальности, онъ обладалъ широкими свѣдѣніями по другимъ отдѣламъ науки, предвидѣлъ важность данныхъ археологическихъ и бытовыхъ, старался изучать исторію описываемыхъ ими племенъ, выяснять ихъ происхожденіе и взаимныя связи, и его книги: „Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи“ [1]), вышедшее на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ; далѣе „Neue Nordische Beyträge“ и матеріалы для исторіи монгольскихъ народностей [2]) цитируются до сихъ поръ какъ важный матеріалъ для исторіи сибирскихъ народовъ. Въ путешествіи Палласа много мѣста дано описанію инородцевъ, которыхъ онъ внимательно изучалъ на востокѣ европейской Россіи и Сибири (вогулы, татары, калмыки, киргизы, остяки, самоѣды и пр.); сдѣланныя имъ замѣчанія и собранные факты высоко цѣнятся по обширности знаній автора и точной наблюдательности; послѣдующія изслѣдованія не всегда подтверждали его выводы, но важно было, что онъ уже ставилъ вопросы, рѣшеніе которыхъ предстояло болѣе развитымъ средствамъ науки. Его точка зрѣнія въ этихъ предметахъ была еще близка къ обычному взгляду XVIII-го вѣка, который не предвидѣлъ широкаго развитія современной антропологіи, этнографіи, сравнительнаго языкознанія; въ предисловіи къ своей книгѣ онъ указываетъ только (по русскому переводу) на „любопытство, обыкновенно стремящееся къ свѣдѣнію важныхъ новостей“, но его собственное любо-

---

[1]) Въ позднѣйшемъ изданіи: „Путешествіе по разнымъ мѣстамъ Россійскаго государства“.

[2]) Neue Nordische Beyträge etc. Pet. und Leipzig, 1781 — 96, семь томовъ. Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften. Petersb., 1776—1801, 2 тома. Изъ его путешествій выбраны были: Merkwürdigkeiten der obischen Ostjaken, Samojeden, daurischen Tungusen и пр. Frankf. und Leipzig, 1777, и др.

пытство отличалось особенною проницательностію. Чѣмъ дальше, тѣмъ вопросъ все болѣе усложняется и требуетъ все болѣе пристальныхъ изученій.

Народы средней Азіи, южной и восточной Сибири давно привлекли вниманіе западно-европейскаго ученаго міра по своему общему историческому значенію. Одна отрасль этихъ народовъ съ XIV и XV-го вѣка прочно утвердилась на Балканскомъ полуостровѣ и долго грозила безопасности самой средней Европы; передъ тѣмъ монголо-татарское нашествіе охватило восточный край Европы и достигало самаго центра ея; еще далѣе въ древность совершалось нашествіе гунновъ, оставившее память въ западныхъ лѣтописяхъ. Съ развитіемъ исторической науки, съ первымъ распространеніемъ изученія восточныхъ языковъ начинаютъ появляться изслѣдованія о гуннахъ, туркахъ, татарахъ и монголахъ; въ теченіе XVIII вѣка эти изслѣдованія (особливо нѣмецкія и французскія) составили уже значительную литературу, а въ нашемъ столѣтіи расширились до массы спеціальныхъ трудовъ въ области восточнаго азіатскаго міра, близко касающихся и Сибири. Надо искать у спеціалистовъ исторіи этой новой оріентальной науки; мы назовемъ лишь нѣкоторыя имена. Мы не разъ упоминали, напримѣръ, книгу голландца Витзена, работавшаго въ концѣ XVII-го вѣка и въ началѣ XVIII-го надъ исторіей татарскаго народа; въ началѣ XVIII-го столѣтія былъ изданъ въ Лейденѣ французскій переводъ исторіи Абульгази-Багадуръ-Хана; Миллеръ въ началѣ своей сибирской исторіи ссылается уже на разныя книги европейскихъ ученыхъ, касавшіяся его предмета, между прочимъ на труды іезуитскихъ миссіонеровъ по китайской исторіи, объяснявшіе судьбу монгольскаго племени, нѣсколько отраслей котораго были обитателями нашей Сибири; въ 1756 году вышла знаменитая книга Де-Гиня [1]), которая долго оставалась авторитетомъ по этому трудному вопросу азіатской исторіи; въ концѣ столѣтія Гюлльманъ пишетъ древнѣйшую исторію монголовъ [2]). Въ нынѣшнемъ столѣтіи оріентальныя изученія достигаютъ широкаго развитія во Франціи, Германіи, Англіи, наконецъ въ Россіи среди русско-нѣмецкихъ, русскихъ и наконецъ русско-инородческихъ ученыхъ. Труды западныхъ изслѣдователей, посвященные тюркскому и монгольскому міру, нерѣдко касаются ближайшимъ образомъ нашей инородческой Сибири; назовемъ имена: Абеля Ремюзà, Д'Оссона, Клапрота (нѣмецкаго ученаго, работавшаго главнымъ образомъ во Франціи), Шотта, Гаммера-Пургшталля, въ новѣйшее время Вольфа, Вамбери, Уйфальви,

---

[1]) De-Guignes, Histoire générale des Huns, des Turcs, des Mogols, 5 томовъ. Paris, 1756—1758.

[2]) Geschichte der Mongolen bis 1206. Berlin, 1796.

Юльга и пр. Къ нимъ примыкаютъ труды русско-нѣмецкихъ ученыхъ — Эрдманна (профессора въ Казани), академиковъ Френа, Шёгрена, Шмидта, Дорна, Бётлинга, Радлова; русскихъ оріенталистовъ — о. Іакинѳа, О. Ковалевскаго, Попова, Березина, П. Савельева, Бобровникова, Васильева, В. Григорьева, Захарова, Ильминскаго, Позднѣева; русско-инородческихъ ученыхъ—Дорджи Банзарова, Чокана Валиханова, Катанова и пр. Изслѣдованія по исторіи, языку, религіи, законамъ и обычаямъ монголовъ, манджуровъ, татаръ, калмыковъ, киргизовъ и пр. имѣютъ всегда прямое или косвенное отношеніе къ нашимъ сибирскимъ инородцамъ, а спеціальное изученіе послѣднихъ даетъ важныя указанія объ исторіи цѣлыхъ этихъ племенъ, и мало того — нерѣдко даетъ ключъ къ раскрытію того громаднаго этнологическаго процесса, который совершался нѣкогда въ этихъ внутреннихъ странахъ Азіи.

Къ оріентальнымъ изученіямъ присоединяются, наконецъ, изслѣдованія финскаго племени и языка. Многія изъ сибирскихъ инородческихъ племенъ принадлежатъ къ финскому племени, вѣтви котораго идутъ далеко на востокъ и на югъ Сибири, въ разнообразномъ сосѣдствѣ и смѣшеніи съ племенами тюркскими. Важность финскихъ изученій чувствовалась давно, но онѣ долго не распространялись на сибирскихъ финновъ, и только въ послѣднія десятилѣтія вопросъ о значеніи этого племени въ историческомъ движеніи народовъ поставленъ во всей его широтѣ, хотя далекъ отъ разрѣшенія. Изслѣдованія начались давно, съ XVI и XVII вѣка, но ограничивались областью сѣверно-европейскихъ финновъ и только въ недавнее время распространились на ихъ соплеменниковъ въ восточной Россіи и Сибири. По изученію финновъ сѣвера и востока Европы памятно особливо имя ученаго Шёгрена (Sjögren, ум. 1854), труды котораго принесли между прочимъ не мало полезныхъ указаній для русской исторіи и этнографіи; въ изслѣдованіи финновъ азіатскихъ первостепенное мѣсто принадлежитъ дѣятельности замѣчательнаго ученаго, которому только ранняя смерть не допустила совершить широко начатыхъ трудовъ. Это былъ Матіасъ-Александръ Кастренъ (1813 — 1852). Онъ былъ уроженецъ Остъ-Ботніи и былъ сыномъ сельскаго пастора; рано осиротѣвши, онъ еще мальчикомъ долженъ былъ заботиться о средствахъ къ своему существованію, поступилъ 16 лѣтъ въ гельсингфорскій университетъ, гдѣ въ особенности занимался восточными языками, но мало-по-малу любовь къ родинѣ взяла верхъ въ его ученыхъ стремленіяхъ, и онъ посвятилъ свои труды изученію финскаго міра, которое расширилось затѣмъ на все такъ-называемое урало-алтайское племя. Для болѣе точнаго изслѣдованія племени, раздѣлившагося на такое обширное количество отраслей, какъ финское,

надо было изучить его на мѣстѣ, и языкъ его — въ устахъ народа. Съ этой цѣлью Кастренъ уже въ 1838 году сдѣлалъ путешествія въ Лапландію, а въ 1839 въ русскую Карелію; въ этомъ году онъ назначенъ былъ доцентомъ финскаго и древне-сѣвернаго языка въ гельсингфорсскомъ университетѣ и издалъ свою первую латинскую диссертацію, въ 1841, и также шведскій переводъ финскаго національнаго эпоса „Калевалы", высоко-цѣнимый по точности и по изяществу передачи. Въ томъ же 1841 году онъ отправился, вмѣстѣ съ знаменитымъ собирателемъ и издателемъ этого эпоса, Лёнротомъ, въ новое путешествіе въ Лапландію до Архангельска, и затѣмъ, уже одинъ, получивъ пособіе отъ финляндской казны, продолжилъ свои изысканія на страну самоѣдовъ. Здѣсь онъ велъ свою работу среди чрезвычайно труднаго путешествія и въ концѣ 1843 года былъ въ Обдорскѣ; разстроенное здоровье побудило его прервать свое путешествіе; черезъ Березовъ онъ поѣхалъ въ Тобольскъ, гдѣ былъ въ мартѣ 1844 года и оттуда поспѣшилъ на родину. По возвращеніи онъ напечаталъ на латинскомъ языкѣ зырянскую грамматику и затѣмъ грамматику черемисскаго языка [1]). Въ слѣдующемъ году Кастренъ, когда здоровье его поправилось, снова предпринялъ далекое путешествіе, продолжавшееся съ начала 1845 до начала 1849 года, на счетъ Академіи наукъ. Академія уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ имѣла планъ большого сибирскаго путешествія съ чисто этнографическою цѣлью, преимущественно для изученія сѣверныхъ сибирскихъ племенъ, и именно самоѣдскаго съ его отраслями въ разныхъ мѣстахъ Сибири. Кастренъ, уже заявившій себя нѣсколькими серьезными работами въ области финскаго языка, представлялся для этой задачи наилучшимъ исполнителемъ. Путешествіе Кастрена было единственнымъ въ своемъ родѣ: простираясь на сѣверъ до 72° широты и на востокъ до Нерчинска, Читы и Кяхты, оно имѣло цѣлью, съ одной стороны, обнять сколько можно шире область финско-тюркскихъ языковъ и, съ другой, разыскать всѣ частныя видоизмѣненія нарѣчій, для чего приходилось отправляться въ сторону отъ большихъ дорогъ въ самыя гнѣзда мелкихъ племенъ, жить въ убогой обстановкѣ ихъ быта, подвергаясь всякаго рода лишеніямъ, которыя были тѣмъ болѣе тяжки, что здоровье Кастрена, и безъ того не крѣпкое, было во время пути окончательно подорвано. Это, однако, не мѣшало ему съ необыкновенною энергіею вести изслѣдованія, въ которыхъ исполнялась его давняя научная и патріотическая мечта.

Несмотря на исключительную трудность путешествія, Кастренъ совершилъ замѣчательные труды по опредѣленію лингвистическихъ

---

[1]) Elementa grammatices Syrjaenae; Elementa grammatices Tscheremissae.

и этнографическихъ отношеній сибирскаго инородческаго міра—самоѣдовъ, остяковъ, тунгузовъ, бурятъ и татаръ. Съ дороги онъ присылалъ въ Академію наукъ рядъ любопытныхъ отчетовъ, и кромѣ того писалъ о ходѣ своихъ поѣздокъ и работъ къ своимъ друзьямъ и къ представителю финскихъ изученій въ Академіи, Шёгрену. Большое число этихъ отчетовъ и писемъ напечатано было въ бюллетеняхъ Академіи и финляндскихъ журналахъ въ 1845—1848 годахъ. По возвращеніи въ Петербургъ въ январѣ 1849 года, онъ представилъ въ Академію общій отчетъ о своемъ путешествіи, а осенью того же года изданъ былъ Академіей его опытъ остяцкой грамматики [1]). Въ началѣ 1851 года онъ получилъ въ гельсингфорсскомъ университетѣ каѳедру финскаго языка и литературы и прилежно работалъ надъ грамматикой самоѣдскаго языка, которую считалъ главнымъ трудомъ своей жизни, и которую за нѣкоторыми исключеніями окончилъ лишь незадолго до своей смерти. Кромѣ лекцій въ университетѣ, предметомъ которыхъ были этнологическія отношенія алтайскихъ народовъ и финская миѳологія, онъ предпринялъ новое пересмотрѣнное изданіе записокъ о своихъ первыхъ путешествіяхъ; но къ сожалѣнію ему не довелось окончить ни этого изданія, ни вообще своихъ ученыхъ предпріятій. Въ началѣ слѣдующаго года (25-го апрѣля—7-го мая 1852) онъ умеръ. Это была великая потеря для науки: до сихъ поръ остается незанятымъ то мѣсто, которое занялъ Кастренъ по своимъ трудамъ о финскихъ языкахъ и племенахъ сѣверной Европы и Азіи. Труды его были изданы на шведскомъ языкѣ его друзьями въ Финляндіи, и въ то же время Академія наукъ предприняла нѣмецкое изданіе этихъ сочиненій, въ которое вошли кромѣ того спеціальныя лингвистическія работы Кастрена.

Первые два тома сочиненій Кастрена [2]) заняты его путевыми воспоминаніями изъ поѣздокъ 1838—1844 годовъ и отчетами и письмами изъ большого путешествія 1845—1849 г. Въ третьемъ томѣ помѣщены его „Чтенія о финской миѳологіи“; въ четвертомъ—„Этнологическія чтенія объ алтайскихъ народахъ, съ самоѣдскими сказками и татарскими богатырскими сказаніями“; въ пятомъ — мелкія сочиненія; наконецъ въ 6 — 12 томахъ изданы его изслѣдованія о языкахъ алтайскихъ народовъ: опыты остяцкой грамматики съ краткимъ словаремъ; грамматика и собраніе словъ самоѣдскаго языка; тунгузская грамматика и словарь; грамматика и собраніе словъ языковъ бурятскаго, койбальскаго и карагасскаго съ словарями изъ та-

[1]) Versuch eines ostjakischen Sprachlehre.

[2]) Въ нѣмецкомъ академическомъ изданіи: M. Alexander Castrén's Nordische Reisen und Forschungen. Im Auftrage der Kais. Akademie der Wiss. herausgegeben von Anton Schiefner. Petersb., 1853—1858, 12 томовъ.

тарскихъ нарѣчій минусинскаго округа, енисейско-остяцкаго и коттскаго.

Въ какомъ настроеніи мысли и чувства Кастренъ совершалъ свои изученія, объ этомъ дадутъ понятіе слѣдующія строки его воспоминаній въ концѣ его перваго путешествія:

„Хотя послѣдній долгій и трудный путь истощилъ мои силы, подорвалъ мое здоровье и подавляющимъ образомъ дѣйствовалъ на расположеніе духа, я, пріѣзжая въ Обдорскъ, чувствовалъ себя, однако, веселымъ и счастливымъ при мысли, что я находился наконецъ на священной почвѣ матери Азіи, что я дышалъ воздухомъ, который внесъ первую искру жизни въ грудь нашихъ отцовъ и сохраняетъ въ жизни еще многихъ изъ ихъ достойныхъ глубокаго сожалѣнія собратій. Судьба забросила ихъ частью на холодныя высоты Урала, частью къ еще болѣе холоднымъ берегамъ Ледовитаго моря, и связала ихъ духъ узами, которыя почти также крѣпки какъ ледъ, охватывающій сердце природы въ ихъ нынѣшнемъ отечествѣ. Эти узы—грубость, мракъ и дикость. Правда, и эта грубость сопровождается многими прекрасными, привлекательными качествами, и мнѣ казалось иногда, что чистый инстинктъ, невинная душа и доброта сердца этихъ такъ-называемыхъ дикихъ народовъ (Naturvölker) во многихъ отношеніяхъ могли бы пристыдить всю европейскую мудрость, но въ теченіе многихъ странствій въ дикой пустынѣ я, при многихъ прекрасныхъ, добрыхъ и благородныхъ чертахъ, къ сожалѣнію видѣлъ у тѣхъ же народовъ столько отвратительнаго и столько животной грубости, что въ концѣ концовъ я не столько люблю ихъ, сколько сожалѣю. Этотъ опытъ не уменьшалъ, однако, теплоты моего радостнаго чувства, что я находился, наконецъ, въ странѣ моихъ мечтаній, среди родного племени“ [1])...

Путевыя замѣтки Кастрена, независимо отъ ихъ спеціальнаго значенія, любопытны, какъ всегда бываетъ любопытенъ разсказъ путешественника наблюдательнаго и любящаго свое предпріятіе, описывающаго мало извѣстныя страны съ тѣмъ обиліемъ подробностей, которыя переносятъ читателя въ его обстановку и рисуютъ картину невиданнаго быта и природы. Въ его отчетахъ и письмахъ разбросано множество цѣнныхъ этнографическихъ подробностей, но главною цѣлью было изученіе языка. Дѣло было въ разныхъ отношеніяхъ трудное. Въ трущобахъ Сибири Кастренъ разыскивалъ мелкія полудикія племена, у которыхъ могъ наблюдать новые варіанты языка, и внимательно изслѣдовалъ ихъ: нѣкоторые оттѣнки племенъ состояли всего изъ нѣсколькихъ сотъ и даже десятковъ человѣкъ;

---

[1]) Nordische Reisen und Forschungen, I, стр. 278.

иногда встрѣчались всего нѣсколько человѣкъ, помнившихъ языкъ своего исчезавшаго рода [1]); другія племена, упоминаемыя прежними, и еще недавними, путешествіями и описаніями, должны были считаться окончательно вымершими.

Когда Кастренъ избранъ былъ Академіей для исполненія „большого сибирскаго путешествія", ему была дана инструкція, составленная Шёгреномъ, съ дополненіями Кёппена [2]). Главной задачей путешествія ставилось изученіе племени самоѣдовъ и ихъ распространенія въ Сибири. Самъ Кастренъ также считалъ это однимъ изъ основныхъ вопросовъ, предлежавшихъ изслѣдованію, и дѣйствительно посвятилъ ему всего больше труда, но уже съ самаго начала путешествія его задача расширялась до цѣлаго обширнаго вопроса объ отношеніяхъ всѣхъ основныхъ группъ инородческаго міра Сибири. Кастренъ начиналъ свое сибирское путешествіе съ пріобрѣтенною раньше увѣренностью о близкой связи самоѣдовъ съ финнами, и въ первыхъ письмахъ изъ Сибири уже дѣлалъ предположенія, что наука можетъ установить не только связь между финскими и тюрко-татарскими языками, но и съ монгольскими, которымъ уже приписываютъ тюркское происхожденіе. „Къ этому же результату,—писалъ онъ,— можно придти и чрезъ самоѣдское племя, которое съ одной стороны родственно съ финскимъ, а съ другой—съ семействомъ монгольскихъ народовъ... Отношенія финскаго къ монгольскому можно выяснить нѣсколькими различными путями, напр. или стараясь установить родство между финскимъ и монгольскимъ языками черезъ самоѣдскій, или сдѣлавъ сравнительное изученіе монгольскаго, финскаго и тюрко-татарскаго языка и т. д. Для еще болѣе полнаго познанія нашего отношенія къ Востоку важно было бы сравнить финскій, тунгузскій и манджурскій... Къ чему бы ни привели эти изслѣдованія, онѣ во всякомъ случаѣ должны идти впередъ, потому что онѣ составляютъ потребность времени и исторія не можетъ больше обойтись безъ ихъ результатовъ" [3]). Онъ и потомъ постоянно возвращается къ этому общему вопросу. Упомянувъ, что историки финскаго племени указывали уже, что къ этому племени принадлежали многіе народы, знаменитые своими военными подвигами и торговою дѣятельностью, что именно финскіе народы дали сильнѣйшій толчокъ

---

[1]) Напр. онъ разсказываетъ о коттахъ: число ихъ простирается лишь на нѣсколько десятковъ человѣкъ (почти совсѣмъ обрусѣвшихъ), и изъ нихъ только *четыре* человѣка помнятъ старый свой языкъ, и то нетвердо (т. II, стр. 376, 387, 464). Кастренъ составилъ, однако, грамматику этого языка.

[2]) То и другое напечатано въ сочиненіяхъ Кастрена, т. II, приложеніе, стр. 505—527.

[3]) Nordische Reisen, II, стр. 22.

къ такъ-называемому великому переселенію народовъ [1]), онъ говоритъ, что наука не можетъ, однако, остановиться на этомъ указаніи историческаго значенія племени: представлять финновъ какъ уединенную группу народовъ, совершенно несовмѣстимо съ тѣми результатами, какіе въ послѣднее время выработало сравнительное языкознаніе относительно родства народовъ. „Изслѣдованія не могутъ считаться удовлетворительными до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдена связь, соединяющая финское племя съ какою-нибудь большою или малою частью остального міра; что такая связь дѣйствительно есть, и притомъ въ гораздо большей степени, чѣмъ осмѣливалась до сихъ поръ принимать самая смѣлая гипотеза, я въ этомъ вполнѣ убѣжденъ“ [2]). Онъ намѣчаетъ уже теперь свой дальнѣйшій выводъ, что по родству съ самоѣдами финны соприкасаются со всѣми алтайскими народами и въ ихъ прошедшемъ находятъ опору и исходный пунктъ для своей собственной исторіи.

Упорно занимаясь лингвистическими изслѣдованіями, разыскивая всѣ мелкія самоѣдскія и остяцкія племена, изучая варіанты нарѣчій, Кастренъ всегда помнилъ широкую цѣль своихъ изслѣдованій. Въ письмахъ отъ начала 1846 года, онъ мечтаетъ, что, кончивъ настоящую экспедицію, онъ съ радостью снова отправился бы въ Сибирь, чтобы вести дальше свои разысканія. „Потому что, если моимъ нынѣшнимъ путешествіемъ достаточно доказано родство финскаго племени съ самоѣдскимъ, если, кромѣ того, финны очевидно родственны съ тюрками и татарами, то ближайшей задачей языкознанія естественно должно быть установленіе родства между финнами и тунгусами черезъ посредство самоѣдскаго племени. Дальше, отъ тунгусовъ открытый путь къ манджурамъ; а къ монголамъ ведутъ насъ всѣ пути, такъ какъ съ ними повидимому родственны и тюрки, и самоѣды, и тунгусы, и манджуры. Мы должны мало-по-малу привыкнуть къ мысли, что мы—потомки презираемыхъ монголовъ, но во всякомъ случаѣ можемъ апеллировать къ будущему съ вопросомъ: есть ли въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь опредѣленное различіе между кавказской и монгольской расой? По моему мнѣнію, *нѣтъ никакого*. Что̀ бы ни говорили естествоиспытатели о различномъ образованіи черепа у кавказской и монгольской расы, остается замѣчательный фактъ, что европейскій финнъ имѣетъ кавказскій отпечатокъ, азіатскій—отпечатокъ монгольскій, что турокъ въ Европѣ похожъ на европейца, а въ Азіи на азіатца. Если хотятъ, однако, утверждать это различіе расъ на физіологическомъ основаніи, то должны одну половину финскихъ

---

[1]) Онъ ссылается при этомъ на Миллера (F. H. Müller): Der Ugrische Volkstamm.

[2]) Nördische Reisen, т. II, стр. 74—76.

и тюркскихъ племенъ относить къ кавказской, а другую къ монгольской расѣ, что̀ было бы нескладно". Кастренъ ведетъ дальше свое стремленіе связать свое финское племя съ европейскимъ человѣчествомъ. „Съ физіологической точки зрѣнія,—продолжаетъ онъ,—мнимое различіе расъ выдерживается еще менѣе. Правда, филологи много говорятъ объ аналитическомъ свойствѣ кавказскихъ языковъ и синтетическомъ свойствѣ языковъ монгольскихъ; но что̀ же это значитъ кромѣ того только, что первые сравнительно болѣе образованы, болѣе развиты въ области рефлексіи? Говорятъ, что монгольскіе языки бѣдны частицами. Почему? Потому что частицы составляютъ самыя отвлеченныя доли языка. Взамѣнъ того, эти языки обладаютъ рѣдкимъ богатствомъ мѣстныхъ обозначеній; потому что грубыя и чувственныя представленія сколько возможно точно изображаютъ внѣшнія стороны и отношенія каждаго предмета. При бо̀льшихъ успѣхахъ образованія эти отношенія оказываются столь многочисленными, столь неопредѣленными и въ большинствѣ случаевъ столь незначительными, что они не могутъ быть выражены съ полною точностью". Указавъ нѣсколькими примѣрами, что въ монгольскомъ языкѣ уже начинаются органическія измѣненія въ направленіи, отличающемъ языки кавказскіе (индо-европейскіе), Кастренъ объясняетъ, что предполагаемыя различныя свойства языковъ сводятся только къ различнымъ ступенямъ развитія... „Кавказскіе языки прошли уже черезъ эти и другіе подобные процессы, и не ошибутся тѣ, кто предположитъ, что въ болѣе раннемъ періодѣ эти языки имѣли тѣ же синтетическія свойства, которыя составляютъ теперь характеръ языковъ монгольскихъ. Изъ числа послѣднихъ, нѣкоторые языки, принадлежащіе финскому и тюрко-татарскому племени, нѣсколько опередили прочихъ въ своей культурѣ. Какъ извѣстно, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, начали принимать сходство съ кавказскими языками, такъ что филологи часто бывали въ нерѣшительности, куда въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ ихъ причислить. Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, я возвращаюсь къ положенію, что кавказскіе и монгольскіе языки относительно ихъ грамматическаго строенія не представляютъ никакихъ другихъ существенныхъ различій, кромѣ тѣхъ, какія проистекаютъ отъ степени развитія тѣхъ и другихъ народовъ" [1]). Кастренъ не хотѣлъ, однако, слишкомъ заходить впередъ; онъ замѣчаетъ, что прежде рѣшенія общаго вопроса о происхожденіи и родственныхъ связяхъ финскаго племени должны быть изучены промежуточные языки въ грамматическомъ и словарномъ отношеніи. Самъ онъ доставилъ въ этомъ отношеніи замѣча-

---

[1]) Nordische Reisen, II, стр. 160 и слѣд.

тельные труды въ цѣломъ рядѣ грамматикъ и словарей для разныхъ, между прочимъ весьма мелкихъ, нарѣчій сибирскихъ инородцевъ.

Профессура въ гельсингфорсскомъ университетѣ, по возвращеніи его изъ путешествія, продолжалась едва одинъ годъ: Кастренъ читалъ о финской миѳологіи и объ этнологіи алтайскихъ народовъ. Эту послѣднюю онъ ставилъ такимъ образомъ. Прежде всего онъ относился весьма недовѣрчиво къ построеніямъ, которыя рѣшали вопросъ о происхожденіи и родствѣ народовъ на основѣ данныхъ физіологіи, анатоміи и краніологіи, и, напротивъ, великое значеніе придавалъ этнографіи, сравнительному народознанію. „Долго, — говоритъ онъ, — былъ спорнымъ вопросомъ, къ какой человѣческой расѣ должно быть причислено финское племя. Знаменитый старый изслѣдователь въ этой области, Блуменбахъ, на основаніи своихъ физіологическихъ изысканій, пришелъ къ удивительному выводу, что одна половина финскаго племени принадлежитъ къ кавказской, другая къ монгольской расѣ. Новѣйшіе физіологи старались поправить эту неловкость, но были все-таки въ затрудненіи относительно рѣшенія вопроса. Обыкновенно они утверждали, что и финны, какъ тюрки, принадлежатъ кавказской или индо-европейской расѣ; но противъ этого ревностно протестовали филологи; они находили, что языкъ тюркскаго племени имѣетъ много сроднаго съ монгольскимъ, но по всему своему строю совершенно отличается отъ строя индо-европейскаго; на томъ же основаніи народы финскіе причисляются также къ монгольскому племени. Сюда же, по мнѣнію филологовъ, относятся народы тунгузскіе и манджурскіе, самоѣдскіе и, можетъ быть, еще другіе восточно-азіатскіе народы съ мало извѣстными языками. Ученые давали этимъ народамъ названіе татарскихъ, туранскихъ, скиѳскихъ, урало-алтайскихъ“ и пр. Кастренъ предпочиталъ называть всѣ эти народы *алтайскими*, такъ какъ въ далекой древности они обитали, повидимому, въ той части Азіи, которая граничитъ съ Алтайскою горною цѣпью. Относительно языка разныя вѣтви этихъ народовъ иногда очень далеки одинъ отъ другого, но, тѣмъ не менѣе, именно на основаніи языка они должны быть причислены къ одному семейству, такъ какъ всѣ принадлежатъ къ такъ-называемымъ приставочнымъ языкамъ (agglutinirende Sprachen) и отличаются одинаково всѣми свойствами этихъ языковъ.

Переходя потомъ къ отдѣльнымъ алтайскимъ народамъ, Кастренъ даетъ этнографическую характеристику тунгусовъ (въ связи съ манджурами), монголовъ, тюрковъ, самоѣдовъ, енисейскихъ остяковъ (по языку, не принадлежащихъ, впрочемъ, къ алтайскому племени), наконецъ собственныхъ финновъ или чудскихъ народовъ въ Европѣ и Азіи. Финновъ онъ дѣлитъ на четыре главныя вѣтви: 1) угорскіе

финны, къ которымъ онъ причисляетъ остяковъ, вогуловъ и венгровъ; 2) волжскіе народы, къ которымъ относятся черемисы и мордва; 3) пермское племя—пермяки, зыряне и вотяки; наконецъ 4) собственно финны съ ихъ мелкими вѣтвями въ Финляндіи, Кареліи, Лапландіи и въ Балтійскомъ краѣ [1]).

Таково содержаніе обширныхъ трудовъ Кастрена по этнографіи и языку народовъ, названныхъ имъ алтайскими. Мы подробнѣе остановились на дѣятельности Кастрена, потому что его труды остаются до сихъ поръ замѣчательнѣйшимъ предпріятіемъ по спеціальному изученію сибирскаго инородческаго міра во всей широтѣ его „алтайскихъ“ этнологическихъ связей, и вмѣстѣ исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Путешествія Кастрена въ этнографическомъ отношеніи равняются по своему значенію съ самыми важными изъ тѣхъ сибирскихъ экспедицій, какія съ XVIII-го вѣка и донынѣ снаряжались съ цѣлями географическими и естественно-историческими. По языку сибирскихъ инородцевъ труды Кастрена остаются во многихъ случаяхъ единственными; его взгляды сохраняютъ до сихъ поръ высокій научный авторитетъ. Отмѣтимъ, наконецъ, нравственно-національную черту его дѣятельности; кромѣ ревностной энергіи научнаго изыскателя, имъ руководило теплое сочувствіе къ народамъ, въ которыхъ онъ видѣлъ единоплеменниковъ своего собственнаго народа, сочувствіе, внушенное, быть можетъ, не столько инстинктомъ племеннымъ, сколько широкимъ чувствомъ общечеловѣческимъ: оно побуждало его защищать историческое и человѣческое достоинство этихъ народовъ, помогло ему увидѣть лучшія, обыкновенно мало признаваемыя или совсѣмъ отвергаемыя, черты въ ихъ характерѣ, хотя не помѣшало увидѣть и темныя стороны въ свойствахъ и бытѣ этихъ племенъ, столько, впрочемъ, обиженныхъ природой и исторіей [2]).

Послѣ Кастрена въ нашей литературѣ, которой отчасти труды его принадлежатъ, не было изслѣдователя, такъ много сдѣлавшаго по финскимъ изученіямъ. Дѣлались только отрывочныя замѣтки и сравненія въ этой области; передана была въ пересказѣ г. Майкова книга Альквиста; частныя изысканія объ инородцахъ сѣверо-востока Россіи и Сибири разростались; наконецъ и общій вопросъ о русско-

[1]) Мы не касаемся собственно финскихъ изслѣдованій Кастрена, какъ не имѣющихъ отношенія къ нашему настоящему предмету.

[2]) Въ русской литературѣ содержаніе сочиненій Кастрена было передаваемо въ изданіяхъ Географическаго Общества (В. И. Ламанскимъ), въ 1850-хъ годахъ, и въ „Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій“, Фролова.

финскихъ отношеніяхъ затронутъ былъ въ незаконченныхъ трудахъ умершаго недавно финнолога Веске.

Эстонецъ родомъ, Веске, по-русски Михаилъ Петровичъ (1843—1890), въ дѣтствѣ велъ обычную жизнь деревенскаго мальчика, поздно началъ учиться и, возъимѣвъ на 18-мъ году желаніе стать миссіонеромъ, поступилъ сначала въ гимназію въ Дерптѣ, потомъ въ Missionshaus въ Лейпцигѣ, но затѣмъ, охладѣвъ къ этому плану и напротивъ одушевившись желаніемъ служить своему собственному народу, онъ поступилъ въ лейпцигскій университетъ, гдѣ скоро замѣченъ былъ своими профессорами какъ талантливый филологъ. Въ 1872 онъ сдалъ здѣсь докторскій экзаменъ и диссертацію: „Изслѣдованія по сравнительной грамматикѣ финскихъ нарѣчій“, и въ 1874 назначенъ былъ лекторомъ эстонскаго языка въ Дерптѣ. Онъ ревностно занялся изученіемъ финской филологіи и народной поэзіи, и рядомъ съ этимъ съ ревностью предался дѣятельности общественной. „Одновременно съ научными наблюденіями, — говоритъ его біографъ, — Веске производилъ наблюденія практическаго характера, ловилъ малѣйшіе намеки на прогрессъ въ жизни родного народа, всматривался въ условія, противодѣйствующія его нормальному развитію. Со всѣмъ пыломъ своего темперамента онъ бросается въ борьбу съ притѣснителями своего народа (остзейскими феодалами). Онъ одновременно работаетъ какъ поэтъ, журналистъ (на эстонскомъ языкѣ), ученый и практическій бoецъ... Время сенаторской ревизіи Манассеина было временемъ самой напряженной общественной дѣятельности Веске“. Въ концѣ концовъ это сдѣлало его отношенія въ Дерптѣ натянутыми, и въ 1887 онъ былъ назначенъ преподавателемъ финскихъ нарѣчій въ казанскомъ университетѣ, гдѣ тогда же примкнулъ къ тамошнему Обществу археологіи, исторіи и этнографіи, и какъ прежде въ Остзейскомъ краѣ и Финляндіи, предпринималъ финскія изслѣдованія среди черемисъ и мордвы. Его изслѣдованія печатались въ Verhandlungen и Sitzungsberichte ученаго Эстонскаго Общества (по-нѣмецки) и въ эстонскихъ изданіяхъ, въ Казани—на русскомъ языкѣ въ „Извѣстіяхъ“ упомянутаго казанскаго ученаго общества.

Главнымъ трудомъ его, прервавшимся на первомъ томѣ, была книга, гдѣ воспринята была вновь широкая задача изслѣдованія древнѣйшей поры финскаго племени, поставленная Кастреномъ: „Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка“ (Казань, 1890). Веске приходитъ къ выводамъ, какіе высказывалъ уже Альквистъ относительно древняго, до-историческаго вліянія славянъ на культуру финновъ [1]; но у Веске эти выводы больше обоснованы

[1]) Ahlquist, Kulturwörter der Westfinnischen Sprachen. Helsingfors, 1875. Изло-

данными изъ исторіи финскаго и славяно-русскаго языка. Въ другомъ вопросѣ, объ этнологическомъ положеніи финскаго племени, Веске примыкалъ къ гипотезѣ о до-историческихъ связяхъ угро-финновъ съ арійцами, выставленной Кастреномъ [1]).

Наконецъ, изслѣдователи сибирскаго инородческаго міра являются среди самихъ туземцевъ. Первымъ и особенно извѣстнымъ ученымъ былъ здѣсь Дорджи Банзаровъ, изъ бурятъ Забайкальскаго края. Въ 1834, привезли въ Казань четырехъ мальчиковъ-бурятъ и помѣстили въ 1-ую гимназію, гдѣ усилено было преподаваніе восточныхъ языковъ; въ числѣ этихъ бурятъ былъ Банзаровъ. Изъ гимназіи онъ перешелъ въ университетъ, гдѣ продолжалъ заниматься восточными языками, въ 1846 кончилъ курсъ, представивъ кандидатскую диссертацію: „Черная вѣра или шаманство у монголовъ" [2]). Въ концѣ 1847, онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ изучалъ монгольскія и манджурскія рукописи и своими трудами пріобрѣлъ авторитетъ между спеціалистами. Въ 1848, уволенный изъ казачьяго сословія, въ которое зачислены были нѣкоторые бурятскіе роды, онъ съ маленькимъ чиномъ назначенъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири. Въ 1849 онъ прибылъ въ Иркутскъ, и здѣсь, по словамъ біографа, „ученая дѣятельность его пошла на убыль. Онъ сталъ чуждаться всякаго общества и братался лишь съ своими родичами, полудикими бурятами. Послѣдніе годы своей жизни онъ часто прихварывалъ, но за совѣтами къ врачамъ не обращался, не довѣряя имъ, а самъ составлялъ для себя лекарства по бурятскимъ рецептамъ. Онъ умеръ въ послѣднихъ числахъ февраля 1855 г. и торжественно похороненъ по буддійскому обряду". Труды Банзарова посвящены были монгольской исторіи и литературѣ, причемъ были имъ объяснены и нѣкоторыя подробности русской исторіи въ монгольскую эпоху [3]).

Не менѣе любопытное явленіе составляетъ біографія киргиза Чокана Валиханова — оригинальное соединеніе азіатскаго и европейскаго. По рожденію Валихановъ принадлежалъ къ киргизской ари-

---

женіе Л. Майкова: „О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка. По сочиненію д-ра Августа Альквиста". Спб. 1877.

[1]) Некрологъ Веске, написанный И. Смирновымъ, въ „Этнограф. Обозрѣніи", кн. VI, 1890, стр. 149—155; разборъ его книги, И. С., въ „Историч. Вѣстникѣ", 1891, октябрь.

[2]) Издана была тогда же въ „Ученыхъ Запискахъ" Каз. университета.

[3]) Біографія его написана была въ свое время П. С. Савельевымъ: „О жизни и трудахъ Дорджи Банзарова". Спб. 1855; Критико-біограф. Словарь, Венгерова, s. v.

стократіи, „бѣлой кости", считающей себя потомками Чингисъ-хана (род. во второй половинѣ 1830-хъ годовъ): онъ былъ внукъ послѣдняго киргизскаго хана Вали, и правнукъ хана Аблая, при которомъ Средняя орда киргизовъ вступила въ подданство Россіи, и родился въ киргизской степи, въ урочищѣ Кушъ-мурунѣ (къ юго-западу отъ Петропавловска, тобольской губ.): мусульманское имя его было Мухаммедъ-Ханафія; Чоканъ—уличное имя. Онъ учился въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ, переименованномъ въ сороковыхъ годахъ изъ войсковаго казачьяго училища, гдѣ нѣкогда учился и его отецъ. Чоканъ поступилъ въ корпусъ, не умѣя ни слова по-русски, и выпущенъ офицеромъ въ 1853 (годомъ раньше сверстниковъ, такъ какъ, будучи инородцемъ, не имѣлъ права слушать спеціальныя военныя науки): онъ назначенъ былъ въ адъютанты къ тогдашнему генералъ-губернатору Западной Сибири, Гасфорду. Развитію Чокана способствовали прежде всего собственныя его дарованія, а также особенное вниманіе къ нему, какъ инородцу, со стороны нѣсколькихъ образованнѣйшихъ людей тогдашняго омскаго общества (Гутковскіе, Капустины—покойный С. Я. Капустинъ былъ ближайшимъ его другомъ), гдѣ онъ былъ принятъ какъ свой. Когда Гутковскій сдѣланъ былъ товарищемъ губернатора, управлявшимъ областью сибирскихъ киргизовъ, онъ еще болѣе сблизился съ Чоканомъ и поручалъ ему составленіе записокъ по управленію киргизами. П. П. Семеновъ, посѣтившій въ тѣ годы Западную Сибирь, былъ заинтересованъ Чоканомъ какъ рѣдкимъ явленіемъ, былъ удивленъ его образованіемъ и начитанностью въ литературѣ о Туркестанѣ. Въ некрологѣ Валиханова (составленномъ на основаніи сообщеній П. П. Семенова) говорится, что въ 1858 (западно-сибирскимъ начальствомъ по случаю безпрерывныхъ смутъ и возстаній въ Восточномъ Туркестанѣ) „признано было необходимымъ отправить довѣренное лицо въ Кашгаръ, какъ для полученія на мѣстѣ достовѣрныхъ свѣдѣній о положеніи края, такъ и для изслѣдованія, насколько это было возможно, торговыхъ путей въ этихъ частяхъ Средней Азіи. Порученіе было опасное и для исполненія его нуженъ былъ человѣкъ съ большою рѣшительностью, съ наблюдательнымъ умомъ и при этомъ такой, который бы зналъ татарскій языкъ и восточные пріемы, такъ какъ приходилось ѣхать переодѣтымъ въ азіатское платье. Нельзя было найти человѣка, который болѣе соотвѣтствовалъ бы всѣмъ этимъ условіямъ, какъ Валихановъ". Въ іюнѣ 1858, онъ отправился въ путь въ караванѣ богатаго сартскаго купца въ Семипалатинскѣ, принявъ имя Алима—будто бы молодого сарта изъ семьи, нѣкогда жившей въ Кашгарѣ и давно переселившейся въ Россію. Валихановъ обрилъ волосы, одѣлся по-азіатски и выступилъ съ караваномъ изъ Семипалатинска. Караванъ

благополучно достигъ Кашгара, а весной 1859 возвратился въ нынѣшній городъ Вѣрный. Въ некрологѣ читаемъ: „Поѣздка эта была географическій подвигъ. Со временъ Марко-Поло, Кашгаръ не былъ посѣщенъ ни однимъ европейцемъ, кромѣ несчастнаго Адольфа Шлагинтвейта, убитаго въ этомъ городѣ". Чоканъ былъ принятъ родными „Алима" (именемъ котораго онъ назвался) за родного; ему обрадовались, устроивались пиры въ честь возвратившагося; родственники подыскали красавицу невѣсту и женили Чокана—по мѣстному обычаю на время пребыванія въ городѣ. Кашгарскій край въ это время только-что вынесъ революцію, которую произвелъ повстанецъ Якубъбекъ, и слѣды погрома еще были видны. Валихановъ видѣлъ пирамиду изъ человѣческихъ головъ на площади Кашгара и жители говорили, что въ числѣ ихъ лежитъ и голова Шлагинтвейта. Кашгарскія власти получили наконецъ извѣстіе, что подъ видомъ Алима скрывается русскій офицеръ, но извѣстіе пришло слишкомъ поздно: караванъ уже возвращался въ Россію. Изъ Кашгара была послана погоня, но она не успѣла догнать каравана, — онъ перешелъ русскаго границу.

Вѣроятно еще жизнь въ каменныхъ стѣнахъ кадетскаго корпуса дурно повліяла на здоровье Чокана. Хотя каждое лѣто его отправляли на родину въ степь, но эти поѣздки не наверстывали того, что̀ его организмъ терялъ за зиму. По окончаніи Кашгарской экспедиціи онъ вызванъ былъ въ Петербургъ, но климатъ и жизнь столицы еще больше разстроили его здоровье: у него обнаружились признаки чахотки, и доктора на другой же годъ выслали его въ степь. Онъ послѣ и жилъ въ степи (въ Кокчетавскомъ округѣ), на зиму выѣзжая въ Омскъ. Когда генералъ Черняевъ предпринялъ первый походъ на Ташкентъ, Валихановъ приглашенъ былъ къ участію въ походѣ, но не вынесъ военныхъ сценъ и, кажется еще, расходился съ генераломъ Черняевымъ и во взглядахъ на веденіе дѣла, и вернулся съ похода въ Вѣрный; болѣзнь его усилилась и онъ умеръ въ киргизскомъ аулѣ (на границѣ съ Кульджинскимъ краемъ) въ 1864, на 31 году отъ роду.

Печатныя работы Валиханова были немногочисленны, и нашли мѣсто въ изданіяхъ Географ. Общества: „Очерки Гжунгаріи" (въ „Запискахъ", 1861, кн. I—II); „О состояніи Алтышара, или части восточныхъ городовъ китайской провинціи Нань-лу въ Малой Бухаріи въ 1858—59 гг." (тамъ же, кн. III). Въ „Извѣстіяхъ" Геогр. Общества за 1868 годъ (т. IV, отд. 2-й) помѣщено было извѣстіе о поѣздкѣ Валиханова въ Кашгаръ [1]).

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія въ некрологѣ Валиханова, „Отчетъ" Геогр. Общ. за

Но напечатано было далеко не все, что было собрано Валихановымъ. Рукописи его безслѣдно пропали. „Для собранія матеріаловъ по исторіи, этнографіи и географіи Средней Азіи,—говоритъ некрологъ,—Валихановъ не щадилъ ни трудовъ, ни пожертвованій: тщательно записывалъ преданія, легенды и поэмы своего народа, скупалъ древности и съ опасностью жизни добывалъ рукописи... Валихановъ сохранилъ глубокую преданность своей странѣ, онъ любилъ киргизскую жизнь, но съ тѣмъ вмѣстѣ умѣлъ высоко цѣнить западную цивилизацію и предвидѣлъ для своего народа отрадную будущность только подъ покровительствомъ Россіи“. Люди, близко знавшіе Валиханова, прибавляютъ, что по своимъ умственнымъ симпатіямъ и направленію Валихановъ былъ русскимъ западникомъ: онъ искренно любилъ Россію, видѣлъ ея недостатки и вмѣстѣ съ лучшими людьми ея желалъ горячо ея обновленія. Онъ увлекался движеніемъ шестидесятыхъ годовъ. Въ религіозномъ отношеніи онъ былъ свободный мыслитель, но оставался мусульманиномъ, чтобы не порывать связи съ своимъ народомъ.

Послѣ Банзарова и Валиханова, въ новѣйшее время опять являются любопытные примѣры сближенія сибирскихъ инородцевъ съ русскимъ образованіемъ. За послѣдніе годы можно указать нѣсколько случаевъ дѣятельнаго участія мѣстныхъ бурятъ въ работахъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Геогр. Общества въ Иркутскѣ. Въ „Запискахъ“ этого отдѣла изданы были недавно бурятскія сказки и преданія, собранныя главнымъ образомъ самими бурятами—М. Н. Хангаловымъ, И. В. Вамбо-цэрэновымъ, Ю. Л. Лумбуновымъ, Р. Н. Номтоевымъ; изданіе нѣкоторыхъ книгъ этого рода сдѣлано было даже на средства бурятскаго хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева.

Въ то же время труды по изученію своихъ племенъ предпринимаютъ и другіе инородцы. Назовемъ якутовъ Николаева, Порядина, алтайскаго тюрка (крещенаго) Мих. Чивалкова, татарина Ибрагимова, еще бурята Дорожеева; наконецъ, минусинскаго инородца Катанова, университетскаго оріенталиста, уже заявившаго себя учеными трудами по изученію инородческой Сибири, именно работавшаго у минусинскихъ татаръ, у карагасовъ въ нижнеудинскомъ округѣ, у сойотовъ (китайскихъ подданныхъ) въ верховьяхъ Енисея, у киргизовъ въ Тарбагатайскомъ хребтѣ.

Исчисленіе того, что сдѣлано до сихъ поръ по изученію сибирскихъ инородцевъ, можетъ найти мѣсто только въ библіографическомъ обзорѣ этой литературы. Лишь въ послѣднее время являются обшир-

---

1865; въ біографіи Чокана, г. Ядринцева, въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“, издававшемся Б. А. Милютинымъ въ Иркутскѣ, 1866; мы пользовались также сообщеніями Г. Н. Потанина.

ные труды, какъ сборники сибирско-тюркскихъ народныхъ сказаній В. В. Радлова, какъ монгольскія изученія Г. Н. Потанина, какъ антропологическія изученія средне-азіатскихъ инородцевъ г. Харузина и др.; но большею частію это—лишь отдѣльныя эпизодическія описанія или путевые разсказы, часто не лишенные важныхъ свѣдѣній, но не представлявшіе достаточно полныхъ научныхъ описаній, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ эти работы дѣлались людьми, мало или совсѣмъ не знакомыми съ языкомъ самихъ инородцевъ. Мы можемъ указать лишь нѣкоторыя работы, въ свое время обращавшія на себя вниманіе [1]).

Такъ, довольно значительна литература о самоѣдахъ—архангельскихъ и сибирскихъ. Не упоминая о старыхъ путешествіяхъ XVIII-го вѣка (Палласъ, Георги, Лепехинъ и пр.), назовемъ относительно архангельскихъ самоѣдовъ старое сочиненіе объ архангельской губерніи Пошмана, въ 40-хъ годахъ извѣстную книгу Иславина, затѣмъ Верещагина, Шренка, новѣйшее изслѣдованіе объ обычномъ правѣ инородцевъ сѣверной Россіи, г-жи Ефименко [2]); относительно самоѣдовъ сибирскихъ—работы Мордвинова и князя Кострова, вообще оставившаго много трудовъ по сибирской этнографіи, русской и инородческой, и новѣйшую книгу итальянца Сомье [3]).

---

[1]) Изъ общихъ сочиненій прежняго времени укажемъ, кромѣ упомянутаго раньше Гагемейстера, статистическія изслѣдованія Кёппена, гдѣ нашли мѣсто и свѣдѣнія о сибирскихъ инородцахъ: Russlands Gesammt-Bevölkerung im Jahre 1838, въ академическихъ Mémoires, VI Série, Sciences politiques, t. VI, livr. 1 — 3. 1843, стр. 41—221, и къ этому Ethnographisches Register, тамъ же, стр. 285—322.

Иллюстрированныя изданія, какъ „Les peuples de la Russie", Paris, 1812, или изданіе съ тѣмъ же заглавіемъ Паули, Спб. 1852, и др. имѣютъ только популярное значеніе.

[2]) Философское разсужденіе о самоѣдахъ, Фонъ-Пошмана (сочиненіе 1802 года) въ „Арханг. Губ. Вѣд." 1873. Отмѣтимъ также книжку: „Краткое описаніе образа жизни самоѣдовъ и лопарей, народовъ, обитающихъ въ Сибири". Спб. 1788.

— Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. В. Иславина. Спб. 1847.

— A. G. Schrenck, Reise nach dem Nordosten des europ. Russlands durch die Tundren der Samojeden, zum arktischen Uralgebirge, im Jahre 1837 ausgeführt. Dorpat, 1848—1854, 2 тома. Разборъ этнографической части этого сочиненія у Кастрена, Nord. Reisen, V, стр. 136—150.

— Очерки архангельской губерніи В. Верещагина. Спб. 1849.

— Юридическіе обычаи лопарей, кареловъ и самоѣдовъ архангельской губерніи, А. Я. Ефименко — въ „Запискахъ по Отд. Этнографіи" Геогр. Общества, т. VIII. Спб. 1878.

[3]) Инородцы, обитающіе въ Туруханскомъ краѣ. А. Мордвинова. „Вѣстникъ" Геогр. Общ. 1860, кн. 2.

— Обзоръ этнографическихъ свѣдѣній о самоѣдскихъ племенахъ, обитающихъ въ Сибири. Князя Кострова. Спб. 1879.

Названіе книги Сомье было приведено прежде. О языкѣ самоѣдовъ см. Ка-

Объ остякахъ указано выше старинное сочиненіе Новицкаго, и кромѣ общихъ путешествій, которыя касались остяцкаго народа и также были раньше названы, приведемъ еще сочиненія Бѣлявскаго, Абрамова, кн. Кострова, Мордвинова, Кривошапкина [1]).

О тунгусахъ, кромѣ тѣхъ же общихъ сочиненій и путешествій, отъ Гмелина и Миллера до путешествія г. Пржевальскаго въ Усурійскій край, существуетъ довольно обширная литература отдѣльныхъ очерковъ и описаній [2]).

Довольно значительна литература о якутахъ; между прочимъ, много свѣдѣній въ путешествіяхъ Маака, Ферд. Миллера и др.; въ

стрена и въ книгѣ Фр. Мюллера: Grundriss der Sprachwissenschaft, II, 2-te Abth. Wien, 1882.

[1]) Поѣздка къ Ледовитому морю, Фр. Бѣлявскаго. М. 1833 (между прочимъ о Березовскихъ остякахъ).

— Описаніе Березовскаго края, Н. Абрамова, въ „Запискахъ" Географ. Общества, 1857, кн. XII.

— Очерки Туруханскаго края, кн. Н. Кострова, въ „Запискахъ" Сибирскаго Отдѣла. Спб., 1858, кн. 4; и его же: „О состояніи женщинъ между инородцами томской губерніи", въ „Томскихъ губ. Вѣдом.", 1873.

— Инородцы, обитающіе въ Туруханскомъ краѣ, А. Мордвинова, „Вѣстникъ" Географ. Общества, 1860, кн. 2.

— Объ остякахъ, тунгусахъ и проч. инородцахъ Енисейскаго округа, М. Кривошапкина, въ „Запискахъ" Сибирскаго Отдѣла, Ирк. 1863, кн. 6.

Объ языкѣ остяковъ см. Кастрена, а также Гунфальви: сѣверно-остяцкая грамматика, тексты и словарь, Пестъ, 1875 (на венгерскомъ языкѣ), и книгу А. Альквиста, Гельсингфорсъ, 1880, и пр.

[2]) Описаніе народовъ, находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ, „Россійскій Магазинъ", Спб. 1792.

— Забайкальскіе тунгусы, „Сибирск. Вѣстникъ", 1822, ч. 20.

— Общее обозрѣніе Забайкальскаго края, Леонида Львова, „Русск. Вѣстникъ", 1842, 9—10; и его же: О звѣроловствѣ Забайкальскаго края, „Журн. мин. госуд. имуществъ" 1849, ч. 10.

— Орочены или олени тунгусы, А. Мордвинова, „Современникъ", 1851, т. XXVII. смѣсь.

— Медико-топографическое описаніе Гижигинскаго округа, Богородскаго, „Журн. мин. внутр. дѣлъ", 1853, ч. 10.

— О тунгусахъ приморской области Восточной Сибири, А. Сгибнева, „Морской Сборникъ", 1859, № 5.

— Въ изданіяхъ Географическаго Общества и его Сибирскаго Отдѣла, рядъ статей о тунгусахъ различныхъ мѣстностей восточной и сѣверной Сибири,—свящ. Хитрова, Усольцева, поруч. Орлова, кн. Кострова, П. Кларка, Кривошапкина, и др.

— Путевыя Записки А. Н. (Нила, архіепископа ярославскаго). Ярославль, 1869.

— Образъ жизни тунгусовъ и коряковъ, жившихъ въ иркутской губерніи въ 1766 году, И. В. Калачева (изъ вѣдомостей, присланныхъ въ сенатъ губернаторомъ Брилемъ). „Извѣстія" Сибир. Отдѣла, Иркутскъ, 1871; II, 3.

— Lucien Adam, Grammaire de la langue tongouse. Paris, 1874.

— Die Tungusen, eine ethnologische Monographie, R. Hiekisch. Спб. 1879.

книгу Миддендорфа вошло, какъ мы замѣчали прежде, обширное изслѣдованіе Бётлинга о якутскомъ языкѣ. Не упоминая названныхъ ранѣе путешествій въ сѣверо-восточную Сибирь, въ которой обыкновенно говорится и о якутахъ, приведемъ еще нѣсколько библіографическихъ указаній [1]).

О чукчахъ, юкагирахъ и другихъ племенахъ сѣверо-восточнаго края Сибири говорятъ всѣ путешественники, изслѣдовавшіе эту страну, начиная съ Крашенинникова, Сарычева, Врангеля и пр.; укажемъ нѣсколько другихъ очерковъ [2]).

Было бы долго перечислять писанное о другихъ сибирскихъ крупныхъ и мелкихъ племенахъ, тѣмъ болѣе, что изученіе ихъ должно

---

[1]) Описаніе народовъ, находящихся около Якутска, Охотска и въ Камчаткѣ. „Россійскій Магазинъ", Спб., 1792.

— Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова. Спб., 1810.

— Описаніе якутовъ, ихъ происхожденіе, населеніе страны Ленской, внутреннее ихъ управленіе, покореніе подъ власть Россіи, благосостояніе, нравы и обычаи, „Сѣверный Архивъ", 1822, ч. III, № 16—17.

— Якуты, „Сибирскій Вѣстн.", 1824, № 3—4.

— Поѣздка въ Якутскъ, изд. Н. Щ. (Н. Щукина). Спб., 1833.

— Якуты, Н. С. Щукина. „Журн. мин. ввутр. нѣлъ" 1854, 7.

— Путешествіе по Восточной Сибири, Н. Булычева, ч. I. Якутская область. Охотскій край. Спб., 1856, съ обширнымъ атласомъ.

— Статьи въ изданіяхъ Геогр. Общ. и его Сиб. Отдѣла — св. Хитрова (о Жиганскомъ улусѣ), Мордвинова (о Туруханскомъ краѣ), Берга, Павловскаго и др.

— Очерки юридическаго быта якутовъ, князя Н. Кострова. Спб., 1878.

— Остатки язычества у якутовъ, Ѳ. Соловьева, въ „Сборникѣ газеты Сибирь", Спб., 1876.

[2]) Описаніе народовъ, и пр. „Россійскій Магазинъ". Спб., 1792.

— Чукчи, Кибера. „Сибирскій Вѣстникъ", 1824, ч. 2.

— Чукчи и земли ихъ, съ открытія этого края до настоящаго времени. „Журн. мин. внутр. дѣлъ", 1851, ч. 6.

— Новыя свѣдѣнія о чукчахъ, въ „Вѣстникѣ" Геогр. Общ., ч. V, 1852.

— Свѣдѣнія о чукотской землѣ въ XVIII ст. Тамъ же, 1854, IX, отд. VIII.

— О корякахъ и весьма близкихъ къ нимъ по происхожденію чукчахъ. Дитмара. Тамъ же, 1856.

— Историческая записка о чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря (изъ бумагъ П. А. Словцова), дост. Н. А. Абрамовымъ. Тамъ же, 1856, кн. XVIII, отд. V.

— Путевыя записки свящ. Андрея Аргентова. „Записки" Сибирскаго Отдѣла. Спб. 1858, 4.

— Замѣтки о численности и нынѣшнемъ положеніи чукчей, живущихъ по берегу Ледовитаго океана. О. А. Нордквиста. „Извѣстія" Геогр. Общ., т. XVI, 1880, отд. II.

— Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области. М. С. Вруцевича. Спб, 1891 (изъ XVII т. Записокъ Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи; рѣчь идетъ главнымъ образомъ объ якутахъ, и также о тунгусахъ, юкагирахъ, чукчахъ).

иногда примыкать къ цѣлой особой спеціальности: сибирскія вѣтви связаны съ цѣлымъ составомъ даннаго племени, какъ напр. буряты съ племенемъ монгольскимъ, ихъ вѣроученіе съ исторіей буддизма.

Упомянемъ еще только объ изслѣдованіяхъ, какія въ послѣднее время принесли замѣчательные результаты относительно языка и народной поэзіи тюркскихъ племенъ южной и западной Сибири. Не перечисляя предыдущихъ работъ въ этой области, укажемъ въ особенности обширные труды Радлова. Съ начала 1860-хъ годовъ, В. В. Радловъ (нынѣ академикъ въ Петербургѣ) былъ учителемъ въ горной школѣ въ Барнаулѣ и ревностно занялся изученіемъ различныхъ тюркскихъ племенъ окрестнаго края. Съ этого времени появляются въ литературѣ его первые ученые труды [1]); съ 1866 года началось замѣчательное изданіе его этнографическихъ собраній, составившее до сихъ поръ шесть томовъ текста съ шестью томами нѣмецкаго перевода [2]). Тексты переданы въ русской переписи съ прибавленіемъ знаковъ, необходимыхъ для выраженія тюркскихъ звуковъ, — и параллельно, въ другомъ изданіи, сдѣланъ нѣмецкій переводъ текстовъ. Въ это собраніе вошли образцы народной поэзіи цѣлаго рода тюркскихъ племенъ: алтайцевъ и телеутовъ, сагайцевъ, койбаловъ, качинцевъ; киргизовъ разныхъ нарѣчій; татаръ барабинскихъ, тарскихъ, тобольскихъ и тюменскихъ, кара-киргизовъ или киргизовъ дикокаменныхъ, таранчей, не исчисляя другихъ мелкихъ племенъ и нарѣчій. Собравъ тексты, г. Радловъ занялся потомъ лингвистическими изслѣдованіями объ этихъ языкахъ, а въ послѣднее время издалъ сборникъ своихъ путевыхъ замѣтокъ, археологическихъ и этнографическихъ изслѣдованій [3]). Академикъ Шифнеръ, подъ наблюденіемъ котораго, за отсутствіемъ автора, печаталось его собраніе, въ своихъ предисловіяхъ указывалъ тотъ чрезвычайный интересъ, который представляли издаваемые тексты для сравнительной этнографіи. Онъ сдѣлалъ нѣсколько сличеній, которыя между прочимъ указывали въ тюркской народной поэзіи отраженіе вліяній древне-иранскихъ, монголо-буддійскихъ и наконецъ западныхъ, именно русскихъ. Съ другой стороны, тексты, собранные г. Радловымъ, дали основной поводъ и матеріалъ къ извѣстнымъ соображеніямъ г. Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ.

---

[1]) Reise durch den Altai nach dem Telezker See und dem Abakan, въ Erman's Archiv, т. XXIII, вып. 1—2.

[2]) Образцы народной литературы сѣверныхъ тюркскихъ племенъ. Собраны В. В. Радловымъ. Спб. 1866 — 86, 6 частей; Proben der Volkslitteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens, gesammelt und übersetzt von Dr. W. Radloff. Petersburg, 1866—1886.

[3]) Aus Sibirien. Lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten, von Dr. Wilh. Radloff. Leipz. 1884, 2 тома съ иллюстраціями.

Еще одинъ разрядъ изслѣдованій объ инородцахъ Сибири представляютъ изслѣдованія миссіонерскія. Здѣсь не мѣсто входить въ опредѣленіе дѣятельности сибирскаго миссіонерства; извѣстно, къ сожалѣнію, что она не всегда поставлена была должнымъ образомъ, слишкомъ часто довольствуясь чисто формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу, результатомъ чего бывало одно только номинальное обращеніе въ христіанство инородцевъ, остающихся и затѣмъ язычниками, магометанами, ламаитами. Есть однако и благопріятныя исключенія, гдѣ миссіонеры ставили себѣ задачей добросовѣстное изученіе инородческихъ племенъ, среди которыхъ имъ предстояло дѣйствовать. Примѣромъ такого рода дѣятельности могутъ служить труды недавно умершаго алтайскаго миссіонера, протоіерея Вас. Ив. Вербицкаго. Сынъ дьячка въ нижегородской епархіи, Вербицкій, по окончаніи семинарскаго курса въ Нижнемъ-Новгородѣ, отправился въ Сибирь и затѣмъ 37 лѣтъ своей жизни посвятилъ миссіонерской дѣятельности на Алтаѣ. Увидѣвъ съ самаго начала необходимость ознакомиться съ языкомъ мѣстныхъ инородцевъ, онъ принялся за его изученіе, и результатомъ была „Краткая грамматика алтайскаго языка“, изданная подъ редакціей извѣстнаго знатока тюркскихъ языковъ Н. И. Ильминскаго (Казань, 1869), а въ послѣдніе годы „Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка“ (Казань, 1884). Но гораздо раньше упомянутой грамматики, еще съ конца 1850-хъ годовъ, появляются труды Вербицкаго по этнографическому изученію алтайскаго населенія, — которые помѣщались въ изданіяхъ Геогр. Общества, „Православномъ Обозрѣніи“, томскихъ Губернскихъ и Епархіальныхъ вѣдомостяхъ, томскихъ „Памятныхъ книжкахъ“ и въ „Восточномъ Обозрѣніи“. „Трудно указать на какую-либо сторону быта алтайцевъ, матеріальнаго или духовнаго,—говоритъ его некрологъ,—которая не заинтересовала бы пытливый умъ миссіонера-этнографа и не была бы изучена имъ въ возможной полнотѣ“. Въ особенности интересовала его алтайская миѳологія, преданія и легенды, которыхъ собрана была имъ цѣлая масса. Въ послѣднее время Вербицкій былъ помощникомъ начальника миссій Томской епархіи, и умеръ, на 63-мъ году, въ октябрѣ 1890 года [1]).

Въ нашей литературѣ, послѣ опыта Георги въ прошломъ столѣтіи, до сихъ поръ нѣтъ общей этнографической картины и классификаціи инородческаго міра Сибири, какъ нѣтъ этнографической карты, удо-

---

[1]) Некрологъ, А. А. Ивановскаго, и списокъ сочиненій въ „Этнограф. Обозрѣніи“, 1891, кн. VIII, стр. 176—179.

Обильная литература о миссіонерской дѣятельности указана въ „Спб. Библіографіи“, Межова, II. стр. 52—73.

влетворяющей современнымъ требованiямъ науки. Въ европейской литературѣ не однажды ставился общiй вопросъ о племенной принадлежности, происхожденiи и связи племенъ Средней Азiи и Сибири, и о мѣстѣ ихъ въ этнологической системѣ человѣчества [1])—вопросъ, который такъ сильно занималъ у насъ особенно Кастрена. Труду европейской науки принадлежитъ первая, въ широкихъ размѣрахъ исполненная, этнографическая карта сибирскихъ инородцевъ, о которой сейчасъ скажемъ. Этнографическiя помѣты дѣлались на картахъ Сибири еще въ XVII-мъ вѣкѣ, какъ напр. на картѣ стольника Годунова, затѣмъ на чертежѣ Ремезова; въ XVIII-мъ вѣкѣ на картахъ, приложенныхъ къ „Сибирской исторiи" Фишера, или къ нѣкоторымъ старымъ путешествiямъ. Дѣлались такiя помѣты и впослѣдствiи: въ 1825 году издана была карта Позднякова съ этнографическими показанiями, между прочимъ повторявшими безъ критики старыя карты [2]), и т. д. Не исчисляя позднѣйшихъ картографическихъ изображенiй сибирскихъ племенъ, укажемъ новѣйшее замѣчательное обобщенiе этнографическихъ данныхъ на огромной картѣ Гаардта, изданной вѣнскою Академiей наукъ [3]). Какъ видно изъ самаго заглавiя, основой карты послужила „Всеобщая Этнографiя" Фридриха Миллера, но, сколько извѣстно, составитель карты сносился кромѣ того съ спецiалистами этнографiи и положилъ многiе годы на исполненiе своего обширнаго труда. Карта представляетъ классификацiю 120 азiатскихъ племенъ, отмѣченныхъ разными красками по главнымъ группамъ. Ограничиваясь племенами сибирскими, замѣтимъ,

[1]) Укажемъ, напр.: Schott, Ueber das altaische oder finnisch-tatarische Sprachengeschlecht. Berl., 1849.

— Whitney, Language and the study of language. Lond., 1869.

— Friedr. Müller, Grundriss der Sprachwissenschaft. Wien, 1876—85, три тома; Allgemeine Ethnographie. Wien, 1873; Ethnologischer Atlas, Wien. 1884 и слѣд.

— Radloff, Türkenstämme Sibiriens und der Mongolei. Leipz., 1883, и его же книга: Aus Sibirien.

— Vambéry, Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipz., 1885.

— Peschel, Völkerkunde. 6-te Auflage. Leipz., 1885.

— Winkler, Ural-altaische Völker und Sprachen, Berlin, 1884, и его же: Das Ural-altaische und seine Gruppen. Berl., 1885. Далѣе, иностранныя и русскiя работы по финскому вопросу Кастрена, Альквиста, Аспелина, Европеуса, Веске и др.

[2]) У Познякова отмѣчены, напримѣръ, „аринцы", показанные на картѣ Миллера-Фишера, но о которыхъ Миллеръ говорилъ уже какъ о племени, окончательно исчезавшемъ въ его время.

[3]) Вотъ заглавiе этой карты: „Uebersichts-Karte der ethnographischen Verhältnisse von Asien und von den angrenzenden Theilen Europa's, bearbeitet auf Grundlage von Fr. Müller's Allgemeiner Ethnographie und herausgegeben mit Unterstützung der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien, von Vincenz v. Haardt. Wien. 1887. Масштабъ – 1 : 8.000.000.

что Фр. Миллеръ принимаетъ обширную группу „монголовидныхъ" народовъ съ многосложными языками (въ противоположность односложнымъ языкамъ китайцевъ, японцевъ и пр.), которые онъ дѣлитъ на *уральскіе* народы — это самоѣды, финны, остяки, вогулы, мордва и пр., и на народы *алтайскіе*, къ которымъ причисляются всѣ тюркскія племена Сибири и Средней Азіи, татары, башкиры, киргизы, затѣмъ тунгусы, манджуры и нѣсколько вѣтвей собственно монгольскаго племени (въ томъ числѣ буряты). Особую группу составляютъ *гиперборейцы*, къ которымъ отнесены разныя племена сѣверо-восточной Сибири — чукчи, юкагиры, алеуты, камчадалы, аины и пр., и енисейскіе остяки, къ которымъ причислены вымершіе аринцы, котты и асаны. Наконецъ, племена *средиземныя*, т.-е. арійскія.

Изслѣдователи Сибири высоко цѣнятъ трудъ Гаардта. „Карта его,—говоритъ Ядринцевъ,—составляя пріобрѣтеніе европейской этнографіи, можетъ быть столь же, если не болѣе, полезна намъ при изученіи азіатскихъ племенъ и нашихъ собственныхъ инородцевъ. Она можетъ оказать намъ тѣмъ болѣе услугъ, что мы не имѣемъ антропологическихъ и этнографическихъ сочиненій, какими обладаетъ европейская наука въ видѣ работъ Вайца, Бастіана, Оскара Пешеля, Фридриха Мюллера и другихъ. Такая карта научитъ насъ хотя отчасти оріентироваться среди племенъ, намъ малоизвѣстныхъ, и укажетъ семейственное и расовое родство ихъ на основаніи научныхъ изысканій нынѣшняго столѣтія. Нечего говорить, что, необходимая для всѣхъ нашихъ этнографовъ и полезная для учебныхъ заведеній, эта карта наведетъ на мысль дальнѣйшихъ изысканій въ Сибири и сосѣднихъ мѣстностяхъ" [1]).

Упомянувъ новѣйшую гипотезу Катрфажа о разселеніи человѣчества съ сѣвера Азіи, г. Ядринцевъ замѣчаетъ, что еслибы эта гипотеза подтвердилась, то изученіе сибирскихъ племенъ стало бы интереснѣйшей страницей этнографіи. „Но и безъ того уже старая этнографія начинаетъ нынѣ перестроиваться подъ вліяніемъ новыхъ антропологическихъ и этнологическихъ наблюденій, а впереди предстоитъ еще болѣе капитальная перестройка". Именно, авторъ полагаетъ, что лингвистическая классификація — единственная, донынѣ научно разработанная и принятая въ картѣ Гаардта на основаніи Фр. Мюллера—не вполнѣ удовлетворяетъ, особливо по отношенію къ сибирскимъ племенамъ, и другія этнологическія черты племенъ нарушаютъ эту классификацію: „многія изъ сибирскихъ племенъ—совершенная загадка, и относить ихъ къ той или другой семьѣ слишкомъ рано и рискованно".

---

[1]) Восточное Обозрѣніе, 1887, № 13—14.

Дѣйствительно, карта Гаардта нуждается въ комментаріи. Этнографами давно замѣчено, что классификація народовъ по языку нерѣдко вовсе не совпадаетъ съ классификаціей расовой, племенной. „Бываетъ,—говоритъ Пешель,—что народы, проникнувъ въ иноплеменную область, перенимаютъ языкъ туземцевъ или, напротивъ, сохраняютъ свой языкъ неизмѣннымъ, между тѣмъ какъ раса мало-помалу измѣняется подъ вліяніемъ смѣшенія съ племенами чуждаго происхожденія". Въ Сибири и Средней Азіи опредѣленіе народа по языку и по племеннымъ примѣтамъ можетъ въ особенности привести къ весьма различнымъ результатамъ, потому что происходило разнообразное смѣшеніе элементовъ финскаго, монгольскаго и тюркскаго, такъ что, напримѣръ, народы несомнѣнно финскіе по происхожденію и самому типу могутъ быть причисляемы къ тюркамъ по языку, который они усвоили только въ позднѣйшее время; къ этому прибавляется еще то обстоятельство, что нѣкоторыя составныя части этихъ смѣшеній остаются неизвѣстной величиной, такъ какъ этнологическое ихъ происхожденіе составляетъ пока загадку для этнографіи. Академія наукъ въ инструкціи Кастрену указывала нѣсколько подобныхъ недоумѣній, требовавшихъ объясненія на мѣстѣ, и большая доля его изысканій была дѣйствительно посвящена разъясненію этихъ темныхъ вопросовъ этнографіи; мы видѣли также, что въ результатѣ своихъ разслѣдованій Кастренъ приходилъ къ мысли о тѣсномъ сродствѣ всей массы сибирскихъ и средне-азіатскихъ народовъ, которые онъ и объединялъ въ названіи народовъ „алтайскихъ". Послѣдующіе этнографы не считали столь широкаго обобщенія возможнымъ и предпочитали болѣе частныя дѣленія. Г. Ядринцевъ, на основаніи имѣющихся теперь свѣдѣній, представилъ нѣсколько возраженій на распредѣленіе племенъ у Гаардта и находилъ, что для разъясненія этнографическихъ недоумѣній требуются еще новыя изученія. Онъ полагаетъ, что общимъ картамъ должны предшествовать частныя этнографическія карты извѣстныхъ областей съ мѣстными особенностями, и только на ихъ основаніи могутъ быть достигнуты правильно болѣе широкія обобщенія [1]).

Упомянемъ наконецъ, что новѣйшіе изслѣдователи Сибири обращаютъ особенное вниманіе на вопросъ о современномъ положеніи инородцевъ, ихъ отношеніяхъ къ русскимъ и о томъ будущемъ, которое можетъ предстоять имъ.

---

[1]) „Недавно,—говоритъ г. Ядринцевъ,—нами лично представлены были въ Императорское Русское Географическое Общество частныя этнографическія карты Сибири, гдѣ мы выдѣлили самоѣдскія племена въ особую группу, и находимъ необходимымъ, согласно научнымъ изслѣдованіямъ, выдѣлить совсѣмъ саянскую группу. Точно

На этомъ вопросѣ останавливается въ особенности г. Ядринцевъ въ своей новой книгѣ [1]). Кромѣ описательнаго матеріала, авторъ даетъ рядъ любопытныхъ этнологическихъ и соціальныхъ соображеній о прошлой судьбѣ и возможномъ будущемъ сибирскаго инородческаго міра. Фактъ вымиранія инородцевъ не подлежитъ сомнѣнію, если не вездѣ, то въ большинствѣ случаевъ, и всего сильнѣе тамъ, гдѣ инородцы попали въ экономическое рабство къ русскимъ промышленникамъ: если во многихъ случаяхъ причиной труднаго положенія инородцевъ являются физическія бѣдствія, какъ неурожаи, лѣсные пожары и т. п., и затѣмъ упадокъ промысловъ—рыбнаго и звѣринаго, то главнымъ образомъ вымираніе связано съ экономическою безпомощностью. Обыкновенно думаютъ, что вымираніе инородцевъ находится въ зависимости отъ ихъ неспособности къ культурѣ и что оно фатально неизбѣжно; г. Ядринцевъ отвергаетъ это предположеніе; напротивъ, онъ указываетъ въ быту инородцевъ способности къ культурѣ, которыя могли бы получить развитіе: „мы должны пожалѣть, что этотъ даръ, эти способности инородцевъ утратились, не имѣли надлежащаго выхода и примѣненія, — иначе, что мы не воспользовались ими, такъ какъ они принесли бы пользу въ общей культурѣ человѣчества“ (стр. 166). Однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ помощи инородцамъ должна быть, конечно, школа, но именно такая, которая не отрывала бы инородца отъ его среды, а напротивъ сохраняла его для племени, въ которомъ его знаніе и могло бы принести пользу. „Обрусѣвшіе инородцы, въ лицѣ переводчиковъ азіатскихъ школъ, писаря и проч. являются обыкновенно самымъ дурнымъ элементомъ и эксплуататорами, взяточниками, и совершенно не имѣютъ никакого благотворнаго вліянія на среду инородцевъ“ (стр. 240),—такъ бываетъ всего чаще при существующихъ условіяхъ (хотя нужно отмѣтить здѣсь и благопріятныя исключенія). Школа— для того, чтобы она служила своей воспитательной, цивилизующей цѣли — должна быть вводима безъ насилія, съ преподаваніемъ на

также должна быть выдѣлена группа уральцевъ, финновъ и затѣмъ тюрко-алтайцевъ и тунгусо-манджуровъ. Изъ частныхъ группъ легче сводить общее, чѣмъ преждевременно обобщать. Вообще принятая классификація Кастрена алтайцевъ должна съ успѣхами этнографіи нѣсколько измѣниться“.

Для обзора существующей нашей литературы о сибирскихъ инородцахъ могутъ служить обширная библіографія, собранная въ „Систематическомъ описаніи коллекцій Дашковскаго этнографическаго Музея“, В. Ѳ. Миллера. М. 1887 — 89 (два выпуска), и въ только-что вышедшемъ 2-мъ томѣ „Сибирской Библіографіи“ В. И. Межова, Спб. 1891.

[1]) Сибирскіе Инородцы. Спб. 1891; главы: „Причины вымиранія инородцевъ и способность ихъ къ культурѣ“; „Взаимодѣйствіе русскаго и инородческаго населенія“; „Вліяніе культуры и просвѣщенія на инородцевъ Сибири“.

инородческомъ языкѣ, съ учителями изъ самихъ инородцевъ, знающихъ и любящихъ свою народность. Только такая школа можетъ достигнуть своего настоящаго назначенія. „Цѣлью образованія,—говоритъ г. Ядринцевъ,—должно быть: внушеніе любви къ своему племени, къ судьбѣ его, а не стремленіе оттолкнуть инородца отъ прежней семьи, вырвать его изъ массы и предоставить ей ту же нищету, несчастіе и вымираніе. Только весьма немногіе образованные инородцы сохранили связи съ своимъ племенемъ и желали посвятить себя его развитію. Въ числѣ этихъ именъ должно упомянуть Банзарова, Пирожкова, Болдонова и Дорожеева изъ бурятъ, Николаева якута и Чокана Валиханова изъ киргизовъ, Катанова изъ минусинскихъ инородцевъ. Какъ Валихановъ, такъ и Банзаровъ получили высшее образованіе; они были даровитѣйшими и учеными людьми даже въ европейской средѣ и тѣмъ не менѣе ихъ симпатіи оставались на сторонѣ ихъ несчастнаго племени. Къ сожалѣнію, такія личности только случайно пробивались изъ инородческой среды. Высшее европейское образованіе оставалось чуждо большинству инородцевъ, и между тѣмъ такія личности болѣе всего могли бы принести услугъ инородческому просвѣщенію и позаботиться о судьбѣ своей народности. Въ пробужденіи инстинкта любознательности, духовной жизни и въ сознательномъ отношеніи къ своему настоящему и будущему будутъ лежать залоги сохраненія племенъ отъ вымиранія и гибели. Мы думаемъ, что такое просвѣщеніе будетъ источникомъ жизни и спасителемъ, который воскреситъ легендарнаго, умирающаго отъ голода и бѣдствій самоѣда. Духъ сибирскаго инородца остается пригнетеннымъ, глубокая меланхолія лежитъ на немъ, мрачная безнадежность сковываетъ его сердце, нѣтъ вѣры въ лучшее, нѣтъ надежды на будущее. Вотъ эту-то вѣру, эту общечеловѣческую надежду и должно создать инородческое просвѣщеніе. Когда инородецъ не увидитъ никакого насилія, опасности въ дѣлѣ привитія образованія, онъ научится уважать его“ (стр. 241).

Въ своемъ изслѣдованіи г. Ядринцевъ старался сколько возможно отвѣтить на существенные вопросы, какіе представляются при изученіи быта инородцевъ и которые теперь остаются еще крайне мало выяснены. Хотя вымираніе инородцевъ есть фактъ, по крайней мѣрѣ относительно многихъ племенъ,—„тѣмъ не менѣе, точнаго научнаго статистико-экономическаго изслѣдованія въ отдѣльности по племенамъ не было сдѣлано; не было выяснено также, въ силу какихъ причинъ вымираютъ инородцы. Есть ли это вымираніе неизбѣжный законъ, тяготѣющій надъ извѣстною расой, или его порождаютъ случайныя неблагопріятныя условія, съ устраненіемъ которыхъ прекращается и вымираніе? Объ этомъ существуютъ разнообразныя сужде-

нія". Авторъ старался по этому вопросу собрать особливо данныя о культурныхъ способностяхъ инородцевъ и несогласенъ съ тѣмъ рѣшеніемъ, которое отрицаетъ у инородческихъ племенъ самую способность къ общечеловѣческому развитію: „подобные приговоры могутъ быть произносимы только на основаніи изученія тѣхъ стадій, которыя переживаютъ инородцы, на основаніи ихъ исторіи, при изученіи ихъ быта, языка, культуры и точномъ изслѣдованіи умственныхъ способностей, такъ или иначе выражающихся въ жизни. Но такихъ опытовъ въ точномъ научномъ значеніи сдѣлано очень мало". Между тѣмъ изслѣдованіе культурнаго быта инородцевъ было бы важно для самой административной задачи ихъ управленія и для всего опредѣленія ихъ положенія гражданскаго. „Въ инородческомъ управленіи возникаетъ все рѣзче вопросъ административно-политическій, касающійся гражданскаго полноправія инородцевъ и гарантій закона въ примѣненіи къ нимъ; затѣмъ нынѣшнее положеніе ихъ возбуждаетъ вопросъ о духовномъ развитіи и просвѣщеніи инородцевъ и тѣхъ племенъ изъ нихъ, которыя уцѣлѣли и продолжаютъ существовать. Нѣтъ сомнѣнія, что если имъ будетъ доступно развитіе, если они выкажутъ способности, то не могутъ быть отрицаемы для нихъ и общечеловѣческія права, и блага высшаго человѣческаго существованія. Все это вводитъ инородческій вопросъ въ рядъ вопросовъ общечеловѣческихъ, заслуживающихъ особеннаго вниманія. Въ нихъ лежитъ не только „to be or not to be" (быть или не быть) инородческаго существованія, вопросъ жизни и смерти цѣлыхъ племенъ, но и вопросъ о воспріятіи въ высшую человѣческую среду младшихъ братьевъ, историческое и культурное развитіе которыхъ отстало и было замедлено". Наконецъ изслѣдованіе сибирскихъ инородцевъ представляетъ великій интересъ для антропологіи, исторіи культуры и исторіи человѣчества вообще.

„Примѣры полученія высшаго образованія среди инородцевъ теперь рѣдки,—заключаетъ г. Ядринцевъ [1],—но будемъ надѣяться, что мѣстный сибирскій университетъ привлечетъ сюда и представителей инородческой среды. Инородцы, какъ Дорджи Банзаровъ, Валихановъ, нынѣ Катановъ оказали уже услугу русской наукѣ. Не забывъ свой языкъ, они явились наиболѣе способными учеными оріенталистами и внесли неоцѣненные вклады въ этнографію, изучая родственныя племена и географію близкихъ имъ окраинъ. Еще большій контингентъ такихъ ученыхъ оріенталистовъ можетъ дать восточный факультетъ въ Сибири. Переводчики и драгоманы могутъ формироваться въ средѣ инородцевъ, и если необходимы посредники для

---

[1]) Тамъ же, стр. 241—242.

проведенія цивилизаціи къ сосѣднимъ азіатскимъ племенамъ, окружающимъ Сибирь, то, конечно, эта роль лучше всего подходитъ къ нашимъ инородцамъ. Мы не говоримъ уже, что развернувшіяся способности инородцевъ, обнаруживающіяся даже теперь въ исключительныхъ и рѣдкихъ случаяхъ, могутъ проявиться когда-нибудь шире и богаче, внеся свои вклады въ общую сокровищницу знанія и общечеловѣческой цивилизаціи“.

ГЛАВА XI.

Этнографія и бытовая исторія русскаго населенія Сибири.

Этнографическое опредѣленіе русскаго населенія въ Сибири есть опять вопросъ очень сложный и трудный для историческаго изложенія. Со времени первыхъ ученыхъ путешествій и донынѣ не было, правда, недостатка въ описаніяхъ и ученыхъ наблюденіяхъ, но по большей части въ этомъ отношеніи онѣ были слишкомъ отрывочны и, главное, не были освѣщены той мыслью, которая руководитъ теперь этнографическимъ изслѣдованіемъ. Ученые XVIII-го вѣка, какъ часто ни драгоцѣнны ихъ показанія, между прочимъ и въ этой области, еще не знали этнографической науки. Восемнадцатый вѣкъ только предчувствовалъ важность данныхъ о происхожденіи народовъ, ихъ бытѣ и нравахъ, вліяющихъ на политическое состояніе народа и, слѣдовательно, на его исторію. Вольтеръ, въ знаменитомъ „Опытѣ о нравахъ и духѣ народовъ", выразилъ эту попытку своего времени всмотрѣться во внутреннюю жизнь народовъ, но собственно народное міровоззрѣніе и бытъ, составляющіе теперь основной предметъ этнографіи, были только случайнымъ предметомъ любопытства, а народный миѳъ считался „суевѣріемъ", достойнымъ только истребленія. Почти такъ ставили вопросъ и наши старинные путешественники, иностранцы и русскіе, которые собирали свои свѣдѣнія, еще не предполагая въ нихъ предмета особой науки. Но видѣнные ими предметы, своеобразныя племена съ очевидными остатками дикаго состоянія и первобытной древности, были такъ необычайны, что предчувствіе научной важности изслѣдованія этихъ предметовъ побуждало ихъ къ болѣе внимательному наблюденію и самыхъ этнографическихъ фактовъ. Описанія быта и характера инородцевъ долго оставались чисто внѣшними. Въ числѣ путешественниковъ въ Сибирь до сороковыхъ

годовъ не было ни одного настоящаго этнографа и лингвиста: въ изученіи инородцевъ изслѣдователи, какъ Кастренъ и Радловъ, были исключеніемъ; изученіе русскаго населенія въ Сибири было также почти всегда дѣломъ наблюдателей и собирателей, нерѣдко весьма ревностныхъ, но между которыми не было почти ни одного настоящаго спеціалиста: работы Щапова, о которыхъ скажемъ далѣе, представляющія не мало любопытнаго и новаго, были слишкомъ отрывочны и кратковременны; труды г. Ровинскаго были только случайны; г. Ядринцевъ, доставившій до сихъ поръ наиболѣе цѣнные труды по бытовому изученію Сибири, занятъ не столько этнографіей, сколько вопросами общественной жизни и народнаго хозяйства. Всѣ остальные писатели, собиравшіе матеріалъ для опредѣленія сибирской народности, были усердные любители, не всегда знакомые съ требованіями науки, и никогда не ставившіе себѣ многотрудной задачи цѣльнаго изслѣдованія объ исторіи и свойствахъ этой народности.

Между тѣмъ эта народность несомнѣнно имѣетъ особенныя свойства. Путешественники XVIII-го вѣка, заѣзжая въ Сибирь, обращали уже вниманіе на особенности сибирскаго быта и нравовъ. Можно было впередъ предполагать, что далекая страна, издавна оторванная отъ ближайшихъ связей съ центромъ, окруженная чужими народами, поставленная въ условія природы и быта, также чуждыя этому центру, пріобрѣтетъ свои бытовыя отличія, и путешественники-натуралисты изъ своей науки могли извлечь соображеніе о томъ, что важно было бы отмѣчать эти мѣстныя особенности страны и народа. Съ тѣхъ поръ въ литературѣ о Сибири мы нерѣдко встрѣчаемся съ этими стараніями наблюдать характеръ „сибиряковъ", въ отличіе или даже въ противоположность къ русскимъ въ европейской Россіи. Впослѣдствіи на эту тему давались болѣе или менѣе положительные отвѣты въ ту или другую сторону, хотя изъ этихъ отвѣтовъ и до сихъ поръ нельзя сдѣлать никакого точнаго заключенія. Наблюденія, на которыхъ они основывались, были еще слишкомъ отрывочны.

Одни, и особливо сибирскіе патріоты, а также люди, писавшіе съ ихъ словъ, говорятъ, напримѣръ, что сибиряки выгодно отличаются многими своими качествами отъ русскихъ, что у нихъ сохранилось много старины въ нравахъ и обычаяхъ, что они менѣе испорчены, болѣе независимы и т. п.; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что сибирское населеніе далеко отошло отъ настоящихъ русскихъ, что старина затеряна, что смѣшеніе съ инородцами испортило русскій типъ, что сибирскіе нравы грубы и т. д. Разрѣшить это противорѣчіе не представляется пока возможности. Существенное, что̀ нужно было бы сдѣлать для разъясненія вопроса, это была бы бытовая исторія Сибири, но она повидимому еще долго не напишется, и затѣмъ—изо-

браженіе современной общественной и народной жизни, которое позволило бы разобраться въ сложной массѣ сибирскаго быта и которое также еще неудобоисполнимо.

Современная Сибирь есть результатъ множества историческихъ явленій, опредѣлявшихъ ея характеръ. Современное населеніе Сибири не было естественно народившимся потомствомъ первыхъ завоевателей и колонизаторовъ; напротивъ, съ конца XVI-го вѣка и донынѣ, во-первыхъ, продолжается непрерывно новая колонизація изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ: шли сюда и добровольные переселенцы изъ разныхъ концовъ Россіи, съ сѣвера и юга; шли массы поселенцевъ невольныхъ, не только русскихъ, но малороссіянъ и плѣнныхъ иноземцевъ, которые оставались жителями Сибири навсегда и сливались съ мѣстнымъ населеніемъ; наконецъ, политическихъ и обыкновенныхъ ссыльныхъ, часть которыхъ также вступала въ составъ мѣстнаго населенія; во-вторыхъ, съ самаго перваго появленія русскихъ въ Сибири началось смѣшеніе ихъ съ инородцами, размѣровъ котораго нельзя опредѣлить исторически, но о которомъ извѣстно, что съ тѣхъ поръ и понынѣ оно продолжалось непрерывно и имѣло результатомъ разнообразныя помѣси русскихъ, вѣроятно, со всѣми инородцами Сибири, какіе есть.

Было бы любопытно собрать по крайней мѣрѣ главнѣйшія историческія свидѣтельства, какія есть въ старыхъ и новыхъ документахъ, относительно состава сибирскаго населенія, какъ оно мало-помалу образовывалось.

Какъ совершалось водвореніе въ Сибири русской власти и русской народности? Каковы были размѣры туземнаго населенія и какъ собралось новое русское населеніе Сибири? До сихъ поръ этотъ вопросъ оставался нетронутымъ или находилъ только очень общія объясненія. Очевидно, что для положительнаго, точнаго отвѣта требовалась историческая статистика, хотя приблизительныя цифры сибирскаго населенія, туземнаго и русскаго, въ XVI — XVII вѣкѣ, и опредѣленіе движенія колонизаціи: разъясненіе этого вопроса предпринялъ г. Буцинскій [1]).

На подмогу исторіи явилась приказная аккуратность старой Москвы... Когда Москва предприняла свой трудъ собиранія русской земли, она развила обширную административную дѣятельность, отъ которой по прямому наслѣдству произошла позднѣйшая бюрократія. Москва вела свое дѣло какъ заботливый хозяинъ-скопидомъ; госу-

---

[1]) Въ книгѣ: „Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ“. Харьковъ, 1889.

дарственное хозяйство получило характеръ какъ бы чисто личной „государевой казны", которой велся въ приказахъ строгій счетъ, изъ которой ничто не могло ни „горѣть", ни „тонуть"; все было на виду и на счету. Этому счету подпало и вновь пріобрѣтенное сибирское царство, и въ разныхъ счетныхъ дѣлахъ сибирскаго приказа [1] нашлись данныя, разработку которыхъ предпринялъ теперь г. Буцинскій.

Это—дѣла приказныя, ясачныя книги, дозорныя книги, списки служилыхъ людей, посадскихъ, крестьянъ, ружниковъ и оброчниковъ, населявшихъ сибирскіе города, списки пашенныхъ и оброчныхъ крестьянъ, жившихъ въ уѣздахъ, „смѣтныя книги хлѣбныхъ запасовъ и хлѣбныхъ расходовъ", „ужинныя книги", „смѣтныя книги государевыхъ доходовъ и расходовъ", „окладныя книги", „таможенныя книги", приходо-расходныя книги Казанскаго дворца и Сибирскаго приказа, наконецъ множество царскихъ грамотъ, воеводскихъ отписокъ, челобитныхъ инородцевъ и русскихъ людей и обыскныхъ по нимъ дѣлъ и т. д., насколько все это уцѣлѣло отъ пожаровъ и небреженія.

Первая часть изслѣдованія г. Буцинскаго касается заселенія передней Сибири—уѣздовъ верхотурскаго, туринскаго, тюменскаго, тобольскаго, тарскаго, пелымскаго и березовскаго, въ періодъ отъ начала завоеванія этого края до конца царствованія Михаила Ѳедоровича.

Говоря о первой эпохѣ завоеванія Сибири, авторъ замѣчаетъ, что „одного завоеванія посредствомъ оружія, какъ бы ни было послѣднее побѣдоносно, было недостаточно, чтобы удержать въ повиновеніи столь отдаленный край, а тѣмъ болѣе имѣть возможность съ успѣхомъ эксплуатировать его богатства. Легко было завоевать Сибирь, но гораздо труднѣе удержать завоеванное". И для пользованія богатствами края, и для удержанія его въ покорности, необходимо было его заселеніе русскими. „Поэтому послѣ завоеванія Сибирскаго царства правительство немедленно начинаетъ строить русскіе города и села... Оно не щадило средствъ для заселенія покоренной страны и въ первое время смотрѣло, такъ сказать, сквозь пальцы на вольную, народную колонизацію этого края, даже въ томъ случаѣ, если послѣдняя была противозаконною".

Въ первое время послѣ покоренія сибирскіе туземцы долго не могли помириться съ подчиненіемъ русской власти, не однажды случались бунты инородцевъ, но свергнуть русскую власть было невоз-

[1]) Въ московскихъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства юстиціи.

можно. Силы инородцевъ и прежде не были достаточно сплочены, а теперь были окончательно разъединены русскими поселеніями: не только настроены были города и остроги, но около нихъ тотчасъ разсыпались мелкія русскія деревни, превращавшіяся потомъ въ многолюдныя села. Съ нѣкоторымъ удивленіемъ читатель встрѣтитъ въ книгѣ г. Буцинскаго фактъ, что черезъ три, четыре десятилѣтія послѣ занятія Сибири русское населеніе оказывается въ этой передней части Сибири преобладающимъ. Дѣло въ томъ, что инородческое населеніе крайней восточной Россіи и передней Сибири по старымъ переписямъ было весьма незначительно и „во время завоеванія русскими Сибирскаго царства погибла масса инородцевъ“ (стр. 15). Этотъ послѣдній выводъ не совсѣмъ точенъ: самъ авторъ упоминаетъ, что еще въ концѣ XVI-го вѣка много татаръ сбѣжало изъ занятаго русскими края (и оказалось потомъ въ другихъ мѣстахъ), притомъ онъ признаетъ также, что самый счетъ ясачныхъ людей легко могъ быть не полонъ.

О томъ, какъ начиналось строеніе сибирскихъ городовъ и первое населеніе ихъ, даетъ понятіе, напримѣръ, исторія города Верхотурья и его уѣзда. Это былъ одинъ изъ первыхъ городовъ, построенныхъ по завоеваніи Сибири (въ 1598). Поводомъ къ постройкѣ было открытіе новой кратчайшей дороги изъ Россіи въ Сибирь. Городъ заключалъ только необходимѣйшія постройки: „острогъ, т.-е. его стѣны и башни, а въ немъ храмъ Живоначальной Троицы съ придѣломъ, воеводскій дворъ, дворъ другихъ служилыхъ людей, съѣзжая изба, дворъ попа и нѣсколько другихъ дворовъ. Эти строенія занимали самое ничтожное пространство... Даже послѣ расширенія острога въ 1606 г. вдвое противъ прежняго онъ имѣлъ въ окружности только 630 саженъ“.

Любопытны и самыя обстоятельства строенія города. Когда получено было извѣстіе, что мѣсто для постройки найдено особо посланными для этого людьми, царь Θедоръ Ивановичъ велѣлъ ѣхать для постройки города въ Сибири Головину и Воейкову: имъ велѣно было заѣхать въ Пермь и взять тамъ на это дѣло *300 рублей* и на эти деньги нанять рабочихъ, конныхъ и пѣшихъ, со всей снастью „и поруки по нихъ взять крѣпкія съ записями, чтобъ имъ городъ и острогъ дѣлать, и не додѣлавъ отъ городового и острожнаго дѣла не сбѣжать“. Но оказалось, что нанять рабочихъ за такую цѣну было невозможно, Москва давала слишкомъ мало денегъ. Головинъ и Воейковъ писали, что наемъ людей для постройки на три мѣсяца обойдется въ 3.120 руб. „Получивъ такое донесеніе, правительство разочло что лучше строить новый городъ „по указу“, чѣмъ „по договору“, и поэтому приказало вышеупомянутымъ лицамъ немедленно „доправить“

на всей пермской землѣ посошныхъ, конныхъ людей и плотниковъ, назначивъ этимъ рабочимъ самую минимальную плату". Постройка города, пожалуй, и обошлась въ 300 рублей.

Первые жители Верхотурья, кромѣ его строителей, были служилые люди: „два человѣка боярскихъ дѣтей, 46 человѣкъ стрѣльцовъ и казаковъ, два подъячихъ, вогульскій толмачъ, мельникъ, кирпичникъ, банникъ и нѣсколько сторожей". Вскорѣ былъ присланъ попъ для служенія въ Троицкой церкви, казацкій атаманъ, затѣмъ появляются торговые люди и крестьяне, ямщики, плотники, наконецъ много охочихъ, гулящихъ людей (изъ такихъ людей воеводы набирали служилыхъ въ дальніе города Сибири; ими пользуются и частныя лица для заселенія разныхъ мѣстностей Сибири). Вскорѣ окрестъ города начинается хлѣбопашество. Въ первыя десятилѣтія XVII-го вѣка г. Буцинскій отмѣчаетъ уменьшеніе числа служилыхъ людей, получавшихъ хлѣбное жалованье, и объясняетъ это тѣмъ, что многіе изъ нихъ отказываются отъ хлѣбнаго жалованья и начинаютъ служить съ пашни, т.-е. получаютъ земельный надѣлъ и занимаются земледѣліемъ.

Въ одно время съ основаніемъ города сталъ заселяться его уѣздъ — именно земледѣльческимъ народомъ. Кромѣ того, что это была наиболѣе распространенная форма труда, необходимость земледѣлія указывалась прямыми мѣстными нуждами. Въ первое время населеніе Сибири питалось подвозомъ хлѣба изъ Россіи: служилые люди получали кромѣ денежнаго и хлѣбное жалованье; между тѣмъ подвозъ хлѣба обходился правительству очень дорого, иногда запаздывалъ, самое жалованье хлѣбное было мало; служилые люди жаловались, что хлѣба недоставало до срока и они бывали вынуждены занимать хлѣбъ изъ государственныхъ житницъ. О водвореніи хлѣбопашества заботилось и правительство, и само населеніе, и мало-по-малу земледѣліе распространяется въ верхотурскомъ уѣздѣ, какъ потомъ и въ другихъ краяхъ Сибири. Къ городу приписано было извѣстное количество земли, но такъ какъ значительная часть ея была для хлѣбопашества неудобна, камениста или покрыта дремучими лѣсами, то верхотурскіе пашенные люди просили новыхъ земель вдали отъ города и уже вскорѣ было ими занято громадное пространство земли.

„На занятыхъ пашняхъ, — говоритъ г. Буцинскій, — верхотурцы ставили дворы, въ которыхъ поселяли своихъ свойственниковъ, или гулящихъ людей въ качествѣ половниковъ, и только немногіе жили тамъ сами... Названіе „деревня" не должно насъ вводить въ заблужденіе относительно количества населенія въ нихъ: это скорѣе хутора, состоящіе изъ одного, двухъ, трехъ дворовъ и принадлежащихъ большею частью одному семейству. Но эти хутора были зерномъ, изъ

котораго развились цѣлыя села. Семейство вслѣдствіе естественнаго размноженія увеличивалось; нѣкоторые члены выдѣлялись, строили отдѣльные дворы, и хутора такимъ образомъ разростались. На такое происхожденіе сибирскихъ селъ указываетъ и то, что жители этихъ селъ иногда носятъ одну фамилію. Кромѣ того, правительство постоянно наказывало верхотурскимъ воеводамъ прибирать крестьянъ на государеву пашню „изъ охочихъ людей", давая имъ льготу и подмогу. Новоприбранные или селились въ деревняхъ прежнихъ верхотурскихъ пашенныхъ крестьянъ, или основывали свои деревни". За право пользованія землею старые и новые крестьяне обязаны были обработывать государеву пашню. О составѣ этихъ первоначальныхъ деревень можно судить по записямъ 1624 года: въ подгородней волости Верхотурья находилось 44 деревни, 2 починка и 6 пустошей, и въ нихъ во всѣхъ было только 80 дворовъ, въ которыхъ жило 102 человѣка (кромѣ женщинъ и дѣтей).

Въ послѣднихъ главахъ своей книги (VIII—IX) авторъ ставитъ общіе вопросы о заселеніи Сибири, о мѣрахъ правительства въ этомъ отношеніи; о ссылкѣ, ея колонизаціонномъ значеніи, и о положеніи ссыльныхъ; о народной колонизаціи Сибири; объ этнографическомъ составѣ сибирскаго населенія; объ управленіи и положеніи различныхъ классовъ населенія; о нравственномъ состояніи сибирскаго общества; наконецъ, объ инородцахъ, ихъ положеніи подъ русской властью и отношеніи къ русскому населенію. На основаніи подлинныхъ свидѣтельствъ получается оригинальная картина весьма первобытныхъ нравовъ, нерѣдко порядочно дикихъ, о которыхъ напрасно забываютъ новѣйшіе поклонники добраго стараго московскаго времени.

„Въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ послѣ завоеванія этой страны,— говоритъ авторъ, — въ ней возникло семь русскихъ городовъ, нѣсколько острожковъ, заставъ, слободъ, селъ, и сотни деревень; русскія поселенія сначала появились по главнымъ рѣкамъ, текущимъ въ передней Сибири, по Турѣ, Тоболу, Тавдѣ, Иртышу, Оби, а потомъ и по ихъ притокамъ. О постепенности заселенія, собственно говоря, не можетъ быть и рѣчи: русскіе города и различныхъ типовъ поселки появились почти одновременно на всемъ этомъ громадномъ пространствѣ... Постепенность въ заселеніи можно наблюдать только въ колонизаціи уѣзда извѣстнаго города, но не относительно всего покореннаго края"...

Какими способами совершалось заселеніе?

„Заселеніе Сибири, какъ и другихъ окраинъ русскаго государства, было двоякаго вида—правительственное и вольно-народное. Съ самаго утвержденія русскаго владычества въ Сибири московское правительство переселяло туда русскихъ и не-русскихъ людей то „по при-

бору“, то „по указу“. Первыми, конечно, насельниками покореннаго края были тѣ служилые люди, которые и завоевали его. Воеводы и головы, назначенные на службу въ Сибирь, сами или черезъ другихъ правительственныхъ агентовъ набирали войско отчасти изъ служилаго класса, а отчасти изъ разныхъ вольныхъ „охочихъ людей“; каждую экспедицію сопровождало духовенство, а иногда и посадскіе люди и крестьяне, тоже „прибранные“, а иногда и ссыльные... Едва только эти новые жители покореннаго края поставятъ свои дворы, какъ бьютъ челомъ государю, чтобы къ нимъ были перевезены изъ Руси ихъ семейства, а боярскія дѣти, духовныя лица, разные подъячіе такимъ же образомъ выписывали и своихъ крѣпостныхъ людей. Такъ что во второй годъ существованія города русскихъ жителей въ немъ было достаточное количество. Но не всѣ они оставались жить въ городѣ, а многіе селились на своихъ пашняхъ и такимъ образомъ начиналось заселеніе уѣзда“.

Такими же способами, „по прибору“ и „по указу“, набирали въ Сибири духовенство. Въ попахъ долго чувствовался недостатокъ: немногіе соглашались добровольно оставлять родину для далекой Сибири, и ихъ отправляли насильно; иные бѣгали, но ихъ ловили и водворяли на назначенныя мѣста. Между прочимъ жизнь въ Сибири была непривлекательна по крайнему самоуправству воеводъ и приказныхъ людей. На жалобы духовенства изъ Москвы присылались воеводамъ грозныя грамоты, но это не помогало. Архіепископы продолжали писать въ Москву: „Въ сибирскихъ городахъ твои государевы воеводы и приказные люди во всякія наши святительскія и духовныя дѣла и суды вступаются, и церковниковъ, поповъ, дьяконовъ, дьячковъ, пономарей и всякихъ причетниковъ къ твоему государеву всякому дѣлу и къ письму отъ твоего царскаго богомолья отъ Божіихъ церквей насильно берутъ, во всемъ ихъ судятъ и смиряютъ и отъ церквей Божіихъ отставляютъ и съ поповъ скуфью снимаютъ, въ тюрьму сажаютъ и батогами бьютъ и побиваютъ... И въ то время церкви стоятъ безъ пѣнія... и въ томъ попамъ... и причетникамъ въ Сибири отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей обида и притѣсненія великія“. Изъ мѣстныхъ жителей въ то время также трудно было находить поповъ, потому что,—жалуется одинъ архіепископъ, — „въ Сибири всѣ люди ссыльные и въ попы ставиться охотниковъ мало“.

Набирались въ европейской Россіи и отправляемы были въ Сибирь и служилые люди „по прибору“. Изъ служилыхъ и охочихъ людей обыкновенно прибирался сначала сотникъ, затѣмъ онъ прибиралъ десятниковъ, а тѣ остальную команду; десятники съ рядовыми служилыми давали сотнику запись на себя, что будутъ служить, а не „воровать“, не красть и не бѣгать, и т. д. Прибранные получали

отъ казны подмогу, рубля по два на человѣка, и на казенныхъ подводахъ отправляемы были въ Сибирь. Эти поѣзды служилыхъ людей представляютъ опять особенную картину старыхъ нравовъ; они сопровождались страшными разбоями и грабежами. „Для населенія тѣхъ областей, чрезъ которыя они проѣзжали, наступали тогда дни величайшихъ бѣдствій. Движеніе этихъ переселенцевъ напоминало русскимъ людямъ татарскихъ баскаковъ во времена монгольскаго ига, когда эти послѣдніе съ отрядами татаръ появлялись для сбора дани. Едва только дѣлалось извѣстнымъ приближеніе казаковъ и стрѣльцовъ къ городу или селу, какъ жители запирали дома, прятали женъ и дочерей, угоняли въ лѣса скотъ и съ ужасомъ ожидали этой орды. Вся забота населенія извѣстной области, въ которую вступали переселенцы, заключалась прежде всего въ томъ, чтобы поскорѣе спровадить ихъ далѣе, избавиться отъ ихъ продолжительной стоянки... Самый лучшій исходъ для населенія при отправкѣ переселенцевъ состоялъ въ томъ, если оно отдѣлывалось отъ нихъ только кормомъ, добровольными поминками, прибавкою нѣсколькихъ лишнихъ, сверхъ проѣзжихъ грамотъ, подводъ; подобные проводы можно было считать мирными, не выходящими изъ ряда обыкновенныхъ; жители такимъ исходомъ были довольны, даже въ томъ случаѣ, если во время гостепріимства переселенцы позволяли себѣ небольшіе грабежи и разныя насилія".

Обыкновенно бывало гораздо хуже.

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Въ 1593 году „сынъ боярскій,—читаемъ въ царской грамотѣ къ воеводѣ Горчакову,—съ атаманомъ и съ казаками, ѣдучи въ Сибирь, воровали; въ отчинѣ боярина Д. И. Годунова крестьянъ били и грабили, женъ крестьянскихъ соромотили, убили изъ пищали крестьянина, а у иныхъ многихъ крестьянъ животину, коровъ, свиней побили и платье пограбили, да другія боярскія дѣти съ атаманомъ и казаками, которые отпущены изъ Москвы, по дорогѣ многихъ людей били и грабили, и ямщикамъ за подводы прогоновъ не давали" и пр. „Но, иногда приходили въ Сибирь такія партіи служилыхъ людей, что опустошали цѣлые уѣзды, подобно тому, какъ дѣлали татары во время своихъ извѣстныхъ наѣздовъ". Жители, конечно, посылали жалобу къ царю; царь приказывалъ сибирскому воеводѣ, уже на мѣстѣ, наказать грабителей, — „сыскать на-крѣпко и виновныхъ бить батогами, сажать въ тюрьму до указу, животы ихъ ограбить, а пущаго вора повѣсить"; для воеводы это оказывалось, вѣроятно, и неудобоисполнимо, и нежелательно: „въ самомъ дѣлѣ, грабили и разбойничали всѣ — и головы, и сотники, и рядовые служилые люди; такимъ образомъ воеводѣ приходилось или всѣхъ грабителей наказывать, на что у него не хватило

бы силы, или, какъ обыкновенно это дѣлалось, онъ отписывалъ въ Москву, что „въ тюрьму виновныхъ по сыску сажалъ и изъ тюрьмы вынявъ кнутомъ билъ“. Возможно, что грабители въ такихъ случаяхъ дѣлились съ воеводой своими прибылями; однажды воевода прикрылъ цѣлую разбойничью шайку за приличный гонораръ.

Сибирская администрація съ самаго покоренія Сибири и почти до нашихъ дней славилась необычайными проявленіями самоуправства и грабежа. „Преданія“ объ этомъ вполнѣ подтверждаются „источниками“. Московское правительство, при тогдашнемъ порядкѣ вещей и особливо при отдаленности края, было совершенно безсильно противъ вопіющихъ злоупотребленій мѣстныхъ правителей, крупныхъ, а за ними и мелкихъ: самый законъ давалъ воеводамъ обширное полномочіе дѣйствовать „по высмотру“; жители были совершенно безправны. Послѣ, когда воеводы возвращались изъ Сибири въ Москву (ихъ вообще мѣняли очень часто), ихъ дѣла разбирались въ сибирскомъ приказѣ, но знаменитая „московская волокита“ и, конечно, подкупъ дѣлали то, что ихъ сибирскіе подвиги проходили безнаказанно; ихъ преемники принимали это къ свѣдѣнію и продолжали дѣйствовать совершенно также.

Правительство тѣмъ не менѣе не могло не озаботиться этимъ безобразнымъ положеніемъ вещей и придумывало мѣры, чтобы пресѣчь грабительство воеводъ. При общемъ ходѣ вещей придумано было, конечно, не какое-нибудь ограниченіе воеводской власти расширеніемъ человѣческихъ правъ самаго населенія, а новая чисто канцелярская кляуза, ставившая самихъ воеводъ въ унизительное положеніе, прямо говорившая о недовѣріи къ нимъ правительства въ ту самую минуту, когда оно давало имъ столь важное назначеніе, и, въ концѣ концовъ, не достигавшая цѣли. „Болѣе или менѣе дѣйствительная мѣра, и во всякомъ случаѣ оригинальная, состояла въ томъ, чтобы поставить воеводъ и другихъ приказныхъ людей въ такія условія, при которыхъ нажива, обогащеніе въ Сибири были бы для нихъ безполезными. Имъ дозволялось вывезти изъ Сибири имущества только на опредѣленную сумму, напр., воеводѣ большого города на 500 руб., товарищу его и дьякамъ, а также воеводамъ малаго города только на триста рублей, и т. д. Остальное же имущество, если они везли, считалось неправильнымъ прибыткомъ и отбиралось въ царскую казну. Эта мѣра была обставлена такимъ образомъ. При выѣздѣ изъ Москвы въ Сибирь все имущество лица, получившаго, напр., мѣсто воеводы, самымъ тщательнымъ образомъ осматривалось въ приказѣ; это имущество оцѣнивалось и цѣнность его записывалась въ проѣзжую грамоту, которую получало означенное лицо. Но воеводы могли эту мѣру обходить тѣмъ, что занимали у ростов-

щиковъ и знакомыхъ извѣстную сумму денегъ, лишь бы только показать въ приказѣ какъ свое имущество, а при выѣздѣ изъ Москвы возвращали. Узнавъ объ этомъ, правительство приказало верхотурскимъ таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ осматривать на заставѣ, которой нельзя было миновать, имущество всѣхъ проѣзжихъ, не исключая воеводъ и другихъ служилыхъ людей. И если, напр., воевода показывалъ имущества на меньшую сумму, чѣмъ значилось въ проѣзжей грамотѣ, выданной ему въ Москвѣ изъ приказа, то это означало фальшь и у него отбиралось въ царскую казну все имущество. Такимъ образомъ, всякій воевода являлся въ Сибирь съ имуществомъ, извѣстнымъ правительству. Такая же процедура производилась надъ всѣми служилыми людьми и при выѣздѣ ихъ изъ Сибири въ Москву". Когда воевода возвращался изъ Сибири, его на заставѣ встрѣчалъ таможенный голова, у котораго была на счетъ воеводы строгая и совершенно опредѣленная инструкція. Такъ какъ, кромѣ денегъ, была почти ходячею монетою мягкая рухлядь, т.-е. мѣха, то таможенный голова долженъ былъ особенно смотрѣть, не везетъ ли воевода этого товара, который понимался какъ награбленный. Таможенному головѣ вмѣнялось въ обязанность досматривать мягкую рухлядь: „въ возахъ, сундукахъ, въ коробьяхъ, въ сумкахъ, чемоданахъ; въ платьяхъ, въ постеляхъ, въ подушкахъ, въ винныхъ бочкахъ, во всякихъ запасахъ, въ печеныхъ хлѣбахъ... обыскивать мужской и *женскій* полъ, *не боясь и не страшась никого ни въ чемъ*, чтобы въ пазухахъ, въ штанахъ и въ зашитомъ платьѣ отнюдь никакой мягкой рухляди не привозили... а что найдутъ, то брать на государя". Разумѣется, всѣ эти строгія мѣры не достигали своей цѣли: воевода привозилъ награбленное въ Москву окольными путями или черезъ эту же самую заставу, дѣлясь добычей съ таможеннымъ головой. Система недовѣрія вела къ деморализаціи и государство вынуждалось впередъ смотрѣть на своихъ слугъ какъ на обманщиковъ и грабителей.

Не мало подобныхъ картинъ стараго сибирскаго быта, который былъ только отраженіемъ быта московскаго, представитъ прошлое Сибири. Одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ старой сибирской исторіи, сохраняющій и понынѣ важное значеніе для сибирской жизни— есть между прочимъ значеніе ссылки, документально еще неизученной. Писатели весьма знающіе полагали, что въ первое время ссылка имѣла только значеніе уголовной кары или политической мѣры, удалявшей отъ центра людей, подпавшихъ царской опалѣ, политически вредныхъ или опасныхъ; колонизаціонное значеніе ссылки принимали только съ болѣе поздняго времени, приблизительно съ конца царствованія Алексѣя Михайловича. Г. Буцинскій считаетъ это мнѣніе

совершенно ошибочнымъ и доказываетъ, что въ теченіе XVII-го вѣка дѣло было наоборотъ: только въ рѣдкихъ случаяхъ ссыльныхъ заключали въ тюрьму на мѣстѣ ссылки, а большею частью московское правительство велитъ сибирскимъ воеводамъ или верстать ссыльныхъ въ службу, или сажать на пашню. „Иначе и быть не могло: московскіе цари были слишкомъ разсчетливы, чтобы сотни преступниковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь, держать въ заточеніи въ тюрьмахъ и кормить ихъ даромъ. Если они утилизировали такіе предметы своего хозяйства, какъ мякину, ухоботье, солому, если они не пренебрегали такими мелкими пошлинами, которыхъ цѣнность нельзя выразить никакою монетою, если, наконецъ, они собирали десятину съ „собачьяго корма", привозимаго въ Сибирь промышленниками для своихъ „промышленныхъ собакъ", или десятину съ поношенныхъ рубахъ и штановъ, ввозимыхъ русскими торговыми людьми, какъ предметы торговли съ остяками и вогулами, то трудно допустить, чтобы такіе разсчетливые хозяева, какими были всегда наши московскіе цари, не воспользовались дешевымъ трудомъ ссыльныхъ при своей хозяйственной дѣятельности въ „дальной сибирской вотчинѣ", въ которой еще такъ мало было населенія. Даже для такихъ преступниковъ, какъ государственные измѣнники, разбойники и душегубцы, которыхъ правительство приказывало сибирскимъ воеводамъ „заключать въ тюрьму", это тюремное заточеніе продолжалось годъ, два года и рѣдко болѣе, а потомъ служилые люди верстались въ службу съ государевымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ, а крестьяне сажались на государеву пашню и притомъ получали отп казны подмогу и ссуду, какъ и приборные изъ гулящихъ людей". За 1614—24 годы изъ 560 человѣкъ, сосланныхъ тогда въ Сибирь, только 19 человѣкъ было посажено въ тюрьму, и то на короткое время. Что правительство не было очень злопамятно или придирчиво къ ссыльнымъ, обращеннымъ въ служилыхъ людей, можно видѣть изъ того, что въ тѣ годы въ Туринскъ назначенъ былъ воеводой человѣкъ, который за десять лѣтъ передъ тѣмъ пришелъ туда „въ колодникахъ".

Число всѣхъ ссыльныхъ за описываемый періодъ, т.-е. до конца царствованія Михаила Ѳеодоровича, авторъ считаетъ въ 1.500 человѣкъ, не считая женъ, дѣтей и всякихъ свойственниковъ (такъ какъ нерѣдко вмѣстѣ съ человѣкомъ, подпавшимъ этому наказанію, ссылалась и его ближайшая родня, или ссыльные, устроившись на мѣстѣ, просили, чтобы къ нимъ были высланы и ихъ семейства). Изъ этого числа было не-русскихъ подданныхъ около 650 человѣкъ: это были, во-первыхъ, военно-плѣнные, во-вторыхъ, иноземцы, служившіе въ русскомъ войскѣ и бѣжавшіе къ непріятелю, но захваченные въ плѣнъ; между этими военно-плѣнными были поляки, литвины, нѣмцы „це-

сарской земли", нѣмцы ливонскіе и шведскіе, латыши, черкасы, одинъ „французепинъ". Изъ числа русскихъ подданныхъ было до 100 семействъ инородцевъ, около 366 „черкасъ", т.-е. малороссіянъ.

Путемъ завоеванія, присылки служилыхъ людей, переселеній вольныхъ и невольныхъ (по прибору и по указу), ссылки и, наконецъ, разнообразнаго смѣшенія съ туземцами сталъ складываться особенный этнографическій составъ сибирскаго населенія. За время до половины XVII вѣка, „оно, помимо туземцевъ (и русскихъ), представляло пеструю, разношерстную массу; оно состояло изъ нѣмцевъ австрійскихъ и ливонскихъ, шведовъ, поляковъ, литовцевъ, латышей, мордвы, черемисъ, и даже французовъ: эта пестрота особенно замѣтна въ Тобольскѣ. Но само собою понятно, что значительное большинство этой массы принадлежало къ русскому народу и преимущественно къ жителямъ сѣверныхъ губерній. Въ спискахъ служилыхъ, посадскихъ людей и крестьянъ чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить „калужанина", „путивльца", „рыленина", да и то большею частью изъ ссыльныхъ, а остальные насельники переведены или перешли изъ такъ-называемыхъ поморскихъ городовъ: Устюга Великаго, Сольвычегодска, Каргополя, Холмогоръ, Вятки и т. п. Гулящіе люди въ Сибири были исключительно изъ этихъ городовъ; напр., изъ 617 человѣкъ, присягавшихъ въ Верхотурьѣ царю Алексѣю Михайловичу, половина была родомъ „устюжанъ", значительная часть „сольвычегодцевъ" и „пѣнежанъ", а другіе были: „вятчане", „соликамцы", „кайгородцы", „важеняне", „вычегджане" и т. п.

Нравственное состояніе первыхъ насельниковъ Сибири въ старыхъ источникахъ рисуется весьма мрачными красками. Таковы показанія грамоты патріарха Филарета къ первому сибирскому архіепископу Кипріану, которая ссылается на разсказы „воеводъ и приказныхъ людей, которые прежде сего бывали въ Сибири", но, по весьма правдоподобному объясненію г. Буцинскаго, основана на донесеніи самого Кипріана—желавшаго это прикрыть, чтобы не ожесточить противъ себя воеводъ и служилыхъ людей, именно осуждаемыхъ въ грамотѣ патріарха [1]). Итакъ, патріархъ, во всякомъ случаѣ на основаніи мѣстныхъ показаній, указываетъ, что въ сибирскихъ городахъ многіе служилые и жилецкіе люди живутъ не по-христіански, не по преданіямъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ, а по своей волѣ, по своимъ сквернымъ похотямъ: многіе русскіе люди и иноземцы, принявшіе православіе, крестовъ на себѣ не носятъ, постныхъ дней не хранятъ, а ѣдятъ мясо и „всякія скверны" вмѣстѣ съ татарами,

---

[1]) Буцинскій, стр. 283 и д.; грамота въ „Собраніи госуд. грамотъ и договоровъ" М. 1822, ч. III (отъ февраля 1622 г.).

остяками и вогулами. Грамота указываетъ затѣмъ отвратительныя формы полового разврата, господствовавшаго не только между мірскими людьми, но и въ сибирскихъ монастыряхъ; факты были такіе, что подобнаго „и въ поганыхъ и не знающихъ Бога не обрѣтается, о чемъ не только писать, но и слышать гнусно“. Повидимому, обыкновеннымъ дѣломъ было, что православные люди жили внѣ брака съ некрещеными инородками. Многіе служилые люди, отправляясь по дѣламъ службы въ Москву и другіе города, закладываютъ своихъ женъ на сроки, и бываетъ, что если по истеченіи срока они женъ своихъ не выкупаютъ, то кредиторы продаютъ послѣднихъ „на воровство и на работу всякимъ людямъ“. Другіе берутъ бѣдныхъ вдовъ и дѣвицъ, и мужнихъ женъ насильно, а попы сибирскихъ городовъ, черные и бѣлые, не только такія беззаконія не запрещаютъ, но и говорятъ молитвы, „а иныхъ вѣнчаютъ безъ знаменъ, не по христіанскому закону“. Монастыри вели соблазнительную жизнь. Сибирскіе воеводы „того не брегутъ и тѣхъ людей отъ такого воровства, беззаконныхъ и скверныхъ дѣлъ не унимаютъ и не наказываютъ, покрывая ихъ для своей бездѣльной корысти, и иные же воеводы и сами такимъ ворамъ потакаютъ и попамъ приказываютъ говорить имъ молитвы и вѣнчать ихъ насильно“.

Это паденіе религіознаго чувства, составлявшаго въ тѣ вѣка единственную нравственную норму, по словамъ того же историка объясняется очень легко. Въ Сибири, особливо въ городахъ, сошлись люди различныхъ племенъ, религій и нравственныхъ понятій: язычники, магометане, лютеране, католики, наконецъ, православные русскіе; послѣ смутнаго времени въ Сибирь сослано было много плѣнныхъ поляковъ, „литовцевъ“, нѣмцевъ, да и русскихъ людей, малороссійскихъ и донскихъ казаковъ, которые принесли сюда одичалые нравы той эпохи. Многіе изъ нихъ были „поверстаны въ службу“ и такимъ образомъ вошли въ составъ сибирскаго населенія; туда же ссылались „воры“, „разбойники“, „душегубцы“, которыхъ сажали на пашню. „И эта смѣсь элементовъ не могла не отразиться самымъ гибельнымъ образомъ и на „приборныхъ“, „переведенцахъ“ и вольныхъ переселенцахъ изъ русскихъ людей, на ихъ религіозныхъ и нравственныхъ понятіяхъ“ [1]). Припомнимъ, что и безъ того хороши были тѣ „приборные“ люди, переселеніе которыхъ историкъ сравнивалъ выше съ татарскими нашествіями.

Присоединялось наконецъ безсиліе самой іерархіи. Сибирскія власти и служилые люди встрѣтили перваго архіепископа, назначеннаго въ Тобольскъ, Кипріана, крайне враждебно, правильно предпо-

---

[1]) Буцинскій, стр. 286.

лагая въ немъ неудобнаго свидѣтеля ихъ дѣяній и который будетъ стѣснять ихъ самоуправство. Въ грамотѣ, писанной имъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Сибирь, къ государю и патріарху, Кипріанъ, указывая встрѣченныя имъ безобразія, между прочимъ говоритъ: „разные служилые люди приходятъ къ нему съ великимъ шумомъ и сказываютъ, что у нихъ есть *государева грамота* дѣлать такъ, какъ они дѣлаютъ",—не даютъ разводить незаконно сожительствующихъ, чернецы живутъ съ женами; попы и мірскіе люди, получивъ отъ государя въ Москвѣ „церковное строеніе" (т.-е. деньги на постройку и украшеніе церквей), пропиваютъ это строеніе... Іерархія была не въ силахъ бороться противъ безпорядковъ, которымъ потакали („для своей бездѣльной корысти") сами воеводы; жители, по разсчету, какъ выгоднѣе, шли по церковнымъ дѣламъ или къ архіепископу и его десятникамъ, или къ воеводѣ, и тогда не хотѣли знать десятниковъ, и т. д. Обѣ стороны посылали въ Москву другъ на друга доносы, въ которыхъ тамъ невозможно было разобраться. Архіепископы не могли справиться и съ подчиненнымъ духовенствомъ; впослѣдствіи одинъ архіепископъ, жалуясь по прежнему въ Москву, доносилъ между прочимъ, что иные попы живутъ такъ далеко отъ Тобольска, что если вызывать ихъ „на смиреніе", то имъ проѣзду будетъ года по два и больше.

Отношенія къ инородцамъ русской власти и населенія были очень своеобразны. Матеріальное положеніе инородцевъ было повидимому нелегко, особливо пашенныхъ; съ конца XVI-го вѣка уже идутъ ихъ жалобы московскому правительству и просьбы объ облегченіи. Но вообще, по словамъ историка, московское правительство относилось къ нимъ очень внимательно, уважало ихъ туземное право и вѣру [1]),—хотя въ этомъ правѣ была торговля людьми, а въ вѣрѣ были еще человѣческія жертвоприношенія. Напр. русскихъ людей, за неисправность въ податяхъ, за игру въ зернь или въ карты и т. п. приказывалось „бить кнутомъ нещадно, чтобъ другимъ было неповадно", а относительно инородцевъ воеводамъ рекомендовалось—„ясакъ и поминки съ ясачныхъ людей брать смотря по людямъ и по промысламъ... давать въ ясакѣ сроки насколько пригоже... выбирать съ ясачныхъ людей мягкую рухлядь *ласкою*, а *не жесточью* и *правежемъ*..., чтобы тѣмъ ясачныхъ людей отъ государева жалованья не отогнать и тѣмъ бы ихъ *не оскорбитъ*". Воеводы жаловались на эту излишнюю мягкость и утверждали, что при этомъ имъ ясака не собрать; но инородцы, знавшіе объ этихъ распоряженіяхъ московской власти, привыкала видѣть въ царѣ защитника противъ воеводъ. Послѣдніе, несмотря ни

1) Тамъ же, стр. 327 и д.

царскіе указы, все-таки притѣсняли инородцевъ, но, какъ замѣчаетъ историкъ, въ этомъ выражалась не племенная вражда, а алчность воеводъ и служилыхъ людей и злоупотребленіе своей силой.

На дѣлѣ побѣдители и побѣжденные мирно уживались: первые русскіе насельники были изъ сѣверныхъ областей, и въ сѣверо-западной Сибири встрѣтили тѣхъ же остяковъ, вогуловъ и татаръ, съ которыми были знакомы на старыхъ мѣстахъ. Поэтому завоеватели не чуждаются ихъ. Быть можетъ, историкъ преувеличиваетъ безобидность отношеній, существовавшихъ между ними,—позднѣйшіе факты указываютъ, что притѣсненія и эксплуатація были обычнымъ дѣломъ со стороны самихъ промышленниковъ; но съ другой стороны бывали и дружественныя отношенія. „Изъ разныхъ отписокъ воеводъ видно, что русскіе крестьяне ходятъ въ инородческія юрты, а инородцы посѣщаютъ русскія деревни, вмѣстѣ пьютъ водку, играютъ въ зернь и карты; инородцы говорятъ русскимъ языкомъ и „всякому русскому обычаю навычны"; инородцы указываютъ русскимъ людямъ на соленые ключи, на желѣзныя и серебряныя руды". Они предупреждаютъ русскихъ объ опасности отъ нападеній калмыковъ и т. п.

Сближеніе установлялось само собою. Впослѣдствіи, уже въ половинѣ XVII-го вѣка, правительство начинаетъ даже заботиться объ отдаленіи русскихъ отъ инородцевъ, такъ какъ сближеніе дурно отражалось на нравахъ русскихъ людей. Царь Алексѣй приказываетъ тобольскимъ воеводамъ „разводить русскихъ и татаръ, чтобы они вмѣстѣ не пили, не ѣли и не жили"; на это сближеніе русскихъ съ татарами жаловался архіепископъ Симеонъ, въ 1654 году. Послѣ пожара въ 1643, по словамъ его, „тобольскаго города всякихъ чиновъ жилецкіе люди живутъ въ татарскихъ юртахъ подъ горою и тѣ православные христіане ожились и живутъ съ татарами вмѣстѣ, а живучи въ татарскихъ юртахъ русскіе люди сквернятся: пьютъ и ѣдятъ изъ однихъ сосудовъ и въ постъ съ ними упиваются", и наконецъ дѣлились женами. На основаніи этихъ фактовъ историкъ не видитъ здѣсь никакого отчужденія, никакой племенной вражды. „Подобное общеніе,—говоритъ онъ,—условливалось необыкновенною способностію русскаго человѣка къ уживчивости съ людьми—что́, конечно, предполагаетъ и взаимную житейскую уступчивость. Русскій человѣкъ легко оріентируется въ каждой новой мѣстности, умѣетъ приспособиться ко всякой природѣ, способенъ перенести всякій климатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣетъ ужиться со всякою народностію, будь то самоѣды, остяки, вогулы, татары или нѣмцы: благодаря этой способности, помимо превосходства культуры, онъ быстро превращалъ въ свою плоть и кровь всякихъ сибирскихъ инородцевъ, хотя, конечно,

и самъ не вполнѣ оставался тѣмъ, чѣмъ былъ до переселенія въ Сибирь" [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что культурное превосходство, которое между прочимъ сопровождалось лучшимъ вооруженіемъ, сдѣлало русскихъ хозяевами Сибири; сближенію съ инородцами дѣйствительно способствовала та уживчивость, какая бываетъ свойственна русскому народному характеру и какой далеко или вовсе не обнаруживаютъ западно-европейскіе народы въ своей колонизаціи; но едва ли сомнительно также, что въ этомъ сближеніи играли роль весьма не высокія культурныя требованія тѣхъ разрядовъ лицъ, которыя ближе всего встрѣчались съ инородцами. Этимъ объясняется то извѣстное явленіе, что при этихъ встрѣчахъ русскіе не только роднились съ „низшими" племенами, но что при этомъ понижался уровень ихъ собственной культуры.

Мы замѣчали, что отношеніе къ инородцамъ не всегда было столь благодушно, какъ разсказываетъ историкъ о временахъ конца XVI-го и начала XVII-го вѣка; чѣмъ дальше, тѣмъ больше крѣпло русское населеніе на новыхъ мѣстахъ и тѣмъ сильнѣе развивалась экономическая эксплуатація, которая наконецъ доводила инородцевъ до крайняго бѣдственнаго положенія, когда притомъ не дѣлалось почти или совершенно ничего для нѣкотораго ихъ просвѣщенія. Въ Сибири восточной русская колонизація принимала другой характеръ. Промышленныя партіи, двигавшіяся на востокъ и руководившіяся только инстинктами корысти, встрѣчали преобладающую массу инородцевъ и съ одной стороны происходило здѣсь страшное истребленіе сопротивлявшихся туземцевъ (такъ что, напримѣръ, масса бурятскаго населенія въ Забайкальѣ отъ страха бѣжала въ Монголію), а съ другой побѣдители должны были вступать въ сдѣлки, признать за инородцами право на ихъ земли, предоставить имъ внутреннее самоуправленіе [2]). Если на западѣ сильное преобладаніе русской стихіи не помѣшало измѣненію типа вслѣдствіе смѣшеній, то тѣмъ сильнѣе оно было на востокѣ, гдѣ русское населеніе, столь мало превышающее инородцевъ теперь, въ прежнее время было и совсѣмъ незначительно.

Смѣшеніе съ туземцами было неизбѣжно прежде всего по недостатку русскихъ женщинъ. Московская власть уже съ перваго времени обращаетъ на это вниманіе. Въ 1630 году по царскому указу для восполненія недостатка въ женщинахъ послано было въ Сибирь 150 дѣвокъ, набранныхъ въ Тотьмѣ, Устюгѣ и Сольвычегодскѣ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 334—335.

[2]) Считаютъ, что въ настоящее время въ западной Сибири русское населеніе превышаетъ инородцевъ въ 13 разъ, въ иркутской губерніи только въ 3 раза, а въ Забайкальской области только съ небольшимъ въ 2 раза.

Такое же извѣстіе повторяется въ 1637 году [1]). Историки Сибири разсказываютъ, что въ первое время завоеватели или отнимали силою, или покупали инородческихъ женщинъ; это дѣлалось по необходимости, и при первой возможности этихъ инородческихъ женщинъ замѣняли русскими. У первыхъ колонистовъ развилось даже настоящее многоженство, и русской женщинѣ отдавалось только при этомъ нѣкоторое преимущество. Такъ какъ первое столѣтіе сибирской исторіи занято было усиленнымъ стремленіемъ къ разысканію и захвату новыхъ земель, а вмѣстѣ съ тѣмъ долгими промышленными и торговыми странствіями, то сибирякъ того времени мало жилъ на одномъ мѣстѣ, и у него разсѣяны были жены по тѣмъ мѣстамъ, которыя лежали на его обычномъ пути. Нѣчто подобное существуетъ и въ настоящее время [2]). Наконецъ, женщины стали предметомъ настоящей торговли; ихъ мѣняли, покупали и продавали также, какъ инородческихъ невольницъ. Факты продажи женъ встрѣчаются не только въ актахъ XVIII-го вѣка, но и въ нашемъ столѣтіи. Правительство еще въ половинѣ XVIII-го вѣка отправляло женщинъ въ Сибирь, набирая ихъ изъ преступницъ и женщинъ легкаго поведенія. Недостатокъ женщинъ чувствовался еще и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и въ видахъ его восполненія правительство, принимая мѣры противъ развившейся съ прошлаго вѣка покупки инородческихъ дѣтей въ рабство, дѣлало исключеніе для покупки дѣвочекъ. Это было еще въ 1825 году.

Эти нѣсколько фактовъ даютъ понятіе о томъ, какъ должно было измѣниться въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній свойство русской народности въ Сибири, въ которую этимъ путемъ входило столько инородческой крови. Результаты подобнаго смѣшенія бываютъ весьма разнообразны, но прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что первоначальный типъ долженъ былъ неизбѣжно затериваться. Онъ и дѣйствительно затеривался и притомъ въ разныхъ мѣстахъ различно, смотря по тому, съ какими племенами происходило смѣшеніе. Сибирскіе изслѣдователи, отчасти руководясь, вѣроятно, желаніемъ скрасить племенныя отношенія своей родины, собирали доказательства, что подобныя племенныя смѣшенія могутъ не представлять ничего неблагопріятнаго относительно качества поколѣній, происходящихъ отъ смѣшенія. Извѣстно положеніе, что племенныя смѣшенія могутъ вести

---

[1]) Вѣроятно, въ подобныхъ мѣропріятіяхъ имѣетъ начало не однажды повторявшійся у насъ паническій страхъ въ деревенскомъ населеніи, что будетъ наборъ дѣвокъ, вслѣдствіе чего происходило усиленное количество свадебъ. О случаѣ такой паники газеты говорили еще года три назадъ.

[2]) Нѣкоторые предполагаютъ здѣсь даже прямое вліяніе магометанскаго многоженства.

къ улучшенію достоинствъ племени: всѣ великіе европейскіе народы были плодомъ разнообразнаго смѣшенія, которому и приписывается ихъ культурная даровитость; но съ другой стороны вѣроятно, что не всякое смѣшеніе поведетъ къ благопріятнымъ результатамъ, и сами сибирскіе изслѣдователи признаютъ, что во многихъ случаяхъ смѣшеніе отзывалось неблагопріятно на первоначальныхъ свойствахъ русскаго племени. Таковы въ особенности смѣшенія съ сѣверо-западными инородцами Сибири, остяками, самоѣдами, многіе вѣка находившимися въ подавленномъ бытовомъ состояніи и не имѣвшими возможности развивать даже тѣ немногія культурныя данныя, которыя еще сохранялись въ ихъ природѣ.

Параллельно съ вліяніями смѣшенія на измѣненіе первоначальнаго русскаго типа въ Сибири дѣйствовали другія условія — территоріи, климата и промысла, которыя также нерѣдко производили его пониженіе. Въ сѣверной дикой пустынѣ русскому промышленнику представлялись тѣ же условія существованія, какъ и туземному инородцу; въ концѣ концовъ для борьбы съ суровою природой и для промысла онъ сталъ употреблять первобытные пріемы туземцевъ и мало-по-малу втягивался въ тотъ же бытъ и нравы. Кастренъ изумлялся въ 40-хъ годахъ, видя въ Обдорскѣ, что тамошніе русскіе жили также, какъ окружающіе ихъ самоѣды и остяки [1]), и это бывало, конечно, издавна. Въ другихъ мѣстахъ русскіе такимъ же образомъ перенимали обычаи татарскіе, киргизскіе, бурятскіе, якутскіе; киргизскій языкъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ южной Сибири, якутскій— въ Якутскѣ становились разговорнымъ языкомъ даже въ высшемъ мѣст-

---

[1]) Упомянувъ, что онъ не нашелъ между русскими жителями Обдорска никакой помощи и никакого пониманія къ своимъ интересамъ, онъ говоритъ: „но чего другого и можно ожидать отъ людей, которые отказались отъ всѣхъ радостей и удовольствій цивилизованной жизни, съ одною цѣлью—хитростью и обманомъ присвоивать себѣ пріобрѣтенное потомъ и трудомъ достояніе простодушныхъ и легковѣрныхъ туземцевъ. Это имъ, правда, и удалось, но этотъ успѣхъ повергнулъ большинство этихъ искателей счастья въ нравственную испорченность, причемъ они вмѣстѣ съ тѣмъ погрязли въ животную грубость, которая казалась мнѣ противнѣе грубости самихъ дикарей. Когда я, только-что пріѣхавши въ Обдорскъ, искалъ квартиры у одного переселившагося сюда изъ Тобольска мѣщанина, я нашелъ все его семейство сидящимъ на полу, гдѣ оно занято было тѣмъ, что ѣло сырую рыбу, которую самъ хозяинъ нарѣзывалъ въ куски. И когда я вскорѣ затѣмъ посѣтилъ образованнѣйшаго человѣка въ городѣ, который былъ нѣчто въ родѣ мелкаго чиновника, онъ хвастался тѣмъ, что въ теченіе полугода не имѣлъ другой пищи, кромѣ сырой рыбы... Обыкновенная одежда жителей большею частью такая же, какъ у самоѣдовъ и остяковъ. Многіе изъ нихъ похожи на самоѣдовъ и тѣмъ, что держатъ болѣе или менѣе многочисленныя стада оленей“, и т. д. „Nordische Reisen“, I, стр. 280. Онъ замѣчаетъ, что при всемъ томъ въ Обдорскѣ очень извѣстны были тобольскія моды, зеркала, вина и т. п.

номъ классѣ. Вліяніе туземной среды кончалось иногда тѣмъ, что русскіе совсѣмъ почти теряли свою народность, и не разъ указывали примѣры объякучиванія русскихъ на сѣверо-востокѣ Сибири. Знатоки мѣстной жизни въ Иркутскомъ краѣ и въ Забайкальѣ много разъ указывали на распространеніе въ русскомъ населеніи монголо-бурятскаго, „брацковатаго" (отъ „братскихъ", какъ называютъ бурятъ) типа, который считается наконецъ красивымъ, и вмѣстѣ на распространеніе бурятскихъ бытовыхъ особенностей — народныхъ понятій, суевѣрій, даже вѣры въ шаманство [1]).

Чѣмъ объясняется это явленіе? Едва ли сомнительно, что главнымъ основаніемъ его было слабое культурное развитіе самихъ русскихъ, которые изъ своего прежняго быта не вынесли такихъ крѣпкихъ задатковъ культуры, какіе, напримѣръ, получаетъ на родинѣ и такъ упорно сохраняетъ въ своей колонизаціи и переселеніяхъ нѣмецъ, французъ, англичанинъ; съ другой стороны много зависѣло отъ того особеннаго положенія, въ какомъ оказывалось русское населеніе въ извѣстныхъ областяхъ Сибири. Заброшенные судьбой въ такія мѣстности, гдѣ встрѣчалъ ихъ совершенно новый характеръ природы и климата, лишенные опоры въ русскомъ сосѣдствѣ, эти поселенцы по-неволѣ прибѣгали къ тѣмъ средствамъ существованія и затѣмъ— складу быта, какой находили у туземцевъ, и если притомъ инородческій элементъ проникалъ въ самую семью, то потеря стараго русскаго обычая и даже языка совершалась очень легко. Населеніе оставалось русскимъ по имени, по вѣрѣ, по языку, но все это было надломлено; много обычаевъ промысла, который являлся единственнымъ средствомъ существованія, было принято отъ инородцевъ; языкъ портился, и надъ нимъ все больше бралъ верхъ языкъ инородцевъ; самый наружный типъ измѣнялся въ такой степени, что въ немъ оставалось уже мало русскаго. Съ другой стороны русѣвшіе инородцы, принимая христіанство, русскій языкъ, обычаи, всегда бываютъ лишены народнаго русскаго преданія, и сливаясь съ русскими, сохраняютъ необходимо нѣчто свое прежнее, и являются страннымъ, бросающимся въ глаза заѣзжему наблюдателю образчикомъ *русскихъ*, лишенныхъ народной традиціи, ломающихъ русскій языкъ, не знающихъ русской пѣсни и т. д. Послѣднее встрѣчается, какъ увидимъ, и у самихъ русскихъ. — Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе высокая степень образованія могла бы доставить русскому типу бо́льшую устойчи-

---

[1]) У одного изъ новѣйшихъ путешественниковъ читаемъ, что „въ Тупкѣ (иркутской губ., со смѣшаннымъ русско-бурятскимъ населеніемъ) есть образъ Николая, на которомъ онъ изображенъ съ раскосыми глазами, какъ у монголовъ: онъ такъ и называется бурятскимъ Нико́лой и въ большомъ у насъ (у нихъ?) почетѣ". Астыревъ, „Очерки жизни населенія Вост. Сибири", М. 1891, стр. 231.

вость, но отсутствіе школы составляло издавна, и составляетъ донынѣ, предметъ справедливыхъ жалобъ образованнѣйшей части сибирскаго общества.

Въ числѣ обстоятельствъ, способствовавшихъ образованію особаго склада сибирскихъ нравовъ и самой мѣстной народности было исключительное административное положеніе Сибири. Страна была такъ далека отъ правительственнаго центра, что сибирскіе правители, воеводы, потомъ губернаторы, становились настоящими сатрапами. Исторія сибирскаго управленія преисполнена, какъ нигдѣ въ старомъ и новѣйшемъ русскомъ государствѣ, примѣрами необузданнаго самоуправства и грабежа, которые отъ высшихъ правителей спускались ступенями до низшихъ исполнителей, и вся страна была совершенно беззащитна передъ этимъ произволомъ. Прошло едва нѣсколько лѣтъ послѣ перваго занятія Сибири, еще предстояли труды дальнѣйшаго занятія и завоеванія, а царскій указъ 1601 г. предписываетъ, чтобы воеводы не чинили себѣ корысти, не подмѣнивали „лучшихъ соболей и куницъ и лисицъ и бобровъ и бѣлки и горностаевъ, а своихъ худыхъ соболей и бобровъ и всякіе мелкіе рухляди не клали". Въ 1602 году Сибирь имѣла уже своего перваго „мученика": это былъ торговый приказчикъ Василій, признанный богоугодившимъ „чрезъ свои жестокія мученія отъ немилостиваго игемона" (т.-е. воеводы), Савлука Пушкина; тѣло этого Василія найдено впослѣдствіи нетлѣннымъ, перенесено въ 1670 г. въ Туруханскій монастырь, и 23-го марта празднуется память блаженнаго мученика Василія Мангазейскаго. Сибирскіе „игемоны" грабятъ киргизовъ (какъ безъ сомнѣнія и другихъ инородцевъ), и этимъ дѣлаютъ ихъ надолго злѣйшими врагами русскихъ [1]).

„Игемоны" доходятъ вообще до такого безобразія, что въ 1682 году тобольскій митрополитъ отлучилъ отъ церкви младшаго тобольскаго

[1]) Миллеръ разсказываетъ въ своей исторіи: „Киргизскій князецъ Номча, котораго жена пріѣхала въ Томскъ съ прошеніемъ о принятіи ея въ россійское подданство, паче всѣхъ другихъ отмщенія былъ желателенъ. За отъемъ новыми томскими воеводами у жены его собольей шубы пришолъ онъ въ такое огорченіе, что онъ на чулымскихъ татаръ огнемъ и мечемъ напалъ. Сіе приключеніе чаятельно главною тому было причиною, что въ послѣдующія времена киргизовъ, сколько о томъ старанія съ россійской стороны ни прилагали, совершенно покорить не могли.—Сибирская исторія насъ удостовѣряетъ, что когда съ покоряемыми или съ покоренными народами ласково и кротко поступали, тогда они безъ труда ко всему охотными себя показывали, что̀ отъ нихъ требовано ни было. Напротивъ чего неукротимое упрямство и свирѣпость оказывали, когда имъ какія оскорбленія чинены, и воеводы болѣе отъ нихъ требовали, нежели сколько они дать были въ состояніи, или чего по силѣ царскихъ указовъ съ нихъ збирать не надлежало. Въ подтвержденіе сего послѣдняго множество примѣровъ имѣемъ", и пр. „Описаніе сибирскаго царства", 2-е изд., Спб., 1787, стр. 323.

воеводу „за презорство и гордость, за неистовое житіе, и за непристойныя и поносныя рѣчи“. Такое „презорство“, т.-е. буянство, и лихоимство было, кажется, свойствомъ чуть не всѣхъ сибирскихъ воеводъ—исключенія были рѣдки. Отсутствіе контроля производило и такія странныя вещи, какая случилась въ Нерчинскѣ. Былъ тамъ воеводой Аѳанасій Савельевъ, прославившійся по цѣлой Сибири своею алчностью; на его мѣсто послали Семена Полтева, который умеръ въ дорогѣ, не доѣхавъ до мѣста, а мѣстные жители при этомъ, страшась другого Савельева, выбрали сами себѣ въ начальники сына Полтева, *ребенка*, котораго на рукахъ носили въ присутствіе; маленькій Полтевъ, подъ руководствомъ приданнаго ему въ товарищи боярскаго сына Порфирьева, управлялъ Нерчинскимъ краемъ съ 1696 по 1699 годъ, до прибытія посланнаго изъ Москвы воеводы Ивана Николаева. Когда до высшей власти доходили извѣстія о грабительствѣ сибирскихъ правителей, оно прибѣгало къ самымъ крутымъ мѣрамъ: въ 1721 г. сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ преданъ былъ въ Петербургѣ смертной казни; въ 1736 казненъ былъ въ Петербургѣ иркутскій вице-губернаторъ Жолобовъ. Несмотря на то, дѣла въ Сибири шли прежнимъ порядкомъ; въ сибирскихъ преданіяхъ до сихъ поръ не забылись имена старыхъ правителей, прославившихся своими грабежами и свирѣпостью, а напримѣръ въ 1758—1761, цѣлыхъ три года, производилъ всевозможныя грабительства, звѣрства и „неслыханно безнравственныя пакости“ нѣкто Крыловъ, присланный изъ Петербурга слѣдователь по винокуреннымъ дѣламъ, пока наконецъ слухи о его дѣяніяхъ достигли Петербурга и онъ былъ арестованъ. Подобные порядки продолжались даже и въ XIX-мъ столѣтіи. Ревизія Сперанскаго 1819 года была вызвана невозможнымъ управленіемъ сибирскаго генералъ-губернатора Пестеля. Сперанскій нашелъ въ Сибири такую массу всяческихъ злоупотребленій, что у него опускались руки: въ самомъ дѣлѣ приходилось исправлять зло, накоплявшееся буквально цѣлыми вѣками. Новыя административныя учрежденія, бо́льшее вниманіе, которое оказывалось теперь сибирскимъ дѣламъ со стороны правительства—сдѣлали невозможнымъ повтореніе прежнихъ страшныхъ безобразій, но привычки стараго произвола вошли въ плоть и кровь низшаго чиновничества, управлявшаго Сибирью, и еще недавно мы читали отзывъ одного изъ губернаторовъ восточной Сибири, достойнаго человѣка, который хотѣлъ вести борьбу со старыми злоупотребленіями и сознавался въ своемъ безсиліи, потому что мелкое и упорное сопротивленіе встрѣчало его на каждомъ шагу [1]).

Въ прошлое царствованіе, когда знаменательныя реформы совер-

---

[1]) Ср. Сука́чева, „Иркутскъ“, 1891, стр. 93 и слѣд.

шались въ самой Россіи, Сибирь осталась чужда ихъ, и только въ послѣдніе годы она до нѣкоторой степени, далеко не вполнѣ, начинаетъ получать учрежденія, давно уже дѣйствующія въ метрополіи. Между прочимъ и университетъ, учрежденіе котораго въ Сибири было высочайше признано полезнымъ еще въ 1856 году, былъ открытъ только болѣе тридцати лѣтъ спустя — въ составѣ одного факультета...

Административное положеніе, которое мы здѣсь намѣтили въ двухъ словахъ, очевидно, не могло не быть важнымъ факторомъ въ образованіи склада сибирскаго общества. Безграничный произволъ, подъ которымъ такъ долго жила Сибирь, не могъ благопріятно дѣйствовать на общественные нравы, не могъ помочь развитію самодѣятельности, общественнаго чувства, успѣхамъ просвѣщенія. Естественныя богатства Сибири вызывали, конечно, предпріимчивость, создавали большія состоянія, вносили въ жизнь богатаго круга внѣшнюю роскошь, но интересы умственные и общественные оставались по прежнему неразвиты. Сибиряки стараго закала сомнѣвались въ пользѣ реформъ Сперанскаго и находили, что Сибирью нельзя управлять по его „ученымъ способамъ"—выходило, что Сибирью надо было управлять по способамъ Пестеля и его предшественниковъ: такъ сильно было убѣжденіе, что Сибирь есть дикая страна, для которой еще ненужны понятія законности и требованія справедливости. Дѣйствительно, эта страна золотыхъ пріисковъ и другихъ естественныхъ богатствъ, страна ссылки, страна полудикаго инородческаго міра, наконецъ страна административнаго произвола и самыхъ скудныхъ средствъ образованія, создавала складъ жизни, часто слишкомъ отстававшій отъ склада жизни въ самой Россіи, хотя и этотъ послѣдній бывалъ еще весьма первобытенъ.

Если трудно соразмѣрить лучшія и худшія стороны сибирскаго общества, то не менѣе трудно опредѣлить сибирскую народную жизнь. Сибирскій народъ есть нѣчто столь сложное, что говорить о немъ какъ однородномъ цѣломъ, кажется, нельзя. Русское населеніе пересыпано инородцами и различными расовыми помѣсями; самый русскій народъ представляетъ рядъ ступеней, отъ настоящихъ русскихъ, сохранившихъ много подлинной народной старины, до тѣхъ послѣднихъ варіацій типа, гдѣ полу-забывается самый языкъ, и до обрусѣвшихъ инородцевъ, гдѣ русское является еще только поверхностнымъ слоемъ.

Это явленіе такъ давно бросалось въ глаза, что впечатлѣнія его мы находимъ уже у путешественниковъ и писателей XVIII вѣка, которые замѣчали и даже пытались опредѣлять отличительныя черты сибирскаго типа физическаго и нравственнаго, въ сравненіи съ рус-

скимъ типомъ въ Европѣ. Но только въ послѣднее время изслѣдователи Сибири поставили вопросъ опредѣленно; сознавая громадную сложность вопроса при современныхъ требованіяхъ науки, они хотѣли по крайней мѣрѣ обратить на него вниманіе и указывали наиболѣе яркія черты различія, для которыхъ требовалось объясненіе.

Въ ряду этихъ изслѣдователей долженъ быть въ особенности названъ Щаповъ, сибирякъ родомъ, нѣкогда профессоръ русской исторіи въ Казани и въ послѣдніе годы прожившій опять въ Сибири, личность очень оригинальная, и между прочимъ какъ своими достоинствами, такъ и недостатками, характерная для Сибири. Щаповъ (род. въ 1830 году) былъ родомъ изъ села Анги за Байкаломъ въ иркутской губерніи; отецъ его былъ здѣсь дьячкомъ, мать была простая крестьянка, бурятка по происхожденію. Онъ учился въ иркутскомъ училищѣ, живя въ самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ; затѣмъ въ 1846 перешелъ тамъ же въ семинарію, гдѣ жилось ему нѣсколько лучше и гдѣ онъ усиленно работалъ; наконецъ въ числѣ лучшихъ учениковъ въ 1852 году онъ посланъ былъ на казенный счетъ въ Казанскую духовную академію, гдѣ и кончилъ курсъ въ половинѣ 50-хъ годовъ. Вскорѣ затѣмъ онъ назначенъ былъ профессоромъ русской исторіи въ духовной академіи, а въ 1860 приглашенъ на ту же каѳедру и въ университетъ. Этому послѣднему приглашенію предшествовала извѣстность Щапова, какъ талантливаго профессора. Въ университетѣ, гдѣ на первой лекціи его, кромѣ университетскихъ слушателей, собралась многочисленная публика, онъ съ перваго раза произвелъ сильное впечатлѣніе, которое на долго привязало слушателей къ профессору. Онъ дѣйствовалъ на слушателей (несмотря на свое не довольно внятное произношеніе) качествомъ, которое не часто бываетъ на каѳедрѣ: онъ былъ страстно преданъ своему предмету, его мысли были его глубочайшимъ убѣжденіемъ, которому онъ отдавался со всей искренностью; — его историческіе взгляды были притомъ довольно новы.

О томъ впечатлѣніи, которое производилъ Щаповъ въ университетѣ, есть любопытный разсказъ одного изъ его слушателей. „Вступленіе въ университетъ Щапова,—разсказываетъ очевидецъ,—было цѣлое событіе въ лѣтописяхъ внутренняго быта университета. Въ тотъ короткій періодъ, пока Щаповъ занималъ у насъ каѳедру русской исторіи, — онъ, можно сказать, царилъ въ университетѣ; каждое его появленіе на каѳедрѣ было своего рода тріумфомъ; долгое время въ тотъ часъ, когда читалъ Щаповъ, всѣ остальные профессора прекращали свои лекціи; клиника и анатомическій театръ пустѣли; у подъѣзда университета былъ съѣздъ экипажей, такъ какъ городская пуб-

лика то же приходила въ движеніе и стремилась его послушать" и пр. [1]).

Его извѣстность въ литературѣ составлена была обширнымъ изслѣдованіемъ: „Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII и въ 1-й половинѣ XVIII вѣка" (Казань, 1859). Это изслѣдованіе, хотя еще не достигало полнаго опредѣленія вопроса, доставило однако много любопытныхъ разъясненій и обнаружило обширную начитанность автора, и новые пріемы изученія.

Но профессорская дѣятельность Щапова была непродолжительна. Въ 1861 году, по обнародованіи „Положенія 19 февраля", произошли между прочимъ въ казанской губерніи нѣкоторыя безпокойства между крестьянами, вслѣдствіе неправильнаго пониманія ими „Положеній". Въ Казани, увлекшіеся молодые люди, на которыхъ подѣйствовалъ исходъ этихъ событій, собрались на панихидѣ по Антонѣ Петровѣ. Щаповъ, энтузіастъ по природѣ, но абсолютно не знавшій жизни, былъ также на этой панихидѣ, увлекаемый тогдашнимъ настроеніемъ и не думая о послѣдствіяхъ, которыя, по обстоятельствамъ дѣла, могли быть неблагопріятны особенно для него. Вскорѣ онъ былъ вытребованъ въ Петербургъ и потерялъ профессуру. Впрочемъ, дѣло пока не имѣло дальнѣйшихъ вредныхъ для него послѣдствій, Щапову даже оказано было вниманіе просвѣщеннымъ начальствомъ, которое дало ему возможность продолжать въ Петербургѣ свои изслѣдованія—изученіемъ архивныхъ дѣлъ по расколу. Результатомъ было нѣсколько замѣчательныхъ и оригинальныхъ работъ.

Въ свое пребываніе въ Петербургѣ Щаповъ особенно много работалъ. Въ „Отеч. Запискахъ" появились тогда его любопытныя статьи: „Великорусскія области и смутное время, 1606—1613 г."; „Земство и расколъ" (напечатано потомъ отдѣльной книжкой). Въ журналѣ „Время" помѣщено было продолженіе этихъ статей—о сектѣ „Бѣгуновъ". Въ „Журналѣ минист. просвѣщенія", 1863: „Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія—православнаго и старообрядческаго". Эти статьи между прочимъ интересны по выпискамъ изъ рукописей Соловецкой библіотеки, находящейся теперь въ Казани и которую Щаповъ внимательно изучалъ въ прежнее время. Въ „Библіотекѣ для Чтенія"—статья: „Этнографическая организація русскаго народонаселенія". Позднѣе, эту же тему онъ излагалъ въ статьяхъ: „Историко-географическое распредѣленіе русскаго народонаселенія" въ журналѣ „Рус. Слово", 1864—1865, и проч.

---

[1]) „Первый Шагъ, провинціальный литер. сборникъ", Казань, 1876, стр. 404—413.

Но въ Петербургѣ Щаповъ остался недолго. Его крайняя практическая безпечность и неосторожность снова ему повредили. Въ 1864 или 1865 онъ долженъ былъ оставить Петербургъ и отправиться „на мѣсто жительства“, которымъ была назначена сначала деревня, гдѣ онъ родился, потомъ городъ Иркутскъ. Здѣсь онъ прожилъ послѣдніе годы своей жизни, не выѣзжая съ мѣста,—за исключеніемъ поѣздки въ Омскъ, гдѣ привлекали его къ дѣлу о сибирскомъ сепаратизмѣ, и научной экспедиціи въ сѣверный Туруханскій край, устроенной Сибирскимъ Отдѣломъ Географическаго Общества, гдѣ Щаповъ, при всѣхъ трудностяхъ путешествія, съумѣлъ собрать замѣчательный научный матеріалъ; къ сожалѣнію, этотъ матеріалъ погибъ потомъ въ иркутскомъ пожарѣ, истребившемъ помѣщеніе Отдѣла. Издавна слабый здоровьемъ, Щаповъ тяжело провелъ послѣдніе годы, въ борьбѣ съ нуждой, которая все больше его угнетала; притомъ съ удаленіемъ изъ Петербурга для него затруднялась литературная дѣятельность, составлявшая его единственное средство къ существованію... Онъ продолжалъ работать, и послѣднимъ значительнымъ его трудомъ была книга: „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа“ (Спб. 1870).

Такимъ образомъ, тревожная жизнь, тяжкія внѣшнія обстоятельства мало давали Щапову возможности къ правильной и спокойной ученой работѣ, именно въ то время, когда его силы были въ полномъ развитіи. Тѣмъ не менѣе, труды его даютъ ему неоспоримое мѣсто въ ряду писателей, которые содѣйствовали разъясненію руководящихъ началъ нашей исторіи. Главнѣйшимъ интересомъ его историческихъ разысканій была народная жизнь, съ ея исконными и пріобрѣтенными особенностями, жизнь, содержаніе которой не покрывалось государственными формами, и нерѣдко стояло съ ними въ противорѣчіи и разладѣ; онъ настоятельно указывалъ на необходимость изслѣдовать областныя дѣленія русской народности, и ихъ участіе въ историческихъ явленіяхъ, на которое обыкновенно мало обращалось вниманія; съ другой стороны, онъ былъ свободенъ отъ преувеличеній, очень нерѣдкихъ, которыя въ этомъ направленіи приводили многихъ къ исключительной мнимо-народности, и нѣсколько его работъ посвящено было исторіи умственнаго развитія русскаго народа, гдѣ онъ истинную цѣль его видѣлъ въ соединеніи народныхъ началъ съ научными результатами просвѣщенія. Нѣкоторыя изъ его позднихъ работъ вызывали строгія сужденія критики; многія изъ нихъ дѣйствительно отзывались спѣшностью и неоконченностью, слѣдствіемъ крайне неблагопріятныхъ обстоятельствъ его работы; — но, взятыя въ цѣломъ, работы Щапова представляютъ много свѣт-

лыхъ мыслей объ исторической судьбѣ и содержаніи нашей народной жизни.

Мы говорили въ другомъ мѣстѣ, какъ складывались эти историческія воззрѣнія Щапова. Въ учебные годы между товарищами сибиряками складывался свой сибирскій патріотизмъ [1]); впослѣдствіи судьба Сибири представлялась Щапову въ тѣсной связи съ цѣлымъ народнымъ развитіемъ, такъ что движеніе русскаго народа на сибирскій востокъ Щаповъ приравнивалъ къ тому движенію, которое позднѣе выразилось Петровскою реформой. А именно, когда въ московскомъ періодѣ, дошедшемъ до своего неподвижнаго идеала, дальнѣйшее движеніе было возможно только съ разрушеніемъ сложившихся формъ и усвоеніемъ новыхъ, и когда Петръ Великій вносилъ эти новыя формы въ видѣ цивилизаціи, заимствованной на западѣ, то еще ранѣе Петра самъ народъ предпринялъ такой же переворотъ, уходя массами на востокъ, гдѣ „оторвавшись отъ общаго корня исторической жизни и традиціи великорусскаго народа", онъ сталъ вырабатывать „самобытную своеобразную народность и жизнь среди новыхъ физико-географическихъ и этнографическихъ условій". Отдѣленное отъ Россіи, окруженное совершенно новыми условіями природы, сибирское населеніе „больше искало *новой* жизни, чѣмъ думало о старой и вообще умственно и нравственно приспособлялось больше къ новымъ мѣстнымъ физико-географическимъ и этнографическимъ условіямъ, чѣмъ къ старымъ историко-традиціоннымъ основамъ и началамъ великорусской народной жизни". Таковъ былъ по Щапову исходный пунктъ того развитія, которое сопровождалось образованіемъ особой русско-сибирской народности. Но эта своеобразность и самобытность имѣла свои глубокія невыгодныя стороны. Петръ, разрушая старину, давалъ въ замѣнъ ея науку; сибирскіе гулящіе люди, оторвавшись отъ старины, быть можетъ еще больше, чѣмъ самъ Петръ, перезабывъ все, что̀ создало народное творчество, и даже начавъ противопоставлять себя „россейцамъ", очутились отъ науки дальше, чѣмъ были русскіе до Петра. Сибирскому населенію недоставало просвѣщенія, то-есть положительной части реформы. Сибирское общество вело до сихъ поръ безсознательную жизнь; оно какъ будто съизнова начинало тотъ трудъ, какой совершался русскимъ народомъ въ началѣ его исторіи—трудъ безсознательной закладки первой гражданственности, безъ помощи знанія и опыта другихъ народовъ.

Съ такими мыслями Щаповъ, вернувшись въ Сибирь, обращался къ изученію сибирской народности. Въ Иркутскѣ, онъ принялъ участіе въ трудахъ Восточно-Сибирскаго отдѣла Геогр. Общества, въ

---

[1]) „А. П. Щаповъ", Аристова, стр. 11.

изданіяхъ котораго напечатано нѣсколько любопытныхъ его работъ [1]), направленныхъ отчасти къ этому вопросу о складѣ русско-сибирской народности, отчасти къ детальному изученію бытовыхъ формъ русскихъ и инородческихъ. Было бы долго приводить соображенія Щапова о характерѣ русско-сибирской народности [2]): довольно сказать, что онъ указываетъ сильную и разнообразную смѣсь русскаго этнологическаго типа съ инородческимъ, которая отразилась какъ на физическомъ, такъ и на умственномъ и нравственномъ складѣ сибирскаго населенія. Онъ не полагалъ, чтобы этотъ сибирскій типъ установился, но онъ уже сильно обозначился и, по мнѣнію Щапова, стремился развиться въ своеобразную и однородную областную народность. Хотя Щаповъ былъ сибирякъ, у него не было никакого пристрастія къ этому типу; на взглядъ г. Анучина, онъ относится къ своимъ соотечественникамъ даже „съ поразительною безпощадностью и часто самыми нелестными отзывами преслѣдуетъ ихъ, начиная съ наружнаго вида и образа жизни до ихъ умственной дѣятельности и правилъ нравственности“. Возможно, что на отзывы Щапова о нравственной сторонѣ сибирскаго характера повліяли его впечатлѣнія отъ сибирскаго общества, гдѣ дѣйствительно едва ли можно было бы отрицать тѣ недостатки, въ какихъ онъ его упрекалъ—особенное развитіе сухой разсудочности, грубой матеріалистической разсчетливости и т. п. Эти недостатки Щаповъ приписывалъ отчасти наслѣдственной передачѣ отъ азіатскихъ инородцевъ, съ которыми русскимъ пришлось здѣсь смѣшиваться, но отчасти и той долгой географической замкнутости, которая удаляла ихъ отъ центровъ просвѣщенія. Надо прибавить еще, какъ мы выше указывали, злокачественное влія-

---

[1]) Историко-географическія и этнографическія замѣтки о сибирскомъ населеніи, въ „Извѣстіяхъ“ Сибирскаго Отдѣла, т. III, Ирк. 1872.

— Историко-географическія замѣтки о Сибири, въ „Извѣстіяхъ“, т. IV. Ирк. 1873.

— Сибирское общество до Сперанскаго, тамъ же.

— Бурятская улусная родовая община, въ „Изв.“, т. V, Ирк. 1874.

— Сельская осѣдло-инородческая и русско-крестьянская община въ Кудинско-Ленскомъ краѣ, въ „Изв.“ т. VI. Ирк. 1875.

— Физическое и этнолого-генеалогическое развитіе Кудинскаго и Верхоленскаго населенія, тамъ же.

— О развитіи высшихъ человѣческихъ чувствъ. Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества. Въ „Отеч. Запискахъ“, 1872, № 10.

[2]) Онѣ изложены между прочимъ въ статьяхъ Д. Н. Анучина: „Этнографическіе очерки Сибири. Русско-сибирская народность“, въ московской „Ремесленной Газетѣ“, 1876, № 14, 15, 21, 22, 24 и 25, и отчасти въ статьѣ Авесова (псевдонимъ г. Потанина, указанный у Венгерова, „Критико-біогр. Словарь“, s. v.), въ „Камско-Волжской Газетѣ“, 1873, № 106.

ніе дурной администраціи и ссылки. Не менѣе любопытны тѣ детальныя изслѣдованія, какія предпринималъ Щаповъ въ инородческихъ и русскихъ общинахъ въ связи съ тѣмъ же вопросомъ о складѣ сибирскаго народнаго типа: онъ бралъ небольшую территорію, добывалъ въ мѣстныхъ маленькихъ архивахъ, какіе могъ найти, документы о происхожденіи мѣстнаго населенія, слѣдилъ семьи русскія и инородческія, отмѣчалъ племенныя смѣшенія, наблюдалъ мѣстные типы, являвшіеся въ настоящее время результатомъ прошлой исторіи этихъ родовъ, собиралъ мнѣнія самихъ мѣстныхъ жителей, и былъ бы на дорогѣ чрезвычайно важныхъ выводовъ въ области этнографіи и антропологіи, еслибы ему удалось расширить свои наблюденія на нѣсколько большій районъ и обобщить въ точныхъ выводахъ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ заѣхалъ въ Сибирь и прожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ извѣстный путешественникъ и славистъ П. А. Ровинскій. За это время онъ сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ съ этнографическими цѣлями въ западной и восточной Сибири, именно въ Минусинскомъ и въ Иркутскомъ краѣ и въ Забайкальѣ. Результатомъ было нѣсколько статей его въ изданіяхъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества [1]. Г. Ровинскій былъ однимъ изъ очень немногихъ сибирскихъ путешественниковъ, научно приготовленныхъ къ этнографическому изслѣдованію: наблюдательность, изощренная разнообразными странствіями, необыкновенное умѣнье сходиться съ народомъ [2]) дали ему возможность собрать много характерныхъ фактовъ о различныхъ сторонахъ сибирской народности. Во многихъ подробностяхъ его замѣчанія о свойствахъ русско-сибирскаго народа сходятся съ тѣмъ, чтó говорилъ Щаповъ, но общій выводъ менѣе суровъ, и въ сибирскомъ характерѣ г. Ровинскій находилъ черты, ко-

---

[1]) О поѣздкѣ на Тунку и на Оку до Окинскаго караула, въ „Извѣстіяхъ“ Сибирскаго Отдѣла, т. I. Иркутскъ, 1870.

— О книгѣ доктора Кашина о зобѣ и кретинизмѣ (особенно распространенныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Иркутской губерніи), тамъ же.

— Отзывъ объ изданіи Иркутскаго губ. Стат. Комитета, въ „Извѣстіяхъ“, т. II. Иркутскъ, 1871.

— Сообщеніе о поѣздкѣ по Ангарѣ и Ленѣ, тамъ же.

— Между Ангарой и Леной, тамъ же.

— Этнографическія изслѣдованія въ Забайкальской области, въ „Извѣстіяхъ“, т. III. Иркутскъ, 1872.

— Замѣчанія объ особенностяхъ сибирскаго нарѣчія и словарь, въ „Извѣстіяхъ“, т. IV. Иркутскъ, 1873.

— Матеріалы для этнографіи Забайкалья, тамъ же.

— Объ этнологическихъ изслѣдованіяхъ въ восточной Сибири г. Ровинскаго, въ „Отчетахъ“ Сибирскаго Отдѣла за 1870 и 1871 г., и также въ общихъ отчетахъ Географическаго Общества за тѣ годы.

[2]) Ср. замѣчанія Орфанова, „Въ Дали“, стр. 20 и дал.

торымъ можетъ предстоять здоровое развитіе при лучшихъ условіяхъ управленія и особливо при большемъ образованіи. Особенно любопытны изслѣдованія Ровинскаго о русско-сибирскомъ нарѣчіи, которое, по его замѣчанію, чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ больше испещряется чужими примѣсями. Въ Нерчинскѣ ему такъ часто приходилось въ разговорахъ съ русскими обращаться за переводомъ неизвѣстныхъ ему словъ, что коренной житель спросилъ его наконецъ: „*чего это такое*, вы не знаете самыхъ обыкновенныхъ *русскихъ словъ*, *адали* иностранецъ“? А эти обыкновенныя русскія слова были: *зонтугло*—отупѣвшій, остарѣвшій человѣкъ, и глаголъ *озонтуглѣть; дымбэй*—напрасно; *ханзаный*—лысый (говорится о человѣкѣ и о лошади); *курягашка*—весенній барашекъ; *каптурга*—кисетъ съ табакомъ и т. п. Ровинскій старался опредѣлить особенности сибирскаго нарѣчія въ звукахъ, удареніи, словообразованіи, въ управленіи словъ, наконецъ въ словарѣ, и намѣтить историческія условія, при которыхъ образовывались странныя формы, нерѣдко поражающія въ сибирскомъ нарѣчіи. Къ сожалѣнію, эти крайне интересныя изслѣдованія съ тѣхъ поръ не были подвинуты впередъ.

Вопросъ о русско-сибирской народности затронутъ былъ и г. Ядринцевымъ въ книгѣ: „Сибирь какъ колонія“. Авторъ не входилъ въ спеціальныя изслѣдованія, но собралъ общія положенія, какія могли быть выведены изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ наблюденій, дополняя ихъ своимъ собственнымъ знаніемъ сибирскихъ племенныхъ отношеній. Сибирскій патріотизмъ не помѣшалъ автору увидѣть обѣ стороны вопроса: онъ старается объяснить, что племенныя смѣшенія, какія въ широкихъ размѣрахъ происходили въ Сибири со времени ея завоеванія и донынѣ, во многихъ случаяхъ имѣли благопріятный результатъ, какой дается взаимодѣйствіемъ племенныхъ дарованій, но соглашается, что въ другихъ случаяхъ смѣшеніе приводило къ ущербу для русской народности и къ пониженію типа [1]).

Г. Анучинъ, сопоставляя наблюденія, сдѣланныя по этому предмету, приходилъ (въ 1876) къ такому выводу: „Русская народность въ Сибири, несмотря на многія неблагопріятныя условія, не только не затерялась, но удержавъ всѣ существенныя черты своего типа, сдѣлала еще значительные успѣхи. Множество инородцевъ, принимая русскую вѣру и русскій образъ жизни, мало-по-малу забываютъ свой родной языкъ и, вступая въ брачные союзы съ русскими, принимаютъ и русскую физіономію, хотя и удерживаютъ въ то же время нѣко-

---

¹) Въ примѣръ послѣдняго укажемъ разсказы г. Рябкова („Полярныя страны Сибири“, въ „Сибирскомъ Сборникѣ“, 1887, стр. 1—42) о русскихъ жителяхъ Колымскаго края: авторъ приводитъ подробности, наглядно рисующія искаженіе въ этихъ жителяхъ первоначальнаго русскаго типа.

торыя черты своего первоначальнаго типа. Но явленіе такого рода не есть потеря русскими своей народности, а напротивъ составляетъ торжество русской расы надъ нашими инородческими племенами. Отрекаясь отъ своей вѣры, своихъ полудикихъ воззрѣній и принимая образъ жизни и мыслей русскаго племени, инородцы, тѣмъ самымъ, получаютъ возможность достигнуть просвѣщенія, стать въ число цивилизованныхъ людей, которыми они навѣрно и будутъ, къ чести и славѣ русской народности".

За послѣднее время вопросъ былъ снова затронутъ въ книгѣ г. Астырева, выше названной, гдѣ, кажется, еще усилена пессимистическая характеристика, сдѣланная Щаповымъ—но безъ достаточныхъ доказательствъ и во всякомъ случаѣ односторонно.

Въ толкахъ о новѣйшихъ крестьянскихъ переселеніяхъ изъ Россіи также говорилось косвенно о сибирской народности, когда выдвигалась противоположность „новоселовъ" съ сибирскими старожилами, причемъ первымъ давалось значеніе новыхъ цивилизаторовъ загрубѣвшаго и отсталаго сибиряка. Здравую критику этого противоположенія читатель найдетъ въ упомянутой раньшѣ статьѣ А. А. Кауфмана [1]).

Чисто этнографическія изслѣдованія русской народности въ Сибири до сихъ поръ остаются очень скудны, чему и надо приписать противорѣчивыя о ней мнѣнія. Отдѣльныя этнографическія замѣтки о русско-сибирскомъ народѣ встрѣчаются уже у путешественниковъ XVIII-го вѣка. Начиная съ Гмелина, у всѣхъ важнѣйшихъ путешественниковъ есть упоминанія и цѣлые разсказы о характерѣ сибирскаго народа, о мѣстныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ, объ особенностяхъ сибирскаго языка и т. п. Собственно этнографическіе труды являются съ 30-хъ годовъ, и одной изъ первыхъ книгъ этого рода была книга Ек. А. Авдѣевой, сестры Н. А. Полевого [2]). Полевые провели первую молодость въ Сибири. Г-жа Авдѣева говоритъ, что прожила въ Сибири около 30-ти лѣтъ; поэтому она имѣла возможность узнать сибирскую жизнь, хотя, повидимому, только городскую иркутскую. Въ началѣ книги она даетъ понятіе о природѣ иркутскаго края, ея произведеніяхъ, промыслахъ жителей, торговлѣ; но главная часть

[1]) Сѣверный Вѣстникъ, 1891, апрѣль; его же замѣтка о книгѣ Астырева, тамъ же.

[2]) „Записки и замѣчанія о Сибири, сочиненіе ...ы ...ой. Съ приложеніемъ старинныхъ русскихъ пѣсенъ". Москва, 1837. „Предисловіе издателя" подписано К. П., то-есть, Ксенофонтомъ Полевымъ.

Изъ сочиненій Авдѣевой (1789—1865) укажемъ еще „Записки о старомъ и новомъ русскомъ бытѣ". Спб. 1842.

книги посвящена разсказу объ иркутскомъ городскомъ бытѣ, домашнемъ хозяйствѣ, обычаяхъ, увеселеніяхъ, одеждѣ и проч. Издатель въ своемъ предисловіи говоритъ: „Для незнающихъ хорошо сибирскаго быта замѣчу, что, можетъ быть, нигдѣ, кромѣ сѣверной Россіи, не сохранилась такъ старая Русь, какъ въ Сибири. Не удивительно: первыми переселенцами въ нее были жители сѣверныхъ областей Россіи, куда не достигала ни татарская плеть, ни польская спѣсь, ни французскій вѣкъ знаменитаго Людовика XIV“ (?). Дѣйствительно, въ обычаяхъ, разсказанныхъ г-жею Авдѣевой, есть много остатковъ старины, — впрочемъ, такихъ же, какихъ въ то время сохранялось очень много, если еще не больше, въ самой Россіи, въ быту простого народа, купечества и мѣщанства, особливо въ такихъ захолустьяхъ, куда мало проникали вліянія городскія. Въ концѣ книжки г-жи Авдѣевой приложено собраніе пѣсенъ: свадебныхъ; пѣсенъ, подъ которыя плясывали на вечеринкахъ; пѣсенъ круговыхъ и подблюдныхъ (всего 59 пѣсенъ), повидимому въ хорошо записанныхъ текстахъ. Кромѣ того помѣщенъ небольшой словарь употребляемыхъ въ Сибири словъ и выраженій (стр. 142—153). Но слова издателя, что въ Сибири такъ неприкосновенно сохранилась старая Русь, оказываются не совсѣмъ точны. Въ самомъ разсказѣ г-жи Авдѣевой можно видѣть, что сибиряки точно также были падки на иностранныя моды: въ Иркутскѣ, немного лѣтъ назадъ, „можно было найти всѣ наряды, которые носили наши прабабушки лѣтъ за 50 и болѣе; но теперь все истребляется; даже названія нарядовъ, я думаю, скоро исчезнутъ, и потому для любопытныхъ прилагаю слѣдующій реестръ“, —но читатель ошибется, если будетъ ожидать здѣсь старинныхъ *русскихъ* вещей и названій: русскаго здѣсь только шуба, тѣлогрѣйка, шушунъ, тулупчикъ; но затѣмъ онъ встрѣтитъ здѣсь все только иностранныя названія — роброны, фуро, сертучки, шлафроки, кунтуши, „молдаванскія“ платья, польки, шубу „гречанку“, а въ спискѣ матерій опять только два-три русскія названія, а затѣмъ большинство матерій иностранныя: французскія, нѣмецкія и китайскія. Самая простота нравовъ, когда не ходили въ театръ, когда пѣли пѣсни, а не романсы, танцовали не подъ оркестръ, а подъ тѣ же пѣсни, и т. п., происходили всего больше отъ того, что эти вещи еще не достигали тогда до Иркутска, который, несмотря на свое столичное положеніе въ Сибири, былъ захолустной провинціей, такъ что эта старинная простота была вынужденная простота деревни. „Между жителями Иркутска, — разсказываетъ г-жа Авдѣева, — нѣтъ или не было, по крайней мѣрѣ, утонченнаго, свѣтскаго обращенія; но легко разгадать причину этого. При всей охотѣ перенимать хорошее и учиться всему изящному, тамъ нѣтъ учителей и учительницъ танцованья, музыки

и пѣнія; нѣтъ театровъ, концертовъ; даже нѣтъ ни одного пансіона или училища для дѣвицъ; учатся, кто какъ можетъ; нѣкоторыя дома, другія у священниковъ. Были при мнѣ дома два, гдѣ по нѣскольку дѣвицъ учились болѣе по знакомству русской грамотѣ и разнымъ рукодѣліямъ“ (стр. 54). „Изъ всѣхъ увеселеній,—разсказываетъ г-жа Авдѣева,—извѣстныхъ въ столицахъ, на святой недѣлѣ только качели ставятъ на площади. Тутъ бываютъ качели круглыя, большія, съ сидѣлками, и коньки; народъ качается, ѣздитъ, другіе смотрятъ; по тѣмъ и кончится праздникъ. Въ Иркутскѣ нѣтъ театра, и за отдаленностью не пріѣзжаютъ никогда волтижёры, балансёры и разные искусники съ диковинками. Имена Финарди, Рапно, Кіарини извѣстны только изъ газетъ. Тѣмъ болѣе никогда не видали тамъ истинныхъ артистовъ. Во всѣ двадцать-пять лѣтъ, которыя прожила я въ Иркутскѣ, пріѣзжала туда только труппа итальянцевъ съ учеными собаками. Правда, это сберегаетъ карманы, но многіе *вздыхаютъ объ увеселеніяхъ столицы*“ [1]). Впрочемъ раньше г-жа Авдѣева упоминала еще объ одномъ увеселеніи — о „вертепѣ“, который во времена Гмелина былъ, кажется, еще интереснѣе. Но что можно было устроить по иностранному образцу, то устроивалось; г-жа Авдѣева разсказываетъ, напримѣръ, о маскарадахъ. Добрыя старыя времена всегда представляются въ привлекательномъ видѣ, и по мнѣнію г-жи Авдѣевой сибирскіе нравы были самые наилучшіе. „Отдаленность отъ столицъ и недостатокъ въ воспитаніи кладутъ свою печать; зато въ нравственномъ отношеніи много есть похвальнаго въ семействахъ, и даже болѣе привязанности вообще между родными,... гостепріимство въ Иркутскѣ примѣрное; благонравіе уважается чрезвычайно, и даже въ простомъ народѣ женщина дурного поведенія не найдетъ себѣ мѣста нигдѣ“ [2]). Къ сожалѣнію, это не совсѣмъ сходится съ показаніями другихъ писателей, по словамъ которыхъ сибирскіе нравы не были примѣрными и, между прочимъ, всеобщимъ порокомъ было пьянство, даже между женщинами.

Приводимъ въ параллель замѣчанія Кастрена: „Пьянство стало столь всеобщимъ въ Сибири, что съ нимъ не соединяется никакого безчестія. „Всѣ мы люди грѣшные“,—отвѣчаетъ сибирякъ, если его спрашиваютъ о степени трезвости какого-нибудь человѣка. Въ праздникъ даже молодыя дѣвушки могутъ пить, не навлекая на себя выговора... замужнія женщины пьютъ почти всѣ безъ исключенія. Уже это показываетъ, какъ несправедливо мнѣніе, которое приписываетъ сибирякамъ лучшіе нравы и болѣе высокое образованіе сравнительно

---

[1]) Стр. 71—72.
[2]) Стр. 35.

съ уроженцами Россіи. Правда, что въ Сибири крестьянинъ брѣется, куритъ трубку, охотно ходитъ въ сюртукѣ, ведетъ хорошую рѣчь, мало вѣритъ въ духовъ и въ привидѣнія, не любитъ религіознаго сектаторства и т. д.; зато русскій отличается бо́льшимъ благородствомъ, болѣе прямымъ и откровеннымъ характеромъ и лучшимъ пониманіемъ. Въ Россіи [1]) уже не рѣдкость, что крестьянинъ читаетъ и пишетъ, а въ Сибири встрѣчаются даже купцы, которые едва умѣютъ подписать свое имя" и т. д. [2]).

Въ сороковыхъ годахъ появляются замѣчательные труды для сибирской этнографіи извѣстнаго сибиряка, Степ. Ив. Гуляева, умершаго въ маѣ 1888 года въ Барнаулѣ на 85-мъ году. Родиной Гуляева былъ Локтевскій заводъ, алтайскаго горнаго округа. Онъ учился въ мѣстномъ горнозаводскомъ училищѣ, какъ лучшій ученикъ былъ отправленъ на службу при кабинетѣ Е. В., а потомъ переведенъ на Алтай. Некрологъ его замѣчаетъ, что онъ былъ здѣсь, кажется, единственнымъ человѣкомъ, прослужившимъ безпорочно 69 лѣтъ. Время, когда онъ работалъ на Алтаѣ, было для большинства его сослуживцевъ время легкой наживы, но Гуляевъ остался честнымъ человѣкомъ и кромѣ того былъ человѣкомъ просвѣщеннымъ, которому всегда были близки интересы науки. Владѣя богатыми свѣдѣніями о Сибири и въ частности объ алтайскомъ краѣ, онъ охотно дѣлился своимъ знаніемъ съ тѣми, кто въ немъ нуждался. Онъ бывалъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, между прочимъ Географическаго, и его первымъ трудомъ по этнографіи были, если не ошибаемся, „Этнографическіе очерки южной Сибири" [3]), гдѣ помѣщено подробное описаніе свадебныхъ обрядовъ, съ относящимися къ нимъ пѣснями, затѣмъ знахарскіе заговоры и заклинанія, далѣе пѣсни разнаго рода и, наконецъ, довольно обширный словарь мѣстнаго сибирскаго языка. Другіе труды Гуляева помѣщались въ изданіяхъ Географическаго Общества, въ „Извѣстіяхъ" русскаго отдѣленія Академіи, въ „Русской Старинѣ" и другихъ изданіяхъ, а также въ сибирскихъ газетахъ [4]). Съ 50-хъ годовъ появляются этнографическіе труды князя Кострова [5]). Отмѣтимъ далѣе этнографическіе труды

[1]) Писано въ половинѣ сороковыхъ годовъ.

[2]) Nordische Reisen, II, стр. 157—158.

[3]) Библіотека для Чтенія, 1848, т. XC, двѣ большія статьи, стр. 1—142.

[4]) Краткій, весьма недостаточный некрологъ Гуляева см. въ „Сибирской Газетѣ", 1888, № 39. Нѣсколько подробнѣе, но также недостаточно, въ книгѣ Н. А. Голубева „Алтай", Томскъ, 1890, стр. 427—436. Здѣсь сказано, между прочимъ, что послѣ Гуляева остался сборникъ былинъ, записанныхъ главнымъ образомъ отъ старика-пѣвца Тупицына, около Барнаула.

[5]) Напримѣръ, „Святки въ Минусинскомъ округѣ енисейской губерніи"; „Народныя примѣты крестьянъ старожиловъ Минусинскаго округа"; „Городъ Минусинскъ";

г. Потанина [1]). Наконецъ, довольно много отдѣльныхъ этнографическихъ извѣстій, небольшихъ собраній пѣсенъ и подобнаго матеріала разсѣяно въ журналахъ и мѣстныхъ изданіяхъ [2]).

Мѣстный сибирскій языкъ, какъ мы замѣчали, давно обращалъ на себя вниманіе; даже людямъ, мало приготовленнымъ къ наблюденію особенностей языка,—каковы были, напримѣръ, нѣмецкіе академическіе путешественники, — эти особенности бросались въ глаза; тѣмъ больше онѣ были замѣтны русскимъ, и эти отличія сибирскаго языка записывали, напр., г-жа Авдѣева, Гуляевъ, Кривошапкинъ и др. [3]). Наиболѣе важны, какъ мы указывали, труды П. А. Ровинскаго.

„Колдовство и порча у крестьянъ томской губерніи" въ „Запискахъ" Сибирскаго Отдѣла, кн. II, V, 1856, 1858, и въ „Запискахъ" Западно-Сибирскаго Отдѣла, кн. I, Омскъ, 1879; „Юридич. обычаи крестьянъ старожиловъ томской губерніи", Томскъ, 1876, и др. Выше названы его сочиненія объ инородцахъ. Біографическія свѣдѣнія о кн. Костровѣ и списокъ его сочиненій см. у Д. Языкова, „Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", вып. 1—2.

[1]) Юго-западная часть томской губерніи въ этнографическомъ отношеніи, въ „Этнографическомъ Сборникѣ" Геогр. Общ. Спб., 1864, кн. VI, и др.

[2]) Укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній: „Простонародныя пѣсни Нерчинскаго округа", Ивана Юренскаго, въ „Финскомъ Вѣстникѣ" 1847, ч. XIX, смѣсь, стр. 23—25.

— Крестьянская свадьба въ Ялуторовскомъ округѣ (съ пѣснями), З. Плотникова, Тобольск. губ. Вѣдом. 1859, № 5.

— Свадебные обряды крестьянъ кузнецкаго уѣзда томской губ., Томск. губ. Вѣд. 1860, № 2—3.

— Разсказъ о поѣздкѣ въ Бухтарминскій край, А. Принтца, въ „Запискахъ по общей географіи" Геогр. Общ., т. I, Спб. 1867.

— Пословицы и поговорки жителей тобольской губ., І. Бартошевича; Тобольскія губ. Вѣд. 1866, № 49.

— Вечорка въ Нижне-Колымскѣ (къ пѣснями). Газета „Сибирь", 1874, № 29—30.

— Пѣвецъ былинъ въ окрестностяхъ Барнаула, Леонтій Гавр. Тупицынъ. Л. Майкова въ „Извѣстіяхъ" Геогр. Общ. 1875, № 6.

— Замѣтка о забайкальскихъ старообрядцахъ, Н. Ушарова, въ Сборникѣ газеты „Сибирь", Спб. 1876, стр. 313—333.

— Сибирскіе нищіе, въ газ. „Сибирь", 1879, № 10—14 и друг.

Указанія объ этой литературѣ собраны въ „Сибирской Библіографіи" г. Межова, т. II. Обширная библіографическая работа о сибирской этнографіи, А. А. Ивановскаго, въ московскомъ „Этнографич. Обозрѣніи", 1890—91.

Изъ литературы общихъ описаній и путешествій, гдѣ разсѣяно много этнографическихъ замѣтокъ, упомянемъ въ особенности книги г. Максимова („На Востокѣ", „Сибирь и каторга"), Пржевальскаго („Путеш. въ Уссурійскій край", гдѣ замѣтки о бытѣ сибирскихъ казаковъ), Орфанова, Астырева и пр.

[3]) Такъ какъ, впрочемъ, эти случайные наблюдатели сами не были научно знакомы съ предметомъ, то въ числѣ приводимыхъ ими „сибирскихъ" словъ находится не мало словъ обще-народныхъ и старинныхъ, неизвѣстныхъ только въ литературномъ употребленіи.

Для исторіи нравовъ и обычаевъ въ сибирскомъ народѣ и въ верхнемъ слоѣ общества сдѣлано до сихъ поръ немного. Только въ послѣднее время подъ вліяніемъ общаго оживленія вопросовъ о народѣ начинается большее вниманіе къ народному быту, гдѣ экономическія и бытовыя изученія соединяются съ практическими заботами объ улучшеніи этого быта. Масса трудовъ подобнаго рода, относящихся къ сибирскому населенію, разсѣяна въ общихъ журналахъ и особливо въ сибирскихъ изданіяхъ. Укажемъ изъ нихъ только нѣкоторые образчики. Выше названъ одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, М. В. Загоскинъ. Труды его восходятъ къ концу 50-хъ годовъ, когда имъ напечатанъ былъ обширный трудъ „О бытѣ поселянъ Иркутскаго уѣзда“ [1]), по самымъ разнообразнымъ отношеніямъ народнаго быта, промысла, домашняго обычая и нравственности. За послѣднее время длинный рядъ его „Деревенскихъ Писемъ“, богатыхъ знаніемъ дѣла, нашелъ мѣсто въ „Восточномъ Обозрѣніи“, 1888—1889 г., и статьи о томъ же предметѣ въ другихъ годахъ этого изданія. Выше названо также имя писателя, труды котораго отъ ближайшихъ сибирскихъ изученій направились потомъ на общіе вопросы русскаго крестьянскаго быта. Это былъ Сем. Як. Капустинъ (1828—1891). Тобольскій уроженецъ, питомецъ казанскаго университета, по окончаніи курса въ 1852 онъ выбралъ себѣ такую службу, которая поставила бы его въ прямыя отношенія съ народомъ, и прослужилъ двѣнадцать лѣтъ при главномъ управленіи Западной Сибири, въ Омскѣ. Переселившись потомъ въ Россію, онъ работалъ одно время по устройству крестьянскихъ отношеній въ Польшѣ и наконецъ остальную жизнь провелъ на службѣ въ Петербургѣ, работая также и въ литературѣ, особливо по изученію формъ землевладѣнія и общины. Съ 1883 по разстроенному здоровью онъ окончательно оставилъ службу. Главный его трудъ—„Формы землевладѣнія у русскаго народа въ зависимости отъ природы, климата и этнографическихъ особенностей“ [2]). Собственно къ Сибири относится статья его: „Очерки порядковъ поземельной общины въ Тобольской губерніи“, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Западно-Сибирскимъ Отдѣломъ Географическаго Общества. Это былъ энтузіастъ-народникъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова [3]). Кромѣ упомянутыхъ раньше общихъ сочиненій, какъ труды г. Ядринцева и другихъ, обильная литература

Собранія словъ, употребляемыхъ при-алтайскими жителями, сообщены были И. Рус—овымъ и В. Вербицкимъ, въ Томск. губ. Вѣдом. 1862, № 7, 16, 49.

[1]) Въ неоффиціальной части Иркутскихъ губернскихъ Вѣдомостей, 1857 и 1858 г.

[2]) Въ „Трудахъ“ Вольно-экон. Общества и отдѣльно. Спб. 1877.

[3]) Краткій некрологъ его въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, 1891, февраль, стр. 87—89.

по различнымъ вопросамъ народнаго быта разсѣяна въ сибирскихъ изданіяхъ, какъ мѣстныя губернскія и епархіальныя вѣдомости, газета „Сибирь“ (статьи В. И. Вагина, Щапова и пр.), „Сибирская Газета“ и въ особенности „Восточное Обозрѣніе“, гдѣ почти каждый нумеръ доставляетъ болѣе или менѣе важные матеріалы и подробности по этимъ предметамъ; наконецъ изданія обоихъ сибирскихъ Отдѣловъ Географическаго Общества и общіе журналы,—кромѣ собственно народнаго быта затронута была и исторія сибирской общественной жизни [1]).

Послѣднія два или три десятилѣтія представляютъ особенное оживленіе сибирскихъ изученій. Можно думать, что отнынѣ начинается новый періодъ сибирскихъ изысканій, совершаемыхъ уже въ значительной степени силами самого мѣстнаго образованнаго круга. Мы называли имена цѣлаго ряда сибиряковъ по рожденію, или по пріобрѣтеннымъ симпатіямъ, или по продолжительному пребыванію въ Сибири и изученію ея, какъ Щаповъ, Потанинъ, Поляковъ, Вагинъ, Ядринцевъ, Щегловъ, Адріановъ, Усольцевъ, Клеменцъ, Радловъ и мн. др., труды которыхъ, хотя бы иногда въ нихъ чувствовался недостатокъ научныхъ средствъ, имѣютъ важное преимущество близкаго изученія страны и людей, возможнаго только для туземцевъ, и преимущество того теплаго отношенія къ родному краю, которое шире и полнѣе поможетъ раскрыть его лучшія стороны, его внут-

[1]) Напр.: „Собственность и община“ (въ Сибири), Колмогорова, въ „Отеч. Запискахъ“ 1858, кн. 10.

— Положеніе рабочаго класса въ Россіи, Н. Флеровскаго. Спб., 1869, гдѣ рѣчь идетъ и о Сибири.

— Русская община въ тюрьмѣ и ссылкѣ, Н. Ядринцева. Спб., 1872.

— Общинный бытъ у крестьянъ Забайкальской области Восточной Сибири, К. Михайлова, „Р. Мысль“, 1885, № 12.

См. также програму изслѣдованія сельской общины въ Сибири, г. Ядринцева въ „Запискахъ“ Западно-Сибирскаго Отдѣла, кн. III, Омскъ, 1881. Въ изданіяхъ Сибирскихъ Отдѣловъ, въ „Вост. Обозрѣніи“, въ „Сибирскомъ Сборникѣ“ и др. разсѣяно нѣсколько матеріаловъ по этому вопросу.

Укажемъ еще здѣсь: „Матеріалы для характеристики нравовъ жителей Восточной Сибири въ концѣ XVII и началѣ XVIII стол.“, и пр., изъ мѣстныхъ архивовъ; Приб. къ Иркутскимъ епарх. Вѣдом. 1877, № 20, 25—27; Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири, Шашкова (подъ псевдонимомъ С. Серафимовича), „Отеч. Зап.“ 1867, кн. 20, 22; „Рабство въ Сибири“, „Дѣло“, 1869, кн. 1, 3; „Сибирское общество въ началѣ XIX вѣка“, „Дѣло“, 1879, кн. 1—3.

Выше упомянута статья Щапова: „Сибирское общество до Сперанскаго“ (въ „Извѣстіяхъ“ Сибирскаго Отдѣла, т. IV, Ирк. 1873), гдѣ авторъ между прочимъ воспользовался мѣстной рукописной литературой изъ тѣхъ временъ. О важныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ въ послѣдніе годы, мы упоминали.

реннюю жизнь и его нужды, чѣмъ это можетъ быть доступно для чужого глаза.

Это оживленіе сибирскихъ изученій совпадаетъ именно съ тѣмъ „возрожденіемъ", какое въ самой Россіи отличало первые годы прошлаго царствованія. Подъ вліяніемъ тѣхъ стремленій, какія волновали тогда русское общество, молодое поколѣніе Сибири посвящало свои мысли и труды изученію своей ближайшей родины въ ея прошедшемъ и настоящемъ, въ ея общественныхъ и народныхъ потребностяхъ и въ идеалахъ будущаго. Эта „молодая Сибирь", какъ ее уже назвали, есть одно изъ самыхъ сочувственныхъ проявленій той сложной сибирской народности, о которой мы выше говорили, одно изъ свидѣтельствъ, что тяжелое прошлое и своеобразная исключительность сибирскаго быта не уничтожили сильной потребности въ просвѣщеніи и горячаго желанія служить интересамъ своей родины въ области знанія и практической общественной жизни. Любопытно, что нерѣдко мы встрѣчаемъ здѣсь людей, которые сами принадлежали къ смѣшанному сибирскому племенному типу; сибиряки называли метисомъ покойнаго И. С. Полякова; подобнымъ метисомъ былъ Щаповъ; другіе, если были русскими по крови, выростали подъ впечатлѣніями близкаго сосѣдства съ инородческимъ міромъ, во всякомъ случаѣ въ спеціальныхъ сибирскихъ условіяхъ, незнакомыхъ въ нашей Россіи.

Очевидно, что изученіе страны во всѣхъ сторонахъ ея жизни, между прочимъ и въ тѣхъ, въ которыхъ лежитъ залогъ ея матеріальнаго экономическаго благосостоянія, столь важнаго для самой метрополіи, можетъ достигнуть полнаго успѣха лишь тогда, когда будетъ совершаться ея мѣстными силами, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно-общественное развитіе страны требуетъ болѣе широкихъ средствъ образованія. Въ томъ и другомъ случаѣ, одинъ изъ основныхъ вопросовъ и одно изъ важнѣйшихъ условій будущаго Сибири есть умноженіе средствъ просвѣщенія. Онѣ все еще крайне скудны. Предположеніе объ основаніи сибирскаго университета потребовало тридцать лѣтъ для своего осуществленія и все-таки исполнено только въ тѣсныхъ размѣрахъ одного факультета, предназначаемаго особливо для внѣшней утилитарной цѣли. Вопросъ о введеніи болѣе широкой, истинно университетской науки все еще впереди, и до сихъ поръ остаются своевременны тѣ благія пожеланія, какія десятки лѣтъ тому назадъ высказаны были въ ученомъ кругу однимъ изъ лучшихъ знатоковъ азіатской Россіи и которыя мы повторимъ, заканчивая исторію изученій Сибири.

Г. Венюковъ, въ своемъ докладѣ объ изслѣдованіяхъ Сибири, на петербургскомъ съѣздѣ естествоиспытателей, высказывалъ надежду,

что съ появленіемъ мѣстныхъ изслѣдователей долженъ начаться второй періодъ изученія Азіатской Россіи, періодъ желанный и пройденный уже въ Европѣ и частью даже въ Америкѣ. „Пусть,—говорилъ г. Венюковъ [1],—будутъ мѣстные труженики снабжены достаточными, совершенно ясными и, прибавлю, дѣйствительно исполнимыми наставленіями отъ лицъ спеціальныхъ, всего лучше отъ цѣлыхъ учрежденій и съѣздовъ, пусть ихъ поддержутъ своимъ вниманіемъ лица высокопоставленныя въ наукѣ, одобрятъ въ успѣхѣ, снисходительно отнесутся къ ошибкамъ, и дѣло пойдетъ впередъ. Тогда и мы, долгіе странствователи, которые измѣряемъ свои работы десятками тысячъ пройденныхъ верстъ, но къ сожалѣнію скудными вкладами въ сокровищницу естествознанія, уступимъ мѣсто этимъ постояннымъ, туземнымъ изслѣдователямъ, которымъ легче будетъ собранный матеріалъ излагать въ систематической, а не отрывочной формѣ, къ которой по необходимости мы прибѣгаемъ теперь. Время, теряемое нынѣ на дальніе разъѣзды, будетъ сохранено, расходъ денежный также, а въ довершеніе и добываемые факты станутъ точнѣе; ибо гдѣ же требовать всегдашней точности отъ путешественника, производящаго свои наблюденія часто въ очень короткое время и при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ? Эта точность достижима только для человѣка не торопящагося и наблюдающаго свой предметъ при всѣхъ возможныхъ случайностяхъ... Но впереди и этого способа разработки естественной исторіи Азіатской Россіи, и выше всего, нужно поставить то средство, которое одно можетъ доставить странѣ мѣстныхъ изслѣдователей, которое уже всюду употреблено въ британскихъ колоніяхъ и которое сдѣлало изъ Калькутты, Бомбея, Таранто, Капштадта и даже недавно основаннаго Мельбурна настоящіе центры европейской цивилизаціи. Я говорю объ основаніи въ Сибири *высшаго учебнаго заведенія.* Страна эта не имѣетъ доселѣ средоточія умственной жизни своей. Сибиряку негдѣ усвоить себѣ результатовъ европейскаго знанія во всей ихъ обширности, негдѣ найти руководителей въ изученіи родной природы; изъ окружающей его почвы не бьетъ живого источника, въ которомъ онъ могъ бы свободно черпать для утоленія умственной жажды своей. Дважды сдѣланныя заявленія объ этой потребности оставались безъ отвѣта; теперь, по частнымъ слухамъ, готово и третье: пожелаемъ же успѣха ему, т.-е. возможно скораго возникновенія въ Сибири *правильно устроеннаго* центра умственной дѣятельности. И да будетъ поставлено цѣлью его не одно развитіе изящной, изворотливой діалектики... по образцамъ изъ среды, окружавшей Аристофана и Демосѳена, Ювенала и Тацита. Да избѣ-

[1]) „Труды съѣзда естествоиспытателей". Спб. 1868, стр. 55—56.

житъ сибиряка участь: терять драгоцѣнное время молодости на то, чтобы сложиться духовно на манеръ эгоистической и враждебной русскимъ началамъ жизни англійской олигархіи, современнаго поколѣнія бонапартовской Франціи или послѣдователей Лойолы. Да будетъ привито ему здоровое знаніе реальныхъ предметовъ, черпающее свою мощь въ анализѣ Ньютона, Эйлера, Лагранжа, Лапласа, въ наблюденіяхъ и выводахъ Гершеля, Лавуазье, Араго, Фаредэ, Буха, Лейеля, Дарвина, Бэра и Аристотеля нашего вѣка, Александра Гумбольдта; тогда и научное завоеваніе Сибири довершится само собою“.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Среди работы надъ исторіей русской этнографіи, въ первоначальномъ составѣ этого труда, мнѣ представлялся вопросъ о задачахъ русской этнографіи [1]), для которой, при громадной обширности предстоявшихъ ей предметовъ изученія, на мой взглядъ еще долженъ былъ быть собранъ новый, многосложный матеріалъ по различнымъ отраслямъ народной жизни, собранъ сколько возможно правильно, въ системѣ, такъ какъ по многимъ существеннымъ вопросамъ этнографическаго знанія въ литературѣ оставались большіе пробѣлы, при которыхъ упомянутые вопросы по необходимости оставались безъ отвѣта. Позднѣе, на томъ же вопросѣ остановился Д. Н. Анучинъ [2]), указывая, что кромѣ собиранія матеріала необходимы и возможны настоящія изслѣдованія по многимъ вопросамъ, которые представляются въ этой области знанія. Необходимость изслѣдованій не требуетъ объясненій: собираніе матеріала не можетъ имѣть другого смысла, какъ найти этому матеріалу истолкованіе въ научномъ сопоставленіи и обслѣдованіи. Во многихъ случаяхъ, которые отчасти были указаны г. Анучинымъ, этнографическое изслѣдованіе могло доставить извѣстные результаты, отчасти для общей антропологіи, отчасти въ предѣлахъ объясненія собственной русской жизни; но вообще наличныя данныя слишкомъ часто недостаточны для прочныхъ и широкихъ заключеній. Такимъ образомъ впереди предстоитъ еще большой трудъ собиранія и наблюденія, за которыми должны вступить въ свои права строгій анализъ и обобщенія науки. Чѣмъ скорѣе придетъ эта пора, тѣмъ благотворнѣе будетъ трудъ этнографическаго

---

[1]) „Вѣстн. Евр.“ 1885, апрѣль и май; въ сокращенномъ изложеніи эта статья была повторена, нѣсколько позднѣе, въ „Извѣстіяхъ“ Географическаго Общества.

[2]) „О задачахъ русской этнографіи (нѣсколько справокъ и общихъ замѣчаній)“. Москва, 1889 (Изъ „Этнографическаго Обозрѣнія“).

изслѣдованія какъ для частныхъ объясненій предмета, такъ и для цѣлаго общественнаго самосознанія.

Говоря о задачахъ нашей этнографіи, мы именно указывали, какъ много нужно еще свѣдѣній для нѣсколько обстоятельнаго объясненія самыхъ основныхъ вопросовъ въ этой отрасли знанія: этнографическаго состава русской народности; внѣшней картины народнаго быта въ его многоразличныхъ видоизмѣненіяхъ по территоріи, климатамъ, оттѣнкамъ народности; состава народнаго преданія и его исторіи на переходѣ отъ уходящей патріархальной старины до новаго слагающагося міровоззрѣнія и нравовъ; исторіи и современнаго состоянія народной поэзіи, обычая и пр. Громадная масса матеріала собрана; нѣкоторые эпизоды разработаны до высокаго интереса, который даетъ понять, во-первыхъ, какое изобиліе любопытнѣйшихъ данныхъ еще можетъ быть открыто тамъ, гдѣ почти наканунѣ не подозрѣвали ничего подобнаго (таковы были необыкновенныя открытія олонецкаго эпоса); во-вторыхъ, какъ съ этимъ должны измѣняться представленія о складѣ исторической судьбы народнаго быта и поэтическаго преданія. Съ другой стороны недостаетъ существенныхъ работъ по вопросамъ, которые должны бы стать во главѣ изученій народности; недостаетъ даже внѣшняго объединенія главнѣйшихъ этнографическихъ данныхъ, въ родѣ того, какое нѣкогда предпринималъ авторъ „Быта русскаго народа". Спеціалистъ и обыкновенный любознательный читатель не имѣютъ въ рукахъ сочиненій, которыя доставили бы по крайней мѣрѣ сводъ того, что̀ сдѣлано до настоящаго времени по главнѣйшимъ вопросамъ этнографической программы: и ученый, и любознательный читатель должны по этимъ вопросамъ тотчасъ погружаться въ массу деталей, т.-е. предпринимать цѣлую сложную работу вмѣсто того, чтобы имѣть необходимѣйшія свѣдѣнія уже собранными въ нѣкоторой полнотѣ и системѣ. Дѣятели нашей этнографической науки видимо чувствуютъ неправильность этого положенія вещей, и это сознаніе ясно обнаруживается теперь съ одной стороны попытками цѣльныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ вопросамъ съ обзоромъ ихъ литературы, съ другой желаніемъ объединить содержаніе этнографической литературы по крайней мѣрѣ въ библіографической формѣ,—наконецъ, основаніемъ цѣлыхъ особыхъ изданій, назначенныхъ расширить эти изученія, какъ „Этнографическое Обозрѣніе" и „Живая Старина" рядомъ съ изданіями московскаго Общества любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, и Общества Географическаго.

Исторія нашей этнографіи восходитъ не далеко; первые проблески этого интереса, въ видѣ инстинктивнаго желанія знать свой народъ и народность, пробужденнаго начатками образованія и ли-

тературы, или въ видѣ изслѣдованій нѣмецко-русскихъ ученыхъ, начинаются съ академическихъ экспедицій первой половины XVIII-го столѣтія, становятся болѣе сознательными къ концу вѣка, стремятся принять научную форму съ конца двадцатыхъ годовъ нынѣшняго стол., и затѣмъ, подъ вліяніемъ европейской новой филологіи и изученія народнаго права, пріобрѣтаютъ дѣйствительно научный характеръ, развившись особливо при параллельномъ дѣйствіи тѣхъ общественныхъ условій, какія создали у насъ увлеченіе идеей „народа". Извѣстно, что возростаніе идеи „народа", совпадающее съ лучшими движеніями въ исторіи нашей общественности, къ нашему времени принимало съ одной стороны чисто практическій характеръ—въ стремленіи къ освобожденію крестьянъ, съ другой—характеръ идеалистическій. Это послѣднее направленіе было въ началѣ прямой романтикой; потомъ оно осложняется теоріями нѣмецкой философіи, раздвояется на славянофильство и западничество, а еще позднѣе испытываетъ воздѣйствія западнаго литературнаго и теоретическаго соціализма, въ родствѣ съ которымъ находится и доморощенное народничество. Но если въ нашемъ движеніи замѣчаются разнородные отголоски европейской литературы и науки,—и послѣдняя воздѣйствовала на наши этнографическія изученія самымъ очевиднымъ образомъ, — внутренняя основа дѣла создана собственными внушеніями народнаго чувства и общественнаго сознанія, и не слѣдуетъ уменьшать самостоятельнаго труда нашей литературы, и въ частности народовѣдѣнія: какъ поэтическій реализмъ составляетъ въ большой мѣрѣ самобытный результатъ и заслугу нашей литературы, такъ интересъ къ изученію народа, почти неизмѣнно соединявшійся съ участіемъ къ тяжелому матеріальному положенію народныхъ, особливо крѣпостныхъ, массъ, развивался самостоятельно и естественно, особенно съ конца прошлаго вѣка, при первыхъ успѣхахъ просвѣщенія. Въ наше время онъ дѣлался въ лучшей, наиболѣе воспріимчивой части общества поглощающимъ нравственнымъ интересомъ, и „сближеніе съ народомъ", „хожденіе въ народъ", „опрощеніе"— при всѣхъ ихъ крайностяхъ, объясняемыхъ частными условіями времени, — заставляютъ угадывать глубокій нравственный инстинктъ, которому, быть можетъ, предстоитъ развиться въ здоровое и сильное общественное начало.

Въ теченіе настоящаго изложенія мы видѣли, что развитіе этнографическаго изслѣдованія стояло вообще въ тѣсной связи, прямой или косвенной, съ общимъ ходомъ движенія общественнаго и научно литературнаго. Съ своей стороны этнографическое знаніе оказывало весьма существенную поддержку этому движенію. При всѣхъ пробѣлахъ нашей этнографіи въ настоящее время, она вмѣшивается въ

самые разнообразные интересы общественные, литературные и научные, и не разъ доставляла имъ важную опору фактическаго изученія народной жизни. Мы указывали выше слова Костомарова о связи этнографіи съ исторіей, и нѣтъ сомнѣнія, что помощь этнографіи способствовала новой, болѣе правильной постановкѣ многихъ вопросовъ прошедшаго нашей народности. Только съ успѣхами этнографическаго пониманія выясняются, хотя еще не рѣшены, вопросы о формаціи самой русской народности въ ея различныхъ варіаціяхъ; этнографія впервые указала на историческій процессъ развитія народнаго міровоззрѣнія, давала первую возможность представить наглядно и реально, опредѣленными чертами народно-поэтическаго преданія и бытового обычая, ту сущность „народности", которая въ прежнее время понималась только въ неясныхъ теоретическихъ предположеніяхъ или въ мистическихъ ожиданіяхъ, если не въ грубомъ смыслѣ неподвижности и застоя. Этнографическія изученія въ первый разъ, хотя не вдругъ, дали возможность войти въ міръ народной поэзіи и, опять, смѣнить прежнее неопредѣленное представленіе болѣе или менѣе точнымъ указаніемъ ея архаическаго содержанія и новѣйшихъ наслоеній, связи ея съ національнымъ бытомъ, а вмѣстѣ и съ запасомъ обще-европейскаго или даже европейско-азіатскаго поэтическаго преданія, о чемъ прежде даже не подозрѣвали. Очевидно, что при этомъ анализѣ, возможность котораго дана была съ одной стороны успѣхами историко-литературной критики, а съ другой новыми матеріалами этнографіи, получалось совсѣмъ иное построеніе исторіи народно-поэтическаго развитія: мы указывали въ другомъ мѣстѣ, какъ, съ развитіемъ этихъ изученій, рѣзко измѣнялась реставрація народно-поэтической старины и темный обликъ ея выступалъ въ болѣе и болѣе ясныхъ очертаніяхъ. Современная народная жизнь только съ успѣхами этнографіи становится доступной для литературнаго изображенія въ ея неподдѣльныхъ чертахъ. Чрезвычайно характеренъ фактъ той экспедиціи, гдѣ между прочимъ лучшіе писатели, работавшіе надъ изображеніемъ народнаго быта, были приглашены къ чисто этнографическому изслѣдованію одной области этого быта. Чрезвычайно знаменательно и то явленіе, когда съ освобожденіемъ крестьянъ, съ установленіемъ первыхъ зачатковъ земской самодѣятельности, открылись тѣ громадные труды, которые направлены были на изученіе народнаго экономическаго быта, или когда рядомъ съ тѣмъ началось изученіе народнаго юридическаго обычая—вмѣстѣ и для научныхъ, и для правительственныхъ цѣлей, а наконецъ первыя заботы о правильной постановкѣ народной школы. Только съ успѣхами бытовыхъ изученій могло явиться болѣе правильное и реальное пониманіе народныхъ элементовъ прежней исторіи и со-

временной народной жизни. Между прочимъ въ первый разъ могло явиться спокойное изученіе раскола: нѣкогда, и еще весьма недавно, вызывая только церковно-административныя преслѣдованія, онъ былъ почти закрытъ отъ спокойнаго изученія; теперь онъ въ первый разъ находилъ себѣ истолкованіе историческое и бытовое, въ первый разъ встрѣчалъ научный интересъ и общественное участіе. Не останавливаемся на многихъ другихъ примѣрахъ, гдѣ объясненія науки совпадали съ внушеніями общественнаго чувства и съ своей стороны развивали его: въ общественномъ пониманіи мало-по-малу уничтожается та пропасть, какая дѣлила нѣкогда „общество", „публику" отъ „народа", и все болѣе на мѣсто теоретическаго произвола становится реальное знаніе и возможность здраваго идеализма. Тѣ заслуженные дѣятели, которые совершали богатыя открытія въ этнографіи, какъ Рыбниковъ, какъ Гильфердингъ; тѣ ученые, которые, усвоивая пріемы западной науки, полагали основаніе научному объясненію народнаго преданія, какъ Буслаевъ,—не называемъ именъ другихъ достойныхъ дѣятелей и множества скромныхъ тружениковъ на поприщѣ этнографическаго знанія, — рядомъ съ пріобрѣтеніями для науки дѣлали и великое пріобрѣтеніе для уразумѣнія истинныхъ началъ и потребностей народной жизни. Въ трудахъ этнографіи въ особенности обнаруживается то великое нравственное значеніе, какое всегда въ послѣднемъ результатѣ принадлежитъ наукѣ. Мы вѣримъ, что съ дальнѣйшими успѣхами народовѣдѣнія будетъ возрастать наше нравственно-общественное и національное самосознаніе, въ которомъ и заключено истинно народное дѣло.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Томъ II, глава VIII (стр. 251). Работы по великорусской этнографіи обогатились въ послѣднее время начатымъ изданіемъ обширнаго собранія В. Н. Добровольскаго: „Смоленскій этнографическій сборникъ", ч. I. Спб. 1891, 8°, XXVII и 716 стр. Въ вышедшей части: матеріалы для изученія мѣстнаго нарѣчія и словаря, народные разсказы и повѣрья, заговоры, легенды, сказки.

Глава IX (стр. 282). Упомянемъ еще новый трудъ г. Веселовскаго: „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха". XVIII—XXIV. Выпускъ шестой. Спб. 1891, и предпринятый имъ переводъ „Декамерона" Боккаччіо (1-й томъ, М. 1891).

Стр. 295. Упомянутый раньше трактатъ Ѳ. Д. Батюшкова явился въ законченной книгѣ: „Споръ души съ тѣломъ въ памятникахъ средне-вѣковой литературы. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія". Спб. 1891. III, 312 стр.

Глава X (стр. 321). Въ послѣднее время В. Ѳ. Миллеръ напечаталъ рядъ статей: „Экскурсы въ область русскаго эпоса" („Р. Мысль", 1891), и также статей и замѣтокъ въ „Этнографическомъ Обозрѣніи". Отмѣтимъ изъ послѣднихъ напр. „Кавказско-русскія параллели", имѣющія опять отношеніе къ вопросу о восточныхъ связяхъ русскаго эпоса; сюда принадлежатъ и новыя указанія Гр. Н. Потанина („Этногр. Обозрѣніе").

Томъ III, глава IX (стр. 300). Seweryn Udziela напечаталъ въ Вислѣ, 1889, lipiec, sierpień, wrzesień (стр. 654 и д.) замѣтку по галицко-русской этнографіи: Rozsiedlenie się Lemków. Тамъ же, kwiecień, maj, czerwiec (стр. 309 и д.): Materjały do etnografii. Podlasie, Адама Закревскаго—на основаніи старой работы Ярошевича, 1848; „Гродненской губерніи", Бобровскаго, 1861; Глогера, „Dawna ziemia bielska i jej cząstkowa czlachta", Warsz. 1873; Прусскаго, Obchody

weselne (ч. I), Краковъ, 1869; St. Sw., Listy z̃ Podlasia (Głos, 1887, № 22, 36, 45, 46).

Глава XII (стр. 393). Вопросъ о судьбѣ Кіева и кіевской земли послѣ монгольскаго нашествія поднятъ снова въ книгѣ М. С. Грушевскаго: „Очеркъ исторіи кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія", Кіевъ, 1891 (большой томъ, изъ кіевскихъ „Универс. Извѣстій", 1891), стр. 427 и д. Авторъ склоняется на сторону взглядовъ Максимовича, В. Б. Антоновича и др., отрицая запустѣніе Кіевской земли и занятіе ея новымъ населеніемъ, и принимаетъ, напротивъ, непрерывность основвого народнаго типа, лишь осложнившагося новыми примѣсями послѣ монгольской эпохи.

Дополненія (стр. 420). 1 декабря 1891, телеграфъ принесъ извѣстіе о кончинѣ А. А. Потебни, въ Харьковѣ.

Томъ IV, отд. второй, глава I. Уже во время печатанія этого тома мы получили книгу А. А. Титова: „Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Съ приложеніемъ снимка со старинной карты Сибири" (изданіе Г. Юдина). Москва, 1890. Далѣе въ текстѣ упомянуты нѣкоторыя статьи этой книги; отмѣтимъ еще, что здѣсь изданъ текстъ статьи: „О человѣцѣхъ незнаемыхъ на восточнѣй странѣ и о языцѣхъ розныхъ", изслѣдованной г. Анучинымъ и напечатанной г. Титовымъ по одной изъ рукописей Погодинскаго собранія въ Публ. Библіотекѣ (стр. 1—6). Далѣе здѣсь издана вновь „Historia de Sibiria" (Крижанича), нѣкогда напечатанная въ лат. подлинникѣ и русскомъ переводѣ Г. И. Спасскимъ, который не зналъ тогда имени ея автора. Въ изданіи г. Титова статья, переизданная по латинскимъ рукописямъ Публ. Библіотеки, снабжена и новымъ русскимъ переводомъ (стр. 115—216).

Глава IX (стр. 361). Мы назвали статистическія работы, предпринятыя въ Восточной и Западной Сибири. Считаемъ нелишнимъ дать о нихъ болѣе подробное библіографическое указаніе. Первое изъ этихъ изданій называется:

„Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній. Иркутская губернія". Томъ I. Ирк. 1889. 4°. Томъ II, въ 5 выпускахъ, 8°. М. 1890.

Во введеніи 1-го выпуска II тома подробно изложено происхожденіе этого замѣчательнаго труда, исполненнаго чинами министерства госуд. имуществъ совмѣстно съ лицами, спеціально приглашенными для этихъ работъ иркутскимъ ген.-губернаторомъ. Програма составлена была первоначально этими послѣдними лицами: это были Н. М. Астыревъ (по возвращеніи въ Россію замѣщенный М. М. Дубенскимъ), Л. С. Личковъ и Е. А. Смирновъ. Работы предприняты были по

образцу земско-статистическихъ изданій Европейской Россіи, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями по мѣстнымъ условіямъ.

Въ первый томъ вошли исключительно статистическія данныя: поселенныя таблицы, групповыя таблицы по одному изъ изслѣдованныхъ районовъ, таблицы поселенцевъ, таблицы о хозяйствѣ постороннихъ лицъ, и списокъ населенныхъ мѣстъ по описаннымъ округамъ. Описаніе имѣетъ вообще въ виду слѣдующія отношенія: населеніе; постройки; скотоводство; земельное пользованіе; сдача и наемъ земли въ аренду; земледѣліе наличнаго населенія; промыслы и торгово-промышленныя заведенія наличнаго населенія.

Второй томъ представляетъ разработку данныхъ:

Вып. 1-й: введеніе, — географическій очеркъ, — климатическій очеркъ Иркутской губерніи.

Вып. 2-й: населеніе, — условія школьнаго образованія и грамотность населенія,—ссыльно-поселенцы.

Вып. 3-й: землевладѣніе,—формы крестьянскаго и инородческаго землевладѣнія,—сдача и аренда земли.

Вып. 4-й: земледѣліе и скотоводство,—наемный трудъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ,—сбытъ сельско-хоз. продуктовъ и покупки сельскаго населенія,—промыслы.

Вып. 5-й: подати, мірскіе расходы, натуральныя повинности и мірскія доходныя статьи, — бюджеты крестьянскихъ и инородческихъ хозяйствъ, — кредитъ, — изслѣдованіе доходности земельныхъ угодій.

Настоящій трудъ представляется только началомъ исполненія цѣлаго предпріятія. Онъ обнимаетъ результаты статистическаго изслѣдованія только трехъ округовъ Иркутской губерніи: Балаганскаго, Иркутскаго и Нижнеудинскаго.

Не менѣе обширны работы, предпринятыя относительно Западной Сибири. Предстоящее окончательное поземельное устройство государственныхъ крестьянъ Западной Сибири вызвало необходимость возможно точнаго изученія экономическихъ условій ихъ быта. До сихъ поръ свѣдѣнія ограничивались данными X-й ревизіи, уже устарѣвшими, донесеніями волостныхъ правленій, не весьма достовѣрными; поэтому министерство госуд. имуществъ предприняло правильное собираніе свѣдѣній о численности населенія, земельномъ довольствіи, податномъ обложеніи, источникахъ благосостоянія и пр. Чины министерства, назначенные для собиранія этихъ свѣдѣній по данной имъ программѣ, начали свои работы лѣтомъ 1886 года, и въ виду пользы, которую должна была принести возможно широкая огласка собранныхъ результатовъ и чтобы воспользоваться также указаніями „людей науки и опыта“, министерство рѣшило печатать собранные матеріалы

по мѣрѣ ихъ поступленія, не ожидая ихъ окончательной обработки по цѣлому краю. До сихъ поръ явилось въ печати слѣдующее:

— „Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Западной Сибири". Спб. 1888—91, XIII томовъ.

Вып. 1-й. Экономическій бытъ госуд. крестьянъ Богандинской, Бухарской, Кашегальской, Черевишевской и Яровской волости, Тюменскаго округа, Тобольской губерніи,—С. К. Патканова.

Вып. 2-й. Такое же описаніе другихъ четырехъ волостей того же округа,—С. С. Пчелина.

Вып. 3-й, со вторымъ заглавіемъ: Экономическій бытъ государств. крестьянъ Ишимскаго округа, Тобольской губерніи. Изслѣдованіе А. А. Кауфмана. Часть I. 1889.

Вып. 4-й. Описаніе тринадцати волостей Тюменскаго округа,— П. И. Соколова и В. Н. Горемыкина.

Вып. 5-й (продолженіе 3-го). Часть II. Спб. 1889.

Вып. 6-й. Эконом. бытъ госуд. крестьянъ Тюкалинскаго округа, Тобольской губ.,—В. Я. Завадовскаго.

Вып. 7-й. Эконом. бытъ госуд. крестьянъ Тарскаго округа, Тоб. губ.,—П. И. Соколова. 1890.

Вып. 8-й, со вторымъ заглавіемъ: Эконом. бытъ госуд. крестьянъ Курганскаго округа, Тоб. губ. Изслѣдованіе Н. О. Осипова. Томъ I. Спб. 1890.

Вып. 9-й, со вторымъ заглавіемъ: Эконом. бытъ госуд. кр. и осѣдлыхъ инородцевъ Туринскаго округа, Тоб. губерніи. Изслѣдованіе А. А. Кауфмана. Часть I. Отдѣлъ I. Спб. 1890.

Вып. 10, со вторымъ заглавіемъ: Эконом. бытъ госуд. кр. и инородцевъ Тобольскаго округа, Тоб. губ. Изслѣдованіе С. К. Патканова. Часть I. Спб. 1891.

Вып. 11-й (продолженіе 9-го, съ тѣмъ же заглавіемъ) Часть I. Отдѣлъ II. Спб. 1891.

Вып. 12-й (продолженіе 10-го, съ тѣмъ же заглавіемъ). Часть II. Спб. 1891.

Вып. 13-й (продолженіе 9-го и 11-го, съ тѣмъ же заглавіемъ). Часть II. Спб. 1891.

Вообще въ програму описанія или разслѣдованія вошли слѣдующіе предметы, которымъ обыкновенно и посвящены отдѣльныя главы: топографическій и климатическій очеркъ края; населеніе; земельное довольствіе; казенные и крестьянскіе лѣса; казенныя оброчныя статьи; отношенія крестьянъ къ лѣсамъ и землямъ частныхъ владѣльцевъ; источники благосостоянія крестьянъ и инородцевъ; податное обложе-

ніе; народное образованіе; бюджеты нѣсколькихъ семей разной степени достатка, изъ русскихъ и инородцевъ; наконецъ, таблицы.

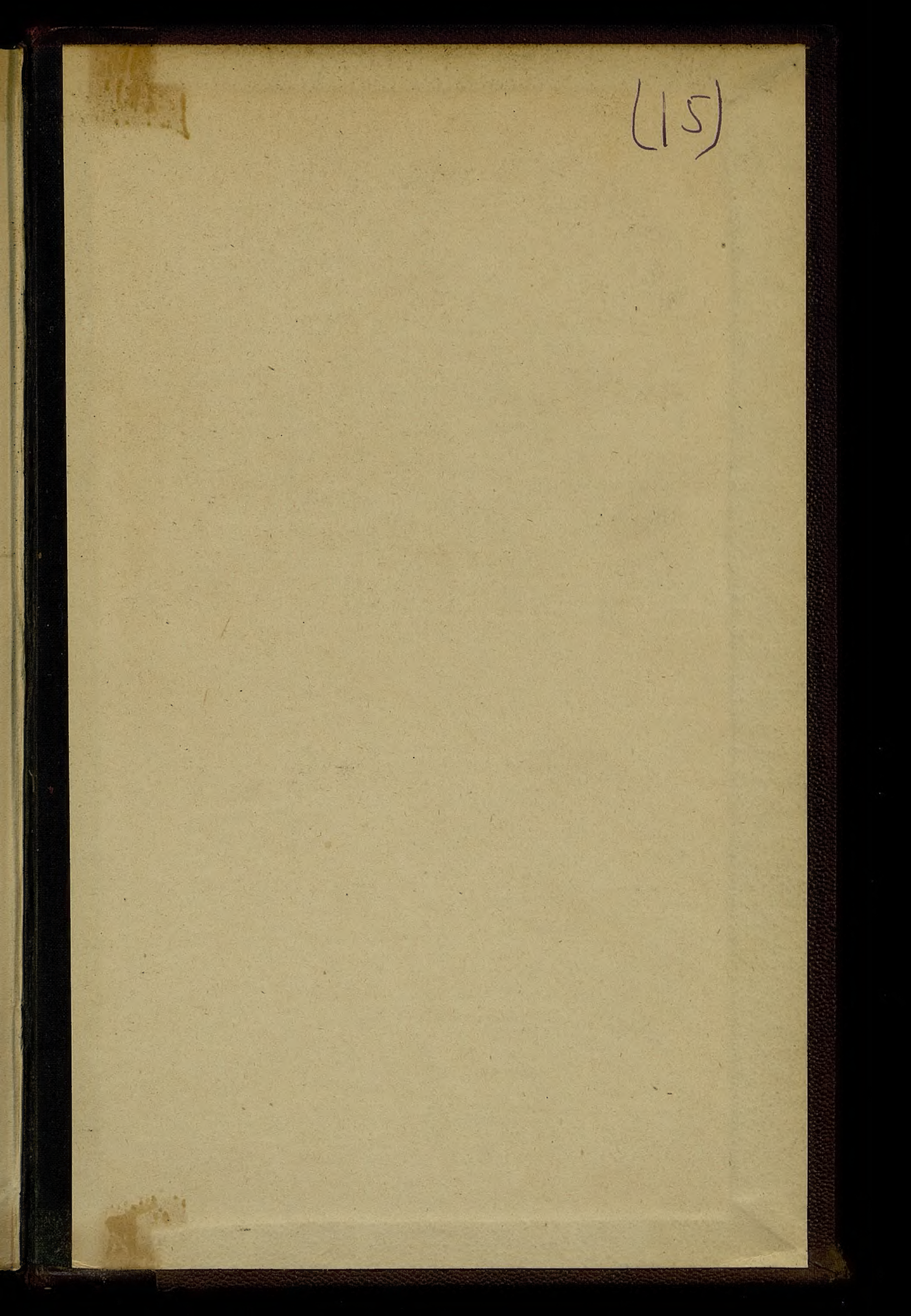
Въ этихъ рамкахъ вообще ведено изслѣдованіе, которое конечно могло стать болѣе или менѣе подробнымъ; нѣкоторыя изслѣдованія доведены до большей обстоятельности, какъ напр. въ особенности въ трудахъ гг. Кауфмана, Осипова и Патканова: это цѣлые обширные трактаты съ большими подробностями о характерѣ страны, мѣстномъ земледѣліи и промыслахъ, грамотности и т. д. Изслѣдованіе экономическое нерѣдко соприкасается съ этнографическимъ, и черты послѣдняго рода тѣмъ болѣе цѣнны, что основываются на внимательномъ изученіи цѣлой мѣстности.

Глава X (стр. 401—403). По изслѣдованію инородцевъ укажемъ еще замѣчательный „Верхоянскій сборникъ. Якутскія сказки, пѣсни, загадки и пословицы, а также русскія сказки и пѣсни, записанныя въ Верхоянскомъ округѣ И. А. Худяковымъ“ (въ „Запискахъ“ Восточно-Сиб. Отдѣла; издано на средства И. М. Сибирякова). Ирк. 1890. Составитель этого сборника въ прежнее время не мало работалъ по этнографіи и издалъ нѣсколько небольшихъ сборниковъ: „Сборникъ великор. народныхъ историч. пѣсенъ“. М. 1860; „Великор. сказки“, 3 вып. М. 1860—62; „Великор. загадки“, М. 1861; „Матеріалы для изученія нар. словесности“, Спб. 1863; „Русская книжка“ (небольшая хрестоматія), Спб. 1863. Безъ его имени вышла книжка: „Древняя Русь“, Спб. 1867. За границей былъ изданъ „Опытъ автобіографіи“, 1882. Родомъ сибирякъ, Худяковъ учился въ казанскомъ и московскомъ университетахъ, въ 1866 сосланъ въ Сибирь по политическому дѣлу и умеръ въ Иркутскѣ въ домѣ умалишенныхъ, въ 1877, какъ упомянуто въ предисловіи къ „Верхоянскому Сборнику“.

Отмѣтимъ еще: Бурятскія сказки и повѣрья“ и „Сказанія бурятъ“, собранныя между прочимъ этнографами изъ самихъ бурятъ (г. Хангаловымъ и др.) и изданныя на средства хамбо-ламы Д. Г. Гомбоева, вм „Запискахъ“ Восточно-Сибирскато Отдѣла, 1890.

КОНЕЦЪ.

УКАЗАТЕЛЬ.


(15)

